

1853

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

ПАНТЕОНЪ

№ 8.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РАТКЕ. ДР.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСЬМОЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДРУЖБА. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. *А. П. Бибиковой.*
МЕДАЛЬОНЪ. Повѣсть *Евгенія Славинскаго.*
ПАНФИЛЪ ИВАНОВИЧЪ. Разсказъ *В. В. Толбина.*

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЖИВОПИСИ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ. *А. Афанасьева.*

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Дѣятельность московскаго театра. — Открытіе русскихъ спектаклей послѣ поста. — Новые костюмы. — Прощальный спектакль г-жи Ирки-Матіасъ. Ея біографія — Бенефисъ г. Усачева: «Пьяная свертка Лиза», драма въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г. Анца, «Дипломатія жены, или рецептъ для исправленія мужей», комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, «Женихъ по ошибкѣ, или за двумя зайцами погонисься, ни одного не поймаешь», водевиль въ 1 дѣйствіи. — «Жидъ за печатью», шутка въ 1 дѣйствіи. — Дивертисементъ. — Прощальный спектакль г. Щепкина. — Обѣдъ въ честь М. С. Щепкина, по случаю его отъѣзда за границу. — Возвращеніе Н. М. Медвѣдовой. — Бенефисъ г. Ольгина: — «Утро молодого человѣка», сцены, соч. А. Н. Островскаго, «Лекарь», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. В. А. Вонлярзарскаго, «Солдаты-Балагуръ, или дружба-дружбой, а служба-службой», оригинальная интермедія-водевиль, въ 1 дѣйствіи, соч. актера П. Григорьева 1-го. — Бенефисъ г. Акимова, (режиссера): «Бенвенуто Челлини», драма въ 5 дѣйствіяхъ и 7 картинахъ, соч. Поля-Мѣрса. — Сцены изъ комедій: «Житейская школа», соч. П. И. Григорьева 1-го. — Бенефисъ г. Колосова: «Дядюшка Федоръ Ивановичъ Русаковъ», комедія въ 1 дѣйствіи, соч. Кареллина. — «Разлука также наука», комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ, соч. П. Григорьева 1-го. — «Жилецъ и жилица въ одной квартирѣ», водевиль въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго актера С. Байкова. — «Папирсы съ сюрпризами, или саратовскій медвѣдь», фарсъ à propos, въ 1 дѣйствіи, соч. П. Татаринова. — «Бѣда отъ нѣжнаго сердца», водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Графа В. А. Соллогуба. — Бенефисъ г. Черкасова: «Идиотъ или Гейльбергское подземелье», драма въ 5 актахъ и 8 картинахъ, перев. съ франц. «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума», комедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, О. А. Кони. — Исторія Каспара Гаузера, драма изъ этой исторіи и исполненіе этой драмы. — Бенефисъ г. Пышкова: Второй актъ балета: «Сварливая жена». — Второй актъ балета: «Сильфида», соч. Тальони. — «Жена или карты», комедія водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. П. И. Г. — «Цыганка», водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Н. Крестовскаго. — Бенефисъ г. Никифорова: «Пари», драма въ 2 дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ, соч. князя Г. В. Кугушева. — «Настроилъ, разстроилъ и устроилъ», водевиль въ 1 дѣйствіи. — «Чудакъ-покойникъ, или таинственный ящикъ», комедія водевиль въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго П. А. Каратыгина. — Бенефисъ г-жи Васильевой: «Людскіе толки», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Н. П. Ермолова. — «Жена какихъ много, или мужъ какихъ мало», комедія водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. П. Г. — Странное явленіе. Содержаніе комедіи Н. П. Ермолова. Нѣсколько словъ объ ея достоинствѣ и причины ея неуспѣха на сценѣ. — Бенефисъ г. Соловьева (режиссера). «Старая аристократка» (Pani Kazstelanowa), комедія въ 1 дѣйствіи, переводъ съ польскаго С. Соловьева. — «Чему быть, того не миновать» (Porszedniczka), комедія съ куплетами въ 1 дѣйствіи и 2-хъ картинахъ, передѣланная съ польскаго С. Соловьевымъ. — «Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ», водевиль въ 1 дѣйствіи С. Соловьева. — «Медовый мѣсяцъ, или какъ проводятъ время молодые», комедія въ 1 дѣйствіи, заимствованная съ французскаго актеромъ С. Бойковымъ. — Репетиція бенефисному спектаклю, картина дивертисманъ въ 1 дѣйствіи, съ пѣніемъ и танцами. «Движущійся столъ», сцены изъ современной московской жизни, соч. В. И. Р.

IV. СМѢСЬ.

1. Деревня. Провинціальная сцены. *Октава Фелле.*
2. Заатлантическія сцены.
3. Жизнь на морѣ. *А. И.—Б.*

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Какъ въ Ост-Индіи издають газету. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Канаты подводнаго телеграфа. — Согрѣваніе безъ топлива. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Народные театры въ Вѣнѣ. — **МѢЛКИЕ ИЗВѢСТІЯ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Магнитизмъ и любовь. — Охота за гагарами. — Два жильца въ одной комнатѣ (*разсказъ*). — Ловля тунца въ древнія и

I. ЖУРНАЛИСТИКА:

Лѣто и журналы.—Раздѣленіе литературы, необозначенное въ риторикахъ.—Вариантъ стиховъ Тредіаковскаго.—Послѣднее сказаніе рецензента русскихъ журналовъ.—*Библиотека для чтенія* за іюнь и іюль.—Лѣтнія и зимнія статьи.—Переводная критика.—Изящный языкъ Литературной Лѣтописи.—Опечатки и этимологическіе выводы.—Романъ г. Масальскаго.—Повѣсть *Килгилля*.—Великосвѣтскость, риторика и грамматика.—Новыя мысли г-жи Надежды В*, взятыя изъ стараго источника.—*Габріель* Эмилія Ожье въ переводѣ г-на Крешева.—Слабые стихи и неточность перевода.—Сравненія съ подлинникомъ.—Желанія Библиотеки для чтенія.—*Современникъ* въ лѣтніе мѣсяцы.—Четвертая часть *Рыбаковъ*.—Неправильность языка.—Стихи и проза г-на Полонскаго.—Латинская комедія, переведенная не по-русски.—Ученныя и критическія статьи.—Буква *оита*.—Смѣсь и Новый Поэтъ.—Старыя желанія.—Іюньская, іюльская и августовская книжки *Отечественныхъ Записокъ*.—*Марья Ивановна*, романъ г. Михайлова.—Различаютъ ли Отечественныя Записки дурные стихи отъ хорошихъ?—Рецензія поэмы г-жи Хвоцинской.—Серьёзные статьи.—Журналъ учено-литературный и литературно-ученый.

II. НОВЫЯ КНИГИ:

«Кіевъ и его достопамятности». Соч. *Н. Семеновскаго*.
 «Русское стихосложеніе». *П. Перевальскаго*.
 «Планы С.-Петербурга», составленные *Н. Цыловымъ*.
 «Опытный маляръ». Соч. *Матвѣевскаго*.
 «Таблицы для вычисленія процентовъ», составленные *А. Ерв-Енцель*.

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Фельетонъ въ повѣсти и романъ въ фельетонѣ.—Лабиринтъ отдаленныхъ дачъ.—Соловей-чичероне.—Отцвѣтшій холостякъ и цвѣтущій семьянинъ.—Короткое возобновеніе стараго знакомства или тѣсная дружба по поводу любви.—Три граціи и будущій новый Лафонтенъ.—Ходячая афиша или всевѣдущій рассказчикъ.—Голландецъ изъ Америки и сочинитель оперы изъ манежа.—Тулонская дѣвочка.—Фогельсбергъ, Аббатсфордъ и Босфоръ.—Веселье не безъ добраго дѣла.—Виолончель и красавецъ.—Патетическое начало романа на Минеральныхъ Водахъ.—Незнакомые влюбленные или сила магнетизма глазъ.—*Четыре времени года*.—Неудачная поѣздка и обманутое ожиданіе.—*Кабъ* и новая комета.—Послѣдніе дни провинціала въ Петербургѣ.—Праздникъ въ новомъ родѣ, на старый ладъ.—Подражанія и совмѣстничество.—Опять *онъ* или безмолвная встрѣча двухъ героевъ романа, не-соперниковъ.—Отъѣздъ и разлука.—Еще разъ *онъ*, и всё въ разныхъ стороны.—Развязка поневолю и неизвѣстное будущее.

V. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 8.

МОТЯ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ французскаго
К. А. Тарновскимъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: — *отсутствуют*

1. Портретъ: Г-жи ПОЛИНЫ ВІАРДО-ГАРСІН, съ вѣрнаго даггеротипа
С. Левицкаго.
2. Музыка: ПОЛЬКА-МАЗУРКА, соч. *Е. Буске*.

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Федоромъ Нови.

ТОМЪ X.

АВГУСТЪ — КНИЖКА ВОСЬМАЯ.

1853.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТЕНТЪ

ЖАНУАРИ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ

ИЗДАНИЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Ко-
митетъ узаконенное число экземпляровъ. Сентября 5-го 1853.

Цензора: *Н. Пейкеръ* и *Н. Елагинъ*.

ТОМЪ I

КНИЖКА — КНИЖКА

1853

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДРУЖБА.

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Сюжетъ взятъ изъ французской повѣсти Шарля Бернара. «La chasse aux amants»).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ЭРНЕСТЪ КОЛОНЖЪ, живописецъ.

АВРЕЛІА, жена его.

ГАБРИЕЛЬ, ея подруга.

БАРОНЪ ДЕ-ЛИВЕРНУА.

ЛА-БЕРТОНИ.

ФЕЛИСЬЕНЪ РЕНЬЕ.

ЛЮДОВИКЪ, слуга Колонжа.

Первое дѣйствіе въ отелѣ г-жи Габриель, въ отдаленной комнатѣ, назначенной для чтенія газетъ и журналовъ.

Второе въ гостиной г-жи Колонжъ.

Третье въ мастерской Колонжа.

ДѢЙСТВІЕ I.

Всѣ лица этого дѣйствія въ бальныхъ костюмахъ.

I.

КОЛОНЖЪ (*входя*). Наконецъ я пробрался сюда. Здѣсь нѣтъ никого, и слава-Богу! Я могу свободно вздохнуть отъ этой жары и толкотни. О балы! вы мученье для мужей, любящихъ, какъ я, страстно своихъ женъ и къ тому же ревнивыхъ. Да, я ревнивъ, я это чувствую...

II.

КОЛОНЖЪ и БАРОНЪ ДЕ-ЛИВЕРНА.

БАРОНЪ. Колонжъ, любезный Колонжъ, я гнался въ толпѣ за тобою...

КОЛОНЖЪ. Это ты, баронъ!..

БАРОНЪ. Ты такъ блѣденъ и разстроень?

КОЛОНЖЪ. Да, ты застаешь меня въ такую минуту, когда волей или неволей мы должны открыть то, что тревожить насъ. Впрочемъ, каяться я не буду, ты другъ мнѣ. Садись и слушай.

БАРОНЪ. Готовъ слушать, и даже совѣтовать, если позволишь. (*всторону*). И то и другое ничего не стоить.

КОЛОНЖЪ. Ты знаешь, что больше по лѣности я долго не цѣнилъ своего таланта въ живописи. О славѣ, правда, я никогда не думалъ, и если иногда работалъ, то единственно отъ скуки.

БАРОНЪ. Однако талантъ не вправѣ быть празднымъ: бездарности простишь поневолѣ, лѣности никогда. Не силы тебѣ недоставало, Колонжъ, а воли.

КОЛОНЖЪ. Ты правъ. Для большей части художниковъ женитьба бываетъ эпохою дремоты, если несовершеннаго сна; для меня же напротивъ, женитьба была началомъ пробужденія. Хочешь ли знать, какимъ-образомъ безпечность моя превратилась въ самую напряженную дѣятельность?

БАРОНЪ. Хочу ли знать? Не только твоему другу, но и каждому было бы любопытно это знать. Я слушаю внимательно.

КОЛОНЖЪ. Прѣхавъ однажды на балъ съ моей Авреліей, я случайно очутился позади двухъ незнакомыхъ мнѣ мужчинъ, и поневолѣ долженъ былъ выслушать слѣдующій разговоръ: «Кто эта прелестная дама въ черномъ? спросилъ одинъ изъ нихъ.» Госпожа Колонжъ, замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ; она столько же умна, какъ хороша.—«А кто ея мужъ?»—Право не знаю; здѣсь есть въ залѣ какой-то Колонжъ, адвокатъ, музыкантъ или нотаріусъ, кто его знаетъ. Кому до него дѣло? Мужъ такой жены какъ-будто и не существуетъ.

БАРОНЪ. Ай, ай!

КОЛОНЖЪ. Я хотѣлъ было доказать невѣждѣ свое существованіе, приличнымъ образомъ наказавъ его дерзость, но удержался и затаилъ свой гнѣвъ. Однако обида эта пустила глубокіе, плодотворные корни въ мое сердце, и съ-тѣхъ-поръ возникла во мнѣ рѣшимость, которая измѣнила жизнь мою, открыла передо мною новый горизонтъ.

БАРОНЪ. Да, жена твоя такъ прекрасна, что возлѣ нея и геній лишится половины лучей своихъ.

КОЛОНЖЪ. А я, обыкновенный человѣкъ, —исчезаю совершенно. Прежде имя мое имѣло хоть нѣкоторую самостоятельность, принадлежа единственно мнѣ; теперь у меня нѣтъ и этой собственности, какъ бы ничтожна она ни была. Я уже не Колонжъ, а только мужъ г-жи Колонжъ. Я сдѣлался какой-то жалкою аксесуарною вещью...

БАРОНЪ. Тебя, какъ видно, задѣли за живое...

КОЛОНЖЪ. Я не созданъ для подобной роли. Если красота дорого цѣнится, то талантъ все-таки выше ея; а во мнѣ онъ есть, и я докажу это. Холостымъ, я могъ лѣниться, — но теперь дѣло идетъ о моемъ счастіи. Замѣтивъ, что мною пренебрегаютъ другіе, Аврелія стала бы презирать меня, а отъ презрѣнія до оскорбленія одинъ только

шагъ. Къ дѣлу же! сказалъ я себѣ: станемъ сражаться, чтобы приобрести уваженіе и любовь уважаемой женщины. Этотъ глупецъ не зналъ, кто я! музыкантъ или нотариусъ, и я поклялся честию, что не далѣе, какъ черезъ годъ, свѣтъ узнаетъ, что я живописецъ.

БАРОНЪ. Признаюсь, не знаяши причины твоего перерожденія, ни я, ни знакомые твои тебя не понимали. Изъ хлѣба, слава-Богу, работать тебѣ не было нужды,—ты богатъ. Я помню, какъ между парижскими живописцами говорилось вотъ что: Знаете ли новость? Колонжъ пишетъ для выставки историческую картину. — Не можетъ быть! отвѣчали другіе, вы вѣрно хотите сказать о какой-нибудь идиллической пастушкѣ съ овечкой на розовой ленточкѣ... Историческую картину, говорятъ вамъ, да еще какую! Сраженіе Кимвровъ съ Маріемъ!—Извини, Колонжъ, но при этомъ извѣстіи всеми овладѣвалъ гомерическій смѣхъ, такъ казалось забавнымъ сближеніе твоей кисти съ мечемъ Маріа.

КОЛОНЖЪ. Эти насмѣшки доходили до меня, и раздражая меня болѣзненно, придавали мнѣ еще болѣе силы.

БАРОНЪ. Я самъ, грѣшный, смѣялся не разъ... Мы тогда еще не были въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ... Уважая живопись, я понялъ позже твой высокій талантъ, но тогда... Поль-де-Кокъ, сочиняющій надгробную рѣчь, не встрѣтилъ бы такого противодѣйствія, какое встрѣтила твоя попытка писать въ историческомъ родѣ.

КОЛОНЖЪ. Я зналъ, какое впечатлѣніе произвело одно извѣстіе о сюжетѣ моей картины, которую еще никто не видѣлъ. Я зналъ, что неумолимые свистки ждутъ ее въ случаѣ паденія. Но въ виду опасности блѣднѣютъ только трусы. Жребій былъ брошенъ! Я рѣшился побѣдить и вынудить рукоплесканія; чтобы не видѣть позора...

БАРОНЪ. Успокойся, мой другъ; по всемъ вѣроятіямъ первое скорѣе случится, чѣмъ второе...

КОЛОНЖЪ. Ты поймешь, что послѣ такой рѣшимости я работалъ съ отчаяннымъ мужествомъ, какое только можетъ быть у человѣка, сражающагося на жизнь или смерть. Каждое утро я закирала въ мастерской, и выходилъ изъ нея только поздно вечеромъ.

БАРОНЪ. Мнѣ ли ты это говоришь? Я твой домашній другъ, а не имѣлъ еще до-сихъ-поръ доступа къ картинѣ.

КОЛОНЖЪ. Не только ты—жена моя еще не видала ее! Тамъ, одинъ, безъ свидѣтелей, лишенный совѣтовъ дружбы, но зато не боясь и коварныхъ совѣтовъ зависти, одинъ со своимъ вдохновеніемъ, проникнутый своею мыслію, я работалъ надъ полотномъ, которое должно было принести мнѣ славу или смерть. Подъ моею кистью, осужденною по приго-

вору критики малевать однѣхъ только пастушекъ, располагались группы сражающихся, ломались копыя, зубрились мечи. Кимвры и Римляне рѣзались въ бѣшеной схваткѣ; колесницы давили колесами бѣловурыхъ дочерей Тевтона. Съ развитіемъ картины развивалось во мнѣ то творческое вдохновеніе, безъ котораго возможны только безцвѣтныя, холодныя произведенія. Вотъ это живопись! говорилъ я иногда... но такія мгновенія были рѣдки. Чаще мнѣ казалось, что кисть моя была недостойна мысли, и мной овладѣвали тогда тоска и сомнѣніе. Такимъ образомъ, то кипя отвагою, то падая духомъ, на коварныя пріѣтствія и насмѣшки моихъ собратій я не хотѣлъ иначе отвѣчать, какъ ревностнымъ трудомъ.

БАРОНЪ. Это прекрасно, Колонжъ, я доволенъ тобой!

КОЛОНЖЪ. Ничто казалось не могло отвлечь меня отъ моей задушевной работы, какъ вдругъ въ началѣ зимы въ мое уединеніе закралась одна изъ тѣхъ мыслей, которыя иногда неожиданно приходятъ въ голову мужа. Аврелія съ самаго пріѣзда въ Парижъ сдѣлалась предметомъ дерзкаго вниманія, оказываемаго тѣмъ женщинамъ, которыхъ своенравная мода ставитъ вдругъ выше прочихъ.

БАРОНЪ. Чтожъ мудренаго? Она хороша и умна, и къ новому свѣтилу склонились всѣ подсолнечники волокитства.

КОЛОНЖЪ. Именно такъ. Въ началѣ зимы, когда «пожиратели сердца» готовятся къ зимней кампаніи, Аврелія избрана была цѣлью похода въ новомъ родѣ.

БАРОНЪ. Армія съ каждымъ днемъ увеличивалась, потому-что влюбленные составляютъ племя подражателей.

КОЛОНЖЪ. Тѣ, которые и не замѣчали прежде жены моей, влюбились въ нее тотчасъ же, какъ только любовь къ ней вошла въ моду. Я ужаснулся... ревность во мнѣ проснулась; я бросилъ кисти и краски, и посвятилъ себя одному изъ супружескихъ занятій. Вооружившись необходимымъ притворствомъ, я сталъ наблюдать за женою.

БАРОНЪ. И что-же ты открылъ?

КОЛОНЖЪ. Я нашелъ ее простодушно преданною желанію нравиться, довольною своими успѣхами и совершенно невинною сердцемъ. Однако эти открытія оставили во мнѣ много тоски и безпокойства. Кто могъ мнѣ ручаться за будущее? Ты знаешь, какъ я подозрителенъ. Долго размышляя о ненадежности супружескаго счастья, я понялъ необходимость дѣйствовать рѣшительно. Но какъ? Лучше всего было исторгнуть Аврелію изъ пагубной свѣтской жизни. Такой планъ нравился мнѣ, влюбленному художнику, но Аврелія...

БАРОНЪ. Какъ ее заставить на это соглаестся? Какъ заставить мо-

лодую женщину отказаться отъ всѣхъ удовольствій и баловъ, на которыхъ она владычествуетъ?

КОЛОНЖЪ. Прибавь еще, какъ рѣшиться на такое насиліе тому, кто до-сихъ-поръ слѣдовалъ непреложному правилу всѣхъ умныхъ мужей, что жена должна господствовать въ домѣ? Меня ужасала мысль сдѣлаться Арнольфомъ или докторомъ Бароло. Потерять любовь Аврелии! Это было-бы послѣднею мѣрою моего несчастія.

БАРОНЪ. Я совершенно раздѣляю твои мученія... Подумаемъ, посоветуемся вмѣстѣ. Тебѣ предстоитъ, по моему мнѣнію, одно: бросить живопись и слѣдить всюду за женою. Будь безвыходно въ комнатѣ жены, перечитывай всѣ ея письма, слѣдуй за нею всюду: на гуляньѣ, въ гостяхъ, на балѣ, словомъ, будь ея тѣнью подъ предлогомъ супружеской нѣжности. Подстерегай улыбку, взгляды, прислушивайся къ словамъ ея...

КОЛОНЖЪ. Замолчи, какую ужасную картину представляешь ты... Это будетъ уже не любовь а шпионство... Я отвергаю это. Когда женщина имѣетъ нужду въ надзорѣ, она уже его не стоить.

БАРОНЪ. Ну, такъ будь довърчивъ. Аврелия тебя любить, и любовь ея будетъ щитомъ, о который притушатся всѣ стрѣлы, привлеченныя ея красотою.

КОЛОНЖЪ. Нѣтъ, мой другъ, такая мысль не успокоитъ ревнивца...

БАРОНЪ. Тсъ! вотъ жена твоя, а съ нею толстякъ Ла-Бертони и не-признанный поэтъ Ренье.

III.

ТЪЖЕ, АВРЕЛИЯ, ЛА-БЕРТОНИ И РЕНЬЕ.

АВРЕЛИЯ. Ну такъ! Не говорила-ли я вамъ? Я была увѣрена, что найду Эрнеста здѣсь. Ты всегда на балѣ ищешь уединенія.

КОЛОНЖЪ. Аврелия, ты знаешь, я ѣзжу на балы изъ угожденія тебѣ; я не люблю ихъ, и боюсь возненавидѣть: они отрываютъ меня отъ любимого, задушевнаго труда.

АВРЕЛИЯ. Но вѣдь по вечерамъ и ночью ты не работаешь...

КОЛОНЖЪ. Вечера я посвящаю тебѣ, а на балахъ ты уже не моя собственность... ты принадлежишь всѣмъ. Ночью надо спать... (*смотритъ на часы*). Два часа! Ты, конечно, еще и не думаешь ѣхать домой?

АВРЕЛИЯ. Помилуй! балъ въ самомъ разгарѣ.

КОЛОНЖЪ. Ну, такъ видишь-ли; дай Богъ къ пяти часамъ добраться намъ до своихъ постелей. Утро надо спать, вмѣсто того, чтобы посвятить его работѣ.

АВРЕЛИЯ. Колонжъ, упреки! и еще въ какую минуту? когда я только любезности этихъ господъ обязана тѣмъ, что едва протолкалась чрезъ эту густую массу народа, съ единственною цѣлью увидѣть тебя, поговорить съ тобою, и сказать, что только тебя не достаетъ къ полному моему веселью.

КОЛОНЖЪ. Упрекать тебя, Аврелия? О, нѣтъ. И за что же? что у насъ разныя мнѣнія,—впрочемъ только объ одномъ предметѣ. Ты меня вспомнила, я счастливъ твоимъ вниманіемъ, и готовъ пробыть на балѣ хоть до восьми часовъ утра. Иди, мой другъ! (*цѣлуя жену*) и веселись беззаботно!

АВРЕЛИЯ. Милый Эрнестъ! (*кладетъ платокъ на стулъ и хочетъ застегнуть свою перчатку.*)

КОЛОНЖЪ. Дай я помогу тебѣ. (*въ это время Ла-Бертони читаетъ газету, Ливернуа наблюдаетъ за Ренье.*)

РЕНЬЕ (*у стула, на которомъ лежитъ платокъ*). Цѣлый вечеръ я искалъ случая... вотъ онъ... воспользуемся имъ... (*быстро завязываетъ записку въ платокъ*).

БАРОНЪ. Ренье, я совѣмъ забылъ сказать вамъ, что хозяйка дома просила меня отыскать васъ и прилечь къ ней немедленно.

РЕНЬЕ. Зачѣмъ же вы мнѣ этого не сказали раньше?

БАРОНЪ. Поспѣшите исправить мою забывчивость. (*Ренье уходитъ, и оборачиваясь, глядитъ на платокъ*).

IV.

ТѢЖЕ, кромѣ **РЕНЬЕ;** по уходѣ его, Баронъ осторожно прячетъ платокъ.

КОЛОНЖЪ. Ла-Бертони, вы скучаете, я завладѣлъ вашею дамою?

ЛА-БЕРТОНИ. Я терпѣливъ; кажется мнѣ обѣщанъ слѣдующій контрдансъ.

АВРЕЛИЯ. Я помню. А вы, Ливернуа, сегодня не танцуете? Это большая рѣдкость.

БАРОНЪ. Колонжъ былъ грустенъ и задумчивъ; я предпочелъ не оставлять его.

АВРЕЛИЯ. Это очень любезно съ вашей стороны. (*протягиваетъ ему руку, тотъ цѣлуетъ ее*). Вы заслужили эту награду.

ЛА-БЕРТОНИ (*съ досадою*). Онъ родился подь счастливымъ созвѣздіемъ.

БАРОНЪ (*торжествуя*). Если-бы тутъ и была какая-нибудь жертва, то я вознагражденъ за нее вполне.

АВРЕЛИЯ (*мужу*). Ты грустенъ, а я этого не знала...

КОЛОНЖЪ. Да, до твоего прихода мнѣ что-то сгрустнулось, но теперь какъ рукой сняло.

АВРЕЛИЯ. Ты меня не обманываешь?

КОЛОНЖЪ. О, конечно нѣтъ!

АВРЕЛИЯ. Ну, такъ прощай. (*дѣлаетъ ему дружескій знакъ рукою*). Я слышу ригурнель... Ла-Бертони! вашу руку. (*Уходитъ съ Ла-Бертони*).

V.

КОЛОНЖЪ И БАРОНЪ ЛИБЕРНА.

БАРОНЪ. Мы снова одни... и теперь это очень кстати. (*вынимая платокъ*). На, мой милый, это немного и до тебя касается. А я радъ новому случаю доказать тебѣ преданность и безкорыстную дружбу.

КОЛОНЖЪ. Платокъ жены!

БАРОНЪ. Ты узналъ его?

КОЛОНЖЪ (*встревоженный*). И въ немъ записка...

БАРОНЪ. Ну милый мой, какъ ты серьезно принимаешь эти вещи... тутъ надо смѣяться, а не плакать... Ха, ха, ха... Это отважное предпріятіе Фелисьена Ренье, поэта, недавно познакомившагося съ тобою.

КОЛОНЖЪ. Посмотримъ, посмотримъ, съ какими выраженіями онъ осмѣливается обратиться къ Аврелии. (*читаетъ*).

БАРОНЪ. Тутъ вѣрно есть все данныя, изъ которыхъ составляются произведенія подобнаго рода: и звѣзды и цвѣты, нимфы вѣютъ крыльями; золотыя арфы звучатъ отъ благовоннаго дыханія вѣтерка, и прочее. Онъ вѣрно, какъ слѣдуетъ автору, исчисляя сокровища, зарытыя въ глубинѣ его сердца, робко высыпаетъ ихъ къ ногамъ любезной... ха, ха, ха!

КОЛОНЖЪ. Да замолчишь-ли ты?... не даешь мнѣ кончить. Записка писана такъ мѣлко...

БАРОНЪ. Да, только глазъ женщины и ревнивца можетъ разобрать такой связный почеркъ.

КОЛОНЖЪ (*прочитавъ и спрятавъ платокъ и записку*). Худшее изъ всѣхъ состояній—состояніе ревниваго мужа. Для человѣка, занятаго серьезнымъ дѣломъ, красавица жена—сущее наказаніе. Другіе могутъ, по-крайней-мѣрѣ, отдохнуть отъ трудовъ, а я долженъ тратить энергію души на глупыя схватки, когда и безъ того изнемогаю отъ труда. Три мѣсяца работалъ я по пятнадцати часовъ въ сутки, торопясь кончить картину къ выставкѣ; сегодня не удалось мнѣ даже пообѣдать. Я оставилъ кисти для того, чтобы содѣлать женѣ на балъ. Лихорадка мучитъ меня, всѣ предметы прыгаютъ въ глазахъ; сейчасъ тамъ въ залѣ я чуть не заснулъ отъ изнуренія. И что же? Нѣтъ тебѣ покоя, потому—что ты мужъ. Вздумается какому-нибудь праздному дураку обратить вниманіе на твою жену, защищайся... Завидная участь!

БАРОНЪ. Я не понимаю тебя. Ты хочешь, чтобы другіе смотрѣли на жену твою другими глазами, нежели ты самъ. Благовоспитанный мужъ долженъ гордиться успѣхами жены.

КОЛОНЖЪ. Въ такомъ случаѣ, я вовсе не благовоспитаю... и мнѣ трудно пересоздать свою натуру.

БАРОНЪ. Но привычка вторая натура, а ты долженъ уже привыкнуть къ побѣдамъ госпожи Колонжъ... Знаешь ли, что съ начала зимы это уже девятая?

КОЛОНЖЪ. Третьяго дня мы насчитали только семь; если прибавить негодая Ренье, то всего будетъ восемь.

БАРОНЪ. А другъ вашъ Ла-Бертони? Будьте увѣрены, я не ошибусь въ счетѣ.

КОЛОНЖЪ (*съ досадою*). Какъ! и Ла-Бертони!

БАРОНЪ. Да, мой милый, и Ла-Бертони! этотъ толстякъ, котораго вы считаете однимъ изъ преданнѣйшихъ друзей вашихъ. Онъ кричитъ о тебѣ вездѣ, что ты первый живописецъ нашего вѣка, что Орасъ Верне въ сравненіи съ тобою — жалкій маляръ; мудро ли послѣ этого, если онъ захотѣлъ вознаграждать себя за похвалы тебѣ ухаживаніемъ за твоею женою. Въ угожденіе ей, Ла-Бертони пустился въ танцы, на что онъ до-сихъ-поръ не отваживался, и чтобы не могли понимать ихъ разговора, говорить съ нею по англійски...

КОЛОНЖЪ (*съ грустной усмѣшкой*). И Ла-Бертони!..

БАРОНЪ. И ты противъ меня, Брутъ!.. А изъ девяти вздыхателей я почитаю самымъ опаснымъ Ла-Бертони... Онъ очень уменъ!..

КОЛОНЖЪ. Они не дадутъ мнѣ кончить картину... Я найду средство

проучить кого-нибудь изъ этихъ господъ, чтобы показать прочимъ, какъ они должны вести себя.

БАРОНЪ. Что ты, что ты, мой милый! Тебѣ придется повторять не разъ подобные уроки.

КОЛОНЖЪ. Ну что же? Я повторю ихъ.

БАРОНЪ. И будешь имѣть дѣло съ лернейской гидрой. Вѣрь мнѣ, мирныя средства въ этомъ случаѣ надежнѣе. Брось кровавадыя замыслы и позволь мнѣ продолжать роль услужливаго, безкорыстнаго посредника. Надѣюсь, ты былъ доволенъ мною?

КОЛОНЖЪ. Я даже не знаю, какъ благодарить тебя.

БАРОНЪ. За что? Ты мнѣ доставилъ случай услужить другу и вдоволь повеселиться на чужой счетъ.

КОЛОНЖЪ. Это тебя забавляетъ?

БАРОНЪ. Чрезвычайно. Не повѣришь, какое удовольствіе я нахожу въ этой войнѣ. Быть на сторонѣ мужа — это оригинально.

КОЛОНЖЪ (*лукаво*). И вѣрно тебѣ случается въ первый разъ?

БАРОНЪ (*гордо*). Конечно; потому-то я думаю это меня такъ и занимаетъ. Притомъ я прожилъ на свѣтѣ около полувѣка; пора мнѣ позаботиться о старыхъ грѣхахъ своихъ и посвятить себя на служеніе нравственности...

КОЛОНЖЪ. И повѣрь, прекрасный подвигъ твой рано или поздно получитъ вознагражденіе.

БАРОНЪ. Я уже достаточно награжденъ. Развѣ ты считаешь за ничто удовольствіе видѣть, какъ эти господа приходятъ съ вздернутымъ носомъ, а уходить, опустивъ голову и хлопая ушами. Ты не видишь этого?

КОЛОНЖЪ. Развѣ я способенъ видѣть что-нибудь... Но какъ же намъ отдѣлаться отъ этихъ новыхъ шмелей?

БАРОНЪ. Это уже мое дѣло, положишь на меня. Ты знаешь, у меня есть особенный даръ указывать дверь волокитамъ. Не думаю, чтобы эти два были счастливѣе своихъ предшественниковъ. Дай мнѣ паспортъ, и я ручаюсь, что чрезъ день, много два, ты освободишься и отъ нихъ.

КОЛОНЖЪ. Что ты называешь своимъ паспортомъ?

БАРОНЪ. Дай мнѣ записку Ренье.

КОЛОНЖЪ. Но... я не знаю... прилично ли...

БАРОНЪ. Ты мнѣ недовѣряешь? А записка мнѣ необходима.

КОЛОНЖЪ. Можно узнать, на что она тебѣ? (*отдаетъ ему*).

БАРОНЪ. Узнаешь послѣ. Еще одна просьба. Послѣ-завтра гулянье въ Круа-де-Берни. Г-жа Габріель поѣдетъ туда, и женѣ твоей тоже хочется ѣхать... я это знаю...

КОЛОМЖЪ. Она тебѣ говорила?

БАРОНЪ. Съ твоего позволенія: да, мой милый. Не правда ли, весело быть повѣреннымъ и мужа и жены? Но возвратимся къ нашему дѣлу. Ты долженъ уговорить жену ѣхать съ г-жею Габріель. Это не трудно, когда она напередъ согласна. Съ ними поѣдутъ Ренье, Ла-Бертони и твой покорный слуга. Мы вернемся, и враги твои уже не будутъ существовать.

КОЛОМЖЪ. Но какъ же это?

БАРОНЪ. Покажьтесь это моя тайна.

КОЛОМЖЪ (*подумавъ*). Я знаю по опыту, что обѣщать значитъ для тебя исполнить. Дѣлай, какъ знаешь. Я буду тебѣ благодаренъ.

БАРОНЪ. Надо это сейчасъ устроить, а вотъ кетати и жена твоя. Я оставляю васъ однихъ. (*беретъ Коломжа за руку*). Положись во всемъ на меня. (*уходитъ*).

VI.

КОЛОМЖЪ, одинъ.

Ла-Бертони уменъ, и за словами у него дѣло не станетъ. На него не смотрять, но его слушаютъ, а это уже много. Умныя женщины охотно оказываютъ эту милость не красивымъ, но умнымъ мужчинамъ. Слушая ихъ, онѣ обыкновенно закрываютъ глаза, какъ кошка, у которой чешутъ за ухомъ. Что касается до Ренье, то импровизація, какъ видно, не далась ему; онъ хранитъ краснорѣчивое молчаніе, сохраняя байроновскія позы... но зато какимъ восторженнымъ слогомъ онъ пишетъ... Я это ужъ знаю. Женщинамъ съ воображеніемъ часто нравятся эти пачкунны съ блѣднымъ лбомъ и сверкающими глазами... Изволь вѣрить женщинамъ послѣ этого...

VII.

КОЛОМЖЪ и АВРЕЛІА.

АВРЕЛІА. Эрнестъ, ты и не вздумалъ придти ко мнѣ.

КОЛОМЖЪ. Да развѣ это возможно въ такой давкъ? Дамамъ все же легче, вамъ даютъ дорогу, предъ вами разступается толпа. Впрочемъ,

я только что о тебѣ говорилъ: Ливернуа сказалъ мнѣ, что завтра гулянье въ Круа-де-Берни, и что ты желаешь туда ѣхать...

АВРЕЛІЯ. Да... если ты позволишь.

КОЛОНЖЪ (*съ усмѣшкой*). Еслибы кто поделушалъ насъ теперь, то могъ бы подумать, что я полный хозяинъ въ домѣ. Я подозреваю однакоже, что ты хочешь что-нибудь у меня выпросить... ну говори...

АВРЕЛІЯ. Эрнестъ, ты поѣдешь съ нами...

КОЛОНЖЪ. Аврелія, умилосердись, а картина?

АВРЕЛІЯ. Вѣчно эта картина! Еслибъ вы знали, какъ я ненавижу живопись, вы бы мнѣ не стали безпрестанно говорить о вашей несносной картинѣ...

КОЛОНЖЪ (*шутливо*). Однако, можно ненавидѣть живопись и любить живописца...

АВРЕЛІЯ. Да, если онъ этого стоить.

КОЛОНЖЪ. Научи же меня, что мнѣ для этого дѣлать?

АВРЕЛІЯ. Ёхать съ нами; ужъ вѣрно вы можете пожертвовать мнѣ однимъ утромъ.

КОЛОНЖЪ. Еслибы ты могла понять Аврелія, какъ я боюсь даже мысли, что цѣлое утро завтрашняго дня будетъ потеряно для моего труда... Кончу картину и буду весь къ твоимъ услугамъ...

АВРЕЛІЯ (*перебивая*). Оставимъ это. Скоро четыре часа, я устала; велите подать карету. (*Колонжъ со всѣхъ ногъ бросается къ дверямъ*).

VIII.

АВРЕЛІЯ, одна.

АВРЕЛІЯ. Изъ всѣхъ приказаній, даваемыхъ мужу женою, ни одно, кажется, не исполняется съ такою готовностью, какъ приказаніе въ гостяхъ подать экинажъ. О мужья! мужья!.. Самый лучший изъ васъ эгонстъ и...

IX.

АВРЕЛІЯ И КОЛОНЖЪ, во звращаясь.

КОЛОНЖЪ. Я приказалъ, чтобы карета выбралась изъ рядовъ, но намъ придется подождать еще нѣсколько времени. (*садится*). Я такъ

утомленъ, что едва могу стоять на ногахъ. Четыре часа! Боже милостивый!

АВРЕЛІА. А знаешь ли, у г-жи Габріель на балу водятся воры; у меня пропалъ платокъ, и я нигдѣ не могла отыскать его.

КОЛОНЖЪ. Ты его забыла тутъ на стулѣ. (*вынимаетъ и подаетъ ей платокъ*).

АВРЕЛІА. А я не могла понять, куда онъ могъ дѣваться. (*Колонжъ протягиваетъ ноги и располагается въ креслахъ самымъ спокойнымъ образомъ. Молчаніе*).

АВРЕЛІА (*съ досадою*). Чудесный балъ!..

КОЛОНЖЪ (*зввая*). Да... чу... десный!

АВРЕЛІА. Кто это увѣряетъ, что балы могутъ наскучить, не вѣрю... (*съ нампреніемъ*). Я буду ѣздить на балы до семидесяти лѣтъ, и всегда съ одинаковымъ удовольствіемъ.

КОЛОНЖЪ (*потягиваясь*). Значитъ тебѣ было весело?

АВРЕЛІА. О да, я не пропустила ни одного танца.

КОЛОНЖЪ (*равнодушно*). Ты танцевала съ Ла-Бертони?

АВРЕЛІА. Три раза. Какой милый, умный, образованный человекъ.

КОЛОНЖЪ. Да, Ла-Бертони столько же уменъ, сколько толстъ.

АВРЕЛІА. Мнѣ не показалось, что онъ толстъ. У него даже хорошая талія, ловкіе приемы, онъ вообще прекрасный 'мужчина. (*Молчаніе*). Г-жа Габріель должна быть довольна своимъ баломъ; все шло какъ нельзя лучше. Сколько прелестныхъ женщинъ, ловкихъ кавалеровъ. Кстати о мужчинахъ. Слышала ты, что Ренье издаетъ свои стихотворенія подъ названіемъ: «Туманы и росы». Чудо, говорятъ, а не стихи; мнѣ говорили, что самъ Ламартинъ почелъ бы за честь выставить подъ ними свое имя. (*Замѣтивъ, что мужъ заснулъ, съ гнѣвомъ*). Да онъ заснулъ!.. Еслибы я стала ему говорить о картинѣ его, онъ вѣрно не уснулъ бы, несмотря на усталость... Кромѣ живописи, его ничто не занимаетъ. Пусть за мной ухаживаютъ, пусть разставляютъ мнѣ сѣти, для него все равно, онъ и не замѣтитъ. Быть вмѣстѣ съ женою, трепетать за потерю любви ея, ревновать... это тягостный трудъ для человека, который преданъ только искусству. Живопись, слава! я васъ ненавижу. Одного недоставало—спать; когда я говорю съ нимъ. Рѣшено! (*плачетъ*) я не люблю его...

X.

ТЪЖЕ и СЛУГА.

Карета г-жи Колонжъ! (*уходитъ*).

XI.

КОЛОНЖЪ и АВРЕЛІЯ.

АВРЕЛІЯ (*толкая мужа*). Карета подана, сударь. (*уходитъ*).
 КОЛОНЖЪ (*вскакивая*). Ъдемъ, ъдемъ! (*бѣжитъ за нею*).

ДѢЙСТВІЕ II.

Освѣщенная гостиная у г-жи Колонжъ.

I.

КОЛОНЖЪ и БАРОНЪ ЛИБЕРТУА.

КОЛОНЖЪ. А! наконецъ-то вы вернулись съ этого гулянья! Чтѣ-жъ, велико было стеченіе народа въ Круа-де-Берни? но я... не вижу Аврелия?

БАРОНЪ. Она пошла въ уборную сбросить шляпку и мантилю.

КОЛОНЖЪ. Но обѣдали ли вы? Ужъ вечеръ; я не могъ придумать, куда вы всѣ пропали.

БАРОНЪ. Мы всѣ, по приглашенію, обѣдали у г-жи Габріель, а оттуда опять всѣ приглашены къ г-жѣ Колонжъ, провести вечеръ и поболтать еще о бывшемъ гуляньѣ. Твоя Аврелия сердита на тебя не на шутку, и я подозрѣваю тутъ не одну только причину отказа твоего сопутствовать ей...

КОЛОНЖЪ. Но чтѣ-же другое?

БАРОНЪ. Не знаю, а сильно подозрѣваю Ла-Бертони... онъ клеветникъ. Кстати, я принесъ тебѣ очень много забавныхъ новостей.

КОЛОНЖЪ. А именно?

БАРОНЪ. И ты не догадываешься? О чемъ же можетъ быть у насъ рѣчь, какъ не о плачевномъ поражении нашихъ двухъ рыцарей.

КОЛОНЖЪ (*смыется*). Ахъ, да, что-жь они? говори скорѣе.

БАРОНЪ. Приказали долго жить.

КОЛОНЖЪ. Какимъ-образомъ? Ты не хотѣлъ до-сихъ-поръ передать мнѣ рецепта, какъ легче и проще отдѣлаться отъ враговъ. Будь сегодня менѣ скрытецъ. Мы одни, я не измѣню тебѣ.

БАРОНЪ (*важно*). Любезный другъ, если тебѣ этого непременно хочется, я готовъ передать тебѣ искусство моей тактики въ борьбѣ съ врагами. Она очень проста. Вотъ вамъ моя метода въ двухъ словахъ. Ахилесъ не былъ уязвляемъ нигдѣ, кромѣ пяты; такъ и у всякаго человѣка, какъ-бы онъ силенъ ни былъ, есть въ его характерѣ, умѣ, вообще его личности, такое мѣсто, которое для него тоже, что незакаленная пятка была для Ахилеса.

КОЛОНЖЪ. Напримѣръ, говоря твоимъ языкомъ, гдѣ же пятка у Ла-Бертони?

БАРОНЪ. Въ его толщинѣ. Онъ уменъ, хитеръ и пронырливъ; но тученъ и нескладенъ, какъ бочка. Съ этой стороны я и попалъ на него.

КОЛОНЖЪ. Какъ же это?

БАРОНЪ. Онъ ослабилъ значительно уже успѣхъ своего краснорѣчія тѣмъ, что пустился въ танцы, при чемъ оказался совершеннымъ ученикомъ; мнѣ стоило только дать ему идти далѣе по этой ухабистой дорогѣ, гдѣ, наконецъ, онъ и сломилъ себѣ шею. Сегодня я нарочно съѣлъ на Гризельду, ты знаешь мою лошадь Гризельду? она любитъ пошалить и попрыгать. Ла-Бертони красовался въ коляскѣ г-жи Габриель, и, я думаю, очень ловко любезничалъ съ г-жею Колонжъ, которая сидѣла противъ него. Не доѣзжая до Берни, я сталъ жаловаться на усталость и просилъ толстяка уступить мнѣ мѣсто въ коляскѣ, и съѣсть на мою лошадь. Дурное расположеніе г-жи Колонжъ помогло его рѣшимости. Онъ въ простотѣ души согласился, и тутъ-то началась драма. Едва мы успѣли размѣняться мѣстами, какъ мой грумъ, повинувъсь сигналу, заранѣе условленному, пускаетъ свою лошадь во весь опоръ по полю, какъ-будто она понесла его. Гризельда, которая не любитъ отставать, мчится во весь духъ, по слѣдамъ ея, и тогда... тогда, мой другъ, чтобы передать тебѣ подобную сцену, мнѣ нужна твоя кисть. Представь себѣ несчастнаго Ла-Бертони, который съ багровымъ лицомъ, съ налитыми кровью глазами, съ волосами, похожими на хвостъ кометы, мечется въ сѣдлѣ изъ стороны въ-сторону, то вспрыгнетъ на загривокъ, то отскочитъ къ хвосту, и наконецъ, въ отчаяніи, бросивъ по-

вотъ, хватается за гриву. Черезъ нѣсколько минутъ, рыцарь теряетъ стремяна, потомъ хлыстикъ, потомъ шляпу, наконецъ и голову, и исчезаетъ въ глубинѣ рва, впрочемъ, благодаря грязи, довольно мягкаго, куда мой грумъ и старался привлечь его. (*хохочетъ*).

КОЛОНЖЪ. Но въ этой игрѣ ты рисковалъ сломать ему шею?

БАРОНЪ. Я рисковалъ еще болѣе: онъ могъ изувѣчить мою Гризельду, которая не привыкла таскать на себѣ такія горы.

КОЛОНЖЪ. Что-жь дѣлали дамы?

БАРОНЪ. Какъ водится, сперва ахнули, потомъ ничѣмъ нельзя было остановить ихъ смѣха. Послѣ такого урока въ волтижированіи, мужчина, будь у него умъ, положимъ, хоть Вольтера, становится поневолѣ смѣшнымъ; а ты знаешь, прощаетъ ли когда-нибудь умная женщина смѣшному. Толстый Ла-Бертони, барахтающийся въ грязи, такая добыча, которую самая отъявленная кокетка выбросила бы изъ сѣтей своихъ. А тѣмъ болѣе женщина добродѣтельная. Его уже нечего намъ бояться. *Vixit!*

КОЛОНЖЪ. А у другаго Ахилеса, Фелісіена Ренье, есть-ли пятка, незакаленная въ Стиксѣ?

БАРОНЪ. Ренье, весь пятка, съ головы до ногъ. Незнаніе свѣта, чванство, тщеславіе, идиллическая сентиментальность... Готова ударъ, я долго не рѣшался на выборъ, и чтобы не тратить труда по пустякамъ, набросилъ поэту первую петлю, которая мнѣ попалась подъ руки. О, съ нимъ я поступилъ милостиво, какъ всегда поступають съ ничтожествомъ.

КОЛОНЖЪ. Какую петлю?

БАРОНЪ. Г-жу Габріель, и она его задушить, повѣрь мнѣ.

КОЛОНЖЪ (*изумленный*). Г-жу Габріель?

БАРОНЪ. Г-жу Габріель, и ручаюсь тебѣ, эта петля мастерски исполнить свое дѣло. Ты знаешь виконтесу... она сентиментальна, съ легко воспламеняющимся сердцемъ.

КОЛОНЖЪ. Что-же изъ этого?

БАРОНЪ. А то, что въ отношеніи съ ней я поступилъ истинно дружески; я толкаю къ ней въ объятія поэта!..

КОЛОНЖЪ. Объяснись, пожалуйста.

БАРОНЪ. Въ двухъ словахъ. Госпожу Габріель зовутъ также Авреліей.

КОЛОНЖЪ. Что-жь потомъ?

БАРОНЪ. Какъ, развѣ ты не догадываешься?

КОЛОНЖЪ. Нисколько.

БАРОНЪ. Живопись рѣшительно подавила въ тебѣ способность соображенія. Ну, мой милый, если тебѣ надобно все пояснить, такъ знай,

что для сочетанія этихъ двухъ душъ, созданныхъ какъ-будто бы нарочно другъ для друга, мнѣ стоило перемѣтить извѣстную тебѣ записку изъ одного платка въ другой.

КОЛОНЖЪ (*хохочетъ*). И это письмо получила г-жа Габріель?

БАРОНЪ. Съ отвергнутыми объятіями, повѣрь мнѣ. Для такихъ характеровъ пріятно быть предметомъ страсти вулканической. Виконтеса не можетъ опомниться отъ своего счастія; она сегодня цѣлый день только и бредитъ поэзіей, закатывающимся солнцемъ, паденіемъ листьевъ, вечернимъ вѣтеркомъ, сіяніемъ луны, гармоніей душъ.

КОЛОНЖЪ. И Ренье знаетъ это?

БАРОНЪ. Тѣмъ-то и забавише, что нѣтъ. Онъ былъ восхитителенъ отъ изумленія, глухости и досады.

КОЛОНЖЪ. Но онъ узнаетъ объ этой мистификаціи, и очень легко избѣгнетъ преслѣдованій г-жи Габріель.

БАРОНЪ. Нѣтъ, я разбилъ его на голову, а г-жи Габріель не избѣгнешь; пусть Ренье отбивается сколько хочетъ, а она все-таки составитъ его счастье и будетъ его Беатриче. (*хохочутъ*).

II.

ТѢЖЕ И ЛА-БЕРТОНИ

КОЛОНЖЪ. А, это вы, Ла-Бертони, очень радъ васъ видѣть. Я боялся, чтобы сегодняшнее происшествіе не заставило васъ просидѣть нѣсколько дней дома.

ЛА-БЕРТОНИ. Такъ г. Ливернуа уже успѣлъ рассказать вамъ о своихъ проказахъ? Теперь понимаю этотъ смѣхъ, который я слышалъ, еще входя на лѣстницу.

БАРОНЪ. Что вы называете моими проказами?

ЛА-БЕРТОНИ. Вашими проказами я называю сѣти, которыя вы мнѣ такъ ловко сегодня разстали, посадивъ меня на бѣшеную лошадь. Такой похвальный поступокъ не можетъ остаться безъ награды. (*Баронъ и Колонжъ изумлены этими словами*). Что-же вы не смѣетесь, господа; я не мѣшаю вамъ; вы были такъ веселы передъ моимъ приходомъ.

КОЛОНЖЪ (*принужденно*). Мы веселы и теперь.

ЛА-БЕРТОНИ (*небрежно развалившись въ креслахъ*). Ну такъ станемте же смѣяться.

КОЛОНЖЪ. Пожалуй, только напередъ надо знать надъ чѣмъ?

ЛА-БЕРТОНИ. Вы вѣрно хотите сказать надъ кѣмъ? это будетъ опредѣлительнѣе.

КОЛОНЖЪ. Пожалуй, надъ кѣмъ, если это вамъ больше нравится.

ЛА-БЕРТОНИ. Надъ всеми, чтобы не оскорблять никого, и въ доказательство того, какъ я добръ, позволяю начать съ меня.

КОЛОНЖЪ (*съ любезностью*). Съ тѣмъ однако, чтобъ и до насъ дошла очередь.

ЛА-БЕРТОНИ. Разумѣется, вы ничего не потеряете въ ожиданіи; будьте спокойны. Но возвратимся ко мнѣ. Лошади барона Ливернуа благоразсудилось сбросить меня сегодня въ грязь. Не могу объяснить, что происходило во мнѣ, когда я, полуизбитый, вышачканный, поднялся на ноги и услышалъ раскаты смѣха, возбужденнаго моимъ забавнымъ приключеніемъ. Мнѣ казалось, что обстоятельства, посылая мнѣ такое уничиженіе, хотѣли наказать меня за прошлую вину мою, и въ то же время предупредить, чтобы я не грѣшилъ впередъ, а потому я хочу съ сокрушеннымъ сердцемъ признаться вамъ, любезный Колонжъ, въ чемъ я провинился предъ вами.

БАРОНЪ (*всторону*). Что за ударъ онъ готовитъ мнѣ?

ЛА-БЕРТОНИ. Признаніе мое покажется вамъ, конечно, страннымъ; мужья не всегда имѣютъ случай слышать подобныя признанія. Быть-можетъ, мое покаеніе возбудитъ въ васъ гнѣвъ; но я надѣюсь, что истинное сознаніе вины и твердая рѣшимость исправиться заставятъ васъ быть снисходительнымъ. Знайте же, любезный Колонжъ, что, презрѣвъ священную дружбу, насъ соединяющую, я готовъ былъ нанести вамъ оскорбленіе, по-крайней-мѣрѣ мысленно. Благоразуміе и совѣсть со мною, а сердце такъ часто увлекается. Г-жа Колонжъ такъ прекрасна.

КОЛОНЖЪ. Чтоже можетъ быть общаго между вашимъ признаніемъ и моею женою.

ЛА-БЕРТОНИ (*сильно вздохнувъ*). Увы, мой добрый другъ! Жена-то ваша и довела меня до признанія; безъ нея, въ чемъ же я могъ упрекать себя? Словомъ, вотъ вамъ мое преступленіе. Около двухъ недѣль, смущаемый прельщеніемъ дьявольскимъ, и позабывъ, что жена друга существо священное, я питалъ въ сердцѣ своемъ непозволительную страсть, которую горько теперь оплакиваю; наконецъ, если уже надо назвать вещи по имени: я былъ влюбленъ въ г-жу Колонжъ.

КОЛОНЖЪ (*очень равнодушно*). Въ-самомъ-дѣлѣ?

ЛА-БЕРТОНИ (*всторону*). Онъ равнодушенъ, онъ знаетъ все; кто, кромѣ разбойника Ливернуа, могъ донести на меня? Эта измѣна непростительна. (*вслухъ*). Исповѣдь моя кончена, сознаю вину мою и чисто-сердечно раскаяваюсь. Дѣвренъ что найду въ васъ друга благороднаго

и великодушнаго. Вы можете въ этомъ случаѣ дѣйствовать тѣмъ смѣлѣе, что на дняхъ я ѣду въ Италію. Отъѣздъ мой доказываетъ вамъ чистоту моихъ намѣреній.

КОЛОМЪЖЪ. Что скажете на это, баронъ?

БАРОНЪ. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость.

КОЛОМЪЖЪ (*смѣясь*). Примите же отъ меня полное прошеніе. Такое раскаяніе нынче рѣдкость и потому не можетъ не заслужить прошенія.

ЛА-БЕРТОНИ. Вотъ истинное величіе души. (*Схвативъ руку Коломъжи*). Вы Августъ, прощающій Цинну. Баронъ, неужели такое зрѣлище не можетъ васъ тронуть? Нѣтъ, не сердце, а ледъ бьется въ груди вашей, если въ эту минуту вы не чувствуете, что наслажденіе дружбы чище всѣхъ наслажденій, какія только даны человѣку! Баронъ! послѣдуйте благородному влеченію, которое я читаю въ глазахъ вашихъ. Еслибы знали вы, какъ пріятно съ чистою совѣстью жать руку друга! Быть можетъ васъ удерживаетъ боязнь? Но вы видите, какъ Коломъжъ великодушенъ. При первомъ словѣ раскаянія вашего, его объятія будутъ открыты вамъ, такъ какъ и мнѣ, я увѣренъ въ этомъ. (*всторуноу*). Отрази этотъ ударъ, если можешь.

БАРОНЪ (*растерявшись*). Я не знаю, что вы хотите этимъ сказать.

ЛА-БЕРТОНИ. Ахъ баронъ, баронъ! Какъ, вы упорствуете въ своихъ темныхъ и коварныхъ намѣреніяхъ даже и теперь, когда я, внучекъ вашъ по лѣтамъ, подаль вамъ спасительный примѣръ возвращенія на стезю добродѣтели? Такое ожесточеніе не говоритъ въ вашу пользу. Неужели вы рѣшились умереть нераскаяннымъ грѣшникомъ?

БАРОНЪ (*внѣ себя*). Государь мой, если вы хотите сказать мнѣ что-нибудь особенное, то мы можемъ объясниться не здѣсь.

КОЛОМЪЖЪ. Почему-жъ не здѣсь? Лишнихъ здѣсь нѣтъ никого. Ну, говорите же, Ла-Бертони, что сдѣлалъ другъ нашъ баронъ, и чѣмъ заслужилъ онъ названіе нераскаяннаго грѣшника?

ЛА-БЕРТОНИ. Что онъ сдѣлалъ? Да не онъ ли, благодаря искусству лошади, такъ хорошо изучившей науку ломать людямъ шеи, былъ первымъ виновникомъ моего раскаянія? Можно ли позабыть подобную услугу? А чѣмъ лучше, я могу доказать ему мою благодарность, какъ не извлеченіемъ его изъ той пропасти, къ которой не далѣе, какъ вчера, стремился и я. Да, баронъ можетъ сколько ему угодно хмурить брови и смотрѣть на меня глазами ястреба, а я все-таки выведу васъ на путь добродѣтели, хотя бы и противъ вашей воли. Мы грѣшили вмѣстѣ и каяться должны вмѣстѣ же. Вѣдь вы также, какъ и я, ухаживали за г-жею Коломъжъ?

БАРОНЪ. Шутка эта выходитъ уже изъ границъ; вы забылись, сударь!

ЛА-БЕРТОНИ. Нисколько, увѣряю васъ; я очень хорошо знаю, что говорю, и не могу понять вашей вспыльчивости. Неужели вы станете заператься въ любви къ женѣ вашего лучшаго друга?

БАРОНЪ. Колонжъ, неужели наконецъ ты не понимаешь всего неприличія такихъ выходокъ? Мы у тебя въ домѣ, и ты слушаешь ихъ такъ равнодушно.

КОЛОНЖЪ. Баронъ правъ; этотъ споръ кажется мнѣ несовсѣмъ умѣстнымъ. Имя жены моей не должно здѣсь играть никакой роли, и мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы, Ла-Бертони, перемѣнили предметъ разговора.

ЛА-БЕРТОНИ (*принужденно смѣясь*). Такъ вотъ вы какой мужъ! Хорошо же, оставимъ это. Съ моей стороны было бы слишкомъ жестоко продолжать смущать ваше блаженное спокойствіе. Если вы любите отогрѣвать у себя на груди змѣй—вамъ никто не мѣшаетъ. Есть люди, которымъ хочется самимъ, чтобы ихъ кусали; можетъ-быть вы изъ такихъ людей! Въ такомъ случаѣ, говоря языкомъ Шекспирова крестьянина Клеопатрѣ: Я желаю вамъ всякаго веселья съ вашимъ аспидомъ. Что же касается до васъ, любезный баронъ, то скажу вамъ еще одно слово: Вы конечно слышали пословицу: долгъ платежемъ красенъ... съ вашего, даже безъ вашего позволенія, я употреблю все, чтобы оправдать ее относительно васъ на дѣлѣ. Вы мнѣ вредили сколько могли; я буду вредить вамъ столько же. Надѣюсь впрочемъ, что мы попрежнему останемся друзьями.

КОЛОНЖЪ. Замолчите, господа, сюда идетъ жена моя!

III.

ПРЕЖНІЕ и АВРЕЛІЯ, ПОТОМЪ ГАБРИЕЛЬ.

АВРЕЛІЯ (*холодно*). Здравствуй, Эрнестъ!

КОЛОНЖЪ (*хочетъ взять ея руку, она отнимаетъ*). Я слышалъ гулянье было многолюдно, оживлено.

АВРЕЛІЯ. О, да, было очень весело. (*смотритъ въ дверь*). А, наконецъ вотъ и г-жа Габріель. (*идетъ къ ней навстрѣчу*). Благодарю, Аврелія, что ты мнѣ не измѣнила.

ГАБРИЕЛЬ. Развѣ это было можно? Мы положили цѣлый день провести вмѣстѣ. Ты доставила мнѣ удовольствіе видѣть тебя за моимъ

столомъ, могла ли я не явиться на твое милое приглашеніе выпить съ тобою чашку чаю и докончить въ твоей бесѣдѣ такой пріятный день? Здравствуйте, Колонжъ, а вы намъ измѣнили?

КОЛОНЖЪ. Вы знаете мои занятія...

АВРЕЛІА. А вотъ и послѣдній гость намъ!

ГАБРИЕЛЬ (*нѣжно*). Ренье!

IV.

ПРЕЖНІЕ и РЕНЬЕ.

РЕНЬЕ. Я, кажется, немного опоздалъ, но мнѣ необходимо было захватить домой, а это не близко отсюда—поэтому прошу снисхожденія.

АВРЕЛІА. Полноте, Ренье, безъ церемоній и лишннихъ извиненій. (*Дамы располагаются на диванъ, кругомъ ихъ мужчины*).

РЕНЬЕ (*на авансцену*). Любезна и обходительна! Я просто ничего не понимаю. Не сердитесь, какъ будто и не получала моей записки. Ея равнодушіе убиваетъ меня. О, какъ бы я предпочелъ ему глѣвъ ея, даже насмѣшку.

АВРЕЛІА. Господа, я замѣчаю, что вы все какъ-то не въ духѣ. Баронъ, гдѣ ваша неистощимая веселость? Ла-Бертони и вы что-то хмуритесь, не сговорились ли вы?

БАРОНЪ (*Аврелии*). И васъ нельзя упрекнуть сегодня въ особенной веселости.

ЛА-БЕРТОНИ. Я не могу еще оправиться отъ своего несчастнаго паденія. (*Дамы смѣются*). Смѣйтесь, смѣйтесь, mesdames, не сдерживайте порывовъ вашего веселья; пусть хоть оно поможетъ вамъ согнать уныніе, замѣтное на всехъ лицахъ. Взгляните и на барона; онъ какъ-будто ожидаетъ своей очереди размѣшить васъ; я ужъ вѣрно не послѣдній; очередь можетъ дойти и до другихъ. Я это ему предрекаю...

КОЛОНЖЪ (*перебивая*). Гдѣ намѣрены вы пить чай, здѣсь или на террасѣ?

ГАБРИЕЛЬ. Вечеръ безплодный, полное сіяніе луны! на террасѣ, конечно на террасѣ. Не правда ли, Аврелия?

АВРЕЛІА. О, безъ сомнѣнія, если это только тебѣ пріятно.

КОЛОНЖЪ. Такъ я иду отдать нужныя приказанія и ожидаю васъ, (*Уходитъ*).

ГАБРИЕЛЬ. Ренье, подите къ намъ поближе, что вы тамъ такъ задумались. Ужъ не располагаетъ ли воздухъ Круа-де-Берни къ уны-

лой задумчивости? Сядьте сюда поближе, любезный поэтъ. Недавно я читала переводъ Петрарки, и это подало мнѣ мысль учиться итальянскому языку. Стихи въ переводѣ теряютъ такъ много. Вы любите Петрарку, Ренье?

РЕНЬЕ (*надутю*). Да, послѣ Данта однако, это мой любимый поэтъ.

ГАБРИЕЛЬ. Дантъ, что за гений! Бари сдѣлалъ его бюстикъ, и я непременно куплю его для столовыхъ часовъ.

РЕНЬЕ (*напыщенно*). Не бюстиковъ, а монументовъ достойны подобные люди!

ГАБРИЕЛЬ (*нѣжно*). Но скажите, пожалуста, неужели, въ сердцѣ этихъ классическихъ пѣвцовъ любовь въ-самомъ-дѣлѣ могла занимать такое важное мѣсто, какъ говорить о томъ ихъ сочиненія? Вѣдь нѣжность и чувствительность не всегда бывають удѣломъ умовъ возвышенныхъ. Напримѣръ лордъ Байронъ...

РЕНЬЕ. Въ этомъ отношенія я выдаю вамъ Байрона головою, не смотря, что нѣкогда онъ былъ однимъ изъ моихъ образцовъ. Но пламя, горѣвшее въ сердцахъ Данта и Петрарки, не можетъ быть подвержено никакому сомнѣнью. (*глядя на г-жу Колонжъ*). Ссылаюсь на Лауру и Беатриче, эти двѣ свѣтозарныя звѣзды поэтического неба; безъ нихъ слава пѣвцовъ ихъ была бы неполна; гений безъ любви тоже, что годъ безъ весны. (*встаетъ и идетъ на авансцену*). Она и не слушаетъ и не взглянетъ, а я цѣлкомъ сказалъ фразу изъ записки.

ГАБРИЕЛЬ. Лаура и Беатриче! Отъ этихъ именъ вѣетъ какимъ-то благоуханіемъ, которымъ женщины опасно дышать долго. Но если страсть можетъ казаться извинительною, то не тогда ли, когда она такъ очищена, облагорожена, возвышена? Плънительно изображеніе розы, цвѣтущей на лаврѣ, красоты увѣковѣченной гениемъ.

РЕНЬЕ (*на противоположной сторонѣ сцены*). Тутъ вмѣшался самъ сатана. Роза, цвѣтущая на лаврѣ; это моя мысль; она не изъ числа тѣхъ обыкновенныхъ, пошлыхъ мыслей, которыя всякому могутъ придти въ голову... тутъ должна быть ужасная ошибка.

ГАБРИЕЛЬ. Не забудьте же, Ренье, что вы обѣщались пріѣхать ко мнѣ прочесть ваши стихотворенія; мнѣ очень бы хотѣлось утолить себя вашими «туманами и росами».

РЕНЬЕ. Я долгомъ поставлю сдержать свое обѣщаніе.

ДА-БЕРТОНИ (*тихо Ренье*). О, вы человекъ опасный!

БАРОНЪ. Однако, mesdames, Колонжъ насъ ждетъ.

ГАБРИЕЛЬ (*глядя на Ренье*). Въ-самомъ-дѣлѣ, луна ожидаетъ насъ, чтобы облить своимъ перламутровымъ свѣтомъ. Аврелія, пойдемъ.

(*Аврелія машинально повинуется, Баронъ слѣдуетъ за ними*).

V.

ЛА-БЕРТОНИ и РЕНЬЕ.

ЛА-БЕРТОНИ. Да, повторяю, вы человекъ опасный! Самъ Ловеласъ ловилъ всегда только одного зайца; а вы, кажется, разомъ хотите поймать двухъ? О, какія бомбы и ракеты пускаетъ въ васъ съ своей батареи г-жа Габріель! Если ваше сердце не превратилось въ рѣшето, то на немъ должна быть очень толстая кожа.

РЕНЬЕ. А мнѣ что за дѣло до бомбъ и ракетъ г-жи Габріель: Я васъ не понимаю.

ЛА-БЕРТОНИ. Вотъ прекрасно! Какъ-будто не понимаете. Послушайте, будьте откровенны со мною, я буду откровененъ съ вами, и это послужитъ, можетъ-быть, къ общей нашей пользѣ. Чтобы дать вамъ примѣръ откровенности, я начну первый. На этихъ дняхъ я порядочно-таки досаждалъ вамъ, ухаживая за г-жею Колонжъ ..

РЕНЬЕ. Что жъ тутъ досаднаго?

ЛА-БЕРТОНИ. Дайте мнѣ кончить. Вы почитали меня своимъ соперникомъ, и назадь тому нѣсколько времени, можетъ-быть, вы были правы; но теперь я вамъ не мѣшаю: я бросаю эту игру, и желаю вамъ въ ней всевозможныхъ успѣховъ.

РЕНЬЕ. Это довольно быстрая перемѣна!

ЛА-БЕРТОНИ. Однако объяснить ее не трудно. Я другъ Колонжу и потому, пораздумавъ, увидѣлъ, что любовь къ женѣ его была бы съ моей стороны несовсѣмъ похвальнымъ поступкомъ.

РЕНЬЕ. Вѣроятно маленькая непріятность, которая съ вами случилась сегодня, еще болѣе утвердила васъ въ такой добродѣтельной рѣшимости?

ЛА-БЕРТОНИ (*грубо, съ досадой*). Вы видите сами, что между мною и вами не можетъ быть соперничества.

РЕНЬЕ. Но его никогда и не было, клянусь вамъ; съ чего вы взяли, что я влюбленъ въ г-жу Колонжъ?

ЛА-БЕРТОНИ. Рассказывайте, любезнѣйшій; меня вы не переувѣрите! Я представлю вамъ такіе факты, какихъ вы не ожидаете, и они докажутъ вамъ, какъ бесполезна скрытность со мною.

РЕНЬЕ. Напримѣръ?

ЛА-БЕРТОНИ. Я ограничусь однимъ; запретесь ли вы, что вчера на балѣ у г-жи Габріель, вы очень ловко умѣли похитить платокъ Аврелии.

РЕНЬЕ (*съ сильнымъ смущеніемъ*). Какъ! у г-жи Колонжъ украли платокъ?

ЛА-БЕРТОНИ. Вотъ еще! какъ-будто вы не знаете. (*всторону*) Какъ онъ встревоженъ. Тутъ что-нибудь да кроется.

РЕНЬЕ. Но увѣрены ли вы въ томъ, что говорите?

ЛА-БЕРТОНИ. Если вы не виноваты въ этомъ похищеніи, то я знаю только одного челоѣвка, который могъ себѣ позволить такую шалость.

РЕНЬЕ. Кто же это?

ЛА-БЕРТОНИ. Тотъ, кто сейчасъ отсюда вышелъ и кто тамъ, на террасѣ забавляется на нашъ счетъ: баронъ де-Ливернуа.

РЕНЬЕ. Ливернуа! А, теперь я все понимаю! Вотъ отчего онъ меня вызвалъ изъ залы, обманувъ, будто г-жа Габріель хочетъ говорить со мною!

ЛА-БЕРТОНИ. Но я не понимаю, зачѣмъ ему было удалять васъ? Развѣ вы стерегли платокъ?

РЕНЬЕ. Больше. (*послѣ нѣкоторой нерѣшительности*) Вамъ почти все уже извѣстно, и мнѣ скрывать безполезно. Знайте, что вчера, когда случилась эта пропжа, — я вложилъ въ платокъ записку.

ЛА-БЕРТОНИ. Ай, ай, неужели вы позволяете себѣ такія ребячества? Я васъ считалъ взрослымъ челоѣвкомъ... Ваше посланіе, вмѣсто ручекъ г-жи Колонжъ, попалась, по всей вѣроятности, въ руки Ливернуа.

РЕНЬЕ (*запальчиво*). Онъ мнѣ отдастъ его, хотя бы для этого надобно было вырвать его со шпагою въ рукахъ!

ЛА-БЕРТОНИ. Вы видите, что объясненіе тутъ необходимо. Я и самъ хочу наказать Ливернуа. Неужели мы вдвоемъ не можемъ дать ему урока, котораго онъ вполне заслуживаетъ.

РЕНЬЕ. Такъ и онъ влюбленъ въ г-жу Колонжъ?

ЛА-БЕРТОНИ. А вы этого до сихъ-поръ и не замѣчали? Не даромъ же рисуютъ амура съ повязкою на глазахъ! Да, любезный поэтъ, онъ вашъ соперникъ.

РЕНЬЕ. *Нашъ* вы хотите сказать?

ЛА-БЕРТОНИ. Вы знаете, я выключенъ изъ списка; я въ отставкѣ.

РЕНЬЕ. Такъ ли полно?

ЛА-БЕРТОНИ. Честное слово, и въ доказательство, я готовъ, безъ дальнихъ разсужденій, служить вамъ, чѣмъ могу. Если ужъ суждено Колонжу узнать несчастіе, то пусть лучше онъ терпитъ отъ васъ, нежели отъ этой хитрой, старой лисицы. Жаль смотрѣть, какъ, подъ видомъ друга, онъ обманываетъ бѣднаго Колонжа, который, въ сердечной простотѣ художника, не видитъ дальше своего носа. Но пусть баронъ крѣпче придерживаетъ свою маску... я успѣю сорвать ее въ глазахъ Аврелии.

РЕНЬЕ. И отъ меня пусть онъ не ждетъ пощады.

ЛА-БЕРТОНИ. Въ два дня онъ у меня сдѣлается баснею пѣлаго Парижа.

РЕНЬЕ. А для лучшаго успѣха, ему надобно хорошенько зарубить на памяти его поступокъ, и если онъ не возвратитъ мнѣ того, что укралъ, я самъ примусь за эту операцію.

ЛА-БЕРТОНИ. Вотъ кстати онъ самъ! Я оставляю васъ. (*сталкиваясь въ дверяхъ съ барономъ, даетъ ему дорогу, и съ поклономъ уходитъ*).

VI.

РЕНЬЕ и БАРОНЪ ЛИБЕРТУА.

РЕНЬЕ (*грозно*). Государь мой! вчера на балѣ вы изволили обмануть меня; хозяйка дома и не думала звать меня.

БАРОНЪ (*спокойно*). Она спрашивала Гренье; я думалъ васъ. Гренье-Ренье — тутъ много похожаго. Извините.

РЕНЬЕ. Позвольте мнѣ еще спросить васъ...

БАРОНЪ (*всторону*). Чего отъ меня хочеть этотъ свворецъ? (*вслухъ*) Все, что вамъ будетъ угодно.

РЕНЬЕ. Я увѣренъ, что вы будете отвѣчать мнѣ откровенно, какъ слѣдуетъ честному человѣку.

БАРОНЪ (*нетерпливо*). Къ дѣлу, сударь!

РЕНЬЕ. Дѣло вотъ въ чемъ. Мнѣ сказали, что вчера на балѣ у г-жи Габріель, вамъ, не знаю по какому случаю, попался въ руки женскій платокъ, въ который вложена была записка. Правда ли это?

БАРОНЪ (*смущенный*). Вамъ правду сказали; мнѣ точно вчера попался въ руки платокъ, прекрасно вышитый съ письмомъ, написаннымъ еще прекраснѣе.

РЕНЬЕ (*задыхаясь*). Вы осмѣлились прочесть его?

БАРОНЪ. Прочелъ, и съ величайшимъ удовольствіемъ. Новая Элоиза, Вертеръ, письма Джакошю Ортиса, не что—иное, какъ потухшіе угли передъ этимъ костромъ. Какая сила! Сколько огня! какая поэзія! Человѣкъ, который написалъ эти строки, безъ сомнѣнія, долженъ быть талантъ первой величины и скоро, вѣроятно, станетъ на ту завидную степень, какой онъ вполне достоинъ. Я тружусь уже для него—между тѣмъ, какъ онъ этого и не подозрѣваетъ.

РЕНЬЕ (*всторону*). Онъ, пожалуй, дурачить меня! (*вслухъ*) Государь мой! Я знаю, вы умѣете шутить прекрасно, но шутки ваши теперь не у мѣста. Я говорю съ вами не для смѣха, а для серьезнаго объясне-

нія. Вы сознаетесь, что завладелъ письмомъ, котораго я объявляю себя авторомъ. Что вы съ нимъ сдѣлали? Я требую отвѣта отъ васъ.

БАРОНЪ. Не сердитесь, выслушайте меня, и вы увѣритесь, что я оказалъ вамъ истинную услугу. Напередъ изложимъ факты. Вы влюблены, — по крайней мѣрѣ вы такъ думаете, — влюблены въ г-жу Колонжъ. Я другъ ея мужа. Что было мнѣ дѣлать, когда случай послалъ мнѣ вашу записку? Доставить ее по адресу? но тогда я измѣнилъ бы дружбѣ. Отдать вамъ? но согласились ли бы вы уничтожить ее и не писать другихъ? Сжечь ее? — на это могъ рѣшиться одинъ вандалъ. Въ недоумѣніи я избралъ послѣднее средство, которое покажется вамъ страннымъ, но выгоды котораго вы сейчасъ поймете. Какъ нравится вамъ г-жа Габріель? Вѣдь она очень любезная женщина.

РЕНЬЕ. Г-жа Габріель.

БАРОНЪ. Если вамъ сказать, что со вчерашняго вечера она читаетъ къ слогу вашему уваженіе, доходящее до восторга, что она считаетъ васъ теперь первымъ писателемъ нашего вѣка, еслибы, наконецъ, я сказалъ вамъ, что письмо, о которомъ вы говорите, она перечитывала двадцать, сто разъ?

РЕНЬЕ. Я не вѣрю, чтобы вы говорили серьезно. Къ чему эти шутки?

БАРОНЪ. Тутъ вовсе нѣтъ шутокъ. Письмо, адресованное вамъ къ Авреліи Колонжъ, попало къ Авреліи Габріель, — вотъ и все. На почтѣ случаются каждый день гораздо важнѣйшія ошибки.

РЕНЬЕ. Государь мой! вы объяснили мнѣ то, что я желалъ знать. Теперь благоволите назначить мѣсто и условія для дѣла, необходимость котораго, я думаю, вы понимаете.

БАРОНЪ. Подарите меня еще двумя минутами вниманія, и если послѣ нихъ вы не откажетесь отъ дуэли — мы можемъ драться. Желаніе и исходъ вашихъ трудовъ — слава, не правда ли? Вы ощущаете въ себѣ мощныя силы, зародышъ таланта, которому стоить только развернуться. Какое вліяніе произвела бы на жизнь вашу истинная страсть, внушенная вамъ г-жею Колонжъ? Вліяніе пагубное, смѣю васъ въ томъ увѣрить. Положимъ даже, что г-жа Колонжъ васъ любитъ... Что жъ изъ этого выйдетъ? Счастливая или несчастная любовь непременно заглушитъ въ васъ талантъ. Вы не знаете, до чего можетъ простираться эгоизмъ женщины, избалованной свѣтомъ и модою. Она станетъ любить васъ не для васъ, а для себя. Вы должны будете посвятить ей все мысли свои, все минуты жизни, все свое существованіе. Въмѣсто того, чтобы поощрять васъ къ приобрѣтенію славы, она постарается обрѣзать крылья у вашего честолюбія. Любовь ослабитъ мало-по-малу все струны души

вашей. Ринальдо у Армиды, вы станете тратить поэтической талант свой на сочинение любовных стиховъ. Вѣрите мнѣ: нѣтъ въ свѣтѣ женщины, которая заслуживала бы, чтобы ей принесли къ жертву такой талантъ.

РЕНЬЕ. Ваши замѣчанія отчасти справедливы, но ихъ можно примѣнить и къ другимъ женщинамъ. Не все ли онѣ взыскательны?

БАРОНЪ. Заблужденіе, мой юный другъ! Если вы намекаете на г-жу Габріель. Эта уже любитъ васъ страстно — когда вы еще и не думаете любить ее. Когда мы мало преданы женщиной, а она насъ любитъ до безумія, тогда—изъ раба мужчина становится господиномъ; его берегутъ, делятъ, соображаются съ его склонностями, принимаютъ его мнѣнія, принимаютъ участіе въ успѣхахъ его, устраняютъ отъ него все препятствія, готовы положить къ ногамъ его весь міръ. Къ тому же г-жа Габріель чувствительна и любитъ поэзію.

РЕНЬЕ. Но она не хороша собою и даже не умна.

БАРОНЪ. Поэтъ! какая неблагодарность! Женщина, которая, еще не видѣвши ничего, уже говоритъ всѣмъ и каждому, что стихи ваши заставляютъ позабыть Ламартина, что самъ Викторъ Гюго долженъ крѣпче держаться за свою славу.

РЕНЬЕ. Она говоритъ это?

БАРОНЪ. Заговорить и не то еще, если вы поддержите любовь и уваженіе, которыя она уже къ вамъ питаетъ. У васъ есть талантъ, но этого недостаточно; таланту вашему надобенъ блескъ, иначе онъ никогда не будетъ признанъ. Чтѣ вамъ нужно? Кабедру, театръ, пьедесталь. Все это найдете вы у г-жи Габріель, когда она, не шутя заинтересуется вами. Она очень богата. Въ салонѣ ея собираются женщины, которыхъ мнѣніе служить авторитетомъ. Виконтесса взволнуетъ для васъ землю и приготовитъ самые вкусные пироги, чтобы на сытись церберовъ критики; она вотрется къ журналистамъ, найдетъ издателя...

РЕНЬЕ. Позвольте. Поступокъ вашъ былъ опрометчивъ, но я начинаю понимать, что вы точно не имѣли злаго умысла.

БАРОНЪ. А, вы наконецъ понимаете, что я желалъ вамъ принести пользу.

РЕНЬЕ. Однакожъ, прежде всего, вы имѣли въ этомъ собственныя выгоды?

БАРОНЪ. Выгоды, какія же позвольте спросить?

РЕНЬЕ. Вы хотѣли избавиться отъ соперника.

БАРОНЪ. Такъ вы думаете, что я влюбленъ тоже въ г-жу Колонжъ? Какое непростительное ослѣпленіе!

РЕНЬЕ. Я это знаю навѣрное.

БАРОНЪ. Бьюсь объ закладъ, что эту вздорную мысль вложилъ вамъ въ голову Ла-Бертони. Если вы станете вѣрить всеѣмъ рассказамъ этого гасконца, такъ онъ покажетъ вамъ звѣзды при солнцѣ. Мнѣ влюбиться въ жену искренняго моего друга! Какъ это можно! Это нелѣпость.

РЕНЬЕ. Наше объясненіе приняло такой оборотъ, что мнѣ надо объ немъ хорошенько подумать.

БАРОНЪ. Какъ вамъ угодно.

VII.

ПРЕЖНІЕ « АВРЕЛІА.

АВРЕЛІА. Вѣрно, господа, у васъ очень серьезный разговоръ. Ренье, вы даже забыли, что не пили чаю. Г-жа Габріель поручила мнѣ сказать вамъ, что ночь благопріятствуетъ благоуханіямъ душевнымъ или что-то въ этомъ родѣ, что я перевожу желаніемъ ея въ такую ночь имѣть возлѣ себя любезнаго собесѣдника, а потому и прошу васъ пожаловать на террасу. Я обѣщала волей или неволей привести васъ къ ней.

РЕНЬЕ. Бѣгу благодарить г-жу Габріель за ея вниманіе (*уходитъ*).

VIII.

БАРОНЪ ЛИВЕРНУА « АВРЕЛІА.

АВРЕЛІА. Ахъ, Ливернуа!

БАРОНЪ. Что съ вами, вы такъ разстроены...

АВРЕЛІА. Я хочу просить васъ объ одной вещи.

БАРОНЪ. О, говорите! Я въ нетерпѣніи отъ желанія быть вамъ чѣмъ-нибудь полезнымъ.

АВРЕЛІА. Меня занимаетъ теперь одна мысль, только вовсе не такая важная, какъ вы, пожалуй, готовы подумать; это капризъ и больше ничего. Вы знаете, что Эрнестъ запретилъ ходить въ его мастерскую. Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ началъ свою картину, тамъ никто не былъ, даже и я. Прежде я не обращала на это вниманія, но теперь, признаюсь, мнѣ захотѣлось отвѣдать запрещеннаго плода.

БАРОНЪ (*всторону*). А, Ла-Бертони таки успѣлъ поселить въ ней недоувѣрчивость къ мужу.

АВРЕЛІА. Если мнѣ сказать самой о томъ Колонжу, онъ засмѣется, приласкается и вырветъ у меня согласіе потерпѣть еще немного—подъ тѣмъ предлогомъ, что черезъ мѣсяць любопытство мое будетъ удовле-

творено. Но еслибъ удалось взглянуть на его картину кому-нибудь другому, напримѣръ вамъ, тогда онъ и мнѣ не могъ бы отказать въ этомъ удовольствіи.

БАРОНЪ. Стало-быть вамъ угодно, чтобы я, во что бы то ни стало, заставилъ Колонжа впустить меня въ его завѣтный пріютъ труда? Признаюсь, эту крѣпость придется брать приступомъ. Но если бы мнѣ даже пришлось остаться въ проломѣ, я все-таки на это отважусь, потому что вамъ такъ угодно. Колонжъ теперь въ мастерской?

АВРЕЛІЯ (*съ неудовольствіемъ*). Гдѣ же ему быть; онъ только-что напился чаю, и тотчасъ же скрылся.

БАРОНЪ. Въ такомъ случаѣ я, если позволите, тотчасъ же пойду начну осаду, и приду отдать вамъ отчетъ въ моей побѣдѣ или поражениі.

АВРЕЛІЯ. Я жду васъ здѣсь (*Ливернуа уходитъ*).

IX.

АВРЕЛІЯ одна.

АВРЕЛІЯ. Боже мой, какое мученіе! Что значать намеки этого злого Ла-Бертони? Съ какой саркастической улыбкой онъ сомнѣвался, чтобы Колонжъ по 15-ти часовъ въ сутки могъ проводить въ своей мастерской, и поздравлялъ меня съ такою примѣрною довѣрчивостью къ мужу. Что если Эрнестъ меня обманывалъ? Что, если онъ не въ мастерской проводилъ все время, которое я его не видала? Если это былъ только предлогъ отдѣлываться отъ меня? О! это было бы ужасно! Я дала ему слово не заглядывать въ его мастерскую до окончанія его картины! Гордость и достоинство любящей женщины не позволяютъ мнѣ самой удостовѣриться въ своихъ подозрѣніяхъ! Но исполненіе мысли пробраться въ мастерскую третьему лицу откроетъ и мнѣ туда путь. Что жъ это Ливернуа нейдетъ? Удалось ли ему добраться до картины? А! вотъ и онъ! Какой мрачный и задумчивый видъ! Я предчувствую какое-нибудь горе!..

X.

АВРЕЛІЯ и **БАРОНЪ ЛИВЕРНУА.**

АВРЕЛІЯ. Ну что? Онъ тамъ, я надѣюсь?

БАРОНЪ (*мрачно*). Тамъ.

АВРЕЛІЯ. Онъ пустилъ васъ къ себѣ? Вы видѣли его картину?

Ну что ж? Какова она? Стоит ли времени, которое употреблена на нее?

БАРОНЪ. На который из этих вопросов прикажете мне прежде отвечать?

АВРЕЛІЯ. Говорите скорее; очень естественно, что на первый. Пустил ли он васъ къ себѣ въ мастерскую и видѣли ли вы картину?

БАРОНЪ. Я безпрепятственно вошелъ въ первую комнату и началъ сильно стучать въ дверь второй, гдѣ работалъ Колонжъ. Раздосадованный, онъ отворилъ дверь и протянулъ руку, какъ часовой, выставляющей впередъ штыкъ, чтобы внушить уваженіе къ своему посту. Нѣтъ, мой милый, сказалъ я, замѣтивъ его грозную позу, еслибы мнѣ даже пришлось пройти по твоему тѣлу—я войду непременно: заслуги мои (*опомнясь*), то-есть, дружба моя къ тебѣ позволяютъ тебѣ, кажется, сдѣлать для меня исключеніе. Рано ли поздно ли, вѣдь увидимъ же мы эту таинственную картину! Зачѣмъ же отказывать мнѣ долѣе въ удовольствіи насладиться ею первому?

АВРЕЛІЯ. Что же отвѣчалъ онъ вамъ?

БАРОНЪ. Она еще не можетъ явиться на судъ твой, сказалъ онъ съ скромностію, которою умные люди прикрываютъ свою гордость. Если тебѣ нужно переговорить со мной, пойдемъ въ кабинетъ.

АВРЕЛІЯ. Вы, конечно, не сдались?

БАРОНЪ. Развѣ я съ тѣмъ туда пошелъ? Нѣтъ, продолжалъ я, если ты упряма, то и я бретонецъ. Вчера я хвастался передъ десятью прітелями, что уже видѣлъ превосходное произведеніе; слѣдовательно, я долженъ видѣть его, или на меня стануть указывать пальцами.

АВРЕЛІЯ. А, вотъ что вы придумали! Нельзя не удивляться вашей изобрѣтательности.

БАРОНЪ. Напрасно Колонжъ говорилъ, что черезъ мѣсяцъ, и даже менѣе, картина будетъ кончена, и тогда мнѣ можно будетъ увидѣть ее; я возражалъ ему, что тогда все могутъ судить о ней, а я требую исключенія. Я говорилъ ему, что эта мысль такъ укоренилась въ умѣ моемъ, что никто ее оттуда не выгонитъ, и что я рѣшился, если не пустять меня въ таинственное убѣжище, перестать считать себя его другомъ.

АВРЕЛІЯ. И Эрнестъ, побѣжденный этимъ послѣднимъ доводомъ, рѣшился наконецъ...

БАРОНЪ (*перебивая*). Впустить меня. Не буду говорить вамъ о достоинствѣ картины, она будетъ алмазомъ выставки. (*всторону*). Постой, Колонжъ, твой послѣдній часъ пробилъ!

АВРЕЛІЯ. Много ли картина подвинулась впередъ; говорите! Замѣт-

но ли, что Эрнестъ по 15 часовъ въ сутки посвящалъ этому труду пѣлые три мѣсяца.

БАРОНЪ. Да, сдѣлано много, но... я долженъ вамъ сообщить одно обстоятельство... очень щекотливое... Я далъ бы многое, чтобы вы мнѣ позволили молчать... но рано ли поздно ли вы должны же наконецъ увидѣть картину своими глазами, и мнѣ кажется лучше исподоволь приготовить васъ къ удару, нежели поразить имъ неожиданно.

АВРЕЛІЯ. Не бойтесь, говорите, я готова все выслушать.

БАРОНЪ. Вы знаете, какъ я друженъ съ вашимъ мужемъ, вы часто слышали, что я всегда въ глазахъ вашихъ бралъ его сторону, и даже сегодня не отчаиваюсь оправдать его.

АВРЕЛІЯ. Но, ради Бога, что же онъ такое сдѣлалъ?

БАРОНЪ. Позвольте прежде исполнить долгъ, возлагаемый на меня дружбою. Еслибы дѣло шло о человѣкѣ обыкновенномъ, я ни слова не сказалъ бы въ его защиту, но мужъ вашъ талантъ, какихъ мало. Онъ составляетъ исключеніе изъ общаго правила. Что преобладаетъ въ художникѣ? Воображеніе! Вы знаете, нѣтъ ничего непостояннѣе воображенія; оно никогда не дремлетъ; спокойствіе убиваетъ его, счастье надѣдаетъ ему. Воображеніе готово бросить самую счастливую жизнь для бродяжничества по большимъ дорогамъ. Возьмите любое сокровище, возьмите женщину со всѣми совершенствами, (*нѣжно*) себя самихъ возьмите; вы увидите, что ни сокровище, ни эта женщина не удержатъ человѣка, увлекаемаго воображеніемъ. Вы будете также любимы, но въ обществѣ, съ которымъ мужъ вашъ познакомился еще до вашей женитьбы и въ которомъ вы не можете никогда быть, найдется женщина, не столько прекрасная, какъ вы, но зато прекрасная наружно до того, что художникъ позволитъ сказать себѣ: «вотъ идеаль!»

АВРЕЛІЯ. Женщина!

БАРОНЪ. Пламенное воображеніе художника, разрушивъ алтарь прекрасной и добродѣтельной женщины, воскуряетъ опіямъ предъ тою, которая не можетъ идти даже въ сравненіе съ первою, но выкупаетъ все это прелестью новизны.

АВРЕЛІЯ. Объясненія второну; одно слово, о комъ вы говорите? Кто эта женщина?

БАРОНЪ. Я не думаю, чтобы вы ее знали.

АВРЕЛІЯ (*гнѣвно*). Имя ея?

БАРОНЪ. Госпожа Графенъ.

АВРЕЛІЯ (*вскрикнувъ*). Госпожа Графенъ? О я знаю ее! Въ-самомъ-дѣлѣ, она прекрасна, она лучше меня! Колонжъ любить ее! (*по-*

молчавъ). Благодарю васъ за откровенность. Но вы понимаете, что словъ вашихъ недостаточно, мнѣ нужны доказательства.

БАРОНЪ. Доказательства! Вы ихъ найдете въ мастерской.

АВРЕЛІЯ. Въ его мастерской? Она!..

БАРОНЪ. На картинѣ, которую онъ пишетъ.

АВРЕЛІЯ. Ея портретъ!

БАРОНЪ. Я опечалилъ васъ. О, еслибъ отъ меня зависело отвратить этотъ ударъ! Но вы хотѣли знать истину, и я не могъ скрыть ее, хотя она должна была поразить васъ въ самое сердце.

АВРЕЛІЯ. О, да, въ сердце!

БАРОНЪ. Соединяя въ себѣ все, что можетъ привязать и восхищать человѣка, вы, конечно, не можете привыкнуть къ мысли, что тотъ, кто имѣетъ счастье обладать вами, можетъ желать чего-нибудь другаго. Другой на мѣстѣ Колонжа ограничился бы желаніемъ нравиться вамъ; вмѣсто того, чтобы измѣнять, старался бы сдѣлаться 'достойнымъ любви вашей. (*страстно*) Другой на его мѣстѣ, и это я говорю по собственному убѣжденію, любилъ бы васъ пламенно, нераздѣльно, вѣчно! (*Движеніе Авреліи*). Если Колонжъ поступилъ иначе, это значитъ, что такое глубокое чувство несовмѣстно съ честолюбіемъ, которое, преобладая въ художникѣ, дѣлаетъ его эгоистомъ.

АВРЕЛІЯ. Отнимая у меня часть жизни, между-тѣмъ какъ моя жизнь вся принадлежитъ ему, онъ повинуется необходимымъ законамъ организациі художниковъ. О, зачѣмъ я не полюбила обыкновеннаго человѣка! Онъ любилъ бы меня!

БАРОНЪ. Надо быть снисходительнымъ къ бѣдному Колонжу. У каждаго дерева—свой плодъ, и требовать отъ артиста постоянства въ любви, тоже, что, говоря словами г-жи Габріэль, требовать розъ отъ лавра. Что художникъ пишетъ портретъ любимой женщины, это вещь обыкновенная, но женатому человѣку выставлять на показъ любовь къ замужней женщинѣ, и притомъ на картинѣ, назначенной для всѣхъ, это можно объяснить только страстью, близкою къ безумію, иначе онъ не оскорбилъ бы васъ такъ жестоко.

АВРЕЛІЯ. И такъ я ничего не значу въ его жизни, онъ не могъ всегда любить меня! Вина въ не онъ, а я! Я не дѣйствую болѣе на его воображеніе, не долженъ ли онъ естественно искать въ другой женщинѣ тѣхъ прелестей, которыхъ уже болѣе не находитъ во мнѣ. (*молчавъ немного и пристально взглянувъ на барона*). Но я повѣрю тогда только, когда увижу собственными глазами. Теперь, я прошу васъ оставить меня, я такъ взволнована... Завтра я сама удостою васъ въ справедливости словъ вашихъ.

БАРОНЪ (*откланивается*). О, какая ревнивица!

XI.

АВРЕЛІА одна.

Да, завтра же! Я проберусь въ его мастерскую, хотя бы для этого мнѣ надо было употребить силу. И онъ увидитъ тогда, какъ мститъ оскорбленная женщина!

ДѢЙСТВІЕ III.

Мастерская Колонжа. Внутри дверь, направо окно, къ которому представлена картина, занимающая всю правую сторону сцены, и запернутая зеленой занавѣской. На лѣвой сторонѣ маленькая дверь, закрытая красной портьерой. Въ комнатѣ бѣсты, краски, палитры.

I.

ЛЮДОВИКЪ мететь и убираетъ комнату.

ЛЮДОВИКЪ. Какъ у этихъ господъ живописцевъ трудно содержать комнаты въ чистотѣ и порядкѣ... все разбросано, а не смѣй ничего тронуть, да еще, ко всему, будь вѣчно на сторожѣ, какъ бы кто сюда не проскользнулъ... Эти господа такіе любопытные; ужъ не разъ ко мнѣ подъезжали: Людовикъ, голубчикъ, отвори мастерскую, покажи картину! Какъ бы не такъ! А баринъ, всегда уходя, непременно скажетъ: смотри не зѣвай, держи ухо востро, чтобы никто не осмѣлился войти сюда... даже жена! Слышишь-ли, дуралей, даже жена! Ну на нее, голубушку, жаль пожаловаться, хоть женщина, а не любопытна!.. Ужъ зато я запираюсь всегда, когда убираю комнату; да и выхожу изъ нея, такъ ключъ у меня всегда въ карманѣ, пока баринъ его не потребуетъ. (*прислушивается*) Чтò это! Кто-то стучится... кому бы такъ рано!

АВРЕЛІА (*за дверью*). Отопри, Людовикъ!

ЛЮДОВИКЪ. Ай, ай! Г-жа Колонжъ!

АВРЕЛИЯ (*тамъ же*). Слышишь-ли, отопри!

ЛЮДОВИКЪ. Радъ-бы, сударыня, да вы знаете, баринъ запретилъ...

АВРЕЛИЯ. А я тебѣ приказываю.

ЛЮДОВИКЪ. Какъ же быть: одинъ запрещаетъ. другая приказываетъ... а если изъ двухъ приказаній господь одно противорѣчить другому, умный слуга не затрудняется въ выборѣ.

АВРЕЛИЯ. Чтѣ ты тамъ бормочешь? Долго-ли еще дожидаться?

ЛЮДОВИКЪ. Сейчасъ, сударыня, сейчасъ. Надо повиноваться госпожѣ, хотя бы заслужилъ гнѣвъ господина. (*отпираетъ*) Вѣдь не съѣсть же онъ меня въ-самомъ-дѣлѣ.

II.

ЛЮДОВИКЪ И АВРЕЛИЯ.

АВРЕЛИЯ (*входя*). Наконецъ ты надумался!

ЛЮДОВИКЪ. Я говорилъ себѣ, сударыня, что черезъ четверть часа г. Коломъжъ вернется съ своей обычной прогулки по террасѣ.

АВРЕЛИЯ. Это не твоя забота... оставь меня.

ЛЮДОВИКЪ. Слушаю, сударыня! (*всторону*) Чтѣ касается до этого, я самъ очень радъ уйти куда-нибудь подалѣе. Пусть раздѣляются они промежъ собою, какъ знаютъ... (*уходитъ*).

III.

АВРЕЛИЯ одна.

АВРЕЛИЯ (*съ безпокойствомъ*). Наконецъ я одна! Настала минута удостовѣриться въ обвиненіи Эрнеста! О, какъ бьется мое сердце! Надо поспѣшить, онъ можетъ вернуться. (*быстро идетъ къ картинѣ, отдергиваетъ занавѣсъ и жадно смотритъ на нее*). А! вотъ она, (*закрываетъ глаза рукою и опирается на спинку кресель, чтобы не упасть отъ волненія*). Вотъ эти бѣлокурые волосы, эти плечи!.. (*плачетъ*) Эрнестъ, Эрнестъ!.. я погибла, ты мнѣ предпочелъ ее! (*помолчавъ немного, съ гордостью*). Я плачу!.. Развѣ красота другой женщины даетъ право мужчинѣ измѣнять клятвамъ, даннымъ прежде той, которая вся принадлежитъ ему, съ которою онъ связанъ священными узамъ любви и брака? О, Эрнестъ, ничто не можетъ оправдать твоей измѣны! Но я не буду такъ малодушна, чтобы безъ боя уступить соперницѣ! пусть онъ узнаетъ месть мою! (*быстро подходитъ къ столу, на которомъ лежатъ краски и палитра, схватываетъ кисть и обмакиваетъ въ краску*). Пусть придетъ онъ теперь! (*замазы-*

ваетъ фигуру). Вы съ такою любовью рисовали эту женщину!.. полюбуйтесь теперь ею... (*прислушиваясь*). А! онъ идетъ, я слышу его шаги по лѣстницѣ. (*прячется за занавѣсъ боковой двери*).

IV.

КОЛОНЖЪ входитъ.

КОЛОНЖЪ (*запирая за собою дверь*). Странно! Людовикъ забылъ въ первый разъ запереть за собою двери. Людовикъ! его здѣсь нѣтъ! Это удивительно! (*оглядывается на картину*). Занавѣсъ отдернута! (*подходитъ къ картинѣ и останавливается въ остолененіи*). Людовикъ! Что это такое? Людовикъ! О, только живописецъ, какой-нибудь тайный врагъ могъ мнѣ нанести подобное оскорбленіе! Три недѣли труда, самаго постоянного, разрушено въ одно мгновеніе! Какъ ловко умѣлъ онъ попасть мнѣ въ самое сердце, сдѣлать ударъ свой смертельнымъ. Моя прекрасная фигура, моя очаровательная блондинка, которой не доставало только крыльевъ, чтобъ быть амуромъ, запачкана, обезображена этимъ разбойникомъ! О я найду, я отыщу его, и тогда горе ему, я накажу его!

V.

КОЛОНЖЪ И АВРЕЛІЯ.

АВРЕЛІЯ. Такъ вымещайте же на мнѣ гнѣвъ вашъ!

КОЛОНЖЪ (*внѣ себя отъ удивленія*). Аврелія! ты здѣсь... и это ты...

АВРЕЛІЯ. Да, я!

КОЛОНЖЪ. Но чѣмъ же была она виновата предъ тобою? Знаешь ли, что ты разрушила трудъ цѣлыхъ трехъ недѣль!

АВРЕЛІЯ. Вы видите меня въ послѣдній разъ; я уѣду къ отцу моему, тогда вы можете сколько угодно малевать вашу блондинку; но до тѣхъ-поръ вы не должны были позволить себѣ этого; вы должны были довольствоваться тѣмъ, что обманывали меня, но оскорблять,—я этого не заслужила.

КОЛОНЖЪ. Тебя обманывать? тебя оскорблять? Ради Бога, что все это значить?

АВРЕЛІЯ. Я ненавижу васъ! Не заставляйте же васъ презирать. Къ чему все это лукавство; развѣ я не знаю госпожи Графенъ!

КОЛОНЖЪ (*радостно*). Ты ревнуешь! О, я забываю все свое горе!.. Какое ребячество! Оттого, что одно изъ лицъ моей картины похоже на

г-жу Графенъ, ты ревнуешь меня къ этой женщинѣ, съ которой я никогда не говорилъ, которую едва знаю!

АВРЕЛІЯ. Едва знаете? Вы лжець! Вы ее любите, я это знаю! Вы никогда не говорили съ нею? Не скажете ли, что и портретъ ея писали вы, не зная сами, что дѣлаете?

КОЛОНЖЪ. Конечно,—и сказалъ бы правду: я думалъ, что дѣлаю вещь самую обыкновенную, и вовсе не подозрѣвалъ тутъ преступленія.

АВРЕЛІЯ. Здѣсь или у нея въ домѣ были ваши сеансы?

КОЛОНЖЪ. Сеансовъ никакихъ не было, клянусь тебѣ. И съ чего ты взяла все это? Мнѣ просто понадобилась голова блондинки, я увидѣлъ г-жу Графенъ, нашелъ лицо ея годнымъ для моего сюжета, и воспользовался имъ по праву живописца, такъ же, какъ могъ-бы воспользоваться головою старика или ребенка. Если я провинился въ чемъ нибудь, то ужъ вѣрно безъ всякаго дурнаго намѣренія.

АВРЕЛІЯ. И вы писали портретъ г-жи Графенъ безъ ея вѣдома?

КОЛОНЖЪ. Конечно. Быть-можетъ я въ-самомъ-дѣлѣ поступилъ нескромно; однакожь, въ такомъ случаѣ, г-жа Графенъ имѣетъ болѣе причинъ негодовать на меня, нежели ты.

АВРЕЛІЯ. Никогда не повѣрю этому. Снимая съ меня портретъ, вы взяли, по-крайней-мѣрѣ, восемь длинныхъ сеансовъ, и это вамъ казалось мало.

КОЛОНЖЪ. Потому-что это былъ твой портретъ; мы не были еще обвиняны. Я не имѣлъ права видѣть тебя, сколько мнѣ хотѣлось; какъ же могли мнѣ казаться слишкомъ частыми или слишкомъ длинными сеансы, давашіе мнѣ случай быть съ тобою наединѣ?

АВРЕЛІЯ. Вы меня не увѣрите, что можно рисовать на память.

КОЛОНЖЪ. Однакожь многіе живописцы одарены этою способностью; посвятивъ себя изученію природы, они удерживаютъ въ душѣ своей изображеніе видимыхъ предметовъ долѣе и яснѣе, чѣмъ другіе люди.

АВРЕЛІЯ (*ревниво*). Особенно, когда эти изображенія—хорошенькія женщины?

КОЛОНЖЪ. Если ты мнѣ не вѣришь, я готовъ представить доказательства. (*беретъ бумагу и карандашъ, который чинитъ*).

АВРЕЛІЯ. Что вы хотите дѣлать?

КОЛОНЖЪ. Снять твой портретъ на память. Вѣдь, кажется, мы об этомъ споримъ; ты увидишь обманываю ли я тебя, и узнаешь, что мои слова заслуживаютъ немного болѣе довѣрія. (*Колонжъ рисуетъ и по временамъ закрываетъ глаза, какъ бы желая вспомнить ускользающія отъ него черты. Аврелія стоитъ за стуломъ и съ любопытствомъ смотритъ на работу*). Ну, какъ тебѣ это кажется?

АВРЕЛІА. Вы правы; я не сомнѣваюсь въ вашемъ талантѣ; вы можете помнить всякое лицо, которое вамъ нравится, всѣхъ женщинъ, которыя успѣли обратить ваше вниманіе.

КОЛОНЖЪ. Не только хорошенькихъ, но и дурныхъ.

АВРЕЛІА. Дурныхъ! Развѣ вы смотрите на дурныхъ?

КОЛОНЖЪ. Живописецъ смотритъ на все и помнить все. Хочешь-ли я нарисую тебѣ портретъ безобразной женщины?

АВРЕЛІА (*равнодушно*). Какъ вамъ угодно.

КОЛОНЖЪ (*взявъ другой листъ бумаги, рисуетъ снова*). Ну, кто это?

АВРЕЛІА. Ахъ, Адель Фонтанжъ! Бѣдная Адель! Еслибы она знала, какъ вы относитесь объ ней, она никогда-бъ вамъ не простила этого.

КОЛОНЖЪ. Ты видишь, что помнить не значитъ любить. Но можетъ-быть по твоему я влюбленъ въ Адель Фонтанжъ?

АВРЕЛІА. Покаянетесь-ли вы мнѣ честью, что у васъ ничего нѣтъ общаго съ этой женщиной?

КОЛОНЖЪ. Клянусь моей честью и любовью. (*цѣлуетъ руку жены*).

АВРЕЛІА. А если я прошу вамъ горестъ, которую вы заставили меня испытать, станете ли вы въ другой разъ подвергать меня подобному испытанію?

КОЛОНЖЪ. Никогда, никогда! (*глядитъ на картину*). Оно и теперь дорого стоить мнѣ.

АВРЕЛІА (*тоже глядя на картину*). Нѣтъ ли тамъ еще какого портрета между этими женскими головками?

КОЛОНЖЪ (*испуженный*). Нѣтъ, право, нѣтъ ни одного.

АВРЕЛІА. Однакожъ между ними есть очень хорошенькія.

КОЛОНЖЪ. Всѣ они созданы воображеніемъ; неужели ты и къ нимъ станешь ревновать?

АВРЕЛІА. Все же онѣ женщины.

КОЛОНЖЪ (*смѣясь*). Женщины полотняныя.

АВРЕЛІА. Вы смѣетесь; вы не можете понимать меня; вы не ревнивы!

КОЛОНЖЪ (*вздыхнувъ*). Ты думаешь?

АВРЕЛІА. Человѣку съ талантомъ несродны такія мелочи. Кто гонится за славой, какъ тому удѣлится хоть одну минуту ревности!

КОЛОНЖЪ. Ты думаешь... Надо же поправить твою глупость. (*идетъ къ картинѣ*). Придется въ пятый разъ передѣлывать эту фигуру.

АВРЕЛІА. Не опять ли станете искать вашу головку въ воображеніи?

КОЛОНЖЪ. Гдѣ-жъ прикажешь искать ее? Вѣдь ты запретила мнѣ писать портреты?

АВРЕЛІА. Но я не запрещала ихъ снимать съ меня?

КОЛОНЖЪ. Съ тебя, для этой картпы?

АВРЕЛІЯ. Отчего же и нѣтъ! Развѣ я такъ ужъ дурна?

КОЛОНЖЪ. Ты сама не знаешь, что говоришь.

АВРЕЛІЯ (съ раздражительностью). Знаю, и даже требую этого!

КОЛОНЖЪ. Это будетъ неприлично.

АВРЕЛІЯ. А вамъ кажется приличіе писать портретъ г-жи Графенъ?

КОЛОНЖЪ. Но...

АВРЕЛІЯ. Тутъ нѣтъ по. Выбирайте мое лице или ни чье.

КОЛОНЖЪ (рѣшительно). Ничье.

АВРЕЛІЯ. Начнемъ наши сеансы, теперь же, я готова. (садится).

Хорошо ли такъ?

КОЛОНЖЪ (дѣлая видъ, что рисуетъ, изрѣдка поглядывая на жену всторону). Спорить съ нею будетъ бесполезно. (глядитъ съ сожалѣніемъ на картину). Ахъ, Авредія, я не требовалъ такихъ доказательствъ любви. (глядя на жену). Впрочемъ, лишь бы она меня любила! Но чѣмъ же мнѣ замѣнить эту прекрасную голову? Вотъ счастливая мысль! Если нельзя побѣдить препятствіе, можно отворотить его. Опустимъ немного маітію этого старика... конечно, одной головой будетъ меньше, а она была прекрасна! (рисуетъ). Но останется торсъ, и онъ имѣетъ свою цѣну... Эту мысль подаетъ мнѣ живописецъ, который, отчаявшись выразить горестъ Агамемнона, закрылъ покровомъ его лицо. Конечно, враги мои обвинять меня въ безсиліи... Безумцы! знаютъ ли они, что такое ревнивая женщина, которую любишь.

АВРЕЛІЯ (вставая). Посмотримъ! (подойдя къ картинѣ). Такъ-то вы пишете мой портретъ?

КОЛОНЖЪ (бросая кисть и взявъ за руку жену). Портретъ твой? Твой портретъ, говоришь ты? Чтобы я отдалъ его безмысленной толпѣ, которая цѣлые три мѣсяца станетъ осаждать галереи Лувра? Лучше никогда не дотрогиваться до кисти, лучше отсѣчь себѣ руку! (садится на то мѣсто, гдѣ сидѣла жена и не выпуская ея руки изъ своихъ рукъ). Не довольно ли тѣхъ балыныхъ салоновъ, которые любишь ты, и которые я ненавижу! Ты не подозрѣваешь во мнѣ ревности, Авредія!

АВРЕЛІЯ (которая холодно отвѣчала на ласки мужа, опирается на плечо его). Ревности, въ тебѣ? Не думай обмануть меня. Кто ревнивъ, тотъ не имѣетъ ни минуты покоя, создаетъ себѣ тысячи призраковъ, всего боится, а ты всегда такъ спокоенъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я твоя жена, вздумалось ли тебѣ хоть разъ обратить вниманіе на людей, которымъ пріятно, какъ кажется, со мною бесѣдовать? Эти лю-

ди такъ мало тебя занимають, что я сама о нихъ никогда тебѣ не говорила.

КОЛОНЖЪ (*лукаво*). Можетъ-быть, это было бы излишне.

АВРЕЛІЯ. Не думаешь-ли ты увѣрить меня, что наблюдаешь за мною, между-тѣмъ какъ я этого и не подозреваю? Съ начала этой зимы не одинъ уже разъ давали мнѣ чувствовать, что меня находятъ очаровательною, умною, говорили однимъ-словомъ все, что говорится въ подобныхъ случаяхъ; я дѣлала завоеванія, а ты между-тѣмъ рисовалъ картину. И что-жь? бьюсь объ закладъ, что при всей твоей ревности ты не укажешь мнѣ ни на одного изъ моихъ поклонниковъ.

КОЛОНЖЪ. Ни на одного? а не хочешь-ли на всѣхъ?

АВРЕЛІЯ. Тогда... тогда я стала бы еще болѣе любить тебя!.. Но ты лжешь.

КОЛОНЖЪ (*встаетъ и подводитъ жену къ картинѣ*). Можетъ-ли что-нибудь быть оскорбительнѣе для художника? Твои слова доказываютъ, что кромѣ несчастнаго портрета г-жи Графенъ, ты не удостоила обратить ни малѣйшаго вниманія на мою работу; между-тѣмъ моя картина заняла бы тебя, еслибы ты хорошенько въ нее вмотрѣлась; и тогда бы ты не предлагала мнѣ биться со мною объ закладъ. Взгляни. Вотъ г. Мариенбергъ; вотъ испанецъ донъ-Антонио-де-Пуентесъ-Кобро, Роненкуръ, вотъ Ла-Бертони, Фелисиенъ Ренъ съ товарищами, словомъ всѣ тѣ, которымъ ты такъ наивно оказывала свое расположеніе.

АВРЕЛІЯ. Хоть мнѣ не въ чемъ упрекать себя... но... я боюсь тебя!..

КОЛОНЖЪ. Тѣмъ лучше! Если ты меня боишься, то вѣрно будешь впередъ беречь мои картины.

АВРЕЛІЯ. Но ты все знаешь.

КОЛОНЖЪ. Каждый мужъ долженъ знать, кто ухаживаетъ за его женой.

АВРЕЛІЯ. Такъ ты видѣлъ все?

КОЛОНЖЪ (*смѣясь*). Не глядя ни на что; въ томъ-то и сила.

АВРЕЛІЯ. Не смѣйся, мнѣ это кажется такъ странно, что я не могу опомниться. Ты ужасный человекъ! Какъ ты могъ присматривать за мною, когда я ничего не замѣчала?

КОЛОНЖЪ. Это моя тайна. Довольно, если я скажу вамъ, сударыня, что и все вижу, все знаю; что ни одинъ вашъ шагъ не ускользнулъ отъ меня; что я читаю въ вашемъ сердцѣ, и что еслибы вы меня обманули...

АВРЕЛІЯ (*зажимая ему ротъ*). Никогда! (*слышенъ стукъ въ дверь*).

VI.

КОЛОНЖЪ, АВРЕЛІЯ и БАРОНЪ ЛИВЕРНУА за дверью.

БАРОНЪ. Колонжъ, я знаю, что ты здѣсь; это я... Ливернуа.

АВРЕЛІЯ. Отопри ему, я спрячусь туда же, гдѣ была, а когда взду-
маю—выйду. (*указывая на боковую дверь*). И взойду въ среднюю
дверь. (*прячется за занавѣсъ*).

КОЛОНЖЪ (*оттирая дверь*). Милости просимъ!

БАРОНЪ (*весело*). Въ Бастиліи не было такихъ затворовъ.

VII.

КОЛОНЖЪ, БАРОНЪ ЛИВЕРНУА и АВРЕЛІЯ за занавѣскою.

БАРОНЪ (*подходя къ картинѣ*). Что я вижу! Что ты сдѣлалъ
изъ головы г-жи Графенъ?

КОЛОНЖЪ. Полу плаща, какъ видишь!

БАРОНЪ. Что тебѣ вздумалось уничтожить такую чудесную головку!
Это была лучшая изъ всей картины! высокое произведеніе искусства! Ты
съ ума сошелъ.

КОЛОНЖЪ. Капризъ художника. (*стоитъ у картины*).

БАРОНЪ (*въ сторону къ авансценѣ*). Что скажетъ теперь Авре-
лія? Она подумаетъ, пожалуй, что я хотѣлъ позабавиться на ея счетъ,
и по-крайней-мѣрѣ цѣлая недѣля для меня потеряна. (*беретъ стулъ
и садится противъ картины*). Дай мнѣ разсмотрѣть получше эту
картину; я на нее взглянулъ вчера мелькомъ, и не смѣлъ долго оста-
ваться въ твоей мастерской, чтобы твоя жена этого не замѣтила.
(*взявъ Колонжа за руку*). Другъ мой! До-сихъ-поръ ты былъ хо-
рошимъ живописцемъ—теперь ты великій художникъ! Прекрасно, неподра-
жаемо! Признаюсь, я ждалъ увидѣть замѣчательную картину, а не та-
кое высокое произведеніе.

КОЛОНЖЪ. Такъ тебѣ моя картина кажется не совсѣмъ дурною!...
Мнѣ это тѣмъ пріятнѣе слышать, что ты первый судья ея.

БАРОНЪ. Въ одномъ этомъ произведеніи соединилъ ты силу Дела-
круа, поэтическое одушевленіе Шефера, отчетливость въ отдѣлкѣ Дела-
роша, и краски Декана! Сколько жизни! какая выкуплость! Это насто-
щее сраженіе, а не народъ въ Олимпійскомъ-циркѣ, которымъ любуем-
ся мы на картинахъ вашихъ собратій. Не масломъ пахнетъ отъ этой
картины, а кровью. Вотъ стонетъ раненный, вотъ ржетъ лошадь: я
слышу ихъ. Какъ неподражаемо спокойнъ Марій! Онъ такъ и смотритъ
полководцемъ, который, распоряжая битвою, не хочетъ самъ марать кровью

рукъ своихъ. А эти бѣлокурыя женщины, которыя давятъ себя собственными волосами своими, чтобъ избѣжать пльна—какъ прекрасны онѣ въ самыхъ мученіяхъ! (*съ видомъ знатока заходитъ то справа, то слева картины*). Бьюсь объ закладъ—я знаю этого кимвра! который лежитъ подъ колѣномъ римскаго воина, наносящаго ему послѣдній ударъ. Да, я не ошибся, это нашъ общій другъ Ла-Бертони! Ха, ха, ха!

КОЛОМЖЪ. Прости капризу художника, или лучше негодованію мужа. Эти «пожиратели сердецъ», ухаживающіе за моей женой, пропикаютъ даже ко мнѣ въ мастерскую; ихъ глушыя рожи срываются у меня съ кисти, и часто переходятъ на полотно совершенно безъ моей воли.

БАРОНЪ. Это идея Данта и Микель-Анджело.

КОЛОМЖЪ. Къ несчастью, у меня нѣтъ ада, гдѣ-бъ я могъ отвести квартиру врагамъ моимъ. Мнѣ нельзя было сдѣлать изъ нихъ осужденныхъ, и потому я изобразилъ ихъ побѣжденными. Понскавъ хорошенько, ты найдешь здѣсь почти всѣхъ знакомыхъ. Тотъ, который бѣжитъ безъ оглядки... Роненкуръ; тотъ, уныло опустившій голову.—Маріенбергъ; вотъ стоитъ на колѣняхъ и молить о пощадѣ донъ-Антоніо де Пуэнтесь-Кобра. Впрочемъ я помню, что ты помогъ мнѣ узнать ихъ продѣлки.

БАРОНЪ. Не стоить благодарности... это я сдѣлалъ столько же для дружбы, какъ и для своей собственной потѣхи. А вотъ на первомъ планѣ полумертвый Фелисьенъ Ренье... что за уморительная гримаса, точно лимонъ ѣсть... сходство поразительное!

КОЛОМЖЪ. Желаніе отмстить этимъ господамъ заставило меня рѣшиться на попытку, успѣхъ которой въ наше время сомнителенъ: я хотѣлъ соединить трагическое со смѣшнымъ.

БАРОНЪ. Превосходно. Ты приѣмилъ къ живописи систему Виктора Гюго. Такое нововведеніе будетъ имѣть успѣхъ пирамидальный. Но мнѣ кажется, я въ-правѣ упрекнуть тебя въ одномъ: зачѣмъ ты только думалъ о врагахъ своихъ, а позабылъ истинныхъ друзей. Изъ однихъ ты сдѣлалъ побѣжденныхъ, изъ другихъ могъ бы сдѣлать побѣдителей. Для меня, признаюсь, было бы лестно перейти въ потомство въ числѣ вояновъ Марія.

КОЛОМЖЪ (*съ двусмысленною улыбкою*). Въ-самомъ-дѣлѣ, у тебя римскій профиль. Мнѣ не нравится въ картинѣ голова одного центуріона, и если хочешь я замѣню ее твоею.

БАРОНЪ (*обнимая Коломжу*). Ты обяжешь меня! (*всторону*). Какова мысль! Заставить мужа той женщины, за которой я ухаживаю, включить меня въ число побѣдителей!.. О простодушіе художника! (*Коломжу*). Позволь мнѣ спросить тебя, Коломжъ, по какому

праву прекрасная иностранка, г-жа Графенъ, нашла мѣсто въ твоей картинѣ; по праву пріятельницы или недруга?

КОЛОНЖЪ. Ни потому, ни по другому; а просто по праву совершенной блондинки. Въ Парижѣ бѣлокурыя красавицы также рѣдки, какъ типъ лица, характеризующій германское племя. Эта фигура вся на виду, и мнѣ надо было приложить къ ней особенное стараніе. Съ станомъ ея я кое какъ сладилъ, но не можешь представить, чего мнѣ стоила ея голова!

БАРОНЪ (*съ отчаяніемъ*). И ты ее уничтожилъ!

КОЛОНЖЪ (*какъ будто не слыша*). Я принимался передѣлывать ее четыре раза, и все-таки не былъ доволенъ. Наконецъ, какъ-то въ оперѣ мнѣ случилось быть подлѣ ложи г-жи Графенъ... Вотъ моя голова, подумалъ я, и вернувшись домой скопировалъ ее на память. Но довольно объ этомъ. Скажи мнѣ, какъ идутъ твои дѣла съ Ла-Бертони?

БАРОНЪ. Думаю, что безъ дуэли не обойдется. А думалъ ли ты, чтобы Ла-Бертони былъ такимъ Макиавелемъ?

КОЛОНЖЪ. Непостижимо.

БАРОНЪ. Тартюфъ въ сравненіи съ нимъ, не болѣе какъ ученикъ. Какова уловка, обвинять самаго-себя, — когда маска съ насъ спала!

КОЛОНЖЪ. А каковъ способъ—чернить другихъ, чтобъ самому быть бѣлымъ!

БАРОНЪ. Посягать на твое довѣріе ко мнѣ!

КОЛОНЖЪ. Сваливать на тебя вину свою!

БАРОНЪ. Стараться разсорить друзей!

КОЛОНЖЪ. Увѣрять, будто ты влюбленъ въ жену мою!

БАРОНЪ. Это низко!

КОЛОНЖЪ. Это подло!

БАРОНЪ (*всторону*). Вотъ дуэтъ. И онъ же мнѣ подтягиваетъ! (*вслушв*). Но, любезный другъ, что если эти глупыя выходки оставили въ умѣ твоемъ какое-нибудь впечатлѣніе?

КОЛОНЖЪ. За кого ты меня принимаешь? (*значительно*). Развѣ я не знаю тебя?

БАРОНЪ. Но если вѣрить Бомарше, отъ клеветы всегда что-нибудь да остается.

КОЛОНЖЪ. Какъ положиться мнѣ на слова человѣка, оскорбленнаго шуткою, какую ты съ нимъ сыгралъ, ради меня же, я это помню, человѣка, который, обвиняя тебя, думаетъ только объ отмщеніи?

БАРОНЪ. Я въ восторгѣ, что ты такъ хорошо понялъ настоящую

причину поведенія Ла-Бертони. Стало-быть мнѣнїе твое обо мнѣ не измѣнилось?

КОЛОНЖЪ. И не перемѣнится никогда. (*береть руку Барона*). Сегодня я вѣрю тебѣ столько же, какъ и вчера.

БАРОНЪ (*всторону*). Глупецъ Ла-Бертони! Ты хотѣлъ открыть глаза мужу!

VIII.

ПРЕЖНІЕ и АВРЕЛІА.

АВРЕЛІА (*насмѣшливо*). Очень рада, господа, найти въ васъ Ореста и Пилада. Я увѣрена, однако, что, не взирая на такую примѣрную дружбу, вы опять, баронъ, забыли исполнить желаніе жены вашего друга—а оно должно быть для васъ священно. Гдѣ жъ тотъ альбомъ, который вы обѣщались принести мнѣ.

БАРОНЪ (*ударяя себѣ въ лобъ*). Экая разсѣянность! Сегодня я нарочно вынулъ его изъ шкафа, положилъ на бюро, и забылъ. Нынче же вечеромъ доставлю вамъ непременно.

АВРЕЛІА. Еще вечеромъ!

БАРОНЪ. Если угодно, я сейчасъ же поѣду за нимъ.

АВРЕЛІА. Тото же! Хотя мнѣ и совѣстно обременять васъ этимъ, но вы знаете, терпѣніе не наша добродѣтель. Когда вы сказали, нынче вечеромъ, я думала, что это будетъ черезъ сто лѣтъ. Я жду васъ.

БАРОНЪ. И будете ждать не долго. (*уходитъ*).

IX.

АВРЕЛІА и КОЛОНЖЪ.

АВРЕЛІА. Я очень рада, что мнѣ удалось спровадить его на нѣскольکو времени.

КОЛОНЖЪ. Для чего это?

АВРЕЛІА. Ты это сейчасъ узнаешь.

КОЛОНЖЪ. Ну что? Тебѣ было весело тамъ. (*указывая на занавѣску*).

АВРЕЛІА. Очень весело; но я слышала, что дѣло не обойдется безъ дуэли?

КОЛОНЖЪ. Да, если я не помѣшаю имъ; они взбѣшены оба, особенно бѣдный Ливернуа.

АВРЕЛІА. Бѣдный!

КОЛОНЖЪ. Да и какъ ему не бѣситься, когда на него такъ безбожно клеветуютъ.

АВРЕЛІА. Клеветаютъ, ты думаешь? И ты хочешь увѣрить меня, что ревнивъ! Но тебѣ! Баронъ возвращается—стань въ свою очередь за эту занавѣсъ!... Я намѣрена потѣшить тебя и себя.

КОЛОНЖЪ. Но...

АВРЕЛІА (*тащитъ его силой*). Я этого требую.

Х.

БАРОНЪ, ЛИВЕРНУА и АВРЕЛІА (*сидитъ задумавшись*).

БАРОНЪ. Вотъ альбомъ. Загналъ лошадь, чтобы сдѣлать вамъ угодное. (*Аврелия беретъ альбомъ и кладетъ его на столъ, не раскрывая*). Но гдѣ же вашъ мужъ?

АВРЕЛІА. Я его услала съ порученіемъ къ г-жѣ Габріель; онъ поѣхалъ къ ней очень неохотно.

БАРОНЪ (*всторону*). О счастье! Она приготовила сама это свиданіе!

АВРЕЛІА. Я видѣла наконецъ картину.

БАРОНЪ. Вы, можетъ-быть, думаете, что я васъ обманывалъ... но, клянусь вамъ, эту голову я вчера видѣлъ, видѣлъ собственными глазами.

АВРЕЛІА (*тихо*). И я ее видѣла.

БАРОНЪ (*съ видимымъ удовольствіемъ*). Вы знаете, я наперсникъ вашъ. (*беретъ стулъ и садится возлѣ Аврелии*). Вы можете мнѣ все говорить; никто не будетъ слушать васъ съ такою глубокою преданностью, съ такимъ чистосердечнымъ участіемъ, какъ я. Смѣю ли спросить, что случилось?

АВРЕЛІА. Почти ничего; видя, что голова, о которой говорили мы, мнѣ не нравится, ее закрасили.

БАРОНЪ. Неужели. Вамъ пожертвовали ею? Ну, я думаю, чего-нибудь да стоила эта жертва сердцу художника!

АВРЕЛІА. А еще болѣе сердцу вздыхателя.

БАРОНЪ. Васъ все еще тревожитъ мысль, что онъ любитъ ее?

АВРЕЛІА. Не сами ли вы мнѣ объ этомъ говорили?

БАРОНЪ. Но я тоже говорилъ вамъ, что не отъ меня зависѣло смягчить истину, которую вы хотѣли знать.

АВРЕЛІА. Я не такъ слаба, какъ вы думаете; (*гордо*) у меня достанетъ силъ слушать истину, какъ бы горька она ни была. Другая на моемъ мѣстѣ залилась бы слезами, упала бы въ обморокъ, стала бы призывать смерть; я, напротивъ, буду терпѣливо и мужественно поко-

ряться судьбѣ. Когда Колонжъ любилъ меня, я сама была привязана къ нему всею душою; но теперь, когда любовь его кончилась, я стада бы презирать себя, еслибы чувствовала что-нибудь похожее на любовь къ нему. Это внезапное измѣненіе чувства удивительно даже для меня: я никогда не подозрѣвала въ себѣ такого твердаго, мстительнаго характера. Пока я сомнѣвалась, страданія мои были нестерпимы. Лишь только я увѣрилась въ измѣнѣ, то совѣмъ забыла о своихъ страданіяхъ.

БАРОНЪ (*вкрадчиво*). Страданіямъ нельзя пособить, и мнѣ остается только радоваться вашей рѣшимости.

АВРЕЛІА. Плакать, стенать, терзаться за неблагодарнаго! Играть роль жертвы!.. Конечно, я не буду такъ глупа и такъ малодушна... Иначе всякій будетъ имѣть право смѣяться надо мной.

БАРОНЪ. Не смѣяться, а сожалѣть о васъ.

АВРЕЛІА. Это еще хуже. Неужели я такъ безобразна, чтобъ стали жалѣть обо мнѣ? Я скорѣе вынесу оскорбленіе, нежели сожалѣніе. Еслибы я знала, что вы жалѣете меня, я никогда бы вамъ не простила этого.

БАРОНЪ. А еслибы страданія ваши вдохнули въ меня другое чувство, которое въ тысячу разъ нѣжнѣе, глубже и пламеннѣе сожалѣнія, простили ли бы вы мнѣ тогда?

АВРЕЛІА. Стало-быть это чувство для кого-нибудь оскорбительно, когда оно имѣетъ нужду въ прощеніи?

БАРОНЪ. Оскорбительно! Неужели оскорбленіемъ можно назвать живѣйшее участіе, глубочайшее уваженіе, самую пламенную нѣжность, любовь наконецъ? Да, любовь, и какую любовь! какой никогда еще не внушала женщина!

АВРЕЛІА. Вы любите меня?

БАРОНЪ. Страстно, до безумія! (*на кольяхъ*) Аврелія, я жду вашего взгляда, одного ласковаго взгляда!

КОЛОНЖЪ (*въ это время выходитъ изъ-за занавѣса и становится позади барона*).

АВРЕЛІА (*Колонжу*). Ну, кто выигралъ?

БАРОНЪ (*быстро повернувъ голову и увидѣвъ Колонжа, не говоря ни слова, схватываетъ шляпу и бѣжитъ къ дверямъ*).

КОЛОНЖЪ. Куда же ты? (*останавливаетъ его и едетъ къ авансценѣ*). Клади шляпу и садись. Я не мстительнѣ, въ карманѣ у меня нѣтъ ни кинжала, ни пистолета.

БАРОНЪ (*собранный съ духомъ*). Не знаю, въ какую игру станемъ мы играть, но могу сказать заранѣе—я проигралъ. (*беретъ стулъ и садится*).

АВРЕЛІА. Не вы одни (*глядитъ на мужа*).

КОЛОНЖЪ. Да, баронъ, я тебѣ товарищъ въ несчастіи. Я долженъ объяснить все, потому-что, несмотря на весь твой умъ, ты тутъ ничего не поймешь. Знай, что маленькая сцена изъ Тартюфа, которую мы разыграли, выдумана женою,—а не мною.

АВРЕЛІЯ. Что, баронъ, хорошо я сыграла роль оставленной, дышащей мщеніемъ женщины?

КОЛОНЖЪ. Надо быть ко всѣмъ справедливымъ. И у барона были прекрасныя минуты; онъ славно сказалъ. » Оскорбленіе! Неужели можно назвать оскорбленіемъ — живѣйшее участіе » и прочее.

АВРЕЛІЯ. И еще лучше: «Страстно, до безумія!»

КОЛОНЖЪ. Пантомима также не уступала краснорѣчію: живописиѣ его не станешь на колѣни. Но я долженъ еще объяснить маленькій прологъ къ нашей пьескѣ. Ты знаешь, какъ я принялъ доносъ Ла-Бертони, и какъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы ты старался нравиться женѣ моей! Аврелія не раздѣляла моего мнѣнія; напрасно я ей говорилъ о дружбѣ твоей ко мнѣ, напрасно перечислялъ услуги, какія ты мнѣ оказала, она стояла на томъ, что безкорыстіе и искренность дружбы не рѣдко бываютъ подвержены нѣкоторому сомнѣнію. Я бралъ твою сторону—напрасно. Между-тѣмъ, какъ въ моихъ глазахъ ты оставался самымъ преданнымъ другомъ, въ ея глазахъ ты былъ самымъ вѣроломнымъ, самымъ лицемернымъ человѣкомъ. Извини. Это говорить—моя жена. Короче: споръ нашъ кончился по-англійски—закладомъ.

БАРОНЪ. Котораго проигрышъ заплачу я: это ясно. Послушай, Колонжъ. Ты уменъ, но не оскорбляя тебя, г-жа Колонжъ еще умнѣе. Равнымъ оружіемъ мнѣ не трудно бы сражаться, но когда вы оба противъ меня одного, я безъ стыда могу признаться въ проигрышѣ. Чтобы заплатить за урокъ, данный, мнѣ я дамъ тебѣ совѣтъ.

КОЛОНЖЪ. Сдѣлай одолженіе.

БАРОНЪ (*вставая, на ухо Колонжу*). Впередъ охраняй жену свою самъ, — это будетъ гораздо вѣрнѣе. (*кланяется Авреліи и Колонжу*). До свиданія.

КОЛОНЖЪ. Прощай.

БАРОНЪ. Ну, пожалуй, прощай! Но если мы не должны болѣе видѣться, надѣюсь, по-крайней-мѣрѣ, что ты не станешь питать ко мнѣ злобы. Будь увѣренъ, что на моемъ мѣстѣ всякій бы тоже сдѣлалъ. На такихъ женщинахъ, какъ жена твоя, нельзя не остановить вниманія. (*уходитъ*).

XI.

КОЛОЖЪ и АВРЕЛІА (хохочуть).

АВРЕЛІА (*серьозно*). Теперь очередь за нами, сударь. Помните ли, что вы мнѣ говорили здѣсь?

КОЛОЖЪ (*взявъ ея руку и глядя ей въ глаза*). Люблю тебя—это что ли?

АВРЕЛІА (*отнимая руку*). Совсѣмъ нѣтъ. Вотъ что вы мнѣ говорили: «Знайте, сударыня, что я все вижу и слышу, что ни одинъ вашъ обожатель не ускользнетъ отъ меня,» Смѣете ли вы теперь повторить это?

КОЛОЖЪ. Отчего же и нѣтъ? Поведеніе мое покажется тебѣ страннымъ; но ты извинишь его, размысливъ о трудномъ положеніи, въ какое ставило меня твое умѣнье всѣмъ нравиться—и мой трудъ, который поглощалъ половину моей жизни. Враги мои были такъ многочисленны, что, отчаявшись побѣдить ихъ открытою силою, я долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости. Знаешь ли ты, что значить охотиться съ лягавою собакою?

АВРЕЛІА. Забавный вопросъ!

КОЛОЖЪ. Ни чуть не забавный. Чтобъ ты поняла мою систему обороны, для этого необходимо сравненіе Хорошая лягавая собака преслѣдуетъ дичь съ жаромъ, останавливается на извѣстномъ разстояніи и подгоняетъ ее подъ выстрѣлъ охотника; такая собака была для меня необходима въ борьбѣ, въ которую я былъ завлеченъ. И такъ, выбравъ изъ твоихъ волокитъ самага хитраго, самага тонкаго и искуснаго, словомъ, такого, въ которомъ, по моему мнѣнію, было лучшее чутье, я выучилъ его, такъ, что онъ и самъ того не подозрѣвалъ, слѣдить своихъ соперниковъ и далъ ему позволеніе только кусать ихъ. Мы пустились на охоту, онъ, подсмѣиваясь потихоньку надъ моею довѣрчивостью, а—я надъ его вѣроломствомъ. Собака сдѣлала чудеса. Надо ей отдать справедливость.

АВРЕЛІА. И такъ ты все отгадалъ?

КОЛОЖЪ. Съ перваго же дня.

АВРЕЛІА. Что жъ это такое—умъ или ревность?

КОЛОЖЪ (*взявъ ея за руку*). Это любовь.

МЕДАЛЬОНЪ.

ПОВѢСТЬ

ЕВГЕНІЯ СЛАВИНСКАГО.

I.

Много лѣтъ тому назадъ, однажды, въ позднее сентябрское время, возвращался я изъ Парголова въ Петербургъ. Путь мой лежалъ мимо чернорѣченскихъ дачъ. Открывавшійся передо мной пейзажъ, еще за нѣсколько дней полный жизни, зелени и блеску, былъ унылъ и прозраченъ. Поля казались шире и пустыньѣ, деревья рѣдко другъ отъ друга торчали по краямъ дороги, сбрасывая свои золотые листья на топкую грязь. А дачи?.. онѣ, казалось, выпустивъ своихъ хозяевъ, перемѣнившихъ жизнь, занятія и удовольствія съ перемѣною погоды, сами безропотно закрылись ставнями, застегнулись засовами и задремали подъ вой осенняго вѣтра; цвѣты садовъ сочли излишнимъ красоваться на потѣху одинокому дворнику и рѣдкому прохожему, а бѣломраморныя граціи и нимфы закутались отъ холода въ рогожныя пальто.

Пасмурно. Ни одного живаго звука. Казалось, въ самомъ легкомъ дуновеніи вѣтерка слышна была агонія природы.

Съ уныніемъ повернулъ я на старый деревянный мостъ и очутился противъ знакомой мнѣ дачи. Эта дача принадлежала, по наследству отъ мужа, больной женщинѣ, молоденькой дѣвушкѣ и двумъ малолѣтнимъ дѣтямъ, и во всякое время года была обитаема своими небогатыми хозяевами. Благодаря почтенной ветхости и некрасивости постройки, она съ своимъ узенькимъ палисадникомъ пощажена была во время-одно прежнимъ хозяиномъ своимъ, покойнымъ Свинцовымъ, убившимъ все свое состояніе на неудавшіяся спекуляціи. Не зналъ онъ вид-

но анекдота о собакахъ, которая уронила въ воду хорошій кусокъ мяса, желая схватить тѣнь его. Вдова и дѣти несчастнаго спекулянта пріютились въ скромномъ убѣжищѣ, и часто громкія рѣчи и простодушный смѣхъ звучали за густою акаціею, окружавшею палисадникъ, между-тѣмъ, какъ бѣлая занавѣска постоянно была опущена въ спальнѣ больной матери. Видно горе и бѣдность не на всѣхъ равно дѣйствовали.

Въ одну іюльскую ночь другъ мой Чеварскій проходилъ мимо дачи Свинцовыхъ; запахъ цвѣтовъ и отрывистые аккорды фортепьяно издали приманили его. Стеклянная дверь въ палисадникъ была отворена и зеркало, висѣвшее противъ нея, смутно отражало темную, массу зелени; двѣ свѣчи горѣли на фортепьяно, и внутренность небогатой комнаты казалась ярко озаренною, среди окружающаго ея сумрака ночи и деревъ. Въ углубленіи этой комнаты скрывалась таинственная виртуозка. Чеварскій могъ только замѣтить ея богатую темнорусую косу и стройный бюстъ. Она прекрасно играла, онъ слушалъ ее, опершись пылающимъ лбомъ на перекладины забора. Музыка и любовь—это два гения, таинственные, благодѣтельные, своенравно-мучительные и непокорные разсудку; чѣмъ сердце моложе, сильнѣе, прекраснѣе, тѣмъ безусловно оно подчиняется ихъ могучему обаянію. Стройный кавкадъ звуковъ остановился, замолкъ; Чеварскій все еще слушалъ; передъ нимъ захлопнулась дверь—тогда онъ поднялъ голову, и только успѣлъ уловить мелькнувшее видѣнье: граціозный образъ дѣвушки, уносившей изъ комнаты свѣчу.

Возвратившись домой, онъ разсказалъ мнѣ это приключеніе такимъ поэтическимъ слогомъ, что я, по недостатку дарованія, не берусь даже и передавать читателю подлинныхъ словъ Чеварскаго. Вообще мой молодой товарищъ былъ въ самомъ восторженномъ настроеніи духа, и я не зналъ, происходило ли это отъ благоуханія лѣтней ночи, отъ слышанной имъ музыки, или отъ видѣнной красавицы; только основательно думалъ, что эта горячка воображенія можетъ испариться, какъ камфора. Такъ бы и случилось, еслибъ безумный юноша, проснувшись утромъ, не захотѣлъ спросить себя: въ кого это я влюбленъ?

Дачная жизнь привѣтливѣе и откровеннѣе эгоистической городской жизни; свѣтленькія окна дачи и акація палисадника не могли скрыть отъ любопытнаго глаза маленькаго быта Свинцовыхъ. Старшая дочь любила свѣжій воздухъ и проводила большую часть дня съ книгою въ рукахъ, сидя на ступеняхъ крылечка. У ногъ ея и подъ ея надзоромъ двѣ маленькія дѣвочки строили удивительныя вещи изъ цвѣтовъ, горячаго песку и обломковъ игрушекъ. Сіяніе іюльскаго дня великолѣпно озаряло эту группу. Когда же солнце заходило, молодая дѣвушка садилась за фортепьяно, не подозрѣвая вблизи невидимаго, постоянного

слушателя. Нина (такъ ее звали) любила прогулки; но она никогда не выходила изъ дому безъ одной изъ своихъ маленькихъ сестеръ; точно также, какъ никогда не возвращалась безъ букета цвѣтовъ на груди. Юлинька, ея крестница и фаворитка, была прелестный ребенокъ. Ей было три года, когда художникъ Велинскій, воротившійся изъ Италіи, просилъ позволенія снять модель съ ручекъ и ножекъ ребенка. Ея богатыя черныя косы, свитыя въ кольца, прикрѣплялись на вискахъ коралловыми шпильками и обрамляли восхитительное розовое личико, съ большими черными глазами. Эти глаза, отбѣненные длинными рѣсницами, смотрѣли весело и смѣло. Нарядъ дѣвочки, всегда проходившій черезъ руки сестры, былъ свѣжъ и кокетливъ. Гуляющіе дачники, при встрѣчѣ съ ними, улыбались красотѣ ребенка,—а Нина улыбалась имъ.

Въ такихъ прогулкахъ Нина встрѣтилась и встрѣчалась съ Чеварскимъ. Сельская свобода даетъ большія привилегіи любви. Чеварскому нравилась шестнадцатилѣтняя гибкая дѣвушка; его восхищала легкій розовый румянецъ ея бѣлаго лица, плѣнительный контрастъ улыбки съ грустнымъ взглядомъ. Онъ могъ-бы замѣтить, что печальное выраженіе глазъ бывало часто притворно, что въ граціи Нины проявлялась часто заучесть, и что многія фразы интересной барышни цѣликомъ бы годились въ любой старинный романъ. Но что все это значить? Женщина кажется смѣшною или очаровательною совершенно по произволу фантазіи мужчины. Любовь слѣпа: эта аксіома стара и справедлива; любовь Чеварскаго была слишкомъ свѣжа и сильнѣе всѣхъ доводовъ разсудка или эгоизма. Онъ не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать ничего, что противорѣчило бы этой любви. Притомъ же Нина умѣла выставить себя въ выгодномъ свѣтѣ. Ея нарядъ и прическа были обдуманны и кокетливы, зонтикъ ея былъ легокъ, ботинка узка, бѣлье чисто и гладко, лента на шеѣ искусно повязана. Она любила носить серьги и браслеты—остатки минувшаго богатства. И такъ, Чеварскій и Нина довольно часто нечаянно встрѣчались въ сосѣдней рошѣ и въ полѣ. Прогулки дѣлались день ото дня продолжительнѣе, и Нина всякій разъ задумчивѣе возвращалась домой. Она шла по обыкновенію очень скоро, не слушая Юлинькиной болтовни.

Въ это время ихъ мать обыкновенно спала, и Леночка, сидя на маленькой скамейкѣ у кровати, охраняла сонъ большой.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, дѣвочка разбирала лоскутки, изъ которыхъ составлялся гардеробъ ея куклы, но при каждомъ легкомъ шорохѣ или стонѣ, быстро повертывала голову, и долго, пристально смотрѣла на мать, пока не удостовѣрялась, что это было во снѣ. Леночкѣ не хотѣлось ни пѣть, ни гулять; она была на привычномъ ей мѣстѣ, при сво-

ихъ обычныхъ занятіяхъ; она уже умѣла, какъ большая, во-время подавать лекарства, ловко поправлять одеяло и подушки. Ея худощавое, блѣзненно блѣдное личико составляло сильный контрастъ съ пѣтушею красотою Юлии; но если Юлинькой любовались всѣ, то Леночку всѣ любили. Она была кротка, послушна и услужлива. Всѣмъ угождала она. Даже, бывало, по утрамъ пойдетъ къ кухаркѣ Аксиньѣ и чистить съ нею овощи и картофель. И это обыкновеніе продолжалось до-тѣхъ-поръ, пока старшая сестрица не объявила, что барышнѣ неприлично сидѣть въ кухнѣ. Слабая отъ рожденія, Леночка часто хворала, но никогда не жаловалась. Величайшимъ для нея наслажденіемъ было ходить въ церковь и разговаривать о Богѣ; всѣ говорили, что она умна не по лѣтамъ, и потому проживетъ недолго.

Больная проснулась, приняла лекарство, и велѣла Леночкѣ поднять шторы, чтобы можно было смотрѣть въ садъ. Солнце уже заходило; Надежда Петровна спросила, воротились ли дѣти, и узнавъ, что ихъ нѣтъ еще, сказала: Пусть себѣ гуляютъ, а мы съ тобой, моя душенька, почитаемъ Евангеліе:—завтра воскресенье.

Дѣвочка быстро векарабкалась на постель, и раскрывъ книгу, стала ее благоговѣнно читать.

Въ эту минуту двери распахнулись, вбѣжала Юля и подставила розовую щечку материнскому поцѣлюю. За нею шла Нина.

— Какъ вы загулялись, сказала Надежда Петровна съ слабою улыбкой: самоваръ давно готовъ; Ниночка ты напоила бы дѣтей чаемъ.

Ниночка успѣшила исполнить приказаніе матери. Дѣти, напившись чаю, принялись играть въ спальнѣ. Въ это время Нина сидѣла у окна и молча смотрѣла на небо, но небо было такъ темно, что глазъ съ трудомъ могъ отличить на немъ мерцающую звѣздочку. Больная мать, съ трудомъ приподнимая отяжелѣвшія вѣки, бросала безпокойные взгляды на Нину; она знала, что сердце дочери для нея давно закрыто, и не требовала отчета въ ея поступкахъ; но дочь страдаетъ, это видно,—а какъ помочь? И бѣдная женщина закрывала глаза, и лучъ лампы обливаль слабымъ свѣтомъ ея исхудалое лицо. Вотъ Нина встала, вышла въ другую комнату и заиграла на фортепьяно. Мелодія, унылая и страстная, то прихотливо смолкала, то съ новымъ порывомъ оглашала комнатки. Больная мать и маленькія дѣти уснули подъ эту задушевную музыку.

II.

Золотистая полоска горизонта прорѣзывала сумракъ лѣтней ночи. Величественныя деревья темнаго сада качались и шумѣли, вѣтеръ раз-

носплъ запахъ невидимыхъ цвѣтовъ. Изъ бесѣдки раздался женскій голосъ: «Ну что же»? — Ничего, отвѣчалъ мужчина, дядя отказалъ. Впрочемъ, я пришелъ не во время: онъ боленъ и сердитъ, докторъ отъ него не выходитъ. Я не могу понять, чего онъ жалѣеть. На что столько золота ему, блѣдному, щедушному старичку: комфорта его нельзя увеличить, аппетита у него нѣтъ, свѣтскими удовольствіями онъ неспособенъ наслаждаться.

— Что же онъ говорилъ?

— Онъ говорилъ... Но извини меня, Ниночка, если я стану повторять тебѣ слова его; не забудь, что мой дядюшка старый хандра, и притомъ онъ не видалъ тебя.

— Что же? съ нетерпѣніемъ спрашивала Нина.

— Онъ говорилъ, что лишитъ меня наслѣдства, если я женюсь; потому что глупость, сдѣланная въ двадцать лѣтъ, мало ручается за благоразуміе остальной жизни; а неблагоразумному человѣку онъ не рѣшится отдать своего богатства. Глупостью, Нина, онъ называетъ невыгодный бракъ.

— Значитъ—все пропало!

— Что же ты разумѣешь подъ словомъ *все*, другъ мой? Моя любовь все та же, она не пропадетъ. Ты мнѣ дороже золота, дороже жизни. Богъ съ нимъ, съ его наслѣдствомъ, только бы ты была моею женою.

Нина пристально на него взглянула; такая любовь возбуждала въ ней болѣе удивленіе, чѣмъ благодарность.

— Какъ же мы будемъ жить? спросила она нерѣшительно.

— Прекрасно мы будемъ жить, Нина! Мы будемъ трудиться. Любовь и трудъ, развѣ не это секретъ счастья? развѣ не это назначеніе человѣка?

— Но, мой бѣдный Леонидъ, твой трудъ ничтоженъ будетъ тамъ, гдѣ такъ многіе трудятся и гдѣ жизнь такъ дорога.

— Развѣ тебѣ много нужно?

— Мнѣ вѣдь только шестнадцать лѣтъ, — отвѣчала дѣвушка голосомъ, дрожащимъ отъ слезъ: мнѣ хотѣлось бы пожить хотя немножко; а въ бѣдности какое счастье!

Чеварскій былъ уничтоженъ этимъ замѣчаніемъ. Онъ опустился на деревянную скамью и закрылъ лицо руками.

— Теперь у меня больная мать на рукахъ, продолжала Нина, не замѣчая его болѣзненного смущенія: случись несчастіе, избави Боже! не броситъ же мнѣ бѣдныхъ дѣтей. О, еслибы я была свободна!

— Что же бы тогда? спросил молодой человекъ глухимъ голосомъ и не отнимая рукъ отъ лица.

— Тогда бы я была актрисой. Я объ этомъ уже давно думаю, но не смѣю маменькѣ сказать. О, какъ-бы это было прекрасно!

Чеварскій простоналъ.

— Что съ тобою? спросила Нина.

— Ничего, отвѣтилъ онъ холодно и равнодушно, пристально взглянувъ на нее. Я вижу, что мы не сходимся въ понятіяхъ и что ты меня не любишь.

— Я не люблю? повторила дѣвушка съ упрекомъ. А это свиданіе развѣ не доказательство, не жертва.

— О, сколько я ждалъ отъ этого свиданія, произнесъ Чеварскій, какъ-бы мечтая. Что за прекрасный былъ день вчера! Сколько надеждъ, какія мечты! Возможно ли, чтобъ счастье наше было такъ шатко и неосновательно? Ниночка, люби меня, но мы больше не будемъ видѣться здѣсь. Если ты хочешь быть моей невѣстой, я пойду сегодня же къ матери твоей.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ бесѣдки и съ жадностью сталъ вдыхать почной воздухъ, между тѣмъ какъ ногти его впивались въ обнаженную грудь, какъ-бы желая вырвать тоску, ее тяготящую.

Онъ потерялъ свои надежды, свои прекрасныя мечты; а съ ними разстаться труднѣе, иногда, чѣмъ разстаться съ существеннымъ счастьемъ.

Онъ съ ужасомъ спрашивалъ себя, не исчезаетъ ли изъ его сердца любовь, такъ пышно озарявшая его жизнь въ послѣднее время. Онъ пытался пересоздать Нину въ своемъ воображеніи и увѣрялъ себя, повторяя:

— Они, конечно, правы, называя меня мечтателемъ, имъ непонятны мои мысли и чувства.

Нина также въ глубокомъ раздумьи сидѣла въ бесѣдкѣ у дубоваго стола. Уже сколько дней и ночей ей снились коляски, брильянты, воздушныя платья, — и умирающій старикъ разсѣялъ эти сны. О жестокой дядюшка! о несносной дядюшка! злой геній несчастныхъ любовниковъ, отказавшій одному въ богатствѣ, а другому въ предполагаемомъ счастьи.

Въ такомъ состояніи духа были молодые люди когда, розовый свѣтъ разлился по зеленѣющей окрестности. Большой садъ оживился, цвѣты зацвѣли въ туманѣ и надъ берегомъ зеркальнаго пруда открылся фасадъ вѣликолѣпной дачи, закрытой со всѣхъ сторонъ. Чеварскій стоялъ подъ деревомъ; надъ нимъ дрожала вѣточка, отягченная брильянтовой росой, и пѣла ранняя птичка; Нина вышла къ нему изъ бесѣдки, блѣдная и улыбающаяся.

— Пора намъ разстаться, тихо сказала она, взявъ его за руку.

Онъ поцѣловалъ ея руку и не выпускалъ изъ своей; молча вышли они изъ сада и остановились у доски, переброшенной черезъ маленькій ровъ, тянувшійся по обѣимъ сторонамъ дороги. Они стояли у столба, на которомъ была прибита дощечка и на ней написано: *Дача статскаго совѣтника М. П. Добромышцева.*

— Какъ! вскричалъ Чеварскій, прочтя эту надпись: Добромышцевъ вашъ сосѣдъ?

— Должно быть, что такъ; дача его вотъ ужъ сколько лѣтъ стоять пустою. Хозяинъ видно не здѣсь.

— Здѣсь, какъ же, я нѣсколько разъ его встрѣчалъ у дядюшки; это тотъ самый... Матвѣй Петровичъ; я и не зналъ, что его дача рядомъ съ вашею.

— Онъ молодъ? женатъ?

— Онъ вдовъ, ему будетъ лѣтъ подь-сорокъ; добрый, здоровый мужчина; я помню его жену, это былъ геній доброты, и какая красавица; онъ и теперь не можетъ безъ слезъ о ней вспомнить.

— Что-жь онъ живетъ отшельникомъ?

— Напротивъ, любитъ общество, страшный мотъ;—я знаю множество молодыхъ людей высшаго круга, что-называется львовъ, которые живутъ и веселятся на его счетъ. Онъ часто меня просилъ бывать у него, да я не рѣшался, хотя и знаю его съ отличной стороны. Онъ многимъ истинное добро дѣлалъ. Однако Нина намъ пора. Когда же мнѣ придти къ вамъ?

— Я право не знаю.

— Сегодня?

— Нѣтъ, только не сегодня.

— Почему же нѣтъ?

— Мнѣ надобно подумать.

— О чемъ?

— Какъ о чемъ, Леонидъ? За кого ты меня считаешь? Твой дядя лишаетъ тебя наслѣдства, если ты на мнѣ женишься. И ты не измѣняешь своего намѣренія. Развѣ я могу, не посоветовавшись съ совѣтью, принять такую жертву.

— Развѣ ты можешь это называть жертвою? Я выбираю то, что лучше, сказалъ Чеварскій, обрадованный добрыми словами дѣвушки и стараясь вѣрить искренности ихъ.

Нина о чемъ-то размышляла; Леонидъ пристально смотрѣлъ на нее; вдали раздался стукъ экипажа.

— Ай, вскричала молодая дѣвушка: кто-то ѣдетъ; насъ увидятъ;

бѣги! и съ рѣзвымъ смѣхомъ она отскочила къ калиткѣ своего палисадника.

Чеварскій поспѣшилъ уйти, но голосъ Нины воротилъ его.

— Я забыла сказать, у меня есть маленькое желаніе?

— Именно.

— Подари мнѣ свой портретъ.

— На что онъ тебѣ, душа моя, тебѣ стоить захотѣть, и оригиналь никогда съ тобой не разстанется.

— Но эта прихоть...

— Будетъ исполнена, сказалъ молодой человѣкъ, съ чувствомъ цѣлуя руку Нины, и съ нѣжностью глядя въ ея унылые глаза.

Они разстались; но Нина не вошла въ палисадникъ: ей захотѣлось посмотреть, кто ѣдетъ, поднимая такое густое облако пыли.

За густымъ облакомъ пыли скрывался щегольской кабриолетъ, а въ немъ прекрасный господинъ, хорошо одѣтый, съ пріятнымъ, открытымъ лицомъ. Господинъ сидѣлъ, опершись обѣими руками на красивую и солидную трость, и такимъ веселымъ взглядомъ окидывалъ зеленныя окрестности, какъ-будто-бы онѣ ему вчера достались по наслѣдству. Однако это іюльское утро могло бы исцѣлить и ипохондрика. Воздухъ былъ свѣжъ и ароматенъ, небо глубоко и величественно, длинная дорога, осыпанная деревьями, представляла чудную смѣсь тѣни и сіянія, золотистый туманъ скрывалъ еще отдаленные предметы — и къ довершенію прелести картины, у одной дачи стояла женщина съ прекраснымъ, нѣсколько утомленнымъ лицомъ. Она была закутана въ платокъ, изъ-подъ котораго бѣлѣлась ея обнаженная ручка, украшенная золотымъ браслетомъ; волосы темнымъ комомъ спускались къ шеѣ. Кабриолетъ остановился въ двухъ шагахъ отъ нея, то-есть у дачи Добромышцева; пріѣхалъ же въ эту дачу самъ хозяинъ.

Черезъ нѣсколько дней Нина получила золотой медальонъ, самой изящной отдѣлки, съ портретомъ Леонида Чеварскаго. Портретъ былъ очень хорошъ; художникъ вѣрно передалъ мягкость волнистыхъ волосъ надъ высокимъ, блѣднымъ лбомъ, женственную прелесть лица, задумчивость улыбки, разсѣянный взглядъ. Если мы и разстанемся, думала Нина, вдѣвая въ медальонъ снурокъ, я все-таки буду помнить, что была хотя разъ въ жизни любима. За медальономъ слѣдовало письмо, въ которомъ Леонидъ увѣдомлялъ Нину, что дядя вызвалъ его въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ пробыть неопредѣленное время. Нина не слишкомъ огорчилась этимъ извѣстіемъ; у ней теперь кромѣ любви было достаточно другихъ развлеченій. Добромышцевъ рѣшительно поселился въ своей дачѣ и къ нему наѣхало множество гостей; музыка и фейерверкъ служили имъ

постоянной забавой. Что за тревожныя ночи проводила Нина! Она рѣже выходила въ рощу изъ своего палисадника, и сидя на ступенькахъ крыльца, съ склоненною надъ книжкою головкой, съ напряженнымъ вниманiемъ прислушивалась къ звучнымъ голосамъ молодыхъ людей, обѣдавшихъ въ сосѣднемъ саду, къ звону ножей и тарелокъ, къ ржанью и топоту лошадей; иногда запахъ сигары доносился до ея палисадника, и эта душистая струйка воздуха увлекала ея воображенiе къ давнему времени, когда она была маленькая и жила въ комнатахъ съ большими зеркалами... къ ея отцу сходились много друзей, но на нее, ребенка, тогда никто еще не обращалъ вниманiя. Вотъ гости отобѣдали; они поѣдутъ скоро кататься. Первый выѣзжаетъ хозяинъ; онъ сидитъ на дрожкахъ непостижимаго устройства, самъ править лошадей, и поднявъ хлыстъ надъ головой, обращаетъ свое румяное лицо къ слѣдующей за нимъ молодежи, старающейся вообще жить какъ можно легче и шумнѣе. Нина провожаетъ глазами Добромышцева; она невольно уважаетъ его умѣнье пользоваться деньгами и жизнью.

— Какъ жаль, что онъ не женатъ! думаетъ она: какъ бы общество женщинъ разнообразило ихъ удовольствiя!

Дѣтей еще сильнѣе, чѣмъ Нину, интриговалъ роскошный бытъ сосѣда. Оставивъ игры, обѣ дѣвочки смотрѣли въ щелки забора, желая подмѣтить какое-нибудь новое чудо, изобрѣтенное богатымъ дядею. Юлинька, ложась спать, всегда просила разбудить ее, если стануть пускать ракеты. Будучи смѣлѣе сестры и руководимая неопытностiю и любопытствомъ, которыя превышали ея робость, она однажды, сама не понимая какимъ-образомъ, очутилась въ саду Добромышцева.

— Это у васъ что такое, Матвѣй Петровичъ, спросилъ у хозяина молодой человекъ съ развязаннымъ галстухомъ, первый замѣтивъ Юлю.

— Ба! да какая милашка, подхватилъ другой, доливая бокалъ шампанскаго: эти глазки много обѣщаютъ въ будущемъ.

Юлю окружили молодые люди. Дѣвочка стояла неподвижно, съ поднятыми надъ головой рученками, и съ улыбкой поводила глазами, какъ маленькая Ундина.

— Что тебѣ, малютка? спросилъ подошедшiй хозяинъ: зачѣмъ ты здѣсь?

— Такъ! отвѣчала дѣвочка.

— Ну, такъ такъ такъ, милости просимъ! мы рады гостямъ. Дай же мнѣ ручку.

Юля съ улыбкою повиновалась, прогулялась съ дядею по саду, осмотрѣла картины въ комнатахъ, скушала нѣсколько конфетъ, и съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ воротилась домой.

Сестра слегка побранила ее за такое похождение, много расспрашивала, и отняла цветы, которые поставила в воду.

Никогда еще такой роскошный букет не украшал бедной комнатки. Как сильно он надушил ее. А какой благодатный день сегодня! Кажется всякая вещь смотреть веселее при таком потоке солнечного сияния; какие нарядные гуляющие проходят мимо дачи; какой восхитительный вид отражает зеркало; вот в этой далекой избушке, что приютилась за группой деревьев, как в ней, должно-быть, спокойно и весело живет! Отчего же Нина, ходя по комнате, так судорожно сжимает руки; ее глаза полны слез; она просит у судьбы не счастья, а перемены своей прекрасной жизни; ей хочется благ лучше спокойствия и свободы. Вечером, когда дети пошли встречать свою коровушку, возвращавшуюся с поля, к Нине явился ливрейный лакей, неся в руке что-то завернутое в белую бумагу и обвязанное розовой тесемочкой; он объявил, что барин приказал отдать это маленькой барышне. Нина взяла сверток, развернула бумагу и ахнула от восхищения, при виде бомбоньерки из бархата, бронзы, кусков зеркала и цветов, наполненной душистыми конфетами. Этот маленький подарок положил начало знакомству соседей. На другой день Нина, встретясь с Добромышцевым, сочла нужным лично поблагодарить его за сестру; Матвею Петровичу после такого случая казалось неловким не сделать визита соседкам. Конечно, при других обстоятельствах... будь там мужчины... можно бы не беспокоиться... но дамы... дамы... вѣжливость, приличіе...

Через несколько дней он явился к Свинцовым; дети с криками радости возвестили о нем сестры и матери, которые сидели в спальне. Матвею Петровичу пришлось довольно долго дожидаться появления хозяйки. Мимо его шмыгала взад и вперед кухарка, неся различные принадлежности женского гардероба, и искоса оглядывая гостя с ног до головы; наконец явилась Нина. Краснея и улыбаясь, просила она извинения в том, что заставила долго ждать себя, и в том, что маменька принять не может, потому-что ей хуже. Все это проговорила она, ни разу не взглянув прямо в лицо гостя; в ее поклоне и движениях была заметна грациозная неловкость. Однако, говоря, что Нина не глядела на Добромышцева, я не могу сказать, чтобы она не видела его; скажу больше: он произвел на нее приятное впечатление. Конечно, он своей наружностью не мог припомнить Вертера моей романтической героини; но наряд много значит в наружности человека, наряд же Матвея Петровича был прост, изящен и пропитан каким-то неизъяснимо-приятным запахом. Он

вѣрно выписывалъ духи прямо изъ Парижа. Садясь, онъ поправилъ волосы рукою, которая была украшена великолѣпнымъ солитеромъ.

— Я еще не имѣлъ удовольствія видѣть вашей матушки, началъ Добромышцевъ: онѣ, вѣроятно, давно нездоровы.

— Она ужъ нѣсколько лѣтъ все больна, съ-тѣхъ-поръ, какъ папенька... какъ мы потеряли все состояніе; горе на нее очень сильно подѣйствовало.

— Да .. это естественно... не беспокоимъ ли мы ее, скажите откровенно; у меня, знаете, гостить молодежь, любятъ пошумѣть, погулять...

— О нѣтъ! вы доставляете намъ развлеченіе, очень рѣдкое, почти единственное въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

— Какія вы добрыя, право! Скоро намѣрены вы возвратиться въ городъ?

— Мы здѣсь проводимъ и лѣто и зиму, отвѣчала дѣвушка, немало краснѣя.

— Быть не можетъ! Развѣ эти мѣста обитаемы зимою? Не говорю о страшной скукѣ провести нѣсколько мѣсяцевъ въ такой глуши; но гдѣ удобства жизни?... Недостатокъ матеріальныхъ средствъ...

— Вы богаты, прервала Нина съ грустною улыбкой: вамъ непонятна наша жизнь, но она вовсе не такъ тяжела, какъ вы себѣ ее представляете. Мы лѣтомъ заготовляемъ къ зимѣ небольшой запасъ провизіи, который для насъ совершенно достаточенъ. Что касается до скуки, то я, по-крайней-мѣрѣ, не знаю ея. По утрамъ я учу сестеръ, вечера посвящаю маменькѣ, и время незамѣтно проходитъ.

— Но который вамъ годъ? Извините нескромный вопросъ; я предлагаю вамъ его съ истинно-отеческимъ участіемъ.

— Мнѣ шестнадцать лѣтъ.

— И вы довольствуетесь скромною, однообразною жизнью?

— У меня есть развлеченія, уклончиво отвѣчала дѣвушка: папенькина библіотека почти вся сохранилась, я много читаю, занимаюсь музыкой...

— Знаю, знаю, и признаюсь вамъ,—разъ заслушался вашей игры, гуляя мимо съ пріятелями.

Нина покраснѣла отъ удовольствія.

— Я обожаю музыку, сказала она, доставая тетрадь нотъ съ этажерки.

Покуда она перелистывала эту тетрадь, гость задумчиво глядѣлъ на ея хорошенькую головку. Ему казалось, что онъ нашель олицетвореніе невинности, трудолюбія, доброты, среди бѣдности и горя, ... маленькій брильянтъ въ неукусной оправѣ.

Прошелъ только мѣсяцъ съ-тѣхъ-поръ, и въ Петербургѣ заговорили, что Матвѣй Петровичъ Добромышцевъ, по свойственному ему чувству филантропіи, рѣшился осчастливить какую-то бѣдную, неизвѣстную дѣвушку, предложивъ ей свое богатство и имя.

Это заключеніе оправдалось: Матвѣй Петровичъ женился на Нинѣ Чеварскій, какъ знакомецъ Добромышцева, былъ приглашенъ на свадьбу. И онъ былъ на ней, одѣтый какъ денди, блѣдный какъ мертвецъ. Бѣдняжка не могъ, *не умѣлъ* скрыть отчаянія и преодолѣть лихорадки. Его лицо выражало несвойственную ему энергію; слова его были отрывисты, движенія потеряли свою граціозную медленность. Полу-скрытый въ амбразурѣ окна, онъ слѣдилъ за танцующими, и вдругъ, какъ цвѣтокъ, оторванный отъ вѣнка, отдѣлилась пара изъ круга вальсировавшихъ, и дама, кивнувъ головкой своему кавалеру, одному изъ тѣхъ, которые проѣзжали мимо ея дачи на прекрасныхъ лошадяхъ, тихо подошла къ Чеварскому. Она казалась воздушною феей, въ своемъ вѣнчалномъ нарядѣ. Газовый вуаль, развѣвавшійся во-время танцевъ, прихотливо обвился вокругъ ея головы, и въ этомъ бѣломъ эфирномъ облакѣ замѣтнѣе казались блѣдныя розы щекъ и темныя волосы, перевитые вѣточками оранжевыхъ цвѣтовъ. Она улыбнулась Чеварскому; губы его задрожали и онъ потушилъ глаза. И внутренно торжествуя надъ его юношескимъ смущеніемъ, злая кокетка тихимъ, трепещущимъ голосомъ стала жаловаться, что нужда матери принудила ее къ неровному браку. Чеварскій не повѣрилъ ей. Онъ видѣлъ Надежду Петровну передъ отъѣздомъ въ церковь новобрачныхъ, видѣлъ, съ какимъ глубокимъ благоговѣніемъ она, дрожа, подняла руки надъ головою дочери, благословляя ее, и не могъ онъ подумать, чтобъ это кроткое, слабое созданіе рѣшилось промѣнять на золото счастье и сердце дочери.

Да и знала ли Надежда Петровна про любовь дочери и Леонида? На этотъ счетъ вотъ что я могу разсказать. Когда за нѣсколько часовъ до отъѣзда въ церковь Нина стала одѣваться, мать желала лично присутствовать при свадебномъ туалетѣ невесты. Тихо подошла Надежда Петровна къ дочери, сняла съ нея черный снурочикъ, и отцѣпивъ отъ него золотой медальонъ, съ грустною улыбкой спрятала его въ какой-то ящикъ. О существованіи этого залога любви она узнала случайно. Въ одну бессонную, мучительную ночь, соскучась считать удары маятника, Надежда Петровна встала съ постели и пошла посмотреть, хорошо ли спать дѣти. Поиравая одѣяло, упавшее съ плечъ старшей дочери, она при свѣтѣ луны увидѣла на груди ея медальонъ. Тогда ей стали понятны разсказы Юли своей куклѣ о какомъ-то дядѣ, который переносилъ Юлю черезъ лужу, и обѣщавъ привезти конфетъ.

Надежда Петровна все поняла, и скрѣпя сердце, молчала, мучась неизвѣстностью и страхомъ.

Однако мы оставили Леонида въ непріятномъ tête-à-tête съ m-me Добромышцевой. Къ величайшему моему сожалѣнію, долженъ я сказать, что герой мой при этомъ случаѣ совершенно вышелъ изъ роли, предписанной ему благоразуміемъ и даже самолюбіемъ. Онъ разгорячился, наговорилъ Нинѣ кучу непріятностей, даже угрозъ. Ему конечно отвѣчали смѣхомъ. Боясь еще дальше отступить отъ законовъ вѣжливости, молодой человѣкъ быстро вышелъ изъ залы. Нина все-таки не оставила его. Встрѣтясь съ Чеварскимъ въ отдаленной гостиной, гдѣ онъ наблюдалъ за игрою въ бостонъ, она спросила, отчего онъ не танцуетъ.

— Я намѣренъ играть въ карты.

— Вѣря конечно въ изрѣченіе, кто проигрываетъ въ любви, выигрываетъ въ картахъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ юноша, выведенный изъ терпѣнія, что если кто-нибудь изъ насъ проигралъ, такъ это вы. Вамъ хотѣлось какъ можно дороже продать свою свободу, и я далъ-бы за нее больше денегъ, чѣмъ вашъ супругъ. Дядя мой умеръ — я богатъ. И вы не можете сомнѣваться, что если я съ такимъ смѣливымъ добродушіемъ предлагалъ вамъ раздѣлить со мной крохи моего насущнаго хлѣба, то не отказалъ бы и въ золотѣ, которое вы такъ любите.

Нина такъ была ошеломлена этой выходкой, что отошла, не говоря ни слова. Она чувствовала всю горечь, весь стыдъ перенесеннаго оскорбленія, и не могла ни оправдаться, ни защититься.

— Боже! думала она, вотъ что случилось! Онъ богаче моего мужа, а я не могла этого предвидѣть. О, какая ошибка! И что мнѣ сдѣлать, чтобы онъ снова уважалъ меня. Я надѣюсь... онъ такъ молодъ, я богата... теперь больше средствъ.

Чеварскій въ-самомъ-дѣлѣ сѣлъ за зеленый столъ—и проигрался; онъ заплатилъ большія деньги безъ сожалѣнія, какъ и безъ радости приобрѣлъ ихъ. Потомъ онъ вышелъ въ садъ. Величественное спокойствіе ночи составляло удивительный контрастъ съ шумною тревогою бала. Серебристая луна выплывала изъ-за черной массы деревьевъ, садъ былъ увѣнчанъ разноцвѣтными шкаликами. Молодой человѣкъ шелъ быстро и безъ цѣли. Весь этотъ праздникъ казался ему мучительнымъ, лихорадочнымъ кошмаромъ; проходя мимо рѣшетки, смутно слышалъ онъ критическія замѣчанія о гостяхъ и невѣстѣ, раздававшіяся въ толпѣ любопытныхъ зрителей, вытягивавшихъ шеи, чтобы легче увидѣть освѣщенные окна дачи. Леонидъ остановился на концѣ сада, въ уединенномъ мѣстѣ, у широкаго пруда, надъ которымъ склонялись прекрасныя деревья.

Двѣ дѣвочки, забытыя въ хлопотахъ о балѣ, сидѣли тамъ на травѣ, спустивъ ножки къ пруду, такъ близко другъ отъ друга, что наклоняясь, часто сталкивались головками. Онѣ дѣлили между собой конфекты.

Одна изъ нихъ заговорила, и Чеварскій узналъ голосъ Юли; но ея подруги онъ никогда не видалъ. Вскорѣ лунное сіяніе озарило дѣтей, и молодой человѣкъ могъ разглядѣть незнакомую дѣвочку; она ему показала очень хорошенькою съ своими темными глазами, грустно глядѣвшими изъ-подъ полей круглой соломенной шляпы. Въ то время, какъ онъ любовался Леночкой, съ которой послѣ, при странныхъ обстоятельствахъ, свела его судьба, до его слуха донесся отдаленный мотивъ вальса. Онъ слушалъ долго, слушалъ — и заплакалъ. Грустенъ былъ его дебютъ на поприщѣ большаго свѣта, непремѣннымъ членомъ котораго онъ сдѣлался съ полученіемъ богатаго наслѣдства. На другой день послѣ свадьбы Нины Чеварскаго ужъ не было въ Петербургѣ. Добромышцевы узнали объ этой новости во-время ихъ послѣдней прогулки по оживленнымъ берегамъ Черной-рѣчки.

— Вотъ вѣтренникъ! А мнѣ еще недавно говорилъ покойникъ его дядя... что мальчикъ съ ума сходитъ: жениться хочетъ на какой-то бѣдной дѣвицѣ, вотъ и женился бы теперь; а то нѣтъ, получилъ деньги, да и удралъ. Вѣрь имъ!

Такъ говорилъ Матвѣй Петровичъ. Жена его разорвала перчатку. Черезъ нѣсколько дней, Добромышцевы и Свинцовы переѣхали въ городскую квартиру. Однажды утромъ они все сидѣли за чайнымъ столомъ, когда лакей подалъ письмо Надеждѣ Петровнѣ. Она распечатала его, и при первыхъ строчкахъ слезы градомъ потекли по ея блѣднымъ щекамъ.

— Боже мой, сказала она, дѣти... ваша бабушка очень больна и зоветъ меня къ себѣ... проститься.

— И вы поѣдете? спросила Нина.

— Неужели мнѣ не исполнить ея послѣдняго, быть-можетъ, желанья. Я непременно хочу ее видѣть. Я воображаю, съ какимъ нетерпѣніемъ она меня ждетъ.

— Гдѣ же живетъ ваша матушка? спросилъ Добромышцевъ.

— Въ Нижнемъ-Новгородѣ; это далеко, но Богъ мнѣ поможетъ доѣхать. Вотъ дѣти, вы увидите вашу бабушку, она очень старенькая; болѣе десяти лѣтъ я ее не видала... и увижу ли еще?

— Развѣ вы возьмете дѣтей, маменька? спросила старшая дочь. Куда вамъ съ ними; пусть онѣ здѣсь остаются.

— Какъ же дѣтей оставить? сказала нерѣшительно мать.

— Чтѣ-жь? Я за ними присмотрю; вы вѣдь скоро воротитесь.

— Вернусь ли? со вздохомъ проговорила Надежда Петровна.

Въ это время Леночка, блѣдная какъ смерть, встала, бросилась къ матери и обняла ея колѣна, какъ-бы желая силою удержать ее; дѣвочка дрожала всею тѣлою. Юля, видя отчаяніе сестры, громко заплакала, спрятавъ лицо въ подушку дивана. Добромышцева встала изъ-за стола и со слезами на глазахъ обняла мать.

— Не станемъ спорить изъ-за этихъ дурочекъ, сказала она съ улыбкой. Раздѣлимъ ихъ между-собою. Пусть Леночка ѣдетъ съ вами, а Юля умница, она останется со мной, мы съ нею вмѣстѣ станемъ ждать вашего возвращенія.

Сказано-сдѣлано. Надежда Петровна уѣхала съ Леночкой въ Нижній-Новгородъ, гдѣ она застала мать свою въ живыхъ, но скоро одна-кожъ ее похоронила; сама заболѣла, и не могла воротиться къ остальнымъ дочерямъ. Черезъ три года послѣ этого происшествія Добромышцевы отдали Юлиньку въ пансіонъ.

III.

Десять лѣтъ спустя послѣ свадьбы Нины, въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, по знакомой намъ дорогѣ, пролегающей не вдалекѣ отъ Черной-рѣчки, между деревень, дачъ и садовъ, мчался всадникъ полнымъ галопомъ. Мчался онъ такъ быстро, что съ каждой секундой новые пейзажи смѣнялись передъ нимъ по краямъ дороги, конца которой онъ видѣть не могъ, потому-что пыль не улегалась. Его дорожное модное платье было въ пыли, и дорогой конь въ мыльѣ. Ему оставалось нѣсколько сажень до дачи статской совѣтницы Добромышцевой, когда онъ увидѣлъ, что у воротъ этой дачи, дама, въ темной амазонкѣ, остановила коня. Она отдала свой хлыстикъ и протянула руку жокею, но нашъ пріѣзжій бросилъ поводья, спрыгнулъ на землю, и перебивъ у мальчика эту руку, снялъ молодую женщину съ сѣдла.

— Мосье Чеварскій! проговорила она, глядя въ лицо знаконца съ такимъ видомъ, какъ-будто бы на этомъ лицѣ былъ написанъ отвѣтъ на многіе ея задушевные вопросы, и между-тѣмъ рука ея въ его рукѣ дрожала. Вы издалека?..

— Изъ Персіи, сегодня утромъ пріѣхалъ; я едва видѣлъ Петербургъ, и спѣшилъ къ вамъ, зная, что вы не откажете въ дружескомъ гостепріимствѣ усталому страннику, потому-что вы добры и прекрасны.

— Эта восточная любезность меня восхищаетъ, сказала хозяйка, которая, какъ модная дама, знающая приличія, успѣла оправиться отъ своего смущенія: *mais j'abuserai de votre bonté*: я не считаю этотъ

пріѣздъ моднымъ визитомъ, вашъ вечеръ принадлежитъ мнѣ. Иванъ, прибавила она, обращаясь къ жокею, позаботься о лошади этого барина.

— Пойдемте въ садъ.

Они вошли въ садъ.

— Памятны ли вамъ эти мѣста? спросила она, проходя мимо бесѣдки съ разноцвѣтными окнами.

— Мнѣ кажется, что я вчера еще здѣсь былъ.

— Въ этомъ саду я ничего не измѣняла съ-тѣхъ-поръ, прибавила она, съ радостью ухватясь за этотъ предметъ разговора: велѣла только вырубить тѣ старыя деревья, что разрослись надъ прудомъ.

— Напрасно, они чудесно освѣняли его.

— Отъ нихъ было всегда очень темно въ той сторонѣ сада.

— А ваши цвѣтники какъ богаты!

— Я ихъ отдала въ полное распоряженіе дѣтямъ, онѣ поливають цвѣты, сажаютъ и пересаживаютъ; я ненавижу этой пачкотни.

— Какимъ же дѣтямъ? развѣ у васъ есть дѣти? спросилъ въ задумчивости Чеварскій.

— Я говорю о сестрахъ моихъ.

— А! сестры Юля и... Оля?

— Леночка.

— Да, Леночка. Гдѣ же онѣ?

— Онѣ гулять пошли.

Чеварскій задумался.

— Я васъ оставлю на минуту, сказала хозяйка: мой туалетъ рѣшительно неудобенъ для прогулки пѣшкомъ.

Чеварскій отвѣчалъ улыбкой и поклономъ, и когда Нина въ своемъ длинномъ черномъ платьѣ скрылась за деревьями, Леонидъ медленно направилъ шаги къ крыльцу, уставленному цвѣтами. Онъ шелъ, бросая задумчивые взгляды на тѣ предметы, которые нѣкогда служили декораціями самой патетической драмѣ его молодости. Но увы! воспоминанья прежнихъ дней не находили отголоска въ его устарѣломъ сердцѣ; объ этомъ можно было судить по иронической улыбкѣ, мелькавшей на его губахъ.

— И стоило мнѣ мучить моего Амори! бормоталъ онъ самъ про себя, чтобъ поскорѣй взглянуть на этотъ обширный садъ. Онъ вошелъ въ первую комнату, и при видѣ ея изящнаго убранства заключилъ, что *его* Нина живетъ въ роскоши. Между многими изящными бездѣлушками, расположенными на столахъ, каминѣ и стѣнахъ, онъ замѣтилъ картину, на которую падали лучи заката.

— Это Тиціанъ, подумалъ Чеварскій: вещь неоцѣненная! я не

зналъ о пристрастїи Нины къ живописи; неужели она изъ одного тщеславія рѣшилась раззоряться?

Пока онъ разсматривалъ картину, въ саду раздалось чье-то пѣніе французскаго романса; мотивъ былъ быстръ, но слова произносились отчетливо и съ чувствомъ; затѣмъ двѣ женскія головки мелькнули мимо отвореннаго окна. Средняя дверь отворилась; вошла въ комнату Леночка, и нѣсколько удивленная присутствіемъ незнакомца, молча поклонилась, ему. За нею проскользнула Юля, напѣвая романсъ и направляясь къ боковой двери; но оттого-ли, что въ комнатѣ кружилась золотая пыль, или оттого, что Юлія была разсѣянная вѣтренница, она не замѣтила гостя, и только взявшись за ручку двери, встрѣтилась съ его взоромъ и улыбкой, сопровождавшими поклонъ. Молодая дѣвушка задрожала, и съ легкимъ крикомъ упала на полъ. Чеварскій совершенно растерялся и бросился было къ звонку; но Леночка остановила его. Она спокойно подошла къ сестрѣ, усадила ее въ кресло и стала примачивать ей ко лбу и къ вискамъ воду, стоявшую, въ графинѣ, на столикѣ. Дѣвушка оживилась подъ нѣжнымъ вліяніемъ сестринской заботливости. Чеварскій не сводилъ глазъ съ нея. Онъ сперва замѣтилъ легкое движеніе ея руки, потомъ розовый цвѣтъ, постепенно разливавшійся по ея нѣжному лицу; губки ея раскрылись, рѣсницы заколыхались; она открыла глаза и обратила къ гостю лицо свое, полное энергіи и прелести невыразимой. Галатея не была прелестнѣе въ минуту своего оживленія. Юлія взглянула на Чеварскаго, сперва съ боязливымъ любопытствомъ, потомъ... въ эту минуту самозабвенія она не сознавала огня и безпредѣльной нѣжности своего взгляда. Опомнившись, она поблагодарила сестру за ея помощь, съ улыбкою подобрала волосы, спускавшіеся до колѣнъ, накинула на плеча мантилью, и подавъ Леночкѣ руку, вышла изъ комнаты. Чеварскій съ удивленіемъ глядѣлъ ей въ слѣдъ.

— Чтó это значить? думалъ онъ: неужели я произвелъ на нее такое сильное впечатлѣніе? Или она вспомнила меня? Но этотъ взглядъ? Могу ли я оставить въ душѣ ребенка такое глубокое и нѣжное воспоминанье?

Приходъ Нины прервалъ его разсужденія.

— Лучше ли Юлинькѣ? спросилъ онъ.

— Развѣ она больна?

— Она упала здѣсь въ обморокъ, испугавшись меня вѣроятно.

— О нѣтъ! съ нею это часто случается. Странная дѣвочка; я недавно взяла ее изъ пансіона; она получила тамъ одинъ изъ первыхъ призовъ, и говорятъ, у ней удивительныя способности!

— А ваши сестры красавицы. Судьба этихъ милыхъ дѣвушекъ должна

интересовать насъ съ вами; мы знали ихъ еще дѣтьми, и романъ ихъ раскрытъ только на первой страницѣ.

— А прогос. Вы привезли съ собой вашъ путевой журналъ?

— Я не писалъ его.

— Тѣмъ лучше, вы сами будете рассказывать намъ свои приключенія. Сколько чудныхъ вечеровъ въ виду! *La princesse В**, *une de mes amies*, вамъ будетъ очень рада.

— Повѣрьте мнѣ, княгиня Б. не сдѣлаетъ изъ меня никакого полезнаго приобрѣтенія для своей гостиной. Потершись на своемъ вѣку между мильонами людей, я не сохранилъ въ своей наружности ничего иностраннаго. Да меня и не признаютъ за путешественника: я былъ въ Итали, и не вывезъ ни одной картинки и древности; видѣлъ Францію, и не говорю комплиментовъ; посѣщалъ Англию, но не пью портера; у нѣмцевъ не пропитался туманомъ философіи; однимъ-словомъ, я такой же неучъ и обыкновенный человѣкъ, какимъ и былъ. Я десять лѣтъ кочевалъ по Кавказу, по Южной-Россіи, по Европѣ и Азій, потому-что люблю переменчивую жизнь; я видѣлъ много городовъ, много людей, много растений и картинъ, но смотрѣлъ на все не утруждая памяти и глазъ и безъ жажды впечатлѣній; а потому и вынесъ этихъ впечатлѣній изъ своей прогулки по свѣту столько, сколько и каждый ихъ извлечетъ изъ своей обыденной жизни.

— Вы мнѣ нравитесь своей оригинальностью, сказала Нина: и вы меня не разувѣрите въ томъ, что вы находка для Петербурга.

— Какимъ же образомъ? Я не держу даже повара француза, потому-что въ молодости привыкъ ко всякой пищѣ; я не посажу ни за что въ свѣтѣ къ себѣ на козлы англичанина съ длиннымъ бичемъ, а стану ѣздить въ русскихъ пошевняхъ, на удалой тройкѣ; въ своемъ имѣніи оставляю въ покоѣ и сарафаны, и избы, и самоваръ, и заустѣлый дядошкинъ садъ; наконецъ, не буду разсуждать о политикѣ, объ эмансипаціи женщинъ, о картинахъ природы, о древнихъ памятникахъ; я отъ природы не болтливъ, и только теперь, наединѣ съ вами, заговорился.

— Ну, такъ и будьте откровенны со мной, сказала хозяйка, блеснувъ глазами: повѣрьте мнѣ все, какъ другу, какъ сестрѣ; ну, начинайте.

— Я усталъ.

Они оба улынулись. Нина ждала.

— Мнѣ право нечего рассказывать вамъ, лѣниво заговорилъ Чеварскій. Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы разстались съ вами, я многое прожилъ, многое узналъ. Теперь пріѣхалъ къ вамъ отдохнуть и... помириться.

Сердце Нины радостно забилося: она придала этимъ словамъ смыслъ, какой хотѣла въ нихъ видѣть.

— А я, сколько я выстрадала во-время вашего отсутствія, сказала она: я потеряла мать и мужа.

— Знаю, все знаю, отвѣчалъ Чеварскій.

И онъ какъ-то странно посмотрѣлъ на нее; потомъ опустилъ голову и задумался, углубившись въ кресла.

Во-время этой вечерней бесѣды старыхъ знакомыхъ совершенно иная сцена происходила въ комнатѣ сестеръ Нины.

Эта комната совершенно отличалась отъ прочихъ покоевъ дачи. Она была мала и наполнена ветхою, полуизломанною мебелью. Но въ ней, въ этомъ дѣвственномъ пріютѣ, было всегда чисто, свѣтло, и пахло цвѣтами. Въ минуту моего разказа, въ этой комнатѣ были обѣ ея хозяйки. Юлія, полузакрывъ глаза, лежала на постели; сестра придвинула къ этой постели единственный ихъ столъ, и занималась рукодѣльемъ, при свѣтѣ стеариноваго огарка. Подлѣ нея стояла корзиночка съ подобными остатками свѣчъ, которые старая Аксинья тайкомъ собирала для барышень, изъ бронзовыхъ подсвѣчниковъ, украшавшихъ гостиную и барынинъ будуаръ. Эта жатва огарковъ оправдывалась приказаніемъ Нины поставлять въ комнату барышень только сальные свѣчи, а Леночка и Юлія терпѣть не могли ихъ запаха и тусклаго мерцанья. Сестры сидѣли за ширмами, и осталная часть комнаты оставалась въ полумракѣ; привычный глазъ могъ отличить тамъ зеркальце и цвѣты на коммодѣ и зеленыя тафтяныя занавѣски-ширмы, освѣщенные сзади; окно, выходившее въ садъ, было завѣшено бѣлой шторкой.

— Леночка, — сказала Юлія, открывъ глаза и остановивъ ихъ на лицѣ сестры: — Леночка, ты знаешь, что такое любовь?

При этомъ неожиданномъ вопросѣ Леночка вздрогнула и покраснѣла.

— А! а! поймала, вскричала Юлія, всакивая. Такъ вотъ какъ ты отъ меня скрываешь свои тайны!

— Перестань смѣяться, Юлія, прервала ее съ грустію Леночка; эти тайны были скрыты отъ маменьки моей; она бы раньше умерла, елибъ все знала. Ты знаешь, какъ она насъ любила, лѣлѣяла, всегда называя насъ милыми своими малютками, хотя уже этимъ малюткамъ было близко двадцати, съ особеннымъ достоинствомъ заключила Леночка.

— Такъ, такъ, отозвалась Юлія... Однакожъ тѣмъ неменѣе ты многое отъ меня скрыла. Признавайся... Ну и все это было въ Нижнемъ-Новгородѣ. Зачѣмъ ты мнѣ ни о чемъ не писала

— Зачѣмъ, что не находила въ томъ нужды и пользы. Читая твои письма, я догадывалась, что ты очень добра и меня любишь, но

это не мѣшало тебѣ принять исторію моей любви за какую-нибудь ребяческую блажь, годную для элегическаго романа, или за просьбу о сочувствіи къ романическому горю.

— О! какъ можно.

— Есть чувства, которыя мы хранимъ въ особомъ уголкѣ сердца, гдѣ онѣ согрѣты и спрятаны отъ чужаго любопытства и отъ людской прониі. Я говорю это не въ оправданіе моей скрытности, а въ доказательство довѣрія моего къ тебѣ; даже все расскажу, если хочешь.

— Да, расскажи! Я хочу знать, какъ ты любила и кто онъ такой?

— Я была еще маленькая, когда къ намъ стала ходить одна старушка въ черномъ платьѣ, съ огромнымъ ридикюлемъ въ рукахъ. Она жила отъ насъ очень близко, такъ что изъ оконъ моей комнаты видѣнь былъ ея маленькій домъ, съ левкоями и геранью на окошкахъ. Приходила она къ намъ часто, и считалась у насъ своею домашнею и сидѣлкою при больной маменькѣ, даже моею нянькою. Мы съ нею дѣлились кофе, чаемъ, обѣдомъ, и очень любили ее. Предобрая была старушка Марфа Егоровна. Ты хочешь спросить, что общаго между ею и моей любовью? У ней былъ сынъ Коля, который учился въ Москвѣ. Я понимала, что этотъ Коля жизнь, любовь, надежда моей доброй старушки; я каждый день слушала рассказы про Колю ребенка, который выдергивалъ вязальныя иголки изъ чулка своей матери, и про Колю студента, которому дадутъ большую медаль въ университетѣ. Я знала, что Марфа Егоровна, молясь по вечерамъ Богу, благословляла каждый день, потому-что онъ приближалъ ее къ свиданію съ Колей. Ты можешь себѣ представить, что пріѣздъ Коли въ Нижній-Новгородъ былъ эпохою въ моей жизни. Онъ былъ у насъ. Я воображала его веселымъ, бѣлокурымъ мальчикомъ, и встрѣтила блѣднаго, сухощаваго брюнета, съ голубыми глазами. Между имъ и уланомъ Зеницкимъ не было ничего общаго, а улана Зеницкаго я всегда считала идеаломъ мужской красоты, потому-что у насъ всѣ взрослые дѣвицы были безъ ума отъ него. Несмотря на это, Коля мнѣ нравился. Во-время перваго своего визита онъ говорилъ съ маменькой о намѣреніи своемъ держать экзаменъ на степень магистра, а до-тѣхъ-поръ преподавать частные уроки въ Нижнемъ-Новгородѣ. Маменька пожелала ему успѣха.

Съ-тѣхъ-поръ онъ рѣдко бывалъ у насъ; а Марфа Егоровна со слезами жаловалась на сына, что онъ почти весь день проводитъ на урокахъ, большую часть ночи читаетъ или пишетъ, и все худѣетъ отъ труда. Мнѣ стало жаль Колю; и можетъ-быть потому, что я жалѣла его, я всегда обращалась съ нимъ съ ласковою фамиллярностью.

Однажды онъ вошелъ къ намъ, когда я сидѣла съ книгою въ рукахъ.

— Что вы читаете? спросилъ онъ.

— Карамзина.

Онъ улыбнулся и взялъ изъ рукъ моихъ книгу.

Я невольно покраснѣла, вспомнивъ, что дѣлала отмѣтки на поляхъ; онъ пересматривалъ ихъ, продолжая улыбаться. Потомъ спросилъ, закрывъ книгу. Вы много читаете?

— Очень мало, отвѣчала я: у папеньки были книги, но онъ остались въ Петербургѣ, у сестрицы; мы увезли съ собою только эту и французскую: Телѣмаке, по которымъ я читать училась.

— Если вы мнѣ позволите, сказалъ онъ, я могу вамъ служить моими книгами.

Онъ сдержалъ обѣщаніе и приносилъ мнѣ лучшія произведенія русской и иностранной литературы, самъ приходилъ читать ихъ со мною, и у насъ мало-по-малу образовались лекціи литературы. Николай Семеновичъ сталъ моимъ учителемъ. Это было странное время моей жизни. Мамевкѣ дѣлалось день-ото-дня хуже, и я не отходила отъ ея постели, вышивая подушку Марфѣ Егоровнѣ, въ благодарность за труды ея сына.

Я много молилась тогда; каждую минуту то меня мучило какое-то зловѣщее предчувствіе, то мнѣ казалось, что въ жизни есть радости, которыхъ я не подозрѣвала и которыя мнѣ придется узнать. Я не могу передать словами тогдашней тревоги моей души; вѣрно это была временная болѣзнь, потому-что и прежде и послѣ этого я была постоянно спокойна. Въ назначенный часъ вечера приходилъ Николай Семеновичъ съ книгами. Онъ читалъ превосходно и оживлялся при чтеніи. О, какъ онъ былъ хорошъ въ тѣ минуты, Юлія! Я до сихъ-поръ не знаю выше наслажденія, какъ слушать прекрасные стихи, произносимые любимымъ голосомъ. И эти минуты, Юлія, никогда не возвратятся!

Оканчивая чтеніе, онъ всегда оставался разговаривать со мною о своихъ планахъ, надеждахъ и трудахъ.

Мнѣ нравилась твердость его характера, каменная воля, мужество въ борьбѣ съ превратностями судьбы. И что безъ такихъ качествъ человѣкъ, когда его со всѣхъ сторонъ окружаютъ препятствія, горе, искушенія? Николай Семеновичъ улыбался моимъ предсказаніямъ жизни и Прощаясь, мы жали другъ-другу руки, и долго, послѣ его ухода, смотрѣла я изъ своей комнатки на его маленькій домъ, гдѣ одно окно было освѣщено. Я думала, что за этимъ окномъ онъ доканчиваетъ тяжелый день, урывая отъ ночи еще нѣсколько часовъ, для занятій и размышленій. Часто на освѣщенной рамѣ отражался его умный профиль.

Боже, думала я, неужели онъ уѣдетъ въ Москву, держать экзамень, и по ночамъ всѣ окна будутъ темны въ маленькомъ домикѣ?

— Что же, онъ уѣхалъ? спросила Юлія.

— Онъ умеръ.

Этотъ отвѣтъ стоилъ многихъ силъ Леночкѣ; она поблѣднѣла и замолкла. Юлія заплакала.

— Я была на его похоронахъ, продолжала сестра ея: то утро было темно, какъ сумерки, падалъ мокрый снѣгъ. Я была больна, и все мнѣ казалось сномъ; но малѣйшія подробности этого дня живо сохранились въ моей памяти. Я будто теперь слышу ударъ земли о гробовую доску, земли, которую я бросила въ его могилу. На другой день у меня открылась горячка, которую приписали простудѣ, а бредъ о немъ — впечатлѣнію, произведенному похоронами. Старушка мать его навѣщала меня въ болѣзни. Она постарѣла нѣсколькими годами; голосъ ея сталъ слабъ, руки дрожали, волосы совершенно посѣдѣли. Когда я могла узнавать ее, то стала утѣшать, рыдая вмѣстѣ съ нею и цѣлуя ей руки. Она рассказала мнѣ, что Николай Семеновичъ до послѣдней минутой скрывалъ отъ нея свои страданія и слабость. Онъ умеръ на диванѣ, и его мертвая голова нѣсколько минутъ покоилась на той подушкѣ, которую я вышивала. Мнѣ завѣщалъ онъ свою маленькую бібліотеку, которая была его единственнымъ богатствомъ и любовью.

Вскорѣ мы похоронили мать его, и я любила ходить на ихъ могилы. Мнѣ тогда было семнадцать лѣтъ.

— И ты отказалась отъ счастья въ будущемъ? спросила Юлія, взявъ сестру за руку.

— Не отказывалась, но не ищу его. Я свободна: ни живому, ни мертвому клятвъ вѣрности не давала; но я люблю воспоминаніе о немъ.

Сестры нѣсколько минутъ молчали. Леночка потомъ встала, сложила рукодѣлье, и пошла молиться Богу. Юлія долго о чемъ-то думала, не сводя глазъ съ гасающей свѣчки, потомъ уснула.

IV.

На другой день, при раннемъ блескѣ солнца, сестры отправились бродить по полямъ. Юлія была рѣзва и беззаботна, какъ горная козочка. Она безъ усталости прошла двѣ версты; Леночка не останавливала ее.

Молодыя дѣвушки дошли до моста. Правый берегъ рѣки былъ забросанъ маленькими дачами, съ полуоткрытыми окнами и дверьми, съ раскинутыми передъ ними садами; налѣво тянулось длинное поле, пестрѣвшее золотистою рожью и законченное темнымъ лѣсомъ. Сестры сѣли

на скамью, кѣмъ—то оставленную подъ деревомъ. Онѣ смотрѣли нѣсколько минутъ на телѣжку, стоявшую передъ воротами перваго домика. Крестьянка изъ Парголова укладывала въ нее свои жестяные кувшины; дитя ея, усѣвшись на самомъ возвышеніи, держало возжи смирной лошадки. Больше никого не было видно; голубое утро еще безмолствовало; надъ головами дѣвушекъ дрожали свѣжіе древесные листья.

— Леночка, — сказала Юлія тихо: — помнишь, что было вчера?

— Помню и ничего понять не могу. Отчего ты упала въ обморокъ, увидя того господина?

— Леночка, — продолжала Юлія, не отвѣчая на вопросъ сестры: — у меня такъ легко и радостно теперь на душѣ, что елибы въ жизни были всегда такія минуты, — я назвала бы ее блаженною.

— И все онъ причиной?

— Мы теперь однѣ, насъ никто не услышитъ, я тебѣ все расскажу. Ты знаешь, меня десятилѣтнюю отдали въ пансіонъ къ мадамъ Фале. Я сперва очень плакала, потомъ привыкла, — привыкла и къ звонку, который насъ сзывалъ въ классы и въ дортуаръ, привыкла къ вставанью при свѣчахъ, къ водѣ со льдомъ, которою мы мылись, къ габеръ-супу, къ красной и черной доскамъ, къ билету за французскій языкъ; утромъ, я помню, мы встанемъ, напьемся чаю, и съ девяти до двѣнадцати у насъ учителя; потомъ дадутъ обѣдать, — до двухъ поиграемъ въ рекреационной залѣ, и опять до пяти часовъ классы; съ пяти учимся музыкѣ, приготавливаемъ къ другому дню уроки, пьемъ чай, и ложимся спать. И такъ всякой день, всякой день! Вотъ ужъ жизнь была! По праздникамъ сестрица брала меня къ себѣ. Да и у ней, по правдѣ сказать, не очень было весело. То ея дома нѣтъ, то наѣдутъ къ ней гости, и меня не пускаютъ въ гостиную; покойный Матвѣй Петровичъ всегда былъ такой скучный; я все одна хожу, смотрюсь въ зеркало, разглядываю кисеки, играю на фортепьяно, и уѣзжаю вечеромъ въ пансіонъ. Такъ прошло время моего воспитанія — я разсталась, какъ всѣ мои подруги; съ доброю мадамъ Фале. Вотъ тутъ начинается исторія моего сердца. Едва только я встрѣтилась съ Ниною, по моимъ расчетамъ, на долгое съ нею свиданіе, какъ снова должно было разстаться съ нею. Она отправилась за границу. Наканунѣ отъѣзда своего, Ниночка прислала мнѣ ящикъ съ вещами, которыя, помнишь, мы съ тобой дѣлили, когда ты уѣзжала съ маменькой. Этотъ ящикъ былъ забить, потому—что Матвѣй Петровичъ безпрестанно покушалъ мнѣ новыя игрушки, и нѣсколько лѣтъ лежалъ запечатанный. Когда я стала разсматривать то, что въ немъ сохранялось, меня обступили горничныя и

компаньенки сестры, и одна, изъ нихъ, взявъ въ руки мою рабочую шапку, не осторожно отворила ее; что-то блестящее выпало и зазвенѣло; я подняла и увидѣла золотую овальную вещицу съ рѣзьбою на обѣихъ сторонахъ.

— Здѣсь есть пружина? сказала одна изъ свидѣтельницъ моей находки.

И въ-самомъ-дѣлѣ, чуть я прижала пальцемъ внизу медальона, какъ верхняя дощечка отскочила, и мы увидѣли портретъ...

На другой день, я проснулась раньше всѣхъ, тихонько подошла къ окну, и приподнявъ занавѣску, стала смотрѣть на портретъ; лицо его мнѣ казалось прекраснымъ и будто знакомымъ; я не могла отвести глазъ отъ этаго лица; пробило пять часовъ, но спать я больше не хотѣла; мнѣ захотѣлось пойти въ садъ, который я видѣла изъ окна, но я не смѣла туда пойти. То утро было также прекрасно, какъ и это, и мнѣ стало вдругъ весело, послѣ многихъ дней печали. Прошло уже три года съ-тѣхъ-поръ...

— Про какіе же дни печали ты говоришь? спросила Леночка.

— Я все почти лѣто проплакала въ своемъ одиночествѣ. Сестры не было, прежнія мои любимыя подруги разъѣхались по своимъ домамъ; я говорю любимыя... у насъ были очень добрыя дѣвицы, но я считала грѣхомъ съ кѣмъ-нибудь слишкомъ подружиться, потому-что любила тебя, Леночка. А ты и маменька были далеко; Нина и не думала обо мнѣ; я была одна, всегда одна, и очень часто глядѣла на портретъ. Онъ точно живой на этомъ портретѣ, онъ такъ нѣжно смотрѣлъ на меня, такъ чудно мнѣ улыбался... мнѣ казалось, что онъ одинъ меня любитъ.

И тогда мнѣ приходило на мысль, что, можетъ-быть, сто лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ его положили въ могилу; но сейчасъ же я припоминала кого-то, и увѣрялась, что я видѣла его, что онъ произносилъ мое имя, что онъ, быть-можетъ, и теперь недалеко отъ меня. Еслибы сестрица была добрѣе ко мнѣ, то въ ту минуту, какъ она возвратилась изъ поѣздки, я бы во всемъ ей призналась и разспросила бы ее обо всемъ. Но я никому ничего не говорила. Каждую ночь я его видѣла во снѣ. Однажды... ахъ! что это за чудный былъ сонъ! Я съ нимъ была гдѣ-то, вѣрно въ Италиі; вокругъ насъ, подъ пламенемъ южнаго дня, сіяли цвѣты, бѣлый мраморъ, лазурь неба и моря; онъ меня велъ куда-то, держалъ мою руку и говорилъ со мною; я забыла его слова, но онъ мнѣ тронули душу, потому-что когда я проснулась, подушка была мокра отъ слезъ; сердце у меня сильно би-

лось, мнѣ было невыразимо жаль потеряннаго сна, и цѣлый день я ждала новой ночи.

Въ это время я стала мечтать, — Леночка, и перестала даже вспоминать свою пансіонерскую жизнь. Мнѣ иногда казалось, что я была въ маскарадѣ, вся въ черномъ, подъ маской, открывала ему свои тайны, свои чувства, и онъ улыбался такъ, какъ онъ улыбается на портретѣ. Мнѣ иногда мечталось, что я—богатая дама, и мнѣ рассказываютъ про несчастныхъ людей, которые умираютъ отъ голода и нищеты; я иду къ нимъ, въ пятый этажъ, и встрѣчаю тамъ его, больного, въ рубищѣ; я отдаю ему всѣ мои деньги, возвращаю здоровье... счастье...

Другой разъ я бывала на балѣ, въ цвѣтахъ.... это моя любимая мечта: представь себѣ яркую залу, музыка, колонны, зеркала; я въ толпѣ гостей узнаю его, онъ на меня смотритъ, онъ идетъ ко мнѣ, у меня сердце замираетъ, нѣтъ силъ оторвать взора отъ его глазъ; вотъ онъ приглашаетъ меня на вальсъ... мнѣ слышится его голосъ,—звучный и нѣжный...

Леночка, ты не знаешь блаженства мечты! Я нѣсколько разъ думала писать тебѣ объ этихъ чудныхъ радостяхъ, которыя мнѣ снились наяву, но мнѣ казалось, что ты слишкомъ невинна и меня не поймешь.

— Но скажи мнѣ, Юлія, гдѣ-жъ этотъ медальонъ?

— Онъ у меня тутъ, на груди, всегда; это мой талисманъ, мое утѣшеніе въ минуты сердечной грусти.

— Когда же все это было?

— Годъ тому назадъ. Не 'задолго передъ тѣмъ скончался Матвѣй Петровичъ. Ахъ, какъ я жалѣла о немъ, онъ былъ такой добрый, такой ласковый... Въ этотъ годъ я понесла двѣ потери и одну самую тяжелую, за нѣсколько дней до моего выпуска изъ пансіона... о, не забуду я этого дня. М-ше Фале сидѣла въ классахъ; ты видѣла м-ше Фале? Такая добрая маленькая старушка. Вдругъ входитъ лакей и подаетъ ей письмо, запечатанное черною печатью. Богъ знаетъ, отчего я испугалась и у меня заняло сердце.

М-ше Фале прочла письмо, положила его въ свою рабочую шкапу и посмотрѣла на классъ; черезъ нѣсколько минутъ она вышла, шепнувъ что-то на ухо m-lle Adèle, которая была тогда дежурною. Когда урокъ кончился, я убѣжала въ дортуаръ, потому-что я должна была скрывать мои слезы; вдругъ входитъ m-lle Adèle,—она всегда наказывала тѣхъ, кого поймаетъ въ дортуарѣ; увидя меня, она прошла мимо и ничего не сказала. Это еще болѣе встревожило меня. За обѣдомъ я съ трудомъ проглатывала куски; въ рекреационной залѣ я видѣла, что дѣвицы

шепчутся и смотрятъ на меня; мнѣ даже слышались слова: умерла... умерла, сестра, Нижній-Новгородъ. Я старалась казаться спокойною, хотя у меня сердце разрывалось на части. Mesdames, сказала я, — у кого списаны примѣчанія географіи, одолжите мнѣ. У меня! у меня! возьми Юлинька! вотъ онѣ, душка! закричали почти всѣ разомъ. Я старалась улыбнуться такой странной услужливости, а чувствовала, что блѣднѣю. Вдругъ раздался голосъ m-me Adèle: M-me Julie, къ вамъ пришли; ступайте къ m-me Фале, въ гостиную. Я пошла шатаюсь; тамъ сидѣла Нина въ глубокомъ траурѣ; увидя ее, я бросилась къ ней, и только могла сказать: Нѣтъ ея! моей мамаша!

Нина заплакала; m-me Фале утирала глаза и стала ласкать меня. Когда сестрица ушла, m-me Фале позволила мнѣ цѣлый день не учиться и остаться у ней обѣдать и вечеромъ чай пить. Вечеромъ были гости; меня всѣмъ показывали и называли круглою сиротою. Казалось, всѣ принимали во мнѣ такое живое участіе, но черезъ минуту забывали меня. Подали чай, послѣ него всѣ усѣлись посреди гостининой. Сашѣ и Лизѣ Петровымъ велѣно было играть на фортепьяно, въ четыре руки. Я сидѣла въ уголкѣ, за ширмой изъ плюща, и мнѣ живо представлялась ты одна, въ маленькой, низкой комнатѣ, гдѣ пахнетъ ладаномъ и догораютъ свѣча... какъ ты должна была страдать тогда, мой другъ. Мнѣ было страшно думать, что мамаша лежала въ гробу, и ни я, ни Нина не простились съ нею. Въ 12 часовъ гости разъѣхались. Я убѣжала въ дортуаръ, и долго, долго, стоя на колѣнахъ у своей постели, горько плакала и молилась. Въ слѣдующіе дни я не надѣвала моихъ цвѣтныхъ платочковъ. Я еще не сняла плерезовъ съ платья, когда насталъ нашъ выпускъ. Наканунѣ того дня всѣ были грустны, и вечеромъ вышли въ садъ. Вечеръ былъ тепелъ, деревья только-что распускались; мы всѣ усѣлись въ бесѣдкѣ и разсуждали о томъ, что багряная полѣса на горизонтѣ предвѣщаетъ вѣтренный день. Въ-слѣдствіе этого стали спрашивать, кто въ какомъ бурнусѣ поѣдетъ.

Мнѣ было грустно. Я тихонько встала и пошла послушать у забора голоса прохожихъ съ улицы.

Вдоль забора разрослись кусты сирени; я вдругъ замѣтила въ новой зелени ихъ распутившуюся вѣточку; — я нѣсколько мѣсяцовъ не видѣла цвѣтовъ, и моя радость была невообразима; я сорвала эту сирень и стала искать счастья.

— И нашла?

— Нѣтъ. Но въ-послѣдствіи, когда я встрѣтила этотъ медальонъ мнѣ казалось, что сирень меня не обманула. Цѣль моихъ стараній была: узнать его. И этой цѣли достигнуть было невозможно при такомъ образѣ

жизни, какимъ окружила меня сестрица. Я потеряла надежду. И вдругъ вчера, въ комнатѣ было такъ свѣтло, онъ показался мнѣ призракомъ... Увѣрь меня Леночка, что я не брежу... смотри, похожъ ли?

При этихъ словахъ Юлія вынула изъ-за корсажа медальонъ — и показала его сестрѣ. Нельзя было сомнѣваться, что вчерашній гость служилъ оригиналомъ этому портрету; но много лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ... нѣжный мальчикъ сдѣлался мужчиной...

— Я знаю его имя, продолжала Юлія, задыхаясь отъ радости: я спросила у Нины. Его зовутъ Леонидъ Чеварскій.

V.

Чеварскій часто бывалъ у Добромышцевой. Нужно ли говорить, что Нина была этому рада. Она принадлежала къ тѣмъ людямъ, которые какой-нибудь случайный, единственный успѣхъ въ жизни своей считаютъ порукою за будущіе несомнѣнные успѣхи. И почему же ей не сдѣлаться м-ше Чеварской? Леонидъ такъ безумно любилъ ее, ухалъ изъ Петербурга съ отчаяніемъ въ сердцѣ, возвратился съ желаніемъ ее увидѣть, что доказывалъ его немедленный пріѣздъ къ ней, на дачу. Значить, десять лѣтъ разлуки не охладили любви; и теперь чѣмъ богатая вдовушка, свѣтская женщина хуже бѣдной, никому неизвѣстной дѣвушки. Такъ думала Нина, покоясь на мягкомъ диванѣ, подъ волнами кружевъ и батиста, или управляя въ полѣ ученымъ конемъ. Чеварскій смотрѣлъ на нее сперва внимательно, потомъ насмѣшливо, и наконецъ отвернулся: ему было больно видѣть его Нину, полунаивную, полуроманическую, исчезнувшую въ образѣ свѣтской кокетки, которыхъ мой герой милліонами встрѣчалъ въ подлунной. Онъ разлюбилъ Нину, когда она его обманула; но эта первая его любовь, силою вырванная изъ сердца, оставила по себѣ, какъ цвѣтокъ, унесенный изъ комнаты, слабое, таинственное благоуханіе, и онъ мечталъ оживить ее, увидя ту, съ которою когда-то желалъ связать судьбу свою. Увы! онъ ее увидѣлъ, слышалъ голосъ ея, дотронулся до ея ручки, и при этомъ матеріальномъ соприкосновеніи образъ былой Нины, любимой и потерянной, исчезъ навсегда изъ его успокоеннаго воображенія. Для м-ше Добромышцевой все было кончено. Но, повторяю, Чеварскій часто бывалъ у нея на дачѣ: сестры хозяйки занимали его. Онъ любилъ подслушивать ихъ шебетанье въ маленькой комнаткѣ, которую онъ утромъ убиралъ цвѣтами, и ихъ тихую бесѣду по вечерамъ, когда, неразлучныя, онѣ гуляли въ аллеяхъ сада. Юлія затмѣвала красотой сестру свою. И Чеварскій часто смотрѣлъ на прелестную головку дѣвушки тѣмъ неотразимымъ и задумчи-

вымъ взглядомъ, которымъ онъ смотрѣлъ когда-то на чудеса южной флоры. Его удивляла робость Юліи; отчего убѣгала она иногда, завидя его въ другомъ концѣ аллеи? и ея блѣнное платье мелькало между деревьямъ, какъ крылышко испуганной птички. Часто, невидимый, могъ онъ разслышать ея голосъ, и въ этомъ голосѣ было столько могучихъ, нѣжныхъ, душу тревожащихъ звуковъ.

Однажды Леонидъ пріѣхалъ на дачу поздно, при лунномъ свѣтѣ. Нина, цѣлый день страдавшая мигренью, встрѣтила его въ прелестномъ неглиже; она велѣла засвѣтить лампы, затворить окна от сырости, и просила гостя заняться музыкой. Младшія сестры, по обыкновенію, не показывались въ гостиной. Юля бродила въ саду, передъ освѣщеннымъ фасадомъ дачи, какъ пери у воротъ очарованныхъ палатъ. Одно изъ оконъ отворилось, и блѣдная головка высунулась въ садъ.

— Ты простудишься, Юлія! произнесъ тихій голосъ Леночки.

— Леночка, я люблю Чеварскаго.

— Богъ съ тобой, Юлія, мнѣ страшно видѣть, какъ ты подчиняешься своему беспокойному воображенію.

— Послушай, сказала молодая дѣвушка, подходя къ сестрѣ: я думала теперь объ этомъ. Я знаю, что Богъ всемъ намъ далъ возможность и средства быть счастливыми, зачѣмъ же вѣчно ждать чего-то, отъ всего удерживаться и сберегать свои чувства. Это все равно, что разбавлять вино водою, для того, чтобъ дольше пить его.

— Это все софизмы, Юлія. — Я тебя объ одномъ прошу, не ослабляй пустыми мечтами твоей способности быть счастливою и дѣлать счастливыми другихъ; ты любишь не человѣка, а призракъ, идеалъ; ты не знаешь, кто такой этотъ Чеварскій, стоить ли твоей любви? не любить ли онъ другую?

— Я вичего этого не знаю, и потому люблю.

— Ты упряма; такъ я тебѣ скажу, что слышала, какъ Чеварскій говорилъ Нинѣ о своемъ намѣреніи уѣхать опять за границу.

— Ну что-жь? Пусть онъ меня любитъ годъ, полгода, мѣсяць одинъ, и тогда уѣдетъ. Онъ мнѣ оставитъ воспоминанія о счастіи, а развѣ это не права на вѣчную благодарность.

— Ты ужасная фантазѣрка, Юлія; говорятъ, что дѣвушки съ подобнымъ характеромъ всегда бывають несчастны.

— Я теперь счастлива! Слышишь онъ снова играетъ! Пойду слушать.

И Юлія легко подбѣжала къ двери, ведущей изъ сада въ гостиную. Сперва она неподвижно слушала, потомъ неслышно отворила дверь и смотрѣла. Это были для нея минуты высокаго блаженства. Искусно разыгрываемая мелодія переносила ея воображеніе къ недалекому еще

времени пансіонской жизни, ко времени неопредѣленныхъ желаній и фантастической любви. Ея мечта многихъ дѣтъ теперь осуществилась: она его видѣла. Да, это онъ! Юліи знакомы его тонкія черты, его блѣдность, бѣлокурые вьющіеся волосы; но зачѣмъ губы его сжаты, какъ у людей скрытныхъ и недобрыхъ, а въ глазахъ ужъ нѣтъ того восторженнаго взора, онъ замѣненъ взоромъ холоднымъ, отталкивающимъ. Онъ средняго роста, гибокъ и строенъ; какъ ловко его бѣлыя руки берутъ октавы и какъ граціозно закидываетъ онъ назадъ голову.

Забываясь въ воспоминаніяхъ и мечтахъ любви, Юлія мало-по-малу отворила дверь; вдругъ, неожиданнымъ порывомъ, вѣтеръ ворвался въ гостиную; Чеварскій повернулъ голову, и увидѣвъ дѣвушку, остановилъ на ней взоръ, съ тою задумчиво-нѣжною улыбкою, которую такъ ловко уловилъ живописецъ медальона.

— Войдите же, mademoiselle, — сказалъ онъ ласково: — вамъ холодно въ саду.

Юлія колебалась; онъ всталъ изъ-за фортепьяно, и подойдя къ ней, взялъ ея маленькую ручку. Войдя въ гостиную, молодая дѣвушка была въ такомъ смущеніи, что не замѣтила свирѣпаго взгляда Нины, уставленнаго на нее.

Чеварскій, также не обращая вниманія на этотъ взглядъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Юліей на маленькій двумѣстный диванъ и съ нѣжностью глядѣлъ на молодую дѣвушку.

— Я зналъ васъ ребенкомъ, — говорилъ онъ: — вы были ко мнѣ тогда добры и ласковы, отчего же теперь я васъ пугаю?.. Возвратите мнѣ ваше довѣріе, я васъ люблю также, какъ и прежде, я о васъ часто думалъ во-время моихъ путешествій, и привезъ большія коллекціи раковинъ и сѣмянъ, которыя собиралъ единственно для маленькой Юліи. Я помню васъ прелестнѣйшимъ ребенкомъ; вамъ недоставало крылышекъ за плечами, чтобы быть совершеннымъ гениемъ; вы обѣщали сдѣлаться современемъ красавицей, и признаюсь. . сдержали обѣщанье.

Такъ говорилъ Чеварскій. Юлія въ смущеніи слушала его.

Она опомнилась только тогда, когда гость уѣхалъ и надъ ея невинною головкой разразилась гроза, во весь вечеръ бушевавшая въ груди Нины. Почти цѣлую недѣлю сестры встрѣчались съ принужденною холодностію.

Къ концу этой недѣли назначена была свадьба Амаліи Крекъ, пансіонской подруги Юліи, съ какимъ-то богатымъ иностраннымъ негодіантомъ. Невѣста приглашала на этотъ праздникъ всѣхъ своихъ бывшихъ подругъ, и Юлія, по приказанію Нины, скрѣпя сердце, написала въ отвѣтъ на это приглашеніе, что сестрица еще не позволяетъ

ей выѣзжать. Амаліи ни за что не хотѣлось лишиться хотя одной свидѣтельницы ея великолѣпной свадьбы, и потому она сама пріѣхала съ матерью къ Нинѣ.

Нина не-хотя приняла незнакомыхъ гостей, но безукоризненный нарядъ двухъ дамъ, ихъ свѣтское обращеніе, ихъ великолѣпный экипажъ, быстро ее смягчили. Она сказала даже, что совершенно увѣрена въ томъ, что ея сестра будетъ внѣ всякой опасности подъ покровительствомъ такихъ прекрасныхъ дамъ,—и Юлію увезли на недѣлю въ Петергофъ.

Эти семь дней были всегда ей памяты.

Амалія была счастливѣйшая изъ женщинъ; она жила среди роскоши и довольства, она съ увлеченіемъ предавалась удовольствіямъ свѣта, къ которымъ еще не успѣла привыкнуть, и которыя легче давались ей въ ея новомъ положеніи.

Она была добра (счастливые всегда добры); ея румяное личико всегда оживлялось веселостью, невозмущаемою заботами жизни; наконецъ, она съ такою милою откровенностью разсказывала подругамъ о своихъ дѣвичьихъ шалостяхъ, что Юлія день-отъ-дня все болѣе и болѣе привязывалась къ ней, и... въ одинъ прекрасный тихій вечеръ повѣрила Амаліи тайну любви, переполнившей ея душу. Амалія, выслушавъ, задумалась, но потомъ рѣшила:

— Что-жь, если онъ молодъ, хорошъ собой и богатъ, я тебѣ отъ всей души желаю счастія.

— Но какое же счастье, если я нигдѣ не могу его увидѣть?

— Онъ теперь въ Петербургѣ?

— Да.

— Ну, такъ я велю мужу познакомиться съ нимъ и пригласить его ко мнѣ.

Юлія, вмѣсто отвѣта, бросилась на шею подругѣ.

— Ты красавица, Юлія, сказала та, нѣжно цѣлуя влюбленную дѣвушку, и въ нашъ вѣкъ случается, что мужчины предпочитаютъ красоту богатству; погоди, я все улажу, только слушайся меня.

Юлія на все согласилась.

Случилось такъ, что одинъ изъ знакомыхъ Амаліи зналъ моего героя. Этотъ господинъ также бывалъ въ чужихъ краяхъ и питалъ особенную страсть ко всему иностранному. Онъ познакомился съ Чеварекимъ въ Италіи, и потому самыми поэтическими красками описалъ его.

— Для повѣрки вашихъ словъ, сказала ему хозяйка: приведите ко мнѣ послѣ-завтра, вечеромъ, вашего знакомаго.

Въ этотъ вечеръ Амалія принимала гостей въ своемъ будуарѣ;

томное сіяніе лампы, блѣдноглубой цвѣтъ мебели, стѣны и драпировокъ пріятно поражали взоръ; благоуханный вечеръ дремалъ за открытымъ окномъ. Амалія, Юлія, Чеварскій и заграничный пріятель его, да еще молоденькой корнетъ Шарль, кузень хозяйки, составляли общество.

— *Julié, ma chége, сыграй намъ что-нибудь*, сказала Амалія.

Когда Юлія сѣла за фортепіано, молодая женщина осмотрѣла ее съ головы до ногъ, и осталась совершенно довольна. Туалетъ, придуманный ею самою, былъ безукоризненъ: бѣлое платье безъ всякихъ украшеній; черныя косы великолѣпно обвивались вокругъ прелестной головки.

Чеварскій нѣсколько минутъ слушалъ музыку и любовался греческимъ профилемъ игравшей; потомъ отошелъ къ камину, гдѣ разговаривали о Пале роялѣ. Когда онъ проходилъ мимо фортепіано, Юлія подвѣла на него робкій взоръ, и струны издали какой-то страшный унылый аккордъ.

— *Vous avez l'air à tout fait niais en le regardant, ma petite*, шепнула ей Амалія. Когда кончишь играть, займи другихъ моихъ гостей, вотъ напримѣръ кузень мой Шарль.

Корнетъ атаковалъ Юлію французскими комплиментами.

Чеварскій между-тѣмъ подсѣлъ къ Амаліи.

— *M-me Julie* говорила мнѣ, что вы вмѣстѣ съ нею воспитывались въ пансіонѣ, сказалъ онъ.

— Да, но она нѣсколько моложе меня. Она вамъ нравится?

— *Elle est charmante*, лѣниво отвѣтилъ онъ.

— *N'est ce pas? И какъ наивна! Avec sa beauté, ses talents, elle fera fureur dans le monde. Qu'en pensez vous?*

— *Vous avez raison, m-me*, но я ее мало знаю.

— Она мнѣ о васъ много говорила, *c'est une tête un peu exaltée, romanesque...* Амалія dokonчила фразу значительной улыбкой; Чеварскій невольно повернулъ голову въ ту сторону, гдѣ сидѣла Юлія, и замѣтилъ, что она улыбается корнету.

— *Julie*, сказала хозяйка, *viens que je te montre mon album.*

Юлія подошла къ столу; альбомъ былъ раскрытъ, и двѣ хорошенькія головки надъ нимъ склонились.

Но черезъ минуту Амалія подъ какимъ-то предлогомъ отошла, и Чеварскій пододвинулъ свое кресло къ молодой дѣвушкѣ.

Она продолжала перелистывать альбомъ, и остановилась на живописномъ пейзажѣ изъ окрестностей Неаполя.

— Вы были здѣсь? спросила она Чеварскаго.

— Былъ, три года назадъ.

— Я это знаю.

— Какимъ образомъ?

— Мнѣ рассказывали, что вы были здѣсь на балѣ у какой-то итальянки; она васъ попросила напомнить ей мотивъ изъ Нормы, и вы передали его на фортепьяно такъ полно и съ такимъ чувствомъ, что бывший тутъ извѣстный композиторъ пророчилъ вамъ славу виртуоза.

— Это случилось на виллѣ Джорджіани, я помню ее... я тамъ провелъ, у графа и графини Альмы два лучшіе года моей жизни.

— Кто эта графиня Альма?

— Премилая женщина! Она баловала меня, какъ ребенка. Надо вамъ сказать, что она была молода и прехорошенькая; и мнѣ было чрезвычайно пріятно предаваться въ ея обществѣ лѣни и мечтательности, которыя во мнѣ сильно развиты. Мы цѣлые дни бывало бродили съ ней по прекраснымъ окрестностямъ.

— Я думаю, сказала Юлія, что ваша жизнь была полна приключеній; у васъ много дорогихъ воспоминаній?

— Дорогихъ мало. Этотъ вечеръ прибавить одно... Я васъ люблю, Юлія, какъ я люблю все прекрасное, ваши глаза что-то чудное говорятъ мнѣ; покуда я сохранию въ памяти этотъ взоръ и въ душѣ вѣру въ васъ, до-тѣхъ-поръ, я не буду несчастливъ.

— Но развѣ мало прекраснаго въ мірѣ, сказала молодая дѣвушка взволнованнымъ голосомъ: на что же солнце блещетъ, какъ не для того, чтобы намъ было веселѣе жить.

— Вы молоды, и сохрани меня Богъ разувѣрять васъ; но вѣдь вы повѣрите тому, что если сильно ушибутъ голову ребенка, онъ на всю жизнь можетъ остаться идиотомъ. Я также въ молодости получилъ порядочный щелчокъ. Я любилъ дѣвushку вашихъ лѣтъ, она мнѣ казалась такою же доброю и благородною, какъ и вы; я любилъ ее какъ немногіе любятъ, а она меня обманула и посмѣялась надо мною... Я плакалъ, я кричалъ и бѣсновался, но мало-по-малу тоска и любовь прошли; остались разсудокъ, хладнокровіе, недовѣрчивость; я сталъ смѣяться, не вѣрить, измѣнять.

— Васъ многія любили?

— Любили... да.

— А вы...

— Я много потерялъ свѣжести чувствъ въ постоянномъ анализѣ женскаго сердца; недовѣрчивость—это ядъ для любви. Не любите такихъ людей, какъ я, Юлія... я бы васъ замучилъ.

Въ эту минуту подошла Амалія.

— Мы съ Шарлемъ условились завтра устроить *soirée dansante*, сказала она. М-г Чеварскій, я танцую съ вами первую кадрили.

— *Merci, ma dame*, отвѣтилъ онъ, и наклонясь къ Юліи, тихо сказалъ: вы будете со мною танцовать мазурку?

— Съ удовольствіемъ! прошептала дѣвушка съ дѣтскимъ восторгомъ.

Пріѣхалъ мужъ Амаліи и привезъ съ собою нѣсколько гостей; миръ общества на минуту разстроился, и Юлія, среди этой суматохи, убѣжала въ садъ, сорвавъ мимоходомъ розу.

Она шла, съ жадностію вдыхая сладостный запахъ цвѣтка. Дача глядѣла въ кущу деревъ своими яркими окнами; на галлерей за плущевою оградой, свѣтилась лампа подъ матовымъ колпакомъ. Дверь галлерей отворилась, изъ нея кто-то вышелъ; въ глазахъ Юліи мгновенно мелькнула сіяющая глубь залы, розовое платье Амаліи и бѣлые клавиши рояля. Звуки музыки, говора и смѣха влетѣли въ садъ. Дверь залы затворилась, и въ темнотѣ, между деревьевъ, сверкнули огонекъ сигары и золото эпюлета. Песокъ закрипѣлъ подъ чьими-то шагами, Она хотѣла убѣжать, но молодой повѣса съ улыбкою загородилъ ей дорогу.

— Ахъ, м-г Шарль, пустите меня.

— Не пущу.

— Слышите, меня зовутъ *Amélie*.

— По-крайней-мѣрѣ, подарите мнѣ розу, которая у васъ въ рукахъ.

— Возьмите ее! съ дѣтскимъ смѣхомъ вскричала молодая дѣвушка, бросивъ розу.

Шарль пропустилъ Юлію, воткнулъ цвѣтокъ въ петлю сюртука и медленно вошелъ въ залу съ завоеваннымъ трофеемъ.

Чеварскій замѣтилъ эту розу; онъ видѣлъ ее въ рукахъ Юліи. Онъ улыбнулся ясмѣшливо, презрительно, и посмотрѣлъ въ окно.

Юлія, какъ легкая тѣнь, блуждала во мракѣ сада. Леонидъ угадывалъ ея прелестныя черты и неуловимую грацію движеній. Адская любовь, ревность и злоба зажглись въ его сердцѣ. Онъ поблѣднѣлъ, машинально взялся за шляпу.... и черезъ минуту его не было на дачѣ Амаліи.

Весь слѣдующій день Юлія почти не выходила изъ оранжереи, составляя букеты и гирлянды для своего вечерняго наряда.

Вечеръ насталъ; зажглись огни, собрались гости; моя героиня была восхитительна. Улыбка почти не сходила съ ея розовыхъ губокъ, глаза упорно останавливались на главной двери, въ которую входили новоприбывающіе. Первые звуки оркестра казались ей вѣстниками несказаннаго блаженства.

Протанцовали два кадрили, — Чеварскаго еще не было. Юліи стано-

вились пыткой ничтожные разговоры танцоровъ, а танцы казались трудомъ. Голова ея болѣла отъ непривычнаго грома музыки. Въ самомъ разгарѣ бала, Амалія отозвала ее въ кабинетъ, и показала двѣ записки: одну отъ Чеварскаго, который извинялся въ своемъ отсутствіи по болѣзни; другую отъ Нины, которая требовала немедленнаго возвращенія Юліи домой. Съ этой минуты Юлія желала, чтобы скорѣе кончился балъ; когда заиграли мазурку, глаза ея были полны слезъ.

На другой день она простилась съ Амаліей и отправилась домой, въ великолѣпной коляскѣ, подъ предводительствомъ колоссальнаго лакея. Тотъ день былъ теплый и пасмурный. Леночка встрѣтила сестру съ грустною улыбкой, повела ее въ ихъ комнату, помогла раздѣться, и поцѣловавъ, сказала: Вчера здѣсь былъ Чеварскій и чѣмъ-то ужасно разсердилъ сестрицу; когда онъ уѣхалъ она послала къ тебѣ письмо.

— Но что же я сдѣлала? спросила бѣдная дѣвушка.

— Я увѣрена, что ничего дурнаго, но я тебя только предупредила на всякій случай. Ступай къ ней поздороваться. Вѣрно ничего не случится.

Юлія пошла съ трепетомъ сердца; ей почти дурно сдѣлалось, когда она взялась за ручку дверей будуара.

— Кто тамъ? раздался оттуда сердитый голосъ.

— Это я, сестрица, я пріѣхала...

Двѣ минуты длилось молчаніе.

Наконецъ дверь отворилась, и горничная Нины объявила Юліи, что барыня больна и никого не хочетъ видѣть.

- VI.

Чеварскій не былъ на вечерѣ у Амаліи потому, что Юлія подарила розу корнету. Эта мечь была для него закономъ и жертвой. Цѣлый день его томило желаніе услышать изъ чьихъ-нибудь устъ любимое имя. Онъ поѣхалъ къ Ниинѣ въ самомъ раздраженномъ состояніи духа, и преспокойно разсказалъ ей о своемъ новомъ знакомствѣ съ Амаліей и о томъ, что видѣлъ у нея *la petite Julie*.

Нина поблѣднѣла при этомъ неожиданномъ извѣстіи, но въ минуту оправившись, разговорилась о своей материнской любви къ младшей сестрѣ, о томъ, сколько она ей стоила заботъ и денегъ, какъ ее баловалъ ея покойный мужъ.

— Я знаю это, — прервалъ ее Чеварскій: мнѣ прежде каждый шагъ вашъ былъ извѣстенъ.

— Это какимъ-образомъ? спросила Нина съ самолюбивымъ удовольствіемъ.

— Что-жь тутъ удивительнаго? Уѣзжая, я сказалъ пріятелю, съ которымъ намѣренъ былъ вести переписку, что для меня самые любопытныя вѣсти изъ родины будутъ вѣсти о любимой женщинѣ. И знаете ли, нѣтъ никого, чья бы жизнь и характеръ мнѣ были такъ знакомы, какъ ваши.

— Такъ опишите мнѣ ихъ, это интересно.

— Извольте. Вы родились подъ самую счастливою звѣздою; небо васъ надѣлило столькими святыми обязанностями, что исполняя ихъ, вы узнали бы самыя высокія радости жизни. У васъ была больная мать, которой нужны и дороги были ваши попеченія; она умерла не видя васъ; на рукахъ ребенка и наемныхъ людей; у васъ были сестры — малютки, ввѣренныя судьбою вашимъ заботамъ и свидѣтельницы вашей праздною, бесполезною жизни. Не прерывайте меня. Васъ любилъ безумно бѣдный, правда, но добрый человекъ, и какъ вы искусно и скоро убили въ немъ все лучшія чувства; наконецъ, вы вышли за мужъ за прекраснаго, благороднаго Матвѣя Петровича и онъ сдѣлался жертвою своей доброты и довѣрчивости. Я знаю ваше пристрастіе ко всему, что отдаляло васъ отъ семейнаго круга. Время и обстоятельства утомились, испытывая васъ; вы не имѣли собственныхъ дѣтей, но меня страшить участь дѣвушекъ, которыя живутъ въ вашемъ домѣ.

Выслушавъ до конца эту правдивую рѣчь, Нина поднялась съ дивана блѣдная и нѣмая. Ее не такъ оскорбляла горечь упрековъ, какъ страшное убѣжденіе, что человекъ, такъ справедливо о ней думавшій, не захочетъ на ней жениться. Это разсеивало въ прахъ самыя задушевыя ея надежды и наносило неизлечимый ударъ самолюбію.

— Я не знаю, милостивый государь, сказала она задыхающимся голосомъ: какъ назвать человека, который осмѣливается оскорблять беззащитную женщину въ ея собственномъ домѣ?

— Полноте! съ улыбкою отвѣчалъ Чеварскій: — это по праву старинной дружбы; о которой вы такъ много твердили мнѣ въ послѣднее время.

— Вѣроятно, это по поводу вашего страннаго участія къ Юліи, возразила Нина, которая готова была въ эту минуту ненавидѣть младшую сестру свою. Я ей желаю добра, но не въ состояніи потворствовать ея намѣреніямъ скорѣй отыскать жениха.

— Оставьте въ покоѣ бѣдную дѣвушку; я вижу, что вы очень разсердились, прощайте...

Не успѣвъ ояъ выйти, какъ отданъ былъ приказъ людямъ

не принимать его. Леночка слышала это приказаніе, но обѣ младшія сестры не могли понять его причины.

Юлія до вечера томилась неизвѣстностью своего преступленія и предстоящаго наказанія; бѣдная дѣвушка, она ставила себѣ въ вину то, что весело провела нѣсколько дней, и что молодые люди отличали ее отъ прочихъ дамъ на вчерашнемъ вечерѣ.

Наконецъ, передъ чаемъ, Нина вошла въ комнату младшихъ сестеръ; нѣсколько минутъ наблюдала она работу Леночки въ пальцахъ, потомъ, обратясь къ Юліи, сказала съ презрительнымъ хладнокровіемъ: Ваши планы, какъ видно, разстроились. Чеварскій смѣется надъ вами и даже упрекалъ меня въ томъ, что я недостаточно строга къ вамъ.

— Сестрица, спокойно возразила Леночка, которая понимала все очень ясно, — простите Юліи, если она дурно поступила. Наша маменька, умирая, молилась о томъ, чтобы вы замѣнили ее намъ. Будьте, какъ она, снисходительны.

— А я развѣ мало добра вамъ дѣлала? Я ей дала воспитаніе, хлѣбъ, пристанище; безъ моей помощи она погибла бы, а въ благодарность за все это, теперь она внесла стыдъ и безчестіе въ мой домъ.

— Что же я сдѣлала? спросила Юлія съ умоляющимъ взглядомъ.

— Ахъ, какъ наивна! Не знаетъ, что она дурнаго сдѣлала? Вы, сударыня, назначили свиданіе Чеварскому у вашей пріятельницы; я не могу понять, какъ эта Амалия, которая мнѣ казалась такой благовоспитанной дамой, рѣшилась принимать у себя такого негодяя.

— Сестрица!..

— Молчать! вскричала Нина, топнувъ ногой. Чеварскій былъ влюбленъ въ меня въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

— Такъ это вы?..

— Что?

Юлія замаялась.

— Онъ нѣсколько разъ просилъ моей руки, — продолжала Нина: — но я не рѣшалась ввѣрить своей судьбы такому пустому и безправственному человѣку. И теперь, хотя ты не стоишь ни малѣйшаго о тебѣ попеченія, но я запретила впускать его сюда, чтобы онъ не свелъ тебя съ ума окончательно.

Съ этими словами Нина вышла изъ комнаты.

Жизнь Юліи тянулась скучно, однообразно. Она видѣлась съ Ниной только за обѣдомъ, когда съ трудомъ проглатывала куски чужаго хлѣба. Ей иногда снились на яву розовыя улыбки Амалии, блескъ ея комнатъ, лица гостей, — и сердце возставало противъ грустной доли, которая ей во всемъ этомъ отказала. Въ пылкой дѣвушкѣ родилось

желаніе отдалиться изъ негостепріимнаго дома сестры, но куда? Чѣмъ поддержать безпріютное существованіе? Красота, молодость и бѣдность— вотъ всё, чѣмъ она владела? И притомъ покинуть сестру, которая въ продолженіе столькихъ лѣтъ заботилась обо ней... Но, Боже мой! какъ тяжела благодарность, не смѣшанная съ любовью и уваженіемъ! Лучше уѣхать!... надобно остаться!

Въ это время Чеварскій пріѣзжалъ два раза къ нимъ на дачу. Въ первый разъ ему сказали, что Нины нѣтъ дома, въ другой разъ ее въ-самомъ-дѣлѣ не было дома, и онъ нѣсколько минутъ разговаривалъ съ ея горничною. По его отъѣздѣ Юлія получила письмо. Она нѣсколько разъ его перечитала, и ложась спать, спрятала подъ подушкой.

— Онъ меня безумно любитъ, шептала она: эти дни разлуки ему стоили нѣсколькихъ лѣтъ жизни; онъ думаетъ, что никогда меня не увидитъ болѣе, онъ вѣритъ въ пылкую, благородную любовь, онъ требуетъ отъ любви увлеченія, пожертвованій... и припоминая прочія прекрасныя фразы его письма, Юлія уснула спокойная, счастливая.

VII.

Въ восемь часовъ вечера, при солнечномъ закатѣ, множество экипажей стояло у подъѣзда петербургской станціи царскосельской желѣзной дороги. Безпрерывно стучали подъѣзжающія коляски или дрожки, и двери отворялись со входомъ новаго лица. Зала кипѣла народомъ. Причиною такого съѣзда былъ концертъ Гунгля въ Павловскѣ.

Оставалось пять минутъ до отъѣзда, когда группа молодыхъ людей, стала прохаживаться по вокзалу, перекидываясь усмѣшками и бросая значительныя взгляды на молоденькую путешественницу, сидѣвшую поодаль отъ всѣхъ.

Она была очень хороша собой и нарядно одѣта.

Она не встрѣтила ни одного знакомаго въ вокзалѣ, и исключительное вниманіе незнакомыхъ повѣсь было для нея истинной пыткой. Безмолвно мучилась она стыдомъ, страхомъ и досадою, и эти мученія проявлялись въ ускоренномъ біеніи сердца и въ яркомъ румянцѣ, горѣвшемъ на щекахъ. Последній звонокъ былъ для нея истинно глаголомъ спасенія. Она бросилась на галлерей, и кондукторъ, посмотрѣвъ на билетъ, указалъ ей мѣсто въ каретѣ. Спутниками ея были старикъ, молоденькая женщина и офицеръ. Старикъ вынулъ изъ кармана газету и углубился въ чтеніе. Молоденькая женщина съ комфортомъ усѣлась и подперла головку рукою, отчего спавшій широкій рукавъ обнажилъ ея ручку почти до локтя. Рука дѣйствитель-

но была хороша. Офицеръ ловилъ взгляды моей одинокой героини и показывалъ видимое желаніе заговорить съ нею, но не успѣвъ въ своемъ намѣреніи, обратился съ какимъ-то пустымъ замѣчаніемъ къ дамѣ съ хорошенькой ручкой. Ему отвѣтили очень любезно. Между-тѣмъ паровозъ заохалъ, застучалъ и полетѣлъ. Юлія (это была она) задумчиво стала глядѣть въ поле. Всѣ происшествія улетѣвшаго дня мелькали въ ея разстроенномъ воображеніи, какъ эти поля, лѣса и облака мелькали передъ окнами кареты.

Сегодня утромъ проснулась она на дачѣ, теперь далекой; встрѣтившись съ Пинной въ саду, она сказала сестрѣ, что Амалія проситъ ее пріѣхать въ ея вновь-устроенную городскую квартиру. Можете ѣхать куда вамъ угодно, и дѣлать что вздумаете, былъ отвѣтъ. Эта фраза заставила понять Юлію, что присутствіе ея въ домѣ сестры неприятно для послѣдней.—Лучше трудъ—хотя бы самый тяжкій, лучше лишенія, но спокойствіе и свой собственный, хотя черствый кусокъ хлѣба. Юлія рѣшилась чрезъ Амалію искать занятій и мѣста. Съ этими мыслями она надѣла свое лучшее платье, соломенную шляпку съ розовыми лентами и легонькое темное пальто. Она собрала всѣ серьги и кольца, оставшіяся ей отъ матери, и не забыла маленькаго портмоне, въ которомъ, въ-продолженіе нѣсколькихъ годовъ, хранились небольшія деньги. Она знала, что эти бездѣлушки могутъ быть единственнымъ средствомъ спасенія въ неудачахъ будущей жизни. Она ничего не сказала Леночкѣ о своемъ намѣреніи; только ея бѣдное сердце разрывалось на части при прощальномъ поцѣлуѣ съ сестрой у воротъ дачи. По обыкновенію, въ сопровожденіи Аксиньи, она пришла къ Минеральнымъ-водамъ, на пристань легкихъ невскихъ пароходовъ, усталая, болѣе измученная внутреннимъ волненіемъ, чѣмъ долгою и поспѣшною ходьбою. Не зная времени отправленія пародовъ, она принуждена была ждать два часа, и наконецъ понеслась по голубой рѣкѣ, межъ зеленѣющихъ береговъ—къ новой жизни, къ новымъ мѣстамъ. Блескъ лѣтняго дня казался ей предвѣстникомъ грядущаго блаженства.

Но когда Юлія, у Лѣтняго сада, сѣла въ пролетку и сказала извозчику названіе улицы, въ которой жила Амалія, серьезныя размышленія вмигъ вытѣснили изъ ея сердца блестящія надежды. Она ѣхала къ своей пансіонской подругѣ просить пристанища и хлѣба, и не жалуясь на сестру, обвинить ее. Амалія, во всю свою жизнь не страдавшая отъ несправедливости и жестокости, будетъ ли сочувствовать своей вѣтренной подругѣ. Положимъ, Амалія приметъ ее къ себѣ; она богата, ей ничего не стоить сдѣлать добро; но Юлія горда, ей многого стоить просить и принимать благодѣянія. Наконецъ, эти вопросы объ интересѣ

не потребать ли всей вѣжности ихъ взаимныхъ отношеній? Эти мысли были прерваны остановившеюся пролеткою у подъѣзда великолѣпнаго дома. Юлія расплатилась съ извозникомъ, отпустила Аксинью и медленно стала подниматься въ бель-этажъ. У дверей квартиры она медлила взяться за звонокъ.

— Скажу, что я пріѣхала погостить, наконецъ рѣшила она, а потомъ подумаю, что дѣлать. При этомъ благодѣтельномъ намѣреніи она смѣло позвонила. Лакей отворившій дверь объявилъ, что никого нѣтъ дома.

— Гдѣ-жъ Амалія? быстро спросила молодая дѣвушка.

— Позволили уѣхать въ Павловскъ; приказали ждать себя къ двѣнадцати часамъ.

Юліи слѣдовало остаться. Но провести нѣсколько часовъ въ бездѣйствіи и ожиданіи было выше силъ ея. Притомъ Павловскъ... это слово какъ-то чудно для нея звучало! Чеварскій жилъ въ Павловскѣ, на дачѣ. Она была увѣрена, что встрѣтится тамъ съ нимъ и съ Амаліей.

Вотъ почему мы видѣли ее въ воксалѣ. Теперь, проведя въ вагонѣ нѣсколько времени въ бездѣйствіи и размышленіи, она стала задавать себѣ вопросы; Какъ она встрѣтитъ Амалію, въ огромномъ саду, среди безчисленной толпы гуляющихъ? Можетъ-быть, молоденькая вѣтренница измѣнила своему желанію слушать музыку, и проведетъ этотъ вечеръ гдѣ-нибудь у знакомыхъ на дачѣ? Но поздно объ этомъ думать! Вагонъ съ шумомъ пролетаетъ по сумрачной аллеѣ павловскихъ рощъ.

Несмотря на всю затруднительность своего положенія, Юлія любуется искрами, проносящимися среди сгущеннаго мрака вечера. Остановились. Молодая дѣвушка очутилась въ шумной, нарядной толпѣ, и поспѣшила скрыться въ уединенной аллеѣ. Она шла куда глаза ея глядѣли, сперва въ саду, потомъ по улицамъ, надѣясь встрѣтить Амалію и любуясь мимоходомъ легкими, быстрыми экипажами и прелестью городка, обвитаго цвѣтами и деревьями, которые уступали небольшое мѣсто граціознымъ домикамъ. Юлія наконецъ поняла, что заблудилась въ лабиринтъ улицъ и что положеніе ея опасно; ей стало страшно и тоскливо; къ счастью, мракъ августовской ночи защищалъ ея красоту отъ вниманія прохожихъ.

Утомленная, озябшая, она остановилась подъ деревьями какого-то сада. Ей слышался плескъ скрытаго въ мракѣ фонтана; вдали сіяла дача причудливой архитектуры, съ ярко-освѣщенными окнами. Юлія замѣтила балконы, съ переброшенными на перилы коврами, колоннады, одѣтыя плющомъ, фантастическія окна, украшенныя кружевными занавѣсками и цвѣта-

ми. Одно окно было отворено, и въ глубинѣ яркой комнаты она увидѣла бѣлокурую, прекрасную голову молодого человѣка.

Въ глазахъ у Юліи помутилось; въ первое мгновеніе она хотѣла убѣжать; но силы ей измѣнили. Нѣсколько минутъ слышался ей загадочный говоръ фонтана, чьи-то шаги и звуки любимого голоса, но что послѣ было, — она не помнила.

VIII.

Въ эпоху, описываемую мною, въ Павловскѣ жило семейство, мои добрые знакомые, которые въ—продолженіе цѣлаго лѣта видѣли изъ оконъ своей великолѣпной дачи сосѣдній уединенный садъ и въ немъ закрытый, необитаемый домикъ. Хозяинъ слишкомъ дорого просилъ, въ началѣ лѣта, за наемъ этаго маленькаго красиваго зданія. Въ началѣ августа дача открылась, украсилась и показала прелестнѣйшею бесѣдкой межъ окружающихъ ее цвѣтовъ. За большими, почти всегда открытыми окнами видны были разноцвѣтные ковры, изящные контуры новомодной мебели, темныя картины и яркіе цвѣты. Оттуда вылетали иногда звуки пѣнія, заставлявшіе прохожихъ останавливаться, задумываться и забывать о мелочахъ прозаической жизни. Когда пѣніе смолкало, слушатель, поднявъ голову, могъ замѣтить за освѣщеннымъ окномъ красавицу, нарядно одѣтую, съ улыбкой смотрѣвшую въ голубую даль неба. Иногда, въ ночную пору, вѣжныя руки раздвигали кружевные занавѣсы, и черные глаза слѣдили за переливами луннаго сіянія въ небесныхъ тучахъ. Прекраснымъ утромъ обитательница маленькой дачи выходила къ своимъ цвѣтамъ, въ легкомъ бѣломъ нарядѣ. Ее видѣли, какъ она каталась по аллеямъ парка, сидя въ кабриолеткѣ подлѣ блѣднаго и прекраснаго мужчины, который самъ правилъ; но зонтикъ тогда ревниво склонялся надъ ея молоденькимъ лицомъ. Часто она мчалась на горячемъ конѣ по окрестностямъ Павловска, съ отважностію неустрашаемаго вездника, и никто изъ прохожихъ не успѣвалъ замѣтить красоты амазонки.

Никогда въ—послѣдствіи Юлія не могла припомнить постепенно вѣхъ подробностей своей жизни въ Павловскѣ. Часто случайный аккордъ фортепяно оживлялъ въ ея памяти вечернія минуты, пролетавшія вмѣстѣ съ звуками оркестра подъ темными деревьями парка. Она жила тогда, слѣпо повинувшись мечтамъ сильно возбужденнаго воображенія. Жизнь ея была полна неопредѣленныхъ восторговъ и внезапной боязни чего—то.

Для Чеварскаго Юлія была идеаломъ любящаго созданія, цитавшаго

къ нему разумную привязанность развитой европейской женщины. Онъ любилъ ее горячо и нѣжно! Эта любовь—сокровище молодости, вдохнула въ него новую душу. Нѣсколько времени онъ былъ пылокъ, веселъ, великодушень, благородень. Въ это время, все болѣе и болѣе узнавая сердце молодой дѣвушки, онъ назвалъ Юлію своей невѣстой.

Когда-то онъ хотѣлъ жениться на Нинѣ, и видѣлъ въ бракѣ святыню любви и долга. Потомъ онъ многое видѣлъ на своемъ вѣку. Онъ видѣлъ, какъ нѣкоторыя нарѣченные невѣсты различныхъ сословій не иначе вступали въ домъ своихъ возлюбленныхъ, какъ со взносомъ отъ 50,000 годового дохода до дюжины серебряныхъ ложекъ включительно. Онъ видѣлъ, какъ инныя сентиментальныя героини любовались своей визитной карточкой, украшенной титуломъ иногда горбатаго супруга; межъ-тѣмъ, какъ нѣжное имя Адольфа или Альфреда, друга юности, стиралось съ летучихъ листковъ ихъ забытаго альбома. Онъ слышалъ, какъ магическій звонъ золота заглушалъ ропотъ любви; но самъ онъ не хотѣлъ быть женихомъ—спекулянтъ. Его гордость возставала при мысли купить цѣною своей свадьбы имя и чепчикъ одной изъ милліона красавиць.

А между-тѣмъ онъ сознавалъ, что женщина должна любить, что всѣ любящія женщины достойны участія и уваженія, что любовь есть непреложный законъ природы, и головка Юліи показалась ему достойною брачнаго вѣнца. Чтò было причиной такого сознанія? Безъ всякаго сомнѣнія благодарность за счастье, которымъ она его подарила, исключительная забота о томъ, чтобы ни одна тѣнь не легла на свѣтлый путь ея жизни, и желаніе назвать ее своею передъ людьми и Богомъ.

Въ концѣ медоваго мѣсяца, Чеварскій началъ вспоминать о прошедшемъ, о томъ, какъ тайно и горько страдалъ онъ отъ злаго намека Нины на желаніе Юліи сыскать жениха, отъ явнаго, поспѣшнаго желанія Амаліи свести его съ ея подругой. Всѣ эти думы глубже и глубже западали въ его душу, и вызывали на уста болѣзненную улыбку, выражавшую насмѣшку надъ безуміемъ,—такъ называлъ онъ вѣру въ Юлію и любовь къ ней. Дурныя страсти, какъ болѣзни, растутъ, питаются терзаніями, которыя онъ сами производятъ. Чеварскій былъ болѣнь сомнѣніемъ.

Молодые супруги, возвратясь осенью въ Петербургъ, заняли бельэтажъ дома, который принадлежалъ Чеварскому и гдѣ умеръ его богатый дядя. Леонидъ общалъ Юлію ложу для всѣхъ представленій итальянцевъ, говорилъ и о таинственныхъ прелестяхъ маскарада, и составлялъ планы для будущихъ баловъ, которые онъ намѣревался устроить въ своемъ домѣ. Свѣтъ раскрылъ передъ Юліей, богатой и прелестной,

свои завидныя сокровища; будущее, казалось, таило для нея много прекрасных годовъ; молодая женщина сознавала, что мужъ привелъ ее на праздникъ жизни, но она вынесла тысячу пытокъ, тысячу смертей, потому-что любила... А онъ? Онъ оскорблялъ ее подозрѣнiями, мучилъ капризами, пугалъ возрастающею холодностью. Ея сестры уѣхали на зиму въ губернской городъ, отстоящій на 5 верстъ отъ деревни Нины, и Юлію утѣшала одна надежда, что Леночка возвратится къ ней, что она доставитъ сестрѣ удовольствiя, которыми сама пользоваться не умѣетъ.

IX.

Въ эту эпоху жизни Юліи появился на аренѣ большаго свѣта нѣкто Димлеръ. Онъ не былъ хорошъ собою, а былъ только молодъ и *интересенъ*. Правильнымъ чертамъ лица онъ умѣлъ придавать серьезное, порою грустное выраженіе, заставлявшее предполагать зрѣлость лѣтъ, глубокой опытъ въ жизни и скрытое горе; страстный взглядъ его возмущалъ иногда душу. Его разговоръ не блисталъ остроуміемъ, но онъ любилъ двумысленно выражаться, и часто говорилъ робкимъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ. Вѣря въ свое могущество надъ сердцами женщинъ, Димлеръ при первой встрѣчѣ съ красавицей Чеварской обрекъ ее въ жертву своему самолюбію. Съ-тѣхъ-дуръ грустный взглядъ его неутомимо слѣдилъ за нею и зажигалъ адъ ревности и злобы въ груди Ленонида, который въ смѣлыхъ посяганіяхъ на добродѣтель своей жены искалъ доказательствъ ея невѣрности. Юлія, замѣтивъ особенное вниманіе къ ней Димлера, стала съ нимъ холодна и осторожна.

Однажды, обиженная чѣмъ-то мужемъ, Юлія заплакала, и вынимая платокъ изъ кармана, выронила письмо. Чеварскій нагнулся, поднялъ, и нечаянно взглянувъ на адресъ, поблѣднѣлъ.

— Что это за письмо? съ удивленіемъ спросила молодая женщина.

— А вы не знаете его? Вы хотите, чтобы я самъ назвалъ его автора? Это письмо письмо Димлера, я знаю его почеркъ.

Чеварскій проговорилъ эти слова спокойно, но съ страшною улыбкой.

— Этого быть не можетъ, отвѣтила Юлія, пристально глядя въ глаза мужу, который смѣялся тихимъ, убійственнымъ смѣхомъ.— Меня удивляетъ...

— Что васъ удивляетъ? Что я смѣюсь, а не рыдаю, не проклинаю васъ? Вамъ хотѣлось бы уморить меня съ эффектомъ, или успокоить ложью? А проросъ, что вы придумываете въ ваше оправданіе? Какимъ образомъ письмо это очутилось въ вашемъ карманѣ?

— Не знаю, отвѣчала молодая женщина.

— А я знаю; я понимаю всё ваши планы, и скажу откровенно, что вы превосходно повели свои дѣла; вамъ нужно было мужа, конечно съ состояніемъ, съ положеніемъ въ свѣтѣ,—для этого нашъ покорнѣйшій слуга. Теперь вы предоставили Димлеру довершить остальные требованія сердца.

При этомъ обвиненіи Юлія вскочила и въ изнеможеніи ушла опять въ кресло.—Боже, Боже мой! вырвался вопль изъ ея груди.

— Пожалуйста, безъ гримасъ, продолжалъ Чеварскій: не полагайтесь на успѣхъ, который имѣли ваши притворныя ласки. Страшно подумать, что въ эти лѣта такъ сильно вкоренены въ сердце ложь и порокъ. Посмотримъ, что вы мнѣ отвѣтите, если я васъ спрошу: любите ли вы меня?

Чеварская съ ужасомъ слушала слова мужа. Онъ былъ неумолимъ и страшенъ въ своей злобѣ. Она не узнавала въ немъ любимаго Леонида.

— Любите-ли вы меня? повторилъ онъ съ улыбкой.

— Нѣтъ, я васъ не люблю! отвѣтила Юлія, гордо поднявъ свою блѣдную, прекрасную голову.

— *A la bonne heure!* Иначе и быть не можетъ. Я долженъ казаться смѣшнымъ передъ вами, а скоро и передъ цѣлымъ свѣтомъ. Что я? Слабый человѣкъ. Мои жалобы теперь бесполезны, мои сожалѣнія о прошломъ глухи и смѣшны; я проклинаю васъ и себя за этотъ несчастный бракъ.

Онъ замолчалъ и опустилъ голову. Черезъ минуту послышался отдаленный звонъ.

— Я и забылъ, что у меня сегодня гости, сказалъ Леонидъ, вставая и проводя по лбу рукой: желаю вамъ спокойной ночи? Съ этими словами онъ пошелъ навстрѣчу гостямъ.

Чуть затворилась дверь, Юлія вскочила, какъ бы ужаленная змѣей: она нравственно проснулась. Она схватила со стола изображеніе распятаго Иисуса Христа, артистически сдѣланное изъ бѣлаго мрамора и вывезенное Чеварскимъ изъ Италіи, и прижавъ къ груди эту святыню, молча глядѣла на звѣздное небо безъ слезъ, безъ мыслей, безъ молитвъ. Послѣ нѣкотораго успокоенія нѣжный образъ Леночки мелькнулъ предъ нею въ ночной темнотѣ. Голова ея опять закружилась; она схватилась за спинку кресла, чтобы не упасть. Одна мысль, что она была матерью восторжествовала надъ всѣмъ. Неземная радость вдругъ наполнила сердце Юліи; взоръ ея, отуманенный слезой, искалъ иконы. Я невинна! прошептала молодая женщина, упавъ на колѣни. Она стала молиться, и молилась долго, рыдая. Помолвившись, она встала.

ла и написала Леночкѣ: Не прїѣзжай ко мнѣ, я ничего не могу для тебя сдѣлать; я также бѣдна теперь, какъ была бѣдна прежде, и дождавшись утра, пошла къ мужу, который во-время ея страданій пилъ шампанское, и отголоски ночной оргіи до летали до уединенной спальни Юліи.

Леонидъ спалъ на кушеткѣ, заложивъ руку за голову; бутылка, стоявшая передъ нимъ на столѣ, отклоняла отъ его лица свѣтъ еще горѣвшей лампы. Юлія тихо склонилась надъ нимъ, любуясь серьезнымъ выраженіемъ его прекраснаго лица, и вотъ ея горячія губы прижались къ его высокому, бѣдному лбу; въ этомъ прощальномъ поцѣлуѣ таились благословія, прощеніе и вся любовь ея измученной души. Онъ слегка отклонилъ голову и прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ, которыхъ значеніе она тщетно старалась уловить. Такъ они простились. Пять минутъ спустя, Юлія быстро спускалась съ лѣстницы, не унося съ собой ни одной вещи изъ богатаго имущества, нарядовъ и игрушекъ, которыми такъ недолго пользовалась.

Въ этотъ день только за обѣдомъ Чеварскій спросилъ объ Юліи, и получивъ отвѣтъ отъ слугъ, что барыни нѣтъ дома, не разспрашивалъ болѣе: это было не въ его правахъ; жена пользовалась неограниченною свободою въ его домѣ. Онъ сталъ ждать, и ждалъ долго; онъ сознавалъ необходимость потребовать у Юліи объясненія, доказательства невинности, и даже вымолить прощеніе за вчерашнюю вспышку. Но Юліи нѣтъ. Часъ отъ часу онъ становился нетерпѣливѣе, грустнѣе; въ эти минуты одинъ нѣжный взглядъ Юліи, сладкій звукъ ея голоса сдѣлали бы его покорнымъ, благодарнымъ; а вѣра въ ея любовь была бы для него блаженствомъ. Скажу болѣе, онъ чувствовалъ, что даже виновную простилъ бы, любилъ бы ее.

Но чтó же ее нѣтъ? Онъ взглянулъ на часы, и испугался, узнавъ, что первый часъ утра въ исходѣ. Съ трепетомъ сердца сталъ онъ догадываться, и шатаясь, какъ пьяный, со свѣчей въ рукѣ, вошелъ въ будуаръ своей отсутствующей жены. Первый предметъ, бросившійся ему въ глаза, былъ великолѣпный букетъ живыхъ цвѣтовъ—его ежедневный подарокъ Юліи. Леонидъ оглядѣлъ всю одинокую комнату; ему казалось, что нѣмыя ея стѣны какъ-то насмѣшливо и мрачно на него смотрѣли; онъ остановилъ взоръ на кушеткѣ, гдѣ вчера еще покоилась Юлія въ небрежной и граціозной позѣ; онъ замѣтилъ смятое платье, забытое на стулѣ горничною, и утомленный опустился въ бархатное кресло. У его ногъ, подлѣ роковаго письма Димлера, валялась маленькая перчатка; онъ поднялъ ее, прижалъ машинально къ губамъ, и почувствовалъ знакомое благоуханіе, легкое и упоительное. Онъ сидѣлъ нѣсколько време-

ни, какъ пораженный громомъ, съ сухими и блестящими глазами. Юлія погибла для него, она его не любитъ, она сказала правду вчера, — вотъ словесный переводъ страданія, которое въ нѣсколько минутъ прожгло его сердце, не оставя въ немъ мѣста ни для одного радостнаго, или нѣжнаго чувства.

Х.

Въ одной изъ безымянныхъ улицъ Петербургской-стороны есть деревянный, почернѣвшій отъ времени домикъ, грустно смотрящій на пустынную улицу своими тусклыми, не большими окнами.

На воротахъ этого зданія видна надпись, возвѣщающая, что домъ этотъ принадлежитъ мѣщанкѣ Оеклѣ Ооминишнѣ, вдовѣ Самохвостовой, а къ калиткѣ приклеена бумажка, съ безграмотнымъ увѣдомленіемъ о томъ, что здѣсь отдается въ наемъ комната. Въ одно морозное воскресное утро дама подъ чернымъ вуалемъ постучалась у калитки этого дома; она ждала не болѣе минуты; на дворѣ послышался скрипъ снѣга подъ шагами бѣгущаго человѣка, задвижка загремѣла, и краснощекій мальчикъ, высунувъ въ калитку свое румяное лицо, спросилъ—чего вамъ?

— Здѣсь отдается комнатка?

— Здѣсь, пожалуйста.

Мальчикъ впустилъ даму и провелъ ее на крыльцо подъ навѣсомъ, откуда слѣдовало ей соскочить въ низкія, совершенно темныя сѣни. Мальчикъ засуетился, погромѣлъ ключами и отперъ боковую дверь. Дама вошла въ маленькую комнату, гдѣ слишкомъ небогатая мебель скрывалась въ полусвѣтѣ; но не обращая ни на что вниманія, пришедшая только спросила: кто хозяинъ этой квартиры?

— Маминька моя; отвѣчалъ мальчикъ.

— Гдѣ же она?

— А у обѣдни: сегодня праздникъ.

— Я подожду, — тихо сказала дама, опускаясь на простой деревянный стулъ.

Черезъ пять минутъ явилась хозяйка въ чистомъ ситцевомъ платьѣ и въ красномъ клѣтчатомъ платкѣ; розовыя ленты чепчика великолѣпно развивались надъ ея головой.

— Что вамъ угодно, сударыня? спросила вдова наивѣжливѣйшимъ образомъ, съ любезною улыбкой.

— Я найму у васъ эту комнатку.

— Съ нашимъ удовольствіемъ, останетесь довольны. Мы люди смиренныя.....

— Что стоить?

— Многого не запрошу: три цѣлковика въ мѣсяць. И прислужить что... прибрать комнату, кофейку, чайку сварить, въ булочную сходить, въ трудъ этого не возьмемъ-съ. Однѣ жить изволите?

— Одна.

— Вишь вы какія хорошенькія, блѣдненькія, чай хворыя?

— Да, я больна! слабо проговорила дама, отворачивая голову.

— То-то же; мы васъ убережемъ. У меня у самой, сударыня моя, была дочка, красавица, что ни есть въ свѣтъ, 17 годочковъ минуло... думаю, чего тутъ ждять, кушцы и чиновники на нее засматриваются, выбрать да и съ Богомъ. Она, моя голубушка, ножки и промочи о Покровѣ-день, слегла въ постель, и въ седьмой день отдала Богу душу. Охъ ты, Господи, слезъ то слезъ то-я выплакала! Отецъ Семень бывало зайдетъ; чего, говоритъ, Оуминишна, убиваешься? Богъ далъ, Богъ и взялъ, Его Святая воля! Оно и правда, плакать-то грѣшно, а съ горемъ какъ совладаешь? Вы не замужняя?

— Нѣтъ.

— Ну что-жь, надѣйтесь на Господа, авось судьба и выйдетъ.

— Маинька, закричалъ изъ сѣней мальчуганъ: гости ѣдутъ.

— Ахти; а какъ пироги пригорѣли! Прощенья просимъ, сударыня. И она выбѣжала, переваливаясь съ боку на бокъ.

Комната, занимаемая хозяйкой, было гораздо просторнѣе и красивѣе той, которая отдавалась въ-наемъ. Окна, завѣшенные бѣлыми шторами, передвигающимися на шнурочкѣ, пропускали много свѣта. Въ описываемый мною второй часъ пополудни воскреснаго дня, въ печкѣ смежной кухни пылалъ большой огонь, и краснощекай мальчишка съ наслажденіемъ поглащалъ носомъ запахъ кипящаго кофе и печенья. Гости собирались; при входѣ, крестясь, молились образамъ, передъ которыми теплилась лампада и висѣли фарфоровыя яица, потомъ цѣловались съ хозяйшкой, и садились за столъ, покрытый чистою скатертью.

Хозяйскій сынъ носилъ на этотъ столъ посуду изъ шкафа со стеклами, что стоялъ въ углу. Посуда была отличная. Къ Оеклѣ Оуминишнѣ недаромъ все уваженіе имѣли; два дюжіе мужика не подняли бы на плеча ея сундуковъ и коммода. Зато она и любила угощать; у нея по воскресеньямъ всегда собирались гости. Тутъ былъ и писарь, который между своими считался умнымъ человѣкомъ, и лавочница, которая все знала, и потому не умолкая говорила обо всемъ; племянница ея, которая пила кофе по каплямъ, и откусывала отъ своей булки такіе кусочки, которые не обременили бы желудка мухи; и сынъ сапожника съ своей неразлучной гитарой, и многія знаменитости квартала. Въ ко-

мнатѣ становилось душно, и сильно пахло табакомъ, что, однакожъ, дамъ нисколько не безпокоило.

Одиѣ крошечныя сѣни отдѣляли это шумное, непрехотливое веселье отъ безотраднaго уединенія и мучительной тоски.

Юлія неподвижно сидѣла на стулѣ; въ комнатѣ ея стемнѣло; свѣтлоголубыя сумерки свѣтились за окномъ, готовыя потухнуть; въ сѣняхъ непрерывно хлопали дверьми. Молодая женщина машинально прислушивалась къ стуку отодвигаемыхъ стульевъ, къ гулу болтовни, отголоскамъ смѣха и мѣрному бряцанью гитары.

Въ комнату вошла раскраснѣвшаяся хозяйка.

— Что же это вы, сударыня, вскричала она, всплеснувъ руками:—въ потемкахъ-то сидите; чай дремали?

— И въ-самомъ-дѣлѣ, сказала Юлія, очнувшись, но... у меня нѣтъ свѣчей.

— Такъ пожалуйста денегъ, я своего мальчишку пошлю.

— Сдѣлайте милость! Съ этими словами молодая женщина вынула изъ портмоне ассигнацію и подала ее хозяйкѣ.

— Да вы и кушать ничего не изволили. Прикажете кофейку; горяченькій стойтъ у меня на очагѣ.

— Нѣтъ, благодарю.

— Въ праздникъ-то поститесь.

— Потрудитесь приготовить мнѣ постель, я не такъ здорова.

— Съ моимъ удовольствіемъ; все исполнено будетъ.

XI

Вдова Самохвостова одарена была отъ природы двумя неоцѣненными качествами: добрымъ сердцемъ и здравымъ смысломъ. Въ молодости вышла она за мужъ, по приказанію родителей, за трезваго и работающаго человѣка, и по собственному увѣренію, жила съ нимъ въ-продолженіе десяти лѣтъ какъ голубокъ съ голубкой въ тепломъ гнѣздышкѣ. Мужъ умеръ, оставя ей порядочныя деньжонки. Фекла Фоминишна съ дѣтства жила въ довольствѣ, и въ этихъ земныхъ благахъ, которыми ее счастье надѣлило, видѣла она возложенную на нее Провидѣніемъ обязанность помогать неимущимъ.

Этимъ не думала она обижать свое родимое дѣтище, зная, что копѣйка, давшая нищему, засчитается свыше. И сынишка росъ у нея на радость. Учился у Нѣмца часовому мастерству, одѣвался чисто, усердно молился Богу, уважалъ и тѣшилъ мать. Одно воспоминаніе о дочери-

красавицъ, умершей въ раннихъ лѣтахъ, набрасывало тѣнь на ея тихую богоугодную жизнь.

Но это горе только смирило ее, вмѣсто того, чтобы горевать о потерѣ. Юлія напомнила ей любимое, утраченное дитя. Красота, молодость и безмолвная горестъ жилицы тронули сердце доброй старушки.

Тихій и ласковый голосъ несчастной женщины доходилъ всегда до сердца Феклы Фоминишны; ее трогало гордое молчаніе Юліи—и постоянная блѣдность ея лица; ее удивляла странная безпечность жилицы, ложившейся спать, забывъ запереть двери, и принимавшей сдачу израсходованныхъ денегъ, никогда ихъ не считая. Однажды, на замѣчаніе хозяйки, что весь чай вышелъ,—Юлія пришла въ замѣшательство, и снявъ кольцо съ руки, попросила продать его, и купить что нужно. Фекла Фоминишна спрятала кольцо въ карманъ, вышла, и задумалась.... Въ былое время своей молодости она жила по графинямъ и по генеральшамъ, и теперь еще отъ нихъ получаетъ работу, потому—что всея господа знаютъ ее за отличную швею и стегальщицу. Почему бы не похлопотать о томъ, чтобы барыня не была безъ дѣла. Денежнымъ подавиемъ ее, пожалуй, обидишь, а хотя у Юліи руки и вѣжны, все-таки она пойметъ, что честный трудъ веселитъ душу и деньги даетъ. Сказано—сдѣлано: Фекла Фоминишна достала работу и предложила Юліи заняться ею. Теплыя слезы и несвязныя слова благодарности были отвѣтомъ на это предложеніе, и когда хозяйка, вся взволнованная и увѣряя, что она любитъ дѣлать уваженіе хорошимъ жильцамъ, вышла изъ комнаты, Юлія судорожно сжала руки и долго безмолвно смотрѣла на маленькій клочекъ неба, который былъ видѣнъ изъ ея окна, за массою разноцвѣтныхъ и разнофигурныхъ крышъ сосѣднихъ домовъ. Въ тотъ же вечеръ пришла къ ней Фекла Фоминишна съ толстой книгой и съ просьбой сдѣлать ей одолженіе, прочитавъ что-нибудь про дѣянія Святыхъ Отцовъ. Все время до ночи прошло въ душевнеспасительномъ чтеніи и благочестивыхъ разговорахъ; хозяйка ушла въ свою комнату съ влажными глазами; долго до Юліи доносился шопотъ ея молитвы, земные поклоны, потомъ скрипъ постели, и наконецъ храпѣнье, по истинѣ богатырское.

Но что же Юлія, которая должна теперь снискивать себѣ пропитаніе трудомъ? Она работаетъ безъ устали и машинально, получаетъ нѣсколько серебряныхъ монетъ за свой дневной трудъ; на эти деньги Фекла Фоминишна покупаетъ для нея хлѣбъ и чай, хотя молодая труженица никогда не чувствуетъ аппетита. Въ назначенный часъ она ложится спать, и иногда пролежитъ съ открытыми глазами до—тѣхъ—поръ, пока въ сосѣдней комнатѣ не заскрипитъ полъ подъ ступнями дюжей

хозяйки, которая, засвѣтивъ свѣчу, приготовляетъ уже свой утренній кофе.

Наконецъ Юлія сдѣлалась матерью прелестнаго мальчика. Это было въ настоящемъ ея положеніи Божіе благодѣяніе. Она любила своего сына со всею горячностью, со всемъ самоотверженіемъ материнской любви. Ея прекрасные глаза почти всегда были обращены на милое личико младенца; въ ней родилось достаточно силы, чтобы подставить голову громамъ и молніи, для защиты этого слабаго, маленькаго созданія; но все ей казалось, что ея сокровище отъ нея отнимутъ скоро, что она ему временная хранилица.

ХП.

Настало лѣто 1850 года. Юлія едва замѣтила первые лучи его и новую зелень. Она жила попрежнему, работая и лелѣя сына, увѣренная, что жизнь ея ни къ лучшему, ни къ худшему измѣнится не можетъ. Тоже думала Ѳекла Ѳоминишна, когда однажды вечеромъ кто-то постучалъ въ калитку ея дома.

— Поди посмотри, Ванюшка, кого тамъ Богъ послалъ, — сказала она сыну.

Тотъ выбѣжалъ, и черезъ минуту, запыхавшись, донесъ, что какая-то барыня спрашиваетъ жилищу.

Хозяйка поспѣшно бросила чулокъ, который вязала, и съ важнымъ колебаніемъ тѣла пошла навстрѣчу пріѣзжей, которой загородила дорогу въ сѣняхъ.

— Кого вамъ? спросила она, осматривая съ головы до ногъ молоденькую гостью.

— Юлія здѣсь живетъ?

— А на что ее вамъ?

— Какъ на что? Она сестра мая.

— Сестра? Поздненько же вы объ ней вспомнили. Сестрица-то ваша, почитай, годъ изъ своей роденьки живаго лица не видывала;—да погодите, я еще посмотрю, дома ли она.

Хозяйка отворила дверь Юліиной комнаты, и въ эту минуту пріѣзжая дама увидѣла граціозный профиль сестры, склонившей голову надъ шитьемъ. Она бросилась къ ней. Юлія подняла глаза, задрожала всемъ тѣломъ, и обнявъ Леночку, скрыла лицо на ея груди.

Сестры молча рыдали.

Ѳекла Ѳоминишна сперва съ удивленіемъ смотрѣла на нихъ, потомъ поняла въ чемъ дѣло, и стала всхлипывать. Она же первая, когда мо-

лодья барыни успокоились, начала разговоръ, *относясь съ извиненіемъ къ Леночкѣ, за свой грубой пріемъ.

— Видно моя добрая Фекла Фоминишна привяла тебя за недруга и рѣшилась защищать меня.—сказала Юлія, улыбаясь.

— Кажется, что такъ,—отвѣчала Леночка:—но мнѣ этотъ пріемъ чрезвычайно понравился. Онъ убѣдилъ меня, что у Юліи, покинутой всѣми близкими, есть еще друзья и покровители.

— Премного благодарны вамъ, сударыня, за ласку. Я скажу, что сестрица ваша барыня смиренная, негордая; сама я женщина хоть неученая, а все-таки человѣка могу распознать и по своимъ средствамъ уваженіе сдѣлать. Вы, барышня, чай, не здѣсь все время проживали?

— Я только вчера пріѣхала изъ провинціи.

— То-то же. А мнѣ съ перваго разу и въ догадъ не вошло. Да что я, дура, торчу, здѣсь: и вамъ не дамъ наговориться, и гостѣй кофею не сварю.

Съ этими словами хозяйка вышла.

Когда сестры остались одни, глаза Леночки упали на что-то закрытое бѣлымъ. Она встала, отвернула покрывало, и долго смотрѣла на спящаго ребенка, потомъ тихо поцѣловала его.

Благодарный взглядъ Юліи былъ отвѣтомъ на это нѣмое, красно-рѣчивое привѣтствіе. Она взяла сестру за руку и посадила подлѣ себя. Онѣ обѣ были блѣдны и съ грустною улыбкою смотрѣли другъ на друга.

— Расскажи мнѣ все, какъ было,—тихо сказала Леночка.

Юлія повпцовалась; она не скрыла ничего, только смягчила нѣкоторыя выраженія Леонида.

— Какимъ же образомъ эта записка попала въ твой карманъ?—спросила Леночка.

— Это для меня всегда останется загадкой.

— Твой мужъ поступилъ опрометчиво, Юлія; но неужели ты не примирима съ нимъ?

— О, цѣть! я все ему простила тогда-же, въ то ужасное утро, когда я разскабалась съ нимъ, и еслибы я знала, что онъ меня жалѣетъ, что не ненавидитъ меня,—то я бы ему всю жизнь посвятила.

— Во всякомъ случаѣ, душа моя, послушайся сестры: возвратись къ нему, оправдайся....

— Онъ ничему не повѣритъ, и не можетъ простить.

— Но ты лишаешь сына отца и наследства.

— Онъ не признаетъ моего ребенка сыномъ и наследникомъ своимъ.

— Онъ долженъ признать. . не полагайся на свои убѣжденія, Юлія....

Что ты думаешь теперь дѣлать?

— Я, умирая, поклонюсь ему въ моей невинности.

— А теперь?

— Теперь уже поздно! — рѣшительно сказала Чаварская, отвернувъ голову.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе...

— Но довольно объ этомъ, Леночка? наконецъ заговорила Юлія: расскажи мнѣ лучше, какъ ты жила все это время. Что Нина?

— Она выходить за мужъ.

— За кого?

— За Мецкаго, ея деревенскаго сосѣда. Опъ моложе ея пятью годами, но очень богатъ.

— Зачѣмъ же вы на лѣто пріѣхали въ Петербургъ?

— Она ѣдетъ въ Ревель, но привезла меня сюда, чтобы опредѣлить въ компаньонки къ теткѣ своего жениха.

— Какая же это тетка?

— Слѣшая старушка; говорятъ немного вспыльчива. Я буду получать у нея небольшое жалованье.

— Какъ? и куда Нина будетъ веселиться въ Ревель, ты должна будешь скучать съ сварливой, можетъ-быть, старушкой?

— Нина въ этомъ случаѣ только исполняетъ мое желаніе, мою просьбу.

— Отчего же ты хочешь оставить ее?

— Я тебѣ во всемъ признаюсь. У нея престранный характеръ: она ревнуетъ меня къ своему жениху, хотя оцъ влюбленъ въ нее безъ памяти и не обращаетъ на меня ни малѣйшаго вниманія, и я сама, сколько возможно, отъ него удаляюсь.

— Ну а прежде она хорошо съ тобой обращалась.

— Хорошо, до-тѣхъ-поръ, пока не стали носиться по городу разные незлые толки о томъ, отчего она меня никому не показывастъ. Я стала выѣзжать съ нею.

— И ты веселилась?

— Я страдала. Ты не можешь себѣ представить, какими подозрѣніямъ меня унижала Нина, какими оскорбленіями отплачивала мнѣ за каждый часъ, проведенный въ обществѣ. Дестное обо мнѣ мнѣніе какого-нибудь молодого человѣка, каждый взглядъ, не умышленно обращенный на кого-нибудь, даже прическа къ лицу, все было въ ея глазахъ преступленіемъ. Но полно объ этомъ. Поговоримъ о тебѣ, Юлія.

— Что обо мнѣ говоришь, я все потеряла въ жизни.

— Развѣ ты не любишь сына? У тебя есть цѣль въ жизни... Не грѣши, Юлія; ты счастливѣе многихъ. Однако, — прибавила Ле-

ночка, окидывая комнату взглядомъ:—я вижу, что ты не очень прихотлива. Нашихъ общихъ средствъ достаточно будетъ для того, чтобы улучшить твое положеніе. Я завтра же примусь за дѣло. Надобно оклеить эту комнатку новыми обоями и поставить цвѣты на окошко, тебѣ веселѣе будетъ жить и работать. Ахъ, Юлія, какъ дурно понимаютъ счастье тѣ, которые думаютъ найти его въ ненарушимой лѣни. Трудъ необходимъ для жизни, какъ соль для кушанья.

— Всегда трудиться!

— Мы придумаемъ какія-нибудь развлечения для праздниковъ; эти дни я всегда буду проводить съ тобою. Я постараюсь доставлять тебѣ занимательныя книги. Ты прежде такъ любила чтеніе.

Разговоръ сестеръ былъ прерванъ приходомъ хозяйки, которая неслла на огромномъ подносѣ все необходимое для кофе.

— Еслибъ не Ѳекла Ѳомишишна, сказала Юлія съ улыбкой: я позабыла бы, что надобно снать и кушать.

— Предоставь мнѣ теперь заботу распоряжаться твоимъ хозяйствомъ,—замѣтила Леночка: на тебѣ Богъ возложилъ болѣе важныя обязанности.

— Подлинную правду изводите говорить, сударыня. А мальчишкуюто видали? Вѣдь хоть куда! красивъ что распустившійся розанъ; поди, буяномъ будетъ, одного боюсь.

Юлія улыбалась, слушая это. Напившись кофе, Леночка стала собираться домой; она нечаянно взглянула въ окно, надѣвая шляпку. У васъ тутъ садикъ? Ты въ немъ гуляешь?

— Я никогда; Ѳекла Ѳомишишна выноситъ часто туда ребенка.

— Напрасно ты не гуляешь, Юлія; я тебѣ куплю сѣмянъ, разведи цвѣты; это доставитъ большое удовольствіе твоей хозяйкѣ. Не упадай духомъ; сестра; будущее намъ неизвѣстно, вѣрь въ благость Божию.

Съ этими словами сестры простились.

— Ну, вотъ и слава Богу! сказала хозяйка, по уходе Леночки: по-видались съ сестрицей! Вишь, какъ раскрасѣлись, и глазенки такъ и блещутъ. Да что вы дрожите—то? Никакъ холодно вамъ? Дайте-ка я чайнички заварю.

Малинка не помогла; Юлія цѣлую ночь спала безпокойно; тысяча мыслей толпились у нея въ головѣ; Леночка, пріѣхавъ на другой день, нашла сестру совершенно больною.

Прошло два, три часа, но жаръ и дрожь увеличивались. Леночка, послѣ долгаго совѣщанія съ Ѳеклой Ѳомишишной, рѣшилась, послать Ванюшку за докторомъ. Докторъ прописалъ микстуру и посоветовалъ избѣгать душевныхъ волненій, къ которымъ и отнесъ причину бо-

лѣзни. Тогда Леночка жестоко стала упрекать себя за свой внезапный и необдуманный прїездъ къ Юліи; но ей казалось, что ея любовь спасетъ сестру, она хотѣла молиться вмѣстѣ съ сестрою. Никогда добрая дѣвушка такъ не пользовалась полнымъ невниманіемъ Нины къ ея поступкамъ и препровожденію времени, если то и другое, не касалось интересовъ вдовы; никогда не дорожила такъ она каждой минутой короткаго срока своей свободы.

Всѣ эти минуты были посвящены Юліи. Наконецъ Леночка была въ своей сферѣ: ей позволяли любить и заботиться о любимой; она упрасивала сестру не заниматься болѣе работой, и несмотря на это, каждый день больная получала свѣжій бульонъ. Всѣ ея прихоти были закономъ для Леночки; Юлія видѣла это самоотверженіе и... угасала въ глазахъ сестры.

Однажды Леночка подслушала въ бреду Юліи имя, которое не было произносимо сестрами въ последнее время, и съ этимъ именемъ слова любви и сожалѣнья. Пять минутъ спустя, больная очнулась и попросила пить.

— Юлія, сказала сестра, подавая кружку съ водою: я знаю, что Чеварскій любитъ тебя—и онъ желаетъ тебя видѣть.

Больная быстро приподнялась и устремила мутные глаза на Леночку; потомъ, отвернувъ голову, проговорила скоро и невнятно: Я хочу видѣться съ нимъ 13-го іюля вечеромъ: мнѣ снилось...

Больше ничего нельзя было разслышать; говорила ли она это съ сознаніемъ своего желанія, или въ бреду, Леночка не могла отгадать, но рѣшаясь на последнее средство, которымъ думала она возбудить угасавшую жизнь и энергію въ сестрѣ, молодая дѣвушка написала записку Чеварскому.

Чеварскій, послѣ разрыва съ Юліей, уѣхалъ въ имѣніе, и очень во-время возвратился, чтобы получить записку Леночки. Онъ зналъ тогда, что жена его невинна: горничная ея пришла однажды къ нему, упала въ ноги, и увѣряла, что на совѣсти ея лежитъ отсутствіе барыни и деньги Димлера. Этотъ низкій человѣкъ разглашалъ между товарищами свою невозможную побѣду, и подкупилъ горничную Юліи, которая и положила его записку въ карманъ своей молодой госпожи. Леонидъ понималъ свою ошибку, но его демонская гордость не позволяла ему протянуть руку женщинѣ, которая покинула его добровольно, которая ему сказала, что не любитъ его.

Чеварскій былъ увѣренъ, что между нимъ и ею — все кончилось; онъ даже не смѣлъ оскорбить ее помощью, которая, какъ даръ, какъ подаваніе чужаго человѣка, — могла быть отвергнута; но тѣмъ не менѣе

это насильственное равнодушіе къ разлукѣ съ нею усиливало страстное желаніе хотя случайной встрѣчи. Онъ перечитывалъ нѣсколько разъ записку Леночки, и досадовалъ, что въ ней заключались только эти немногія слова:

«Юлія желаетъ съ вами видѣться 13-го іюля, вечеромъ, на Петербургской—сторонѣ, въ Безымянной улицѣ, въ домѣ мѣщанки Самохвостовой.

Это короткое приглашеніе было написано почеркомъ женскимъ и ему незнакомымъ. Не могъ онъ отгадать, назначаютъ ли ему свиданіе, желаютъ ли съ нимъ вести на счетъ чего-либо переговоры, или хотятъ открыть ему тайну новой любви Юліи, помутить его сердце счастіемъ соперника. Во всякомъ случаѣ, онъ считалъ минуты до срока свиданія.

Въ это время Леночка боялась, чтобы пріѣздъ Чеварекаго не былъ непріятною неожиданностью для ея сестры, которая день ото-дня становилась грустнѣе и раздражительнѣе. Она не смѣла заговорить объ этомъ съ Юліей, и 13-го іюля съ утра отправилась къ ней. Въ сѣняхъ еще ее извѣстили, что больной лучше. Въ-самомъ-дѣлѣ Юлія, спокойная, улыбающаяся, сидѣла на постели, вся въ бѣломъ, съ ребенкомъ на рукахъ. Никогда еще она не была такъ пріятлива съ сестрой, такъ нѣжна къ сыну, какъ въ этотъ достопамятный день; даже сказала хозяйкѣ какую-то шутку, въ отвѣтъ на которую Фекла Фоминишна высморкалась, и отвернувъ голову, долго вытирала носъ и глаза.

— Боже мой, думала Леночка: можетъ-быть, по моей опрометчивости, скоро разрушится это неожиданное спокоіе.

Но все ея опасенія были уничтожены слѣдующими словами сестры; Леночка, если онъ не пріѣдетъ сегодня, ты напиши ему, что до послѣдней минуты жизни я его любила, что прощаю ему смерть мою и горе, во имя нашего милаго ребенка.

Вечеръ насталъ; дождь застучалъ въ окно; въ комнатѣ больной сдѣлалось такъ темно, что принуждены были зажечь свѣчу. Юлія нѣсколько времени лежала неподвижно и потомъ спросила, въ которомъ часу пріѣдетъ Чеварскій?

— Онъ скоро пріѣдетъ, отвѣчала Леночка.

— Я хочу въ этотъ же вечеръ приобщиться Святыхъ Танихъ.

Фекла Фоминишна похвалила это желаніе и послала за священникомъ. Вскорѣ послѣ этого великолѣпные рысаки Чеварекаго остановились у неварачнаго дома мѣщанки Самохвостовой. Пріѣхавшій выходилъ изъ коляски, одѣтый въ модное пальто, когда нѣсколько человекъ загородили ему дорогу въ калитку, по одиночкѣ прогѣзая въ нее и съ унылымъ церковнымъ пѣніемъ входя въ домъ.

— Что это значит? спросил он у крестившагося мальчика.

— Умиращую приобщать идуть.

Холодный потъ выступилъ на лбу у Чеварскаго. Очутившись въ темныхъ сѣняхъ, онъ безъ предварительнаго доклада вошелъ въ комнату, противоположную той, которую заняли священнослужители.

Ему показалось, что онъ ошибся дверью, войдя въ полутемную каморку; но въ ней были двѣ женщины, одна ему почти незнакома; другую, лежащую на постелѣ, онъ узналъ, хотя она съ тѣхъ-поръ ужасно измѣнилась. Онъ подошелъ къ постели, и молча, прижалъ къ губамъ горячую руку больной.

— Благодарю, Леонидъ!—прошептала она, смотря на Чеварскаго нѣжнымъ и признательнымъ взглядомъ.—Въ эту минуту Чеварскій увидѣлъ ребенка, который спалъ въ колыбели. Онъ понялъ все. Любовь и ужасъ, раскаяніе и надежда въ мигъ закипѣли въ его груди. Какъ самодовольно мечталъ онъ, за полчаса, о предстоящемъ свиданіи, въ своей яркой гостиной, гдѣ каждый вечеръ имѣлъ обыкновеніе скучать, и какъ онъ презиралъ себя въ этомъ бѣдномъ пріютѣ гордой любви и переселившаго жизнь горя. Какою ничтожною казалась ему его прошедшая жизнь передъ тою жизнію, къ которой призывали его эти два дорога оставленные имъ созданія: она и сынъ его!

— Юлія, — говорилъ онъ трепещущимъ голосомъ: я не дамъ умереть тебѣ, ты будешь жить... я недостоинъ твоей любви, но будь моимъ утешителемъ, успокой мою совѣсть, примири меня съ Богомъ.

Его слова были прерваны священнымъ гимномъ; раздавшимся за дверьми; всѣ преклонили колѣна передъ вносимою чашей со Святыми Дарами. Хозяйка шеннула на ухо Чеварскому, что исповѣдь сейчасъ начнется и ему надобно выйти. Онъ, какъ ребенокъ, повиновался и перешелъ въ комнату Ѳеклы Ѳоминишны. За нимъ вошла и Леночка; Чеварскій ожидалъ горькихъ и справедливыхъ упрековъ, но ошибся въ ожиданіи: молодая дѣвушка, казалась, не замѣтила его; — молча, сѣла она у дубоваго стола, подперла голову руками, и слезы одна за другой быстро катились по ея блѣдному личику. Видъ этого нѣмага страданія раздиралъ душу Чеварскаго; онъ вышелъ на крыльцо.

Онъ съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ шуму дождя, и вотъ ему послышался человѣческой голосъ:—Вишь ты какая важная карета, видно богатый тотъ баринъ, что пріѣхалъ.—Ахъ-ти-хти! отвѣчала женщина: молись Богу, Ванюшка; что богатъ, что бѣденъ, передъ Богомъ всѣ равны!

Когда обрядъ приобщенія Святыхъ Таинъ былъ оконченъ, Чеварскаго допустили къ Юліи. Она была въ совершенномъ пннеможеніи и не мог-

ла произнести ни слова. На столѣ догорала свѣча, но никто не позаботился зажечь новую; все кругомъ ходили на цыпочкахъ и шепотомъ говорили: приближавшаяся смерть навела на всехъ страхъ и благоговѣніе.

Вдругъ закричалъ ребенокъ. Чеварскій стоялъ подлѣ люльки, и когда Ѳекла Ѳомишишна взяла на руки дитя, отецъ взглянулъ на маленькаго сына и поцѣловалъ голую ножку, высунувшуюся изъ-подъ пеленокъ.

Слабая улыбка озарила блѣдныя губы Юліи.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, прерываемое только слабымъ лепетомъ ребенка.

Но вдругъ послышалось легкое хрипѣнье. Леночка вспомнила кончину матери, и поняла, что оно предвѣщало. Умирающая силилась сказать что-то и искала кого-то глазами. По знаку Леночки, Ѳекла Ѳомишишна поднесла къ постели ребенка и приложила его голову къ губамъ матери. Юлія съ чистой улыбкой благословила поцѣлуемъ свое прелестное дитя, и закрывая глаза, протянула руки Чеварскому и сестрѣ. Леночка опустилась на колѣна, а Чеварскій, наклонясь, впился взорами въ измѣнившееся лицо Юліи и судорожно сжималъ ее холодѣвшую руку. Онъ жаждалъ въ эту минуту цѣною жизни своей купить еще одинъ ея взглядъ и оживить теплоту и дыханіе, оставившія ее прекрасное тѣло. Онъ молился.

— Посторонитесь, батюшка, раздался за нимъ тихій голосъ, и Ѳекла Ѳомишишна, перекрестясь, накрыла чистой простыней тѣло умершей. Леночка продолжала тихо плакать и молиться, стоя на колѣняхъ; Чеварскій судорожно рыдалъ, осыпая поцѣлуями и слезами холодныя ноги Юліи.

XIII.

Въ часъ утра возвратилась домой осиротѣлая сестра Юліи. Съ улицы увидѣла она освѣщенные окна квартиры Нины; въ переднюю, куда она вошла, доносились звуки музыки и смѣха. Леночка, черезъ темный, узкій корридоръ, удалилась въ свою комнату. Нѣсколько времени спустя, Нина распростилась съ женихомъ, съ которымъ провѣла цѣлый вечеръ, и еще съ неостывшими взорами и улыбками спѣшила въ свою спальню. Она прошла мимо Леночкиной комнаты и чрезъ полуотворенную дверь увидѣла, что тамъ свѣтилась лампадка передъ иконой, и молодая дѣвушка, припавъ къ землѣ, тихо молилась. Смысль этой молитвы остался тайною для вѣтренной вдовы.

Чеварскій позже Леночки возвратился домой, и не взглянувъ даже на камердинера, который ждалъ отъ него приказаній, быстро удалился въ покои, прежде занимаемые Юліей.

Онъ заперъ за собою дверь, и долго мѣрные его шаги въ пустыхъ и темныхъ комнатахъ озадачивали неспавшихъ слугъ. Дремалъ городъ подь покровомъ лѣтней ночи; улицы были пусты и безмолвны; порой раздавался далекій грохотъ экипажа, и постепенно умолкалъ. Чеварскій взглянулъ на ясное небо, и замечтался, какъ бывало въ юношескіе годы; ему казалось, что душа прекрасной Юліи возносится туда, гдѣ тихо свѣтилъ новый мѣсяцъ.

Леонидъ любилъ безумно Юлію въ эту минуту, и зналъ, что она для него уже не существуетъ; что онъ самъ ее убилъ. Онъ былъ жестокъ и безчувственъ болѣе, чѣмъ могъ, и наказаніе его было безгранично. Обуреваемый безумною жаждою испить чашу страданій, всю до капли, онъ отперъ будуаръ Юліи, куда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ не имѣлъ силы войти. Мебель и вещи не перемѣнили своего мѣста со времени ея удаленія. И вдругъ его разстроеному воображенію представилась она сама, живая, съ улыбкой на розовыхъ губкахъ. Съ трудомъ отвелъ онъ глаза отъ этого мучительнаго, прелестнаго видѣнья, и остановилъ ихъ на темной бархатной портьерѣ, изъ-за которой она, бывало, такая веселая и хорошенькая выбѣгала къ нему навстрѣчу. Его нравственныя силы не устояли противъ этого воспоминанья, онъ упалъ на стулъ, и долго долго рыдалъ.

Цѣлый слѣдующій день Чеварскій провелъ въ домикѣ Оеклы Оминишны, подлѣ маленькаго сына, умершей Юліи и ея грустной сестры.

На третій день были назначены похороны. Леонидъ пріѣхалъ рано утромъ, но уже засталъ Леночку. Юлія лежала въ газетовомъ гробу, въ бѣломъ одѣяніи, съ вѣничкомъ на головѣ, убранная къ принятію могилой. Прелестная головка молодой женщины покоилась на цвѣтахъ, разбросанныхъ по кружевной подушкѣ. Длиныя рѣсницы ея недвижно темѣли на бѣлыхъ, холодныхъ щекахъ; губы, казалось, застыли въ отрадной улыбкѣ.

Леночка дрожащими руками вынимала изъ корзины цвѣты, которыхъ сладкое благоуханіе разливалось въ душной атмосферѣ маленькой комнаты, и украшала ими гробъ. Кругомъ восковыя свѣчи тускло горѣли при дневномъ свѣтѣ.

Насталъ часъ, печальная процессія тронулась по уединеннымъ улицамъ Петербургской-стороны. За гробомъ слѣдовала одна только карета, вся покрытая трауромъ. Въ ней сидѣли Чеварскій и Леночка; Оекла Оминишна осталась смотрѣть за ребенкомъ и готовить поминки.

XIV.

Память о Юліи была благодѣтельна для ребенка: Чеварскій принялъ его къ себѣ, русская кормилица, нѣмецкая и англійская няни заступили мальчику мѣсто матери; рублище бѣдности замѣнилось кружевами.—Но вскорѣ Леночка взяла его къ себѣ на попеченіе. Эта добрая дѣвушка схоронила старушку, у которой жила въ компаньонкахъ и которая, любя молодую дѣвушку какъ родную дочь, отказала ей все свое состояніе. Нина съ ужасомъ узнала объ этомъ;—она рассчитывала на это наслѣдство. Вскорѣ затѣмъ разошлась ея свадьба съ Мецкимъ, который такъ же быстро разлюбилъ ее, какъ горячо влюбился. Испытавъ такъ много въ жизни, минувшее которой оставляло по себѣ только одни тяжелыя воспоминанія, полныя укоровъ совѣсти, отцвѣтшая вдова—рѣшилась примириться съ грѣхами своей молодости и кончила свои послѣдніе дни въ молитвѣ и смиреніи въ одной изъ женскихъ обителей.

ПАНФИЛЬ ИВАНОВИЧЪ.

РАЗСКАЗЪ В. В. ТОЛБИНА.

Ненстошмые расказы

Всегда готовы у него —

Про Русь, про старья проказы,

Про годы юности его...

Случайно попался мнѣ, какъ-то недавно, старый нумеръ Инвалида. Я нечаянно взглянулъ и прочиталъ: «Исключается изъ списковъ, умершій, капитанъ Н.»

Имя это, давно мною позабытое, среди новыхъ лицъ и новыхъ именъ, пробудило въ моей памяти нѣсколько, къ стыду моему, позабытыхъ недѣль моей жизни. Почтенный капитанъ! Я какъ теперь вижу его передъ собою, сѣдаго, загорѣлаго, немного сутуловатаго, перетянутого крѣпко ремнемъ, по кавказскому обычаю. Его добродушное лицо, которому напрасно старался онъ, иногда, придавать строгое выраженіе, хмурия сильно брови надъ сѣренькими глазами, не перестававшими, несмотря на все его желаніе, какъ-то радушно свѣтлѣть, наперекоръ серьезно стиснутымъ губамъ, оживилось предо мною. Въ ушахъ моихъ опять, какъ-будто, раздался его голосъ, немного хриповатый и отрывистый, превращавшійся иногда въ мягкій, особенно когда онъ начиналъ предаваться мечтамъ и залеталъ, на ихъ покорныхъ крыльяхъ, чуть ли не до высокаго званія главнокомандующаго. Не стану говорить его фамилію; буду его называть просто Панфиломъ Ивановичемъ. Фамилія

капитана нисколько не придасть интересу его и безъ того довольно интересной личности.

Панфила Ивановича узналъ я вовсе неожиданно, во-время откомандировки въ одно маленькое укрѣпленіе, на берегу Чернаго-моря. Оставляя веселую тифлисскую жизнь и мѣняя ее на скуку и однообразіе береговаго укрѣпленія, я заранѣе былъ уже предубѣжденъ противъ всѣхъ ея жителей, и ѣхалъ общаясь ни съ кѣмъ не сближаться, чтобы не такъ сильно чувствовать разницу съ покинутымъ мною кругомъ товарищей. Вышло совѣтмъ напротивъ. Съ первой же минуты, я нетолько коротко сближился съ Панфиломъ Ивановичемъ, но даже сталъ его сожителемъ. Онъ былъ первое живое существо, которое я встрѣтилъ на валу, подъѣзжая къ укрѣпленію. Панфилъ Ивановичъ стоялъ на немъ въ старомъ ахалукѣ, съ коротенькою трубкою въ зубахъ, которую наши солдаты такъ мѣтко прозвали «носогрѣйкою». Видя приближающуюся повозку, онъ поспѣшно сбѣжалъ съ валу и очутился подлѣ колесъ, вопросительно поглядывая мнѣ въ глаза.

Были сумерки; солнце едва окрашивало еще всѣ предметы, и потому, не замѣтивъ, съ перваго взгляда, офицерскаго креста на груди капитана, я обратился къ нему съ вопросомъ, какъ къ простому солдату, тѣмъ болѣе, что носогрѣйка, была имъ оставлена и опущена вмѣстѣ съ рукою «по шву».

— Послушай, любезный, началъ я.

Панфилъ Ивановичъ быстро всунулъ опять въ ротъ свою трубочку, и проговорилъ чрезъ нее, впрочемъ слегка поклонившись:

— Господинъ офицеръ, вы вѣрно ошиблись.

И чтобы еще сильнѣе, косвенно дать мнѣ замѣтить мою ошибку, строгимъ голосомъ крикнулъ извощику:

— Чтò ты башку простудить, чтò ли, боишься? Развѣ не видишь, что предъ тобою офицеръ? Невѣжа!

Я поспѣшилъ выйти изъ повозки, извиниться и протянуть ему руку.

— Помилуйте, помилуйте, остановилъ онъ меня, сжавъ мнѣ сильно руку между своихъ: чтò за счеты, свои люди!

Послѣднія слова произнесъ онъ съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ и самодовольною улыбкою. Я началъ его просить указать мнѣ квартиру начальника укрѣпленія.

— То-есть, коменданта? поправилъ онъ меня важно.

— Коменданта, если угодно, согласился я, стараясь подавить невольную улыбку.

— Это я самъ!

Я опять началъ извиняться, и тутъ же объяснилъ ему, какая у меня до него надобность.

— Ахъ! такъ вы изъ Тифлиса? вкричалъ онъ радостно. Скажите пожалуйста, какъ начальство ко мнѣ внимательно!.. Не имѣлъ чести ожидать васъ такъ скоро къ себѣ въ гости!.. Милости просимъ!.. Прошу покорно ко мнѣ!

И онъ снова схватилъ мою руку и жалъ долго и сильно. Потомъ, онъ взялъ меня слегка подъ локоть, и пошелъ рядомъ, припрыгивая тотчасъ же, чуть я сбивался съ нимъ, говоря технически, съ ноги. Мнѣ казалось, что эти припрыжки онъ дѣлалъ по одному какому-то инстинкту, потому-что ни на одну секунду не спускалъ съ лица моего глазъ и всматривался въ меня съ такимъ нѣжнымъ вниманіемъ, какъ-будто я былъ давно съ нимъ знакомъ и онъ старался отыскать во мнѣ какую-нибудь перемену, или вдоволь налюбоваться мною. Скоро очутились мы предъ одною мазанкою, которая отличалась отъ другихъ одними только окнами, прорубленными въ большемъ размѣрѣ, потому-что въ отношеніи наружной чистоты и величины она совершенно была похожа на прочія.

— Вотъ моя штабъ-квартира, милости просимъ, прошу быть какъ дома, сказалъ онъ.

Мы вошли. Мимоходомъ я разулашалъ, какъ онъ прошепталъ на ухо прислуживавшему ему казаку:

— Зажги-ка цѣльную свѣчку; живо! Чай есть еще?

— Есть!

— Живо! Да оправься, какъ слѣдуетъ. Живо!

Потомъ Панфиль Ивановичъ быстро опередилъ меня, подошелъ къ противоположной стѣнѣ, сдернулъ висѣвшую на ней простыню, снялъ сюртукъ, и сѣвшилъ продѣть въ петлю крестъ, находившійся на ахалукѣ.

— Не церемоньтесь, пожалуйста, сказалъ я.

— Это совсѣмъ не церемонія, отвѣчалъ онъ мнѣ. Приказанія начальства принимаю не иначе какъ одѣтый въ приличной формѣ. Вотъ тецерь я весь къ вашимъ услугамъ, докончилъ онъ, застегнувшись на все крючки.

Я отдалъ ему предписаніе. Панфиль Ивановичъ подвинулъ мнѣ стулъ, обмахнувъ его сперва полою, потомъ отеръ полу рукой, досталъ изъ шальваръ очки и началъ внимательно читать поданное предписаніе.

Я окинулъ глазами комнату капитана. Она была въ три окна, съ глинянымъ поломъ. Передній уголъ былъ весь уставленъ образами въ посеребренныхъ окладахъ. Между окнами стоялъ простой деревянный

столъ, накрытый бархатнымъ персидскимъ коврикомъ, уже истертымъ временемъ, но чистымъ, безъ малѣйшаго пятнушка. На столѣ лежали кипы бумагъ въ самомъ симметрическомъ порядкѣ. Надъ этимъ столомъ, къ стѣнѣ прибитъ былъ годичный календарь, написанный на листѣ бумаги самимъ капитаномъ; въ этомъ календарѣ каждый прошедшій день былъ тщательно зачеркнутъ самыми мелкими штрихами. Это занятіе доставляло большое удовольствіе Панфилу Ивановичу, который, уничтоживъ испекшій день, всегда провожалъ его въ вѣчность, напутственною молитвою, и потирая руки говорилъ :

— Ну, вотъ теперь еще однимъ денькомъ ближе.

— Къ чему? спросилъ я, въ первый разъ, съ удивленіемъ, сообразивъ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ капитана.

— Какъ, къ чему? отвѣчалъ онъ. Человѣкъ вѣкъ живетъ и вѣкъ надѣется. Знаете пословицу: плохой солдатъ, который не надѣется со временемъ быть генераломъ!..

Добрый Панфиль Ивановичъ былъ немного честолюбивъ... Осмотрѣвъ жилище капитана, въ которомъ все показывало привычку къ самому строгому порядку, я остановился на самомъ Панфилѣ Ивановичѣ. Черты его были одними изъ тѣхъ, которыя называютъ дюжинными. Маленькіе глаза, чуть примѣтныя брови, крупный, неправильный носъ, довольно замѣтныя рябины, толстыя губы, прикрытыя усами; волосы на головѣ его были до того рѣдки и слабы, что, казалось, каждый волосокъ такъ и говорилъ другому: «прощай, товарищъ, кажется мы завтра съ тобою больше не увидимся». Вотъ и весь полный портретъ коменданта. Можетъ-быть, я замѣтилъ бы и еще какія-нибудь особенности, но не успѣлъ. Панфиль Ивановичъ кончилъ чтеніе, надписалъ тотчасъ на бумагѣ число полученія, и спрятавъ очки, обратился ко мнѣ.

— Да-съ, началъ онъ, я имѣю честь васъ видѣть по случаю моего рапорта.

— Очень радъ.

— Какъ вамъ онъ нравится? скажите откровенно, безъ церемоніи.

— Вашъ рапортъ? Я совершенно ничего про него не зналъ до этой минуты, отвѣчалъ я...

Панфиль Ивановичъ вздохнулъ.

— Жаль, проговорилъ онъ, а то вы бы признались, что и у насъ здѣсь писать не разучились. Вы не повѣрите, какъ я удачно попалъ въ моемъ донесеніи на все пункты... Нечего дѣлать! Тутъ онъ круто перемѣнилъ разговоръ. Какъ изволить поживать, въ Тифлисѣ, его высокопрвосходительство? спросилъ онъ, немного приветавъ со стула.

— Очень хорошо.

— Слава Богу! А ихъ превосходительство, начальникъ штаба?

— Очень хорошо.

— Слава Богу! И въ домѣ ихъ все обстоитъ благополучно?

— Я думаю; развѣ вы ихъ знаете, что такъ интересуетесь?

— То-есть, лично, не имѣю счастья, отвѣчалъ Панфиль Ивановичъ, но вѣдь кто же мнѣ ближе, какъ не начальство; согласитесь, какъ же не спросить?.. Что же тотъ за человѣкъ, кто объ начальствѣ не думаетъ?..

Панфиль Ивановичъ обратился тутъ ко мнѣ и освѣдомился о моемъ имени и отчествѣ. Я отвѣтилъ ему. Панфиль Ивановичъ снова овладѣлъ моей рукою, потрясъ ее, и вскричалъ радостно:

— Неужели? Скажите, какая пріятная оказія!..

Я не понималъ, чему онъ могъ такъ радоваться, но объясненіе не замедлило.

— Когда я служилъ фельдфебелемъ въ *** полку, сказалъ Панфиль Ивановичъ,—нужно вамъ объяснить, что я не изъ ученыхъ, а изъ вольноопредѣляющихся,—у меня былъ ротный командиръ, котораго звали точно также. Просто не человѣкъ былъ, а золото, да чтó золото,—не знаю уже съ чѣмъ и сравнить его. Служака, строгій такой, все у него кишѣло, какъ на угольяхъ. Всѣмъ я ему обязанъ; бывало, какъ распечетъ порядкомъ, такъ на вершокъ и умнѣ станешь; умирать, кажется, стану и тогда его не позабуду. Теперь онъ, я думаю, давно генералъ, если не умеръ. Онъ, видите, перешелъ отъ насъ въ другой корпусъ маіоромъ... Нѣтъ, виновать, маіора получилъ онъ уже въ дорогѣ... Иль не въ дорогѣ?.. Нѣтъ, такъ, такъ... Нѣтъ, теперь утвердительно могу вамъ сказать, что онъ маіоромъ отъ насъ поѣхалъ, маіоромъ, маіоромъ!..

Время было уже довольно позднее, я сильно усталъ и опасаясь, чтобы комендантъ, въ порывѣ своей словоохотливости, не сталъ мнѣ читать полнаго формуляра и біографіи моего тѣзки, спѣшилъ остановить его, поднявшись со стула.

— Чтó это? Куда вы? вскричалъ Панфиль Ивановичъ...

— Не желая васъ долѣе беспокоить, началъ я...

Онъ не далъ мнѣ кончить.

— Вы меня обезпокоили? вскричалъ онъ, ахъ, чтó вы? Можетъ-быть, я вамъ кажусь не слишкомъ образованнымъ и скучнымъ, а вы напротивъ. Вы не повѣрите, какъ мнѣ бываетъ пріятно, когда я увижу предъ собою постороннее лицо...

Онъ произнесъ послѣднюю фразу такъ какъ-то особенно, съ та-

нимъ чистосердечіемъ, съ такою радостію, что я взглянулъ на него восторженно, стараясь отгадать настоящее ея значеніе. Панфиль Ивановичъ замѣтилъ мое удивленіе.

— Право такъ, пояснилъ онъ: можетъ-быть я только не такъ точно выразился, но именно здѣсь не съ кѣмъ отвести, какъ слѣдуетъ, душу, помечтать, пообсудить что-нибудь. Люди все мне подчиненные, такъ къ нимъ и за совѣтомъ какимъ-нибудь совѣстно идти и панибратничать не приходится... Люди, конечно, всѣ добрые и служаки примѣрные, но только, въ отношенія сердца этакое, какого-нибудь, ничего не могутъ смыслить, да признаться и некогда—служба!..

Бѣдный Панфиль Ивановичъ! Я убѣдился потомъ, что его мнорѣчивость была очень извинительна. Разъ только въ годъ удавалось ему наговориться досыта. Это случалось тогда, когда приходилъ транспортъ съ комиссаріатскимъ чиновникомъ. Остальное время проводилъ капитанъ почти въ одиночествѣ, и всѣ его разговоры ограничивались служебными приказаніями. У него не было даже достаточно книгъ, для развлечения, и вся бібліотека заключалась въ календарѣ, исписанномъ, по полямъ, его собственными замѣчаніями и разсужденіями; въ одномъ томѣ «Русской Исторіи» Глинки, да въ нѣсколькихъ тетрадкахъ, въ которыя онъ вписывалъ все, что случайно попадалось ему на глаза и нравилось. Всю свою бібліотеку Панфиль Ивановичъ зналъ почти наизусть. Любопытность его была огромна! Казаться образованнымъ и ученымъ была его слабость. Онъ старался удерживать въ памяти все, что удалось ему прочесть занимательнаго и поразившаго его вниманіе, но часто память, заваленная другими помысленіями, измѣняла ему и онъ, перемѣшивая имена и годы происшествія, вмѣсто должнаго удивленія къ своей особѣ, возбуждалъ иногда только одну невольную улыбку. Догадываясь порою, что онъ, (выражаясь его собственными словами) *зарапортовался*, капитанъ хмурился, прерывалъ разговоръ, начиналъ свистать, барабанить пальцами, вздыхать, ловить, съ ожесточеніемъ, мухъ и комаровъ; но вскорѣ лицо его опять веселѣло, и онъ становился опять прежнимъ болтливымъ Панфиломъ Ивановичемъ, старающимся вернуть въ рѣчь какое-нибудь заученое словцо.

Капитанъ уговорилъ меня помѣститься съ нимъ въ одной мазанкѣ. Не слушая никакихъ возраженій, онъ вытащилъ изъ сундука коверъ и раздѣлил имъ комнату на два отдѣленія, предоставивъ моему выбору любое. Нечего было дѣлать! Убѣжденія его были такъ искренни, что я поблагодарилъ, приказалъ внести чемоданъ, и началъ выкладываться. Какъ я ни упрашивалъ, Панфила Ивановича, онъ началъ помогать мнѣ,

и съ дѣтскимъ любопытствомъ разсматривалъ всякую неизвѣстную ему вещь.

Онъ спрашивалъ о ея назначеніи, о способѣ употребленія, о мѣстѣ, гдѣ она куплена, о цѣнѣ, и все тотчасъ же вписывалъ въ свою книжечку, и потомъ снова принимался за выгрузку.

— Зачѣмъ это вамъ? спросилъ я.

— Для всякаго случая, отвѣчалъ онъ: вѣдь не все же я буду капитаномъ! Можетъ-быть, придется гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ быть, въ какомъ-нибудь дамскомъ обществѣ форсу задать... Д-а-а., протянулъ онъ, хорошо-бы было...

— Что? что хорошо-бы было?

— Такъ! ничего! отвѣчалъ, Панфилъ Ивановичъ. Одна глупая мысль запала было въ голову; старье, знаете, разное зашевелилось; да ну его!..

Онъ крикнулъ и началъ съ какою-то особенною живостію выкладывать остальные вещи. На его лицѣ замелькало попеременно, то выраженіе какой-то грусти, то радости. Видно было, что то, что онъ называлъ «старьемъ», сильно занимало его въ эту минуту. Мнѣ пришла страшная охота вывѣдать что-нибудь, но возгласъ Панфила Ивановича не далъ усилиться моему любопытству.

— Ахъ, и книги у васъ есть! вскричалъ онъ. Право, вотъ подлинно нынче мнѣ кладъ самъ въ руки дается...

И онъ съ любопытствомъ началъ разсматривать книги, одну за другою... Восторгъ его охолодѣлъ.

— Все иностранныя, проклятыя! проговорилъ онъ съ досадою. Правду говорятъ: не радуйся, баба, куска не проглотишь. А я-то надѣялся мечтать, наслаждаться!..

Новый радостный возгласъ показалъ мнѣ, что Панфилъ Ивановичъ дорылся наконецъ до единственной русской книги, которую я захватилъ съ собою въ дорогу.

— Календарь! вскричалъ онъ, календарь, нынѣшняго года! Позвольте мнѣ имъ попользоваться?

— Даже навсегда, если вамъ угодно, отвѣчалъ я.

— Какъ, навсегда? спросилъ меня Панфилъ Ивановичъ, какъ-будто сомнѣваясь, не ослушался ли онъ.

— Позвольте мнѣ вамъ его подарить.

— Подарить? Вы не шутите?

— Нисколько!

Панфилъ Ивановичъ принялся душить меня въ своихъ жилистыхъ объятіяхъ.

— Помилуйте, за что такая благодарность? проговорилъ я, стараясь освободиться отъ жесткаго прикосновенія его усовъ, отъ которыхъ сильно вѣяло фабрику.

И онъ началъ перелистывать календарь, приставя глаза чуть-ли не къ самымъ его страницамъ.

— Ужъ какъ я вамъ обязанъ! ужъ какъ я вамъ обязанъ! твердилъ онъ послѣ каждой страницы. Да тутъ на долго чтенія и ученья... Вотъ когда солнце восходитъ; вотъ когда заходитъ! и Ряжскъ въ календаряхъ всегда напечатанъ! Ахъ, ты моя маточка! добавилъ онъ нѣжно...

— Не важный городишка! замѣтилъ я.

— Эхъ! не красна изба углами, а красна пирогами, перебилъ, Панфиль Ивановичъ. А что, развѣ вы въ Ряжскѣ бывали?

— У меня близъ него имѣніе есть.

— Право? вскричалъ онъ, радостно. Скажите, какая находка! Вотъ ужъ сколько, сколько лѣтъ, даже счетъ позабылъ, не имѣлъ я о немъ ни слуху, ни духу. И вотъ!.. Д-а-а!

— У васъ вѣрно тамъ родные? спросилъ я.

— Нѣтъ, я одинъ, какъ перстъ, отвѣчалъ онъ; я только такъ вспомнилъ, по случаю календаря...

— Онъ помолчалъ съ минуту, и потомъ спросилъ какимъ-то нерѣшительнымъ голосомъ:

— Знаете вы кого-нибудь въ Ряжскѣ?

— Да, кое-кого.

— Давно тамъ изволили быть?

— Гола съ полтора, а что?

— Такъ, одно простое любопытство.

— Можетъ-быть, я могу вамъ сообщить что-нибудь о вашихъ знакомыхъ, сказалъ я.

— Мм!.. Панфиль Ивановичъ вздохнулъ... Какіе у нашего брата могутъ быть тамъ знакомые? проговорилъ онъ. Другое дѣло вы, люди свѣтскіе, съ вами всякій радъ познакомиться; а я что? Какое дѣло до насъ знакомымъ?..

Въ словахъ капитана отражалась какая-то горечь. Я взглянулъ на него пристально. Брови его были нахмурены, выраженіе губъ грустно. Я понялъ, что въ эту минуту разспросы были неумѣстны; притомъ же я усталъ и потому спѣшилъ отдохнуть.

— Спокойной ночи, съ вашего позволенія, сказалъ я...

— Какъ? развѣ не хотите побесѣдовать? Какъ угодно, не смѣю васъ удерживать; располагайтесь, какъ полный хозяинъ, дѣлайте, что хо-

тите. Обо мнѣ нисколько не думайте, предположите, что я муха, такъ и поступайте. Я вамъ такъ обязанъ; вы у меня такой дорогой гость, что вы и не повѣрите.

Онъ проводилъ меня до самой кровати, заботливо осмотрѣлъ стѣны, поймалъ нѣсколько комаровъ и, буквально, уложивъ меня, вышелъ на цыпочкахъ, какъ заботливая няня. Изрѣдка только онъ возвышалъ голосъ и спрашивалъ полушопотомъ.

— Спите вы?

— Сплю.

— Спите, спите, я вамъ не мѣшаю.

Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, послѣ которыхъ до меня долеталъ скрипъ пера, и умолкъ. Долго еще, покуда не овладѣлъ мною совершенно сонъ, мнѣ слышался шорохъ переворачиваемыхъ листовъ и попотъ читающаго, съ большимъ жаромъ, Панфила Ивановича.

Я проснулся на другой день очень рано, но Панфилъ Ивановичъ предупредилъ меня. Когда я вышелъ изъ-за ковра, онъ уже сидѣлъ предъ мѣднымъ чайникомъ, застегнутый на все крючки.

— Здравствуйте, каково почивали? спросилъ онъ: я какъ-будто предчувствовалъ, что вы сейчасъ встанете и вотъ дожидаясь васъ.

Я поблагодарилъ за вниманіе и спросилъ, давно-ли всталъ онъ самъ?

— Я? отвѣчалъ онъ, улыбаясь, какъ вамъ сказать, уже я полагаю двадцать-четыре часа будетъ!..

— Какъ такъ?

— Да такъ! Это вы все, волшебникъ, надѣлали. Не могъ все оторваться отъ вашего подарка, какъ и всегда со мною бываетъ, когда получу новый календарь. Сколько онъ мнѣ разной старины напомнилъ... Вотъ, напримѣръ, хоть бы Турція... бывалъ я въ Турціи.. время давнее; любопытно было узнать, чтѣ теперь въ ней подѣляется. Вотъ напримѣръ луна... Какъ иная женщина, то и дѣло мѣняется... Вотъ тоже Ряжскъ...

— Однако, мнѣ кажется, Ряжскъ васъ что-то очень занимаетъ? остановилъ я капитана.

— Меня? и полноте, это такъ только вамъ кажется, прервалъ Панфилъ Ивановичъ, и, видимо, желая замать разговоръ, взялъ полу моего сюртука и началъ разматривать сукно.

— Какое славное сукнецо, началъ онъ: дорого изволили платить? Да что это вы въ сюртукѣ, неужели вамъ не жаль терѣть такое хорошее платье? Право раздѣньтесь!..

— Я гость, но вотъ вы, хозяинъ,—почему не въ вашемъ ахалукѣ? отвѣчалъ я капитану.

— Потому, отвѣчалъ онъ, потому—что я не хочу казаться предъ вами невѣжей... Что за охота? пріѣдете вы куда-нибудь, зайдетъ разговоръ, гдѣ вы побывали, что вы видѣли, и вдругъ вы вправѣ сказать, что въ такой—то крѣпости комендантъ никакого обращенія не знаетъ...

— Что за странная мысль пришла вамъ въ голову?

— Конечно, если разсудить здраво, то можетъ—быть это и правда, отозвался Панфилъ Ивановичъ... но только не знаю почему, предъ вами мнѣ бы хотѣлось такимъ, знаете, человѣкомъ быть, что просто человѣкъ во всемъ чудо да и только... чтобы вы обо мнѣ, кромѣ хорошаго, ничего не сказали...

— Благодарю за честь; чему я ей обязанъ? спросилъ я.

— Чему?.. Капитанъ помялся немного и потомъ отвѣчалъ.

— Худая молва, вы знаете, далеко бѣжить, а вы вѣдь изъ нашихъ мѣстъ, вѣдь вы ряжскій.

— Что же вамъ изъ этого? Вы сказали, что у васъ тамъ никого нѣтъ, замѣтилъ я.

— Правда, правда, подтвердилъ Панфилъ Ивановичъ... виноватъ, я, кажется, зарпортовался... Будемте лучше пить чай, да поговоримъ о другомъ чемъ—нибудь.

Онъ набилъ свою носогрѣйку и началъ, молча, глотать кипятокъ, пуская густые клубы дыму.

— Вы долго у насъ пробудете? спросилъ онъ меня, намолчавшись вдоволь.

— Какъ только окончу у васъ свое дѣло, тотчасъ же возвращусь въ Тифлисъ.

— — Не то разумѣю; я знаю самъ, что вы у меня недолгій гость; я хотѣлъ васъ спросить, долго ли вы думаете пробыть на Кавказѣ, не тянетъ ли васъ на родину?

— Какъ Богъ велить, отвѣчалъ я: въ отпускъ, впрочемъ, скоро думаю проситься...

— Куда же именно?

— Въ Петербургъ, въ Москву.

— Гм! А въ деревню не думаете заѣзжать?

— Можетъ—быть. А что?

— Такъ!

— Ахъ, виноватъ, я и позабылъ, что Ряжскъ, кажется мнѣ, ваша родина! добавилъ я. Неужели у васъ ужъ ровно никого нѣтъ на нашей сторонѣ?

Панфилъ Ивановичъ задумчиво опустилъ голову.

— Никого, отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, никого! Была

старушка мать, да и та умерла, лѣтъ пятнадцать, тому назадъ, вскорѣ послѣ того, какъ я былъ въ отпуску... Тогда я былъ только что произведенъ прямо въ podporучики, и воображалъ себя чуть-ли не орломъ... Доказали мнѣ, какой я орелъ, проговорилъ онъ, чуть слышно для самого себя...

Капитанъ началъ съ живостію крутить усы и какъ-будто что-то обдумывалъ.

— Впрочемъ, началъ онъ снова, если признаться откровенно, на чистоту, что называется, такъ у меня тамъ не то, чтобы совѣмъ ужъ ни одного лица знакомаго не было; оно конечно есть, найдется, да только я знаю, что имъ все-равно, гдѣ я, что я. Вотъ оно что... Впрочемъ, все-таки, позвольте мнѣ записать вамъ адресъ... Можетъ-быть, я и попрошу васъ, когда-нибудь, мнѣ какую справочку сообщить. Въдъ сердце знаете, крѣпится, крѣпится, да и не выдержитъ подчасъ.

— Чего не выдержитъ, капитанъ? спросилъ я.

— Ахъ, ужъ не спрашивайте! отвѣчалъ онъ, махнувъ съ досадою рукою. Мало-ли что, бываетъ!

Панфиль Ивановичъ тотчасъ же досталъ тетрадь, довольно толстую и до того старую отъ времени и частаго употребленія, что верхніе листы ея сдѣлались лаковыми и коричневыми.

— Это у меня памятная книга, пояснилъ онъ, въ которую я все записываю. Не ровенъ часъ, иногда вздоръ понадобится что-нибудь вспомнить, не все же въ голову, какъ въ цейхаузъ лезть, да рыться въ памяти.

Панфиль Ивановичъ записалъ мой адресъ, съ свойственною ему акуратностію. Въ эту минуту показалась въ дверь солдатская голова. Панфиль Ивановичъ зачѣмъ-то вышелъ на минуту, и я любопытствовалъ заглянуть въ его памятную книжку. Въ ней было все, кажется, чего не попросишь: разные рецепты, изрѣченія, адреса, магазины, собственные мысли Панфила Ивановича, стихи, большею частію исковерканные, безъ мѣры и должной рифмы. Между разными стихами къ Хлоѣ, къ Музѣ, въ этой памятной книжкѣ, своеволие Панфила Ивановича замѣнило эти обычные имена, именемъ какой-то Феклуши. Оно повторялось чуть-ли не въ каждомъ стихотвореніи, даже въ такихъ, которые, глядя по чистотѣ листовъ, были заучены капитаномъ, не очень давно.

Панфиль Ивановичъ засталъ меня за перелистываніемъ...

— Что это вы дѣлаете? спросилъ онъ.

— Такъ, любопытствую.

— Вот уж не стоить: тутъ только одна чепуха, изъ которой, большую часть я только такъ, отъ скуки здѣсь царапаль...

— Напротивъ, возразилъ я: здѣсь очень много любопытнаго, много даже такого, которое вылилось у васъ видно прямо изъ сердца...

Загорѣлое лицо капитана покраснѣло; онъ видимо смутился...

— Что же такое? проговорилъ онъ, протягивая руку, чтобы взять у меня тетрадь...

— Да вотъ, на примѣръ, кому это вы писали:

Въ послѣдній разъ люблю Оеклушу
Пришелъ сказать;
Тебя покинувъ, мѣръ покину,
Чтобъ не страдать....

— Это не я писалъ, перебилъ онъ меня ..

— Какъ не вы?

— То-есть я, да сочинялъ-то ихъ не я, а Пушкинъ... Этому Пушкину, видно, было время заниматься такими мыслями; вотъ онъ и сочинилъ эту пѣсню...

— Вы вѣрно, хотѣли сказать, Жуковскій, написалъ эту балладу, поправилъ я Панфила Ивановича.

— Какъ вы изволили сказать?

— Жуковскій!

— Вотъ что! Скажите пожалуйста!..

Нужно замѣтить, что всѣ литературныя произведенія, обратившія на себя вниманіе Панфила Ивановича и приводившіе его въ восторгъ, приписывались имъ не иначе, какъ одному Пушкину, если то были стихи, и Сѣверной Пчелѣ, если то была проза.

— Вотъ что, Жуковскій! повторилъ Панфилъ Ивановичъ: экой онъ какой право! Представьте себѣ, какъ меня затуманило! Стало-быть и этотъ стихъ:

Не знатенъ я, не славенъ,
За что меня любить?
Не веселъ, не забавенъ
Могу-ль кого прельстить?

тоже, можетъ-быть, не Пушкина? А вѣдь, право, славно откатано; все это такъ, какъ и есть... столько, я вамъ скажу, правды...

— Не Пушкина, добрый мой Панфилъ Ивановичъ, подтвердилъ я, захотавъ самымъ искреннимъ смѣхомъ...

Капитанъ нахмурился...

— Вы, кажется, разсердились на меня, капитанъ? спросилъ я, протягивая ему руку. Право, я такъ, безъ всякаго умысла, повѣрите...

— Помилуйте, за что, отвѣчалъ онъ. Досадно только на себя, и больше ничего, что этакоей глупости я не знаю!.. Да впрочемъ, что въ ней и проку? Мнѣ кажется, я и самъ бы, еслибъ только въ томъ состояла моя обязанность, не хуже ихъ началъ стихи писать. Служба моя только не такая; еслибъ я себя приневолилъ... а?

— Да, подтвердилъ я, стараясь успокоить его уязвленную амбицію, если вы чувствуете въ себѣ довольно вдохновенія...

— Вдохновенія? Почему же у меня и не быть вдохновенію, отвѣчалъ онъ. Только принудить себя, всего человѣкъ можетъ достигнуть. Вдохновеніе! Я вамъ скажу на счетъ его, что и у меня оно было. Это было еще въ турецкую компанію. Началась однажды жаркая перестрѣлка. Я былъ въ числѣ охотниковъ—совѣстно вѣдь отетать отъ другихъ, и нужно вамъ сказать, такъ ужъ само случилось, что я былъ какъ то-все впереди, да впереди. Нѣсколько разъ, среди свалки, чувствовалось мнѣ, что будто меня вдругъ какъ кипяткомъ что-то обдастъ, потомъ холодомъ, и потомъ какъ ничего не бывало, какъ слѣдуетъ. Съ часъ таки я поработалъ, какъ вдругъ начала у меня кружиться голова, въ глазахъ красные кружки да звѣздочки бѣгать, въ ушахъ какъ въ колокола звонить... Успѣлъ только я сказать молитву, да подумать: доканали таки, знать, враги, и упалъ какъ камень. Когда я очнулся, около меня хлопотали и фельдшера, и лекаря, точно вокругъ какого-нибудь маленькаго ребенка. Признаться, стыдно даже стало; хотѣлъ при-встать — не могу! Весь будто я въ пеленкахъ закутанъ; и голова въ бинтахъ, и ноги и руки въ бинтахъ; точно въ балахонъ меня нарядили, просто смѣхъ! Нечего, думаю, дѣлать! ваша взяла, когда такой грѣхъ попуталъ; дѣлайте, что хотите. Прилежъ опять на траву, слабъ слабехонекъ. Не знаю, вздремнулось ли мнѣ, или опять слабость напала, только я было опять сталъ забываться, какъ вдругъ слышу:

— Корпусный ѣдетъ, корпусный ѣдетъ!

Тутъ ужъ, согласитесь, хоть какая дрема и слабость пройдетъ. Привсталъ я черезъ силу, встряхнулъ головой, оперся на фельдшера и вытянулся, какъ струнка, вмѣстѣ съ прочими, кто не такъ ишинкованъ былъ. Гляжу, а его высокопревосходительство предо мной стоитъ.

— Ты, спрашиваютъ, такой-то?

— Тотъ самый, отвѣчаю, ваше высокопревосходительство.

— Лягъ, другъ мой, приказываютъ мнѣ.

— Постоять можемъ, отвѣчалъ я, ваше высокопревосходительство, и право, вѣрите не вѣрите, а какъ будто откуда силы взялись. Не

туть—то было! Его высокопревосходительство какъ—будто не повѣрили. Взяли меня бережно за плеча и начали потихоньку все наклонять да наклонять, какъ какую—нибудь сахарную барышню. Чтó было дѣлать? Началъ я подгибать деликатно ноги, чтобы ихъ не принатужить, и прилежъ какъ можно пристойнѣе, хоть правдѣ сказать и не ловко, и порядочно больно было, такъ истыкали, негодяи, что, кажется, куда ни повернись, вездѣ дыра была.

— Ловко ли, хорошо ли тебѣ? спрашиваютъ.

— Хорошо, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ я, удерживаясь, чтобы какъ—нибудь, понимаете того... ну, не крикнуть какъ—нибудь, однимъ—словомъ.

Взялъ меня его высокопревосходительство ручками за обѣ щеки, повертѣли легонько со стороны на сторону лицо, и сказалъ:

— Поцѣлуй-ка меня сперва, молодецъ,—и знаете, такъ пригоснулись къ моему лбу своими губками...

Чортъ знаетъ, какой у меня ералашъ въ головѣ тогда пошелъ.

— Поздравляю тебя офицеромъ, прибавили послѣ этого его высокопревосходительство. Ну, тутъ ужъ, понимаете, шабашъ Матрешка! Хоть какой ни-на есть человѣкъ будь, а все позабудешь,—вскочилъ я опять черезъ силу, да какъ завою какъ какая-нибудь глупая баба. Силы такія вдругъ получилъ, какъ—будто Святославомъ сталъ. И вотъ и пошло и пошло у меня вдохновеніе. Чтó мнѣ говорили, ничего не слыхалъ; бросился какъ сумасшедшій къ стоявшимъ вблизи ружьямъ и закричалъ: ура! впередъ ребята. Такъ въ ту минуту и казалось, что его высокопревосходительство приказываютъ редутъ взять или чтó—нибудь подобное сдѣлать... А вѣдь не забудьте, я тогда едва-едва дышалъ. Вотъ вамъ и вдохновеніе... Ну, прикажи тогда мнѣ, примѣрно, его высокопревосходительство, оду хоть написать, на взятіе Измаила чтó ли, хорошенько не помню,—написалъ бы, ей-ей бы написалъ; ну, вотъ написалъ бы, говорю вамъ откровенно, какъ честный и благородный офицеръ. Тутъ онъ ударилъ нѣсколько разъ, очень сильно, по столу кулакомъ, въ знакъ подтвержденія своихъ словъ, потомъ пріостановился на минуту и продолжалъ:

— Потомъ меня еще однажды посѣтило вдохновеніе, но только совершенно различное отъ перваго. Сердчишко такъ у меня въ ту пору ныло, такъ и емѣяться какъ-то, и плакать, и браниться хотѣлось, такъ было, однимъ—словомъ, тяжело, что отцомъ бы роднымъ, кажется, назвалъ еслибы меня кто тогда живаго въ могилу зарылъ... Ну, да прошлаго не воротить... Не прогуляться ли намъ, докончилъ онъ: пойдемте-ка, я вамъ покажу нашу крѣпость...

Ему видимо хотѣлось разогнать прогулкой какія-то воспомина-

ня. Мы пощли. Онъ провелъ меня по всеѣмъ закоулкамъ, по всеѣмъ строениямъ, и старался дать замѣтить весь порядокъ и всю чистоту.

— Когда вы будете въ Ряжскѣ, замѣтилъ онъ мнѣ: и если тамъ когда съ кѣмъ-нибудь зайдетъ обо мнѣ рѣчь, прошу васъ сказать, что Панфилъ Ивановичъ вотъ и вотъ какой человѣкъ; положимъ хоть пороху, можетъ-быть, и не выдумаетъ, а живетъ все-таки себѣ, какъ слѣдуетъ; никто ему въ глаза плюнуть не посмѣетъ, и не краснѣетъ онъ ни отъ кого, и ни передъ кѣмъ глазъ не опуститъ. Пусть всякій смотритъ въ нихъ сколько душѣ угодно, никакой задоринки въ нихъ не отыщеть...

Мы взошли на крѣпостной валъ. Предо мной, съ одной стороны, темнѣлась безконечная масса морскихъ волнъ, съ другой, въ отдаленіи, тянулись заслоненныя туманомъ кражи горъ, до которыхъ все пространство было покрыто, какъ мнѣ казалось, густымъ камышемъ. Все кругомъ было глухо, пусто и безмолвно; нигдѣ ни жилья, ни слѣда человѣческаго. Только изрѣдка поднимались изъ тростниковой чащи морскія птицы, и пугливо неслись на открытое море...

— Скучненько-же, однако, вамъ должно быть здѣсь, замѣтилъ я Панфилу Ивановичу.

— Почему? спросилъ онъ меня съ удивленіемъ.

— Повсему. Это настоящая пустыня...

— Все зависить отъ привычки, прервалъ онъ меня: если пообживетесь у насъ, посмотрите, какъ все вамъ полюбится. Да чего же, вопросъ, недостаетъ у насъ, по вашему?..

— Всего! Во-первыхъ, людности.

— Чтѣ въ ней проку? Гдѣ больше людей, тамъ больше хлопотъ. Да притомъ, зачѣмъ все эти люди? портреты чтѣ-ли съ нихъ списывать?

— Живописнаго мѣстоположенія, продолжалъ я.

— Вы меня извините, прервалъ меня Панфилъ Ивановичъ, но только я, въ своемъ глупомъ умѣ, какъ ни стараюсь, а до-сихъ-поръ никакъ не могу понять, чѣмъ могутъ иногда восхищаться люди, видя передъ собою, напримѣръ, какія-нибудь тамъ горы, овраги, лѣсъ ли какой, или рѣчку, которая течетъ не этакъ, а иначе, лентою тамъ или змѣйкой, какъ пишется въ книгахъ! Случалось, бывало, все кричать: ахъ, какъ хорошо, ахъ, какъ чудесно! ахъ, какой видъ! А я смотрѣлъ во все глаза и ничего не находилъ особеннаго. Лѣсъ какъ лѣсъ, горы, какъ горы, даль какъ даль... По моему—есть вода въ рѣкѣ, и хороша рѣка; можно въ лѣсу спрятаться отъ зною, и прекрасный лѣсъ; а тамъ все прочее, горы, да долины, да излучины, по мнѣ, хотъ бы ихъ вовсе не было. Побродилъ я по нимъ довольно, и кромѣ усталости, не чувствовалъ отъ нихъ никакого удовольствія, никакой пользы.. Я полагаю,

добавилъ Панфилъ Ивановичъ очень серьезно, что весь этотъ восторгъ къ мѣстностямъ происходитъ оттого, что люди слишкомъ всего досыта насмотрѣлись и начувствовались, такъ вотъ имъ и давай чего-нибудь новенькаго. Сумбуръ все!..

Панфилъ Ивановичъ показался мнѣ человѣкомъ самымъ прозаическимъ, самымъ безчувственнымъ, въ душу котораго никогда ничего не западало. Мнѣ стало даже на него досадно. Кто былъ онъ? Одна говорящая, движущаяся машина. Я ошибался: и подь этой ледяной наружностію билось горячее, любящее сердце!

— И такъ, сказала я, слѣдовательно вы совершенно хладнокровны ко всему?

— Именно такъ! Ко всему, что только не касается службы; въ ней иногда случается входить въ азардъ, и вѣрите ли, странное чувство рождается—будто помолодѣешь.

— Счастливый характеръ, проговорилъ я: еслибъ я такъ душевно отжилъ, какъ вы, я бы или искалъ умереть, или бы нашла на меня хандра...

— Хандра? Это... это, то-есть болѣзнь, какая-нибудь? нерѣшительно спросилъ меня Панфилъ Ивановичъ, опасаясь дать промахъ.

— Да, и очень тяжелая — безотчетная грусть.

— А! понимаю! то-есть меланхолія! Поди пожалуй, какъ разговоръ то со дня на день образуется — поди успѣвай слѣдить за нимъ. Такъ теперь меланхолія хандрой называется; вотъ какъ ее перефранцузили, голубушку! Нѣтъ, хандры у меня никогда не бываетъ, да притомъ у меня есть противъ нея очень вѣрное средство, такой дѣйствительный рецентъ, что и сказать не умѣю...

— Какой же? спросилъ я, любопыествуя узнать, что придумалъ капитанъ противъ скуки, въ своемъ уединеніи.

— А что дадите? спросилъ онъ, лукаво и самодовольно улыбаясь и подмигивая глазомъ.

— Да вамъ всякій все готовъ отдать подчасъ.

— Ну, я человѣкъ не жадный и притомъ мнѣ наслѣдство не для кого копить; я вамъ и даромъ скажу: это баня.

Я громко захохоталъ.

— Смѣйтесь, сколько вамъ угодно, серьезно сказала Панфилъ Ивановичъ, а что такъ, то такъ. Есть много чудесъ на свѣтѣ, другъ Горацио, которыхъ и не понимаютъ наши философы, продекламировалъ онъ потомъ, приподнявъ палецъ ко лбу. Достоверно не знаю, кто сочинилъ эту пословицу, Сѣверная Пчела или кто другой, а она справедлива.

— Послушайте! Я хотелъ бы спросить у васъ.

— Чтò вамъ угодно? Спросилъ я.

— Ничего; хотѣлъ васъ объ одной вещицѣ спросить, да когда-нибудь послѣ успѣю; когда вы меня покороче узнаете и за чтò-нибудь полюбите, а то вы люди свѣтскіе, все на политикѣ, тотчасъ за глаза, гдѣ-нибудь на смѣхъ поднимите. Послѣ, послѣ успѣю!..

Какъ я не упрашивалъ капитана, онъ упорно отклонялся отъ всякихъ объясненій.

— Послѣ, послѣ, когда-нибудь, повторялъ онъ, а теперь пойдете обѣдать. Мнѣ чтò-то взгрустнулось.

— А! а какъ же вы говорили, что никогда не грустите, замѣтилъ я.

— Да вѣдь грусть грусти разнь, отвѣчалъ мнѣ капитанъ: мнѣ скучно стало отчего, вы думаете? Оттого, что я нынче утромъ ничего не дѣлалъ. Вотъ оно чтò; а не то, чтобы сердце или душа болѣла...

— Эй, капитанъ, лукавите! сказалъ я. Увѣренъ, что у васъ есть тоже, какъ вы говорите, зазноба...

— Полноте, полноте, Богъ съ вами, прервалъ меня Панфиль Ивановичъ: есть ли мнѣ время заниматься такими вещами. Служба-то на чтò жъ у меня? Даромъ чтò-ли?.. Пойдемте закушать, чѣмъ Богъ послалъ...

И затаивъ сквозь зубы пѣсню, Панфиль Ивановичъ потащилъ меня домой.

Никогда не случалось мнѣ видѣть такого радушія и гостепріимства, съ какимъ угощалъ меня Панфиль Ивановичъ. Мнѣ казалось, что онъ выложилъ на столъ все, чтò только у него было. Я привезъ кое-чтò съ собою и предложилъ все къ его услугамъ. Онъ отказался отъ всего и даже обидѣлся.

— Да куда же мнѣ все это дѣвать? спросилъ я.

— Куда хотите; выкиньте, если угодно, а ужъ я не возьму. Чтò это мнѣ за честь будетъ, когда дойдетъ до кого-нибудь молва, что вы у меня на своихъ харчахъ жили? Чтò подумаютъ? Скажутъ: мотыга, какой-нибудь, ничего своего не имѣетъ. Нѣтъ, слуга покорный!..

Онъ не отказался только отъ кахетинскаго.

— Вотъ это другое дѣло, согласился онъ, вина я и самъ не пью и для другихъ не держу. Вашимъ же добромъ васъ и подчивать буду.

Во-время обѣда капитанъ рассказалъ мнѣ всю служебную свою жизнь. Она была полна трудовъ и многихъ успій. Намъ обонмъ згрустнулось. Ему отъ воспоминаній, мнѣ отъ разлуки съ Тифлп-

сомъ. Мы оба молчали и спѣли, потупя головы. Пафилъ Ивановичъ первый вышелъ изъ раздумья.

— Ну, чѣмъ же мнѣ развеселить васъ? спросилъ онъ меня. Что вы намѣрены теперь дѣлать? Не желаете ли въ гости къ Храповицкому?

— Кто это такой? спросилъ я, не понявъ выраженія Пафила Ивановича. Онъ насмѣшливо улыбнулся и укорительно покачалъ головою.

— А еще ученый вы, сказалъ онъ добродушно, и не понимаете такого обыкновеннаго слова... А вѣдь, кажется, ясно, предложилъ вамъ всхрапнуть.

— Я отозвался, что не имѣю привычки спать послѣ обѣда.

— Такъ не угодно ли я васъ музыкой позабавлю? сказалъ Пафилъ Ивановичъ.

— Какъ, развѣ у васъ музыканты есть? спросилъ я.

— Есть, отвѣчалъ онъ, улыбаясь, да еще какіе, чуть ли не высокоблагородные...

— Сдѣлайте одолженіе...

— Гей, ма! вы, музыканты, крикнулъ Пафилъ Ивановичъ, и нагнувшись подъ кровать, вытащилъ изъ ящика гитару.

— Какъ! такъ вы и музыкантъ? вскричалъ я.

— Да, отвѣчалъ онъ, я всему понемногу научился. Что дѣлать, необходимость чему не научить?

— Какая же необходимость?

— Какъ какая? Придется гдѣ-нибудь въ обществѣ быть. Попросятъ дамы, развеселите, капитанъ, а капитанъ ничего не умѣетъ, и выйдетъ *не на жоли*...

— Да гдѣ же у васъ дамское общество? спросилъ я.

— Эгѣсь, конечно, нѣтъ; но вѣдь не все же я здѣсь останусь, отвѣчалъ Пафилъ Ивановичъ. Можетъ-быть, заслужу и повисать, переведутъ въ другое мѣсто; могу вѣдь я и въ отставку выдти и поѣхать на родину; тамъ авось кое-когда гитара и пригодится, потому-что я танцевать уже, мое почтеніе, не могу...

— Э, э, капитанъ, замѣтилъ я, улыбаясь, да вы, кажется, до прекраснаго пола таки охотникъ...

— Полноте, полноте, остановилъ онъ меня, слушайте лучше, если вамъ только не скучно будетъ.

П Пафилъ Ивановичъ началъ перебирать струны. Мотивы его были очень однообразны и составляли нѣчто среднее между трепакомъ и вальсомъ — *mein lieber Augustin*.

— Порядочно? спросилъ онъ, побрячавъ такъ съ четверть часа и

покачивая подь тактъ головою, какъ маятникомъ. Теперь, пожалуй, мы вамъ и споемъ, добавилъ онъ.

И не дождавшись отвѣта, Панфилъ Ивановичъ затянулъ «Подь вечеръ осенью ненастной», романсъ, какъ онъ называлъ, мелодія котораго мало отличалась отъ прежнихъ звуковъ. Наконецъ, предавшись совершенно музыкальной настроенности, онъ перешелъ къ другой пѣсни:

Скрипи, скрипи, телега,
Ну, ай да ну!
Куда ѣдешь? по сѣно,
Ну, ай да ну!

Этотъ куплетъ, продолженія которому не имѣлось, пѣтый имъ уже для собственнаго удовольствія, длился неизвѣстно сколько времени. Я успѣлъ невольно заснуть подь его гармонию. Когда я проснулся, Панфила Ивановича не было въ комнатѣ. Онъ возвратился только передь вечеромъ, весь въ поту, тяжело дыша, но весело потирая руки.

— Откуда, капитанъ? спросилъ я.

— Да маленькое ученьице дѣлалъ, отвѣчалъ онъ, потомъ полечился немного, потому-что нынче, не знаю что—то очень сильно взволновало меня.

— А! понимаю; вашимъ обыкновеннымъ рецептомъ отъ меланхоліи?

— Угадали.

— И что же?

— Какъ рукой сняло. Вамъ не скучно ли? Отправьтесь, а я пока чаемъ распоряжусь, или, можетъ-быть, поговорить о чемъ-нибудь хотите? Вотъ, напримѣръ, о приворотахъ, какъ вы думаете!

Но мнѣ уже наскучили словоохотливость и усиленное вниманіе Панфила Ивановича. Я отказался и отъ его лечебницы, и отъ разговоровъ, ссылаясь на головную боль, и мы оба занялись чтеніемъ: я одной изъ бывшихъ со мною книгъ, капитанъ своего календаря. Слѣдующіе дни были такъ же однообразны, какъ и первый, и только по праздникамъ въ общемъ быту нашемъ происходила маленькая перемѣна. Панфилъ Ивановичъ былъ честолюбивъ и любилъ, чтобы ему оказывали почтеніе, должное его сану. Я понялъ эту невинную слабость и старался порадовать капитана, какъ могъ. Каждый праздникъ одѣвался я на нѣсколько минутъ въ мундиръ, бралъ въ руки фуражку и съ самою серьезною наружностію поздравлялъ Панфила Ивановича съ праздникомъ, чувствуя его полнымъ его чиномъ капитана.

Панфилъ Ивановичъ съ важностію протягивалъ мнѣ руки и отвѣчалъ:

— Благодарю, господинъ поручикъ.

Исполнивъ этотъ обрядъ, комендантъ дѣлался прежнимъ Панфломъ Ивановичемъ и начиналъ меня радушно подчивать своимъ же кахетинскимъ, упрасивая только пробождать немного и не переодѣваться, пока не исполнятъ этой же самой церемоніи другіе, состоящіе въ укрѣпленіи подъ его начальствомъ.

— Все у меня вѣдь здѣсь молокососы, добавлялъ онъ, чтобы объяснить причину своей просьбы: хорошій прѣлѣръ имъ не худо имѣть передъ глазами; знаніе своихъ обязанностей имъ и впередъ пригодится.

При эпитетѣ «молокососы» я не могъ удерживаться отъ улыбки, несмотря на все опасеніе оскорбить амбіцію капитана. Самому юнѣйшему изъ молокососовъ Панфила Ивановича могло быть не менѣе тридцати пяти, шести лѣтъ!

Въ первое время меня все забавляло въ Панфилѣ Ивановичѣ, и его заботливость отдалить отъ меня скуку, которая какъ-то невидимо должна была тяготѣть надъ его пустыннымъ укрѣпленіемъ и мѣшала мнѣ вполне чувствовать все однообразіе, которое должно было ожидать меня впереди. Его неистощимые разсказы потеряли для меня всю новизну, его иѣсни стали драть мнѣ уши и я съ жаромъ, съ утра до вечера, осматривалъ укрѣпленіе, стараясь окончить дѣла и возвратиться въ Тифлисъ, тѣмъ болѣе, что наступала глубокая осень и всѣ окрестности моря и самое небо стали еще пустыннѣе, мрачнѣе и печальнѣе.

— Куда это вы такъ торопитесь, вѣдь вамъ срокъ не положенъ? спрашивалъ меня заботливо Панфилъ Ивановичъ.

— Да во свояси, капитанъ.

— Чѣмъ же вамъ мы такъ противны стали?

— Собственно вы ничѣмъ, съ вами я остался бы хоть навсегда, отвѣчалъ я, но ваша кровоность хоть на кого нагонитъ хацдру.

— Да вѣдь ея иѣтъ, слава-Богу?

— Напротивъ, ужаснѣйшая.

— Такъ башку? Эй, не гордитесь!

— Ничто не поможетъ, отвѣчалъ я, вѣдя что Панфилъ Ивановичъ, кажется, рѣшился не отставать отъ меня съ своимъ лекарствомъ: одна только пуля развѣ поможетъ.

— Чтò вы пзволили сказать? Пуля, кажется? Не пошмаю, какая же пуля; можетъ-быть лекарство?

Я сдѣлалъ поясняющій знакъ.

На лицѣ Панфила Ивановича выразился неподдѣльный испугъ.

— Послушайте, сказалъ онъ, взявъ меня съ участіемъ за обѣ руки: а обѣ душѣ-то вы своей въ эту минуту не подумали развѣ?

Серьезность, съ которою принялъ Панфиль Ивановичъ мою театральную выходку, внушила мнѣ пошутить надъ его легковѣріемъ.

Простодушныя слова его, которыми онъ старался уговаривать меня, отзывались такою грустію, такою убѣдительною и страхомъ, что я сѣтшилъ смѣломъ разувѣрить его.

— Успокойтесь, я это сказалъ шутя.

— Поклянитесь.

— Поймите только, изъ чего мнѣ стрѣляться?

— Это я и самъ думалъ, подтвердилъ Панфиль Ивановичъ. У васъ отчаянію не отъ чего быть. Чего вамъ не достаетъ? Книгъ у васъ много, занятій по службѣ хоть на цѣлый день, живете вы спокойно, никто васъ не тревожитъ; да я бы на вашемъ мѣстѣ тысячу лѣтъ прожилъ и не соскучился. Вотъ, еслибы у васъ было какое-нибудь сердечное горе, другое дѣло, тогда никакое лекарство не поможетъ.

— А развѣ вы это непытали, капитанъ? спросилъ я Панфила Ивановича, вспоминая его замѣшательство при отысканіи въ книгѣ его стихотвореній къ Феклушѣ.

— На что вамъ? проговорилъ онъ.

— На то, что и у меня есть сердечное горе, отвѣчалъ я лукаво, стараясь заставить его высказаться.

— Да вѣдь вы ему не вѣрите, сказалъ онъ недовѣрчиво.

— Мало ли что говорится, да не то чувствуется!

— Правда, правда, подтвердилъ онъ... Чтѣ-жъ, смѣйтесь, пожалуйста, сколько угодно, продолжалъ Панфиль Ивановичъ, помолчавъ немного, — непыталъ, съ кѣмъ грѣхъ не бываетъ, вѣдь и я былъ молодъ. Какъ я страдалъ, только одинъ Богъ до сихъ-поръ знаетъ, а между-тѣмъ, видите, дожилъ же до зрѣлыхъ лѣтъ (Панфиль Ивановичъ не признавалъ себя старикомъ) и никогда мнѣ въ голову не западала ни одна вольшодумная мысль.

Мнѣ было любопытно узнать исторію любви капитана. Страсть въ душѣ такого положительнаго человѣка, какъ Панфиль Ивановичъ, казалась мнѣ замѣчательнымъ психологическимъ фактомъ.

— Расскажите, пожалуйста, просилъ я Панфила Ивановича.

— И, что вспоминать прошлыя глупости, отвѣчалъ капитанъ, pokrивая усы. Я вамъ сказалъ и признался, что и со мною была однажды этакая странная оказія, и довольно. Вѣдь вы помочь мнѣ, согласитесь, несколько не можете...

А между-тѣмъ я видѣлъ, что бѣдному капитану, столько лѣтъ посившему на сердцѣ накопившіяся воспоминанія, видимо желалось высказаться. Онъ только стыдился и, вопросъ, чего? Своихъ самыхъ лучшихъ

чувствъ. Странно созданъ человѣкъ! Смѣшна иногда его гордость! Самые благородные порывы заставляютъ насъ порою краснѣть, и часто мы ихъ смѣшиваемъ и принимаемъ совѣтъ за иное чувство. Одни чувства вырываются у насъ изъ души, когда бы имъ слѣдовало тамъ затаиться, другія лежатъ на сердцѣ въ то время, когда бы имъ нужно было высказаться... Капитанъ боялся только показаться чувствительнымъ, чтобъ не казаться слабымъ. Я уничтожилъ его нерѣшимость и застѣнчивость самыми убѣдительными доводами и примѣрами.

— Ужъ такъ и быть, согласился онъ, слушайте. Какъ уже вамъ извѣстно, я изъ вольно-опредѣляющихся. Досталась мнѣ послѣ отца кое-какая лавчонка, да думаю, что мнѣ съ этой лавчонкой дѣлать? Бывало, сидишь, торгуешь, ничего не выторгуешь, а неудовольствій отъ покупателей много услышишь. Что это такое. Отчего, думаю, и мнѣ такъ не распорядиться, чтобы я былъ человѣкомъ, какъ слѣдуетъ, съ вѣсомъ. Давай, думаю, составлю себѣ карьеру, пойду въ военную службу. Закипѣли вдругъ у меня въ головѣ сраженія, опасности разныя и я, еще не поступивъ никуда, какъ-будто на аршинъ выросъ. Такъ какъ-будто кто-то въ уши и шепчетъ:

— Ваше благородіе! Ваше высокочелобордіе... У матери еще одинъ сынъ оставался...

Я видѣлъ, что капитанъ снова начинаетъ мнѣ читать весь послужной списокъ, не приступая къ главному, спѣшилъ прервать его.

— Все это я знаю и помню, сказалъ я, начинайте прямо съ Рязска.

— Помилуйте, замѣтилъ онъ, простодушно, какъ же можно начинать что-нибудь съ середины; вѣдь и до Рязска еще много разныхъ происшествій было...

— Тоже сердечныхъ?

— Полноте! Что такъ дурно обо мнѣ думать? Вѣдь человѣкъ только одинъ разъ можетъ на своемъ вѣку глупость сдѣлать, а если сдѣлаетъ въ другой разъ, въ томъ же родѣ, что же онъ за вещь такая? Нѣтъ, но я хотѣлъ вамъ разсказать, какъ я все происходилъ...

Чувствуя нескончаемыя рѣчи и вводныя, я самъ пересказалъ Панфилу Ивановичу вкратцѣ всю его служебную жизнь, и прерываемый его добавленіями, дошелъ наконецъ до его офицерскаго чина и отпуска въ Рязскъ.

— Теперь, выражаясь русской поговоркой, вамъ и книги въ руки, капитанъ, сказалъ я.

— Нечего дѣлать, проворчалъ Панфилъ Ивановичъ, Богъ съ вами,

заставляете вы степеннаго человѣка скакать, какъ зайца, да ужъ такъ и быть.

И онъ началъ:

«Когда кампанія кончилась и далъ мнѣ, по мнлости начальства, въ награду третное жалованье, я, съ помощію добрыхъ людей, акцировался на славу, будто отъ тысячи душъ. Чего ни помотри, все было, словомъ, знаете, молодецъ молодецъ сталъ. Какъ не порадовать старушки, двѣнадцать лѣтъ ее не видалъ, возьму отпускъ, упаду ей какъ снѣгъ на голову. Словомъ, заѣлъ у меня въ голову отпускъ и сидитъ въ ней уиорно, хотъ, признаться-сказать, проситься—то я долго меллилъ. Все казалось, что могутъ подумать, будто я, не успѣвъ выйти въ люди, отъ службы хочу отлынивать. Бывало, подойду къ полковничьему порогу, постою, постою, да съ тѣмъ и уйду; возвращусь домой, полагая, что утруждать начальство не прилично, вдругъ опять какъ-будто кто-то на ухо начнетъ шептать: Почему неприлично? Ничего неприличнаго нѣтъ! Вѣдь раненъ ты?—Раненъ!— На службу не ходишь?— Не хожу!— Другіе же поѣхали?— Поѣхали!— Такъ чего же ты-то труеишь? Эхъ ты, мокрая курица, а не офицеръ! Нашпиговаль себя такъ, что хотъ на стѣну ноговъ лѣзть. Прихожу къ полковнику. Нашъ полковникъ, нужно вамъ сказать, былъ вотъ какой человѣкъ...

Готовилось новое вводное; я поспѣшилъ опять умѣрить краснорѣчіе Пафила Ивановича.

— Однимъ-словомъ, вы получили отпускъ? подсказаль я.

— Получилъ.

— И доѣхали до Ряжска?

— И доѣхаль.

— Извольте, я слушаю!

Пафилъ Ивановичъ засмѣялся, пожалъ плечами, вздохнулъ, и проговоривъ: Господи! какъ вы жить-то торопитесь, еще и начала нѣтъ, а вамъ подавай конецъ, — началъ продолжать, уже не вмѣшивая постороннихъ происшествій.

Когда я прибылъ въ Ряжскъ, было уже очень поздно, часоувъ двѣнадцать ночи; вамъ извѣстно, тамъ люди живутъ просто, чуть ли не вмѣстѣ съ курами на насестъ спать ложаться. Приказывая, по старой памяти, ямщику ѣхать то направо, то налево, я наконецъ доѣхаль до домика, гдѣ была моя лавчонка и гдѣ мы жили. Слѣзъ съ телеги, подошелъ... Смотрю во все глаза, и вдругъ будто меня кто зубами за сердце схватилъ. Домышко нашъ стоялъ весь искорюченный, искривленный и весь заколоченный, точно выморочный. Господи! думаю, не-

ужели плохо? Неужели я затѣмъ только и начальство безпокоилъ, и деньги копилъ, и истратился, чтобы мнѣ теперь, можетъ-быть, и порадовать некого было? Досадная исторія! Пошелкалъ языкомъ, помоталъ головою и остановился, какъ окаменѣлый.

— Куда я теперь пойду? Къ кому? Какъ и отъ кого хоть маленькую вѣсточку имѣть, гдѣ моя бѣдная старушка и братецъ?..

Тутъ Панфилъ Ивановичъ пріостановился, и на его холодномъ, ничего не выражающемъ лицѣ мелькнулъ проблескъ глубокаго чувства...

— Вотъ тогда такъ ужъ подлинно нашла на меня ваша хандра, продолжалъ онъ, а къ ней еще въ добавокъ и извозчикъ прибавилъ. Не видить, что человекъ самъ не свой, и лѣзетъ съ глупыми словами:

— Да что же, ваше благородіе, долго ли мы будемъ здѣсь стоять, станція что ли это? Ишь-ты дождикъ-то какъ льетъ!

Правда, погода тогда была прескверная! Но вѣдь я и самъ это видѣлъ; да дѣлать было нечего. Разбранилъ я его, и онъ замолкъ. Я стою попрежнему и не знаю, что придумать? Въ головѣ, знаете, точно туманъ какой. Руки, кажется, поднять бы не догадался.

— Да вы ищите что ли кого, ваше благородіе? спросилъ меня извозчикъ.

— Тебѣ что за дѣло? крикнулъ я на него, съ сердцемъ.

— Какъ что за дѣло? отвѣчаетъ, вѣдь я довести рѣдился, а не до бѣла свѣта подъ дождемъ стоять. Если нужно о какомъ-нибудь справиться, такъ на то кругомъ сосѣдніе дома есть. Не нѣмые живутъ, отвѣтятъ.

Представьте себѣ, мнѣ и этого простаго средства не пришло, въ ту минуту, въ голову. Подъ какимъ огнемъ я бывалъ и не терялся, а тутъ не нашелся, вотъ и все. Какъ знаете, такъ и судите!

— Правда, подтвердилъ я, спасибо, братецъ; подошелъ къ воротамъ сосѣдняго дома и началъ стучаться. Какъ на зло, только собаки въ отвѣтъ залаяли, а хоть бы одна человѣческая душа отозвалась... Крикнулъ съ досадою мой извозчикъ, слѣзъ съ облучка, примолвилъ: постойте ужъ, ваше благородіе, дайте мнѣ распорядиться, и началъ барабанить кулакомъ въ ставень. Извѣстно, ямщицкій кулакъ не изъ шолку созданъ; можете себѣ представить, какова пошла музыка!.. Не успѣлъ онъ стукнуть разъ пять, какъ послышался скрипъ двери, и кто-то закричалъ пяскливымъ голосомъ:

— Кого это нелегкая стучать такъ надоумила? Вотъ какъ огорошу камнемъ, разбойниковъ, такъ и узнаете, какъ ставни ломать...

— Это баба, сказалъ мнѣ извозчикъ, это ихъ братъ только издали такъ грозить умѣетъ; спросите у нея, ваше благородіе, что вамъ нужно!

— Эй, ты, красотка! закричалъ я.

— Самъ ты красотка, буянъ этакой! отвѣчала она мнѣ... Видно я неловко попалъ, да вѣдь Богъ ее знаетъ, хороша она, или дурна...

— Убирайся, продолжалъ тотъ же голосъ, покуда до городничаго не свели...

Тутъ я опять не вытерпѣлъ; разшумѣлся, пуще прежняго, такого страху, словомъ, задалъ, что таки подошла вѣдьма къ воротамъ. Сталъ я спрашивать и разспрашивать—ничего не знаетъ. Отвѣчаетъ одно, что домъ уже лѣтъ шесть какъ пустой стоитъ. Сѣлъ я опять въ телегу и поѣхалъ на постоянный дворъ, какъ въ воду опущенный. Ряжскъ не Богъ знаетъ какая махина, одинъ только въ немъ постоянный дворъ и былъ. Авошь, думаю, тамъ что-нибудь узнаю. Приѣзжаю, вхожу, смотрю—все новыя лица! Мое вамъ почтеніе! Хозяинъ прежній умеръ, а новый столько же знаетъ о матушкѣ и о братѣ, сколько и я. Ужъ тутъ я, просто чуть бѣлугой не заревѣлъ... Разспрашиваю, говорю примѣты, фамилію—наконецъ допытался кое-какъ.

— Теперь знаю, кого вы ищите, сказалъ мнѣ хозяинъ: жаль бѣдную, пришлось на старости лѣтъ въ чужихъ людяхъ жить!

— Какъ! вскричалъ я, а Ваня что-жъ?

— То-есть сынъ? Сынъ проторговался, началъ съ горя пить и умеръ. Теперь старуха изъ милости у вдовы казначейши живетъ.

Лучше бы меня кто разъ двадцать кинжаломъ пихнулъ, чѣмъ этакія рѣчи слышать. Покачалъ я грустно головою и не вытерпѣлъ.

— Эхъ, Ванюха, Ванюха, проговорилъ я, какъ бы я тебя отъ всей души высѣкъ, еслибы ты живъ былъ!

— Вѣрно ваша милость знаетъ старуху-то? спросилъ меня хозяинъ.

— Вы, можетъ-быть, назовете меня, въ душѣ, ни-весть чѣмъ, обратился ко мнѣ Панфиль Ивановичъ, но признаюсь, въ эту минуту я отрекся и отъ матери, и отъ брата. Не хотѣлось мундира срамить. Какое люди могли имѣть уваженіе къ тому, чья мать Христа-ради живетъ, а братъ негодяй. Пробормоталъ я что-то глухо, кивнулъ головою, въ знакъ, что знаю, и замолчалъ. Справился только, гдѣ живетъ казначейша. Легъ я спать, не спится. Все бѣдная мать на умѣ; все какъ-то жметъ сердце, хотя и узналъ, что она жива и здорова, и уголокъ хоть теплый имѣеть. Едва разсвѣло я былъ уже на ногахъ и одѣтъ. Каждая минута годомъ мнѣ казалась, такъ нетерпѣливо желалъ я увидѣться съ матушкою и порадовать ее; показать ей, что она не одна еще на бѣломъ свѣтѣ, что у нея есть еще сынъ, который не такъ-себѣ кто ни попалъ. Еще не было девяти часовъ, когда я вышелъ изъ

постоялаго двора. Дорогой, кто мнѣ ни встрѣтится, такъ, казалось, во все глаза на меня и смотреть.

— Что, думаю, на лицѣ у меня особеннаго написано? А это такъ, отъ волненія было... Когда я подошелъ къ дому казначейши и началъ отворять дверь, сердце у меня такъ сильно забилося, что, кажется, вотъ мундиръ сейчасъ и лопнетъ. Насилу выговорилъ матушкино имя...

— Здѣсь, отвѣчала мнѣ кухарка.

— Можно видѣть?

— Можно; а какъ объ васъ сказать?

— Да никакъ; просто офицеръ пришелъ.

— А если спросить какой офицеръ?

Такъ опять меня раздосадовало, человекъ секунды считаетъ, а тутъ разспросы, какъ, да что, да почему. Хотѣлъ уже отвѣчать — какъ вдругъ дверь въ кухню растворилась...

Тутъ голосъ Панфила Ивановича задрожалъ, сдѣлался тише, глаза сѣзулись, на губахъ мелькнула радостная улыбка.

— И, началъ онъ почти шопотомъ, выходитъ моя старушка, сгорбленная, кости да кожа, съ разною, знаете, посудю... Известно, нужда заставить хоть что въ чужомъ домѣ носить... Смотритъ на меня во все глаза, разинула ротъ, и не знаетъ, что предъ ней за картина такая. Не узнала, совѣмъ не узнала, какъ-будто на нее затмѣніе какое нашло!

Панфилъ Ивановичъ вскочилъ со стула, и продолжалъ звучнымъ, возвышеннымъ голосомъ:

— Протянулъ я молча руки, словъ не нашлось, какъ-будто онѣмѣлъ, и какъ прысну слезами, какъ прысну... Прикрыла старушка рукою глаза, да какъ вдругъ затрясется, поблѣднѣетъ и какъ завоетъ. Куда и посуда полетѣла!.. Стоить и не двигается съ мѣста, а только рыдаетъ да голоситъ:

— Батюшки вы мои свѣты, отцы вы мои родные, святители вы мои небесные. .

— Ты, ты! ужели ты? бормочетъ сквозь слезы...

— Я, я! отвѣчаю ей я, тоже плача...

— Панфилушка! Родной мой! Неужели ты? Точно ли? Да какъ бросится ко мнѣ, да какъ обниметъ! Держись только эполеты!..

Смѣшно даже подумать, какъ мы оба разбабилсь, докончилъ капитанъ, садясь на стулъ и покручивая въ раздумьи усы.

— Ну, теперъ я, съ вашего позволенія, выкурю трубочку, сказала онъ, помолчавъ немного: въ азардѣ, чувствую, какой-то вошелъ!.. Не годится, знаете, вѣдь я не комедьянтъ какой.

Панфиль Ивановичъ какъ-будто стыдился порыва своей чувствительности, недостойной, по его понятіямъ, мужчины...

— Кухарка, началъ онъ снова, пуская густые кружки дыму; забылъ я вамъ разсказать про кухарку. Стоить, вообразите себѣ, да только спину почесываетъ, да чай думаетъ:

— Что это за комедія такая творится?

И капитанъ захохоталъ. Волненіе его прошло. Онъ положилъ трубку и продолжалъ:

— Ну, вотъ, какъ я вамъ докладывалъ, цѣлуемся мы съ матушкою, поостыли оба немного, а вѣдь посуда-то, согласитесь, не пузырь какой; все шумъ какой-нибудь произвела; какъ хозяевамъ не посмотреть, что у нихъ на кухнѣ происходитъ?.. И въ-самомъ-дѣлѣ, не прошло и двухъ минутъ, какъ изъ сосѣдней комнаты показалась мордочка, такая, что, просто, я вамъ скажу, хоть куда вставьте! Вездѣ приличной картинкой будетъ.

При этихъ выразительныхъ словахъ, маленькіе глаза Панфила Ивановича совершенно исчезли отъ сладостнаго воспоминанія.

— Женщинъ, продолжалъ Панфиль Ивановичъ, вообще я мало видывалъ, а ужъ этакій, кажется, и во снѣ никогда не случалось грезить. Просто сконфузился такъ, что и сказать не умѣю.

— Что это такое случилось, Карповна? спросила красоточка нѣжненькимъ голосомъ...

— Сынъ, матушка, сыночекъ ко мнѣ пожаловалъ, отвѣчала моя старушка.

Поднялъ я глаза, хотѣлъ поклониться и рекомендоваться, какъ слѣдуетъ, смотрю, и слѣдъ простыль.

— Пойдемте къ вамъ, куда-нибудь въ уголокъ, сказалъ я матушкѣ, а то мы такъ всѣхъ обезпокоимъ.

— Какой у меня уголокъ? отвѣчала матушка, гдѣ приткнуусь, тамъ у меня и уголокъ!

— Такъ вамъ, стало-быть, здѣсь нехорошо, родная? спросилъ я.

— Что ты, Панфилушка? Дай-Богъ, хоть-бы дома такъ хорошо было; господа такіе добрые, внимательные, особливо барышня, просто и сказать нельзя, какая хорошая, отвѣчала матушка.

Не знаю, что вдругъ опять со мною сдѣлалось, только мундиръ того и гляди, что разорвется: грудь такъ сильно заколебалась. Такую, знаете, благодарность почувствовалъ, что хоть въ огонь и въ воду готовъ за такого ангела.

Скажу вамъ, матушка несколько не прибавила своихъ похвалъ. Не успѣли мы и докончить нашего разговора, какъ, гляжу, и сама казначей-

ша летить. Почтенная женщина такая, въ чепцѣ, въ лентахъ, полная, хоть-бы генеральшей ей быть! Раскивалась мнѣ головой, разшебеталась, обрадовалась не меньше матушки, кажется, и ну старуху мою стыдить: зачѣмъ она меня въ кухнѣ держитъ, а не ведетъ въ порядочныя комнаты? Однимъ-словомъ, бой баба! схватила меня сама, безъ церемоніи, за рукавъ и потащила за собою. Усадила на стуль, стала обо всемъ спрашивать; да какъ я, да что я? и то, и другое, и третье—не зналъ гдѣ и словъ брать, чтобы отвѣчать ей; а тутъ, вдругъ, и моя голубушка... молчала, молчала все, и тоже въ разговоръ вмѣшалась.

Покраснѣлъ я, какъ ракъ; чувствую, что голосъ ея мнѣ какъ колокольчикъ въ ухахъ прозвѣнѣлъ, и ужъ не помню право, что я отвѣчалъ ей. Спросила она потомъ меня, страшно ли въ сраженіи?

— Да ужъ страшиѣ твоихъ глазенокъ ничего не можетъ быть, сказалъ бы я, еслибъ она меня теперь спросила, а тогда я совершеннымъ неучемъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ, прибавилъ, засмѣявшись, Панфиль Ивановичъ; впрочемъ, чтобы, знаете, тѣну задать, я только отвѣчалъ ей, что совсѣмъ нестрашно.

Говорили мы, потолковали; вдругъ казначейша спрашиваетъ меня:

— А гдѣ-жъ вы остановились?

Отвѣчалъ гдѣ.

— Живите у насъ, сказала мнѣ она, мы вамъ мезонинчикъ очистимъ, кадушки всѣ, которыя тамъ, повывесемъ; вы человекъ военный, не взыщете...

Началъ я извиняться, отговариваться, нѣтъ! пристала да и только!

— Живите, говоритъ, вы намъ кое въ чемъ и поможете; у насъ скоро разныя хлопоты будутъ, такъ все мужичина иной-разъ лучше насъ женщинъ распорядится.

Тутъ Панфиль Ивановичъ вздохнулъ, крикнулъ и порядочно дернулъ себя за усы.

— Не зналъ я, что такія за хлопоты у нихъ затѣвались тогда, продолжалъ онъ, а то бы не только не сталъ жить у казначейши, но кажется, бѣжалъ бы за тридевять земель... Такія галкія приключенія...

— Что же такое? спросилъ я.

— Погодите, не портите порядка; объясню все подробно... Поблагодарилъ я, поселился въ мезонинчикъ, и съ того же дня сталъ у казначейши какъ домашній. Старуха тотчасъ навалила на меня разныхъ комиссій. То поди ей на рынокъ, да распорядись провизіей; то сбѣгай на почту—узнать, нѣтъ-ли какихъ писемъ, то проводи ее въ церковь. На первыхъ порахъ, мнѣ всѣ эти побѣгушки въ охоту были. Чывало, такъ отмарширую на своемъ костылѣ, что и здоровому въ

пору меня догнать... Отчего-жъ не услужить? Нужно вамъ сказать, у меня натура очень привязчивая. Не прошло и недѣли, какъ, не знаю, что со мною сдѣлалось. Когда, бывало, меня не спрашиваютъ, и нѣтъ какого-нибудь предлога сойти внизъ, меня просто такая тоска беретъ, что хоть въ огонь полѣзай. Крѣплюсь, крѣплюсь, бывало, да и не выдержу. Одѣнусь, приглажусь, и сойду къ казначейшѣ.

А глаза-то, между-тѣмъ, такъ у меня и рыскаютъ по комнатѣ, нѣтъ-ли гдѣ барышни?

— Что скажете повенькаго? спросить, бывало, казначейша.

— Пришелъ понавѣдаться, не прикажете ли чего?

— Нѣтъ, отвѣтить, ничего не надо! благодарю покорно за вниманіе...

Поклонисься, да назадъ пойдешь дуракомъ въ свою кануру, и еще хуже сдѣлается скучно и досадно. Начнешь думать: отчего, молъ, это такъ у меня? Отчего прежде никогда этого не случилось? Думаешь, думаешь, и ничего не выдумаешь; и пойдешь съ горя рыскать по городу, вплоть до самаго обѣда.

— Хорошо-ли нагулялись? спрашиваетъ бывало казначейша.

Какъ бы, кажется, человѣку дѣльному не завести тутъ разговора, не блеснуть этакъ какъ-нибудь особенно. Все, кажется, для этого есть на примѣтъ: во-первыхъ, погода, во-вторыхъ, что видѣлъ, кого встрѣтилъ; а между-тѣмъ ничто на языкъ не подвертывалось. Отвѣтишь какимъ-нибудь полусловомъ, и сидишь, уткнувъ носъ въ тарелку.

— Что это вы какъ-будто не веселы, спрашивала меня тогда Фекла Матвѣевна.

— И вы, вѣроятно, отвѣчали, что предъ такимъ хорошенькимъ личикомъ, у всякаго должна пройти самая сильная скука, вмѣшался я.

— То-то нѣтъ; такая была у меня глупая башка, что и подобнаго ничего въ умъ не приходило. Отвѣтишь, бывало, просто, что не отъ чего скучать, что всѣмъ я доволенъ; да потомъ прибавишь, что, можетъ быть, оттого кажусь невеселымъ, что раны побаливаютъ; на геморой сошлешься. Смотришь, все дѣло выйдетъ дрянъ. Злодѣйка отворотитъ мордочку и разсмѣется. Что, думаю, находить она смѣшнаго въ людскихъ немощахъ? Тотчасъ потомъ представится она мнѣ душой и злою.

Станешь разбирать, ничего хорошаго не найдешь! Стану покойнѣе; а черезъ нѣсколько минутъ, какъ она взглянетъ, бывало, да улыбнется, такъ опять на все, кажется, готовъ, именно на все.

— Повѣрите-ли, возвысилъ вдругъ голосъ Панфиль Ивановичъ, сколько эта разбойница у меня денегъ повытащила!..

— Что такое? спросилъ я, съ удивленіемъ, при такомъ неожиданномъ направленіи до-сихъ-поръ платоническаго разсказа.

— Да, да, денегъ, подтвердилъ очень серьезно капитанъ. У меня все записано. Если хотите, я вамъ даже покажу; да не въ томъ дѣло. Это я не изъ хвастовства говорю; въ мотовствѣ какая добродѣтель! Я только упоминаю объ этой оказіи, чтобы показать, до чего иногда у человѣка разумъ отшибеть...

Вотъ какъ это все происходило. Я вамъ ужъ докладывалъ, что казначейша употребляла меня на разныя порученія. Чуть лѣнь на нее упадетъ, или погода дурная, за всеми покупками Панфиль Ивановичъ тащисъ. Дадутъ, бывало, на фасонъ разныхъ тряпочекъ, и распорядяйся съ ними, какъ знаешь. Устанешь, находишься, наругаешься вдоволь съ купцами, и возвращаясь, думаешь; вотъ останутся довольны! Не тутъ-то было! Смотришь, никогда не съумѣешь вполне угодить. Мать начнетъ головой мотать, да языкомъ щелкать; а дочка губки надуетъ.

— Что за чудеса? размышляешь, кажется и не такія порученія исполнялъ, а никогда никакого замѣчанія не получалъ, а тутъ, изъ-за какой-нибудь невидали неудовольствіе выказываютъ!

— Что бы это значило? спросилъ я однажды у матушки.

— А то, отвѣчала она съ сердцемъ, что ты дуракъ, тебѣ давно бы слѣдовало на обѣихъ ихъ плюнуть, да наотрѣзъ ото всего отказаться; онѣ обѣ алтынницы, нарываютъ, чтобы имъ вѣрно все даромъ таскали. Что имъ ни купи, все имъ дорого кажется...

— Гм? подумалъ я, теперь знаю, въ чемъ дѣло! Ладно-же! Буду же я имъ теперь угождать, такъ-что онѣ души во мнѣ не будутъ слышать...

Прошло этакъ съ мѣсяцъ, живу я у казначейши весело превесело. Ничего особеннаго въ душѣ не чувствую; чувствую только, что люблю казначейшину дочку, какъ сестру. Весело ей, и мнѣ весело, скучна она, и мнѣ какъ-будто скучно станеть... Любовныхъ мученій, знаете, такихъ, какія въ романахъ описываются, никакихъ не было.

Проиди, кажется, еще мѣсяцъ, уѣхалъ бы опять въ полкъ, и ничего бы не было. Нѣтъ, какъ на зло, такіа разныя обстоятельства опять явились, что просто у меня умъ за разумъ сталъ заходить. Разговорился я однажды съ матушкой.

— Что, говорю, неужели у такой красивой дѣвушки никакихъ жениховъ нѣтъ?

— Какъ не быть, отвѣчаетъ матушка, даже и теперь есть.

Что со мною при этихъ словахъ сдѣлалось, и сказать не съумѣю. Такъ у меня сердце сжалось, что просто хотъ плачь. Крякнулъ я такъ

сильно, что матушка, вѣроятно, замѣтила, что со мною, въ эту минуту, творится что-нибудь недоброе.

— Что съ тобою, Панфи́лушка? спросила она: раны, что-ли, разыгрались.

— Да, раны, подтвердилъ я, вздохнувъ. Начала приставать моя старуха: Давай я тебя тѣмъ, да другимъ потру, да того, да другаго выпей; еще пуще досадно и больно стало.

— Оставьте меня въ покоѣ, Бога-ради, матушка, сказала я, что вамъ такъ вдругъ до моихъ ранъ пришло. Скажите лучше, гдѣ этотъ женихъ-то? Хотѣлось, знаете, мнѣ посмотрѣть, чѣмъ онъ лучше нашего брата!

— А тамъ, гдѣ и прочіе, отвѣчала матушка: ѣздилъ, ѣздилъ въ домъ, а потомъ уѣхалъ въ Москву, и слуху давнымъ давно нѣтъ. Словно въ воду канулъ! Вѣрно гдѣ-нибудь другую получше нашелъ. Да и выдавала-то за него Феклушу казначейша только для того, чтобы ей въ дѣвкахъ не сидѣть, да мужчину въ домѣ имѣть. Дрянной такой, старый. Куда! ты противъ него молодецъ.

Не повѣрите, какъ мнѣ вдругъ стало какъ-то весело. Я такъ поцѣловалъ матушку, что у ней, кажется, въ ушахъ зазвѣнѣло.

— Что это опять съ тобою сдѣлалось? спросила матушка.

— Ничего, родная, ничего!

— Ранамъ что-ль легче стало?

— Совѣмъ вдругъ зажили, отвѣчалъ я, такъ зажили, какъ-будто ихъ никогда не бывало...

И, какъ на мою бѣду, вдругъ тутъ въ комнату Фекла Матвѣевна. Она мнѣ показала и лучше, и умѣе, и добродушиѣе...

Я не могъ на нее насмотрѣться; чувствую, что краснѣю, и никакъ не могу совладѣть съ собою. Стою только, да поклонъ за поклономъ отвѣшиваю, точно какъ-будто не видалъ ее ни разу еще въ тотъ день... Замѣтила, знать, плутовка, мою глупость, улыбнулась и сама начала тоже кланяться.

— Здравствуйте, говорить, здравствуйте, давно не видались, кажется... Я пришла просить васъ, добавила она.

— Приказывайте, сударыня.

— Да только боюсь; вы какъ-то всегда до-сихъ-поръ неловки бывали.

— Вотъ тебѣ и на! подумалъ я, вотъ оно куда пошло!...

Пожалъ я плечами, вздохнулъ, наклонился снова, и больше ничего. Стою, какъ осужденный, и думаю: чѣмъ-то она меня еще теперь потѣшитъ? А у самого такъ кровь и кипитъ. И что-жь? Можетъ-быть, вы полагаете, что она навязывала на меня какое-нибудь трудное,

головоломное порученіе, для котораго ей именно ужъ генія какого-нибудь нужно было: ни-чуть! Требовалось только сходить на почту, узнать, нѣтъ-ли на ихъ имя письма, да лентъ ей купить.

— Неужели, думаю, во мнѣ и для этакихъ глупостей ловкости она не предполагаетъ? Постой, докажу же я ей, что она ошибается. И пошелъ я, трухъ-трухъ, исполнять ея приказанія. Погода была мерзвѣйшая, дождь такъ ливня и льетъ. Всего меня такъ и ломаетъ, а плетусь такую крупную рысью, хоть бы лошади какой. Бранюсь, а пду, съ самого, какъ съ гуся, вода бѣжитъ, а иду... Прихожу на почту.

— Есть письмо на такое имя?

Порылись, пересмотрѣли.

— Нѣтъ, отвѣчаютъ.

Очень досадно стало; вѣдь, кажется, въ томъ нисколько вины моей не было, а была мнѣ пренепріятна такая исторія. Пошелъ въ лавки, и повѣрите-ли, дотога ихъ все перерылъ, что меня даже потъ прошибъ. Купилъ-таки наконецъ, что нужно, своихъ кровныхъ рубля два приплатилъ, и маршъ скорымъ шагомъ домой.

— Ну, думаю, вотъ рада-то будетъ, вотъ поблагодарить! Не успѣлъ я еще шинели порядочно скинуть, какъ Феклушка шмыгъ въ переднюю.

— Ну, что письмо? спрашиваетъ.

— Нѣтъ письма-съ, отвѣчаю: все силы употреблялъ; нѣтъ да и только!

Надула дѣвчонка губы.

— Я почти была увѣрена, проворчала она.

Началь я ее увѣрять, что два раза даже для этого на почту заходилъ, никакого резону не понимаетъ.

— Безъ пользы что и десять разъ ходить, проговорила она: вѣрно ужъ вы такіе несчастные!

Проглотилъ я въ тихомолку такую радость и подаль молча ленты...

— Я предчувствую, начала она снова, что и въ лентахъ мнѣ будетъ такая же неудача...

— Каково положеніе! Не успѣла еще развернуть, а ужъ опять за живое задѣла. Стою, дожидаясь и думаю: Если и въ этотъ разъ она вздумаетъ губы надуть, то мое почтеніе, послушаюсь матушкина совѣта и скажу наотрѣзъ, что я не слуга имъ и что до этакихъ прислужниковъ онѣ далеко не доросли. Ретивое, знаете, заговорило.

Начала она разсматривать мои новыя покупки. Перебрала ихъ по одиночкѣ, поириткнула то на голову, то къ груди, то къ боку.

— Порядочныя, пробормотала она.

— Купи-ка ты, поди, получше, подумаль я. Не прикажешь-ли, чтобъ я тебѣ еще золотыхъ притащилъ.

— А что зашлатили?

— Столько-то и столько, отвѣчаю.

— Недорого!

— Да! когда два рубля изъ своего кармана доложилъ, подумаль я.

— Благодарю васъ!

— Не начемъ, отвѣчалъ я. Не такъ бы я тебя поблагодарилъ и не за этакую штуку, прибавилъ я про-себя, видя, что въ пей просто никакого сердца нѣтъ. И тутъ такая мнѣ вдругъ охота пришла поразвернуться немного. Вотъ такъ и такъ, сказать ей, я для васъ все готовъ, а вы хоть бы меня чѣмъ маленькимъ когда порадовали. Почувствовалъ, знаете, въ себѣ вдругъ такое вдохновеніе, что просто бѣда— всю бы, кажется, подноготную предъ нею на ладонь выложилъ, тамъ она разсудай себѣ, какъ знаетъ, да казначейша проклятая полѣшала. Ввалилась, какъ буря какая, въ комнату и туда же съ вопросами:

— Ну, что письмоце, Панфилъ Ивановичъ?

Отвѣтилъ ей то же, что дочери.

— Ахъ, какъ это вы, право, неудачно трудились, говорить, неудачны вы, неудачны!

Точно я вѣтеръ какой, принеси имъ, что нужно!

— Ну, а ленты, Клусечка? спрашиваетъ. Удались-ли хоть ленты? Взяла ихъ также въ свои лапищи, вертѣла, вертѣла и наконецъ сказала:

— Вотъ за ленты такъ спасибо, просто прелесть; вы, скажу вамъ, золотой человѣкъ.

Обстоятельства, вижу, благоприятныя, расположеніе такое съ ихъ стороны дружественное—дай, думаю, заготовлю хоть напередъ что-нибудь себѣ, намекну пояснѣ казначейшѣ, посмотрю, какую она рожу сдѣлаетъ. Открылъ я, знаете, ротъ—нѣтъ, сударь мой, видно, что написано на роду, того не минуешь. Несетъ нелегкая кухарку.

— Матрена Павловна! съ почты писарь письмо принесъ!

Какъ я, знаете, стоялъ, такъ и прилипъ къ мѣсту. Позоръ, позоръ, такъ и чувствую, что позоръ надо мною висѣть. Какъ я, котораго просили, которому именно поручали, не могъ ничего сдѣлать, и вдругъ, какой-нибудь простой писарь!... Почтутъ за нежеланіе, за неспособность, за глупость!.. Такъ я возненавидѣлъ вдругъ этого писаря, что готовъ былъ проглотить его... Нужно было болвану соваться не въ свое дѣло, изъ-за какой-нибудь гривны.

Началъ я тихонько пятиться къ двери и вышелъ на крыльцо. Под-

жду, покуда эта проклятая эстафета появится. Идет наконец, вот я его въ руки принялъ:

— Ты кто такой? спрашиваю его.

— Писарь, отвѣчаетъ.

— Какой писарь? Развѣ ты не умѣешь сказать, какой именно? Что съ тобой, изъ плезиру что-ли разговаривають?.. А развѣ ты, въ комнату когда вошелъ, не видалъ, что офицеръ есть, что какъ франтъ какой согнулся? А зачѣмъ у тебя крючки не застегнуты? Да я тебѣ то, да я тебѣ другое!..

Вдругъ, ни къ селу, ни къ городу, опять казначейша. Высунулась въ двери и спрашиваетъ:

— На кого это вы такъ, Панфиль Ивановичъ, здѣсь кричите? Что это, батюшка, развѣ мой домъ плацъ-парадъ какой, что вы тутъ на крыльцѣ чутъ ли не экзекуцію производите? Да еще на кого?.. На такого золотого человѣка! Нѣтъ, ужъ это вы, пожалуста, представьте мнѣ. Ступай себѣ съ Богомъ, голубчикъ...

Нечего было дѣлать, пошелъ въ свою кануру и думаю: что мнѣ привязываться послѣ этого къ этимъ дурамъ? Кто у нихъ послѣ этого можетъ быть золотой человѣкъ, когда и меня золотымъ человѣкомъ называютъ, и писаря также? Какая у нихъ послѣ этого можетъ быть справедливость, какая привязанность? И за что я, ни за что, ни про что, распекъ бѣднаго писаря? Нѣтъ, любовь свела меня съ ума! Сильно я задумался.

— Что носъ такъ повѣсилъ, Панфилушка? спросила меня матушка.

Отговаривался, отговаривался и наконецъ признался, въ чемъ мое горе. Матушка только что качала головою, всплескивала руками да оплевывалась.

— Глупъ ты, Панфилушка, произнесла она наконецъ...

— Вижу, матушка, да ужъ видно грѣхъ такой.

— Какой тутъ грѣхъ, просто глупость. Вотъ ровню себѣ нашель. Тебѣ стоить только захотѣть, такъ за тебя любая купчиха замужъ пойдетъ, а то, экая невидаль, казначейша отставная!.. Чего тебѣ недостаетъ: и офицеръ ты, и отличія имѣешь, и молодець. Плюнь ты на обѣхъ.

— Именно плюну, честное слово плюну, подтвердилъ я, чувствуя, что матушка говорить правду.

— И имя-то какое—Фекла. Спросяеть, кто жена—Фекла.

— А въдь, въ-самомъ-дѣлѣ, подтвердилъ я. Что я могъ находить въ ней, не понимаю! Глаза, какъ глаза, носъ, какъ носъ.

— Просто ворона, начала матушка...

Тутъ матушку прервалъ голосъ Феклы Матвѣевны, тихенькій та- кой, знаете-ли...

— Панфилъ Ивановичъ, кричала она, Панфилъ Ивановичъ, пожа- луйте сюда...

— Не ходи, сказала мнѣ матушка, стой, я за тебя отвѣчу, что ты хоть, примѣрно, боленъ сдѣлался. Чтó ты, въ-самомъ-дѣлѣ, дельщикъ что-ли имъ какой достался? Вѣрно опять тебя на посылки готовятъ.

Силь не было послушаться, сползъ я внизъ къ казначейшѣ.

— Ну, говоритъ она, помиримтесь, Панфилъ Ивановичъ; на радо- сти я ужъ вамъ прощаю, что вы въ моемъ домѣ вздумали хозяйничать.

И, представьте себѣ, я то, дуракъ, ее же началъ благодарить, какъ- будто точно въ чемъ-нибудь виноватъ былъ. Поздравилъ ее, съ ра- достью, самъ не зная съ какою, нажелалъ съ три короба, и поплелся, по ея порученіямъ, опять въ своемъ казначействѣ недочетъ дѣлать.

Возвратился я веселый, какъ вешняя ласточка, а матушка сидитъ да дуется.

— Что, говоритъ мнѣ, ты за баба такая; какъ тебѣ не стыдно разсылнымъ быть?

Началъ я оправдываться тѣмъ, что у нихъ какая-то радость, и по- тому ихъ ничѣмъ не слѣдовало огорчать.

— Да знаешь-ли ты, радость-то какая?

— Почему мнѣ знать, отвѣчаю.

— То-то и есть; еслибъ ты зналъ, такъ ужъ вѣрно шагу бы не сдѣлалъ...

— Чтò-же такое? спрашиваю.

— Феклушкинъ жепихъ ѣдетъ, не нынче такъ завтра? Вотъ тебѣ твои и послуги!..

— Женихъ! повторилъ я такимъ голосомъ, какъ-будто надо мной прознесли приговоръ, и я былъ опозоренъ и лишенъ всего!.. Же- нихъ!.. Неправда, маменька!

Побожилась старушка...

— За кого же меня-то принимаютъ, проговорилъ я едва, едва... Разыгралось во мнѣ сердце.

Вскочилъ я, какъ сумасшедшій. И домъ мнѣ ненавистенъ сталъ, и Рязскъ, и міръ цѣлый. Такъ и казалось, что пробудъ я тамъ хотъ день лишній, тоска, зависть и досада задавятъ меня.

— Маршъ, говорю маменька, маршъ отсюда! Чтó, въ-самомъ-дѣлѣ, намъ нахлѣбниками быть?..

— Куда же маршъ-то? спрашиваетъ.

— Куда-нибудь, куда глаза глядятъ; будемъ своимъ домомъ жить...

— А деньги? спрашиваетъ.

Хлопнулъ я по карману. Почти все еще полугодное жалованье цѣло было.

— Вотъ, говорю; кланяться не будемъ.

— Хорошо, подтвердила матушка, а послѣ? Когда ты уѣдешь? Тогда что будетъ со мною?

Приздумался я крѣпко о томъ, что нужно было мнѣ дѣлать, и ничего не выдумалъ. Ударилъ я съ досады только кулакомъ по столу, и рѣшился терпѣть, ради матушки. Тутъ тоже у меня въ голову разныя мысли пришли, и увидаль я, что любить меня, кому бы то ни было, право не стоило. Многого у меня не доставало: ни отличій особенныхъ, ни учености, чтобы подѣ-часъ въ компаніи себя показать. Однимъ-словомъ, что мнѣ не слѣдуетъ пустяками голову занимать и что вся такая глупая блажь лѣзетъ отъ того лишь въ душу, что человекъ живетъ безъ занятія, безъ службы. Порѣшилъ я чѣмъ-нибудь заняться, да чѣмъ—вопросъ? Тряпки разныя невѣстѣ кроить не умѣю. Бѣгать имъ да расходоваться, слуга покорный! Сталъ я, знаете, книги читать, романы разные, и еще хуже стало, грустнѣе за себя. Во всѣхъ этихъ исторіяхъ кто-нибудь въ кого ни-на-есть да влюбляется, все между ними такое нѣжное происходитъ. Всѣ кавалеры такъ красно говорить умѣютъ, дамы имъ такъ пріятно отвѣчаютъ... Одинъ я только ни говорить такъ не умѣю, ни слова мнѣ никто пріятнаго не сказалъ... Далъ я себѣ слово всю дурь изъ головы выбросить, и въ-самомъ-дѣлѣ, на душѣ какъ будто легче сдѣлалось; срокъ отпуска кончался. Все хорошо пошло... Нѣтъ, какъ на зло, начала ко мнѣ подвертываться. Бывало, сидишь себѣ спокойно и мечтаешь, а она тутъ какъ тутъ. Да о чемъ вы задумались, да право мнѣ жаль васъ, да не развеселить—ли васъ чѣмъ? И поидеть, и поидеть, какъ сорока... Словомъ, такъ, бывало, вдругъ снова разчувствуетъ, что, кажется, такъ бы и заплакалъ передъ нею, какъ ребенокъ, и признался во всемъ. Казни или милуй, твоя волюшка.

— Нѣтъ, думаю, есть видно и для меня на свѣтѣ счастье... Можетъ—быть, еслибъ не женихъ...

И тутъ, знаете, мнѣ такая сумасшедшая мысль въ голову забрела, что и теперь страшно становится, когда о ней вспомнишь. Страхъ захотѣлось какъ-нибудь опозорить этого противнаго мнѣ человека. За опозореннаго ужъ ни за что замужъ не поидеть, думаю, но потомъ разсудилъ, что это ни къ чему доброму не поведетъ. Прослывешь за буяна, и все потеряешь, что ни приобрѣлъ... Порѣшилъ опять, что пусть будетъ что будетъ. Прошло этакъ нѣсколько времени. Началъ я отдаваться, и рѣдко когда сходилъ къ казначейшѣ.

— Что это вы такимъ невидимкою стали? спросить меня, бывало, казначейша.

— Такъ, сударыня, мѣшать вамъ не смѣю...

— Чѣмъ вы можете мѣшать; напротивъ, Клусечка объ васъ уже соскучилась.

— Да, подтвердила Фекла Матвѣевна, какъ на зло, когда васъ нужно, тогда васъ именно и нѣтъ!

— Что же вамъ угодно будетъ приказать мнѣ, спросилъ я, полагая, что опять хотятъ меня на посылки послать, и твердо рѣшившись отказать наотрѣзъ, что-бы обо мнѣ ни подумали.

— Ничего, отвѣчала она, я желала, чтобъ вы меня чѣмъ-нибудь развеселили.

— Никакихъ способностей для этого не чувствую въ себѣ, отвѣчалъ я ей.

— Полноте, вы такой услужливый... Хоть нынче; по-крайней-мѣрѣ, не уходите; я съ вами займусь.

— Чѣмъ это, думаю, мы заниматься станемъ? Дожидаюсь, стою, какъ чурбанъ какой...

— Размотаемте съ вами шелкъ, говорить...

— Только этого и недоставало, мотай поди съ нею шелкъ, какъ-будто я швейка какая!

— Никакихъ способностей, отвѣчаю, нѣтъ у меня для этого, недовольны останетесь...

— Полноте, полноте, говорить, вы такой добрый. Вы такой человекъ, что все умѣете...

— Право, сударыня, никогда этого дѣлать не случалось, отвѣтилъ я рѣшительно...

— Голубчикъ, Панфиль Ивановичъ!

Что было послѣ этого дѣлать? Растопырилъ я съ досадою руки, опутала она меня всего шелкомъ, и началось... Сперва мнѣ очень неприятно было, что мною помыкають, какъ мочалкой, и больше ничего; что я ей за мотовило такое достался; но послѣ самому приятно стало. Какъ, бывало, дотронется она своей ручкой до моихъ рукъ, да бранить какъ-то особенно ласково станеть, что я неловокъ, меня всего такъ и прожжетъ... Уткну я глаза въ землю, растеряюсь весь, а она такъ и улыбается...

Придетъ казначейша и начнетъ меня расхваливать, и то-то я, и другое то я, и преданъ-то я имъ, какъ сынъ родной, однимъ-словомъ, такъ объ обласкають, что цѣлый день радостный, прерадостный ходишь, угод о нивѣсть какую награду получилъ. Дотого, не повѣрите, опять

привязался, что чуть ли не съ самой зарю только и думаю, какъ бы поскорѣ сойти внизъ, да чѣмъ—нибудь прислужиться. Самъ, бывало, иногда придумываешь себѣ какую-нибудь работу.

— Ужъ вотъ хозяинъ-то! говоритъ, бывало, казначейша матушкѣ. Подлинно васъ такимъ сыномъ Богъ наградишь, что на рѣдкость... Еслибы мнѣ такого зятя Господь послалъ, какъ я была бы счастлива...

Разъ, знаете-ли, заболѣлъ я; раны такъ заныли, что я легъ на постель пластомъ и лежу. Не повѣрите, кажется, до самой смерти готовъ былъ я тогда пролежать. То казначейша ввалится ко мнѣ, то Фекла Матвѣевна взлетитъ, ахаютъ, жалбуютъ, ухаживаютъ, какъ за роднымъ.

— Видно крѣпко меня полюбили душою, а если полюбили, такъ чѣмъ же я хуже прочихъ? Такой же человекъ.

Какъ будто на зло, вдругъ еще мнѣ одна маленькая надежда польстила. Входитъ однажды ко мнѣ матушка, сердитая такая, бранить кого-то.

— Кого это вы браните, маменька? спросилъ я.

— Кого, какъ не вашего брата, мужчину, отвѣчала она мнѣ... Всѣ вы безсовѣстные!..

— Я такъ и захопалъ глазами послѣ такого отвѣта.

— Чтò это съ старушкою, думаю. Чтò такое случилось? Растолкуйте, пожалуста?

— Поди, спроси у казначейши, отвѣчала она, мое дѣло сторона, а то еще, пожалуй, скажутъ, что я ихъ бѣду разславляю. Знаешь, нарѣчевный—то женихъ, кажется, тягу далъ.

— Какъ тягу? вскричалъ я невольно.

— Да такъ, видно отказался. Казначейша бранить его—на чемъ свѣтъ стоять, а Фекла голосить во все горло..

— Голубушка моя! Неужели правда, вскричалъ я, такъ радостно, такъ радостно, что голосъ у меня дрожалъ.

Поздоровѣлъ я даже, и хоть довольно сильно меня поламывало, однакоже всталъ, приформился и сошелъ внизъ.

Казначейша была какъ-то надута, у дочери глазенки распухли. Право, у меня не злое сердце, а признаться, мнѣ было какъ-то пріятно, что она плачетъ и досадуетъ, что другой обманулъ ее. Мнѣ казалось, не знаю почему, что она должна была понять, что я никогда бы не сдѣлалъ ей никакой, даже маленькой, непріятности.

— Чтò это вы какъ-будто нездоровы? спросилъ я Феклу Матвѣевну. И вы, сударыня, тоже какъ-будто не въ духѣ, добавилъ я казначейшѣ...

— Мало ли чего не бываетъ, всего не перескажешь, отвѣчала она мнѣ сухо.

Я понялъ, что подвернулся не въ добрый часъ, но мнѣ очень хотѣлось чѣмъ-нибудь имъ показать, что мнѣ ихъ горе не чужое, хоть, признаться, въ душѣ-то я только радовался ихъ горю.

— Я слышалъ о вашемъ несчастіи и пришелъ, началъ было я...

Казначейша не дала мнѣ договорить.

— О какомъ несчастіи?

— Да вотъ, я слышалъ, отвѣчалъ я, что женихъ Феклы Матвѣевны пре-подлую надуванцію учинилъ.

Казначейша, вмѣсто благодарности, вскочила, и пошла, и пошла...

— Я, батюшка, насмѣшекъ отъ васъ не заслужила, вскрикнула она на меня...

— Сударыня...

— Нечего сударить, я за свое добро терпѣть подобныхъ вещей не хочу... Вы бы лучше, вмѣсто того, чтобъ приходиться да изъ-подъ тишка на смѣхъ поднимать, посоветовали вашей родительницѣ вамъ ничего не переносить... Она старая сорбка, скажите ей... сплетница, доложите ей... тараторка, чтобъ не сказать хуже...

Что ни говори, никакъ не урезонишь! Вбила себѣ въ голову, что я ей подосаждать пришелъ и уперлась на этомъ, какъ вошь.

— Если я чѣмъ оскорбилъ или помѣшалъ вамъ, сударыня, началъ я, простите великодушно, я не зналъ, не предполагалъ, чтобы я что-нибудь...

— Вѣрю, вѣрю, прервала она меня.

— Сейчасъ готовъ отретироваться, если угодно...

— Счастливаго пути! отвѣчаетъ...

Не повѣрите, чуть носъ дверьми мнѣ не прихлопнула, такъ озлилась, а за что, спрашиваю?

Пришелъ я наверхъ грустный прегрустный. Матушка замѣтила это и спросила, въ чемъ дѣло; я ей рассказалъ и началъ упрашивать, чтобъ она сходила и какъ-нибудь оправдала меня. Она не хотѣла и слушать.

— Вотъ еще стоить ходить, отвѣчала она, пусть ихъ ругаются, тебя отъ этого не убудетъ...

— Хорошо вамъ такъ говорить, замѣтилъ я, а побудьте въ моей кожѣ, не то бы зацѣли...

— А что въ твоей кожѣ? спрашиваетъ.

— Не приведи Богъ что. Кажется, умру съ тоски, если разстанусь съ нею...

— Съ Феклушкой-то?

— Да, маменька!

Повачала она головой...

— Совсѣмъ ты, кажется, съ ума сошелъ, Панфилушка, проговорила она. Куда ты, глупый, суешься. Развѣ онѣ человѣка ищутъ?

— Кого же и чего же, послѣ этого?..

— Званія, да чиновъ, да обхожденія. Прошедшій годъ капитанъ одинъ отставной сватался, да и тому казначейша дверь показала. Ей все подавай повыше, да познатнѣе, да поумнѣе.

— Да вѣдь и я, маменька, не все подпоручикомъ останусь, говорю я ей...

— Ну, тогда и сватайся, отвѣчала она мнѣ...

— А до-тѣхъ-поръ, что же?

— Брось!

Хорошо было ей говорить! мнѣ-то каково было!.. Я ну упрасивать, умаливать, упирается да и только.

— Нейду, говорить, что мнѣ брань-сахаръ что ли какой, что я глотать буду.

Насилу согласилась она идти. Слышу, подвнялась перепалка, и потомъ все тише и тише. Наконецъ, матушка возвратилась.

— Ну что? спросилъ я ее. Не сердятся на меня?

— Нѣтъ, присмирѣла, зоветь тебя внизъ...

— Неужели? вскричалъ я, ахъ, вы родная моя...

— Ладно, ладно, иди поскорѣе, да расскажи потомъ мнѣ, что у васъ тамъ будетъ..

Поплелся я, вхожу, кланяюсь, твержу опять, что никакого неудовольствія сдѣлать въ умѣ не имѣлъ...

— Знаю, знаю теперь, прервала меня казначейша, виновата. Я такъ была огорчена, что, кажется, весь свѣтъ бы за одинъ глотокъ съѣла.

Помолчала она потомъ немного, пожевала губами, и начала сама же рассказывать, что у нихъ произошло... Видите, написалъ имъ женихъ, что по порученію начальства, онъ куда-то года на два вдругъ долженъ ѣхать и потому, къ большому огорченію, отказывается отъ счастія

— Знаю я, произнесла наконецъ казначейша, какое это порученіе, это просто штука. Вѣрно какую-нибудь поглупѣе нашель... Каково это вамъ кажется, батюшка?..

Что она ни говорила, я всему подтакивалъ... Растаяла казначейша отъ лести.

— Вотъ, еслибы вы были этимъ человѣкомъ, добавила она наконецъ..

Открылъ я глаза пошире, молчу и слушаю, что она этимъ сказать хочетъ.

— Вы бы такой дерзости не сдѣлали...

— Видить Богъ, нѣтъ, отвѣчалъ я.

И такое у меня вдругъ краснорѣчіе явилось, что, кажется, такъ бы и объяснилъ ей все, да не дала мнѣ кончить.

— Жаль только, что васъ имъ нельзя никакъ передѣлать, прервала она меня, и вдругъ, какъ-будто ее кто дернулъ переменить разговоръ.

— Знаете-ли, что я намѣрена сдѣлать? сказала она.

У меня сердце такъ и вздрогнуло... Вѣдь бываетъ же иногда глупъ человѣкъ... Не знаю, съ чего мнѣ вообразилось, что казначейша скажетъ мнѣ:

— А что, Панфиль Ивановичъ, не ударить-ли мнѣ съ вами послѣ этого по рукамъ?..

— Не имѣю счастья, отвѣчалъ я, такимъ дрожащимъ голосомъ, что поскорѣ спѣшилъ закашляться, чтобы скрыть мое смущеніе...

— Я хочу припугнуть, по-крайней-мѣрѣ, этого негодяя. Какъ вы думаете, хорошо придумала?

Подтакнулъ я, и даже поклялся, что хорошо.

— Умѣете-ли вы писать? спросила она меня вдругъ.

— Помилуйте, можно-ли сомнѣваться... Грамматику какую-нибудь сочинить не могу, а что касается до всего прочаго, случилось все писывать — рапорты, отчеты, все выходило аккуратно и всѣмъ оставались довольны, отвѣчалъ я.

— Вы не такъ меня поняли, продолжала казначейша, я хотѣла васъ просить, чтобы вы написали отъ себя, какъ-будто какой родственникъ, что такіе поступки съ рукъ не сходятъ, да какъ-нибудь лучше припугнули его. Поняли?

— Понялъ, сударыня, отвѣчалъ я. Только мнѣ кажется, что вамъ самой лучше бы было адресоваться.

— Боюсь, чтобы какихъ-нибудь неприятностей не нажить, сказала она.

— Ишь ты хитрая птица какая! подумалъ я. Сама въ петлю лѣзть не хочетъ, такъ другой за нее иди...

— Такъ напишете? спросила она,

И представьте, хотѣлъ рѣшительно отвѣчать — нѣтъ, не могу на себя я принять такой обязанности, а сказалъ:

— Извольте, почту за большое счастье!

— Так нынче же и распорядитесь.

— Слушаю—съ, отвѣчалъ я.

Хотѣлъ, было, опять начать рѣчь о собственной своей персонѣ, да куда и зѣвнуть не дали...

— Идите, идите, говорить, нечего время терять...

Пошелъ я, почесывая голову.

— Что я ей напишу? никогда такихъ вещей писать не приходилось. Осрамлю я себя, думаю, увидить она, что я съ этой стороны очень неловокъ, и прощай тогда ко мнѣ все уваженіе...

— Ну что, спрашиваетъ меня матушка, зачѣмъ тебя звали... Опять что-ли за покунками...

— Покупки бы еще ничего, отвѣчалъ я, и рассказалъ, что на меня навязала казначейша...

— Ну что-жь, сказала матушка?

Не понимала, знаете, старушка. Растволковалъ я ей все подробно. Призадумалась она...

— Что же ты теперь станешь дѣлать? спросила она меня. Какъ ты выпутаешься?

— Ума не приложу, маменька; вотъ еслибы какого бывалаго человѣка найти...

Призадумалась она опять...

— Пашла, вскричала она... не человѣкъ, а ума палата... Бѣда только вотъ въ чемъ, можетъ-быть... Пьявъ онъ часто бываетъ; можетъ и теперь запылъ.

— Такъ что же, подожду, покуда онъ выспится...

— Иной разъ недѣли двѣ придется ждать...

Струсилъ я немножко, нечего сказать.

— Кто же такой? спросилъ я.

— Близо живетъ тутъ — Миловидовъ.

Растволковала мнѣ матушка, гдѣ онъ живетъ, и отправился я къ нему, какъ воръ, знаете, какой, чтобъ меня не увидѣли, да не заподозрили, что я самъ писать не умѣю...

Прихожу, отыскалъ я этого Миловидова... Не повѣрите, рожа такая, что посмотрѣть страшно. Глаза красные, распухлые, брыле какъ у какого мопса висятъ; волосы вклоченные. Страшилище такое... Объяснилъ я ему, въ чемъ дѣло... Такимъ сочинителемъ вдругъ сдѣлался самъ, что и не вообразите себѣ. Навралъ съ три короба, что и сестра-то у меня есть, что и то-то, и другое-то... Однимъ-словомъ, все дѣло изложилъ.

— Можно? спрашиваю.

— Можно, отвѣчаетъ онъ мнѣ.

— Такъ сдѣлайте милость, прошу я его, не откажитесь пособить, буду благодаренъ...

— Сторгуемся, какая благодарность. Что дадите?..

— Хоть полтинникъ готовъ вамъ дать, отвѣчалъ я.

Откашлянувшись Миловидовъ, и закачалъ головой...

— Вѣдь это сочиненіе, произнесъ онъ: надо его написать по всѣмъ правиламъ хріи, съ началомъ, серединой и концомъ...

Взглянуль я на него, не пьянъ-ли онъ, что такую ерунду говорить, какъ-будто можетъ быть что-нибудь на землѣ безъ начала и конца. Нѣтъ, оказался трезвехонькимъ...

Твердитъ только одно, какъ пьяный, что онъ за сочиненіе меньше взять никакъ не можетъ пяти рублей.

Усовѣщеваль, усовѣщеваль я Миловидова, представляль ему разные резоны, насилу урезонилъ.

— Такъ ужъ и быть, сказалъ онъ, возьму съ васъ два рубля...

— Полтора, отвѣчалъ я рѣшительно; пусть лучше сестра плачетъ, а ни копѣйки не дамъ...

— Экой вы, говоритъ мнѣ, чугунный, давайте, такъ ужъ и быть, напишу вамъ.

Написалъ онъ, нечего сказать, очень хорошо. Такихъ цвѣтковъ понабросалъ, что я съ перваго-то раза, признаться, и не понялъ. Только при третьемъ все ясно какъ день стало... Извѣстно, ученый народъ; объ малой мухѣ просто не скажетъ, а все съ высока, такъ, что на облака лѣзь да разжевывай, что онъ тамъ себѣ желалъ выразить...

Расплатился я, переписалъ письмо своей рукой и принёсъ къ казначейшѣ. Перечитала она сама раза два и сказала.

— Написано хоть и красно, и уму вашему честь большую принести, а нукуда не годится!..

— Вотъ тебѣ и здравствуй, думаю, кума-Савишна, напрасно нарядилась, какъ барышня; хорошъ кафтанъ, да дырявъ карманъ, улыбнулись мои полтора цѣлковика, какъ простая копѣчка.

Стою, дожидаясь объясненія, почему нехорошо.

— Что вы тутъ понаписали? спросила меня казначейша.

— Что вы приказывали.

— Этакихъ ужасовъ я вамъ никогда не приказывала, да и въ умѣ даже не имѣла.

Вздыхнулъ я, и больше ничего.

— Къ чему вы тутъ аспида-то, да василиска приплели? продолжала казначейша.

— Такъ, къ слову пришлось, отвѣчалъ я, не находя въ головѣ другаго отвѣта.

— Нечего-сказать, придумали словечки, за которыя и меня съ вами могутъ затаскать; назвали бы просто негодяемъ, деликатнѣе бы было...

Давалъ я въ эту минуту въ душѣ порядочнаго туза Миловидову, да разсудилъ, что онъ могъ быть невиноватъ: все же онъ лучше възбал-
мошной женщины зналъ, что писать и чего не писать; тому ужъ и учился.

— И не тотъ смыслъ во всемъ письмѣ, продолжала она, какъ это вы, право, не могли понять! Вы написали тутъ такъ, чтобы онъ, кажется, и показываться къ намъ не смѣлъ. Я этого совѣмъ не желаю, я не злопамятная женщина. Кто на своемъ вѣку худаго не дѣлалъ? Образумится, такъ снова милости просимъ; я прощаю обиды.

— Хороша ты! подумалъ я: развѣ доброе дѣло меня такъ мучить? Чѣмъ я заслужилъ, что ты меня какъ на угольяхъ жарить!

Пристала ко мнѣ, напиши да напиши ей новое, какъ я ни отговаривался, что способностей не имѣю, ничего не слушаетъ.

— Не можетъ быть, говорить, стыдитесь и говорить это!

Что было дѣлать? Отправился я опять къ Миловидову. А онъ ужъ едва лыко плететь. Стоитъ передъ нимъ, знаете, штофъ почти пустой, а отъ двухъ сельдей только однѣ косточки валяются. Не знаю, что онъ уже тогда думалъ и за кого меня принималъ, только началъ говорить со мной по-латынѣ. Я ему слово скажу, онъ мнѣ два на своемъ языкѣ проболтаетъ... Никакъ съ нимъ не совладаешь. Какъ я его ни просилъ, какъ ни обѣщалъ вдвое заплатить, чтобъ онъ мнѣ новое письмецо написалъ въ другомъ родѣ, ничего слушать не хочетъ... указываетъ на штофъ, бормочетъ по-латынѣ, хлопаетъ по карману, да мотааетъ головой...

Лентай ты, братъ, подумалъ я, никогда себѣ копѣйки, съ такимъ характеромъ, не скопишь, и пошелъ домой, рѣшившись самъ попробовать счастья...

Началъ я писать, переписывать; чуть только хорошенькое словечко въ умъ придетъ, а тутъ, какъ на зло, и звучитъ снизу голосъ казначейши.

— Ну что, готово-ли?..

Такая, знаете, азардная женщина была.

— Кончилъ, дописываю, отвѣчаю ей, а у самого, куда, едва начало клеится.

Проворчить: Эхъ, какіе вы скучные съ вашими кончиками .. и уйдетъ; черезъ минуту опять:

— Ну, что же вашъ кончикъ?

Выбился я, знаете, изъ силъ, написалъ просто, что если моль раздумаете, такъ милости просимъ, прощаю вамъ все. Показалось хорошо, и что же? Чуть все не разорвалъ...

— За что же, думаю, мнѣ на самого себя смерть накликать, за что?

— А за что же тебя дуракомъ—то назовутъ?

Скрѣпился и понесъ свое писанье. Прочитала казначейша.

— Хорошо, сказала она, только, кажется, ужъ слишкомъ нѣжно. Можетъ еще подумать, что мы сами напрашиваемся... Впрочемъ, хорошо, благодарю... Клушечка, закричала она, а Клушечка, поди сюда, посмотри, какъ тебѣ нравится...

Вышла она блѣдная такая, разстроенная, что даже жаль смотрѣть на нее...

— Что такое? спросила она.

— Да вотъ хотимъ мы его усовѣстить.

— Кого это?

Растолковала казначейша въ чемъ дѣло; куда, и слушать не хочетъ. Чудо-жизненокъ, такъ, кажется, и упалъ бы ей въ ноги. Такъ, знаете, мнѣ по душѣ такое упрямство пришлось...

— Ну, думаю, теперь ты мнѣ братъ не опасенъ; теперь на тебя такъ зубы наточили, что лучше и не показывайся.

И вдругъ меня тутъ же раздумье взяло.

— А что, если баринъ—то образумится, да падетъ снова какъ снѣгъ на голову? Плохо будетъ! И не разсудилъ, знаете, что и срокъ отпуски моего приближался, что если хочу что—нибудь попытать, такъ надо пробовать скорѣе. Вертѣлось одно на умѣ: прїѣдетъ, да прїѣдетъ! Такъ, кажется, почтовой колокольчикъ въ ухахъ и звѣнѣлъ... Засѣла у меня такая дурь въ голову, что даже и теперь, черезъ столько лѣтъ, признаться совѣстно... Письмо у меня въ карманѣ; дай, думаю, пошло Миловидово письмо, отрѣжу всякую дорогу.

— И вѣрно не поддались этому желанію? спросилъ я Панфила Ивановича...

Онъ быстро спряталъ лицо между руками, и весь какъ-то робко съежился, какъ-будто его изблчили въ преступленіи.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, судите меня, какъ хотите, а послалъ; что дѣлать, слабъ человекъ!.. Только дрожалъ я, сильно дрожалъ, когда отдавалъ его на почту; такъ и чудилось, что за мною стоитъ казначейша и хочетъ остановить меня за руку. Цѣлый день потомъ мучила меня совѣсть, но наконецъ все прошло мало-по-малу. Обстоятельства, знаете, другія совершенно пошли. Бывало, только утро настанетъ, уже и зовутъ къ казначейшѣ.

— Развеселите чѣмъ-нибудь Клушеньку, Панфилъ Ивановичъ, упрасиваетъ она меня.

— Да чѣмъ же, спрашиваю, сударыня...

— Расскажите что-нибудь, занимательное, что вы видѣли, гдѣ побывали, напримѣръ.

И начнешь, бывало, имъ рассказывать про то, про се... выбираешь самое страшное, самый жаркій огонь, самую горячую схватку... Слушаютъ, слушаютъ, и вдругъ заголесятъ обѣ:

— Ахъ, оставьте, оставьте, что вамъ за охота говорить такіа страсти. Лучше что-нибудь веселенькое.

Поди имъ выдумывай веселенькое; гдѣ мнѣ было его взять. Перескочишь, бывало, тогда въ мирное время, начнешь рассказывать, какъ я въ Бессарабіи жилъ. И такъ, знаете, начнутъ онѣ обѣ подробно о тамошнихъ Цыганахъ разспрашивать, какъ-будто собираются сами съ ними въ таборѣ жить.

— А что, спрашиваетъ меня Фекла Матвѣевна, умѣете вы говорить по-цыгански?

— Умѣю, сударыня...

— Поговорите, пожалуста...

— Съ кѣмъ же говорить-то прикажете, спрашиваю.

— Да съ самимъ собою. Скажите что-нибудь.

Вотъ, бывало, и начну я имъ болтать, а онѣ за каждымъ словомъ и спрашиваютъ, что оно значитъ. Обыкновенно отвѣчаешь имъ, и такъ, знаете, пріятно, было мнѣ имъ показать, что и я кое-гдѣ въ свѣтѣ терся, и кое-что знаю. Хотѣлось мнѣ крѣпко сказать ей однажды:

— Чаму деманъ чай, ромные! то-есть, поцалуи меня, красавица, и потомъ перевести, чтобы узнать по лицу, что она чувствуетъ, да

какъ-то языкъ не смѣлъ повернуться. Неопытецъ я еще былъ въ такихъ дѣлахъ, знаете...

— Иногда даже, не повѣрите, я и плясывалъ имъ, продолжалъ Панфиль Ивановичъ, помолчавъ немного. Пристанутъ: спляши имъ какую-нибудь цыганскую, вотъ и станешь имъ колѣна откалывать, отбросивъ костыль всторону.

Бывало, такую иногда рожу, отъ боли, сдѣлаешь, что онѣ такъ и покатыя со смѣха, а мнѣ радостно такъ, что сказать вамъ не могу... Словомъ, такъ меня онѣ наконецъ полюбили, что день и ночь одна только мысль и вертится въ головѣ:

— Сватайся Панфиль Ивановъ, ей-братъ, не зѣвай! сватайся поскорѣе.

Во снѣ даже все мерещилось; такъ и казалось, что кто-то нашептываетъ на ухо: сватайся, эй-братъ, сватайся.

Дня три я какъ въ туманѣ бродилъ; такъ меня и подмываетъ, такъ и подмываетъ. Пошелъ я однажды раненько къ обѣднѣ, помолился усердно, отслужилъ молебень и пришелъ домой прямо къ матушкѣ.

— Маменька, началъ я, будьте благодѣтельница, сослужите службу, вѣкъ не забуду...

— Какую? спрашиваетъ.

— Неужели не угадываете?

— Гдѣ мнѣ, глупой, отвѣчаетъ, скажи-какую?

— Отнесите эту просфору къ казначейшѣ.

— Какая это служба, и такъ бы, безъ просьбы снесла, отвѣчала мнѣ матушка. Давай, или лучше самъ снеси, вѣжливѣе будетъ.

— Эхъ, маменька, говорю, это еще не просьба, а просьба впереди будетъ; сватайте меня, умоляю я ее, скажите обѣимъ, что просто, дескать, Панфилушка жить безъ Феклы Матвѣевны не можетъ, то-есть, какъ свѣча таетъ — вотъ и все!

Всплеснула матушка руками и покачала головой; качаетъ да и только.

— Ты никакъ съ ума сошелъ, Панфилушка, повторяю тебѣ опять, въ сотый разъ, ты съ ума сошелъ... Откажутъ онѣ тебѣ, осрамимся мы, и больше ничего...

Насилу уговорилъ. Покачала она головой, вздохнула разъ нѣсколько и пошла. Потомъ опять воротилась, опять начала меня уговаривать. Ничего я не слушаю. Ушла она.

Хожу взадъ и впередъ, ни живъ, ни мертвъ, точно въ лихорадкѣ; вдругъ слышу...

Тутъ Панфилъ Ивановичъ пріостановился, хлопнулъ по столу кулакомъ, и сказалъ:

— Ну, да нечего рассказывать; конецъ, вѣрно, сами угадали, а то бы мы съ вами здѣсь не встрѣтились; впрочемъ, пожалуй.

Вотъ хожу я и слышу смѣхъ, радостный, громкій такой знаете. Не знаю, почему показался онъ мнѣ счастливымъ знакомъ. Обрадовался я. Вскорѣ взошла и матушка. Я отъ волненія и не замѣтилъ, что у нея лицо все отъ досады какъ-то покосило.

— Ну что, матушка, спросилъ я, что хорошаго; съ чѣмъ возвратились?

— Съ чѣмъ пошла, отвѣчала она; говорила тебѣ, что осмѣютъ насъ, — такъ и случилось... Посовѣтовали тебѣ полечиться; казначейша говорить, что у тебя вѣрно Турки мозгъ повредили, что ты ей такую сбыточную вещь предлагаешь... Осмѣяли съ ногъ до головы, не знаю, какъ ты къ нимъ послѣ этого и глаза покажешь...

— Что мнѣ до казначейши, вскричалъ я, что она, главное, маменька, что она отвѣчала?

— Отвѣтъ ты ее чай слышалъ, сказала мнѣ матушка: ее послѣдній отвѣтъ развѣ только глухой не слыжалъ.

— Такъ это она смѣялась? проговорилъ я, невольно присаживаясь, отъ какой-то непонятной слабости.

— Кому же какъ не этой дурищѣ, заключила матушка...

Едва я не заплакалъ, какъ ребенокъ. Прости мое счастье. И зачѣмъ, вопросъ, я такъ долго хлопоталъ? Чтобъ быть осмѣяну, опозорену, изгнану, такъ-сказать.

Черезъ часъ казначейша попросила меня къ себѣ. Я пришелъ къ ней, какъ осужденный на смерть...

— Не ожидала я отъ васъ такихъ глупостей, сказала она мнѣ: я почитала васъ умнымъ и разсудительнымъ человѣкомъ...

Сталъ я жалобно, прежалобно просить у нея прощенья.

— Богъ васъ проститъ, отвѣчала она мнѣ, только совѣтую вамъ уѣзжать отсюда поскорѣе... Недѣлей раньше, недѣлей позже, для васъ ничего не значить... А для насъ это важное дѣло. Дочь моя дѣвушка взрослая, пойдетъ про нее молва, что вы на ней сватались, такъ, знаете, не хорошо будетъ. Вамъ нужно еще служить; а жениться время всегда будетъ, еще успѣете, вы еще не такъ стары...

Словомъ, такъ отдѣлала, что хоть сквозь землю готовъ былъ провалиться...

Поклонился я ей и пошелъ, и тутъ же, не откладывая, началъ собираться въ походъ. Извѣстно, какіе могли быть мои сборы — чемоданчикъ, да и валий по вѣсѣ по тремъ...

Когда все у меня было готово, я пошелъ проститься съ казначейшею, такъ твердо, какъ-будто въ душѣ у меня спокойно, хоть я не спалъ цѣлую ночь и глаза такъ вепухли, что совѣстно прямо смотрѣть было.

Простилась она со мною, какъ ни въ чемъ не бывалая, пожелала счастливаго пути, и Феклуша тоже, улыбалась только, не знаю чему, да впрочемъ мнѣ тогда все-равно было.

— Что это у васъ глаза какъ-будто распухли? спросила она.

— Насморкъ, сударыня, отвѣчалъ я.

— Ахъ, такъ намажьте переносицу саломъ, сказала она мнѣ; хотите, мы вамъ на дорогу свѣчу дадимъ... Насморкъ неприятная вещь!.. Что было отвѣчать на это?

— Съешь ее сама, подумалъ я, да подавись при этомъ; а между тѣмъ поблагодарилъ за услугу, свѣчу даже, не повѣрите, принялъ, пусть, думаю, тѣшится, благо въ послѣдній разъ.

Какъ ни плакала матушка, я былъ какъ каменный; только когда отѣхалъ я версты съ полторы отъ города, мнѣ снова такъ взгрустнулось, что я велѣлъ ямщику остановиться.

Домикъ казначейши едва былъ видѣнъ между прочими домами.

— Что-то тамъ говорятъ обо мнѣ, подумалъ я. Смѣются-ли? Жалуютъ-ли немного?.. И что теперь будетъ съ моею бѣдной старушкой матерью?.. Дуракъ я, дуракъ!

Толкнулъ я ямщика въ спину, посулилъ ему на водку и полетѣлъ на рысяхъ... Гдѣ я проѣзжалъ, что ѣлъ, что пилъ, кого видѣлъ—ничего я не помнилъ до самаго мѣста—словно все въ туманѣ передо мной было... Только, когда пріѣхалъ я въ полкъ, отлегло немного отъ души,—товарищи, знаете, компанія, рассказы, служба, все это мнѣ какъ-то помогало повеселѣть. Потомъ опять тоска нашла и перепросился я на Кавказъ... Былъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, и чуть только получу какое-нибудь отличіе, точно ребенокъ зарадуюсь. Сейчасъ придетъ въ голову, что, можетъ-быть, и въ Ряжскъ какъ-нибудь печатный приказъ попадетъ, что и тамъ прочтутъ, какъ Иванфиль дѣйствуетъ, и мо-

жетъ-быть, вспомануть обо мнѣ; еслибъ можно было имѣть крылья, я бы самъ, кажется, слеталъ туда на минутку послѣ каждаго приказа...

Панфиль Ивановичъ приостановился на минуту.

— Сталь я потомъ образовываться, началъ онъ снова...

— Все хотѣлось, знаете, что-нибудь побольше знать, чтобы въ послѣдствіи хотя гдѣ, въ обществѣ, не уронить себя и умѣть обходиться съ дамами. Все, грѣшный человекъ, Феклушка на умъ подвертывалась, все ей хотѣлось сказать: Смотри-моль, знай нашихъ! Мы сами съ усами!.. И если признаться сказать, прибавилъ онъ, поглядывая на меня робко изъ подлобья, когда я узналъ, что у васъ въ Рязанской губерніи имѣніе есть, я изъ кожи лѣзъ, чтобы передъ вами въ чемъ-нибудь лицомъ въ грязь не ударить; да видно я еще все такимъ же дикаремъ остался, какъ и былъ, да что дѣлать. Одного только прошу, прибавилъ онъ: если когда случится быть вамъ въ Ряжскѣ, и случится вамъ когда-нибудь и меня вспомануть, хоть солгите, голубчикъ, да только не выдавайте меня, а скажите, что вы моль меня видѣли, что я уже давно капитанъ, что порядокъ у меня хорошій; ну, пожалуй, — прибавилъ онъ, послѣ мгновенной остановки, — похвалите меня, если нашли во мнѣ что хорошаго... Право, докончилъ онъ, не замѣчая моего намѣренія увѣрить его, что я съ радостію исполню его желаніе, — право, иногда сидишь и думаешь: что, еслибъ на мое укрѣпленіе напало тысячи три Черкесовъ, я бы отразилъ ихъ, разбилъ бы ихъ въ пухъ и прахъ, и пошелъ бы гулять тогда Панфиль Ивановъ по всей матушкѣ Россіи. Ужъ тогда вѣрно бы и до Феклушки дошло. Какъ вы думаете, стало бы ей досадно, что она такъ меня осмѣяла, или нѣтъ?

— Я полагаю, подтвердилъ я.

— И я тоже. Вотъ отчего я и желаю побывать опять въ Ряжскѣ, по-крайней-мѣрѣ, хоть маіоромъ; пощеголять передъ нею и потомъ раскланяться. На, моль, видѣла, каковы мы!..

— Теперь я убѣжденъ, прервалъ я Панфила Ивановича, въ истинѣ, что любовь можетъ творить героевъ.

— Помилуйте, отвѣчалъ онъ простодушно, героемъ я и безъ любви бы сдѣлался. Все это въ волѣ начальства и въ случаѣ. Что прикажутъ, то и сдѣлаю; ни на шагъ не отступлю.

— Вы, однакожъ, постоянны въ вашемъ чувствѣ.

— Въ какомъ!

— Въ вашей любви къ Феклѣ Матвѣевнѣ.

— И нѣтъ, отвѣчалъ Панфиль Ивановичъ: я нисколько не люблю ее, во мнѣ только теперь говорить самолюбіе...

— Но согласитесь, что вмѣстѣ съ самолюбіемъ смѣшивается у васъ и любовь, сказала я Панфилу Ивановичу. Признайтесь, капитанъ; въ такомъ постоянномъ чувствѣ, какъ ваше, нѣтъ ничего смѣшнаго...

— Если ужъ вамъ сказать по душѣ, отвѣчалъ онъ, такъ кажется, что я и теперь люблю ее.

— И еслибъ вы ее теперь увидѣли, и она была бы свободна...

— Я бы опять попытался, не посчастливится-ли мнѣ, отвѣчалъ онъ.

— Но вѣдь она теперь стара.

— Да вѣдь и я тоже старше сталъ, перебилъ онъ меня, не желая прямо выразиться, что онъ уже именно сталъ старичкомъ... Да и что проку въ молоденькихъ-то, добавилъ капитанъ, поди, разузнавай ихъ еще, какъ онѣ-себѣ, а ужъ эту я знаю.

— Получали-ли вы когда извѣстія о ней въ-продолженіе этого времени? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Панфиль Ивановичъ: ко мнѣ и писать-то нельзя было, потому-что я постоянно перемѣнялъ стоянки, покуда не назначенъ былъ въ эту крѣпость. Не хотѣлось мнѣ въ крѣпости остаться. Самъ впрочемъ я послалъ вѣсточку въ Рязскъ, когда меня произвели въ штабсъ-капитаны, и посылку также туда послалъ, съ однимъ проѣзжимъ, который долженъ былъ проѣзжать чрезъ нашъ городъ... Не знаю, доставилъ-ли онъ ее, или нѣтъ. Можетъ-быть, позабылъ, злодѣй, тогда опять пропали мои денежки; и вещицы славныя были; я долго выбиралъ ихъ, и увѣренъ, что все остались довольны моими подарками... У насъ, знаете, въ это время былъ поручикъ, Петръ Семеновичъ, чудакъ такой, весельчакъ, человѣкъ, который всего попробовалъ, такъ онъ тоже мнѣ помогалъ. Передумали мы съ нимъ довольно что послать. Этотъ Петръ Семеновичъ, нужно вамъ сказать...

Я видѣлъ, что капитанъ опять хочетъ продлить свой рассказъ какимъ-нибудь новымъ вводнымъ, и поспѣшилъ встать съ мѣста.

— Не пора-ли намъ отдохнуть, капитанъ, сказала я: вашъ рассказъ меня очень растрогалъ...

— Благодарю васъ, голубчикъ, сказала Панфиль Ивановичъ, потрясая мою руку: въ-самомъ-дѣлѣ и меня самого, знаете, эта исторія немало того... понимаете.

И я отправился въ свое отдѣленіе, за коверъ...

Панфилъ Ивановичъ еще долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ глубокомъ раздумьи, которое прерывалось иногда только словами:

— Да, да, нехудо опять побывать въ Ряжскѣ, да посмотрѣть, что тамъ дѣлается... Потомъ онъ началъ пѣть свою обычную пѣню, потомъ декламировалъ стихи... потомъ... Но... дальнѣйшихъ его мечтаній я уже не слышалъ...

Порученіе, данное мнѣ, было исполнено, и вскорѣ послѣ исторіи, какъ выражался Панфилъ Ивановичъ, я поѣхалъ обратно въ Тифлисъ. Капитанъ прощался со мною долго и нѣжно, какъ съ любимымъ братомъ.

— Прощайте, прощайте, прощайте, повторялъ онъ, усаживая меня на тележку: служите хорошенько, Богъ милостивъ, начальство, быть-можетъ, васъ опять къ намъ пришлетъ.

— А въ Ряжскѣ будете? спросилъ онъ меня, постоянно вѣрный своей думѣ.

— Не знаю, право.

— Постарайтесь, мамочка, если и ее не захотите искать или видѣть, такъ, по-крайней-мѣрѣ, что-нибудь о городѣ самомъ мнѣ напишите. Большое доставите удовольствіе...

Я обѣщалъ, Панфилъ Ивановичъ поцаловалъ меня разъ десять, обнимая такъ крѣпко, что у меня чуть не трещали кости, и едва-едва рѣшился наконецъ освободить изъ своихъ мощныхъ рукъ. Онъ долго еще потомъ стоялъ на валу, долго еще доносился до меня его голосъ, его громкое ауканье, покуда даль не уничтожила его слабого отголоска.

Черезъ годъ я поѣхалъ въ Россію, и проѣзжая чрезъ Ряжскъ, въ которомъ долженъ былъ пробыть нѣсколько дней, я вспомнилъ о Панфилѣ Ивановичѣ, и страшное любопытство, по крайней-мѣрѣ, взглянуть на предметъ его долгой привязанности овладѣло мною. Я употребилъ все стараніе отыскать, по даннымъ, нужную мнѣ Феклу Матвѣевну, и наконецъ удостоился встрѣтить ее на вечерѣ у городничаго. Она была уже давно замужемъ и окружена чуть ли не десяткомъ дѣтей. То была толстая, красновидная женщина, довольно впрочемъ пріятной наружности. Я постарался съ нею сблизиться и завести разговоръ о Панфилѣ Ивановичѣ.

— Вамъ свидѣтельствуется свое почтеніе Панфилъ Ивановичъ, сказалъ я.

— Какой Панфилъ Ивановичъ? спросила она.

Я назвалъ его фамилію.

— Хоть убейте, не помню! отвѣчала она.

Я привелъ ей на память всѣ обстоятельства.

— А! произнесла она равнодушно: покорно васъ благодарю...

— Онъ объ васъ постоянно воспоминаетъ, продолжалъ я...

— Много чести!

У этой женщины не было въ сердцѣ никакой внимательности къ бѣдному Панфилу Ивановичу. Мнѣ показалось даже, что разговоръ о немъ былъ ей досаденъ. Я старался возбудить въ ней хоть искру сочувствія.

— Онъ просилъ меня справиться, сказалъ я, вспомнивъ, что Панфилъ Ивановичъ рассказывалъ мнѣ о своихъ покупкахъ: получили-ли вы его подарки?

— Ему бы не слѣдовало и помнить о его подаркахъ, отвѣчала мнѣ Фекла Матвѣевна, покраснѣвъ еще болѣе обыкновеннаго...

Я посмотрѣлъ на нее въ удивленіи, не понимая рѣшительно причины такого гнѣва.

— Чѣмъ такъ могла васъ оскорбить его внимательность? произнесъ я.

— Извините-сь, проговорила Фекла Матвѣевна, вставая съ мѣста, можетъ-быть вамъ неизвѣстно, что я и полагаю, а то бы я приняла этотъ вопросъ за насмѣшку...

— Сдѣлайте одолженіе, объясните мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, сударыня, просилъ я Феклу Матвѣевну...

— Ни у какой дамы не поднимется на это языкъ, отвѣчала она. Это можетъ объяснить вамъ мой Федоръ Ильичъ, докончила она, удаляясь отъ меня.

Я поснѣшилъ освѣдомиться у Федора Ильича, маленькаго, тощаго старичка, который поминутно подчивалъ себя табакомъ и постоянно ко всему прислушивался.

— Чѣмъ могъ заслужить Панфилъ Ивановичъ гнѣвъ вашей супруги? спросилъ я.

— Помилуйте, отвѣчалъ онъ мнѣ: какъ чѣмъ? Да этотъ старый повѣса сдѣлалъ ей такое оскорбленіе, за которое его слѣдовало бы подъ судъ отдать, еслибъ я зналъ, гдѣ его отыскать...

— Какъ! за дружескіе подарки?..

— Хороши подарки! Вообразите себѣ, что этотъ старый, не знаю, какъ и назвать его, прислалъ ей какую-то шелковую куртку, да, съ позволенія сказать, тутъ онъ наклонился мнѣ къ уху, и приставя руку въ видѣ ширмы, прошепталъ: шелковыя шальвары... Что онъ въ комедіантки что-ли ее изволилъ прочить?

Несмотря на всю мою любовь къ Панфилу Ивановичу, я не могъ удержаться отъ самаго громкаго, чистосердечнаго смѣха... Вотъ чѣмъ онъ окончательно вооружилъ противъ себя Феклу Матвѣевну въ простотѣ своей души. Фекла Матвѣевна почла радужный подарокъ капитана, дорогую черкесскую одежду, за самую злую насмѣшку. Вотъ что произвела его почти дѣтская неопытность...

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЖИВОПИСИ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ.

Искусства и науки получаютъ свое начало и развиваются только съ образованіемъ благоустроеннаго государства, а потому и живопись получила первое свое существованіе въ Египтѣ, гдѣ исторія упоминаетъ о государствахъ, возникшихъ гораздо прежде, нежели въ другихъ странахъ. Въ самыя отдаленныя времена, еще при Рамзесѣ Великомъ (около 1450 г. до Р. Х.), дѣянія царей и вообще событія въ государствѣ, достойныя особаго замѣчанія, изображались на барельефахъ и картинахъ; но имена главныхъ дѣятелей на поприщѣ живописи древняго міра, по отдаленности времени и по малымъ успѣхамъ искусства, намъ совершенно неизвѣстны; поэтому мы начнемъ говорить о живописи съ того времени, когда развитіе государственнаго благоустройства и общественное образованіе приняли болѣе широкіе размѣры. Умственное развитіе египтянъ, при частомъ и неизбѣжномъ столкновеніи ихъ съ сосѣдними народами, имѣло вліяніе на нравственный бытъ послѣднихъ. Въ числѣ многихъ изобрѣтеній, перешедшихъ отъ египтянъ къ другимъ народамъ, было и искусство живописи; но нигдѣ оно не получило такого развитія, какъ въ Греціи, подъ ея вѣчно-голубымъ небомъ, съ видами вѣчно-зеленѣющей природы, въ странѣ, гдѣ народъ болѣе другихъ современныхъ ему поколѣній былъ воспримчивъ и болѣе другихъ могъ понять все прекрасное. Какъ въ Египтѣ, такъ и въ южной Азіи, природа, въ сравненіи съ Греціею, болѣе роскошна и климатъ гораздо теплѣе, а потому обитатели этихъ странъ были изнѣжены и неспособны къ труду и постоянной умственной дѣятельности; предаваясь безпечной лѣни, они предоставляли самой природѣ заботиться объ ихъ будущности. Напротивъ, въ Греціи климатъ гораздо суровѣе и требуетъ заботы, труда, а слѣдовательно, и дѣятельности ума. Вотъ главная причина, почему греки, заимствовавъ отъ египтянъ живопись, довели ее до того совершенства, что успѣхи древнихъ художниковъ ихъ приводятъ въ изумленіе, между-тѣмъ какъ у другихъ народовъ это искусство не восходило дальше посредственности.

Первыя времена образованія греческихъ государствъ — времена героическія, и главнымъ занятіемъ народа было война; а потому, ум-

ственное образованіе находилось на низшей степени. Но когда гражданское благоустройство возникающихъ государствъ начало входить въ свой свѣтлый періодъ, общественное просвѣщеніе подвинулось впередъ, вмѣстѣ съ искусствами. Живопись, какъ одинъ изъ способовъ воспроизведенія фантазіи человѣка и какъ одно изъ средствъ ясно передавать памяти потомства дѣянія великихъ людей, прославившихъ свое отечество, также нашла ревнителей, которые неуспынными трудами и тщательнымъ изученіемъ природы, лучшаго и непремѣннаго оригинала для картинъ, подвигали это искусство впередъ, до-тѣхъ-поръ, пока оно не сдѣлалось вполне изящнымъ. До Кимона живопись въ Греціи находилась въ младенчествѣ; художникъ подъ изображеніями предметовъ подписывалъ и значеніе ихъ; такъ напримѣръ, нарисовавъ человѣка, лошадь или вола, онъ отмѣчалъ на картинѣ: это человѣкъ, лошадь или волъ. Но въ концѣ V и въ началѣ IV вѣка до Р. Х. живопись начала достигать высшаго развитія, особенно при Периклѣ, который употреблялъ огромныя суммы для пріобрѣтенія произведеній искусства и поощренія художниковъ, чтобъ имѣть возможность украсить Аѣины. Вѣкъ Перикла почитался золотымъ вѣкомъ искусства.

Уже въ VI столѣтіи существовали двѣ школы, іоническая или малоазійская, въ Эфесѣ, и аттическая, въ Аѣинахъ; а въ послѣдней половинѣ V вѣка возникла третья, сикіонская, противоположная по характеру двумъ первымъ, о которой мы будемъ говорить ниже. Развѣтіе іонической школы можно отнести къ началу V вѣка, при сильномъ покровительствѣ, оказываемомъ искусствамъ значительными лицами того времени. Характеръ этой школы отражаетъ въ себѣ всѣ особенности іоническаго племени — нѣжность и грацію, а потому въ этой школѣ преобладаетъ нѣжность колорита, совершенная оконченность обработки и мягкость рисунка.

Относительно же технической стороны произведеній искусства можно сказать, что живопись грековъ была вообще двухъ родовъ, *стѣнная* (фрески), или *на доскахъ*; въ этомъ послѣднемъ случаѣ сухія краски соединялись обыкновенно какимъ-нибудь клейкимъ веществомъ. Въ-послѣдствіи образовался особый родъ живописи, въ которой краски приготавливались съ воскомъ (*encaustica*); для этого приготавливали восковыя цвѣтныя пластинки, которыя прежде соединялись на доскѣ въ сухомъ видѣ, а потомъ уже сплавливались посредствомъ жаровни. При дальнѣйшемъ усовершенствованіи, живопись на восковыхъ краскахъ походила на нашу масляную, и въ противоположность фрескамъ, яркостью красокъ придавала картинѣ блистательный эффектъ. Но вѣроятно, сложность этого рода живописи препятствовала распространенію ея, по-

тому—что въ исторіи живописи мы рѣдко встрѣчаемъ имена художниковъ, которые занимались бы энкаустикою. Подъ вліяніемъ іонической школы развивалась и аттическая, такъ что между ними не дѣлаютъ никакого различія.

Изъ древнѣйшихъ замѣчательныхъ художниковъ имена немногихъ дошли до насъ; такъ напримѣръ: *Клеантъ* коринфскій первый началъ рисовать силуэты; потомъ встрѣчаются *Ардику* и *Телефанъ*, усовершенствовавшіе линейный рисунокъ; *Клеофанъ*, введшій въ употребленіе монохромную или однокрасочную живопись, и наконецъ *Кимонъ* кліонейскій,—первый, старавшійся придавать фигурамъ на своихъ картинахъ жизнь и движеніе, и обращавшій большое вниманіе на драпировку. Эти имена и нѣкоторыя изъ послѣдующихъ заслужили громкую извѣстность и должны быть памятны въ исторіи живописи, какъ первые, можно сказать, творцы искусства, потому что до нихъ живопись была на такой низкой степени, что не заслуживаетъ почти никакого вниманія.

За этими художниками слѣдуетъ: *Полигнотъ*, съ острова Эазоса, получившій право аѳинскаго гражданина. Хотя онъ прибылъ въ Атику еще при Кимонѣ, въ 463 году до Р. Х., но, какъ видно изъ другихъ источниковъ, достигъ полной извѣстности гораздо позже. Нѣкоторые писатели обозначаютъ годомъ жизни Полигнота 420 годъ, хотя въ это время онъ достигъ уже высшей степени славы. Онъ работалъ въ разныхъ храмахъ, внутри и внѣ Аѳинъ; многія его картины находились въ Пропилеяхъ, въ Аѳинахъ. Въ Дельфахъ онъ нарисовалъ: покореніе Трои, отплытіе грековъ изъ-подъ стѣнъ разрушенной Трои въ отечество, и шествіе Одиссея въ Андъ.

Изъ современниковъ его замѣчательны: *Дионисій* колофонскій, подражатель Полигнота; *Тимантъ* патмосскій, котораго одна изъ превосходнѣйшихъ картинъ была—жертвоприношеніе Ифигеніи. *Онатъ* эгинскій, *Миконъ* аѳинскій, изобразившій Тезея, и *Паненъ*, братъ Фидія, величайшаго греческаго ваятеля, творца статуи Юпитера Олимпійскаго. Тронъ Юпитера былъ рописанъ Паненомъ. Послѣ побѣды аѳинянь надъ персами, на Марафонскомъ-полѣ, для большаго прославленія этого событія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменитаго полководца Мильтіада, была заказана Панену картина, съ изображеніемъ этой битвы. Мильтіадъ представленъ здѣсь первымъ въ числѣ десяти вождей, идущихъ впереди своего войска. Картина эта была помѣщена въ аѳинской картинной галлерей, называемой Пекиль.

Во-время-персидскихъ войнъ, преимущественно послѣ пораженія персовъ при Мараонѣ, при Платей и мысѣ Микалѣ, греки приобрѣли большія сокровища и очень разбогатѣли, въ слѣдствіе чего явилась ро-

сюшь въ частной жизни. Жители городовъ украшали произведеніями живописи, ваянія и зодчества, не только храмы, но и свои дома. Между-тѣмъ и служители Мельпомены и Таліи сдѣлали большой шагъ въ усовершенствованіи своего искусства, сдѣлавшагося необходимымъ для развлечения народа, который могъ вѣрно судить объ изящномъ, понималъ назначеніе сцены и, само-собою разумѣется, требовалъ, чтобы каждая піеса была играна при соотвѣтствующей обстановкѣ; поэтому въ это время декоративная живопись развилась значительно. При такихъ обстоятельствахъ, во второй половинѣ V вѣка, явился художникъ *Аготархъ*, неутомимо работавшій для афинскаго театра и въ частныхъ домахъ, и далеко подвинувшій декоративную живопись.

Велѣдъ за нимъ, въ концѣ того-же столѣтія, афинянинъ *Аполлиторъ* еще болѣе усовершенствовалъ живопись изобрѣтеніемъ свѣтлѣнн. Онъ первый началъ помышлять о такъ-называемомъ собственно живописномъ эффектѣ, и примѣнять къ работѣ законы освѣщенія. Въ картинахъ его каждому предмету придаваемъ былъ особенный колоритъ, съ надлежащими тѣнями. Онъ стремился, посредствомъ постепеннаго освѣщенія, выразить настоящую округлость каждой вещи. До него живопись не выходила еще изъ своего младенчества, хотя и были сдѣланы важныя открытія; но съ узнаніемъ тайнъ тоновъ и тѣней, изученіе живописи становилось не столь труднымъ, какъ прежде, и таланты начали достигать полнаго развитія. Примѣры этому мы видимъ въ двухъ послѣдующихъ художникахъ, именно: *Парразіи* и *Зевксисѣ*.

Парразій афесскій и *Зевксисъ* гераклеійскій, жившіе около 429 года до Р. Х., были оба ученики іонической школы, соперники въ искусствѣ, друзья *Перикла* и художники, которые трудомъ приобрѣли огромнѣйшія состоянія.—*Парразій* блисталъ въ народѣ роскошью наряда; онъ всегда носилъ платье багрянаго цвѣта, надѣвалъ на голову золотой вѣнецъ, банты на сандаляхъ прикрѣплялъ золотыми завязками, жезлъ его былъ съ золотыми колечками. Замѣчательныя произведенія этого художника, также какъ и другихъ, извѣстны намъ только изъ описаній, а потому мы по необходимости, должны основываться на сужденіяхъ современныхъ имъ цѣнителей. Говорятъ, что *Парразій* имѣлъ состязаніе въ живописи съ художникомъ *Тимантомъ* самосскимъ, и нарисовалъ для этой цѣли «Аякса, спорящаго съ *Одиссеемъ* за оружіе *Ахиллеса*»; однако былъ побѣжденъ своимъ соперникомъ. Несмотря на это, произведенія его возбуждали удивленіе современниковъ. Изъ многочисленныхъ работъ его извѣстны: картина «*Тезей*» и рисунокъ «битва кентавровъ», сдѣланный имъ для щита *Минервы Паллады*, отлитой изъ бронзы *Фидіемъ*. *Парразію* приписываютъ также усовершенствованіе ри-

сунка человеческого тѣла; въ фигурахъ его видны—отсутствіе шероховатостей и совершенная округленность.

Зевксисъ не уступалъ въ искусствѣ своему сопернику *Парразию*. О славѣ, которою пользовалась кисть этого художника, можно судить по его огромному состоянію, пріобрѣтенному имъ, впрочемъ, безъ большихъ хлопотъ:—нарисовавъ портретъ Елены, онъ показывалъ его всеѣмъ за опредѣленную цѣну. Недостатка въ зрителяхъ не было, потому—что это образцовое произведеніе изумляло всеѣхъ знатоковъ искусства того времени. Изъ другихъ работъ его также заслуживаютъ особеннаго вниманія «*Пенелопа*» и «*Семейство кентавровъ*». Отличительная черта его кисти—мягкость колорита и нѣжность женскихъ фигуръ. Рассказываютъ, будто *Зевксисъ* такъ естественно изобразилъ кисти винограда, что птицы, обманутыя яркостью красокъ, прилетали съ намѣреніемъ полакомиться ягодами; но художникъ этотъ, въ свою очередь, былъ обманутъ занавѣсью, нарисованною *Парразіемъ* на доскѣ.

Говоря о живописи, нельзя не упомянуть и о скульптурѣ, какъ искусствѣ, развитіе котораго тѣсно связано съ развитіемъ первой, тѣмъ болѣе, что живопись древнихъ грековъ, преимущественно въ концѣ V вѣка, многимъ была обязана вааянію. Скульптура въ это время шла впередъ быстрыми шагами. Знаменитый *Агеладъ*, изъ *Аргосса*, и его ученики: *Поликтетъ*, *Миронъ* и аѣнинянинъ *Фидій* (около 498 г. до Р. X.) изумляли древній міръ своими работами, особенно послѣдній, котораго статуя *Юпитера Олимпійскаго* почиталась чудомъ совершенства. Потомъ ученики *Фидія*: *Агорокристъ*—изъ *Паросса*, *Алкоменей* (448 г. до Р. X.) шли на поприщѣ искусства по слѣдамъ учителя, и скульптура, при такихъ условіяхъ, приблизилась до возможной степени къ идеалу. Другіе художники, какъ — *Поликлетъ сикіонскій* ваятель, *Агенотъ аѣнскій*, изваявшій статуи *Гармодія* и *Аристокитона*; потомъ *Агезандръ родосскій*, съ сыновьями *Поликротомъ* и *Аѣнодоромъ*, прославившіеся группою *Лаокоона*; *Аристоней*, ваятель аѣнской школы, все создавали замѣчательныя произведенія.

При успѣхахъ скульптуры живопись, приходившая съ нею въ безирравныя соотношенія, начала принимать другой характеръ—натура заняла свое мѣсто въ области фантазій, и точность рисунка сдѣлалась неизбѣжною при нѣжности колорита; тщательное затушевываніе потеряло свою цѣну. Это всего яснѣе видно въ произведеніяхъ *Эвномна*, сикіонскаго живописца и математика, жившаго около XIII олимпіады (404—400). Первымъ учителемъ его былъ *Эвксенидъ*; но потомъ онъ слѣдовалъ одной натурѣ, подчинившись вліянію характера сикіонской скульптуры, и послѣдователямъ *Поликлета*. Работы *Эвномна* отличаются строгимъ изу-

ченіемъ натуры, классическою отдѣлкою, точностью и отчетливостью рисунка. Онъ положилъ первое начало сикіонской школы, совершенно противоположной въ своемъ направленіи іонической, которая, какъ намъ уже извѣстно, отличалась только нѣжностью рисунка; между-тѣмъ какъ сикіонская назначила для себя главнымъ правиломъ—обращать все вниманіе на изученіе натуры и точность рисунка.

Изъ учениковъ и послѣдователей Эвпомпа замѣчательнъ *Памфилъ*, преподававшій искусство уже чисто академически и образовавшій величайшаго живописца своего времени.— Апеллеса, который почитался совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ греческихъ художниковъ.

Апеллесъ, жившій отъ 356 по 298 годъ, родился, по мнѣнію нѣкоторыхъ, въ Эфесѣ, а по другимъ, въ Колофонѣ, на островѣ Косѣ. Первымъ учителемъ его былъ *Эфоръ*, живописецъ эфесскій; потомъ онъ поступилъ въ знаменитую въ то время сикіонскую школу, подъ руководство Памфила, гдѣ вскорѣ достигъ совершенства и превзошелъ своего учителя. Впослѣдствіи онъ переехалъ въ Македонію и приобрѣлъ дружбу Филиппа, царя македонскаго. Въ царствованіе Александра, около СХІІ олимпіады (328—324 г. до Р. X). кисть Апеллеса пользовалась громкою извѣстностью во всей Греціи, такъ что Александръ не позволялъ снимать портретовъ съ себя никому другому, кромѣ этого великаго художника. Древніе писатели передаютъ намъ одинъ анекдотъ, который можетъ въ нѣкоторой степени объяснить, какъ характеръ этого художника, такъ и короткія отношенія его съ Александромъ Македонскимъ. Когда Апеллесъ нарисовалъ его сидящимъ на любимомъ конѣ Буцефалѣ, и по окончаніи представилъ этотъ портретъ на судъ Александра, то благородное животное, бывшее въ то время подъ великимъ сѣдокомъ, увидѣвъ свое изображеніе, заржало; между-тѣмъ какъ Александръ не очень удивлялся кисти художника. Апеллесъ, оскорбленный замѣчаніями, сказалъ ему: «и Конь твой, любитъ живопись»... Изъ замѣчательныхъ произведеній этого художника извѣстны: Венера Анадіомена, Антигона, спящая Венера и Александръ Молніеносецъ, съ перуномъ въ рукѣ; послѣдняя картина была поставлена въ эфесскомъ храмѣ, по смерти Александра Великаго, въ СХVІІІ Олимпіадѣ (304—300 г. до Р. X). Апеллесъ нарисовалъ нѣсколько портретовъ царя Антиоха. Отличительная черта характера картинъ Апеллеса—грація, въ чемъ древніе почитали его неподражаемымъ; такому убѣжденію служить несомнѣннымъ доказательствомъ его картина, — выставленная въ храмѣ Эскулапа на островѣ Косѣ,—«Венера Анадіомена, вышедшая изъ морскихъ волнъ и выжимающая мокрые волосы». Это образцовое произведеніе начато Апеллесомъ въ послѣдніе дни его жизни, и, къ сожалѣнію, не окончено;—

смерть, постигшая его въ 298 году до Р. Х., на островѣ Косѣ, помѣшала ему окончательно отдѣлать картину. Ни одинъ изъ современныхъ живописцевъ не осмѣливался взять на себя, послѣ Апеллеса, трудъ — окончить это безсмертное твореніе знаменитаго художника. Апеллесъ былъ не менѣ замѣчательнъ и въ героической живописи, особенно въ идеальныхъ портретахъ древнихъ героев. Плиній говоритъ, что Апеллесъ употреблялъ только четыре краски, которыя умѣлъ самъ составлять изобрѣтеннымъ имъ способомъ. Самая большая похвала кисти этого художника заключается въ томъ, что въ честь его искусство живописи названо было—*Arg Apellesia*. Еще замѣчательно въ жизни Апеллеса то, что онъ для достиженія полного совершенства въ искусствѣ выставлялъ всѣ произведенія свои въ какомъ-нибудь храмѣ на судъ народа и пользовался совѣтами каждаго, слушалъ замѣчанія не только художника, но и сапожника. Такое довѣріе къ отзывамъ другихъ послужило первымъ примѣромъ публичныхъ выставокъ произведеній искусства.

Нѣкоторые ставятъ въ параллель съ Апеллесомъ *Мелантія*, тоже ученика Памфила.

У Апеллеса былъ меньшей братъ, *Ктезилохъ*, впрочемъ далеко уступающій ему въ искусствѣ. Онъ между-прочимъ славился шутивнымъ изображеніемъ рожденія Вакха изъ чреслъ Юпитера.

Изъ современниковъ Апеллеса болѣе другихъ извѣстны:—*Аристидъ* оивскій, жившій отъ 370—330 годъ. Его работы отличаются страстными и трогательными изображеніями; такъ, напримѣръ, онъ нарисовалъ раненную, при взятіи города, мать, которая уже борется со смертію, но все еще удерживаетъ груднаго ребенка, чтобы онъ не сосалъ крови вмѣсто молока.

Эскіонъ—славился изображеніемъ грацій и стыдливости, что можно замѣтить въ одной изъ его картинъ. «Новобрачная».

Наконецъ, третій былъ *Павзаній* сикіонскій, работы котораго отличаются декорационнымъ направленіемъ. Ему первому приписываютъ украшеніе потолковъ живописью, особенно фигурами мальчиковъ, потому—что до него разрисовывались однѣ только стѣны. Онъ также съ большимъ искусствомъ употреблялъ живопись восковыми красками, для достиженія яркаго колорита въ цвѣтахъ, и считается лучшимъ художникомъ въ этомъ родѣ. Изъ превосходныхъ картинъ его извѣстна: «Гликерія, вьющая вѣнокъ.»

Во второй половинѣ IV вѣка также прославился *Протогенъ*. Къ его работамъ очень удобно можно отнести выраженіе: *Nihil otiosum, nihil sterile* (ничего празднаго, ничего безплоднаго), потому—что для изученія натуры и тщательной отдѣлки онъ не жалѣлъ ни времени, ни

трудова; въ каждой мелкой подробности хотѣлъ онъ дойти до совершенства; такъ напримѣръ, надъ портретомъ Ламиса онъ трудился семь лѣтъ.

За нимъ слѣдуетъ *Никій* аѳинскій, трудолюбивѣйшій художникъ. Говорятъ, что онъ часто до того углублялся въ работу, что забывалъ ѣсть, и спрашивалъ невольниковъ, мылся ли онъ и завтракалъ ли. По словамъ нѣкоторыхъ писателей, онъ старался соединить въ своихъ картинахъ важность композиціи древнихъ аттическихъ художниковъ съ современнымъ ему развитіемъ искусства. Изъ работъ его въ этомъ родѣ замѣчательна картина: «Царство мертвыхъ», сочиненная имъ по Гомеру.

Далѣе встрѣчаются: *Теонъ* самосскій, прославившійся своими фантазіями; *Антифилъ*, владѣвшій искусствомъ — придавать картинамъ большой эффектъ. Онъ принадлежалъ къ тому роду живописцевъ, которыхъ работы въ настоящее время извѣстны подъ именемъ *genre*. Картины его, славныя по красотѣ и эффекту: «Мальчикъ, раздувающій огонь, и «Шерстодѣльная мастерская». Потомъ славились: *Никостратъ*, *Полидорій*, *Макаонъ*, *Галатонъ*, изобразившій Гомера и другихъ поэтовъ.

Въ III и II столѣтіи героическая и вообще историческая живопись въ Греціи начала быстро упадать, вмѣстѣ съ упадкомъ нравственности народа, и возвышаться мозаическое искусство. Однако, и при такомъ незавидномъ состояніи художествъ, мы встрѣчаемъ еще на поприщѣ живописи одно великое имя послѣдователя сикіонской школы. *Евфраноръ*, жившій въ СЛІ олимпіадѣ, около 168 г. до Р. Х., успѣшно занимался, какъ живописью, такъ и скульптурою. Произведенія его кисти отличаются строгимъ изученіемъ природы, вѣрностью рисунка человѣческаго тѣла и полною округленностію. Замѣчательнѣйшія картины его слѣдующія: «Битва еиванцевъ, подъ предводительствомъ Эпаминонда, съ лакедемонянами, при Мантинеѣ»; «двѣнадцать боговъ»; «умъ, притворяющійся безумнымъ»; «Латона, рождающая Аполлона, Діану и Юнону.» Онъ иногда, вмѣсто кисти, брался за перо; изъ его произведеній въ послѣднемъ родѣ извѣстны разсужденія: о пропорціи человѣческаго тѣла и о составѣ красокъ.

Предметами такъ называемой натуральной живописи были вещи обыденной жизни, какъ-то: кухонная посуда, внутренности лавокъ, домашнія животныя, фрукты, овощи и тому подобное. Въ этомъ родѣ славился художникъ *Паренкъ*. Изъ первыхъ художниковъ, занимавшихся мозаическимъ искусствомъ, упоминается о *Созонѣ* пергамскомъ, почти современникѣ Паренка. На полу одной комнаты онъ представилъ лоханъ, по краямъ которой сидѣли голуби, и грѣясь на солнцѣ, пили

изъ нея воду. Вокругъ лохани были изображены разбросанныя хлѣбныя крохи.

Вскоръ пала и знаменитая Греція. Римскій консулъ Муммій, въ 146 году, разбилъ послѣднія силы ахеевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей Эллады, разрушилъ Коринѣ, и объявилъ Грецію римскою провинціею, подъ именемъ Ахаіи. Многіе греческіе художники переѣхали въ Римъ, а съ ними, можно утвердительно сказать, и искусство переселилось въ Италію. Римская живопись, до покоренія Греціи, не представляетъ никакихъ замѣчательныхъ произведеній, поэтому, объ ней нельзя сказать ничего положительнаго; но послѣ присоединенія Греціи къ Риму, живопись, подъ управленіемъ пріѣзжихъ художниковъ, сдѣлала большіе успѣхи въ Римѣ, хотя въ началѣ и не было на этомъ поприщѣ ни одного знаменитаго живописца собственно изъ римскихъ гражданъ. Изъ замѣчательныхъ художниковъ того времени болѣе всѣхъ прославился въ Римѣ *Тимомахъ*, византійскій художникъ, котораго кисть пользовалась особеннымъ уваженіемъ во времена Юлія Цезаря (46 г. до Р. Х.). Онъ заслужилъ громкую извѣстность искуснымъ и вѣрнымъ изображеніемъ человѣческихъ страстей. Изъ произведеній его достойны особеннаго вниманія два: первое—«*Медея, покушающаяся убить своего ребенка, но еще колеблющаяся между состраданіемъ и местию*»;—копія этой картины находится на одной стѣнѣ въ Геркуланумѣ; другое—«*Оскорбленный Аякъ, но скрывающій свой гнѣвъ*». Обѣ эти картины были куплены Юліемъ Цезаремъ за 80 талантовъ. Изъ прочихъ работъ Тимомаха извѣстны: «*Орестъ*», «*Ифигенія въ Тавридѣ*». Въ это же время славилась искусствомъ живописи *Лала*, изъ Казика.

Императоръ Октавій Августъ (30 до Р. Х. — 14 по Р. Х.), заботясь о благосостояніи своего государства, покровительствовалъ также искусствамъ и наукамъ; литература, художества и театръ процвѣтали въ его время. Развитіе изящнаго вкуса несомнѣнно влекло за собою усовершенствованіе стѣнной и декоративной живописи; тѣмъ болѣе, что тогда преимущественно обращено было вниманіе на театръ, какъ на одинъ изъ главныхъ предметовъ общественнаго увеселенія, о которомъ императоры болѣе всего заботились. Украшеніе фресками стѣнъ въ частныхъ домахъ было необходимымъ слѣдствіемъ роскоши. Какъ фрески, такъ и декоративная живопись состояли обыкновенно въ изображеніи заманчивыхъ морскихъ видовъ, садовъ, каналовъ, и тому подобное; а потому хотя вѣкъ Августа и считается золотымъ вѣкомъ искусствъ и наукъ въ Италіи, но ландшафтная живопись много вредила исторической, и тогда же началъ обнаруживаться упадокъ ея, который при тираніи преемниковъ Августа: Тиверія, Каллигулы и Нерона, уве-

личился еще болѣе. Последний изъ этихъ недостойныхъ императоровъ, сжегши Римъ, при перестройкѣ его, заботился исключительно объ украшеніи общественныхъ зданій; а потому при такихъ неутѣшительныхъ обстоятельствахъ, декоративная живопись приобрѣла совершенный перевѣсъ надъ историческою. Во времена Августа, на поприщѣ декоративной живописи славился художникъ *Лудій*, рисунки котораго очень хорошо сохранились на стѣнахъ Геркуланума и Помпей.

Но несмотря на видимый упадокъ искусства, еще изрѣдка являются имена великихъ художниковъ, поддерживающихъ своими талантами и трудами живопись, стремящуюся къ идеалу. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе императора Адриана (117 — 138 г.), — славился *Аеціонъ*, извѣстный своею картиною «Бракъ Александра и Роксаны». Сюжетъ этого произведенія слѣдующій: Роксана — идеаль дѣвственной красоты, сидитъ у брачнаго ложа, потушивъ глаза, стыдись стоящаго предъ нею Александра. Амуры улыбаются ей; одинъ изъ нихъ снимаетъ башмаки съ ногъ ея, другой срываетъ съ головы ея покровъ и указываетъ Александру на его молодую супругу, — нѣкоторые лежатъ около ложа и на оружіи царя. Гефестіонъ, какъ другъ жениха, стоитъ подлѣ него съ пылающимъ факеломъ.

Послѣ этого художника, римская живопись, перейдя въ руки рабовъ, пала совершенно, вмѣстѣ съ величіемъ самой имперіи; — политическія смуты, слабость императоровъ и частые набѣги варваровъ уничтожили всякое стремленіе къ искусствамъ и наукамъ. Живопись лишилась своихъ великихъ дѣятелей, и почти цѣлое тысячелѣтіе ожидала, — вмѣстѣ съ устройствомъ новыхъ государствъ, новыхъ жрецовъ искусства. Исторія итальянской живописи, до возстановленія ея великимъ Чимабуэ, не представляетъ ничего интереснаго. Впрочемъ, при основаніи восточной римской имперіи и при возраставшемъ ея гражданскомъ благоустройствѣ, — въ этой новой державѣ, основанной на развалинахъ старыхъ, образовалась восточная или византійская живопись, которая хотя и не возвышалась но брала явный перевѣсъ надъ западною. Византійскія школы образовали многихъ живописцевъ, трудившихся не только въ своемъ отечествѣ, но исполнявшихъ работы и въ другихъ государствахъ. Въ Римѣ и во всей Италиі ихъ было очень много, да и первые итальянскіе художники, такъ-называемые возстановители итальянской живописи, имъ же обязаны начальными познаніями искусства живописи.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

(Съ открытія театра послѣ Великаго-поста до закрытія его предъ Успенскимъ-постомъ).

Дѣятельность московскаго театра. — Открытіе русскихъ спектаклей послѣ поста — Новые костюмы. — Прощальный спектакль г-жи Ирки-Матіасъ. Ея біографія — Бенефисъ г. Усачева: «Нѣмая сиротка Лиза», драма въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г. Анца, «Дипломатія жены, или рецептъ для исправленія мужей», комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, «Женихъ по ошибкѣ, или за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь», водевиль въ 1 дѣйствіи, «Жидъ за печатью», шутка въ 1 дѣйствіи. — Дивертисементъ. — Прощальный спектакль г. Щепкина. — Обѣдъ въ честь М. С. Щепкина, по случаю его отъѣзда за границу. — Возвращеніе Н. М. Медвѣдовой. — Бенефисъ г. Ольгина: — «Утро молодого человѣка», сцены, соч. А. Н. Островскаго, «Лекарь», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. В. А. Вонлярскаго, «Солдаты-Балагуръ, или дружба-дружкой, а служба-службой», оригинальная интермедія-водевиль, въ 1 дѣйствіи, соч. актера П. Григорьева 1-го. — Бенефисъ г. Акимова, (режиссера): «Бенвенутто Челлини», драма въ 5 дѣйствіяхъ и 7 картинъ, соч. Поля-Мёрса — Сцены изъ комедіи: «Житейская школа», соч. П. И. Григорьева 1-го. — Бенефисъ г. Колосова: «Дядюшка Федоръ Ивановичъ Русаковъ», комедія въ 1 дѣйствіи, соч. Карелина. — «Разлука также наука», комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ, соч. П. Григорьева 1-го. — «Жилецъ и жилица въ одной квартирѣ», водевиль въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго актеромъ С. Байковымъ. — «Папиросы съ сюрпризами, или саратовскій медвѣдь», фарсъ à propos, въ 1 дѣйствіи, соч. Графа В. А. Соллогуба. — Бенефисъ г. Черкасова: «Идіотъ или Гейльбергское подземелье», драма въ 5 актахъ и 8 картинахъ, перев. съ франц. «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума», комедія-

водевиль въ 1 дѣйствіи, Ѳ. А. Кони. — Исторія Каспара Гаузера, драма изъ этой исторіи и исполненіе этой драмы. — Бенефисъ г. Пѣшкова: Второй актъ балета: «Сварливая жена». — Второй актъ балета: «Сильфиды», соч. Тальони. — «Жена или карты», комедія водевилъ въ 1 дѣйствіи, соч. П. И. Г. — «Цыганка», водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. Н. Крестовскаго. — Бенефисъ г. Никифорова: «Пари», драма въ 2 дѣйствіяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ, соч. князя Г. В. Кугушева. — «Настроилъ, разстроилъ и устроилъ», водевиль въ 1 дѣйствіи. — «Чудакъ-покойникъ, или таинственный ящикъ», комедія водевилъ въ 1 дѣйствіи, переводъ съ французскаго П. А. Каратыгинымъ. — Бенефисъ г-жи Васильевой: «Людскіе толки», комедія въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Н. П. Ермолова. — «Жена какихъ много, или мужъ какихъ мало», комедія водевилъ въ 1 дѣйствіи, соч. П. Г. — Странное явленіе. Содержаніе комедіи Н. П. Ермолова. Нѣсколько словъ объ ея достоинствѣ и причины ея неуспѣха на сценѣ. Бенефисъ г. Соловьева (режиссера). «Старая аристократка» (Pani Kaztelanowa). комедія въ 1 дѣйствіи, переводъ съ польскаго С. Соловьева. — «Чему быть, того не миновать» (Porszedniczka), комедія съ куплетами въ 1 дѣйствіи и 2-хъ картинахъ, передѣланная съ польскаго С. Соловьевымъ. — «Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ», водевиль въ 1 дѣйствіи С. Соловьева. — «Медовый мѣсяцъ, или какъ проводятъ время молодые», комедія въ 1 дѣйствіи, заимствованная съ французскаго актеромъ С. Байковымъ. — Репетиція бенефисному спектаклю, картина дивертисманъ въ 1 дѣйствіи, съ пѣніемъ и танцами «Движущійся столъ», сцены изъ современной московской жизни, соч. В. И. Р.

Московскій театръ, по открытіи послѣ поста, отличался большою дѣятельностію. Въ-теченіе одного мѣсяца было на немъ двѣнадцать бенефисовъ (стало-быть, почти по три бенефиса въ недѣлю). На каждый бенефисъ круглымъ числомъ приходится по три новыхъ или вновь поставленныхъ пьесъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были даже въ семь и въ восемь актовъ (какъ, напримѣръ: Бенвенутто Челлини, Идіотъ) и несмотря на такую огромную дѣятельность московскаго театра, ограниченнаго, по случаю пожара Большаго-театра, только одною сценою Малаго, неизмѣющаго даже достаточнаго мѣста для репетицій, почти всѣ вновь поставленныя пьесы были хорошо срепетованы и успѣшно сыграны.

Русскій театръ открылся послѣ Великаго-поста; 24 апрѣля, пьесою Сухонина «Русская свадьба въ концѣ XVII столѣтія», о которой не разъ было говорено въ «Пантеонѣ». Въ Москвѣ эта пьеса исполняется хорошо, хотя исполнителямъ ея и можно сдѣлать кой-какія замѣчанія. Нельзя не похвалить новыхъ костюмовъ, которые сдѣланы для этой пьесы. Старые сгорѣли во-время пожара Большаго-театра. Такихъ прекрасныхъ костюмовъ мы никогда не видали на нашей сценѣ. Право, можно сказать, вмѣстѣ съ Скалозубомъ:

Пожаръ способствовалъ имъ много къ украшенью!

И даже нетолько имъ, но вообще всѣмъ костюмамъ нашего театра. Теперь всѣ они новенькіе, съ иголки, любо дорого смотреть.

30 апрѣля былъ прощальный спектакль любимицы московской публики, талантливой танцовщицы Ирки-Матіасъ. Ирка-Матіасъ родилась

во Франціи, въ Лионѣ, 4 декабря 1829 года (стало-быть ей теперь отъ роду 23 года съ половиною). Двѣнадцати лѣтъ отъ роду, она отвезена была въ Парижъ, гдѣ съ большимъ успѣхомъ изучала танцевальное искусство у извѣстнаго балетмейстера Мазилье.

Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, Ирка-Матіасъ дебютировала въ Руанѣ и поступила на тамошній театръ. Дирекція королевскаго театра въ Гагѣ сдѣлала молодой танцовщицѣ выгодныя предложенія, и Ирка-Матіасъ явилась на сценѣ гагскаго театра. Тамъ она танцевала два года и оттуда пріѣхала въ Москву, гдѣ дебютировала 17 сентября 1847 года, на сценѣ Большаго-театра. Въ свой первый дебютъ она танцевала *pas de deux* съ г. Монтасю, и испанскій танецъ, *la gondeja* (она первая исполнила этотъ танецъ въ Москвѣ). Несмотря на извѣстную любовь публики къ московской танцовщицѣ К. А. Санковской, молодая дебютантка принята была очень хорошо. Выразительное лицо, стройный станъ и удивительная ножка, подобную которой намъ рѣдко случалось видѣть на сценѣ, конечно много содѣйствовали къ успѣху восемнадцати-лѣтней дебютантки; даже можно было предсказывать, что изъ Ирки-Матіасъ выйдетъ танцовщица-талантливая. Первый балетъ, въ которомъ появилась она въ Москвѣ, былъ *Гитана* (въ октябрѣ 1847 г.). 12 декабря того-же года, въ бенефисъ г. Монтасю, г-жа Ирка-Матіасъ рѣшилась появиться въ одномъ спектаклѣ съ г-жею Санковскою *, на что не рѣшались другія танцовщицы, зная пристрастіе москвичей къ г-жѣ Санковской.

Въ 1848 году былъ ея первый бенефисъ, въ которомъ она давала *Жизель*. Вотъ названіе балетовъ, въ которыхъ участвовала Ирка-Матіасъ въ Москвѣ: *Гитана*, *Сильфида*, *Воспитанница Амура*, *Пери*, *Асмодей* (*Хромой бѣсъ*), *Жизель*, *Пахита*, *Сатанилла* **, *Возстаніе въ Сералѣ*, *Катарина*, *Эмеральда*, *Мраморная красавица*, *Пакеретта* (*любовь и вѣрность*) ***. Кромѣ-того, она играла нѣмыя роли въ пьесахъ: *Жоржъ* (*Энгуильскій нѣмой*), *Ольга* (*Русская спрота*), *Нѣ-*

* Въ этомъ бенефисѣ г-жа Санковская играла во 2-мъ актѣ балета «Сварливая жена», ея самою постановленнаго, а г-жа Ирка-Матіасъ роль «Воспитанницы амура», въ балетѣ того же имени, соч. Тальони.

** Сначала въ этомъ балетѣ, въ которомъ такъ хороша была г-жа Андрианова въ главной роли, г-жа Ирка-Матіасъ исполняла роль *Делии*, и исполняла ее не совсѣмъ удачно, потомъ занимала роль самой *Сатаниллы*, и хотя мы отдадимъ въ этой роли преимущество предъ нею г-жамъ Андриановой и даже Санковской, но все-таки должны сказать, что и эту трудную роль исполнила она очень хорошо.

*** Въ бенефисѣ г. Самарина, въ 1850 г., она танцевала польку, вмѣстѣ съ г-жею Санковскою. Публика приняла прекрасно обѣихъ танцовщицъ.

маго (Аббатъ л'Эпе), Золое (Влюбленная баядерка) *, и др. и даже говорящую роль танцовщицы въ водевилѣ Теолона, Le bénéficiaire, въ бенефисѣ г. Жене. Лучшими ролями г-жи Ирки-Матіасъ могутъ похвастаться: Мраморная красавица, Пахита, Пакеретта. Въ нихъ она была истинно граціозна. Мы слѣдили за развитіемъ ея таланта съ перваго дебюта ея на московской сценѣ до самаго ея прощанія съ московскою публикою, и видѣли, какъ постепенно росъ этотъ талантъ на глазахъ нашихъ. Молоденькая дѣвушка, еще не твердая въ искусствѣ танцованія, плохая мимическая актриса, въ началѣ своего поприща на московской сценѣ, она оставляетъ эту сцену уже артисткою, которою можетъ по справедливости похвалиться всякая сцена. Пребываніе Фанни-Эльслеръ въ Москвѣ благотворно подѣйствовало на талантъ Ирки-Матіасъ, особливо на ея мимику. Да, Москва, уступая нынѣ Ирку-Матіасъ ея родинѣ, съ гордостью можетъ сказать, что она возростила и взлелѣяла этотъ талантъ, что на сценѣ ея развилось, выросло и окрѣпло это молодое, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасное дарованіе.

Въ послѣдній разъ г-жа Ирка-Матіасъ играла въ первомъ актѣ Гитаны. Здѣсь она протанцовала качучу (по требованію публики два раза) и las boleros de Cadix съ г. Монтасю (тоже два раза по востребованію).

4 мая былъ бенефисъ г-на Усачева. Онъ состоялъ изъ тѣхъ же самыхъ пьесъ, изъ которыхъ въ Петербургѣ составленъ былъ бенефисъ г-жи Самойловой 1-й въ нынѣшнемъ году, и начался неудачною драмою Анца: «Нѣмая сиротка Лиза». Пьеса эта не имѣла успѣха въ Петербургѣ, — не имѣла его и въ Москвѣ. Исполнена она... но что говорить объ исполненіи такихъ пьесъ, которыя даже для актера не представляютъ ничего, въ чемъ бы онъ могъ выказаться... Въ этой пьесѣ есть, впрочемъ, роль, лучше другихъ очерченная, это роль болтливаго и любопытнаго старика пьяницы садовника, и эта роль была прекрасно передана г-мъ Васильевымъ. Миленькій водевилъ Крестовскаго: «Дипломатія жены, или рецептъ для исправленія мужей», напечатанный въ «Пантеонѣ» нынѣшняго года, былъ очень хорошо разыгранъ г-жами Бороздиной и Вороновой и г. Шумскимъ.

«Жидъ за печатью» и «Женихъ по ошибкѣ», двѣ такія пьесы, о которыхъ говорить нечего. Бенефисъ г. Усачева, по своему составу, былъ одинъ изъ худшихъ, что, можетъ-быть, отчасти повредило и дру-

* Вмѣстѣ съ Фанни-Эльслеръ, исполнявшею главную роль въ этой оперѣ-балетѣ Обера. Pas de deux, протанцованное г-лею Иркою Матіасъ съ знаменитою танцовщицею, сопровождалось оглушительными рукоплесканіями, изъ которыхъ, по всей справедливости, нѣкоторая часть приходилась и на долю Ирки-Матіасъ.

гимъ бенефисамъ нынѣшняго сезона, подорвавъ къ нимъ довѣріе публики, потому что, несмотря на хорошій составъ бѣльшей части бенефисовъ, ни одинъ изъ нихъ не могъ похвалиться многочисленностію посѣтителей.

Въ спектаклѣ 7 мая ветеранъ московской сцены, М. С. Щепкинъ игралъ въ послѣдній разъ предъ отъѣздомъ своимъ за границу, куда отправился на полгода, для излѣченія больнаго сына. Пожелаемъ скорого и счастливаго возврата нашему знаменитому артисту!

Роли для прощанія съ публикою были выбраны г. Щепкинымъ не совсемъ удачно. *Тяжба* не болѣе, какъ сцены, хотя и сцены Гоголя, и роль Бурдюкова, какъ ни хорошо она разыгрывается г. Щепкинымъ, не представляетъ полного разгула таланту этаго артиста, а роль Кочкарева въ «Женидбѣ», по моему мнѣнію, одна изъ неслишкомъ удачныхъ ролей Щепкина. Въ ней ему не достаетъ той безцѣльной хлопотливости, какая характеризуетъ эту личность, того жара, съ которымъ проявляется эта хлопотливость. Отчего бы Щепкину не проститься съ московскою публикою Городничимъ, Фамусовымъ или другою изъ лучшихъ ролей? И эффекта было бы болѣе, и впечатлѣніе было бы сильнѣе.

Но не въ спектаклѣ 7 мая поклонники таланта Щепкина прощались съ нимъ. Многочисленные почитатели нашего комика пригласили его на обѣдъ, чтобъ русскимъ хлѣбомъ-солью выразить ему торжественно чувства общаго уваженія. Въ этомъ обѣдѣ участвовало почти все, чѣмъ можетъ гордиться въ настоящее время наука, литература или искусство Москвы.

Въ два дня явилось до семидесяти охотниковъ участвовать въ задуманномъ праздникѣ, и 10 мая, въ саду М. П. Погодина, на Дѣвичьемъ полѣ, назначенъ былъ обѣдъ. Кстати поспѣлъ къ тому времени и бюстъ М. С. Щепкина, мастерски исполненный Н. А. Рамазановымъ.

«Почетный гость приглашенъ былъ наканунѣ: два литератора, С. П. Шевыревъ и А. Н. Островскій, и два актера, П. М. Садовскій и С. В. Шумскій, ѣздили къ нему съ приглашеніемъ отъ имени его почитателей.

«Въ 4 часа въ воскресенье (10 мая) собрались гости. М. С. Щепкинъ встрѣченъ былъ на балконѣ хозяиномъ дома, М. П. Погодинымъ, который сказалъ ему: «Привѣтствую васъ отъ имени вашихъ многочисленныхъ почитателей, здѣсь собравшихся; вы можете вообразить себѣ сами, какъ мнѣ пріятно быть ихъ представителемъ, въ увѣнчаніе нашей двадцатипятилѣтней съ вами пріязни. Милости просимъ». Михайло Семеновичъ прослезился съ первыхъ словъ.

Все присутствовавшие наперерывъ спѣшили къ нему навстрѣчу, пожать руку.

Погода, ненастная въ продолженіе всей недѣли, разгулялась какъ нарочно, ко времени обѣда. Солнце сіяло во всемъ блескѣ.

«Природа нынче за искусство», сказалъ Шевыревъ. «Оттого, что искусство обращается нынче къ природѣ», отвѣтилъ Островскій.

Обѣдъ устроенъ былъ въ аллеѣ, и состоялъ болѣею-частью изъ малороссійскихъ блюдъ, съ цѣлю укрѣпить въ отъѣзжающемъ за границу воспоминаніе о родной сторонѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, о родномъ очагѣ.

Въ срединѣ стола красовалась только-что прилетевшая огромная малороссійская драфа, въ перьяхъ; по сторонамъ великороссійскіе, бѣлые, какъ снѣгъ, поросята, при ассистенціи огромныхъ кулебякъ. За борщомъ послѣдовали вареники, и проч.

Когда налиты были бокалы шампанскаго, М. П. Погодинъ произнесъ слѣдующее:

«Милостивые государи! Нѣсколько лѣтъ сряду, въ этомъ самомъ саду, въ этотъ почти день и часъ, собирались мы обыкновенно къ незабвенному нашему Гоголю, праздновать его именины. Это былъ самый дорогой для него день, о которомъ онъ любилъ заранѣе хлопотать, совѣтоваться,—устроить. Въ послѣдній разъ, вы помните, — это такъ недавно,— сидѣлъ онъ здѣсь на краю, облокотясь на столъ, задумчивый и молчаливый, какъ-будто предчувствуя близкій свой конецъ. И вотъ нынѣ его нѣтъ между нами!..

Не могу не вспомнить объ немъ при этомъ случаѣ, по многимъ причинамъ.

Онъ первый поспѣшилъ бы выразить наши чувства глубокаго уваженія и истинной признательности тому достойному артисту, которому собрались отъ души воздать мы честь,—и кто лучше Гоголя исполнилъ бы эту обязанность? Чье слово можетъ имѣть столько вѣса, какъ не автора Городничаго, Утѣшительнаго, Кочкарева и Бурдюкова?

Прибавлю еще вотъ что: Гоголь самъ обязанъ былъ многимъ Щепкину. Не говорю объ ихъ слишкомъ двадцатилѣтней, близкой, короткой связи, не говорю объ ихъ частыхъ бесѣдахъ, исключительно посвященныхъ драматическому искусству и русской жизни, не говорю о веселыхъ, живыхъ и умныхъ разсказахъ Щепкина, которые часто встрѣчаются въ сочиненіяхъ Гоголя, — но тотъ смѣхъ, который Щепкинъ возбуждалъ въ Гоголѣ, еще молодомъ человѣкѣ, выступавшемъ на поприще, не былъ ли задаткомъ того смѣха, какимъ послѣ надѣлилъ

насъ Гоголь съ такимъ избыткомъ? Вывода на сцену многія дѣйствующія лица, Гоголь не имѣлъ ли въ виду Щепкина?..

Есть русская пословица: началъ за здравье, а свелъ за упокой. Мнѣ пришлось наоборотъ—начать за упокой и свести за здравье..

Да здравствуетъ старшій, знаменитый представитель русской комедіи, заслуженный артистъ московской сцены, добрый, веселый, любезный, живой человекъ,—Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ!»

Раздались рукоплесканія, и здоровье Михаила Семеновича выпито всѣми гостями до дна!

С. П. Шевыревъ произнесъ стихи, обращаясь къ знаменитому артисту :

Московской сцены честь и слава!
Комедій русскихъ красота!
Сердечный смѣхъ — твоя держава,
Игра — природы простота.

Художникъ честный, безъ упрека,
И красоты и правды жрецъ,
Казнитель страсти и порока,
Прими отъ насъ любви вѣнецъ!

При этомъ словѣ раздалось со всѣхъ сторонъ: «вѣнокъ, вѣнокъ!»— и на бюстъ Щепкина, стоявшій среди аллеи, возложенъ былъ торжественно вѣнокъ изъ миртовыхъ листьевъ и цвѣтовъ.

Вѣнецъ тѣхъ чувствъ и наслажденій,
Намъ всѣмъ дарованныхъ тобой,
Когда твой вдохновенный геній
Насъ очаровывалъ игрой.

Игрою той веселонравной
Вѣнокъ давно ты заслужилъ,
Его тебѣ нашъ Гоголь славный
Еще при жизни присудилъ.

Всѣхъ слабостей людскихъ ячины,
Отъ глубины душевныхъ силъ,
Изъ сердца пошлой, грязной тины,
Ты въ перлъ созданья возводилъ.

И съ нами здѣсь незримальмъ пиромъ
 Пируеть, понятый тобой,
 Въ-слѣдъ за Мольеромъ и Шекспиромъ,
 Поэтовъ русскихъ честный строй.

Репертуаръ твой, безъ избытка,
 Ихъ именами озлатимъ:
 Кашисть, Загоскинъ, Гоголь, Квитка,
 И Грибоѣдовъ съ Шаховскимъ.

Блаженъ, кто нашихъ чувствъ былъ эхомъ,
 Кто силу ихъ въ душѣ носилъ,
 И подъ веселымъ яркимъ смѣхомъ
 Слезу сердечную таилъ.

Тѣмъ смѣхомъ намъ не обижаться,
 Таковъ ужъ сердца вѣщій гласъ:
 Тому надъ нами лишь смѣяться,
 Кто чистымъ сердцемъ любитъ насъ.

Ты любишь насъ, смѣясь-надъ нами,
 Надъ нашей праздной суетой,
 И жизни мелкими страстями,
 Съ ихъ безотрадной пустотой.

И жаромъ сильнаго попрека,
 Живѣй, чѣмъ блескомъ похвалы,
 Разумный образъ челоѣка
 Въ насъ озаряетъ сердца мглы.

Прекрасны въ Божьемъ мѣрѣ грозы,
 Улыбки дня, и дождь, и снѣгъ!
 Прекрасенъ плачь, прекрасны слезы,
 И отъ души текущій смѣхъ.

Прощай до сладкаго свиданья!
 Скорѣй чтобъ Богъ тебя принесъ!...
 Для грохота, рукоплесканья,
 Для хохота сквозь радость слезъ!

Стихи кончились подъ громомъ рукоплесканій.

Послѣ С. П. Шевырева прочелъ другіе стихи Н. В. Бергъ.

Здѣсь подъ этими вѣтвями,
Вспомнилъ я обѣдъ другой:
Здѣсь сидѣлъ когда-то съ нами
Имянинникъ дорогой.

Въ маѣ, радуясь раздолью
Зеленѣющихъ полей,
Здѣсь любилъ онъ хлѣбомъ-солью
Угощать своихъ друзей. —

Будто слышу и досель я
Раздающійся межъ насъ,
Полный чистаго веселья,
Оживленный, вѣщій гласъ....

Нѣтъ его.... сокрылся геній!...
Но остался съ нами тотъ,
Кто живыхъ его твореній
Типы намъ передаетъ. —

За великаго актера
Выпьемъ дружно: будь здоровъ,
Городничій Ревизора,
Бурдюковъ и Кочкаревъ!

Ѣдешь въ путь ты, но смотри же,
Обѣзжая чуждый край,
На Рашель глядя въ Парижъ,
И своихъ не забывай!

Хлестакову здѣсь, пожалуй,
Безъ тебя не сдобровать,
Да и Осипъ славный малой
Тоже будетъ горевать;

Да и всѣ друзья и братья...
Такъ вернись же поскорѣй
Въ распростертыя объятія
Этихъ братьевъ и друзей!

Гости единогласно потребовали повторенія: bis, bis!...

Послѣ Берга прочелъ В. И. Родиславскій свое стихотвореніе, сопровождавшееся тоже общими рукоплесканіями:

Настало время разставанья:
Разлука сердце намъ щемить,
И пѣснь хвалы пусть на прощанье
Тебѣ достойно прогремитъ!

Красою, славой русской сценѣ
Ты много лѣтъ, нашъ Щелкинѣ, былъ,
И Талии и Мельпоменѣ
Ты честно, праведно служилъ!

Сокровища родныхъ поэтовъ
Умѣлъ достойно передать,
И Пушкинѣ, Гоголь, Грибоѣдовъ
Спасибо громкое сказать

Тебѣ должны; и вмѣстѣ съ ними
Хвала тебѣ изъ рода въ родъ
Съ воспоминаньями живыми
Къ потомкамъ нашимъ перейдетъ!

Творилъ ты образы живые,
Ты нашу Русь лицетворилъ,
На сценѣ нашей ты впервые
Какъ человекъ заговорилъ.

Скорѣй, скорѣе въ путь обратный,
Тебя въ отчизну мы зовемъ
Здѣсь ждетъ тебя, артистъ нашъ славный,
Родной московской нашъ приѣмъ.

Михаилъ Семеновичъ, со слезами, всталъ, и прерывающимся голосомъ благодарилъ за честь, ему оказанную. Вотъ его слова:

«Священнымъ долгомъ считаю принести вамъ глубочайшую признательность за ту высокую честь, которой вы въ нынѣшній день меня удостоили. Къ сожалѣнію, несмотря на свойственное каждому человеку самолюбіе, я чувствую, что не въ полной мѣрѣ заслужилъ ее, а единственно обязанъ этой честью вашему доброму снисхожденію. Къ то-

му же все, что вы находите во мнѣ достойнымъ какой-либо оцѣнки, принадлежитъ собственно не мнѣ, — все это принадлежитъ Москвѣ, то-есть тому избранному, высоко-образованному обществу, умѣющему глубоко понимать искусство, которымъ Москва всегда была богата. Это общество, при самомъ появленіи моемъ на московской сценѣ, благодаря содѣйствію покойнаго, многоуважаемаго моего начальника, Федора Федоровича Кokoшкина, приняло меня въ свой кругъ. Въ этомъ кругу было все, — и литераторы, и поэты, и преподаватели московскаго университета; тридцать лѣтъ я находился въ этомъ кругу. Правда, я не сидѣлъ на скамьяхъ студентовъ, но съ гордостію скажу, что я много обязанъ московскому университету въ лицѣ его преподавателей; одни научили меня мыслить, другіе глубоко понимать искусство. Бесѣды объ искусствѣ собственно для меня не умолкали, и я съ глубочайшимъ вниманіемъ вслушивался въ нихъ. И такъ, м. г., вы сами видите, что все, что находите вы во мнѣ замѣчательнаго, принадлежитъ собственно вамъ, — вы были, такъ-сказать, сѣятели, а мнѣ, какъ счастливцу, досталась жатва;—вы, м. г., вы создали для меня нынѣшній великій день! Въ тридцать лѣтъ многое измѣнилось, но измѣнялись лица, а мысль объ искусствѣ жила не измѣняясь; да, въ тридцать лѣтъ много выбыло изъ общества, много прибыло вновь, и къ числу первыхъ, съ сердечною горестію и глубокимъ уваженіемъ скажу, принадлежать и наши два великіе комическіе писателя. Имъ я обязанъ болѣе всѣхъ; они меня, силою своего могучаго таланта, такъ-сказать поставили на видную степень въ искусствѣ: это Александръ Сергѣевичъ Грибоедовъ и Николай Васильевичъ Гоголь. Находясь долго въ такой семьѣ, я былъ бы совершенно ничто, еслибъ изъ меня не вышло уже ничего дѣльнаго. И такъ еще разъ, съ совершенною признательностію, скажу вамъ, м. г., — вамъ все принадлежитъ, вашимъ бесѣдамъ я собственно обязанъ тѣмъ, что любовь моя къ искусству съ каждымъ днемъ развивалась болѣе и болѣе. Одно, что собственно принадлежитъ мнѣ, — это добросовѣстное занятіе, трудъ, на какой только способенъ человѣкъ, посвятившій всю жизнь свою драматическому искусству; и да послужитъ это примѣромъ молодымъ моимъ товарищамъ, которымъ дорога къ искусству гораздо болѣе очищена. Пусть изъ нынѣшняго дня они поймутъ, какая блестящая будущность ждетъ ихъ впереди: примѣръ предъ глазами. Вы м. г., на сорокъ восьмомъ году моего драматическаго поприща, сегодня подарили меня счастливѣйшимъ днемъ въ жизни моей; да, счастливѣйшимъ: вы меня, всегдашняго вашего собесѣдника, такъ-сказать семьянина, нынче удостоили быть избраннымъ вашимъ гостемъ. Это много, слишкомъ много для старика. Простите... тутъ я долженъ оста-

новиться по неволѣ, потому-что не нахожу словъ, чтобы хоть вполонину выразить то глубокое чувство благодарности, какимъ проникнуто въ эту минуту мое старое, но все еще сильно-бьющееся сердце.»

Рукоплеканія не умолкали.

Т. Н. Грановскій сказалъ: «Позвольте мнѣ предложить бокаль за здоровье тѣхъ, кому пришла благородная и прекрасная мысль нынѣшняго праздника.»

Мы собрались сюда со всѣхъ приходоув нашей Москвы, во имя всѣхъ братающаго и соединяющаго искусства. И кому же приличнѣе быть предѣвателемъ такого шира, достойнѣйшимъ представителемъ искусства, какъ не М. С. Щепкину! На Руси всегда было и будетъ много дарованій. Природа щедро надѣлила умственными силами русскаго человекъ. Но скажемъ со смиреніемъ, что намъ часто недостаетъ одного качества, безъ котораго благороднѣйшія силы безплодно гибнутъ: намъ недостаетъ терпѣнія въ трудѣ, выдержки, умственного упорства. Честь и слава русскому художнику, который почти полвѣка трудился на поприщѣ искусства, не слабѣя духомъ, не слабѣя усердіемъ! Да послужить его жизнь, исключительно посвященная служенію искусству, примѣромъ всѣмъ намъ, позднѣе его вступившимъ на поприще, и уже носящимъ въ груди начатки преждевременной усталости и охлажденія!»

Затѣмъ послѣдовали тосты за здоровье Н. А. Рамазанова, сохранившаго черты Щепкина, А. Н. Островскаго и П. М. Садовскаго, Васильева, Стеданова, Шумскаго. «Всѣхъ, всѣхъ!» раздалось со всѣхъ сторонъ...

Послѣ обѣда Т. М. Домбровскій (новое приобрѣтеніе московской сцены, замѣчательный талантъ комическій), подошелъ къ Щепкину и сказалъ:

Мій милый, мій сердечный тату!

Погодишь тебе и насъ зазавъ до себе въ хату

Винъ гарными вареньками накормывъ

И шампанскимъ добре нацойвъ.

Мы все прибрали чистенько;

Наився кажный зъ насъ въ смакъ.

Всеи будутъ згадовать частенько,

Та ще и спасыби скаже всякъ.

Яка жъ тому була причина...

Ты наша потиха одина!

Го насъ оставляетъ,
 Въ чужи край отъизжаетъ
 Такъ ми зійшлыся попрощаться,
 На дорогу добре нацеловаться.
 Прощай! Целую тебе, мій голубе сызенькій.
 Вертайся, вертайся жъ до насъ здоровенькій!
 Охъ! безъ тебе ни съ кимъ мыни Стецька дурного граты.
 Москва и я будемъ съ нетерпньемъ тата ждаты.

Bis! bis! bis!...

Между-тѣмъ загорѣлась жжонка, а Щепкинъ и Садовскій прочли нѣсколько отрывковъ изъ сочиненій Гоголя. Потомъ Щепкинъ разсказалъ, съ неподражаемымъ своимъ искусствомъ, нѣкоторыя сцены изъ сочиненій Гоголя.

Къ позднему вечеру развѣхались гости, пожелавъ любезному путешественнику счастливаго пути и скорого возвращенія.

Обѣдъ этотъ былъ истиннымъ торжествомъ искусства въ лицѣ одного изъ его почетнѣйшихъ представителей, полвѣка почти честно служившаго искусству, и по этому я счелъ долгомъ занести его описаніе на страницы Театральной Лѣтописи.

10-го мая, въ драмѣ Корженевского «Окно во второмъ этажѣ», появилась въ первый разъ по возвращеніи изъ двухгодичнаго отпуска въ Одессу, молодая артистка московскаго театра Н. М. Медвѣдева.

Г-жа Медвѣдева—изъ воспитанницъ московской театральной школы. Еще ребенкомъ появлялась она на подмосткахъ московскаго театра, въ комедіи Загоскина «Урокъ холостымъ»; потомъ она себя готовила для балета и изучала танцевальное искусство, но предъ выходомъ изъ школы перемѣнила свое намѣреніе, изъявила желаніе играть въ драмахъ и комедіяхъ, и въ 1847 году дебютировала на московской сценѣ въ комедіи Мольера «Школа женщинъ», въ роляхъ Агнесы. Дибють ея сопровождался полнымъ успѣхомъ, который еще болѣе увеличился при игрѣ ея, въ томъ же году, въ двухъ новыхъ пьесахъ «Слѣбая» и «Элленъ или тайное покровительство».

Въ 1851 году г-жа Медвѣдева уѣхала въ Одессу. Еще до отъезда ея изъ Москвы г-жа Медвѣдева обладала весьма замѣчательнымъ дарованіемъ, въ которомъ было много граціи и простоты. Пребываніе г-жи Медвѣдевой на одесской сценѣ было для молодой артистки рядомъ блестящихъ успѣховъ, которые записалъ на свои страницы «Одесскій Вѣстникъ», привѣтствовавшій московскую гостью громкими похвалами и сравнивавшій ее съ знаменитыми артистками.

При возвращеніи ея на московскую сцену, въ спектакль 10 мая, мы замѣтили, что дарованіе г-жи Медвѣдовой развилось еще болѣе на одесской сценѣ, которой мы уже обязаны талантами г-жи Шубертъ и г-на Шумскаго.

Московская публика приняла г-жу Медвѣду весьма хорошо.

Бенефисъ г. Ольгина, 11 мая, былъ составленъ слѣдующимъ образомъ: «Утро молодого человѣка», сцены, соч. А. Н. Островскаго, «Лекарь», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. А. В. Вонлярлярскаго; «Солдатъ Балагуръ, или дружба дружбой, а служба службой», оригинальная интермедія-водевиль въ 1 дѣйствіи, соч. актера П. Григорьева 1-го.

Комедія даровитаго Вонлярлярскаго «Лекарь», напечатанная въ «Пантеонѣ», извѣстна нашимъ читателямъ. Разыграна она была на московской сценѣ очень хорошо. Особенно способствовали ея успѣху гг. Шумскій (въ рольъ Лекаря) и Садовскій (въ рольъ Коменданта) своею простою, естественною игрою.

«Утро молодого человѣка»—произведеніе автора комедій «Свои люди сочтемся» и «Не въ свои сани не садись».

Сцены эти не лучшее произведеніе А. Н. Островскаго, но «Утро молодого человѣка» авторомъ никогда не назначалось для сцены, хотя появивши на московскую сцену, очень хорошо было разыграно.

«Солдатъ Балагуръ»—пьеса, тоже извѣстная читателямъ «Пантеона»: потому-что она въ немъ была напечатана. Разыграна она была очень хорошо, какъ обыкновенно на московской сценѣ разыгрываются пьесы изъ нашего народнаго быта.

Драма «Бенвенутто-Челлини», игранная въ переводѣ Василько-Петрова, въ бенефисъ г. Акимова, 15 мая, передѣлана Полемъ Мерисомъ изъ романа Дюма «Асканію», переведеннаго и на русскій языкъ. Пьеса эта отличается тѣмъ же достоинствами и недостатками, какими обыкновенно отличаются все романы Дюма, но ее можно смотрѣть съ удовольствіемъ, особенно если она хорошо поставлена, сретована и разыграна.

Г. Леонидовъ весьма удовлетворителенъ въ рольъ Челлини. Много естественности, простоты, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувства и драматизма. Особенно хорошъ онъ въ сценѣ, когда уступаетъ Колумбу Асканію, и потомъ въ сценѣ, когда для отлитія статуи Юпитера, за недостаткомъ дровъ, бросаетъ въ огонь всю свою мебель и все свои дорогія произведенія. Въ этой сценѣ, во второмъ представленіи драмы, бывшемъ 19 мая, г. Леонидовъ былъ еще лучше, чѣмъ въ первомъ. Лихорадочное утомленіе, происшедшее отъ трехъ ночей, проведенныхъ безъ сна, было выражено имъ прекрасно.

Роль Скоццоне была выполнена г-жею Медвѣдовой очень хорошо. Особенно въ сценѣ съ Челлини, глубокое чувство было выражено ею просто и естественно, безъ обыкновенныхъ драматическихъ слезъ и криковъ.

Въ роли герцогини д'Этампъ г. Рыкалова вполне выказала свою добросовѣстную, облуманную игру и артистическій умъ, какими обыкновенно отличается игра этой артистки.

Г. Дмитревскій сумѣлъ придать колоритъ маленькой роли графа д'Орбекъ. Въ г. Дмитревскомъ театрѣ московскій обладаетъ артистомъ очень полезнымъ, хотя еще и мало опѣненнымъ. Г. Дмитревскій играетъ всякую роль, какая ему попадется, къ какому бы амплу она ни принадлежала, — и каждую роль исполняетъ добросовѣстно. Трудно найти роль, которую бы онъ сыгралъ дурно, несмотря на огромное количество сыгранныхъ имъ ролей, разнообразныхъ въ высшей степени и, по большій части, не замѣчательныхъ, неблагодарныхъ и даже дурныхъ. Есть роли, которыя г. Дмитревскій исполняетъ прекрасно, какъ на пр.: Яши въ «Скопинѣ Шуйскомъ», Авраамія въ «Смерть Ляпунова», Рено въ «Матросѣ», Атонасеуса въ «Идіотѣ», и многія другія. Для ролей благородныхъ отцевъ г. Дмитревскій актеръ незамѣнимый. Въ комедіяхъ онъ хуже, чѣмъ въ драмѣ.

Сцены изъ комедіи «Житейская Школа», какъ кажется, нарочно были даны для г. Шумскаго, прекрасно играющаго въ этой пьесѣ роль поэта Звѣздкина и дѣлающаго изъ этого чисто карикатурнаго лица — лицо почти живое и типическое.

Бенефисъ г. Колосова, бывшій 18 мая, отличался количествомъ и разнообразіемъ новыхъ пьесъ, но вовсе не ихъ достоинствомъ. Лучше другихъ показала намъ первая пьеса бенефиса, комедія соч. Карелина «Дядюшка Федоръ Ивановичъ Русаковъ»; въ ней есть что-то похожее на истинный комизмъ, но изложеніе показываетъ въ авторѣ еще руку весьма неопытную въ литературномъ дѣлѣ.

Въ ней, въ маленькой роли воспитанницы Русакова, появилась новая дебютантка, свояченица бенефицианта, г-жа Григорьева, изъ воспитанницъ московской театральнoй школы. Объ ней мы еще ничего сказать не можемъ.

Комедія «Разлука также наука», несмотря на то, что была хорошо разыграна самимъ бенефициантомъ и г-жею Вороповою, что въ пьесѣ много веселости, показала весьма неестественною. Гдѣ существуютъ такіе супруги, какіе выведены въ этой пьесѣ, которыми, какъ дѣтьми, распоряжаются по произволу, одного посылаютъ въ Архангельскъ, а другую въ Тамбовъ, и все это въ какіе-нибудь полчаса, какъ-будто оба супруга

ничѣмъ не связаны, и ими можно помыкать, какъ малолѣтними, ставя ихъ, въ наказаніе, по разнымъ угламъ комнаты.

«Жилецъ и жилица въ одной квартирѣ»—обыкновенный водевиль, какъ все водевили въ два или три лица изъ походовъ парижскихъ молодыхъ людей и гризетокъ, да и изъ этихъ водевилей онъ не лучший. Мы, не обинуясь, предпочтемъ ему и «Взаимное обученіе» и «Ночь послѣ бала», и пропасть водевилей подобнаго рода.

«Паширосы съ сюрпризами или саратовскій медвѣдь», фарезъ à propos, соч. П. Татаринова, ниже всякой посредственности.

Лучше всѣхъ новыхъ пьесъ въ бенефисѣ Колосова была старая, водевиль графа Соллогуба «Бѣда отъ нѣжнаго сердца», прекрасно разыгрываемый на московской сценѣ.

Драма «Идіотъ или Гейльберское подземелье», данная въ первый разъ въ бенефисѣ г. Черкасова, 22 мая, заимствована изъ баснословной, вѣроятной, исторіи Гаспара Гаузера. Изъ исторіи, которою въ тридцатыхъ годахъ были наполнены страницы всѣхъ Европѣйскихъ и всѣхъ русскихъ журналахъ. Фонтъ этотъ, какъ теперь помнимъ явился у насъ въ одно время—и въ Сѣверной Пчелѣ, въ другихъ журналахъ и даже въ «Галатее». Но мы повторимъ давно забытый разсказъ, цѣликомъ выписывая его изъ книгъ одного изъ старыхъ нашихъ журналовъ.

«Гаспаръ Гаузеръ таинственный герой какого—то не разгаданнаго преступленія, совершеннаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Германіи. Гаспаръ провелъ дѣтство свое и юность въ заключеніи, лишенный свѣта, до шестнадцатилѣтняго возраста. Марта 26-го 1828 года, въ глухую ночь вывели его изъ заточенія, долго везли, и оставили наконецъ на одной изъ улицъ Нюрнберга, съ письмомъ, адресованнымъ къ хозяину дома, у дверей котораго онъ былъ покинутъ проводникомъ. Съ понятіями совершенно дѣтскими, Гаспаръ Гаузеръ умѣлъ удовлетворять только самымъ крайнимъ потребностямъ жизни, почти не зналъ употребленія чувствъ, не видалъ ничего въ мірѣ, кромѣ своей тюрьмы; не могъ сносить дневнаго свѣту и не могъ стоять на ногахъ, но понималъ нѣкоторые звуки человѣческаго голоса, потому—что его выучили произносить нѣсколько словъ и писать свое имя. Это происшествіе, надѣлавшее столько шуму въ окрестностяхъ и вкорѣ сдѣлавшееся извѣстнымъ всей Европѣ, привлекло, между—прочимъ, сострадательное любопытство профессора Даумера. Благодарный ученый взялъ на свое попеченіе этого сына природы, котораго сочли было за искуснаго притворщика и посадили въ городскую тюрьму, и въ которомъ обнаруживались прекрасныя качества ума и сердца. Быстрое ихъ развитіе много обѣщало въ юности. Ознакомленный съ міромъ, онъ сталъ различать добро и зло, и

негодую на своихъ злодѣевъ, предался ревностно урокамъ и наставленіямъ профессора. Уже протекло около шести лѣтъ со дня его втораго появленія на свѣтъ и онъ начиналъ забывать горечь прежней темничной жизни въ сладостномъ сближеніи съ понятіями объ обязанностяхъ человѣка, какъ кинжалъ изверга едва не лишилъ его вторично жизни. Къ счастью, рана была не опасна и онъ скоро оправился. Убійцу не нашли. Лордъ Стенгопъ взялъ несчастнаго подъ свое покровительство, помѣстилъ его въ Ангипахъ, и готовился отправиться съ нимъ въ Англію. Между-тѣмъ разные толки о странной судьбѣ Гаспара обратили на себя вниманіе городскихъ властей, которыя тайно начали производить розысканія объ этомъ дѣлѣ. Декабря 14, 1833 года, Гаспаръ Гаузеръ встрѣтилъ на улицѣ какого-то незнакомца, который сказалъ ему, что хочетъ вручить ему важные документы, объясняющіе его темную судьбу, и назначилъ свиданье. Довѣрчивый юноша явился къ сроку въ условленное мѣсто; его ожидалъ прежній убійца, и на этотъ разъ ударъ былъ вѣрнѣе. Злодѣй пропалъ безъ вѣсти, а раненный Гаспаръ едва доползъ домой, и сказавъ нѣсколько словъ, умеръ.

Вотъ что извѣстно истиннаго объ Гаспарѣ или Каспарѣ Гаузерѣ. Исторія этого загадочнаго существа, съ его таинственнымъ заключеніемъ, съ его эффектнымъ появленіемъ въ Нюрнбергъ и драматическою развязкою, давала полный разгулъ драматургамъ для пьесы эффектной и интересной, и дѣйствительно нѣсколько французскихъ писателей ухватились за этотъ сюжетъ. Намъ извѣстны двѣ драмы изъ жизни Гаспара Гаузера: одна весьма слабая, подъ заглавіемъ «Каспаръ Гаузеръ», въ переводѣ Валберха, была играна и на московской сценѣ, на которой имѣла нѣкоторый успѣхъ, благодаря превосходной игрѣ г. Самарина въ главной роли пьесы, именно въ роли таинственнаго Гаузера; другую мы видѣли въ бенефисѣ Черкасова, подъ заглавіемъ «Идіотъ или Гейльбергское подземелье», и какъ переводъ этой драмы принадлежитъ двумъ молодымъ людямъ, и притомъ не былъ еще игранъ на петербургской сценѣ, то я позволяю себѣ нѣсколько на ней остановиться.

Не заключая въ себѣ большаго достоинства, драма эта принадлежитъ къ числу эффектныхъ и занимательныхъ пьесъ. Постройка ея показываетъ въ авторахъ руку весьма опытную въ сценическомъ дѣлѣ; занимательность пьесы возрастаетъ отъ начала до конца, эффекты хорошо придуманы и искусно приведены, характеры очерчены хорошо, и все это, при хорошемъ исполненіи, условливаетъ успѣхъ пьесы.

И дѣйствительно пьеса эта имѣла успѣхъ на московской сценѣ, судя по приему, сдѣланному ей публикой, чему не мало способствовали

ея хорошее исполненіе и хорошая музыка, нарочно для нея аранжированная г. Горшковымъ.

Главная роль, на которой держится вся пьеса, роль идіота, заключенника Гейльбергскаго подземелья, чрезвычайно трудная для исполненія, хотя и благодарная. Отъ артиста, ее исполняющаго, требуется много искусства и труда. Артисту, исполнявшему ее въ Парижѣ, она составила имя, и не мудрено: эта роль какъ бы экзамень для актера на амбула молодыхъ людей. Въ ней идіотъ проходитъ чрезъ всѣ фазы, въ которыхъ только можетъ проявляться это амбула. Начинаясь чудовищемъ, не выдавшимъ ни свѣта Божьяго, ни людей, какъ Каспаръ Гаузеръ, она продолжается потомъ мимикою, подобно Эгивильскому нѣмому; далѣе идіотъ является до безумія влюбленнымъ молодымъ человекомъ; въ сильной же сценѣ съ матерью онъ становится лицомъ чисто драматическимъ, и наконецъ, оканчиваетъ свою роль сумасшедшимъ. Не легкаго труда для актера стоить уловить и передать всѣ эти переходы, и къ чести г. Черкасова, занимавшаго эту роль на московской сценѣ, должно сказать, что онъ былъ хорошъ болѣе или менѣе во всѣхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ своей роли. Вообще надобно замѣтить, что этотъ молодой актеръ идетъ примѣтно впередъ. Роль молодого боярина Гвоздева въ «Русской свадьбѣ» и роль идіота—два шага г. Черкасова, не маловажные на его поприщѣ.

Конечно съ величайшею достовѣрностію можно полагать, что роль идіота была бы выполнена еще лучше, еслибы ее занималъ г. Самаринъ, но и г. Черкасовъ выполнилъ ее отчетливо. Только мы посовѣтовали бы ему быть поживѣе въ движеніяхъ, когда онъ находится въ подземельи, а то медленность всѣхъ его движеній растягиваетъ эту сцену и дѣлаетъ ее немного утомительною; а въ сильной сценѣ съ матерью, въ предпоследней картинѣ, мы пожелали бы ему больше силы, которой недостаетъ у него для передачи этаго въ высшей степени драматическаго положенія. Но все-таки полная благодарность г. Черкасову за его трудъ надъ этою ролью, трудъ добросовѣстный и уѣнчавшійся полнымъ успѣхомъ. На его одной роли лежала почти вся пьеса, и онъ игрою своею нисколько не уронилъ ее.

Послѣ идіота, главною ролью въ пьесѣ является роль матери его, Вильгельмины Галлеръ, прекрасно исполненная г-жею Львовой-Синецкой.

Г-жа Рыкалова въ роли герцогини Гельбергъ явилась пожилою женщиною, и несмотря на то, что она въ первый разъ играетъ въ этомъ амбула, была очень хороша.

Роль Атанасіуса по своему исполненію принадлежитъ къ числу лучшихъ ролей г. Дмитревскаго.

Г. Полтавцевъ очень хорошо сыгралъ роль молодого и веселаго аристократа Фридриха Гельбергъ, и еще лучше пропѣлъ застольную пѣсню въ первомъ актѣ.

Одинъ изъ любимѣйшихъ здѣсь водевилей, а именно «Бѣда отъ сердца и горе отъ ума», шелъ вслѣдъ за драмою въ бенефисъ Черкасова, и хотя онъ шелъ не въ первый, а чуть-ли не въ пятидесятый разъ, но все-таки смѣшилъ попрежнему публику и вызывалъ громкія рукоплесканія. Надобно замѣтить, что на московской сценѣ онъ прекрасно исполняется.

Такъ какъ на московскомъ Маломъ-театрѣ почти невозможно, по неустройству еще на немъ потребныхъ машинъ, дать, въ настоящее время, цѣлый балетъ; то г. Пѣшковъ, въ бенефисъ свой, бывшій 25 мая, давалъ отрывки изъ двухъ балетовъ, а именно второй актъ изъ балета «Сильфида» и второй-же актъ изъ балета «Сварливая жена».

Роль Сильфиды занимала г. Полина Жене, дочь прекраснаго комика московскаго французскаго театра Поля Жене. Г-жа Жене еще очень молода и не тверда въ танцевальномъ искусствѣ, но въ ней примѣтно дарованіе; изъ нея можетъ выйти современемъ замѣчательная танцовщица, если только она найдетъ хорошаго учителя.

Въ «Сварливой женѣ» роль Вероники занимала г. Тереза Теодоръ и хотя исполняла ее очень хорошо, но принята была холодно. Можетъ-быть воспоминаніе о двухъ любимцахъ московской публики, г-жахъ Санковской и Иркѣ-Матіасъ, которыхъ на московской сценѣ въ настоящее время замѣняетъ г-жа Теодоръ, было причиною такого холоднаго пріема, котораго г-жа Теодоръ старательнымъ исполненіемъ роли Вероники вовсе не заслуживала.

Кромѣ этихъ двухъ актовъ изъ двухъ балетовъ, въ бенефисъ г. Пѣшкова шли два старые водевиля «Жена или карты» и «Цыганка», въ которыхъ отличалась молодая артистка московскаго театра, г-жа Бороздина.

Главною пьесою въ бенефисъ г. Никифорова, комика съ замѣчательнымъ, хотя и довольно одностороннимъ талантомъ, была драма въ двухъ актахъ съ прологомъ и эпилогомъ, «Пари», соч. кн. К. В. Кугушева, пьеса котораго «Комедія безъ названія», имѣла большой успѣхъ на московской сценѣ нынѣшней зимою, въ бенефисъ г-жи Львовой-Синецкой. Драма «Пари» не новость для Петербурга. Нѣсколько лѣтъ тому она давалась на петербургской сценѣ не безъ успѣха, а потому распространяться объ ней мы и не будемъ, но у насъ можно было пожелать ей лучшаго исполненія.

Водевиль «Настроилъ, разстроилъ и устроилъ» смѣшная пьеска, очень

хорошо разыгранная. Въ ней появилась въ первый разъ на сценѣ вторая дочь бенефицианта (старшая его дочь уже нѣсколько лѣтъ съ успѣхомъ играетъ на московской сценѣ). По незначительности роли и по первому ея выходу на сцену, мы не беремся ничего сказать о дебютактѣ.

Последнюю пьесою бенефиса г. Никифорова былъ старый, но тѣмъ не менѣе хорошенькій водевиль П. А. Каратыгина: «Чудакъ покойникъ или таинственный ящикъ». Въ немъ роль странствующаго актера игралъ въ первый разъ г. Шумскій. Прежде ее игралъ г. Живокини. Игры г. Живокини въ этой роли мы не припомнимъ, стало-быть и не можемъ сравнить ее съ игрою г. Шумекаго, а потому, оставивъ въ сторонѣ все сравненія, скажемъ, что г. Шумскій выполнилъ эту роль очень хорошо.

Поговоримъ теперь о явленіи. самомъ замѣчательномъ въ нынѣшнемъ театральномъ сезонѣ, о комедіи Н. П. Ермолова «Людскіе толки».

Еще до появленія этой пьесы на сценѣ ей предшествовали большіе толки. Имѣвшіе случай читать ее въ рукописи, отзывались объ ней съ большими похвалами и предсказывали ей огромный успѣхъ, не имѣвшіе же этого случая, но уже много объ ней наслышавшіеся, ждали съ нетерпѣніемъ ея появленія на сценѣ. Наконецъ комедія сыграна 2 іюня, въ бенефисъ г-жи Васильевой, и съ нею случилось странное событіе. Несмотря на ея неотъемлемыя, неоспоримыя достоинства, она не имѣла успѣха. Прежде, чѣмъ мы постараемся объяснить это явленіе, расскажем ея содержаніе, и даже сдѣлаемъ изъ нея нѣсколько выписокъ, которыя дадутъ понятіе о пьесѣ болѣе, чѣмъ рассказъ объ ней.

И такъ позвольте васъ пригласить на *soirée causante* къ Ивану Ивановичу Азарову (Нѣмчиновъ) и его супругѣ Дарьѣ Дмитриевнѣ (Сабурова). Являйтесь смѣло на этотъ вечеръ, не боясь нисколько себя компрометтировать, какъ бы вы ни были разборчивы въ отношеніи общества: на этомъ вечерѣ вы будете *въ лучшемъ*, какъ говорится, *въ высшемъ* московскомъ кругу.

Но вы еще незнакомы съ Азаровыми... ничего. Самъ Иванъ Ивановичъ Азаровъ

Англійскаго клуба

Старинный вѣрный членъ до гроба.

Тамъ онъ играетъ въ копѣечную или такъ называемую дѣтскую игру. Воспоминаніемъ о клубѣ онъ и начинаетъ комедію:

Ну-съ! Английскому клубу честь
 И слава: — было что поѣсть.
 Что за уха! съ какими стерлядьми!
 Съ печенками! подернута слоями
 Жиру! — и стоила двѣ тысячи рублей,
 И стоила, ей! ей! —
 А какъ подумать: чтобъ мы были
 Безъ клуба? Просто-бъ жили, жили,
 И умерли..... и все зачѣмъ?.....
 Теперь, ну, скучно дома — въ клубъ — играешь;
 Играть не хочешь — такъ встрѣчаешь
 Того—другаго, между-тѣмъ
 И вечеръ пролетаетъ
 Такъ скоро; весело....

Ну, какъ играетъ
 Нашъ Александръ Степанычъ! Просто кладъ.
 Да, съ нимъ играть всегда я радъ:
 Всегдашняя и вѣрная пожива.
 Въ Саратовѣ имѣнье хуже! Особливо
 Когда онъ горячится! Нынче-бъ—мигъ играть;
 Я пасъ: пусть онъ беретъ. Онъ хватъ
 Скорѣй талонъ — не можетъ удержаться!
 Я будто и не знаю: ни гугу....
 Безъ трехъ въ червахъ! — До-сихъ-поръ не могу
 Нахохотаться!

А вотъ и дражайшая половина Ивана Иваныча, почтенная Дарья Дмитриевна.

Они, какъ вамъ уже извѣстно, даютъ сегодня литературный учено-разговорный вечеръ, хотя вечера эти и неслишкомъ нравятся Ивану Иванычу, который высказываетъ явно свое неудовольствіе.

А съ нашими пустыми вечерами
 Мы все въ долгу. Съ долгами
 Какъ намъ раздѣлаться? Живемъ
 Въдь въ третьемъ этажѣ, Богъ знаетъ какъ, а домъ
 У насъ отдѣланъ по послѣдней модѣ.
 Нѣтъ, матушка! Живемъ не по породѣ!
 Да скука-то какая, Боже мой!.....

Но Дарья Дмитриевна имѣеть свои причины дорожить этими вечерами. Только они одни и доставляютъ имъ вѣсь въ обществѣ. Но пусть она говорить сама:

Поди, толкуй съ нимъ — вечера
 Ему не нравятся! А чѣмъ мы взяли?
 Все вечерами. Насъ не знали —
 Теперь гостей не сгонишь со двора;
 У Лизы не бывало жениховъ, —
 Теперь не выберешь, кому дать слово;
 А все отъ нашихъ вечеровъ.

Конечно трудненько

Ученый вечеръ сдѣлать хорошенько,
 Зато пріятно; Барсуковъ,
 Петровъ, не говорю ужъ о Петровой —
 Миѣ говорить о каждой мысли новой,
 О каждомъ новомъ планѣ — а стиховъ
 И не печатають, не показавъ миѣ прежде,
 Такъ стало-быть и я
 Не изъ послѣднихъ; вѣдь невѣждѣ
 Такіе люди не были-бъ друзья.

Мысль найти своей дочкѣ Лизѣ (Чистякова) хорошую партію, господствующая аггіеге-rensée въ Дарьѣ Дмитриевнѣ. О, Дарья Дмитриевна примѣрная мать! Она вполне сознаетъ свои обязанности, не даромъ такъ часто повторяетъ она:

Да, дѣтямъ не понять,
 Что значать добрые отецъ и мать,
 До той поры, пока не будутъ сами
 Отцами или матерями!

И такъ, познакомившись съ хозяевами, мы смѣло явимся посмотрѣть учено-литературно-разговорный вечеръ гг. Азаровыхъ, гдѣ сплетни и карты играютъ первую роль, гдѣ говорятъ обо всемъ, кромѣ литературы, и куда приглашенъ Тесаковъ (*Васильевъ*), известный полькеръ и петербургскій левъ.

Онъ выражается не такъ, чтобы свободно,
 Онъ то-есть, кажется, не мастеръ говорить.

Да какъ его не пригласить?
Онъ полькируетъ превосходно,

говорить о немъ Иванъ Ивановичъ Азаровъ, и когда ему замѣчаютъ, что здѣсь не балъ, а *soirée causante*, вмѣсто всякаго другаго отвѣта, онъ повторяетъ:

Онъ полькируетъ превосходно.

Зато на разговорномъ вечерѣ Тесаковъ ведетъ себя прекрасно: онъ только кланяется и улыбается. Впрочемъ, дѣвицы отъ него безъ ума. Онѣ говорятъ, что

Только съ нимъ однимъ
И можно танцовать.

И притомъ ему можно все повѣрить: «*Il est discret*», какъ говорятъ онѣ. Но познакомимся съ другими гостями этого вечера.

Вотъ добродѣтельная и благотворительная дама, графиня Ларина (Львова-Синецкая). Добродѣтель для нея выше всего. Первая фраза, которую говоритъ она при входѣ въ гостиную Азаровыхъ, это о бѣдныхъ.

Поль-Москвы

Объѣздила — визиты отдавала
И тутъ же кетати бѣдныхъ отыскала.
Какіе жалкіе! почти на чердакѣ!
Въ промерзшемъ, грязномъ уголкѣ!
Три дня не ѣли! Имъ дала я
Хорошихъ книгъ.

И за нравственностію смотритъ она прекрасно: у ней есть дочь (Колпакова), она заботится о ея воспитаніи, о ея нравственности, даже во всѣхъ книгахъ у нея она перемѣнила *amour* на *tambour*.

Вслѣдъ за графинею Лариною пріѣзжаетъ литераторъ Петровъ (Турчаниновъ), который занимается всѣмъ, чѣмъ угодно, кромѣ литературы, и который между тѣмъ принятъ въ общество только потому, что онъ литераторъ.

Онъ пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ своею женою *Кунцундой Карловной* Петровой (Сабурова 2), тоже писательницей, которая не пропуститъ случая, чтобъ не написать стиховъ, а главное не откажетъ себѣ въ

удовольствию прочесть их другимъ, потому-что Богъ одарилъ ее способностью писать звучные стихи (не заботясь впрочемъ о мысли) на какомъ бы то ни языкѣ было. Она твердо увѣрена, что она знаменитость, равно, какъ и мужъ ея, и на просьбу прочитать что-нибудь на этомъ вечерѣ, когда Дарья Дмитриевна говоритъ ей:

Скажите наизусть,

Пожалуйста! Теперь вѣдь стало

Поэтовъ истинныхъ у насъ такъ мало.

Она скромно отвѣчаетъ:

Да, право, нечего сказать,

Я перестала ужъ почти совсѣмъ писать,

Я излѣнилась.

ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА.

Намъ хоть понемножку

Хорошаго!

ПЕТРОВА.

Ну такъ и быть начну.

ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА. (*Звонитъ, входитъ лакей*).

Подать воды, и сахару, и ложку!

ПЕТРОВА.

Стихи скажу я про одну

Прогулку, бывшую во-время бала

Въ саду, въ Италіи. Я написала

Ихъ по-нѣмецки, тамъ по-англійски, потомъ

По-русски сдѣлала, какъ знала; не взыщите.

ДАРЬЯ ДМИТРЕВНА.

Ахъ, Кунигунда Карловна, скажите,

Вы такъ владѣете стихомъ!

(*Лакей приноситъ сахарную воду. Въ садъ садятся около Петровой, которая сильно декламируетъ вздоръ, размахивая руками*).

Кстати объ литераторахъ и ученыхъ. Здѣсь на вечерѣ есть три личности, съ которыми тоже стоить познакомиться. Это Ускоковъ (Ольгинъ), Гадаевъ (Дмитревскій) и Барсуковъ (Колосовъ). Всѣ эти три лица очерчены прекрасно авторомъ комедіи.

Ускоковъ—отчаянный славянофилъ. Онъ является на вечеръ съ огромною бородою, въ славянофильскомъ охабнѣ и съ шапкой мурмошкой. Онъ твердо увѣренъ, что вѣкъ старинной, до-петровской жизни нѣсть спасенія; онъ врагъ вѣхъ нововведеній, и когда случилась скандальная исторія, когда дѣло идетъ о нарушеніи чести семейства, онъ прямо говоритъ:

А какъ хотите,
Я знаю вамъ мои слова
Смѣшны; по вашему все это вздоры;
Тиранство. Такъ. А нравственность ничто?

БАРСУКОВЪ

А мужъ-то что. Онъ, говорятъ, все знаетъ;

УСКОКОВЪ

Жоржъ Сандъ не это допускаетъ.

Барсуковъ, одѣтый въ славянофильскую венгерку, съ французкой бородкой, не имѣетъ, кажется, никакого постоянного мнѣнія; онъ готовъ спорить со всѣми и обо всемъ. Сію минуту онъ утверждаетъ:

Все славяне:
И въ Англій и въ Индостанѣ.

А на вопросъ

Славяне въ Англій?

Онъ отвѣчаетъ прямо

Какъ будто я не знаю,
Да что жъ изъ этого? Вѣдь это споръ,
Лишь западниковъ сбить, а прочее все вздоръ....
Вѣдь западниковъ я не уважаю,
А спорю такъ—безъ спора что за разговоръ!

Въ Гадаевѣ есть одно непоколебимое убѣжденіе, что онъ самъ человѣкъ необыкновенный, что онъ знаменитость, и это онъ готовъ высказать каждому. Онъ убѣжденъ, что онъ и знаменитый ученый, и знаменитый дѣлецъ. Не даромъ же онъ любитъ такъ часто въ разговорѣ ставить себя на ряду съ великими людьми.

Говорили

О Пушкинѣ—ну, вотъ и обступили
 Меня—вы знаете, я съ Пушкинымъ былъ другъ,
 Да до чего! Какъ что—нибудь напишетъ,
 Скорѣй ко мнѣ: читаю, онъ сидитъ, чуть дышетъ,
 Рѣшенья ждетъ, и если вдругъ
 Скажу не хорошо!—Онъ сочиненье,
 Бросаетъ.—Вѣрилъ онъ въ мое сужденье.

Или въ другомъ мѣстѣ:

Я помню, говорилъ мнѣ Талейранъ...
 Во-время Вѣнскаго Конгреса мы нерѣдко
 Видались съ нимъ. Его любилъ я разговоръ:
 Онъ говорилъ такъ ѣдко,
 Отвѣтъ его всегда былъ скоръ....
 Мы съ нимъ сошлись....

Но кто эти двѣ молодыя дамы, которыя на вечерѣ почти все вмѣстѣ.

Одна Княгиня Двинова (Воронова), дама свѣтская, кокетка, львица, старающаяся быть злымъ языкомъ, другая ея подруга Боброва (Ольгина), которая избрала ее своимъ образцомъ во всемъ, а между-тѣмъ на каждомъ шагѣ насмѣхается надъ нею.

И такъ мы знакомы почти со всемъ обществомъ вечера г.г. Азаровыхъ. Но какая пустота вся бесѣда этаго общества! не даромъ же они сами говорятъ:

У насъ нѣтъ цѣли

Въ визитахъ, вечерахъ—мы чуть
 Не дремлемъ въ обществѣ... А наши разговоры
 Почти всегда выходятъ сплетни, вздоры.
 А право насъ нельзя зато бранить,
 Чтò можетъ насъ занять?

ГАДАЕВЪ.

Вы правы, что же
У насъ на общій интересъ похоже?

КНЯГИНЯ ДВИНОВА.

А что нибудь да надо говорить....

Да, пустота страшная; они начнутъ разговоръ и не кончатъ, и это не только между пожилыми лицами этого общества, но послушайте разговоръ молодыхъ дѣвушекъ, напр. хоть Лизы, дочери Азаровыхъ, съ дочерью графини Лариной, тоже самое!

А сегодня еще общество оживлено; въ немъ является новое лицо, это Бѣльскій (Шумскій), только что пріѣхавшій изъ-за границы. Но кто же этотъ Бѣльскій?

Человѣкъ такой же, какъ и всѣ, нисколько не лучше, не хуже другихъ. Побудь онъ нѣсколько времени въ этомъ обществѣ, и онъ непримѣтно исчезъ бы подъ общимъ уровнемъ; но онъ только-что пріѣхалъ изъ-за границы, онъ новое лицо въ московскомъ обществѣ, и притомъ у него

Пять тысячъ душъ

Въ Саратовѣ, не заложенныхъ,
Да въ Петербургѣ домъ. Къ тому-жь
Двѣ тетушки, и кромѣ Бѣльскаго, законныхъ
Наслѣдниковъ имъ нѣтъ.

Онъ новое лицо,—и на него въ эту минуту обращено все вниманіе общества. Азарова, эта нѣжная маменька, ловитъ его въ женихи своей Лизѣ; графиня Ларина, эта благотворительная дама, въ агенты своего благотворительнаго общества; славянофилы тащатъ его къ себѣ, западники къ себѣ; Княгиня Двинова мечтаетъ сдѣлать его своимъ поклонникомъ, зоветъ къ себѣ, при чемъ Боброва замѣчаетъ:

Смотрите, партію готовить мужу...

хотя, въ свою очередь, сама живо интересуется знакомствомъ Бѣльскаго. Однимъ-словомъ, всѣ заняты Бѣльскимъ, какъ новостію, о которой можно хоть поговорить, имъ, которымъ говорить рѣшительно не о чемъ: дѣла у всего этого общества нѣтъ никакого, то-есть, они ничего не дѣлаютъ и не хотятъ дѣлать, хотя бы и можно было имъ много въ своей

жизни найти себѣ, не только дѣла, но даже труда, и труда не легкаго; поэтому они всѣ рады Бѣльскому, который можетъ хоть на нѣсколько времени занять ихъ праздную скуку.

Но вотъ является и Бѣльскій на вечерѣ Азаровыхъ, и съ перваго же явленія вооружаетъ противъ себя все общество, разрушивъ всѣ его виды на себя. Онъ не женится на Лизѣ, не идетъ въ агенты благотворительной дамы, не дѣлается ни славянофиломъ, ни западникомъ, ни поклонникомъ Двиновой или Бобровой,—и все общество недовольно имъ.

Но скучно становитея и Бѣльскому въ этомъ обществѣ, не потому, чтобы его тяготила пустота общества, не потому, чтобы Бѣльскій былъ черезъ-чуръ выше всего, — нѣтъ, какъ мы уже сказали, побудь Бѣльскій побольше въ этомъ обществѣ, и онъ бы слился съ нимъ; но теперь вотъ какъ онъ высказываетъ впечатлѣнiе, сдѣланное на него этимъ обществомъ:

Господи, какъ мнѣ здѣсь скучно!

И разговоръ не клеится, и душно...

Я скажу одно,

И вы тотчасъ поймете

На что я жалуясь. Въ Москвѣ

Всего-то я недѣли двѣ,

И въ свѣтъ попалъ не по охотѣ;

Я никого почти не знаю — можетъ-быть

Всѣ здѣсь и очень милы — что же?

Я ихъ не знаю, что имъ говорить?

И Бѣльскій Богъ знаетъ какъ былъ радъ, когда на этотъ вечеръ пріѣхала его старинная знакомая, княгиня Вельшина (Рыкалова). Онъ забылъ все общество, и почти все время провелъ въ разговорѣ съ нею. Да и притомъ имъ было о чемъ говорить: Вельшина—кузина невесты Бѣльскаго (мы забыли сказать, что Бѣльскій женится, но общество Азаровыхъ ничего не знаетъ объ этомъ); они старые знакомые, у нихъ много предметовъ для разговоръ, но всѣмъ этимъ недовольно общество, обманувшееся въ своихъ видахъ, и какъ бы за пренебреженіе къ себѣ мститъ Бѣльскому, и мститъ по своему: составляется сплетня, по случаю которой даже молчаливый Тесаковъ разговорился. Сплетня состоитъ въ томъ, что Бѣльскій въ интригѣ съ Вельшиною, и ко второму акту комедіи эта сплетня возрастаетъ уже до гигантскихъ размѣровъ.

По этой сплетнѣ, у Бѣльскаго съ Вельшиною есть уже дѣти, изъ которыхъ старшій родился еще до свадьбы Вельшиной.

Во второмъ дѣйствіи авторъ вводитъ насъ въ домъ Павла Павловича Гарина. (Садовскій), чловѣка весьма порядочнаго, на дочери котораго Машѣ (Василѣва) женится Бѣльскій. Отправимся къ Павлу Павловичу, у него же кстати сегодня пріемный день. Тамъ у него мы встрѣтимъ всѣхъ старыхъ знакомыхъ, съ которыми сошлись у Азаровыхъ; и еще у Павла Павловича мы увидимъ князя Синицына (Степановъ), вельможу, предъ которымъ падаетъ во прахъ все это общество.

Подделушаемъ монологъ Бѣльскаго, пріѣхавшаго раньше, чтобъ еще до гостей повидаться съ своею невѣстою, и сцену его свиданія съ нею, сцену, очень натуральную и — рѣдкость въ подобныхъ сценахъ, — не приторно-сладкую отъ нѣжностей. Вотъ этотъ монологъ и сцена:

БѢЛЬСКІЙ ОДИНЪ

Поѣздилъ по свѣту довольно,
 Пора заняться дѣломъ. Ну, женюсь,
 Остепенюсь
 Какъ говорится, послужу. Невольно,
 Въ извѣстную эпоху жизни, намъ
 Фланёрство надоѣсть—вѣдь мы не то, что наши
 Отцы, живемъ не по годамъ,
 По мѣсяцамъ—старѣемъ раньше.—(Встаетъ)

Что же Маши

Здѣсь нѣтъ? Сама велѣла мнѣ
 Пріѣхать раньше. (Садится) По веснѣ
 Оставлю Петербургъ и проживу все лѣто
 Въ деревнѣ.... мнѣ же ново это.
 Мы съ Машей проживемъ и безъ затѣй:
 Я безъ охотниковъ—а Маша безъ гостей,
 Шутовъ провинціальныхъ. Станемъ мы съ женою
 Читать, хозяйничать. Въ крестьянскій бытъ
 Я вникну, чтобъ каждый былъ и сытъ,
 И хорошо одѣтъ, и грамотенъ; устрою
 Я школу, непременно школу. Мнѣ
 Нельзя жъ все время отдавать женѣ.
 И лучше—счастье прочнѣе. Какъ бывало,
 Нельзя ужъ мнѣ заглядываться на луну,
 Не вѣрю я въ существованье идеала
 Любви. Да тоже не могу жену
 Я называть бибишкой, душкой
 (Ходитъ по комнатѣ)

Эй!

Голосъ изъ-за сцены

Сейчасъ-съ.

БЪЛЬСКІЙ

Ну что жъ!

Голосъ изъ-за сцены

Сейчасъ-съ.

БЪЛЬСКІЙНу поскорѣй! *(Входитъ лакей)*

Что жъ Марья Павловна?

Ей доложили,

Что я пріѣхалъ?

ЛАКЕЙ

Да-съ

БЪЛЬСКІЙ

Вели опять сказать,

Что я пріѣхалъ раньше, чѣмъ просили.

(Лакей выходитъ; Бъльскій ходитъ и напѣваетъ)

La fortune

Importune

M'apparaît

Sans attrait!

*(Входитъ Маша).***МАША**

Bonjour. Ты ждалъ меня, Владиміръ?

БЪЛЬСКІЙ

Ждалъ

Давно. Вѣдь я вчера сказалъ,

Что ты проспишь. Ну того не держала

Пари, а то бы проиграла. *(Нѣсколько минутъ молчанія)*

МАША

Владимиръ, ты не сердисься?

ВЪЛЬСКІЙ

За что?

МАША

Что долго ждалъ

ВЪЛЬСКІЙ

Ты шутишь, что за дѣло.

МАША

А я спѣшила, видишь, не успѣла
Получше причесаться.....

ВЪЛЬСКІЙ.

А я тутъ дѣлалъ планы въ ожиданьи;
Попробуй отгадать ихъ.

МАША.

Не могу.

Ты лучше расскажи.

ВЪЛЬСКІЙ.

Я думалъ, какъ весною
Съ тобою
Поѣдемъ мы въ деревню — будемъ жить
Тихонько, по помѣщичьи

МАША.

Я рада
Деревню я люблю, — изъ сада
Не буду выходить.
Въ деревнѣ хоть на вѣкъ готова я остаться.
Тамъ есть рѣка?

ВЪЛЬСКІЙ.

Большая.

МАША.

Мы кататься

На лодкѣ будемъ, ночью, при лунѣ,
Ты любишь ночь? По мнѣ, такъ ночью веселѣе.
Не вѣрю привидѣнямъ даже и во снѣ,
А ночью поневолѣ все страшнѣе
И тишина такая.... Чудо!

БѢЛЬСКІЙ.

Я

Готовъ гулять всю ночь:
Да это страсть моя!
Любить прекрасное такъ натурально
И ночью замечтаешься, печально....
Становится....

Приходъ Павла Павлыча прерываетъ бесѣду.

Свадьба Бѣльскаго съ Машею совѣсьмъ уже слажена, и даже въ тотъ же день Павелъ Павловичъ хочетъ объявить объ ней своимъ знакомымъ. Кстати у него сегодня приѣмный день и они являются все къ нему налицо. Азаровы, графиня Ларина, княгиня Двинова, Боброва, Петровы, Барсуковъ, Гадаевъ, Ускоковъ, Тесаковъ, и даже самъ князь Синицынъ изволилъ пожаловать. А между-тѣмъ сплетня о Бѣльскомъ съ Вельшиной переходитъ изъ устъ въ уста, и все растетъ болѣе и болѣе. Графиня Ларина, какъ дама строго нравственная, не взяла даже съ собою дочери, боясь встрѣчи съ Вельшиной. Петрова уже написала стихи на эту связь, (черта, вѣрно схваченная изъ московской жизни, гдѣ никакое подобное событіе, надѣлавшее шуму, не можетъ пройти, не вызвавъ на себя стиховъ, которые переходятъ изъ рукъ въ руки), все гости перешептываются между собою, но толки свои скрываютъ отъ Павла Павловича, не потому, что Бѣльскій женихъ Маши, этого еще не знаютъ, но потому, что Вельшина племянница Павла Павловича. Но намѣки, двусмысленности, нѣсколько подслуханныхъ словъ, въ которыхъ какъ-то странно перемѣшаны имена Бѣльскаго и Вельшиной, всеобщее молчаніе, когда онъ хочетъ спросить объясненія всѣхъ этихъ толковъ, заставляютъ крѣпко призадуматься Павла Павловича и начинаютъ сильно его беспокоить. Напрасно онъ ищетъ объясненія, все молчатъ; только одинъ князь Синицынъ выводитъ его изъ недоумѣнія. Князь передаетъ ему сплетню, но передаетъ ее не

какъ сплетню, а какъ непреложную истину, и его слова какъ громъ поражаютъ старика.

Павелъ Павловичъ рѣшается отказать Бѣльскому, но какъ это сдѣлать? Онъ предоставилъ Машѣ выборъ жениха, она выбрала Бѣльскаго, онъ одобрилъ этотъ выборъ, и теперь, какъ уговорить дочь отказать Бѣльскому, даже не объясняя ей причины этого отказа, потому что какъ же объяснить ей такую причину.

Сцена отца съ дочерью, по моему мнѣнію — лучшая сцена въ комедіи и я прошу позволенія выписать ее цѣликомъ:

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ (*выходитъ изъ кабинета и садится въ кресло; онъ очень разстроены. Маша, которую онъ не замѣтилъ, останавливается у двери*).

Не вѣрить! Ясно! Есть свидѣтели, ихъ много,
 Все шито, крыто! и нельзя никакъ,
 И неприлично объяснить ей. Просто, такъ
 Велѣть ей отказать, ужъ это слишкомъ строго,
 И Маша не привыкла. До чего
 Я дожилъ. И молчалъ еще! Вотъ жизнь—то наша!
 Ну, ждалъ-ли я.—Какъ приметъ Маша!
 На все она готова для него. —
 Онъ увезетъ... нѣтъ это слишкомъ дерзко. —
 А какъ узнать?.. Онъ поступилъ такъ мерзко,
 На все рѣшится. Не возьму я въ толкъ,
 Чтó дѣлать мнѣ... все спуталось... Рѣшится
 Необходимо и мой долгъ
 За дочь свою вступиться.
 Вѣдь труденъ первый шагъ, а тамъ дамъ балъ,
 Забудетъ... явится другой—она богата.
 А если не захочетъ, чтó тогда-то?
 Нехорошо я Машу воспиталъ;
 Вздоръ—новое, пустое воспитанье
 Держать-бы въ страхъ Божьемъ....

Танцованье,

Немножко по-французски и довольно.—Вотъ
 Идей-то новыхъ плодъ.

Боюсь я дочери сказать два слова;
 А кто же виновать? Повель ужь такъ,
 Хотѣлъ добра ей, самъ попалъ въ просакъ.
 Однакожъ не просить другаго
 Съ ней объясняться.

Кто бы ожидалъ?..

Нельзя не вѣрить, князь вѣдь никогда не лгалъ,
 И знаетъ не одинъ онъ, всѣ—прекрасно!
 А давеча записка—это ясно (*Читаетъ*).

«Вы смѣялись надъ моимъ встревоженнымъ состояніемъ, что же дѣлать? Это впрочемъ естественно. Вы больше, нежели кто-нибудь, поймете почему...»

Улика налицо...

Нѣтъ, надобно рѣшиться. Что-же
 Позднѣе, раньше, все-равно, о Боже!
 А молодца я не пушу и на крыльцо;
 Велю сейчасъ же. А какъ живо
 Я представлялъ себѣ ихъ счастье! Особливо
 Тамъ, черезъ годъ, малютка, маленькій, его
 Назвали—бъ въ честь меня. Съ дѣтьми своими
 До моего конца я прожилъ-бы, я съ ними
 Дѣтей бы нянчилъ. Я люблю дѣтей.
 Такія ножки маленькія, ручки,
 Такое множество затѣй.
 Я баловаль-бы ихъ... Ну, вотъ тебѣ и внучки!
 Тамъ что ни говори, а горько, нѣтъ
 Ужасно горько, и подъ старость лѣтъ.

МАША (*видя, что онъ плачетъ, подбѣгаетъ къ нему*).

Папа, ты плачешь, отчего тебѣ такъ грустно?

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Ты здѣсь?.. Я плачу, да и есть объ чемъ.
 Съ тобой, мой милый другъ, вдводемъ
 Обмануты, да какъ еще искусно!
 Нельзя было подозрѣвать.

(*Послѣ нѣкотораго молчанія*)

Ты помнишь Маша, когда мать
Твоя, покойница, кончалась, ей клялся я
Тебѣ оставить выборъ жениха, одно
Себѣ, однакожь, право оставляя:
Тебя отговорить... такъ видно суждено,
Должно-быть, я предчувствовалъ. Я не напрасно
Тебя любилъ и воспиталъ прекрасно,
Любовью ты отплатишь за любовь.
Пришла минута... я мою узнаю кровь...
Что жъ ты молчишь?

МАША.

Я ничего не понимаю.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Да такъ; и нелегко мой другъ понять.
Я старъ и опытенъ, а увѣряю,
И я не могъ-бы ожидать,
Не то, что ты. Ужасно.

МАША.

Что-жь такое?

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Сказать не долженъ я, да и не хватитъ силъ.

МАША.

Скажи скорѣй, не мучь же вдвое.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ (*останавливаясь на каждомъ словѣ*).

Ты знаешь... какъ я Бѣльскаго любилъ,
Былъ сватѣбѣ радъ... и выборомъ доволенъ...
Теперь....

МАША.

Теперь... Онъ... Что съ нимъ?.. Онъ не боленъ?..
Бываетъ вдругъ...

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Нѣтъ, онъ здоровъ.

Ему что? горе-то не съ нимъ, а съ нами. *(Она что-то хочетъ сказать, онъ знакомъ останавливаетъ ее).*

Да впрочемъ что мнѣ говорить обиняками;

Я все скажу, хоть горько, я готовъ.

Хотѣлъ я приготовить осторожно,

Но ты умна, не промѣняешь ты отца

На перваго гуляку и глупца *(Послѣ нѣкотораго молчанія, рѣшительно).*

Послушай, Маша, сватъба невозможна. *(Помягче).*

Брось Бѣльскаго.

МАША.

Владимира? *(Рѣшительно).* Нѣтъ, никогда!

И не просите.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ *(съ сердцемъ).*

Какъ? Да я просить не стану,

Я просто откажу.

МАША.

Тогда...

(У ней кружится голова, она удерживается за спинку креселъ).

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ *(испуганнымъ голосомъ).*

Сядь, Маша.

МАША *(вдругъ оправляется, подходитъ къ нему твердо).*

Нѣтъ. Такъ вы меня

До нынѣшняго дня

Увѣряли? «Выберешь сама». Прекрасно!

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ *(все мягче и мягче).*

Ахъ, Боже мой, вотъ до чего я дожилъ!

Неужь-то я тебя напрасно-бы тревожилъ?

Вѣдь и еѳо любилъ я, и его
 Я поберегъ бы, въ наши лѣта
 Ужъ думаютъ.... не даромъ же моя печаль
 Неужь-то думаешь, что мнѣ тебя не жаль!
 Поплачь немножко, а ему карета!
 Не это забываютъ... Такъ-ли?

МАША.

Нѣтъ, папа,

Вѣдь я не дура,
 Скажи причины,
 Обсудимъ вмѣстѣ.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Не могу и половины
 Сказать. Повѣрь тому, что говоритъ отецъ,
 Вѣдь всякій знаетъ—я не лжець,
 Тебѣ подавно не солгу я.

МАША.

Такъ не могу рѣшиться я.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Не я одинъ, всѣ знаютъ. Вотъ и князь
 Мнѣ говорилъ. Давно подозрѣвали
 Одну исторію дурную, а вчерась
 Навѣрное узнали.
 Одно вчерашнее ужъ убѣдить могло,
 Еще есть доказательство... а слухи!
 Нѣтъ, онъ наглець!

МАША (вздрагиваетъ при послѣднемъ словѣ).

Сойдутся двѣ старухи,

Наврутъ—за ними и другіе, и пошло...
 Не думаютъ, что этими словами
 Они чернятъ и губятъ, топчутъ въ грязь,
 Имъ что? Считаютъ ихъ судьями,
 Онѣ рѣшаютъ. А вашъ князь
 Недальновидный тоже судить?

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ (съ сердцемъ).

Что?

МАША.

Пустите,

Я все скажу вамъ: оттого,
 Что всё напало на него,
 Что онъ несчастливъ, вы хотите,
 Чтобы и я... Нѣтъ, не могу,
 Божусь вамъ, какъ не стерегите.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Такъ! ну вотъ!
 Вотъ новыхъ воспитаній плодъ!
 Не угляжу... вѣдь это и не ново!
 Нѣтъ, матушка не знала ты меня!
 Посмотримъ мы, чья перетянетъ.
 Меня дѣвчонка не обманетъ!
 Шалите! Съ нынѣшняго дня
 Мы собираемся въ деревню, тамъ на волѣ
 Ты можешь объ своей печальной плакать долѣ...
 Скажу процессъ, скажу, что ты больна,
 Что воздухъ нуженъ—мало-ль что? не знаю...
 Куплю борзыхъ большую стаю,
 И не соскучуся. А ты вольна,
 Голубушка, вздыхать, писать тетради бредней
 И ждать, какъ праздника, со станціи сосѣдней
 Смотрителя, чтобъ душу отвести!
 А, Марья Павловна, вы умницы, всё глупы
 И князь Сяницынъ не въ чести,
 Вамъ съ фраками не жить, посмотришь на тулуцы.
 Чтобъ я остановить не могъ!
 Посмотримъ, познакомимся поближе,
 Я долго ужъ терпѣлъ, согну въ бараній рогъ,
 И будешь тише ты воды и ниже
 Травы! Со мною не шути!
 Ты просто не боишься Бога,
 Не знаешь заповѣдей. Строго

Предписано къ родителямъ почтенье: «Чти
 Отца и мать», и ты почтила!
 Да что и толковать, не въ этомъ сила,
 Одумайся послѣ, а теперь
 Пошла къ себѣ на верхъ и дверь
 Я самъ запру. Не ожидай! убила!
 По-крайней-мѣрѣ десять лѣтъ
 Изъ жизни вонъ. Приятная могила
 Изъ-за кого! И то сказать, предметъ
 Любви вы выбрали прелестный:
 Мерзавецъ, человѣкъ безчестный!

Отецъ оканчиваетъ наставленія тѣмъ, что прежде смерти его онъ не дастъ позволенія на постыдный бракъ.

(Маша во все время, пока онъ говорилъ, дрожала вслѣдъ тѣломъ; она падаетъ безъ чувствъ на полъ; въ залѣ слышенъ смѣхъ).

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Боже мой! *(Бѣжитъ къ двери передней)*. Кто тутъ?
 Скорѣе *(входятъ нѣсколько лакеевъ)*. Ради Бога поскорѣе
 Воды, съ ней дурно *(Одинъ изъ людей бѣжитъ за водою,
 прочіе пособляютъ ему положить Машу на диванъ)*.
 Что-жъ такъ долго не несутъ.

*(Всѣ уходятъ, онъ остается одинъ подлѣ Маши
 и обмахиваетъ ее платкомъ).*

Ей Фекла, Марья, Катерина...

Она умретъ... и я убилъ...

И такъ счастье семейства рушено, Маша и Павелъ Павловичъ убиты, Вельшина опозорена, Бѣльскому отказано отъ дома Гариныхъ, и въ добавокъ онъ получаетъ вызовъ отъ мужа Вельшиной, они дерутся, а между-тѣмъ общество забавляется чтеніемъ стиховъ на связь Вельшиной съ Бѣльскимъ.

Къ концу пьесы, когда между-тѣмъ общество вполне разубѣдилось въ своей сплетнѣ, когда оно вполне увѣрилось, что

Всѣ слухи вышли вздоры,

вбѣгаетъ Тесаковъ—онъ былъ секундантомъ Бѣльскаго,— и объявляетъ, что Бѣльскій раненъ

Даже и опасно,
Едвально переживетъ — подь сердце...

И все эти люди, такъ бессознательно убившіе нѣсколько людей морально и даже одного физически своими безцѣльными сплетнями, своимъ пустословіемъ, начинаютъ упрекать другъ-друга, но потомъ какъ-будто находятъ себѣ оправданіе и даже успокоеніе въ словахъ княгини Двиновой:

Точно этого хотѣли!
Мы все жалѣемъ. Говорили мы безъ всякой цѣли
А такъ... Вѣдь что-нибудь да надо говорить.

Въ разсказѣ нашемъ, несмотря даже на сдѣланныя выписки, мы не могли передать всехъ замѣчательныхъ подробностей этой комедіи, написанной къ несчастію, не вездѣ удачными стихами, мѣстами безъ соблюденія даже цезуры.

Мысль комедіи Ермолова, если хотите, не новая. У Шеридана въ его «Школѣ злословія» она почти та же, но въ комедіи Ермолова она выведена иначе. У Шеридана сплетня основывается все-таки на фактѣ, на интригѣ, дѣйствительно существующей, у Ермолова она вырастаетъ рѣшительно безъ всякаго основанія, и даже не изъ злости, а только изъ пустоты жизни, изъ отсутствія дѣятельности, интересовъ, изъ праздности, изъ недостатка предметовъ для разговора, изъ страсти пустословить, а главное изъ того, что

Вѣдь что-нибудь да надо говорить!

Пустота общества, составляющаго эту сплетню, отсутствіе въ немъ всякой дѣятельности и даже жизни, безцѣльность и бессознательность его разговоровъ и страсть отдѣлаться отъ всего одною бесполезною болтовнею — прекрасно выражены Ермоловымъ въ его комедіи, въ различныхъ представителяхъ этого общества. Пустословить и литераторъ, ничего не пишущій, пустословятъ и славянофилъ, и западникъ, и свѣтская молодая дама, и дама нравственная, и важный господинъ, пустословятъ почти все, болтаютъ безъ цѣли, безъ пользы, не давая себѣ отчета и даже не думая, что иногда пустая болтовня можетъ убить человѣка, погубить счастье семейства. Чтобъ олицетворить разные виды этой пустоты и проистекающей изъ нея и изъ праздности страсти пустословить, въ замѣнъ всякой полезной дѣятельности, автору требовалось большое число дѣйствующихъ лицъ. Чтобъ выразить всю полноту взятой мысли, чтобъ въ разныхъ видахъ ея изобразить всю пустоту об-

щества, автору надобно было взять различныхъ представителей этого общества, и вывести на сцену и ученаго, проводящаго свое время въ бесполезныхъ спорахъ, и важное лицо, съ удовольствіемъ и любопытствомъ слушающее вздорные стишонки о Вельшинной и Бѣльскомъ, въ то время, какъ разсказъ его убилъ отца семейства; и благотворительную даму, дающую «хорошія книги», вмѣсто хлѣба, бѣднымъ, три дни неѣвшимъ. Всѣ лица комедіи, по нашему мнѣнію, необходимы для полноты выраженія ея мысли, и тѣ, которые находятъ, что у автора нѣкоторыя изъ этихъ лицъ совершенно лишнія, не вникаютъ въ основную мысль пьесы. Мы старались показать, какъ авторъ очертилъ выведенныя имъ лица; теперь прибавимъ, что почти всѣ они выдержаны сначала до конца вѣрно и хорошо, развѣ за исключеніемъ одного только князя Вельшина, въ которомъ авторъ хотѣлъ выразить, какую власть надъ человѣкомъ хорошимъ, умнымъ и даже съ характеромъ могутъ имѣть людскіе толки. Князь Вельшинъ не вѣритъ связи своей жены съ Бѣльскимъ, а между-тѣмъ онъ убиваетъ его на дуэли, боясь, чтобъ свѣтъ не сталъ осуждать его за то, что мужъ промолчалъ, слыша такія вещи о своей женѣ. Это лицо у автора вышло неестественно.

Несмотря на все это, комедія не имѣла успѣха. Какая была этому причина?

Причина, по нашему мнѣнію, преимущественно заключается въ самой тонкости чертъ, какими написана комедія. Пьесу эту можно сравнить съ хорошо нарисованной картиной самыми мелкими штрихами. Картина прекрасна, но сцена, и притомъ сцена современная, имѣетъ свои условія: для сцены нужна не картина, а декорация, не мелкая живопись, а размашистое, бросающееся въ глаза декоративное искусство. Сцена требуетъ своего рода *преувеличенія*; сценическое правдоподобіе и естественность условны.

Вообще надо замѣтить, что въ пьесѣ этой нѣтъ такъ-называемыхъ эффектовъ, что немало вредитъ ей на сценѣ. Хорошо придуманный, выведенный и вытекающій изъ самаго дѣйствія, естественный, а не натянутый эффектъ на сценѣ дѣло немаловажное для успѣха пьесы; надо только, чтобъ не было злоупотребленія эффектовъ, какъ у французскихъ мелодраматурговъ, у которыхъ цѣлыя пьесы составлены только изъ однихъ трескучихъ эффектовъ.

Отдѣлка пьесы, хотя и довольно изящна, но черезъ-чуръ мелка и напоминаетъ отдѣлку пьесъ Мюссе; но изъ нихъ на сценѣ имѣютъ успѣхъ только его небольшія пьески, и притомъ для успѣха ихъ, необходимы такіе исполнители, какъ гг. Алланъ, Плесси, Брессанъ, Бертонъ. Маленькія пьесы Альфреда де-Мюссе могли еще найти такихъ исполнителей, ко-

торые были въ состояніи передать всю тонкость разговора этихъ пьесъ; потому—что каждая изъ нихъ требовала для своего исполненія по бѣльшей части не болѣе, какъ *двухъ* исполнителей, а г. Ермолову было слишкомъ трудно, если не вовсе невозможно найти для своей комедіи *восемнадцать* такихъ исполнителей, по числу его дѣйствующихъ лицъ. Въ пьесахъ, написанныхъ такимъ—образомъ, каждая фраза для того, чтобы произвестъ эффектъ, должна быть передана актеромъ въ совершенствѣ, а комедія Ермолова на нашей сценѣ была исполнена старательно, но неболѣе.

Соль комедіи Ермолова довольно мелка, это не Грибоѣдовская соль въ его «Горе отъ ума», а потому на сценѣ она едва могла щекотать нервы самыхъ внимательныхъ слушателей. Притомъ публика отъ комедіи ждала смѣшнаго, а этого Ермоловъ не далъ, и даже почти не могъ дать, потому—что смѣшить по бѣльшей части наружность, а наружность избраннаго Ермоловымъ для комедіи общества не можетъ смѣшить. Въ комедіи Ермолова выведенъ такъ—называемый *bon-ton*, а онъ выработалъ до совершенства, до изящества, свою щегольскую, привлекательную, изящную наружность. Юморъ надъ этимъ обществомъ у Ермолова слишкомъ тонкій, и эта тонкость и повредила комедіи, потому—что на сценѣ онъ вышелъ едва замѣтенъ, несмотря на весь его умъ и остроту. Драматическая же часть пьесы мало трогаеть зрителя, который не видитъ самой эффектной драмы, какъ—напримѣръ отчаянія Павла Павловича при разсказѣ князя Сивилы о связи Бѣльскаго съ Вельшиной, дуэли князя Вельшина съ Бѣльскимъ (потому—что она происходитъ за сценою), а долженъ дополнять ее своимъ воображеніемъ; не видитъ и того, какъ подѣйствовала на Павла Павловича и Машу вѣсть о смерти Бѣльскаго, а зрители или, по—крайней—мѣрѣ, бѣльшая часть ихъ приходятъ въ театръ *смотреть*, а не *воображать*, и требуютъ, чтобы ихъ смѣшили до слезъ, или заставляли ихъ сердца судорожно сжиматься. Для успѣха пьесы на сценѣ мало, чтобы она была умно и хорошо написана,—надобно, чтобы она занимала и интересовала зрителя, чтобы она была вполне доступна ему, чтобы онъ понималъ и цѣнилъ ее, не употребляя особенныхъ усилій.

Все это вмѣстѣ взятое, было причиною, что не имѣла успѣха эта пьеса, заслуживавшая, несмотря на ея недостатки, гораздо лучшей участи.

Разыграна она была весьма старательно, но восемнадцать ролей первыхъ нельзя раздать геніальнымъ актерамъ, а во вторыхъ, нельзя отъ каждаго актера требовать совершенства. Впрочемъ, несмотря на старательность исполненія, комедіи повредило и то, что гг. Щепкинъ и Самаринъ, для которыхъ какъ—бы написаны роли Гарина и Бѣльскаго,

не могли въ ней участвовать, одинъ по-случаю отъѣзда за границу, другой по-причинѣ болѣзни, и хотя ихъ роли были исполнены артистами весьма даровитыми, но какъ онѣ не принадлежали къ амбуа этихъ артистовъ, то нѣкоторые оттѣнки этихъ ролей и пропали на сценѣ.

Успѣху пьесы повредили, между-прочимъ, отчасти также и преувеличенные толки объ ней. Публика ожидала увидѣть въ ней по достоинству, по-крайней-мѣрѣ, второе «Горе отъ ума».

Старый водевиль «Жена какихъ много или мужъ какихъ мало», возобновленный въ бенефисъ г-жи Васильевой, имѣлъ успѣхъ. Разыгранъ онъ былъ довольно строино г-жами Васильевой и Бороздиной, и г. Ленскимъ.

Г. Соловьевъ, режиссеръ московскаго театра, вмѣстѣ съ тѣмъ и драматическій писатель, подарившій уже нашей сценѣ большое количество переведенныхъ и передѣланныхъ имъ пьесъ, изъ которыхъ есть нѣсколько очень хорошихъ, какъ-напримѣръ: «Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ», «Симонъ спротинка», «Самая обыкновенная исторія», «Невѣстѣ сорокъ-пять, приданаго сто тысячъ», «Преступленіе или восемь лѣтъ спустя», и другія. Въ качествѣ драматическаго писателя, онъ почти весь свой бенефисъ, бывшій 5 июня, составилъ изъ своихъ пьесъ, изъ которыхъ двѣ были переведены имъ съ польскаго.

«Старая аристократка» состоитъ въ томъ, что сынъ (Черкасовъ) одной знатной дамы (Львова-Синецкая) женился на ея бѣдной воспитанницѣ (Васильева). Сначала объ этомъ бракѣ старая аристократка и слышать не хочетъ, потомъ смягчается и прощаетъ сына.

Интрига пьесы очень проста, но въ ней хорошо обрисованъ характеръ старой, гордой, непреклонной, слѣпой аристократки, который и былъ очень хорошо передавъ г-жею Львовай-Синецкой.

Комедія съ куплетами «Чему быть того не миновать» имѣетъ слѣдующее содержаніе: Одинъ молодой человѣкъ (Черкасовъ) поссорился въ театрѣ съ другимъ молодымъ человѣкомъ (Колосовъ) и слѣдствіемъ этой ссоры былъ вызовъ на дуэль. Но другъ перваго молодого человѣка (Дмитревскій) уговорилъ его просить извиненія, доказавъ ему, что онъ не правъ, и когда тотъ приходитъ просить извиненія у оскорбленнаго имъ молодого человѣка, то узнаетъ, что неизвѣстная ему молодая дѣвушка (Бороздина), въ которую онъ влюбленъ, сестра именно того самаго, котораго онъ оскорбилъ въ театрѣ. Молодой человѣкъ проситъ вмѣстѣ извиненія и руки этой дѣвушки. Итакъ, вмѣсто дуэли, устроивается свадьба. По нашему мнѣнію, ужъ если переводить дюжинные водевили, такъ лучше съ французскаго; тамъ, по-крайней-мѣрѣ, почти въ

каждомъ водевилѣ интрига ведена занимательно, а если польскіе водевили всѣ таковы, какъ эти «Powzedniczka», то Богъ съ ними.

«Медовый мѣсяцъ, или какъ проводятъ время молодые» былъ напечатанъ, а потому содержаніе его нечего рассказывать. Разыгранъ онъ былъ такъ-себѣ г. Шумскимъ и г-жею Вороновой.

«Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ» одинъ изъ лучшихъ переводныхъ водевилей, и хотя содержаніе его заимствовано съ французскаго, но онъ самъ представляетъ маленькую комедію чисто изъ русскихъ нравовъ, такъ она искусно къ нимъ принаровлена. Пьеса эта уже цѣлые десять лѣтъ живетъ на нашей сценѣ, пользуется большимъ и заслуженнымъ успѣхомъ, и всегда прекрасно разыгрывается. Г. Садовскій и г-жа Сабурова 1-я въ ней истинно прекрасны. Въ бенефисѣ Соловьева роль стараго бриллианщика игралъ въ первый разъ г. Васильевъ. Прежде эту роль занималъ г. Живокини, но у г. Васильева она выходила лучше.

Каждый бенефисъ московскій оканчивается непременно дивертисманомъ. Это уже такъ заведено, и бенефисъ безъ *дивертиссемент* на московской сценѣ кажется невозможностью. *Дивертиссементы* эти до пожара Большаго-театра можно было раздѣлить на обыкновенные и необыкновенные. Обыкновенные состояли изъ плясокъ: по-русски, по-казацки, по-цыгански, по-арабски, и тому-подобное. Въ нихъ участвовали танцовщики и танцовщицы, имена которыхъ на афишѣ можно было встрѣтить только въ *дивертиссемент*ахъ. Въ балетной же афишѣ всѣ эти имена заключало въ себѣ одно слово *кордебалетъ*. Въ дивертиссементахъ же необыкновенныхъ подчасъ можно услышать пѣніе, а танцы въ нихъ исполняются такими танцовщиками и танцовщицами, имена которыхъ на балетныхъ афишкахъ стоятъ въ числѣ именъ солистовъ, солистокъ, корифеевъ московскаго балета. Со времени пожара Большаго-театра *дивертиссементы* всѣхъ бенефисовъ были необыкновенные (если принять это раздѣленіе), потому-что на сценѣ Малаго-театра балетовъ не давалось, а балетные театралы только въ этихъ дивертисманахъ и могли наводить свои бинокли на хорошенькихъ корифей московскаго театра. Въ этихъ дивертисманахъ, къ удовольствію театраловъ и въ воспоминаніе ихъ бывшихъ наслажденій, исполняются то *pas de douze* изъ Пери, то мазурка изъ Сатаниллы, то всегдашній восторгъ театраловъ—полька венгерка.

Г. Соловьевъ не удовольствовался даже подобнымъ необыкновеннымъ дивертисманомъ; вмѣсто его онъ далъ цѣлую интермедію: «Репетиція бенефисному спектаклю», гдѣ выведены нѣкоторыя закулисныя тайны бенефисныхъ спектаклей. Но чтобъ вывести на сцену закулисныя тайны бенефисныхъ спектаклей, мало небольшой интермедіи: этихъ

тайнъ съ избыткомъ достанетъ и на добрый водевиль. Впрочемъ, все-таки попытка (хотя и не новая) г. Соловьева придать хоть какой-нибудь смыслъ этимъ *дивертиссементамъ* заслуживаетъ одобреніе.

Бенефисомъ г. Соловьева кончились бенефисы нынѣшняго сезона московскаго театра, но не кончилась дѣятельность дирекціи относительно постановки новыхъ пьесъ. Несмотря на то, что бенефисы этого сезона доставили сценѣ довольно большое количество новыхъ пьесъ, повтореніями которыхъ она безъ нужды могла бы пробавляться цѣлое лѣто, дирекція, воспользовавшись тѣмъ, что новое открытіе движенія столовъ надѣлало въ Москвѣ столько шума, поставила небольшую пьеску «Движущійся столъ», сцены изъ современной жизни, В. Н. Р. Въ то время, какъ петербургскіе журналы зывали къ своимъ водевиллистамъ, чтобъ они не мѣшкали и скорѣе вклеивали въ рамки водевиля чрезвычайно пригодный для этого вопросъ о движущихся столахъ, перья московскихъ водевилистовъ двигались такъ же легко, какъ столы, и слѣдствіемъ такого движенія были двѣ пьески. Одна изъ нихъ принадлежитъ перу уже извѣстнаго и нѣсколько десятковъ лѣтъ пишущаго литератора, автора Мизогина, Ракановъ, Сюрпризовъ, Москвы, Бѣдности и благотворительности, Комедіи безъ сватьбы, Дуелистовъ, однимъ-словомъ, она принадлежитъ Н. В. Сушкову, другая молодому человѣку, только что начинающему свое литературное поприще и подписавшемуся буквами В. И. Р. Первая пьеса называется «Движущіеся столы», *пустячокъ* въ одномъ дѣйствіи, другая «Движущійся столъ», сцены изъ современной жизни. Изъ этихъ пьесъ послѣдняя была играна на сценѣ, а потому только объ ней мы считаемъ обязанностію сказать нѣсколько словъ, тѣмъ-болѣе, что она была играна и въ Петербургѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1853 года, когда вся Москва бредила движеніемъ столовъ, шляпъ, тарелокъ, колець, стакановъ и даже людей, одинъ мелкій чиновникъ, Калимахъ Пахомычъ Высокохолменскій (Садовскій) вздумалъ справлять свои именины. Мѣсто онъ занимаетъ не слишкомъ завидное, жалованье получаетъ маленькое; съ чего бы, кажется, ему вздумать справлять именины? Да вотъ что: у него обѣщался быть Нефедъ Кузьмичъ Госпожинниковъ (Степановъ). Нефедъ Кузьмичъ лицо важное и богатое, не само-по-себѣ, а въ сравненіи съ другими лицами этой пьесы, и на него Высокохолменскій имѣетъ свои виды. Нефеду Кузьмичу стоить слово сказать—думаетъ Высокохолменскій—и Калимахъ Пахомычъ пойдетъ въ горю, такъ, что его и рукой не достанешь. И онъ изъ всѣхъ силъ старается угодить Нефеду Кузьмичу, для него одного издерживается, думая, что чрезъ это угощеніе Нефедѣ Кузьмичу, онъ Богъ знаетъ что выиграетъ. Но не суждено сбыться мечтамъ Высокохолмен-

скаго. Собрались гости, изволилъ пожаловать и Нефедь Кузьмичъ. Все шло, какъ нельзя лучше, да разговоръ зашелъ о новомъ открытіи, и Нефеду Кузьмичу вздумалось сдѣлать опытъ надъ столомъ съ закускою. Опытъ, къ несчастію, удался, какъ нельзя лучше, столъ пошелъ; но полъ въ квартирѣ Высокохолменскаго былъ весьма неровенъ, столъ упалъ, съ нимъ полетѣла и закуска, и даже упалъ самъ Нефедь Кузьмичъ, поскользнувшись въ пролившейся по полу водкѣ. И такъ всѣ мечты Калимаха Пахомыча разбились, какъ градины съ водкою; разлетѣлись, какъ куски пирога при паденіи стола. Нефедь Кузьмичъ разсердился изволилъ, уѣхалъ, всѣ гости перессорились, разошлись, остался одинъ Калимаха Пахомычъ, совершенно убитый, и говорить съ отчаяніемъ, почти сквозь слезы: «хороши я именины—то справиль... Нефедь Кузьмичъ уѣхалъ... разсердился изволилъ... гости всѣ разошлись,—перессорились... закуска по полу валяется... водка разбилась. Для чего я только убитился... на свою шею... вотъ вамъ и движущійся столъ!»

Это содержаніе, хотя не слишкомъ богатое, но достаточное для небольшихъ *сценъ*, замѣчательно тѣмъ, что въ немъ нѣтъ избитой любовной интриги и сватъбы. Московская публика приняла пьесу съ громкимъ хохотомъ, петербургской—она не понравилась.

Московскій Корреспондентъ.

СМѢСЬ.

ДЕРЕВНЯ.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЯ СЦЕНЫ.

Октава Фелье.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ЖОРЖЪ ДЮЮИ, бывшій нотаріусъ, 60 лѣтъ, нѣсколько пѣшивъ, взглядъ кроткій и живой, костюмъ не совсѣмъ современный.

ГОСПОЖА ДЮЮИ, его жена, 55 лѣтъ, маленькая, кругленькая, хлопотунья, вся въ черномъ.
ТОМАСЪ РУВИЕРЪ, 60 лѣтъ, щегольство бывалаго *визера*, борода вѣромъ, говоритъ громко, не безъ фанфаронства.

МАРИАННА, старая служанка.

Дѣйствіе происходитъ въ небольшомъ мѣстечкѣ одной изъ отдаленныхъ провинцій Франціи.

Гостиная, служащая и столовою. Мебель и обои во вкусѣ Людовика XV. Надъ диваномъ часы въ отѣлкѣ изъ черепахи съ бронзою. Между двухъ оконъ барометръ. Портреты напудренныхъ лицъ, каждый съ письмомъ въ рукѣ. На каминѣ часы подъ колпакомъ эпохи Имперіи; двѣ вазы съ искусственными цвѣтами. — Шестъ часовъ вечера. Зима.

I.

ЖОРЖЪ ДЮЮИ, **ГОСПОЖА ДЮЮИ** и **РУВИЕРЪ** сидятъ за столомъ, передъ каминномъ; Марианна прислуживаетъ. Кругомъ стола похаживаетъ толстая бѣлая кошка.

Г-ЖА ДЮЮИ. Я вамъ говорю, г. Рувіеръ: я думала, онъ совсѣмъ съ ума сошелъ... Прочь, Минетта!.. Бѣжить по лѣстницѣ, кричить:

«Томась! Томась Рувіеръ! Гдѣ этотъ шутъ Томъ. Извините, г. Рувіеръ: вы знаете, это его любимое слово!.. А я-то плетусь за нимъ, догоняю, да и говорю, что это вѣрно г. дю-Люкъ въ новой коляскѣ... потому-что я слышала отъ г-жи Ле-Рандю, что г. дю-Люкъ обѣдаетъ сегодня въ Семонвиллѣ, и такъ-какъ онъ ужъ низачто не проѣдетъ Сен-Совера, чтобъ не заглянуть къ намъ, я и думала...

ДЮПЮИ. Но, другъ мой, что Рувіеру за дѣло до всего этого? Онъ не знаетъ ни г. дю-Люка, ни г-жи Ле-Рандю — не такъ ли? Сверхъ-того, ты знаешь, у г. дю-Люка свои лошади и онъ никогда не ѣздитъ на почтовыхъ. Стало-быть, это не могъ быть онъ.

Г-ЖА ДЮПЮИ. Ну, какъ хочешь, а я была убѣждена, что это онъ.

ДЮПЮИ. Хорошо, хорошо... Смотри, однако, за своей кошкой; она безпрестанно надоѣдаетъ Рувіеру.

Г-ЖА ДЮПЮИ. Прочь, Минетта! Чтò это ты въ-самомъ-дѣлѣ... Сознайся, однакожъ, Дюпюи, что натуральнѣе было ожидать г. дю-Люка, нашего сосѣда, нежели г. Рувіера, котораго я не знала и о которомъ ты самъ не имѣлъ извѣстій больше тридцати лѣтъ. Откровенно говоря... Будьте сами судьей, г. Рувіеръ.

РУВИЕРЪ (*очевидно нѣсколько выведенный изъ терпѣнія*). Вы правы, десять тысячъ разъ правы!.. Но, извините, г-жа Дюпюи, ваши котлеты, кажется, въ бумажкѣ?

Г-ЖА ДЮПЮИ. Я именно такъ и приказывала приготовить Жанеттѣ... Я думала сдѣлать къ лучшему...

РУВИЕРЪ. Капитальное заблужденіе, сударыня. Я объѣхалъ кругомъ всего свѣта, но нужно было пріѣхать въ Сен-Совѣръ-ле-Виконтъ, чтобъ видѣть котлеты въ бумажкѣ.

Г-ЖА ДЮПЮИ. Какъ мнѣ обидно!.. Скушайте рыбки, г. Рувіеръ. У насъ можно имѣть рыбу только разъ въ недѣлю; но такъ-какъ г. Дюпюи очень любитъ рыбу, то я уговорилась съ порбалъскимъ рыбакомъ, и у насъ бываетъ лишнее блюдо каждую среду; и такъ-какъ, слава Богу, сегодня случилась среда...

ДЮПЮИ. Ну хорошо, мой другъ, хорошо! Чтò тутъ любопытнаго для Рувіера, скажи пожалуйста. (*Съ чувствомъ*) Скажи, Томъ, гдѣ былъ ты недѣлю тому назадъ, въ эту минуту?

РУВИЕРЪ. Недѣлю... въ Дублинѣ.

ДЮПЮИ. Въ Дублинѣ! Видишь ты!

РУВИЕРЪ. Изъ Дублина въ Лондонъ, изъ Лондона въ Джерси... и потомъ сюда!

ДЮПЮИ. И въ Джерси тебѣ пришла счастливая мысль нагрѣнуть къ старому товарищу...

РУВИЕРЪ. Вчера утромъ, мой другъ. Въ сѣняхъ моей отели висѣла карта Нормандіи; пробѣгаю ее машинально, въ ожиданіи завтрака, смотрю: Сен-Соверъ-ле-Виконтъ. Сен-Соверъ-ле-Виконтъ, думаю себѣ; да, вѣдь, тутъ, если не ошибаюсь, когда-то жилъ Жоржъ Дююи... пріятель мой Жоржъ! Что жъ, думаю, если живъ онъ, попрошусь къ нему обѣдать проѣздомъ. (*Безпокойно ищетъ глазами по столу*).

Г-ЖА ДЮЮИ (*съ предупредительностію*). Вы ищете чего-то, г. Рувіеръ?

РУВИЕРЪ. Не безпокойтесь, пожалуйста. (*Повышая голосъ*) Марианна!.. Кажется, Марианной зовутъ вашу служанку?.. Марианна, моя милая, нѣтъ ли у васъ лимона? Къ рыбѣ подаютъ лимоны.

Г-ЖА ДЮЮИ (*бѣжитъ къ буфету и возвращается*). Пойдите, пойдите: вотъ лимонъ.

РУВИЕРЪ. Тысячу разъ извините, что обезпокоилъ васъ.

Г-ЖА ДЮЮИ. И такъ, вотъ тридцать лѣтъ, г. Рувіеръ, вы скитаетесь... живете все въ дорогѣ, какъ настоящій странствующій жидъ?

РУВИЕРЪ. Положительно.

Г-ЖА ДЮЮИ. Боже мой, какъ мнѣ это не по сердцу!

РУВИЕРЪ. Вамъ конечно; но я... я оригиналь, вы видите.

Г-ЖА ДЮЮИ. Я думаю, г. Рувіеръ, вамъ въ-продолженіе вашихъ путешествій приходилось ѣсть вещи очень странныя?..

РУВИЕРЪ (*продолжая псть*). Невѣроятныя! Марианна, моя милая, подойди-ка сюда. Судя по запаху, который доходитъ даже сюда, въ кухню собираются жарить кофе. Вообще, и именно въ провинціи, его пережигаютъ, что отнимаетъ у него лучшей аромать... Бѣги же и скажи Жанеттѣ... Такъ кажется зовутъ твою подругу?.. Смотри скажи, что кофе надо только немного поджарить... поджарить только...

МАРИАННА (*съ помолоса уходя*). Все не по немъ!

РУВИЕРЪ. Любезнѣйшая г-жа Дююи, съ этой птицей случилось именно то, чего я боялся за кофе: она пережарена, или вѣришь, изжарена слишкомъ скоро. Жалко: хорошая была птица.

Г-ЖА ДЮЮИ (*съ отчаяніемъ*). Всѣ несчастія разомъ!.. Пожалуйста, извините, г. Рувіеръ... Но вашъ пріѣздъ былъ такъ неожиданъ... вамъ оставалось такъ мало времени... Ради Бога, подарите намъ нѣсколько дней, и вы не то увидите — общаю вамъ.

РУВИЕРЪ. Вы слишкомъ добры; но сегодня же въ девять часовъ, ни минутой позже, я долженъ ѣхать... Да, вы были правы: я ѣдалъ дорогой неслыханныя вещи! Я ѣлъ кускусу подъ палаткой араба, кѣрри, жгучее кѣрри, на берегахъ Гангеса; въ Явѣ ужаснаго трипанга, тамош-

нюю сельдь; въ Китаѣ знаменитыя гнѣзда ласточекъ подъ соусомъ изъ кастороваго масла...

Г-ЖА ДЮПЮИ. Боже мой!

РУВИЕРЪ. На Панамѣ, я ѣлъ жареныхъ обезьянъ... Нѣтъ въ цѣломъ мірѣ кушанья, котораго бы я не отвѣдалъ!

ДЮПЮИ. Шутъ этотъ Томъ!

РУВИЕРЪ. И если есть въ подлунной менѣ церемонный гость за обѣдомъ,—смѣю льстить себя надеждой, что это я. Индѣйцы Скалистыхъ горъ... эти дикари дѣйствительно одарены необыкновенной проникательностью!.. индѣйцы, говорю, дали мнѣ на своемъ языкѣ прозваніе, которое, слово-въ-слово, значить: желудокъ хорошаго расположенія духа... Я всегда всѣмъ доволенъ.

Г-ЖА ДЮПЮИ. Не возьмете ли третьяго бекасика, г. Рувьеръ? Я съ удовольствіемъ вижу: вы ихъ любите.

РУВИЕРЪ. Сто разъ благодарю; да, люблю бекасиковъ, не спорю. Но въ этихъ одинъ недостатокъ, и я не могу его скрыть отъ васъ: кромѣ того, что они слишкомъ недавно убиты, вы забыли слегка посыпать ихъ самымъ мелкимъ перцемъ, что необходимо для этой дичи... Простите мое любопытство, но ничто въ жизни, я думаю, меня такъ не интриговало, какъ это блюдо, вотъ на этой канфоркѣ... что это такое?

ДЮПЮИ. Другъ мой, это я для тебя велѣлъ приготовить: это макароны.

РУВИЕРЪ. Макароны... это?

Г-ЖА ДЮПЮИ. Да, г. Рувьеръ... это любезность Жоржа. Онъ мнѣ напомнилъ, что вы долго жили въ Италіи; я поскорѣй послала къ лавочнику, у котораго, къ счастью, случился маленькій запасъ макаронъ, и съ помощью «Королевскаго повара», потому—что Жанетта сбилась съ толку, я попробовала приготовить ихъ для васъ по-итальянски.

РУВИЕРЪ. По-итальянски! Но помилуйте, это совсѣмъ не по-итальянски... Впрочемъ, быть-можетъ, все-таки хорошо. Посмотримъ.

ДЮПЮИ (*посль паузы*). Ну что, мой другъ?

РУВИЕРЪ (*рѣшительно*). Другъ мой, этого жевать нельзя! Это органичныя трубки! Что жъ это, наконецъ! Стало-быть это ископаемые макароны, окаменѣлые... Богъ знаетъ что такое! Надо велѣть взять лавочника, который вамъ это продалъ... Онъ вѣрно принадлежитъ къ какому-нибудь обществу ассасиновъ...

ДЮПЮИ. Марианна, возьми тарелку у г. Рувьера. О другъ мой, чѣмъ же мы тебя накормимъ?

РУВИЕРЪ. Я не прихотливъ! При томъ, вино твое отлично.

Г-ЖА ДЮПЮИ. Я ужъ и не знаю что сказать. Я умру съ горя...

Г. Рувіеръ, отвѣдайте, по крайней-мѣрѣ, моего рисоваго пирога — умоляю васъ на колѣняхъ.

РУВИЕРЪ. Очень охотно... какъ только покончу съ этимъ горошкомъ, который былъ бы безиподобенъ, еслибы немножко пожалѣли масла.
(Слышенъ звонъ колокола).

Г-ЖА ДЮПИИ. Ахъ! ужъ звонятъ въ церковь! (Встаетъ) Извините, г. Рувіеръ, я на минуту васъ оставляю; но вернусь до вашего отъѣзда. (Беретъ съ кресла мантилью).

РУВИЕРЪ. Какъ, вы хотите идти въ такую погоду?

ДЮПИИ. Жена моя, мой другъ, всякій день ходитъ въ церковь, не глядя на погоду, зиму и лѣто.

РУВИЕРЪ. А, хорошо! Я надѣюсь, вы довольны вашимъ пасторомъ, г-жа Дюпию?

Г-ЖА ДЮПИИ. О, какъ же! Что за достойный человекъ! Видите, пробудьте вы всего сутки, онъ завтра у насъ обѣдаетъ, и вы вѣрно бы не пожалѣли, что познакомились съ нимъ.

РУВИЕРЪ. Я убѣжденъ въ этомъ, г-жа Дюпию, увѣряю васъ; но ужъ до другаго раза...

Г-ЖА ДЮПИИ. Жоржъ, угощай хорошенько, гостя, пожалуйста, и пуще всего не забудь: г. Рувіеръ обѣщался отвѣдать моего риса... Рекомендую вамъ тоже мои варенья... Я сама ихъ дѣлаю, и это одна изъ моихъ маленькихъ претензій на искусство... До свиданія, милый г. Рувіеръ.

РУВИЕРЪ. До свиданія. (Г-жа Дюпию уходитъ).

II.

ДЮПИИ, РУВИЕРЪ и МАРИАННА.

РУВИЕРЪ. Гмъ!.. Посмотримъ рисъ...

ДЮПИИ. Пей же, мой другъ; ты совѣмъ не пьешь! (Опускаетъ глаза) Скажи, пожалуйста, Томаеъ, ужасной ты нашелъ провинціалкой мою жену, не правда ли?

РУВИЕРЪ. Но... нѣтъ.

ДЮПИИ. Что жъ прикажешь? Она отсюда отроду ни ногой.. Ну, и пріѣздъ твой сбиль ее съ толку... Говоритъ вкось и вкривь: пусть-ки такія, что уши вянутъ.

РУВИЕРЪ. Вовсе, нѣтъ.

ДЮПИИ. Да такъ ужъ! Не говори мнѣ! Ты былъ не въ своей тарелкѣ. Я и самъ тоже, впрочемъ... Право, мы какъ-будто дали обѣщаніе выказать себя съ самыхъ неблагопріятныхъ сторонъ... Я тѣмъ больше обѣсилъ, что есть у ней и хорошія стороны, а бываютъ и удивительныя... Бѣдная женщина!..

РУВИЕРЪ. Я въ этомъ ни мало не сомнѣваюсь, мой другъ... Рись ея чудесный, попробуй!

ДЮПЮИ (*сердито на кошку*). Прочь, Минетта! Я велю утопить эту гадину. (*Маріаннѣ*) Уведи кошку. Если она опять придетъ, я ее въ окно выкину. Неси кофе, и оставь насъ.

МАРИАННА. Пойдемъ, бѣдненькая — коли парижскіе господа тебя не любятъ. (*Въ полголоса выходя*) Все поставилъ вверхъ-дномъ въ домѣ!

РУВИЕРЪ (*вязавъ щипцы, шевелитъ въ каминъ и напѣваетъ*). O bell'alma innamorata!.. o bell'alma innamorata!.. У васъ тутъ нѣтъ театра въ Сен-Соверѣ.

ДЮПЮИ. Театра? Хорошъ ты!.. У насъ театръ бываетъ только на ярмаркѣ, каждый годъ, въ половинѣ поста.

РУВИЕРЪ. Плохо!.. Чтò жъ вы дѣлаете по вечерамъ?

ДЮПЮИ. Гм! Зимой, болтаемъ у каминна, играемъ въ пикетъ, жена и я, или въ вистикъ съ сосѣдями...

РУВИЕРЪ. Ай-ай!..

ДЮПЮИ. Лѣтомъ, я немного работаю въ саду... Потомъ мы гуляемъ по дорогѣ, до пригорка, на берегу, — или въ рощицѣ, вдоль рѣки... ну а тамъ... ложатся здѣсь рано!

РУВИЕРЪ. Гм!.. Это все очень нравственно! (*Минута молчанія, Маріанна, убравъ со стола, уходитъ*).

ДЮПЮИ. Наконецъ мы одни! Я могу свободно пожать тебѣ руку, мой добрый Томасъ, мой старыи товарищъ! Да пей же, Томъ; ты не пьешь! Ты скажешь мнѣ, что думаешь объ этой наливкѣ, пріятель!.. За твое здоровье, мой другъ!.. Знаешь ли, вѣдь мы тридцать-пять лѣтъ не видались?

РУВИЕРЪ. Да, тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, или развѣ безъ маленькаго, какъ мы обнимались на улицѣ Монмартръ, на почтовомъ дворѣ, и клялись другъ-другу въ дружбѣ и перепискѣ... вѣчныхъ... Корреспонденція прекратилась, разумѣется, черезъ два года; но дружба тѣла подъ пепломъ... А добрая у тебя наливка!

ДЮПЮИ. По вкусу тебѣ? очень радъ! Право есть еще пріятныя минуты въ жизни, Томъ; сознайся?

РУВИЕРЪ. Кому ты это говоришь!

ДЮПЮИ. И то! Тебѣ-ли не знать этого, Жюковдъ! Ты несколько не измѣнился! остался также молодъ... «Молодъ я былъ и прекрасенъ!» помнишь, какъ это говорилъ Тальма?... Борода и усы у тебя точно у льва... Пей, мой другъ.

РУВИЕРЪ. Душа ты моя, Жоржъ! (*Облокачивается на столъ,*

говоря самымъ дружескимъ тономъ). Скажи на милость, что это была у тебя за идея зарыться въ этомъ захолустьи,—а?

ДЮПЮИ (вдругъ серьезный). Ты находишь; я одичалъ, опустился?

РУВИЕРЪ. Нѣтъ, но что это за мысль, скажи-ка—между нами.

ДЮПЮИ. Да ужъ такъ—опустился, я и самъ чувствую. О, другъ мой! Провинція, видишь-ли, это не пустое слово! Она не украдала своей славы, несчастная!.. Я люблю сравнивать ее съ этими источниками теплыхъ водъ, которые принимаютъ въ себя живое существо, а отдаютъ .. окаменѣлость... Что за идея, ты спрашиваешь? Э, Богъ мой! Да что такое жизнь, Томъ? Сцѣпленіе случайностей, роковая сѣть, которая охватитъ тебя отъ рожденія... и тянись до могилы!.. Вотъ ромъ, мой другъ.

РУВИЕРЪ. Имѣешь ты привычку каждый вечеръ предаваться такимъ щедрымъ возліяніямъ Бахусу—а, Жоржъ?

ДЮПЮИ. Никогда, мой другъ. Это въ честь тебѣ.

РУВИЕРЪ. То-то, я ужъ думаю себѣ... Это ромъ никакъ?.. Хорошо; продолжай свою одиссею.

ДЮПЮИ. Въ Парижѣ, ты знаешь, я рассчитывалъ на блистательную будущность: я долженъ былъ приобрести, на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, контору адвоката кассационнаго суда. Пріѣзжаю сюда по семейнымъ дѣламъ, думая пробыть много-много три мѣсяца... Какъ-бы не такъ! Какъ возьметъ тебя за шиворотъ провинція, такъ удѣшится, что...

«И жадный Ахеронъ добычи не отдастъ!»

Словомъ, я предался очарованію... грубому, конечно, но ежедневному, непрерывному... этого провинціального житья-бытья; самъ не зная, втянулся въ это пустое спокойствіе, въ изнѣженныя привычки, въ тихое однообразіе, безъ недовѣрія къ искушеніямъ, пустымъ пожалуй—но въ одно прекрасное утро очутился накрытымъ ими, какъ желѣзной сѣткой—и остался плѣннымъ!

РУВИЕРЪ. Ого! Г-жа Дюпюи, я воображаю, тоже участвовала въ этой развязкѣ?

ДЮПЮИ. Другъ мой, вѣрь мнѣ или не вѣрь, но она была очаровательна. Кромѣ-того, была еще жива моя старуха мать; она видѣла свое счастье въ томъ, чтобъ я поселился здѣсь. Наконецъ, я женился, снялъ контору моего тестя—и всему конецъ... Вышей-ка киршвейна, Томъ.

РУВИЕРЪ. Сейчасъ. Но, скажи мнѣ, не сидѣлъ же ты тридцать лѣтъ безвыходно въ своемъ округѣ—быть не можетъ? Ты объѣхалъ по-крайней-мѣрѣ Францію? Бываешь иногда въ Парижѣ?

ДЮПЮИ. Не говори мнѣ объ этомъ. Я объѣхалъ Францію не далѣе моего сада, а Парижа не видалъ со дня нашего прощанія въ Монмартрской-улицѣ.

РУВИЕРЪ. Какъ, чортъ возьми!.. У тебя была страсть къ путешествіямъ прежде?

ДЮПЮИ. И теперь тоже, мой другъ; да что станешь дѣлать? Живннвшисъ, я имѣлъ намѣреніе продать мою контору по истеченіи пятнадцати лѣтъ, сдѣлавъ кое-какія экономіи. Я думалъ свезти тогда жену въ Парижъ, а оттуда въ Пиренеи... Это была моя манія — увидѣть Пиренеи... а тутъ родилась у насъ дочь послѣ пяти лѣтъ женитьбы...

РУВИЕРЪ. У тебя дочь?

ДЮПЮИ. Еще бы! Помилуй, я ужъ дѣдъ... Чу, надо было продержать контору лишнихъ десять лѣтъ, чтобы дать приличное приданое. Какъ продалъ ее... старъ сталъ... и остался сидѣть въ креслѣ!.. Я тебѣ говорилъ: вся моя жизнь сцѣпленіе роковыхъ событій... Не сдѣлаемъ-ли мы пушъ, мой другъ?

РУВИЕРЪ. Сдѣлаемъ... Такъ у тебя дочь? И ты хорошо ее выдалъ, надѣюсь?

ДЮПЮИ. Очень. Она вышла за подпрефекта.

РУВИЕРЪ. За подпрефекта! Вотъ что!.. Ты много кладешь лимона.

ДЮПЮИ. Ты думаешь?.. Послушай, Томъ, объясни мнѣ одну тайну: какимъ-образомъ твоего умѣренного состоянія могло, въ-продолженіе полувѣка, хватить на твою праздную и великолѣпную жизнь?

РУВИЕРЪ (*горячась*). Мой другъ, у меня было десять тысячъ ливровъ дохода съ земель; я началъ съ того, что обратилъ мое состояніе въ банковые билеты, что удвоило мой доходъ; потомъ обратилъ все въ пожизненный доходъ, что его утроило. Тогда, свободный отъ всякаго стѣснительнаго отношенія, отъ всякой связи, отъ всякой общественной преграды, гражданинъ цѣлаго міра, вольный какъ птица, я порхнулъ въ пространство! За твое здоровье, другъ Жоржъ!

ДЮПЮИ. Шутъ этотъ Томъ! Что жъ, вѣдь ты поступилъ рѣшительно, великолѣпно!

РУВИЕРЪ. Я посвятилъ мою юность отдаленнымъ странствіямъ, берегая для зрѣлаго возраста мѣньшія тягости. Моя нога, вотъ эта самая нога, Жоржъ, смѣшивала слѣдъ свой съ слѣдами тигра и слона на равнинахъ Индіи. Я не отставалъ отъ этихъ бродягъ исполиновъ въ ихъ бамбуковыхъ лѣсахъ, высокихъ и торжественныхъ.

ДЮПЮИ. Вотъ это жизнь, чортъ возьми!

РУВИЕРЪ. Два года спустя, я пріѣхалъ въ Кантонъ. Это было чудною лѣтнею ночью. Праздновали день восшествія китайскаго императора.

Наша лодка едва могла пробраться между яликовъ и лодокъ съ цвѣтами, увѣшенныхъ бездною фонарей; огни тысячи цвѣтовъ отражались въ рѣкѣ, вмѣстѣ съ звѣздами; издали мы видѣли свѣтившіеся на берегу фарфоровые храмы!..

ДЮПИИ. Волшебное зрѣлище! Счастливецъ Томъ!

РУВИЕРЪ. Избавляю тебя отъ переходовъ. Изъ Китая я пустился въ Америку. Тамъ я путешествовалъ нѣсколько лѣтъ, спускаясь съ сѣвера на югъ, съ саваннъ въ пампасы, изъ огромныхъ суровыхъ лѣсовъ Канады въ веселыя рощи Бразиліи, то пѣшкомъ, то верхомъ, то — въ пирогѣ. Всего дольше пробылъ я въ Перу. Я не могъ вырваться изъ кокетливаго города, Лимы! (*Съ особенной скромностію*). У меня были на это важныя причины!..

ДЮПИИ. О, плуть! О, разбойникъ!

РУВИЕРЪ. И потомъ, я сдѣлался игрокомъ. Ты съ трудомъ вообразишь себѣ, Жоржъ, притягательную силу игорнаго стола въ этой странѣ. Какъ-будто кто высыпалъ на сукно плоды одного изъ тѣхъ волшебныхъ деревьевъ, которыя распускаются въ восточной легендѣ. Серебра тамъ увидишь мало, или и совсѣмъ не увидишь: но матовый слитокъ мѣшается тамъ съ золотыми блестками, огонь брилліанта съ молочнымъ свѣтомъ жемчуга; всѣ сокровища, похищенные наканунѣ у океана и земли, сталкиваются на твоихъ глазахъ. Сидишь цѣлыя ночи, съ прикованнымъ взглядомъ, съ растопленнымъ мозгомъ, — и переходишь двадцать разъ между закатомъ и восходомъ солнца, съ богатства Ротшильдова до нищеты Юва; плѣшивѣешь, сходишь съ ума, но зато сильно чувствуешь!

ДЮПИИ. Ну да!.. А я? Не игралъ отъ роду ни во что, кромѣ этого скучнаго виста, по пяти сантимовъ фишку!.. Но продолжай, Томъ! Ты меня электризуешь!

РУВИЕРЪ. Всему бываетъ конецъ, какъ ты знаешь. Въ одинъ грустный день, я сѣлъ на американское китоловное судно, которое отправлялось къ южному полюсу. Я прикоснулся рукою къ холоднымъ гранямъ нашего міра; видѣлъ, на ихъ лдяныхъ цоколяхъ, моржей съ человѣческими лицами, которые сидятъ на корточкахъ и мечтаютъ, какъ оивскіе сфинксы. Среди этихъ безмолвныхъ лимбовъ, чуждыхъ земной жизни, мною овладѣли ощущенія иного міра. Мнѣ представлялось, что я вижу новую планету. Я видѣлъ тамъ, если не ошибаюсь, дни и ночи, какія должны быть на нашемъ блѣдномъ спутникѣ... Что тебѣ сказать, мой другъ... Послѣ трехъ лѣтъ, не менѣе полныхъ приключеніями, — я очутился въ Рио-Жанейро, откуда отплылъ въ Европу, объѣхавъ всю окрестность земли... Такъ прошла моя молодость.

ДЮПЮИ. Другъ мой, кто не позавидуетъ тебѣ! А съ-тѣхъ-поръ, Томъ?

РУВИЕРЪ. Съ-тѣхъ-поръ, я больше не путешествовалъ. Я прогуливался сначала по Средиземному-морю... Я воображалъ себя на тюльерійскомъ бассейнѣ!.. Я осмотрѣлъ все его берега. Мало-по-малу, помѣръ-того какъ пришли зрѣлыя лѣта, я ограндчилъ мой кругъ, и теперь живу въ Европѣ, переселяясь изъ города въ городъ. Европа, мой милый, моя собственность, мое владѣніе! Все праздники, которые даютъ въ ней природа и люди, даются для меня! Для меня у Неаполя его заливъ и театръ Сан-Карло, у Парижа—бульвары и Рашель, у Мадрида—Прадо и бой быковъ! Для меня дѣлали лондонскую выставку!.. Ну! Выпьемъ!

ДЮПЮИ. Томасъ, ты рожденъ гениемъ!.. Но ты ничего не говоришь о женщинахъ, мой другъ? Ты долженъ былъ видѣть великолѣпныхъ женщинъ! Въ Римѣ, наиримѣръ? Этотъ чудный римскій типъ, эти загорѣлыя жницы Агго гомано?

РУВИЕРЪ. Да, особенно въ Транстеверѣ.

ДЮПЮИ. А въ Азіи?.. Въ Смирнѣ?.. Ты былъ въ Смирнѣ?.. Эти восхитительныя дочери Іоніи, съ секинами въ волосахъ... ты ихъ видѣлъ?

РУВИЕРЪ. Какъ же!

ДЮПЮИ. А памятники, Томъ ты о нихъ тоже ни слова? Альямбра, Колизей, Партенонъ?

РУВИЕРЪ. Не говорилъ потому, что эта дрянь вездѣ есть. Это видѣлъ всякій! (*Минута молчанія*).

ДЮПЮИ (*сильно стуча по столу*). Проклятіе! (*Встаетъ, запускаетъ руки въ карманы и начинаетъ ходить*).

РУВИЕРЪ. Что съ тобой?

ДЮПЮИ. Ахъ, Томъ, Томъ! Меня бросаетъ въ краску, какъ только сравню я твою судьбу съ моею. Между-тѣмъ какъ твое сердце считало свои бѣшенія благородными или пріятными ощущеніями, мое—означало время какъ стѣнные часы на кухнѣ! (*Останавливается*). Потому-что... развѣ я жилъ... я? Вздоръ! Я родился! я спалъ и ѣлъ, и все тутъ! Что же вышло? Я одурѣлъ, я загрузѣлъ, я опустился, на лѣстницѣ существъ, до идіота... да раковины, до моллюска!

РУВИЕРЪ. Ну, ты заходишь слишкомъ далеко. Если у тебя нѣтъ той свѣжести воображенія, той живости ума, какъ прежде...

ДЮПЮИ. Ага! Видишь-ли, ты признаешься: я очень опустился.

РУВИЕРЪ (*встаетъ, закуриваетъ сигару, прислоняется къ камину, поправляя усы*). Послушай, Жоржъ, я буду откровененъ. Ты знаешь,

я всегда былъ откровененъ... Первое впечатлѣніе, когда я вступилъ въ твой домъ, было тяжелое. На меня повѣяло, не знаю, какимъ-то запахомъ некрополя. Мнѣ казалось, я проникъ въ одно изъ обиталищъ древняго вѣка, завоеванныхъ у смерти терпѣніемъ антикварія. Покуда пошли сказать тебѣ о моемъ прїездѣ, я съ одурѣлымъ любопытствомъ разсматривалъ эту мебель, эти картины, эти обои и драпировку, которыхъ мрачная чистота какъ-будто просится въ музеумъ рѣдкостей; я припоминалъ утонченность твоего ума, щегольство твоихъ привычекъ, твой просвѣщенный вкусъ къ искусствамъ, и рѣшительно не могъ примирить прежнихъ блестящихъ надеждъ съ грустнымъ и пошлымъ существованіемъ, доказательства котораго печалили меня. Ты вошелъ, заговорилъ... Были ли зрѣніе мое и сужденіе подъ вліяніемъ размышлений, среди которыхъ ты засталъ меня, не знаю... но рѣчь твоя поразила меня... твой лобъ, казалось мнѣ, даже съузился... я отеръ набѣжавшую слезу, и невольно, какъ-бы передъ твоей могилой, подумалъ: «Вотъ все, что осталось отъ моего друга!».. Я не оскорбляю тебя, Жоржъ!

ДЮЮИ. Нѣтъ, Томъ, нѣтъ. Я и безъ того чувствовалъ свое паденіе. Я подозрѣвалъ его, по-крайней-мѣрѣ, и это подозрѣніе было невыносимо. Гораздо лучше увѣренность...

РУВИЕРЪ. Поговоримъ о другомъ, мой другъ... Ты продалъ свою контору? Что жъ ты теперь думаешь дѣлать?

ДЮЮИ. Что мнѣ дѣлать! Буду продолжать умирать.

РУВИЕРЪ. Нѣтъ, лучше воскресай!.. Будемъ говорить серьезно, Жоржъ. Ты, женись, создалъ себѣ обязанности, ты выполнилъ ихъ до конца: прекрасно! Но теперь будущность твоей жены, дочери обезпечена... Что жъ тебѣ мѣшаетъ на годъ, на два опять окунуться въ потокъ блестящей жизни, освѣжить въ немъ твои силы? Ты знаешь, какимъ чуднымъ образомъ теперь путешествуютъ: въ два года ты можешь объѣхать Европу и захватить даже частичку Азіи... Отъ прикосновенія къ самымъ лучезарнымъ созданіямъ природы и искусства вся твоя свѣжесть, все движеніе твоей мысли возвратятся... Ты можешь удовлетворить эти желанія, которыя гложутъ твое сердце и сокращаютъ дни! Въ два года, не больше! И теперь, если ты предпочитаешь самоубійство во что-бы то ни стало, — твоя воля!

ДЮЮИ. Да, помилуй, мой другъ; на что это будетъ похоже — мнѣ, въ мои лѣта, пуститься въ путь одному, какъ школьнику?

РУВИЕРЪ (*подходя*). Кто тебѣ говоритъ: одному? А я-то на что? Развѣ не готова къ твоимъ услугамъ моя опытность, мой экипажъ, мой слуга, наконецъ, все, что я имѣю?

ДЮПИИ. Какъ, Томъ? Въ-самомъ-дѣлѣ? Ты бы вездѣ мнѣ сопутствовалъ? (*Начинаютъ ходить рядомъ.*)

РУВИЕРЪ. За руку поведу, любезный! Отвѣчу за проводниковъ, за чичероне, за всѣ эти наказанія для туриста. Не благодари меня: я въ восхищеніи самъ. Твои впечатлѣнія оживятъ мои. А потомъ, развѣ это не пріятно, Жоржъ, кончить вмѣстѣ жизнь, какъ мы ее начали: слить въ одно наши удовольствія, приключенія, наши шкатулки? Ну, рѣшено что-ли? а?

ДЮПИИ. Признаюсь, мой другъ, никакой планъ не улыбался мнѣ больше; но....

РУВИЕРЪ. Никакихъ «но», конечно! Конецъ зимы мы дождемся въ Парижѣ: тамъ, покуда, чтобъ потерпѣть, ты увидишь музеи, спектакли... Я сведу тебя за кулисы... ты услышишь Альбони, Кривелли... Ты прежде любилъ музыку?

ДЮПИИ. И теперь люблю, мой другъ! Я до-сихъ-поръ играю на флейтѣ.

РУВИЕРЪ (*съ увлеченіемъ*). Возьмешь флейту съ собой... Что, бишь, я говорилъ?... Да... Зиму въ Парижѣ: рѣшено; но съ первыми днями весны мы переходимъ Пириней; проводимъ три мѣсяца на полуостровѣ... Мы воспользуемся лѣтомъ, чтобы объѣхать столицы Германіи... и спустимся въ Италію черезъ Триестъ и Венецію.... Что ты скажешь объ этомъ планѣ?

ДЮПИИ (*останавливается*). Скажу (*съ рѣшимостію*) что онъ восхищаетъ меня... Дай мнѣ сигару!.. Я скажу, что ты правъ, что я довольно долго жилъ для другихъ... что я далъ въ моей жизни довольно мѣста жертвамъ! Есть, наконецъ, обязанности и въ отношеніи къ самому-себѣ (*Пускаетъ страшные клубы дыма*). Человѣкъ обязанъ отчетомъ въ своихъ дарованіяхъ!.. Умъ, воображеніе, чувство красоты — это благодѣянія, которыя обязываютъ, Томъ! Срамъ, преступленіе, достойное дикаря, давать этому священному пламени умереть подъ гасильникомъ!

РУВИЕРЪ. Ага! Взялся за умъ! Узнаю теперь моего Жоржа!.. Слушай же, мой другъ; давай ковать желѣзо, пока горячо. (*Зоветъ*). Марианна!

ДЮПИИ (*вдругъ понижая голосъ*). Те... те! Зачѣмъ тебѣ ее?

РУВИЕРЪ. Сказать ей, что ты ѣдешь, чтобы она приготовила, что нужно... Марианна!

ДЮПИИ. Те... те!.. Какъ же это? Развѣ мы сегодня же ѣдемъ?

РУВИЕРЪ. Въ девять часовъ... Я заказалъ лошадей къ девяти часамъ, ты знаешь.

ДЮЮИ. Да, знаю... Но ночь того-и-гляди будетъ ужасная... холодно, какъ въ Камчаткѣ... Мнѣ кажется, можно бы какъ-нибудь подождать до завтрашняго утра?

РУВИЕРЪ. Послушай, если ты боишься ознобить руки, если тебѣ страшна ночь въ каретѣ, нахлобучь себѣ колпакъ на носъ, ложись спать, и не говори мнѣ о путешествіи!

ДЮЮИ. Другъ мой, я не боюсь ничего и никого; но меня немножко удивляетъ эта торопливость. Я думалъ, все ужъ дня два-три... оглядѣться, знаешь... приготовиться...

РУВИЕРЪ. Какія тутъ приготовленія? Тебѣ нуженъ чемоданъ и немножко бѣлья; на это часа времени довольно. Нѣтъ у тебя денегъ, у меня есть. Ну, не ребячься же, Жоржъ; если ты отложишь свой отъѣздъ на два или на три дня, ясно, для тебя, какъ для меня, что ты не поѣдешь. Я не имѣю надобности говорить тебѣ, какія вліянія, какія препятствія побѣдятъ твою храбрость и уничтожатъ твою рѣшимость. Что бы тамъ ни было въ этихъ случаяхъ, нужно рѣшиться разомъ, или отказаться...

ДЮЮИ (*минуту подумавъ*). Ты опять-таки правъ... Давай руку, Рувіеръ. Ёду.

РУВИЕРЪ (*зоветъ*). Мар...

ДЮЮИ (*поспѣшно*). Нѣтъ, не зови Маріанны... ненужно; я лучше ее знаю, что мнѣ надо. Я самъ все уложу, какъ только придетъ жена. (*Сматриваетъ на часы*). Восемь часовъ... теперь она скоро... Что жъ! Разумѣется, минута... невеселая минута, согласенъ... но, наконецъ, совѣсть на моей сторонѣ... да и... если моя чаша будетъ полна упоительнымъ напиткомъ, что за бѣда немножко горечи по краямъ? Ахъ, Томъ! Какая неожиданная перспектива! Гренада, Венеція, Неаполь!.. Сонъ!.. Пять минутъ девятого... Я далъ бы двадцать пять червонцевъ, чтобъ постарѣть на часъ... на четверть часа — только... Знаю, что это слабость, но...

РУВИЕРЪ. Хочешь, я возьму на себя предупредить твою жену?

ДЮЮИ. Откровенно сказать, Томъ, ты окажешь мнѣ услугу.

РУВИЕРЪ. Что жъ, изволь. Ну, кончено. Поди, укладывайся.

ДЮЮИ. Не то, чтобы, понимаешь, я боялся неприятной сцены; нѣтъ — это не въ ея характерѣ.

РУВИЕРЪ. Увижу, увижу.

ДЮЮИ. Въ-особенности, скажи ей, что я ее настоятельно прошу сохранить свое спокойствіе. Нѣжности только разстрогать меня и не поведутъ ни къ чему.

РУВИЕРЪ. Скажу, скажу. Сбирайся же!

ДЮЮИ. Иду, иду. (*Возвращаясь*). Другъ мой, все это ты ей... полегче... а?

РУВИЕРЪ. Будь покоенъ. Только ты ужъ, не оставляй меня одного, какъ я выйду впередъ...

ДЮЮИ. Фи! Бѣжать во-время сраженія! Ты меня обижаешь, Томъ!

РУВИЕРЪ. Нѣтъ... потому-что въ этомъ случаѣ преглупая моя будетъ роль, понимаешь?

ДЮЮИ. Томъ Рувьеръ, я имѣю честь подтвердить вамъ, что рѣшеніе мое неизмѣнно, что сегодня вечеромъ, въ девять часовъ, была-не-была, я ѣду съ вами, и если вы желаете, чтобъ я далъ вамъ мое честное слово, даю... Доволенъ?

РУВИЕРЪ (*беретъ его за плечи*). Укладывайся! (*Дююи уходитъ*).

III.

РУВИЕРЪ одинъ; протираетъ руки.

А а! Такъ теперь съ вами, госпожа Дююи!.. Конечно, моя главная цѣль въ этомъ дѣлѣ, обязать Жоржа... наставить его; но я не равнодушенъ къ удовольствію бросить молнію... въ строгость этой смѣшной матроны... Вотъ женщина, признаюсь, которая опрокидываетъ всѣ мои понятія... Рѣшительно невозможно, чтобы порядочный чело-вѣкъ былъ осужденъ на вѣчное пребываніе въ одномъ мѣстѣ съ созданіемъ непріятнымъ... И не видавши еще этой женщины, я ее понялъ, я ее обсудилъ: она была мнѣ ненавистна! Да, я ее разгадалъ, начиная отъ ея валеныхъ башмаковъ, до чепчика съ плоскими оборками... Въ системѣ этого пошлаго быта всѣ ея дѣла и поступки—въ блаженной симметріи, которая придаетъ всей этой мебели, такъ мудро разставленной, видъ глубокой скуки,—въ приторномъ методизмѣ, которымъ дышетъ вся эта пресбитерія... все, до этого барометра, запотѣвшего въ-слѣдствіе ея любопытства, до этихъ глупѣйшихъ рѣдкостей: райской птички, несесера изъ раковинъ, стеклянныхъ нитокъ... этихъ нелѣпыхъ кокосовъ, выточенныхъ плѣнниками... дало мнѣ мѣрку ея персоны, физической и нравственной... Эта женщина — руку отдамъ на сожженіе! кладетъ яблоки въ бѣлье!.. Бѣдный Жоржъ!.. А умный чело-вѣкъ, между-тѣмъ... Мнѣ было очень досадно за него... но не было никакого терпѣнія... я весь обѣдъ былъ грубъ, какъ лондонскій извощикъ!.. И совѣстно было... стыдно, даже... но вѣдь и мои нервы не изъ бронзы... Г. дю-Люкъ! г-жа Ле-Рандю! И рыба ея, и кошка!.. просто изъ рукъ вонъ... Нѣтъ, я не могу представить, чтобы ограниченное житье-бытье, узкій умъ, пошлыя сплетни провинціального захолустья

могли когда-нибудь соединиться въ типѣ, болѣе совершенномъ... и произвести женскую фигуру, болѣе неграціозную... Мы, вѣроятно, будемъ имѣть горячее объясненіе, потому-что я, хорошо зная, какія гарші скрываются подъ маскою добродушія и простоты, —вижу ее насквозь... Ну, да ужъ нашла коса на камень, или я жестоко ошибаюсь. Я уполномоченъ Жоржемъ... онъ мнѣ далъ слово... И я не отступлю. Добрый Жоржъ! воображаю, чего онъ не перенесъ, покуда согнулъ умную голову подъ это безмысленное иго!.. Знаю я эту исторію! Сначала боролся храбро, а потомъ понемногу былъ побѣжденъ безпрестаннымъ, разрушительнымъ дѣйствіемъ этой страшной женской воли... Тридцать лѣтъ мученичества; но г-жа Дюпюи, держитесь: мститель пришелъ. (Смѣется). Это напоминаетъ мнѣ одно сраженіе... съ индѣйской мегерой, у которой во-время сна я укралъ ея фетиша! Удивительная вещь, какъ всѣ старыя женщины похожи одна на другую. (При звукѣ отворяемой двери становится спиною къ камину).

IV.

РУВИЕРЪ, Г-ЖА ДЮПЮИ.

Г-ЖА ДЮПЮИ (входитъ, обращаясь къ кошке, которая хочетъ прокрасться за нею). Нѣтъ, нѣтъ! Тебя прогнали... и оставайся тамъ. (Притворяетъ дверь). Ахъ, Боже мой!.. Каковы повѣсы!.. Они тутъ курили!

РУВИЕРЪ. Будто мы курили? (Громко вдыхаетъ воздухъ). Въ самомъ-дѣлѣ! Вотъ видите ли, г-жа Дюпюи, до чего можетъ дойти разсѣянность: я и не замѣтилъ, до того мы съ Жоржемъ занялись нашимъ планомъ.

Г-ЖА ДЮПЮИ (снимаетъ шляпу). Какимъ планомъ?.. Вы остаетесь, г. Томъ?

РУВИЕРЪ. Гм! Не совсѣмъ! Но для Жоржа и для меня оно выходитъ тоже. Умѣете вы отгадывать загадки, г-жа Дюпюи?

Г-ЖА ДЮПЮИ (глядя на него пристально). Вы ужъ не увезете ли съ собою Жоржа?

РУВИЕРЪ. Съ вашего позволенія, г-жа Дюпюи, я буду имѣть это удовольствіе.

Г-ЖА ДЮПЮИ (смѣясь съ неръшимостію). Вы сочтете меня ужасно простою, г. Рувіеръ, что я такъ серьезно отвѣчаю на шутку; но мнѣ, право, тяжело... вы тронули самую живую струну. Скажите, умоляю васъ, скажите, мой добрый г. Томъ, вы оставляете мнѣ моего мужа?

РУВИЕРЪ. Оставляю вамъ его сердце, но персону его на время

похищаю. Вотъ въ чемъ дѣло въ двухъ словахъ: Жоржъ давно думалъ занять опять свое мѣсто въ мірѣ живыхъ людей, и съ радостью ухватился за внезапный отъѣздъ, который разомъ обрѣзываетъ всякое препятствіе.

Г-ЖА ДЮПЮИ (*облокачивается рукою о кресло и опускаетъ глаза; вполголоса*). Правда!

РУВИЕРЪ. Слушайте, какой онъ поднялъ шумъ съ чемоданомъ! Волочить его по полу какъ триумфальную колесницу!.. Однакожь, я надѣюсь, вы не сочтете страннымъ, г-жа Дюпюи, что проживя тридцать лѣтъ безвыѣздно въ Сен-Совѣръ-ле-Виконтѣ, человекъ въ родѣ Жоржа...

Г-ЖА ДЮПЮИ. О, не объясняйте мнѣ... я все понимаю. Куда вы его везете?

РУВИЕРЪ. Да, сказать вамъ правду, хочу показать ему всего по немножку: сначала...

Г-ЖА ДЮПЮИ. На сколько времени?

РУВИЕРЪ. О... на годъ... или на два не больше. Ахъ, г-жа Дюпюи, какую это вамъ готовитъ будущность... Какъ въ эти нѣсколько мѣсяцевъ обогатится ваша ужъ и теперь блестящая коллекція предметовъ искусства и натуральныхъ рѣдкостей!.. Что вы объ этомъ скажете?

Г-ЖА ДЮПЮИ (*не слушавшая его, опускается на кресло и закрываетъ лицо руками*). О, Боже мой! (*Слышны ея глухія рыданія*).

РУВИЕРЪ (*наморщивая брови, всторону*). А а! Пошла элегія! (*Громко*). Послушайте, любезнѣйшая госпожа Дюпюи! Это неблагоразумно! Въ чемъ дѣло? Въ путешествіи! Путешествіе — не смерть же человека... изъ путешествія возвращаются: я вамъ примѣръ... Ну, а какъ же жены моряковъ-то!.. Послушайте!.. Еще!.. Право, это не хорошо!.. Вы ставите меня въ затруднительное положеніе, госпожа Дюпюи! Вы дѣлаете мнѣ чрезвычайно неприятнымъ мое посредничество!

Г-ЖА ДЮПЮИ (*дрожащимъ голосомъ*). Извините, господинъ Рувьеръ; вы видите, я... я не могу.

РУВИЕРЪ (*Дѣлаетъ жестъ нетерпѣнія, начинаетъ скоро ходить по комнатѣ, потомъ вдругъ останавливается передъ г-жею Дюпюи*). Вотъ этого-то именно — я имѣю формальное порученіе сказать это — болѣе всего и желаетъ избѣжать Жоржъ.

Г-ЖА ДЮПЮИ (*полувставая, робко*). Какъ, развѣ я его и не увижу?

РУВИЕРЪ. Конечно, увидите, если немножко успокоитесь: если нѣтъ, то такъ какъ рѣшеніе его неизмѣнно, лучше было бы для васъ обоихъ этимъ и кончить.

Г-ЖА ДЮПЮИ. Ну, я буду спокойна, общаю вамъ... нѣсколько минутъ еще... дайте мнѣ только нѣсколько минутъ... Я не могу... такъ вдругъ... О, Боже, Боже милосердый. *(Плачетъ)*.

РУВИЕРЪ *(жестко)*. Еще разъ, госпожа Дюпюи: ваше отчаяніе кажется мнѣ совершенно несоразмѣрно съ событіемъ. Что это, наконецъ! Не на войну же я его тащу,— вашего мужа!

Г-ЖА ДЮПЮИ *(говоритъ какъ ребенокъ, отирая слезы)*. Нѣтъ, нѣтъ... я знаю: онъ вернется.

РУВИЕРЪ. Вы благоразумны, г-жа Дюпюи: теперь настоящая минута вспомнить объ этомъ... Не надо думать въ цѣломъ свѣтѣ только о себѣ...

Г-ЖА ДЮПЮИ *(съ трудомъ)*. Но... г. Рувьеръ... онъ не привыкъ, не то, что вы, къ этой жизни, къ вѣчнымъ утомленіямъ; его здоровье слабѣе, нежели вы думаете. *(Беретъ его руки, съ порывомъ)*. Вы будете заботиться о немъ, не правда ли?

РУВИЕРЪ *(меньше жестко)*. Какъ же!.. Разумѣется, положитесь на меня... я обязываюсь привести вамъ его свѣжаго и розоваго, какъ дѣвочку... Обязываюсь честью, слышите?.. Но прошу васъ, чтобъ не было слезъ, а въ-особенности прощальныхъ сценъ.

Г-ЖА ДЮПЮИ. Нѣтъ, нѣтъ. Вы будете довольны мною; вы увидите. Теперь все кончено. *(Улыбается)*.

РУВИЕРЪ. Вотъ то-то же... прекрасно, г-жа Дюпюи, прекрасно!.. Я весьма уважаю рѣшительныхъ женщинъ... И теперь, какъ вы хладнокровны, позвольте вамъ повторить, что тутъ, право, не было причины такому неизмѣримому горю. Что такое годъ? Вы проведете полгода у вашей дочери, я полагаю; остальное время проживете здѣсь, тихо, славно, среди всего, къ чему привыкли и вы, и Жоржъ. Онъ даже и отсутствовать-то будетъ только вполовину, потому-что все здѣсь будетъ говорить вамъ о немъ; вы на каждомъ шагу...

Г-ЖА ДЮПЮИ *(дѣлая отрицательный знакъ головой)*. Берегитесь, г. Томъ, берегитесь, чтобы приписывая утѣшенія, не усилить горя... котораго вы понять не можете.

РУВИЕРЪ. Простите меня; я понимаю, и хотѣлъ вамъ доказать...

Г-ЖА ДЮПЮИ. О, я не обвиняю ни ума вашего, ни доброты, будьте увѣрены...

РУВИЕРЪ. Помилуйте!

Г-ЖА ДЮПЮИ. Но, наконецъ, есть вещи, которыхъ нельзя угадать, г. Томъ... Думаете ли вы, сколько вашъ образъ жизни былъ непохожъ на нашъ?.. Вы были благоразумны... вы не допускали сердце путаться въ этихъ связяхъ, которыхъ число и силу узнаешь только въ

тотъ день, когда онѣ разрываются... Здѣсь все связывало наши воспоминанія и сближало наши мысли!.. Все насъ любило, и все намъ было мило!.. Я такъ думала, по-крайней-мѣрѣ... Не дальше минуты тому назадъ, какую цѣну придавала я всемъ этимъ вещамъ, къ которымъ мы оба привыкли столько лѣтъ; къ послѣднимъ слѣдамъ нашихъ привычекъ... ко всемъ этимъ свидѣтелямъ плановъ, удовольствій, горестей, которые мы дѣлили пополамъ! А теперь они для меня, — развалены ложнаго счастья, обломки прежняго очарованія!

РУВИЕРЪ. Что вы? Какое преувеличеніе! Если и допустить, что это путешествіе нѣсколько возмутитъ ваше настоящее, прошедшее все-таки остается неприкосновеннымъ.

Г-ЖА ДЮПЮИ. Вы ошибаетесь. Путешествіе это, конечно, само по себѣ ничего; но оно жестоко отвѣчаетъ на вопросъ, который я втайнѣ; задавала себѣ всю жизнь... Счастливы-ли Жоржъ?.. И что же? Я одна была счастлива... вотъ правда! (*Съ большимъ чувствомъ*). Онъ только смирялся, а счастливъ не былъ... Да! Сердце мое однакоже, — я не боюсь сказать этого, — было достойно его сердца; но въ остальномъ, я ему была неравна: я это чувствую. Что человекъ съ его умомъ могъ найти въ разговорѣ съ провинціалкой, чуждой всему и умѣвшей только его любить?

РУВИЕРЪ. Вы доводите до крайности сомнѣніе въ самой себѣ. Что до меня касается, чѣмъ болѣе я васъ узнаю, тѣмъ болѣе выборъ Жоржа...

Г-ЖА ДЮПЮИ (*оставая и улыбаясь*). Вы льстите мнѣ, г. Рувьеръ. оттого, что видите, какъ я страдаю... вы великодушны... Я не хочу оставаться въ долгу, и готова простить вамъ все, что вы сдѣлали мнѣ неприятнаго, потому-что въ первый разъ я обвиняла васъ ужъ очень давно.

РУВИЕРЪ. Меня? Чѣмъ могъ я это заслужить?.. Но прежде всего, вы успокойтесь, — скажите? Не знаю, отчего это, но мнѣ кажется, вы помолодѣли десятью годами.

Г-ЖА ДЮПЮИ (*улыбаясь*). Да.. у меня какъ-будто лихорадка.. отъ этого, вѣрно.

РУВИЕРЪ. Успокойтесь, успокойтесь!.. Скажите лучше, отчего игралъ я такую грустную роль въ вашей участи?

Г-ЖА ДЮПЮИ (*съ нѣкоторой экзальтаціей*). Вы, конечно, знаете, г. Томасъ, что съ перваго дня брака всякая женщина становится лицомъ-къ-лицу съ опаснымъ соперничествомъ воспоминаній своего мужа... Что до меня, я очень скоро замѣтила, что ваше имя, призывавшееся такъ часто, было для Жоржа любимымъ символомъ утра-

ценныхъ удовольствій... самымъ пріятнымъ воплощеніемъ бывалой мечты, бывалыхъ видѣній: въ его доброй, дорогой мысли вы изображали независимость, приключенія, время короткихъ страданій и надеждъ безконечныхъ... я была для него положительная жизнь, дрязги хозяйства, забота вчерашняго и завтрашняго дня... я была... проза, вы — поэзія; стало-быть, съ вами-то и нужно было бороться: я приложила къ этому все мои старанія, всю мою душу... Увы! что я ни дѣлала, вы были сильнее! Каждый день Жоржъ становился задумчивѣе, и я чувствовала, что всякая минута тоски была однимъ изъ вашихъ торжествъ... Сколько разъ подъ стѣною этого очага, или подъ ивами этого садика скрывала я мои неудачи, мои слезы!... Но я была молода тогда... Богъ далъ мнѣ дочь: вы были побѣждены. *(Грустно)*. Теперь... ангела пѣть, побѣда опять ваша...

РУВИЕРЪ *(прерывающимся голосомъ)*. Кто знаетъ?... Последнее слово еще не сказано. Вы увидите Жоржа, поговорите съ нимъ. Вы еще можете удержать его.

Г-ЖА ДЮПИОН *(кратко)*. Я вамъ обѣщала, и не скажу ни слова.

РУВИЕРЪ. Гм! Я отдаю вамъ ваше слово; я не хочу быть вашимъ злымъ гениемъ, пѣтъ!.. Я рѣзокъ, себялюбивъ иногда: это мое ремесло, какъ стараго холостяка; но я не золь...

Г-ЖА ДЮПИОН. Вижу. Но я знаю Жоржа: все мои успія были бы напрасны; онъ только раздражаетъ его... И еслибы даже... какъ-нибудь... слезами я и могла удержать его, такъ теперь сама не захочу... Что бы я сдѣлала? Прибавила бы еще сожалѣніе, болѣе горькое и болѣе свѣжее, ко всемъ тѣмъ, которыя уже отравляютъ его жизнь. Завтра его тоска, его невольные намеки, даже его молчаніе, все упрекало бы меня въ моей грустной удачѣ... Пѣтъ, ему надо бѣжать.

РУВИЕРЪ *(спустя минуту)*. Все это справедливо... чрезвычайно справедливо... Пѣтъ средства опровергнуть... вы правы... Вѣрьте, по крайней мѣрѣ, что на сколько будетъ зависть отъ меня, я сокращу срокъ его отсутствія...

Г-ЖА ДЮПИОН. Благодарю васъ. *(Протягиваетъ ему руку, которую Рувьеръ цѣлуетъ съ низкимъ поклономъ. Слышенъ шумъ и за нимъ голоса, г-жа Дюпионъ продолжаетъ въ ужасѣ)*. Боже мой! Что такое?... Это онъ. Да, это его голосъ *(Жоржъ Дюпионъ открываетъ дверь съ шумомъ и входитъ; за нимъ Марианна)*.

V.

РУВИЕРЪ, Г-ЖА ДЮПИОНЪ, ДЮПИОНЪ, МАРИАННА.

ДЮПИОНЪ. *(Марианнѣ)*. На что это похоже! Чемоданъ съ бѣльемъ

для тебя точно гору нести! (*Г-жль Дюпюи*). Вообрази; она не нашла себѣ лучше забавы, какъ пустить мой чемоданъ по лѣстницѣ, сверху до-низа!

МАРИАННА. Вы какъ сказали мнѣ, что ѣдете въ Римъ, я ни рукъ, ни ногъ подъ собой не слышу!.. И силы нѣтъ совсѣмъ! Въ Римъ! Это новость... славная новость!

ДЮПЮИ. А тебѣ что за дѣло до этого, позволь спросить?

МАРИАННА. Да вѣдь смѣшно же... вздумалось вамъ оставить госпожу Дюпюи одну... въ ея лѣта... Ъхать въ Римъ!.. Хорошо, коли свидитесь опять!.. Я не отвѣчаю за это.

ДЮПЮИ (*удерживаясь*). Марианна, берегись! Ты видишь, я недоволенъ.

МАРИАННА. Я думаю... Вы недовольны другими, оттого—что недовольны собой: всегда такъ бываетъ!

ДЮПЮИ (*теряя терпѣнiе*). Пошла вонъ!

Г-ЖА ДЮПЮИ (*строю*). Иди сейчасъ внизъ.

ДЮПЮИ. Вонъ, не хочу тебя держать! Это послѣднее слово въ моемъ домѣ, и оно должно быть исполнено! Я тебѣ отказываю! (*Марианна уходитъ; Дюпюи жемъ*). Это твоя вина, любезный другъ. Ты позволяешь прислугѣ фамиллярныя отношенiя; вотъ что выходитъ изъ этого! Ты слышала: я отказалъ ей!

Г-ЖА ДЮПЮИ. Слышала. Я завтра ее рассчитаю, если ты не пере-мѣнишь своего намѣренiя.

ДЮПЮИ. Если не пере-мѣню?.. Привыкъ я что-ли бросаться въ стороны въ сторону?.. Что я, флюгеръ какой? Меня считаютъ ослабѣвшимъ отъ лѣтъ, позволяютъ, у меня въ домѣ слугамъ давать мнѣ наставленiя...

Г-ЖА ДЮПЮИ. Ради Бога, мой другъ, ни слова больше объ этомъ: завтра же ея не будетъ. Но мнѣ бы хотѣлось посмотрѣть, Жоржъ, все ли тутъ что нужно?.. Позволь взглянуть въ чемоданъ; мужчнны плохiе знатоки по части тряпокъ; иногда не найдешь подъ рукой безлѣ-лицы какой-нибудь—и раздраженъ на цѣлый день... Я знаю, чего нѣтъ—можно купить; но зачѣмъ, если можно обойтись безъ этого? (*Весело*). А потомъ, это заставить тебя помнить обо мнѣ дорогою, повѣса!

ДЮПЮИ. Какъ знаешь, милая. Вотъ ключи. (*Г-жа Дюпюи уходитъ*).

VI.

РУВЕРЪ и ДЮПЮИ.

ДЮПЮИ (*измѣняясь въ тонъ и въ лицъ, по уходѣ жены*). Скажи пожалуйста: она, кажется, приняла это какъ нельзя—лучше?

РУВИЕРЪ (*серьозень*). Совершенно... Знаешь, Жоржъ, въ ней есть много хорошаго, въ твоей женѣ.

ДЮПЮИ (*глядя на него внимательно*). Не правда ли?

РУВИЕРЪ. Она робка, скромна до-крайности.

ДЮПЮИ. Я тебѣ говорилъ, мой другъ... Она испугалась тебя... А какъ обошлось, какъ разговорились вы, я увѣренъ, ты едва узналъ ее!

РУВИЕРЪ. Такъ, я не скрываю отъ тебя, что сперва она была очень тронута; она нашла въ сердцѣ выраженія... которыя меня поразили.

ДЮПЮИ. О, сердце есть у ней!

РУВИЕРЪ. Ты могъ бы прибавить, что есть и умъ, и самый утонченный, самый возвышенный-- въ случаѣ надобности!

ДЮПЮИ (*въ восторгѣ*). Знаю, знаю! Я и самъ не дуракъ, а? Желелся ли бы я на ней, спрашиваю тебя, если бы не понялъ, въ ней есть что-то такое?.. И повѣрь, еслибы пришлось начинать жизнь сначала, кладя руку на совѣсть, я сдѣлалъ бы тоже самое... и я не только счастливъ моимъ выборомъ, но горжусь имъ!.. У ней есть недостатки... я вижу ихъ лучше всякаго; но что такое немножко неловкости, провинціальной манеры, когда рядомъ съ этими пятнами пробивается въ женщинѣ самая преданная, самая прочная вѣжность, прямой и здравый смыслъ, горячее смиреніе... и въ тоже время скромность... всѣ качества, къ которымъ можетъ привязаться честный человѣкъ...

РУВИЕРЪ (*смѣется, ударяя его плечу*). А—а! Честный человѣкъ!.. Вотъ оно что!.. Ну... ладно...

ДЮПЮИ. Что такое?

РУВИЕРЪ. Хорошо ужъ! Заключение этой рѣчи довольно ясно: подумавъ хорошенько, оцѣнивъ на досугъ сокровище, которое у тебя въ домѣ, ты теряешь рѣшимость разстаться съ нимъ. Словомъ, ты отпускаешь меня одного... Понимаю, понимаю...

ДЮПЮИ. Клявусь тебѣ...

РУВИЕРЪ. Да полно... понимаю, говорю тебѣ.

ДЮПЮИ (*не въ духѣ*). Плохо понимаешь... Я никогда не забывалъ качествъ моей жены; но будь она въ десять разъ лучше, все-таки правда, что я прожилъ вѣкъ свой какъ улитка!.. Добродѣтели ея покажутся мнѣ еще выше, когда чувство моего умственного униженія перестанетъ мѣшаться съ самыми пріятными ощущеніями... какъ...

РУВИЕРЪ (*пожимая плечами*). Смѣхъ, право, съ его умственнымъ униженіемъ!..

ДЮПЮИ. Не ты ли смѣялся надъ нимъ, минуту тому назадъ, когда рисовалъ мнѣ его красками... которыхъ энергію едва умѣрляла дружба!..

РУБИЕРЪ. И ты не видѣлъ, что я шутилъ?... Все умные люди, которые живутъ въ провинціи, воображаютъ себѣ, что дѣлаются идиотами... Я предчувствовалъ въ тебѣ эту манію... и чтобъ потѣшиться, дразнилъ тебя... ты же выпилъ къ тому.

ДЮПИИ. Что бы тамъ ни было, я хочу ѣхать... больше чѣмъ когда-нибудь; сели и была минута нерѣшимости, она прошла; я могъ бояться, сознаюсь, впечатлѣнія этого отъѣзда на жену; но вижу, она покойна, и послѣднія опасенія исчезли.

РУБИЕРЪ. Послушай, Жоржъ; ты черезъ-чуръ довѣряешь наружности: чтобъ не раздражить тебя, жена притворяется твердою, а на душѣ у нея вовсе не то. Я знаю...

ДЮПИИ. *(тихо)*. Ты знаешь, ты разсудилъ... что я тебѣ буду въ тягость, и хочешь оставить меня тутъ! Вотъ и все!

РУБИЕРЪ. Да нѣтъ же, Жоржъ!.. это недоразумѣніе — не болѣе. Я думалъ по твоему разговору, что ты перемѣнилъ намѣреніе... Я хотѣлъ предупредить твое желаніе, возвращая тебѣ слово... Но если ты непреклоненъ—довольно: я въ восхищеніи

МАРИАННА *(отворяетъ дверь)*. Лошадей привели! *(Хлопаешь, за-творяя дверь)*.

РУБИЕРЪ. А? Задушила бы она меня, еслибы могла, эта вѣдьма. И такъ станемъ одѣваться. *(Закутываются въ шинель, постукивая ногами о полъ)*. Да, кетати!.. Ты, помнится, говорилъ, что не сѣишь въ каретѣ, а?

ДЮПИИ. Извини: какъ нельзя лучше.

РУБИЕРЪ. Ну, тѣмъ лучше... Запрягли, я думаю?... Окно это на угипу? *(Отворяетъ окно и сейчасъ же затворяетъ)*... У, у! какой морозъ... Камни ломаютъ. Я боюсь, не замерзъ бы ты, бѣдняжка!

ДЮПИИ. *(одѣваясь для дороги)*. Не бойся: я переносу холодъ, какъ лапландецъ.

РУБИЕРЪ. И прекрасно! *(Бьетъ девять часовъ. Входитъ г-жа Дюпиу съ большимъ женскимъ платкомъ въ рукахъ)*.

VII.

РУБИЕРЪ, ДЮПИИ, Г-ЖА ДЮПИИ, ПОТОМЪ И МАРИАННА.

Г-ЖА ДЮПИИ *(отрывисто и съ волнсіемъ)*. Все готово. Вотъ ключи, мой другъ. Я исправила кое-что, забытое пополнила—тамъ увидишь; а вотъ тебѣ половина платка... обвернуть шею...

ДЮПИИ. Какая глупость!.. Ну да ужъ давай... но къ чему было рѣзать хорошій платокъ!

Г-ЖА ДЮПИИ. Другая половина вамъ, г. Томасъ.

РУБИЕРЪ (*пристально смотритъ на нее*). Для меня?... О! благодарю васъ...

Г-ЖА ДЮЮИ. Вы будете помнить ваши обѣщанія, не правда ли? (*Рубиеръ дѣлаетъ утвердительный знакъ, и рѣзко отвращивается*). А ты, Жоржъ, будешь писать, особенно дочери?

ДЮЮИ. Часто—и тебѣ тоже (*Нахлобучиваетъ шапку на глаза*).

РУБИЕРЪ (*грьетъ ноги и съ разсѣянностію смотритъ на календарь, который стоитъ на каминѣ; вдругъ*). Двѣнадцатое января!.. Какъ! Сегодня двѣнадцатое января?..

Г-ЖА ДЮЮИ. Да... что-жь это за число такое: двѣнадцатое января?

РУБИЕРЪ. О, это число касается до меня одного... Пять лѣтъ тому назадъ—въ это же время и почти въ этотъ же часъ, я переносилъ испытаніе, которому мудрено изгладиться изъ памяти... Жоржъ, ты не слушаешь?

ДЮЮИ. Какое испытаніе? Несчастіе?..

РУБИЕРЪ. Я просто былъ болѣнъ, и болѣнъ въ трактирѣ, что весьма не весело.

ДЮЮИ (*сухо*). Больнымъ можно быть вездѣ.

РУБИЕРЪ. Очевидно. Но до чего впечатлѣнія болѣзни и самой смерти могутъ быть различны, смотря по условіямъ, подъ которыми онѣ застигаютъ насъ,—это надо испытать, чтобы постигнуть.

ДЮЮИ. Э! Смерть всегда смерть!

РУБИЕРЪ. Ты думаешь? Посмотрѣлъ бы я на тебя... Это было въ Пескиерѣ, на Гардскомъ-озерѣ, прекрасной сторонѣ, впрочемъ... мы будемъ проѣзжать тамъ... я покажу тебѣ домъ... Задержала меня какая-то дрянная лихорадка... Съ недѣлю все шло хорошо, потому-что я былъ въ постоянномъ безпамятствѣ; но въ одинъ прекрасный вечеръ, именно съ двѣнадцатаго на тринадцатое января, я опомнился съ такимъ чувствомъ внутренней тревоги и слабости и въ тоже время съ такимъ страннымъ расположеніемъ ума, что не сомнѣвался нисколько въ близкомъ концѣ... И что-же Жоржъ? Я въ жизни видѣлъ не мало страховъ, самъ лезъ на нихъ — и вспоминаю о томъ съ какимъ-то удовольствіемъ; но когда я подумаю о минутѣ моего пробужденія въ этой мерзкой трактирной комнатѣ, меня до костей пробираетъ морозъ!.. (*Марьянна входитъ, но по знаку г-жи Дююи останавливается у двери*).

ДЮЮИ (*подходя къ нему*). Что же ты увидалъ такое?

РУБИЕРЪ. Ничего особеннаго; между-тѣмъ. Людей, которые, также какъ и я, думали, что пришелъ мой конецъ; старуху и молодого док-

тора, которые разговаривали въ одномъ углу, священника, стоявшаго на колѣняхъ у моей постели, и въ видѣ рамки къ этой похоронной сценѣ, — поблеклыя занавѣски и всю сборную мебель и утварь трактирнаго помѣщенія. Что возмѣтило меня, что перевернуло мнѣ всю душу, — это не пошлая обстановка комнаты, не саванъ, уже приготовленный для мертваго... нѣтъ... а эта беззаботность и варварская разсѣянность, которыя меня окружали, это глубокое одиночество, безлюдье, среди которыхъ я умиралъ... Говорить я не могъ... но до-чего все это у меня осталось передъ глазами!.. Умоляющимъ взоромъ смотрѣлъ я на всѣ стороны, стараясь привязать къ чему-нибудь жизнь, которая меня оставляла, съ трепетомъ прося у этихъ безстрастныхъ лицъ знака участія, или хоть сожалѣнія, упрасивая самыя стѣны, мебель, все... ища какого-нибудь предмета, который бы говорилъ моему сердцу... хоть одного воспоминанія, которое бы убавляло мой послѣдній сонъ... чего-нибудь, что бы меня знало и сказало бы мнѣ: прощай!.. Все было чужое!..

ДЮШИОН (*мрачно и ворчливо*). Смерть ни при какихъ обстоятельствахъ непріятна!.. Въ эту минуту одиночество можетъ имѣть свою грустную сторону, семейная обстановка имѣетъ свои стороны, которыя ничѣмъ не лучше.

РУВИЕРЪ (*со серьезною улыбкою*). Ты думаешь?.. Что касается до меня, смерть, какъ создалъ ее Богъ для всѣхъ людей, какъ переносить ее большая часть ихъ, смерть растроганная и утѣшенная, та, которую оплакиваютъ и которая сама плачетъ, являлась мнѣ, въ сравненіи съ моей агоніей, какимъ-то праздникомъ... О, въ эту ночь, странныя сдѣлалъ я размышленія. (*Бьетъ по лбу рукой*). Ну, ты готовъ?

ДЮШИОН. Къ гвоизмъ услугамъ!.. Какія ты могъ сдѣлать размышленія?

РУВИЕРЪ. Правду тебѣ сказать, у меня побавилось немножко бодрости; я менѣ восхищался родомъ жизни, который избралъ виѣ общей колѣи... Зачѣмъ скрывать? Истинная книга жизни вдругъ раскрылась передъ моими глазами, и я прочелъ въ ней, на всѣхъ страницахъ, написанныя божественною рукою слова: *обязанность и жертва!*.. Я не хотѣлъ узнать сладость этого обыкновеннаго закона; я видѣлъ только его невыгоды; потомъ я узналъ и его благодѣянія; я бѣжалъ отъ связей къ независимости, и нашелъ только вѣчное изгнаніе; я мечталъ завоевать блага, невѣдомыя толпою, и завоевалъ — что же? молодость безъ привязанностей, старость безъ опоры, смерть безъ слезъ!.. (*Выразительно*). Тогда-то, Жоржъ, тогда я узналъ, какою цѣною судьба продаетъ намъ эгоизмъ!..

ДЮПИИ. Ты долго былъ въ этомъ положеніи?

РУВИЕРЪ. Довольно... чтобы никогда не забыть его!.. Молодой докторъ, видя, что мой взглядъ остановился на немъ, подошелъ къ моей постели, и я почувствовалъ на рукѣ прикосновеніе его руки, холодной, безстрастной, какъ его сердце. Я оттолкнулъ его и закрылъ глаза... Я былъ свидѣтелемъ смерти моего отца: вспомнилъ вдругъ его, съ ясностію воспоминанія, которая ослѣпила меня, какъ видѣніе, вспомнилъ всѣхъ тѣхъ, которые присутствовали при его послѣднемъ часѣ: домашнихъ слугъ, стараго доктора и сѣдаго священника, друзей его дѣтства; мою добрую мать—всѣхъ, наклонившихся къ нему, улыбавшихся ему сквозь слезы и облегчавшихъ ему смерть, какъ украшали они ему жизнь!.. При этой мысли, передъ этими образами, мое сердце, какъ ни зачествѣло оно, растаяло рыданіями... (*Голосъ его надрывается*). Я былъ спасенъ. (*Онъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ; г-жа Дюпиу, стоя облокотившись на каминъ, отворачивается, закрывая глаза рукою*).

ДЮПИИ (смущенный). Эти воспоминанія тебя разстроиваютъ, мой другъ?

РУВИЕРЪ. Разстроиваютъ?... Да!.. И все, что я вижу здѣсь, въ этой гостиной, пробуждаетъ ихъ! (*Какъ будто про себя*). Всѣ эти старинныя помѣщенія похожи одно на другое... я все это видѣлъ въ моей первой молодости, въ моей лучшей молодости... Возлѣ окна, какъ и здѣсь, былъ маленькій рабочій столъ, за которымъ я каждый годъ заставалъ мою мать; у камина большое кресло, съ котораго вставалъ отецъ, чтобы обнять меня; на стѣнахъ семейные портреты, хранители домашнего мира и чести; вездѣ, какъ здѣсь, сплетеніе двухъ жизней, тѣсно связанныхъ... навсегда!.. Да, я ихъ видѣлъ... Мнѣ слѣдовало бы учиться, на нихъ глядя.. И нужно же было мнѣ влачить по всей землѣ тоску моей безпріютной жизни, неугомонное сознаніе непризнаннаго долга,—прежде нежели я понялъ, что они счастливые меня!.. Да сами они знали-ли это?.. Не слыхалъ я развѣ, какъ отецъ мой завидовалъ горькимъ удовольствіямъ, которыя мнѣ пришлось извѣдать? не былъ я развѣ, и не одинъ разъ, свидѣтелемъ или повѣреннымъ ихъ сожалѣній, ихъ взаимныхъ неудовольствій?.. Бѣдные старики! А, не стало одного, другая жить не могла безъ него.

ДЮПИИ. Другъ мой!

РУВИЕРЪ (чрезвычайно разстроенный). И что жъ! Какъ только этотъ домъ опустѣлъ, я его продалъ!.. Хорошо сердце у меня!.. Комната, гдѣ я родился, окно, гдѣ работала моя мать, откуда я въ первый разъ увидѣлъ солнце, всѣ преданія, я продалъ все!.. Я сдѣлалъ

лучше... мое родовое наслѣдство отчуждено навсегда. Я навсегда и наглухо запааялъ цѣнь эгоизма, такъ-что теперь не могу даже обезпечить моей старости приманвою наслѣдства, купить ложь какой-нибудь преданности. Но что мнѣ еще больше—я не могу даже купить этотъ бѣдный сельскій домъ, гдѣ могъ бы прожить одинокимъ мои послѣдніе дни... гдѣ меня любили-бы... по-крайней-мѣрѣ тѣни прошлаго... (*Съ усиленіемъ*). Что-жь, поѣдемъ мы, наконецъ?

ДЮЮИ (*съ увлеченіемъ, беретъ его за руку*). Да, Томъ, да, мы поѣдемъ, если ты откажешься занять у моего очага мѣсто друга... мѣсто брата! (*Женъ*). А ты, не плачь... забудь эту минуту неблагодарности... первую въ моей жизни... и послѣднюю!

Г-ЖА ДЮЮИ (*бросаясь ему на шею*). Жоржъ! (*Подбѣгаетъ къ Рувіеру, который смотритъ на нихъ влажными глазами*). Ахъ, г. Рувіеръ, еслибы это счастье, которое вы намъ возвратили, могло и вамъ улыбаться, съ какимъ восторгомъ мы бы удѣлили вамъ долю его!..

РУВИЕРЪ (*колеблясь*). Г-жа Дююи!.. Друзья мои!.. Жоржъ. Правдой не шутять... Я какъ ребенокъ попался въ западню, которую ставилъ тебѣ. (*Садится, въ изнеможеніи; Дююи и г-жа Дююи приступаютъ къ нему и упрощаютъ. Въ-полголоса:*). Сладкій сонъ для такого сироты, какъ я!..

Г-ЖА ДЮЮИ (*всплескивая руками, въ восторгъ*). Остается!

МАРИАННА (*утирая глаза въ углу*). Пойду, постелю ему въ той... въ голубой комнатѣ!

РУВИЕРЪ (*поспѣшно вставая*). Эй! слышишь, Маріанна!

МАРИАННА. Что прикажете.

РУВИЕРЪ. Не вздумай положить мнѣ ноги выше головы!.. Шестьдесятъ сантиметровъ наклоненія, слышишь!.. А потомъ, сохрани тебя Боже... (*Остается-ливаясь, качаетъ, улыбаясь, головой и продолжаетъ кротко*). Дѣлай, какъ знаешь, Маріанна; все будетъ прекрасно. (*Маріанна уходитъ*). Видите, мои друзья, все этотъ проклятый эгоизмъ!.. но вы, вы меня отъ этого отучите... Уфъ!.. Такъ я, значить, отдохну немножко! (*Садится*)... Сдѣлайте мнѣ еще удовольствіе, г-жа Дююи... Я знаю по опыту мѣки изгнанія... позовите сюда вашу кошку!..

ЗААТЛАНТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

ОРЕГОНЪ, САНДВИЧЕВЫ ОСТРОВА И КАЛИФОРНІЯ.

Столица Орегона лежитъ при рѣкѣ Вильяметъ, впадающей въ Колумбію. Городъ большею частію построенъ въ ложбинѣ. Быстрое теченіе рѣки даетъ силу, которую можно прилагать по произволу; теперь уже пять или шесть мельницъ дѣйствуютъ безъ умолку, и можно еще устроить ихъ сколько угодно. Когда Орегонъ довольно населится, то будетъ однимъ изъ замѣчательныхъ мануфактурныхъ мѣстъ въ Америкѣ.

Городъ еще не многолюденъ, но дома поднимаются со всѣхъ сторонъ, и зѣмли покупаются дорогою цѣною. Маленькіе деревянные домики, о двухъ и трехъ комнатахъ, отдаются въ наемъ за 150 и 200 долларовъ въ мѣсяцъ; земля длиною въ 200 и шириною въ 150 футовъ стобитъ не менѣе 200 долларовъ. Снимаютъ теперь на планъ мѣстность для устройства публичной прогулки. Все это населеніе, едва укрытое отъ непогоды въ слѣпленныхъ кое-какъ домикахъ, пускается уже въ самые смѣлые проекты.

Безплодность почвы вблизи города не позволяетъ ее обрабатывать, но въ 30 миляхъ отъ него лежитъ превосходная долина Вильяметская, которая, по своему примѣрному плодородію и пространству, можетъ прокормить многочисленное народонаселеніе. Я могу это сказать потому, что собственными глазами видѣлъ картофель и луковицы самой огромной величины. Разныя овощи растутъ въ изобиліи въ открытомъ полѣ, почти безъ всякаго ухода за ними. Отъ этой долины до самой столицы рѣка судоходна и можетъ поднимать лодки и суда въ 50 и 60 тоннъ.

Строить парохоль, который облегчить сообщеніе земледѣльческаго округа съ мануфактурнымъ.

Я не могу не сравнить положенія американскаго выходца въ Орегонѣ, съ выходцемъ, поселившимся въ англійской колоніи Ванкуверъ: въ Орегонѣ каждый фермеръ получаетъ для обработыванія землю, ремесленникъ работу, всякій находитъ средства для своего обогащенія. Въ Ванкуверѣ едва найдется столько годной для обработыванія земли, чтобъ прокормить небольшую колонію. Этотъ островокъ принадлежитъ гудсонской компаніи, и всѣ лучшія земли проданы дорогою цѣною.

Въ воскресенье мы ходили въ католическую церковь. Архіепископъ, въ полномъ облаченіи, говорилъ проповѣдь о покаяніи. На слѣдующій день мы взяли мѣсто на бригѣ во 120 тоннъ «Mary-Dare», чтобъ идти на Сандвичевы-острова; намъ сказали, что плаваніе можетъ продолжиться три недѣли, на это время мы и запаслись провизіей.

Наше отравленіе изъ Орегона было не очень благополучно; спускаясь по Колумбіи, мы нѣсколько разъ сядились на мель, а дойдя до устья этой рѣки, простояли за погодой цѣлые десять дней на якорѣ въ заливѣ Бакеръ. Противный вѣтеръ рѣшительно препятствовалъ намъ пройти чрезъ узкій и опасный каналъ, которымъ оканчивается устье. Въ двѣ недѣли морская жизнь ужасно мнѣ наскутила. Безпрестанный дождь держалъ насъ взаперти въ каютѣ, длиною въ 12 и шириною въ 6 шаговъ; она была у насъ и спальною, и столовою, и залой для бесѣды.

Меблировка каюты была самая жалкая: для постелей — голыя доски, безъ матрацовъ; одно или два плохія одѣяла; зато вдоволь блохъ. Вообще путешествіе по американскимъ степямъ казалось теперь намъ болѣе удобнымъ и покойнымъ; тамъ мы имѣли, по-крайней-мѣрѣ, свободное движеніе, а здѣсь обречены были на заключеніе.

Когда мы вышли въ море, судьба продолжала намъ неблагопріятствовать. Чрезъ 36 часовъ поднялся отъ зюйдъ-оста жестокій вѣтеръ, совершенно намъ противный; къ концу недѣли вся наша свѣжая провизія вышла, книги свои мы всѣ перечитали, и были въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Дни тянулись за днями, а вѣтеръ все не перемѣнялся, — наконецъ настала 48-ми-часовая штиль; теперь, думали, навѣрно перемѣнится вѣтеръ; — не тутъ-то было, опять противный, и вѣтеръ даже сдѣлалась буря. На палубѣ брига было настоящее наводненіе. Капитанъ ругалъ помощника своего, помощникъ ругалъ матросовъ, пассажиры ругали повара, который морилъ ихъ съ голоду. Ночью опасно было спать: жестокой толчокъ могъ разбить голову или повредить челюсть объ доску ящика, служившаго намъ постелью; присоедините къ этому множе-

ство различныхъ насѣкомыхъ, изъ которыхъ натуралистъ могъ бы сдѣлать цѣлую коллекцію: трудно было не потерять терпѣнія. Къ довершенію нашего горя, въ шлюпку, гдѣ были свиньи, нахлынула волна и всѣхъ ихъ потопила, такъ что 25 декабря, послѣ шестинедѣльнаго плаванія, для праздника Рождества, у насъ не было ничего, кромѣ дохлой свинины, да соленой рыбы, даже ни одной бутылки вина, чтобъ запить этотъ скудный обѣдъ; оставался одинъ только ромъ. Разумѣется, мы могли сказать, что все же это лучше, чѣмъ умирать голодною смертію въ какихъ-нибудь горахъ; однако, несмотря на эти мудрыя разсужденія, мы не могли забыть настоящихъ нашихъ лишеній, громко говорили, что еще не было такого несчастнаго путешествія изъ крѣпостцы Ванкувера къ Сандвичевымъ-островамъ, и проклинали бригъ *Mary-Dave*.

Я думаю, никакимъ пассажирамъ не опротивѣла такъ морская жизнь, какъ намъ. Наконецъ на седьмой недѣлѣ мы увидѣли берегъ. О какъ эти острова казались намъ прекрасны, когда съ попутнымъ вѣтромъ, подъ вѣсми парусами, мы проходили между ними!

Никогда тропическая природа не казалась мнѣ такъ хороша вода такъ прозрачна, пальмы такъ величественны, растенія такъ зелены. Природа въ полномъ убранствѣ привѣтливо насъ встрѣчала, какъ-бы приглашая наслаждаться ею. Лоцманъ не могъ въ этотъ день ввести наше судно въ гавань; мы наняли лодку, переплыли чрезъ коралловые рифы, и вышли на берегъ, прямо въ столицу острова Вагу.

Прежде всего мы отправились къ нашему генеральному консулу г. Миллеру, который былъ такъ добръ, что предложилъ мнѣ комнату въ своемъ прекрасномъ небольшомъ домикѣ, видомъ и удобствомъ своимъ напоминающемъ Англию. Фридь и миссіонеръ помѣстились у одного англійскаго кушца. Первое впечатлѣніе, произведенное на насъ городомъ Гонолулу, было самое пріятное: красота мѣстоположенія, его неправильное, пріхотливое расположеніе, живописный видъ домовъ, обвитыхъ зеленью, окруженныхъ просторными галереями и осѣненныхъ кучами деревьевъ, мужественныя, веселыя лица островитянъ—все это было для насъ пріятною новостію.

Берегъ отъ взморья, постепенно возвышаясь, сливается съ высокою цѣнью горъ. За городомъ лежитъ равнина, вполне заслуживающая свою славу; чрезъ нее извивается дорога, ведущая на другую сторону острова. Эта долина весьма хорошо воздѣлывается и производитъ преимущественно корень тѣро, требующій постояннаго и частаго орошенія почвы. Вездѣ разбросаны небольшіе домики съ садами, наполненными всѣми тропическими растеніями. Хлѣбное дерево занимаетъ главное мѣсто; бана-

новыя, апельсинныя и лимонныя деревья обременены прекрасными плодами; самыя вкусныя дыни у нихъ такъ обыкновенны, какъ у насъ рѣпа.

Далѣе, гдѣ долина сѣуживается и крутизны по обѣимъ ея сторонамъ становятся неспособны къ воздѣлыванію, всѣ растенія предоставлены на волю могучей тропической природы: акація, дикіе померанцы и множество другихъ деревьевъ потрясаютъ своими косматыми вершинами надъ непроницаемую чащу переплетеннаго кустарника. Высокіе пики, всегда покрытые облаками, притягиваютъ къ себѣ изъ моря и воздуха влагу, которая, превращаясь въ воду, низвергается съ горъ безчисленными ручьями, поддерживающими всегдашнюю свѣжесть въ долинѣ. Климатъ на островѣ самый постоянный въ свѣтѣ. Вѣтерокъ съ моря дуетъ днемъ и ночью, и въ-продолженіе всего года термометръ не измѣняется болѣе, какъ на 5 или на 6 градусовъ. Средняя температура около 84° Фаренгейта.

На восточной оконечности Вагу находится потухшій вулканъ; есть на островѣ и другіе вулканы, только никто не помнитъ ихъ изверженій. Между первымъ вулканомъ и городомъ стелется обширная равнина, по которой жители каждый вечеръ разѣзжаютъ верхомъ, для прогулки, когда дневной жаръ немного уменьшится; особенно же по воскресеньямъ. Гайдъ-Паркъ не веселѣе, не оживленнѣе этой равнины: вигини, такъ называютъ здѣсь женщинъ, одѣты въ длинныя разноцвѣтныя платья. На головахъ у нихъ маленькія соломенные шляпы съ лентами или волосы развѣваются по вѣтру, придерживаясь только гирляндой изъ свѣжихъ померанцевыхъ цвѣтовъ. Ихъ улыбающіяся лица, ихъ радостные, звучные голоса такъ прелестны, такъ натуральны, что невозможно ими не восхищаться. Вигини славныя наѣздницы, и хотя лошади ихъ не самой чистой крови, однакожь такъ быстро несутся, что не очень легко слѣдовать за этими смуглыми красавицами.

Мужчины видныя-малые, смуглы лицомъ и болѣею частію немного выше средняго роста. Одежда ихъ состоитъ изъ маро, родъ плаща, который они дѣлаютъ изъ коры акаціи. Маро имѣетъ въ длину четыре, а въ ширину одинъ футъ; они обертываютъ имъ нѣсколько разъ себя повыше пояса. Женщины изъ этой же ткани носили прежде коротенькія юбки; но съ прибытія миссіонеровъ, это слишкомъ эфирное одѣяніе замѣнено длинными разноцвѣтными платьями, которыя онѣ носятъ съ талією подъ мышками. Надо полагать, что пожертвованіе граціознымъ костюмомъ съ избыткомъ вознаграждено улучшеніемъ ихъ нравственности.

Островитяне, какъ легко понять, ведутъ жизнь простую, однако очень опрятны. Пища ихъ состоитъ преимущественно изъ пое, тѣста, сдѣланнаго изъ таро, которое они оставляютъ въ броженіи, пока оно не по-

лучить кислаго вкуса. Ложекъ не употребляютъ, садятся, поджавши ноги, вокругъ чашки, изъ которой берутъ тѣсто двумя пальцами. Обыкновенно присоединяютъ къ этому кушанью сырую рыбу. Въ этомъ случаѣ, каждый имѣетъ при себѣ чашку съ свѣжею водою, въ которой моетъ руки, послѣ каждаго куска рыбы, прежде нежели опуститъ пальцы свои въ національное блюдо. Бананы и кокосовые орѣхи также употребляются въ пищу, а иногда сарачинское пшено и сахарный тростникъ. Съ большимъ тщаніемъ занимаются они приготовленіемъ кавы, хмѣльнаго напитка, до котораго большіе охотники. На каву наложили теперь миссіонеры табу, то-есть запрещеніе, и потому готовятъ его въ-тайнѣ. Кава дѣлается изъ корня растенія, похожаго на перецъ; женщины жуютъ его и выпускаютъ сокъ въ сосудъ, наполненный водою. По надлежащемъ броженіи, эта смѣшанная жидкость пріобрѣтаетъ удивительную крѣпость. Злоупотребленіе этого напитка сопровождается послѣдствіями, какія бываютъ отъ опіума: за опьяненіемъ наступаетъ общее расслабленіе, со-временемъ дѣлается сухотка и, какъ послѣ паралича, судорожныя подергиванія. Я говорилъ о ихъ опрятности, однакожь способъ приготовленія кавы и обыкновеніе ѣсть сырую рыбу не очень подтверждаютъ мое показаніе; впрочемъ я продолжаю поддерживать его во всей силѣ относительно самихъ лицъ. Островитяне часто плаваютъ, а женщины, и даже дѣти, по цѣлымъ часамъ остаются въ водѣ, и также плаваютъ не хуже мужчинъ.

Мы прожили уже недѣли двѣ въ Гонолулу, какъ г. Миллеръ извѣстилъ насъ, что можетъ, если мы желаемъ, представить насъ къ королю Тамеама III. День къ этой церемоніи былъ назначенъ; я заказалъ черный фракъ портному, который самъ былъ чернѣе этого фрака. Мы цѣлою толпою отправились во дворецъ, подъ предводительствомъ нашего консула въ трехугольной шляпѣ. По прибытіи нашемъ, хоръ туземныхъ музыкантовъ заигралъ англійскій національный гимнъ, не знаю, въ честь короля или нашего прихода. Мы прождали съ полчаса въ передней залѣ и познакомились тамъ съ разными начальниками въ европейскихъ мундирахъ. Трудно мнѣ передать ихъ имена; одинъ назывался въ родѣ Туе-туе, другой похоже на Пу-пу; это сочетаніе буквъ, совершенно намъ непонятное, безъ-сомнѣнія, на ихъ языкѣ имѣло значеніе самое почетное, аристократическое.

Наконецъ министръ иностранныхъ дѣлъ, украшенный огромною на груди звѣздою и изъяснявшійся съ примѣтнымъ шотландскимъ акцентомъ, пришелъ за нами, чтобъ представить насъ королю. Аудіенцъ-зала наполнена была знатью Гавайскаго королевства; чиновники находились по одну сторону короля, женщины по другую сторону королевы. Послѣднія сидѣли

по росту, какъ трубочки въ свирѣли Пана, отъ карлицы въ короткой юбкѣ и панталонахъ до королевы, которая стояла на ногахъ, потому что не могла бы умѣститься въ креслахъ. Мужчины сидѣли въ противуположномъ порядкѣ, и кажется, меньшіе по росту имѣли высшее значеніе.

Въ ту минуту, какъ мы вошли въ залу, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ читалъ, какъ настоящій янки, письмо отъ президента къ королю, который слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ, не понимая ни слова по-англійски; а мы въ это время отъ нечего дѣлать снимали и надѣвали желтыя перчатки, и разсматривали раскрашенныя картинки, изображающія разныя войска нашей арміи. Этотъ королевскій музеумъ очень напоминалъ модныя картинки, прилѣпленныя къ стеклѣмъ портныхъ. Когда я шелъ по залѣ, все еще слыша непріятное чтеніе посланника, чиновникъ со звѣздой на груди ударилъ меня по плечу. Положено было, чтобъ Фридъ представился первымъ, за нимъ миссіонеръ, а потомъ я. Кажется, между министромъ иностранныхъ дѣлъ и консуломъ нашимъ вышелъ споръ, кто изъ нихъ долженъ насъ представить. Консулъ одержалъ верхъ, а министръ утѣшился тѣмъ, что пойдетъ впереди кортежа и будетъ переводить королю наши титулы и званія.

Тамеамаеа приказалъ великому адмиралу, великану выше шести футовъ, снять со свѣчей, потомъ сказалъ, что радъ насъ видѣть. Несмотря на соглашеніе консула съ министромъ, послѣдній, жалѣя, что въ настоящемъ случаѣ не можетъ выказать всей своей важности, взялъ Фрида за руку и сказалъ королю на шотландскомъ нарѣчій, что Сандвичевы острова рѣдко имѣли посѣтителеми такихъ важныхъ, какъ мы, особъ, что такой-то лордъ и такой-то герцогъ, безспорно, самые знаменитые люди, въ заключеніе же проговорилъ тираду стиховъ въ пятьдесятъ изъ трагедій Шекспира-Генрихъ V.

Послѣ моего поклона, когда я отходилъ, пятясь задомъ, какъ этого требовалъ придворный этикетъ, подъ каблукъ мой попались лапы огромной черной собаки, любимицы министра со звѣздой. Животное испустило страшный крикъ; опасаясь за свои икры, я такъ неосторожно повернулся, что, потерявъ равновѣсіе, чуть не упалъ въ объятія микроскопической дамы въ панталонахъ: отъ этого представленіе чуть не разстроилось. Но когда одинъ изъ товарищей моихъ, самый неловкій человѣкъ въ мірѣ, завязнувъ ногами въ креслахъ, упалъ слишкомъ неловко предъ глазами всего двора, я со всѣхъ ногъ бросился въ уголь, и смѣшавшись съ толпою, чуть не померъ со смѣху.

Такъ кончилось наше краткое представленіе при дворѣ гавайскомъ,

и надо сказать правду, для полудикаго двора торжество это было недурно.

Спустя нѣсколько дней послѣ этой церемоніи, одинъ англійскій купецъ пригласилъ насъ на сельскій праздникъ, который онъ давалъ для тридцати или сорока человекъ туземцевъ. Сборнымъ мѣстомъ назначенъ былъ конецъ прелестной долины Вагу. Намъ дали лошадей, и мы заблаговременно пріѣхали туда вскорѣ послѣ полудня. Человекъ шесть островитянъ занимались тамъ устроиваніемъ изъ древесныхъ вѣтвей палатки.

Вдругъ долина оживилась: показались группы кавалеровъ и амазонокъ, блистающихъ яркими цвѣтами; изъ кавалеровъ—все были приглашенные, но каждая дама могла привести съ собою, сколько угодно, пріятельницъ, лишь—бы онѣ были съ именемъ и хорошенькія. Когда онѣ пріѣхали, разумѣется, мы держали имъ стремя и помогали сходить съ лошадей. Замѣтивъ одну, дѣйствительно красавицу, я хотѣлъ снять ее съ сѣдла, но къ величайшему моему изумленію, вмѣсто благодарности за учтивость, она такъ стегнула меня своимъ хлыстикомъ, что мнѣ это вовсе не понравилось. — Вотъ, подумалъ я, премилая амазонка, только съ очень странными манерами. Островитянка расхохоталась, замѣтивъ мою невольную гримасу; но меня утѣшили тѣмъ, что я долженъ принимать эту шалость за особенное ко мнѣ благоволеніе и что эта продѣлка совершенно въ обычаяхъ острова.

Когда все общество собралось, стали помышлять объ обѣдѣ: свиньи, собаки, птицы и разныя овощи обернуты были въ широкія листья, положены на землю и прикрыты камушками, на которыхъ развели огонь. На мужчинъ возложена была обязанность мять пое, а дамы начали пѣть и танцовать. Пѣсни были болѣею—частію жалобныя, въ которыхъ главную роль играла любовь: голоса довольно монотонны, зато ужъ жесты очень выразительны. Мы, натурально, мало понимали, но намъ казалось, что тутъ была и импровизація, судя по повторенію однихъ и тѣхъ же фразъ и словъ. Солисть, какого бы ни былъ пола, продолжаетъ пѣть, не переводя духъ, не останавливаясь, до-гѣхъ-поръ, пока лицо не побагровѣетъ, и онъ совершенно не выбьется изъ силъ. Это монотонное пѣніе одушевляетъ однакожъ танцовщицъ, которыя вертятся и скачутъ, раздвигая не очень граціозно ноги. Главное состоитъ въ томъ, чтобъ какъ можно долѣе плясать безъ отдыха. Зрители, при каждой новой позѣ, вскрикиваютъ въ знакъ одобренія; наконецъ плясунья падаетъ отъ усталости, оглушенная криками, упоенная своимъ успѣхомъ.

Когда кушанья поспѣли, ихъ разложили на землѣ и всякій, безъ

церемоніи, принялся за любимое блюдо. Живность вскорѣ была истреблена; несмотря на это, прелестныя островитянки нашли возможнымъ покушать столько пое, что оно съ трудомъ помѣстилось бы въ любую шляпу. Вино и крѣпкіе напитки подавались по бутылкѣ на каждую группу. Такъ-какъ крѣпкіе напитки подвергнуты запрещенію, то гости обоего пола не замедлили потерять разсудокъ. — По мѣрѣ того, какъ бутылка опорожнялась, желаніе получить ее увеличивалось; вскорѣ сдѣлалась суматоха, поднялся крикъ, посыпались удары, и мы едва могли разнять враждующія стороны и водворить между ними миръ и тишину.

Но пора было подумать и о возвращеніи. Не легко было посадить на лошадей нашихъ амазонокъ. Пока двое изъ насъ прислуживали одной, другая, предоставленная себѣ-самою, потерявъ равновѣсіе, падала съ крикомъ на землю. Напослѣдокъ, кое-какъ усадили всѣхъ дамъ, подали знакъ къ отправленію, и прелестный эскадронъ пустился въ путь. Между амазонками была одна, ловкости которой я не могъ надѣяться. Приблизясь къ ней, я узналъ, что этимъ обязана она воздержности своей за обѣдомъ: короче сказать, это была та самая красавица, которая хлыстомъ своимъ при самомъ началѣ познакомила меня съ обычаями острова. Желая возобновить знакомство съ милой наѣздницей, я пришпорилъ мою лошадь; животное было доброй породы и пустилось во всю прыть. Красавица, чувствуя, что за ней несутся, ударила хлыстомъ свою лошадь, но было поздно, мой конь налетѣлъ на нее, нельзя было избѣгнуть удара; я нагнулся, чтобъ ее не задѣть, но мое колено коснулось ея ноги, и она со всего размаха упала на землю. Я думалъ, что тутъ ей и конецъ! Но, къ счастью, она была легка, какъ перышко, а лужокъ мягкій. Едва я соскочилъ съ лошади, амазонка была уже на ногахъ и сказала мнѣ съ обворожительной улыбкой: — не дурна! не дурна! — Милое твореніе, подумалъ я, ты хочешь сказать, что не ушиблась, а между-тѣмъ твои слова совершенно справедливы и въ настоящемъ ихъ значеніи, именно — ты очень, очень недурна и не сѣрдита! и я, право, не встрѣчалъ болѣе милаго, прелестнаго созданія. Я выразилъ ей, какъ умѣлъ, мой страхъ, мое сожалѣніе, мою радость, что она жива и здорова. Посадивъ ее на сѣдло, — на этотъ разъ она ужъ не ударила меня хлыстомъ, — я проводилъ ее до дому, и возвратясь къ себѣ, чувствовалъ, что влюбился въ нее.

Проживъ въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ шесть недѣль, Фридь и я подумали, что пора намъ направить путь къ востоку. Почти годъ я не получалъ извѣстій изъ Англіи, мы надѣялись найти къ себѣ письма въ Калифорніи. Случай къ этому теперь представился,

славный бригъ «Корсаръ» готовъ былъ идти въ Сан-Франциско, — капитанъ его, Англичанинъ, имѣлъ репутацію хорошаго моряка и пріятнаго собесѣдника. Юліусъ не могъ съ нами ѣхать, онъ намѣревался посѣтить прочіе Сандвичевы-острова и взялъ уже мѣсто на маленькомъ шлюпѣ, отправляющемся въ Овайги. На этомъ островѣ есть огнедышащая гора Монна-бога, одна изъ знаменитѣйшихъ въ свѣтѣ. Еслибы на это путешествіе не потребовалось мѣсяца, я готовъ былъ взойти на гору, извергающую пламень, и почтить у подошвы волкана мѣсто, гдѣ погибъ капитанъ Кукъ. Но чтобы видѣть ее только для удовольствія, — мы были сытехоньки. Надо было остальную энергію и терпѣніе поберечь на путешествіе въ Калифорнію, отъ котораго мы не ожидали большаго утѣшенія.

Въ февралѣ, въ пятницу (я очень хорошо это помню, потому-что капитанъ объявилъ, что все его счастливыя плаванія начинались именно въ этотъ напрасно обвиняемый день) мы вступили подъ паруса на Корсаръ, обратясь, послѣ многихъ мѣсяцевъ путешествія, въ первый разъ кормою къ западу. Юліусъ проводилъ насъ миль пять или шесть въ морѣ, потомъ мы разстались, выпивъ по стакану добраго шампанскаго за успѣхъ нашихъ путешествій. Вѣтерокъ былъ слабый, и мы шли не болѣе трехъ узловъ въ часъ, такъ-что до самаго вечера еще были видны высоты, окружающія прекрасный Гонолулу. Прислонясь къ снастямъ и смотря, сквозь вечерній сумракъ, на исчезающій берегъ, грустно говорилъ я самому-себѣ: прелестная тропическая природа, величавыя пальмы, прозрачныя воды, счастливый климатъ, простодушные островитяне, увижу-ли васъ еще когда нибудь?

Въ эту минуту мысли мои о родинѣ, намѣреніе мое навсегда возвратиться домой исчезли предъ пылкимъ желаніемъ побывать опять на этомъ благословенномъ островѣ, опять видѣть милый образъ молодой вигини, такъ ловко познакомившей меня съ обычаями своей страны. О Вагу! Еслибъ къ тебѣ ходили паровые вагоны, скоро утратилъ-бы ты все прелести, которыми обладаешь! Но твоей поэзіи нечего бояться этихъ вагоновъ, не легко достигать твоихъ очаровательныхъ береговъ! Много надо пройти сотенъ миль, много надо дней и недѣль подвергать себя всеъмъ непріятностямъ морскаго путешествія, чтобы насладиться твоими прелестями: ты далекъ, очень далекъ отъ насъ.

Многимъ не нравятся морскія путешествія; часто жалуются на монотонность ихъ; если не страдаютъ отъ морской болѣзни, то не могутъ терпѣть запаха смолы, скрипа на суднѣ въ бурю, хлопанья снастей и парусовъ. Всякій путешественникъ, рассказывая про свои путешествія, посвящаетъ нѣсколько строкъ описанію морской жизни, почему же и

мнѣ не воспользоваться этимъ примѣромъ, не потому, чтобъ я могъ сказать что-нибудь новое объ избитомъ предметѣ: ни что не ново подъ луною! Поневолѣ будешь говорить и писать о томъ, что было говорено и писано тысячу разъ прежде. Прошу напередъ прошенія у судей строгихъ, но мнѣ кажется, что всякое впечатлѣніе, вѣрно переданное, имѣетъ свою занимательность, и во-всякомъ-случаѣ, послѣ такого длиннаго путешествія за впечатлѣніями, послѣ столькихъ опасностей и безпокойствъ, можно позволить себѣ невинное удовольствіе подѣлиться ими съ публикой: это право въ особенности можетъ принадлежать путешественнику, который имѣлъ терпѣніе постоянно вести свой журналъ, терпѣніе, которое можетъ оцѣнить тотъ, кто самъ занимался подобнымъ дѣломъ.

Впрочемъ, настоящее наше путешествіе было самое благополучное и самое скорое. Три недѣли, какъ мы оставили Сандвичевы-острова, и уже бросаемъ якорь въ заливъ Сан-Франциско. Какое множество входящихъ, выходящихъ, нагружающихся и разгружающихся судовъ! Какъ величественъ этотъ заливъ; съ одного конца его едва можно видѣть другой; городъ кажется не меньше Ливерпуля.

Погода однакожъ прескверная, но мы ни за что не остаемся на бригѣ. Нельзя же сказать, что мы въ Калифорніи, пока не вышли на берегъ! Итакъ непременно сей-часъ отправляемся...

Съ чего же начать описаніе? Первое впечатлѣніе подобно тому, какое производитъ на васъ каждый американскій городъ: нѣтъ ничего новаго, улицы широкія, вымощенныя деревянною мостовою. Народонаселеніе озабоченное, неспокойное, неопрятное, небритое, разнородное, — вообще все носитъ какой-то особенный характеръ, который я назову калифорнскимъ. Можетъ-быть, это происходитъ отъ множества игровыхъ домовъ, отъ золота, грудями наложеннаго на окна лавокъ, можетъ-быть еще... Впрочемъ, всего лучше помѣстить здѣсь письмо, которое писалъ я изъ Сан-Франциско; — впоследствии я узналъ, что оно помѣщено было въ газетѣ «Times»; еслибъ я предвидѣлъ, что оно будетъ опубликовано, конечно написалъ бы его съ бѣльшимъ стараніемъ, — всѣ предметы и происшествія описаны и разсказаны тамъ безъ всякаго порядка, какъ они представлялись и слѣдовали.

Сан-Франциско, марта 1850.

Вотъ уже мѣсяць, какъ я пріѣхалъ въ Сан-Франциско; я употребилъ это время на осмотръ важнѣйшихъ золотыхъ розсыпей. Послѣ столькихъ безпокойствъ и лишеній, чтобъ достигнуть этой страны, я думалъ, что не довольно буду вознагражденъ ею, но въ этомъ пріятнымъ

образомъ ошибся. Теперь, послѣ всего того, что видѣлъ, я не жалѣю о безпокойствахъ, даже какъ простой туристъ, безъ всякой особой цѣли. Я нахожу здѣсь обширное поле для наблюденій: это странное смѣшеніе разнородныхъ элементовъ, этотъ образчикъ разнороднаго общества, которое управляется само-собою, по законамъ, составленнымъ не изъ извѣстныхъ началъ, а по надобностямъ мѣстнымъ. Вотъ предметъ, для изученія котораго никакая другая страна ничего подобнаго не можетъ представить! Я не буду впрочемъ пускаться въ глубокія соображенія и ограничусь здѣсь, какъ и вездѣ, только тѣмъ, что прямо бросалось въ глаза и подстрекало мое любопытство.

При входѣ въ Сан-Франциско, васъ поражаетъ множество судовъ. Лондонъ и Ливерпуль конечно нейдутъ здѣсь въ сравненіе; но за исключеніемъ этихъ двухъ городовъ, и можетъ-быть еще Нью-Йорка, я не знаю другаго порта, въ которомъ было бы столько судовъ. Года два тому назадъ, на этомъ берегу только кое-гдѣ были разбросаны палатки; теперь съ удивленіемъ видишь растущій не по днямъ, а по часамъ городъ, въ которомъ считается уже болѣе тридцати тысячъ жителей. Сан-Франциско построено на песчаной возвышенности, которая круто спускается къ самому морю; но Американцы ничѣмъ не затрудняются и готовы рухнуть въ заливъ цѣлую гору, чтобъ спланировать мѣстность и расширить пространство земли, такъ-что сорокъ квадратныхъ футовъ, отнятыхъ у воды, имѣютъ цѣнность 5,000 долларовъ. Въ самой серединѣ города видны раснащенные суда, покрытыя крышами и служащія пресерьозно домами; бока ихъ прорѣзаны и служатъ наличною стороною лавокъ, наполненныхъ товарами. Видя цѣлую линію такихъ лавокъ, вы спрашиваете себя съ удивленіемъ: какой чудакъ размалевалъ фасады черными и красными полосами. Здѣсь есть уже и театры: французскій водевиль и италіянская опера. Но изъ всѣхъ мѣстныхъ удовольствій въ Калифорніи болѣе всего предпочитаются игорные дома, гдѣ находятъ себѣ удовлетвореніе жажда разсѣянія и прибытка или, правильнѣе сказать, жажда сильныхъ ощущеній! Игорныхъ домовъ много, не только въ Сан-Францискѣ, но и въ маленькихъ городкахъ; они всегда отворены и наполнены игроками и зрителями. Трудно дать вамъ понятіе объ этихъ адскихъ притонахъ! Представьте себѣ просторныя залы, гдѣ пышность соединена съ безвкусіемъ, гдѣ толпится четыреста или пятьсотъ человѣкъ, безъ различія пола, возраста, званія. Фаро, красное или черное и другія азартныя игры предпочитаются прочимъ. На столахъ груды золота и даже золотые слитки. Въ одномъ концѣ залы буфетъ, въ другомъ оркестръ. Музыка, толкотня, шумъ, смѣшеніе всѣхъ языковъ—производятъ зрѣлище, которому не найдете приличнаго

имени. Всѣ вооружены, начиная съ хвастуна, прѣхавшаго съ розсыпей съ мѣшкомъ золота на плечахъ, до авантюристки, пришедшей облегчить полновѣсные карманы счастливыхъ игроковъ. Я посѣщалъ четыре раза это негодное сборище, и всякій разъ былъ свидѣтелемъ какой-нибудь ссоры за оскорбленіе личности, оканчивавшейся, безъ сомнѣнія, пистолетами. Въ трехъ случаяхъ, оставшіяся въ живыхъ воспользовались преимуществомъ этого посѣшнаго закона, который, можетъ-быть, самъ поддерживалъ, не полагая, что придется испытать на себѣ приложеніе его. Не прошло шести часовъ послѣ ссоры, какъ законъ Lynch получилъ примѣненіе, и все вошло въ порядокъ.

Изъ Сан-Франциско я отправился на пароходѣ по рѣкѣ Сакраменто миль на 150, до города этого же имени. Въ два дня мнѣ надоѣло повтореніе однѣхъ и тѣхъ же сценъ, и я воспользовался первымъ случаемъ, чтобъ добраться до Мерисвиля, который по смежности своей съ разными протоками Сакраменто сдѣлался богатымъ складочнымъ мѣстомъ и довольно интереснымъ пунктомъ для наблюдателя.

Проведя пріятно вечеръ въ сообществѣ издателя газеты *Magysville's Herald*, который соединяетъ въ себѣ обязанности: журналиста, актера, учредителя концертовъ и аукціониста, я отправился на другой день въ мѣстечко, называемое: «*les fourches de la Juba*». Проѣхавъ нѣсколько часовъ верхомъ, и миновавъ крѣпостцу *Сиерра-Невада*, я настигъ золотопромышленниковъ. — Человѣкъ 200 или 300 работали на старомъ руслѣ рѣки. По сдѣланному между промышленниками условію, каждому изъ нихъ отводился шагъ на 30 участковъ, касающійся до настоящаго русла рѣки, чтобъ имѣть воду для промывки золотого песка. Владѣтель этого мѣста обогатился, передавъ право свое на золотыя розсыпи за значительную сумму денегъ. Теперь это право въ рукахъ многихъ компаній, по три и четыре человѣка вмѣстѣ, которыя въ свою очередь передадутъ ихъ другимъ многочисленнымъ компаніямъ, по мѣрѣ, какъ число искателей богатства увеличится. Напоследокъ, всѣ эти раздробленныя до безконечности частички, вѣроятно, будутъ скуплены и соединены въ рукахъ большихъ капиталистовъ. Когда участокъ принадлежитъ компаніи изъ трехъ или четырехъ человѣкъ, у каждого изъ нихъ особая работа: одинъ копаетъ песокъ, другой насыпаетъ имъ тачку, третій везетъ ее къ рѣкѣ, четвертый промываетъ песокъ. Если золотая пыль слишкомъ тонка — употребляется ртуть для отдѣленія ея отъ песка. По бѣльшей-части золотыя розсыпи находятся близъ поверхности земли, но иногда добываются въ шахтахъ глубиною до шестидесяти футовъ.

Количество золота, добываемаго каждымъ промышленникомъ, про-

стирается среднимъ числомъ до 40 франковъ въ день. Чтобы дать вамъ понятіе о богатствѣ золотыхъ россыпей, я приведу случай, слышанный мною на мѣстѣ отъ одного промышленника. Трое англичанъ купили участокъ въ 30 фут. ширины и во 100 футовъ длины за 7000 франковъ; два раза этотъ участокъ перепродавался за значительныя деньги, и каждый изъ продавцевъ думалъ, что онъ уже истощился. Въ три недѣли, новые покупщики заплатили покупную сумму, и сверхъ-того, каждому досталось чистой прибыли по 60 франковъ въ день. Между-тѣмъ этотъ участокъ еще не изъ самыхъ богатыхъ, а только лучше другихъ былъ разрабатываемъ, и въ 18 мѣсяцевъ далъ болѣе 100,000 франковъ.

Я слышалъ такъ много невыгоднаго о нравственности золотопромышленниковъ, что приготовился на прискахъ встрѣтить нѣчто въ родѣ бандитовъ, и когда ночевалъ въ небольшой палаткѣ, гдѣ человѣкъ 30 или 40 изъ этихъ господъ предавались игрѣ и попойкѣ, признаюсь, неслишкомъ пріятно было мнѣ спать на одной койкѣ въ четверомъ, и безъ оружія, быть нѣкоторымъ образомъ въ зависимости отъ этого сомнительнаго общества. Но, къ удивленію, долженъ сказать, что ни гдѣ въ подобномъ обществѣ не встрѣчалъ я болѣе тишины и порядка. Одинъ только разъ, ночью, спокойствіе наше было нарушено: койка, которую мы въ четверомъ занимали, отъ тяжести лопнула въ срединѣ, и мы, сонные, упали на землю.

Возвратясь въ Сан-Франсиско, я потомъ отправился на югъ для обозрѣнія присковъ, гдѣ золото извлекается безъ промывки. Мѣстоположеніе тамъ дѣйствительно превосходное и вовсе непохоже на долину при Сакраменто. Почва земли самая плодородная и доставляетъ разнообразныя произведенія. Даже во-время большихъ засухъ, всѣ долины орошаются множествомъ потоковъ, тогда какъ округъ Сакраменто, по безплодности почвы и измѣнчивости погоды, едва ли когда будетъ воздѣлываться съ успѣхомъ; притомъ подобнаго минеральнаго богатства, можетъ-быть, нигдѣ не существуетъ. Кварцовыя жилы, изъ которыхъ добывается въ значительномъ количествѣ золото, простираются на сѣверъ и югъ на полтора градуса широты. Ртуть также получается въ огромномъ количествѣ, именно отъ трехъ до четырехъ тысячъ фунтовъ въ недѣлю, отчего должна будетъ рушиться монополія Ротшильда въ этомъ минералѣ. Въ Мариполѣ, округѣ, гдѣ есть большія глыбы кварца, одна компанія, владѣющая нѣсколькими участками, устроила, съ большими издержками, машину, для раздробленія кварцовыхъ глыбъ. Компанія эта употребляетъ тридцать человѣкъ работниковъ, платя каждому по 500 франковъ въ мѣсяць. Въ настоящее время она получаетъ чистой прибыли отъ семи до восьми тысячъ франковъ въ день; это

вамъ покажетъ, что могутъ принести здѣсь пущенные въ оборотъ ка-питылы.

Во-время пребыванія нашего въ Сан-Франсиско, мы жили съ Фридомъ въ Ельдорадо, первой городской гостинницѣ. Мы имѣли комнату съ двумя постелями, и обыкновенно обѣдали за общимъ столомъ. Обѣдъ также хорошъ какъ въ «Astor-House» въ Нью-Йоркѣ: всего вдоволь и чистота примѣрная; говядина, баранина и дичь превосходны; вообще здѣсь можно жить очень хорошо. Издержки наши за квартиру и столъ простырались въ день по пятидесяти франковъ, разумѣется не включая сюда вина, которое не дешево и притомъ достоинства не высокаго. За столомъ всегда сидитъ такое множество разнородныхъ лицъ, что необходимо напередъ завладѣть стульями. Нашими ежедневными со-сѣдами были судья и маіоръ, титла, говоря мимоходомъ, довольно обыкновенныя въ этомъ собраніи, такъ что на десять человѣкъ всегда найдется одинъ судья и маіоръ. Первому насъ отрекомендовали, второй самъ намъ рекомендовался. Къ судьямъ мы обыкновенно прибѣгали за полученіемъ разныхъ справокъ и объясненій. Это былъ умный законо-вѣдецъ, человѣкъ тонкій, со взглядомъ ястребинымъ; онъ путешество-валъ по Европѣ, много видѣлъ, и приобрѣлъ разнообразныя свѣдѣнія, ко-торыми радъ былъ при случаѣ подѣлиться. Въ наружности его не было ничего особенно замѣчательнаго, но характеромъ онъ былъ настоящій янки. Впрочемъ онъ приобрѣлъ общежительность, и еслибы принадлежалъ къ высшему классу, то могъ бы прекрасно разыгрывать роль джентльмена. Маіоръ былъ во всемъ противоположенъ своему другу — судья, нару-жность и характеръ его довольно были странны. Высокимъ ростомъ прямымъ, не гибкимъ станомъ и большими усами походилъ онъ на про-стаго солдата, но былъ дородень, ланиты его цвѣли здоровьемъ и къ столу являлся онъ уже на веселѣ.

— Маіоръ, сказалъ судья, позвольте рекомендовать вамъ этихъ двухъ господъ, англійскихъ путешественниковъ.

Тутъ онъ произнесъ наши имена и имя маіора.

— Любезный судья, отвѣчалъ маіоръ, извольте замѣтить, что я имѣлъ уже честь познакомиться съ этими господами, и только не зналъ почтенныхъ ихъ именъ. Господа, позвольте предложить вамъ стаканъ вина. Если есть, продолжалъ маіоръ покручивая усы — если есть въ моей жизни минуты, которыя особенно пріятно мнѣ вспомнить, то конечно тѣ, которыя я провелъ въ обществѣ англичанъ. Тутъ маіоръ опорожнивъ свой стаканъ, прибавилъ: — Да, господа, я тотчасъ узналъ, кто вы. Оставаясь въ Калифорніи или Соединенныхъ Штатахъ,

если вамъ встрѣтится надобность въ другѣ, маіоръ М*** всегда къ вашимъ услугамъ.

— Но, маіоръ, сказалъ судья, легко можетъ случиться, что эти господа никогда не будутъ имѣть надобности въ другѣ, въ томъ смыслѣ, какъ вы это понимаете.

— Нельзя предвидѣть, что можетъ случиться въ такой странѣ, какъ эта. Я помню, какъ теперь, что со мною было назадъ тому двадцать лѣтъ: я игралъ въ карты; мой противникъ былъ одинъ офицеръ изъ нашего полку. — Мальчикъ! подай еще бутылку шампанскаго! Вино превосходное! никогда не пивалъ лучшаго, говорилъ маіоръ, наливая смородиновымъ сокомъ стаканы.

— Но позвольте, на чемъ я остановился?.. Да... этотъ офицеръ былъ мнѣ близокъ, и я имѣлъ высокое понятіе о его честности, высокое понятіе, повторяю это вамъ, господа. Полоса игры шла противъ меня, ни одного лева. Мой партнеръ не могъ вытерпѣть... ругнулся... пріятель мой... Мальчикъ! подай еще кусокъ ветчины, самой лучшей! Господа, позвольте попросить эту бутылку... Это вино, не правда ли, доброе, какъ вы находите? Но на чемъ бишь я остановился... Да... пріятель мой ни слова, все сноситъ флегматически. Мы продолжаемъ проигрывать. Напоследокъ, вообразите, что сдѣлалъ мой партнеръ? Вынимаетъ ножикъ, и трехъ пальцевъ у моего пріятеля какъ не бывало. Онъ поднимаетъ страшный крикъ! «Кричи любезный, сколько душъ угодно, но еслибъ у тебя было пять тузовъ, вмѣсто трехъ, я бы тебѣ всѣ пять пальцевъ отрѣзалъ.» Надо вамъ сказать, что пріятель мой показывалъ своему партнеру пальцами число своихъ тузовъ и, по несчастію, на этотъ разъ у него были три туза.

— Мнѣ кажется, сказалъ судья, что я слышалъ про эту исторію; но извините меня, я все херошенько не понимаю, какое отношеніе она можетъ имѣть къ этимъ господамъ и къ вашему вызову служить имъ?

— Къ этому—то я и хочу придти, если дадите мнѣ кончить. Мальчикъ! Дюжину сигаръ! Мнѣ остается сказать два слова: вѣрный своему долгу, какъ офицеръ, какъ другъ, какъ джентльменъ, я принимаю это за личную себѣ обиду и раскраиваю голову моему партнеру: если этимъ господамъ угодно будетъ удостоить меня своей дружбой, я почту себя счастливымъ сдѣлать и для нихъ тоже самое.

— Это, конечно, весьма учтиво, сказалъ судья, но, можетъ-быть, эти господа не позволяютъ, чтобъ за нихъ дрались: такъ ли я понялъ, что вамъ угодно было сказать?

— Нѣтъ, отвѣчалъ маіоръ, это не совсѣмъ такъ, но я увѣренъ, что вы хорошо меня поняли...

Судья, вѣроятно, находя дальнѣйшее объясненіе излишнимъ, махнулъ, въ знакъ согласія, головою, и маіоръ, чтобъ окончить этотъ вечеръ, предложилъ намъ зайти въ сосѣдній игорный домъ.

— Господа, сказалъ онъ, если вы желаете видѣть человѣка, умѣющаго играть въ фаро, я могу доставить вамъ это удовольствіе.

Въ двадцати шагахъ отъ гостинницы Эльдorado есть игорный домъ этого же самаго имени, весьма обширный и наиболѣе посѣщаемый въ Сан-Франциско. Въ углу стоялъ раскрытый, не занятый еще для фаро столъ, карты лежали на немъ лучшія, сукно было неистертое; очевидно, что этотъ столъ предназначался для игроковъ высшаго полета. Банкометы привѣтствовали насъ учтиво, конечно для нашего маіора, который, какъ казалось, пользовался здѣсь особымъ уваженіемъ.

Игра завязалась; я не могу рассказать всѣхъ ея переходовъ, потому-что для этого нуженъ языкъ, мнѣ неизвѣстный; скажу только, что чрезъ полчаса маіоръ всталъ изъ-за стола порядочно ошипанный и совершенно отрезвленный.

Въ поѣздку мою въ Мерисвилъ, я останавливался два дня въ Сакраменто. Погода была тогда холодная. Погулявъ по городу, я возвратился въ гостинницу, и сидя въ общей залѣ, у каминна, замечтался... По утру ранехонько, я увидѣлъ толпу людей на рыночной площади, у большаго дерева. Спрашиваю о причинѣ такого сборища; отвѣчаютъ, что на разсвѣтъ одинъ бѣднякъ былъ повѣшенъ на суку этого дерева, «Lynché» (это настоящій здѣсь терминъ). Газета, описывающая этотъ случай, лежала на стулѣ; я взялъ ее и началъ читать процессъ; въ это время подходитъ ко мнѣ человѣкъ самой подозрительной наружности и говоритъ:

— Иностранецъ, можно и мнѣ заглянуть въ эту газету?

— Когда кончу, отвѣчалъ я, продолжая чтеніе.

Мнѣ кажется, всякій человѣкъ, мало-мальски терпѣливый, удовольствовался бы такимъ отвѣтомъ, но мой проказникъ, не заботясь, что я началъ читать прежде, облакачивается на спинку моего стула, кладетъ одну руку на плечо мое, а другою придерживаетъ газету, чтобъ читать ее вмѣстѣ со мною.

— А! а! сказалъ онъ, я вижу, что вы читаете исторію бѣднаго Жима, правда?

— Кто это Жимъ?

— Тотъ, кого сегодня поутру повѣсили, отвѣчалъ онъ, садясь на стулъ; Жимъ былъ моимъ пріателемъ... Я помогаль его вѣшать.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? подлинно, это дружеская услуга. Но что же такое онъ сдѣлалъ?

— Вы давно въ Сакраменто?

— Я здѣсь только съ утра и не знаю этого дѣла.

— О! такъ я вамъ расскажу. Жимъ, вотъ видите, былъ англичанинъ, то-есть, онъ пріѣхалъ сюда изъ Ботанибея, принадлежащаго королевѣ Викторіи, а гдѣ этотъ Ботанибей, право, хорошенько не знаю. Пріѣхавъ въ Калифорнію мѣсяцовъ шесть назадъ тому, онъ никого не зналъ и сталъ искать золото на собственный свой счетъ, — это было въ заливѣ Сигаръ, гдѣ и я работалъ. Недѣли черезъ двѣ, у одного промышленника пропадаютъ триста долларовъ, которые зарыты были въ землѣ. Подозрѣніе падаетъ на Жима; выходитъ, что онъ почелъ легче выкопать изъ земли мѣшокъ съ деньгами, чѣмъ доставать изъ нее золотую пыль. Промышленникъ, у котораго похитили деньги, объявилъ, что Жимъ поплатится съ нимъ и этотъ скрылся.

— Стало-быть онъ не за это повѣшенъ?

— Кажется, что такъ. Еще прошлую недѣлю не знали, куда онъ дѣвался. Какъ вдругъ является Жимъ развязнымъ малымъ; карманы у него полны золота, и онъ отправляется прямо въ игорные дома. Одинъ кузнецъ, живущій въ Broad-Street, видя, что Жимъ безпрестанно выигрываетъ, увѣряетъ меня, что открылъ его секретъ и поймаетъ на дѣлѣ. Но Жимъ былъ, не знаю почему, на этотъ разъ остороженъ, не плутовалъ и проигрывалъ. Разсердясь, онъ сталъ привязываться къ кузнецу; тотъ не смолчалъ, и потерявъ терпѣніе, зажимаетъ Жиму кулакомъ ротъ. Жимъ бросается какъ тигръ на кузнеца, выхватываетъ изъ кармана пистолетъ, и бацъ ему въ голову. Я первый наложилъ руку на убійцу; безъ меня, думаю что его разтерзали бы въ куски.

«За судьей Паркеромъ! вскричало множество голосовъ.

Судъ продолжался часа два; никто не сомнѣвался въ виновности Жима и въ ожидающемъ его наказаніи. Приговоръ надъ нимъ былъ произнесенъ, и въ секунду все было кончено.

Я встрѣтился съ капитаномъ Султеромъ, который возилъ насъ на маленькомъ пароходѣ изъ Сакраменто въ Мерисвилъ. Этотъ добрый швейцарецъ пригласилъ насъ на свою ферму и угостилъ по-нѣмецки, салатомъ съ сахаромъ и жаркимъ съ вареньемъ.

Въ дилижансѣ, который отвезъ насъ изъ Мерисвиля, случился одинъ калифорніецъ, отличавшійся грубыми словами и манерами, впрочемъ порядочно одѣтый и пользующійся уваженіемъ, въ которомъ не отказываютъ здѣсь никакому дѣловому человѣку. Онъ началъ со мною разговоръ вопросомъ: сколько я возьму за пуговицы на моей рубашкѣ, и на отвѣтъ мой, что онѣ непродажныя, потому что получены въ подарокъ отъ друга, возразилъ, что если онѣ мнѣ ничего не стоять, то тѣмъ выгоднѣе будетъ для меня продажа ихъ, и что я долженъ на это рѣшиться.

ся, иначе, при первомъ удобномъ случаѣ, онъ ихъ у меня стянетъ, такъ онъ ему правятся. Подобное объявленіе удивило бы всякаго, кто не знакомъ съ безстыдствомъ заатлантическихъ авантюристовъ; но здѣсь это очень обыкновенно, и я также мало оскорбился, какъ еслибъ онъ предложилъ мнѣ сигару. Принявъ все это за одинъ комплиментъ моимъ пуговицамъ, я застегнулъ однакожъ пальто, чтобы не ввести въ искушеніе этого человѣка.

Этотъ случай подалъ поводъ къ живымъ спорамъ и разсказамъ о томъ, что называютъ американцы «Smartness», тонкость, плутоватость въ дѣлахъ. Калифорніецъ занялъ насъ болтовнею, какъ успѣлъ пріобрѣсти четыре тысячи долларовъ. «Но, вотъ мы пріѣхали! сказалъ онъ, неуждно ли вамъ, господа, сдѣлать мнѣ честь выпить вмѣстѣ по рюмкѣ виски».

Изъ Сан-Франциско мы отправились на пароходъ въ Анапулко, оттуда верхомъ въ Мексику, безъ особенныхъ приключеній, заслуживающихъ разсказа; изъ Мексики въ Вера-Крусъ, а оттуда на накетботѣ въ Англію, въ Соутгемптонъ.

ЖИЗНЬ НА МОРЬ *

Человѣкъ и море.—Начало мореплаванія.—Вліяніе его на судьбу народовъ.—Преобладаніе морскихъ державъ.—Рѣчь Фемистокла.—Пиза и Венеція.—Флотъ Англіи.—Значеніе Франціи въ рѣду морскихъ державъ.—Мореплаваніе, какъ источникъ просвѣщенія.—Разные виды судовъ.—Корабль.—Краткій очеркъ кораблестроенія.—Вѣстительность, вооруженіе и оснастка корабля.—Поэтическая сторона его.—Снятіе корабля съ якоря.—Путевая и боевая жизнь корабля.—Первый линейный корабль во Франціи.—Значеніе флага.—Флаги древнихъ.—Флаги общіе, частныя, военные, коммерческіе, сигнальныя.—Система Павильона.—Языкъ флаговъ.—Общіе сигналы.—Расположеніе цвѣтовъ и правила поднятія флаговъ.—Флаги пиратовъ.—Морскія постановленія 1830 года во Франціи.—Вымпелъ.—Исторія бѣлаго и трехцвѣтнаго флаговъ.—Национальное собраніе и конвентъ.—Происхожденіе краснаго, бѣлаго и голубаго цвѣтовъ въ гербѣ и флагѣ Франціи.—Галлы и Франки.—Старость корабля.—Англійскіе понтоны и французскіе плѣнники.—Попытка къ бѣгству.—Ларивьеръ.—Дуели на понтонахъ.—*Les français sont des farceurs.*—Жизнь на понтонахъ.

Человѣкъ, одаренный способностью заимствовать матеріалы для своего существованія изъ окружающей его сферы, покорялся необходимости своей организаціи, воздѣлывая землю, оплодотворяя ее и покрывая жилищами, которыя распространяясь все болѣе и болѣе, превращались въ деревни и города.

Нужды открыли ему его силы и способности. Человѣкъ былъ окруженъ элементами, производительная сила которыхъ требовала его содѣйствія. Міръ былъ царствомъ человѣка, но царствомъ еще не вполне доступнымъ. Такъ какъ природа дала человѣку всѣ способы для пора-

* Подъ этимъ названіемъ мы помѣщаемъ нѣсколько сценъ, очерковъ и разсказовъ, заимствованныхъ изъ сочиненій: Корбьера, Жала, Грегана, Шевалье, Жюрьень-де-ла Гравьера, относящихся къ мореплаванію и его исторіи. Думаемъ, что эти легкіе морскіе очерки будутъ имѣть интересъ для того, въ комъ одно названіе *моря* пробуждаетъ рядъ поэтическихъ картинъ. Жизнь на морѣ такъ различна отъ жизни на сухомъ пути, что разсказы о первой могутъ показаться многимъ новыми и любопытными. Надѣемся современемъ представить и еще нѣсколько извлеченій изъ писателей, посвятившихъ свои труды изученію и описанію морской жизни съ ея разнообразными явленіями.

бощенія этого міра, то, покоривъ производительную силу земли своему произволу, онъ слѣдовалъ только первоначальному закону своего существованія. Изъ необходимости поддерживать его возникло земледѣліе и промышленность.

Но море казалось поставлено было границею, за предѣлы которой физическое сложеніе человѣка запрещало ему проникать. Берега его были предѣломъ для человѣка. Казалось, природа начертала на нихъ слова: «ты не пойдешь далѣе».

Всѣ земныя существа, покорствуя закону, вращались искони въ сферѣ, назначенной имъ природою по свойству ихъ организаціи. Значеніе ихъ въ цѣпи созданій не измѣнилось; они всѣ и всегда будутъ чѣмъ были прежде; ни одно изъ существъ не нарушило закона, которому покорны всѣ прочія породы. Только одинъ человѣкъ могъ освободиться отъ общаго предназначенія. Человѣку данъ былъ разумъ.

Предъ этимъ разумомъ разступились физическія преграды.

Скрѣпивъ вмѣстѣ нѣсколько древесныхъ вѣтвей, человѣкъ переплывалъ на нихъ черезъ рѣки, или сначала спускался съ помощью ихъ только внизъ по теченію. Но способы его плаванія мало-по-малу улучшались, и онъ рѣшился плыть уже не по однѣмъ рѣкамъ, но и по морю, осторожно придерживаясь его береговъ. Наконецъ открытъ компасъ—и человѣкъ смѣло пустился въ водныя пустыни, безъ начертанныхъ путей, повѣряя свой путь по теченію свѣтилъ небесныхъ. Тогда рѣки, озера и моря уже перестали быть преградами между обитателями земли; напротивъ, они стали средствами болѣе удобными для сообщенія. Цивилизація перестала быть исключительнымъ благомъ нѣкоторыхъ привилегированныхъ народовъ. Мореходы тирскіе, египетскіе и греческіе въ древнія времена, Колумбъ, Магелланъ, Бугенвиль, Кукъ, Лаперузъ и другіе въ новѣйшія, — подвинули впередъ просвѣщеніе гораздо быстрѣе многихъ философовъ и мыслителей.

Отъ столкновенія народовъ, въ-слѣдствіе обмѣна ихъ произведеній, произошелъ обмѣнъ идей, и благодаря мореплаванію, всѣ народы слились въ одну общую человѣческую семью.

Но такъ-какъ нѣтъ блага въ природѣ, какъ бы оно ни было велико, котораго бы человѣкъ не употребилъ во зло, то и мореплаваніе послужило ему средствомъ къ злоупотребленіямъ.

Суда, перевозившія изъ края въ край плоды промышленности и торговли, наукъ и просвѣщенія, стали перевозить изъ страны въ страну вооруженныхъ воиновъ, и моря стали для враждующаго человѣчества новыми полями сѣчи и битвъ, гдѣ средства уничтоженія естественнымъ образомъ увеличились. Вскорѣ за сооруженіемъ торговыхъ судовъ по-

слѣдовало сооружеіе судовъ военныхъ, и народы поспѣшили примѣнять средства торговли къ преобладанію.

И точно, стоить только бѣглымъ взглядомъ окинуть исторію, чтобы убѣдиться въ сильномъ вліяніи мореплаванія на судьбу народовъ. Процвѣтаетъ-ли гдѣ флотъ,—тамъ процвѣтаетъ и страна; торговля народа увеличивается, промышленность распространяется, совершенствуется, богатство разливается во всѣхъ классахъ, земледѣліе улучшается, науки и искусства преуспѣваютъ. Изъ такого общаго благоденствія возникаетъ величіе страны, и истина эта такъ очевидна, что для ея доказательства достаточно представить лишь нѣсколько примѣровъ:

Такъ Мемфисъ, Тиръ и Карфагенъ, благодаря своимъ флотамъ, сдѣлались, каждый въ свое время, обладателями окружныхъ странъ.

Такъ Массилійская колонія (Марсель) одолжена была своимъ кораблямъ всѣмъ ея величіемъ и блескомъ.

«Граждане», говорилъ Фемистокль своимъ соотечественникамъ, бѣгущимъ отъ Персвовъ, «садитесь на суда, на галеры, тамъ ваша отчина; пусть сожгутъ Афины, вы ихъ выстроите краше прежняго; вашими судами вы снова овладѣете Греціей!»

Римъ только послѣ морской побѣды, одержанной Дулиемъ, утвердилъ свое могущество; и когда Римская Имперія пала предъ сѣверными варварами, приморскія страны Италіи, захвативъ обломки падающаго царства, владѣли ими долго, среди новыхъ могущественныхъ народовъ,—лишь силою своихъ флотовъ. Въ эти невѣжественныя времена, Пиза получила первая значеніе, благодаря счастливымъ соображеніямъ своихъ мореходовъ.

За нею Венеція, посреди своихъ лагунъ, обогатила западъ своею торговлею.

Наконецъ возвысилась Генуа, корабли которой были источникомъ ея успѣховъ и богатства.

Не говоримъ о Родосѣ, хотя ему принадлежитъ слава основанія морскихъ наукъ, принятыхъ всѣми народами за руководство.

Не будемъ говорить и объ Испаніи, Португаліи и Голландіи, богатыхъ и цвѣтущихъ въ свое время своею торговлею, могущественныхъ своими флотами

Англія и Америка не флотамъ-ли обязаны тому значенію, которое онѣ имѣютъ въ политическомъ быту народовъ?

Флотъ составляетъ одно изъ главныхъ основаній благоденствія и величія страны. Какъ бы ни велика и сильна была страна,—безъ флота могущество ея не полно.

Наполеонъ собиралъ лавры побѣдъ во всѣхъ странахъ Европы, а

между-тѣмъ, въ то самое время, Франція, лишенная произведеній своихъ колоній, терпѣла крайнія нужды посреди самихъ побѣдъ. Распространяя свои прибрежья, государство умножаетъ свое могущество и силу. У насъ передъ глазами Англія. Съ 20-ю милліонами своего народонаселенія, она владѣетъ странами, которыя обширнѣе всего, что можетъ намъ представить исторія. Сѣверъ Америки принадлежитъ ей; все африканскіе берега покрыты ея конторами, агенты которыхъ распространены на триста миль въ страну Кафровъ. Восточная Индія, ея 50 милліоновъ жителей, ежедневно возрастающихъ отъ слиянія съ бирманскими и марратскими племенами, составляетъ два полуострова, уже слившихся въ одну англійскую колонію.

Океанія почти вся принадлежитъ ей, а результатъ недавней войны съ Китаемъ открылъ ей нѣсколько портовъ Небесной-Имперіи, доселѣ бывшихъ негостеприимными.

Итакъ корабли, обогащая страну сбытомъ произведеній и обмѣномъ на произведенія иноземныя, содѣлывая самыя отдаленныя племена данниками своей промышленности, создаютъ элементы самыя вѣрные и самыя положительныя для величія страны.

Хотя Франція всегда сознавала и понимала значеніе и силу флота, надо однако сознаться, что мореходство имѣло въ ней эпохи неподвижности и даже застоя. По отдаленію Парижа отъ моря, вопросы о значеніи флота были часто оставляемы на второмъ планѣ въ мнѣніи общественномъ.

Морскіе начальники и офицеры, находившіеся въ отдаленныхъ портахъ, не могли обратить вниманія и заботливости властей на нужды и потребности флота. Высшее управленіе морскими силами долго считалось доходною должностію и отдавалось лицамъ, совершенно чуждымъ всеѣмъ понятіямъ о морскомъ дѣлѣ.

Правительственный геній Кольберта предвидѣлъ всю силу, какую могъ пріобрѣсть Людовикъ XIV отъ флота, и выгоды, какія можно было изъ него извлечь для страны: Великій администраторъ захотѣлъ положить широкое и прочное основаніе флоту. Были устроены заводы, съ дѣлюю наполнять морскіе арсеналы, созданныя его морскими уставами. Заложены новые корабли подъ вѣдѣніемъ кораблестроительныхъ комитетовъ, устроенныхъ во всеѣхъ большихъ портахъ. Матросы раздѣлены на разряды; морская администрація получила правильное распределеніе. Законы, разумно задуманные и исполняемые, опредѣлили порядокъ службы, обязанности подчиненныхъ и ихъ права. Судопроизводство и морскіе регламенты приведены въ ясность и точность съ такимъ искусствомъ, что все торговыя страны посѣщили воспользоваться полною системою

новаго морскаго уложенія. Спустя десять лѣтъ послѣ того, корабли, украшенные французскими побѣдоносными флагами, развѣвались на всѣхъ моряхъ.

Позже, Людовикъ XVI старался всѣми мѣрами возстановить значеніе французскаго флота, которое было утрачено имъ во-время регентства. Восемь лѣтъ мира укрѣпили, упрочили морскія силы Франціи, и принесли счастливые плоды въ новомъ періодѣ морскихъ событій,—въ послѣдней войнѣ. Ламоть-Пике въ Атлантическомъ океанѣ, командоръ Сюффрень въ Индѣйскомъ-морѣ возвеличили французскій флагъ и утвердили его славу и могущество.

Нельзя приписать реставраціи особенной заботливости о мореходствѣ, однако, несмотря на то, сколько богатствъ разлито во Франціи морскою торговлею, которой помогалъ только одинъ внѣшній миръ! Какое значительное вліяніе имѣла Франція, въ-продолженіе шестнадцати лѣтъ, во всѣхъ политическихъ вопросахъ, благодаря своимъ кораблямъ!

Значеніе Франціи между приморскими странами опредѣляется уже географическимъ ея положеніемъ. Лежащая у двухъ морей, омывающихъ большую часть ея границъ, она противопоставляетъ западу Азіи и сѣверу Африки южные берега свои, а матеріку Америки свою западную береговую часть. Характеръ самаго народа значительно увеличиваетъ выгоды ея положенія, будущность которыхъ опирается на многочисленные рейды, доки, бассейны и порты, которыми полна вся страна. Всѣ предпріятія, требующія отваги и энергіи, найдутъ всегда сочувствіе въ душахъ нормандцевъ и бретанцевъ, равно-какъ всѣ спекулятивныя экспедиціи, самыя отдаленныя и опасныя, жадно будутъ приняты жирондистами и провансалами.

Неразрывная цѣпь, скрѣпляющая морскія силы съ прочими силами страны, естественныя отношенія мореходства къ процвѣтанію ея, и богатства, какія оно разливаетъ повсемѣстно, очевидны и неоспоримы. Жажда любопытства, устремленная на все, касающееся морскихъ знаній, морскихъ открытій, морскихъ картинъ, литература и искусства, стремящаяся удовлетворять ей, выказываютъ достаточно направленіе общественныхъ понятій и стремленій.

Значеніе внѣшняго могущества, возрастающаго съ каждымъ днемъ для страны, опирающейся на морскія силы, есть причина такого сильнаго развитія общественныхъ стремленій ко всему, что касается морской науки. Есть элементы въ обществѣ, которые уничтожаются съ теченіемъ времени. Есть другіе, которые время развиваетъ и распространяетъ до крайнихъ предѣловъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ мореплаваніе.

Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ цивилизаціи было соединеніе людей въ общества. Изъ семействъ возникли племена, изъ племенъ селенія, города. Изъ соединенія городовъ возникли народы; народамъ предназначено было составить государства. Прогрессъ ведетъ человѣка къ новому прогрессу. Прогрессъ обобщенія и соединенія не можетъ остановиться въ пути своемъ; его влечетъ впередъ общій законъ совершенствованія. Но такъ-какъ для своего дѣйствія процессъ обобщенія долженъ быть перенесенъ на народы, отдѣленные морями, океанами, корабли будутъ его естественнымъ и необходимымъ средствомъ сообщенія. Поэтому будущность флотовъ, силою обстоятельствъ и законовъ цивилизаціи, будетъ цѣною, которая скрѣпитъ въ одно цѣлое разрозненныя части огромнаго человѣческаго общества.

Корабль! Сколько людей на свѣтѣ знаютъ корабль только по слышкѣ! Сколько такихъ, которые, не стѣснанные еще школьныхъ впечатлѣній, воображаютъ себѣ корабль по описаніямъ какой-нибудь галеры! Многіе судятъ о судахъ вообще по парходамъ, на которыхъ они дѣлали лѣтнюю морскую компанію въ загородныя экспедиціи!

Разсмотримъ въ его подробностяхъ и въ цѣломъ, въ его неподвижности и въ его дѣйствіяхъ, это любопытное пловучее зданіе.

Говоря о корабляхъ, обратимъ вниманіе только на тѣ изъ нихъ, въ которыхъ морская архитектура является во всей своей красѣ, во всемъ своемъ значеніи. Умолчимъ о тѣхъ, которымъ потребность перевозки дала формы тяжелыя и неуклюжія. Умолчимъ объ англійскихъ пакетботахъ и транспортныхъ судахъ, тяжелыхъ и широкихъ коробахъ, выстроенныхъ безъ всякаго соблюденія размѣровъ и вышней красоты; этихъ пловучихъ воевъ, ползущихъ изъ порта въ портъ, треща и вздрагивая отъ всякаго всплеска волны. Не станемъ говорить и о голландскомъ галіотѣ курносомъ, грузномъ, съ плоскими и широкими боками, объ этой несчастной баркѣ, которая едва двигается только при помощи сильнаго вѣтра и широкихъ парусовъ, сидитъ по шею въ водѣ, крехтитъ и захлебывается, какъ неискусный пловецъ. Оставимъ въ покоѣ неуклюжія подражанія люгерамъ, транспорты прусскіе, датскіе, австрійскіе, турецкіе, снующіе по всемъ портамъ и выказывающіе всему свѣту, одинъ передъ другимъ, свой безобразный, неопрятный корпусъ, испачканный смолою!

Обратимъ вниманіе на шкуну, легкую, нарядную, какъ-бы выточенную изъ одного куска дерева,—такъ искусно округлены ея прекрасныя формы!

Взгляните на изгибъ ея борта, слегка спускающагося отъ носовой части къ срединѣ и приподнятаго къ кормѣ. Не напоминаетъ-ли этотъ

абрисъ роскошный контуръ кокетливо лежащей женщины? Какъ всѣ очертанія ея правильны, чисты и художественны! Какая гармонія частей въ цѣломъ! Какъ, граціозно качается она на волнахъ!... Летитъ-ли она свободно по влажной стихіи, не оставляя на ней слѣда, скользитъ-ли она между подводными отмелями, шкуна всегда, во всякомъ положеніи—любимица моряка. Она для него олицетвореніе красоты и игривости прелестной дѣвушки!

Вотъ предъ глазами вашими бригъ. Онъ не такъ красивъ, какъ шкуна, онъ менѣе изященъ, менѣе кокетливъ; но онъ сильнѣе, онъ плечистѣе, онъ тверже сидитъ на волнѣ. Это юноша въ полномъ развитіи и сознаниіи своихъ силъ.

Вотъ еще предъ вами американскій пароходный пакетботъ; онъ предлагаетъ вамъ убѣжище и спокойствіе въ своихъ раззолоченныхъ салонахъ и будуарахъ, и презирая бури и волны, вѣрно стремится къ своей цѣли.

Вотъ трехмачтовый купеческій корабль — верблюды пустыни океана! Плавно, спокойно онъ несетъ на хребтѣ, съ сознаниемъ своей силы, тысячу тоннъ груза.

Вотъ корветъ! Онъ не уступитъ въ красотѣ шкунѣ, въ горделивости бригу, и превзойдетъ ихъ отвагою и смѣлостью, потому—что сильнѣе ихъ вооруженъ, и разверстыя пасти его пушекъ грозятъ смертию.

Вотъ фрегатъ,—могучій и сильный властитель морей! Вотъ, наконецъ, корабль, пловучій городъ, цѣлая область на водахъ!

Чтобы понять эту гигантскую постройку во всемъ ея объемѣ, во всей силѣ и значеніи ея механизма, мало сказать: «Приглядитесь: вотъ какъ строится корабль, вотъ какъ онъ вооружается, вотъ какъ онъ дѣйствуетъ, вотъ какъ онъ плыветъ!» Нѣтъ! нагляднаго вниманія уже на готовый корабль недостаточно; всякое описаніе бессильно, всякій анализъ неполонъ. Надо побывать въ какомъ-нибудь значительномъ портѣ; выйти на его набережную въ ту минуту, когда входитъ на рейдъ эскадра; видѣть, какъ она втягивается въ бухты; надо побывать не разъ на верфи, гдѣ закладываются и строятся эти пловучія зданія; надо испытать самому морское сраженіе; надо выдержать сильную, величественную бурю. Тогда только вы будете въ состояніи понять, чего никакое искусство писателя никогда не изобразитъ въ точности.

Корабль представляетъ глазамъ два вида, двѣ стороны своего бытія. Неподвижность, или покой и дѣйствіе. Въ первомъ случаѣ онъ мертвое произведеніе плотника—строителя и такелажнаго мастера. Во второмъ случаѣ, онъ созданіе одушевленное, онъ боецъ, а *man of war*, какъ его называли Англичане.

Чтобы вполне понять значеніе корабля въ его двойственномъ видѣ, чтобы не ускользнула отъ анатомическаго обзора ни одна часть его, ни одна мельчайшая подробность, чтобы вы могли слѣдить неостановочно за всѣми случайностями его подвижной жизни, — начните изслѣдованія ваши съ самой верфи, гдѣ онъ закладывается; не упускайте его изъ вида въ этой пустынѣ океана, которую онъ будетъ пробѣгать, не находя и не оставляя за собой слѣда. Слѣдуйте за нимъ до той минуты, когда онъ придетъ въ портъ послѣ своихъ безчисленныхъ странствій, состарѣвшійся и полуизгнившій, — придетъ для своего конечнаго разрушенія, если только подводный утесъ, вихрь или битва не раскроютъ ему преждевременной могилы въ нѣдрахъ холодной, вѣчно шумящей влаги.

Длинное, толстое, мачтовое бревно, на концахъ котораго воздвигаются два другихъ нѣсколько мѣньшаго объема, составляютъ киль, форштевень и ахтерштевень корабля. На этомъ то ничтожномъ основаніи воздвигается все зданіе. Несмотря на это, нѣтъ на землѣ постройки, которая могла бы поспорить съ нимъ въ крѣпости и твердости, такъ сила каждой отдѣльной части направлена къ поддержанію цѣлаго, такъ все цѣлое приспособлено къ поддержанію и скрѣпленію всѣхъ частей. На килѣ, который можно назвать спиннымъ хребтомъ судна, прикрѣпляются выпуклыя и уравненныя ребра, такимъ образомъ, что ихъ выпуклость, довольно явственная на срединѣ подводной части, чтобы дать округлость судну, постепенно уменьшается къ форштевеню. Эти же ребра идутъ къ ахтерштевеню расширяясь, для того чтобы дать больше твердости судну.

Для успѣшнаго сочетанія, нужно, чтобы постепенность округлости была разсчитана на столько, чтобы твердое сидѣніе судна на водѣ не вредило его ходу и чтобы быстрота хода не произвела опасной валкости. Изумительное сочетаніе двухъ совершенныхъ противоположностей: устойчивости и быстроты хода.

Остовъ этотъ одѣвается и связывается досками, которыя составятъ его внутреннюю обшивку и окружатъ его во всю длину сплошными поясами. Когда обошьютъ такимъ образомъ весь его корпусъ, когда кузовъ судна будетъ готовъ и сдѣлается похожъ на длинный овальный ящикъ, этотъ ящикъ раздѣляютъ нѣсколькими настилками (палубами) и они составятъ деки, то-есть этажи зданія, какъ трюмъ или подводная часть корабля, кубрикъ, батареи и проч. Каждый изъ этихъ ярусовъ раздѣлится на множество отдѣленій. Здѣсь помѣстится вода, тутъ смола, здѣсь пороховая камера. Вотъ капитанское помѣщеніе, подъ нимъ офицерскія каюты; тутъ повѣсятся койки, сюда поставятся пушки, здѣсь

устроится лазаретъ, тамъ церковь, тамъ отдѣленіе для оружія и амуниціи, тутъ канаты и веревки; далѣе задымается кухни, здѣсь камбузъ, гдѣ раздается ежедневно провизія; тамъ помѣстятся помпы, запасные паруса, — однимъ-словомъ, все, въ чемъ можетъ встрѣтиться необходимость въ путешествіи, все, что нужно для борьбы съ отмелями и подводными утесами, для борьбы съ океаномъ, вѣтрами, съ теченіями и водоворотами, все, что нужно для борьбы съ враждебными флотами, чтобъ помѣстить, кормить, одѣть, вооружить, защитить сотни людей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Безчисленное множество разныхъ матеріаловъ, спасетей, провизіи, амуниціи, оружія, необходимыхъ кораблю, — поразительно. Если сложить все это на площади, оно составитъ гору едвали не выше самого корабля, а между-тѣмъ всему есть мѣсто и все расположено такъ уютно и кстати, что всѣ ходы свободны и остается еще довольно пространства для роскошныхъ салоновъ, будуаровъ, купалень и галерей для прогулки нижнимъ чинамъ.

Если насъ удивляетъ корпусъ корабля и вмѣстительность его внутренности, то что же сказать объ изумительной гармоніи его вооруженія и оснастки, этомъ образцѣ некуснаго и смѣлаго примѣненія? Нѣтъ въ мірѣ ничего сложнѣе корабля, а между-тѣмъ казалось бы, что стоило только подражать лебедю, когда онъ раскидываетъ по вѣтру крылья на зеркальномъ кристалѣ озера. Съ перваго взгляда точно можетъ показаться, что вся эта путаница веревокъ, парусовъ, продольныхъ и поперечныхъ кусковъ дерева представляетъ взору значеніе болѣе художественное, чѣмъ полезное. А между-тѣмъ въ кажущемся изобиліи снастей, нѣтъ ни одного болтика, кольца или блока, ни кусочка парусины или кончика веревочки, которые не имѣли-бы значенія и отъ которыхъ, въ данную минуту, не могли бы зависѣть гибель или спасеніе судна.

Искусство мореплаванія не состоитъ болѣе, какъ во времена его младенчества, въ томъ только, чтобы идти по вѣтру, выкинувши четырехугольный парусъ, и взятыя за весла, при упадкѣ или поворотѣ вѣтра. Наука, мореходства самая усовершенствованная и самая трудная изъ наукъ, нашла способъ подчинить себѣ море, и перемѣнчивости вѣтра противопоставить искусство и средства, отысканныя для этого изученіемъ.

Корабль, спустясь съ верфи, сходитъ обнаженный на колеблющуюся арену. Едва онъ всплываетъ на воду, какъ его принимаются оснащать. Начинаютъ тѣмъ, что глубоко, до самаго киля, вставляютъ въ него три мачты, — три основанія его будущаго воздушнаго зданія. Бизань-мачта ставится на передней его части, гротъ-мачта на срединѣ и фокъ-

мачта на кормѣ. Каждая изъ мачтъ заканчивается изельгофтомъ, то-есть брускомъ, который однимъ концомъ надѣвается на вершину (топъ) мачты, а черезъ отверстіе другаго пропускаетъ вторую мачту (стенгу) нѣсколько тонѣе первой, поставленную нижнимъ концомъ (шпоромъ) на два бруска (лонга-саленги), прикрѣпленные съ обѣихъ сторонъ къ мачтѣ по килю судна, то-есть въ горизонтальномъ положеніи. Надъ стенгой вышмается такимъ же образомъ еще колѣно мачты (брамъ-стенга), тонѣе второй, а надъ этой еще тонѣе (бомъ-брамъ-стенга) съ шлокштокомъ— послѣднюю ступенью воздушной лѣстницы, остріе которой врѣзывается въ тучи. Три послѣднія мачты называются, кромѣ-того, общимъ именемъ той мачты, которая служитъ имъ базисомъ, поднимаются и опускаются по произволу, какъ колѣна составной зрительной трубы, съ тою только разницею, что мачты спускаются одна на другую, слабѣйшія на сильнѣйшія, тогда какъ въ зрительной трубѣ узкіе стволы входятъ въ широкіе.

Съ носовой или передней части корабля выходитъ въ наклонномъ положеніи еще мачта (бушпритъ), которая подобно другимъ, увеличивается въ длинѣ своей нѣсколькими колѣнами (утлегаремъ и бомъ-утлегаремъ).

Поперечныя бревна на мачтахъ, къ которымъ привѣшиваются паруса, называются реями. Они спускаются и поднимаются вдоль мачтъ. Но чтобъ укрѣпить мачты, распустить, поставить, подобрать паруса и дать реямъ надлежащее направленіе, тысячу веревокъ сбѣгаютъ съ рангоута въ разныхъ направленіяхъ, точно гигантскій паукъ заткалъ его воздушною сѣтью.

Мы уже говорили, что каждая частица этого общаго дѣлага имѣетъ свое назначеніе. Но взгляните, до чего въ дѣломъ и частяхъ красивость соединяется съ полезнымъ. По первому брошенному взгляду, вамъ можетъ показаться, что только одна художественность отдѣлки присутствовала при оснащеніи корабля, такъ кокетливо онъ выказываетъ свой вышній нарядъ, а между-тѣмъ все подробности глубоко обдуманы и примѣнены къ пользѣ, къ сохраненію и защитѣ его. Несмотря на вѣрность, мачты легки и отчетливо округлены; онѣ высятся въ воздухѣ одна надъ другою въ гармонической прогрессіи. Рее перекрещаютъ ихъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и поднимаясь, тоже дѣлаются все тоньше и короче, до самыхъ гибкихъ вершинъ. Рѣшетчатые марсы отдѣляются такъ рѣзко своею бѣлизною отъ черной сѣти вантовъ, точно опрокинутыя арфы. Узорчато переплетенная сѣть такелажа, вѣти которой бѣгутъ по разнымъ направленіямъ, сверху книзу, со стороны въ сторону, отъ носа къ кормѣ, то сбѣгаея вмѣстѣ, то разсыпаея параллельно, пер-

пендикулярно, прямо, косвенно, перекрещаясь на тысячу ладовъ; всѣ эти нити, чистыя и лоснящіяся, дрожащія отъ малѣйшаго колыханія вѣтра, — все это составляетъ такое полное, изящное, гармоническое цѣлое, такъ изумительно обдуманное въ мельчайшихъ подробностяхъ, что съ этою обдуманностью не сравнится никакой трудъ искусной шеголихи, когда она явится на балъ въ давно задуманномъ, обдуманномъ и приведенномъ въ исполненіе бальномъ нарядѣ. А еще вся эта красота не одушевлена жизнью; предъ вами только еще бездушная масса! Посмотрите на нее, когда она воодушевится подъ дыханіемъ океана! Бѣгите скорѣй на пристань, глядите, какъ корабль станетъ сниматься съ якоря! Вотъ, жизнь пробѣжала по всѣмъ его частямъ! Вся команда разсыпалась по палубамъ, побѣжала по марсамъ, повисла на реяхъ, закачалась на вантахъ. Блоки закрипѣли, рей ровно, величественно стали подниматься, паруса заполоскали. Національный флагъ торжественно возносится и развѣвается на золоченной кормѣ, между-тѣмъ какъ вымпелъ полощется и хлопаетъ на средней мачтѣ.

Но вотъ новое движеніе сообщилось всему корпусу корабля: поднимаютъ якорь, вонзившійся въ дно морское. Вспорхнули вѣтники кливера (косые паруса на бушпритѣ), возвѣщая, что якорь отдѣлился и корабль получилъ свободу; шумно заиграли они, и корабль покатился подъ вѣтеръ, — паруса затрепетали, наполнились... корабль радостно задрожалъ на волнахъ и — поплылъ!

Посмотрите, какъ передняя часть его, украшенная скульптурными украшеніями, мѣрно разрѣзываетъ воздухъ и воду! Какъ скользитъ онъ по пѣнистому пути, между прыгающихъ кругомъ него волнъ! Но вотъ кормчій повернулъ штурвалъ, руль сдѣлалъ движеніе. Замѣтили-ли вы, какъ послушенъ исполнивъ вліянію ничтожнаго куска дерева? Трепетавшіе сначала паруса мгновенно наполнились и склоненный, какъ-будто для отдыха, на лѣвый бокъ, корабль вдругъ величаво и спокойно перевернулся, чтобы лечь на правый. Онъ удаляется, онъ оставляетъ портъ, бросивъ ему, въ знакъ прощанія, пушечный выстрѣлъ. И ты скрылся, ты покинулъ насъ на нѣсколько лѣтъ! ты поплылъ въ другую часть Свѣта! Что-то будетъ съ тобою, пловецъ по пустынямъ океана? Какія случайности, событія, опасности, несчастія, побѣды ожидаютъ тебя? О, еслибы можно было слѣдовать за всѣми превратностями судьбы твоей, судьбы, измѣнчивой какъ видъ небесъ, непостоянной какъ волна, которая колышетъ тебя.

Вы видѣли—онъ былъ горделивъ и спокоенъ, отплывая при блещущемъ солнцѣ, качаясь на тихой волнѣ, подъ голубыми небесами. Онъ красовался позолотою и блестящими красками; волны играли съ нимъ,

вѣтеръ колыхалъ его паруса; радость разносилась въ тысячахъ отголосковъ его пловучаго народонаселенія; веселыя пѣсни раздавались всюду: на палубѣ, на снастяхъ, во всѣхъ ярусахъ его исполинскаго корпуса. И что-жь? Не даѣе, быть-можетъ, какъ завтра, все на немъ измѣнится: небо развернетъ передъ нимъ свою облачную завѣсу, море возстанетъ на него, вѣтры бросятъ ему въ лицо яростные шквалы. Мужайся, отважный исполинъ! убери, сложи крылья—паруса, смиришь предъ порывами вѣтровъ, чтобы послѣ удобнѣе заставить ихъ служить тебѣ. Но болѣе всего остерегайся невидимыхъ враговъ, подводныхъ скалъ и отмелей!

И тогда, если корабль устоитъ противъ разъяренной стихіи и вѣтра, если не затретъ его между утесами или льдами, если не поглотитъ его морская пучина,—вы увидите его во-время затишья, отдыхающаго отъ бури, приводящаго въ порядокъ, въ ожиданіи новыхъ схватокъ съ враждебными стихіями, оборванные и перепутанные снасти, разорванные въ клочья паруса, члены, пострадавшіе отъ бури.

Вотъ путевая жизнь корабля. Но есть для него иная жизнь.

Вотъ летитъ онъ между непріятельскими огнями; вотъ онъ окруженъ дымомъ своихъ собственныхъ пушекъ, или погружается въ волны, прострѣленный непріятельскими ядрами, или вотъ онъ, наконецъ, торжествуя побѣду, заставляетъ непріятеля спустить флагъ. Такая жизнь полна для него иного значенія, иной отваги; то славная, боевая жизнь корабля!

Послѣ этого страницы исторіи корабля наполнены. Остаются только очерки вѣшной его жизни, драматическія сцены юта, романтическія приключенія обитателей каютъ, дечныя походы, юмористическіе очерки бака, описаніе чувствъ дружбы, вражды, мести, преданности, которыя онъ равнодушно носитъ и качаетъ на волнахъ океана.

Въ безчисленныхъ памятникахъ, оставленныхъ хроникою и мемуарами объ отдаленныхъ вѣкахъ исторіи первыхъ плаваній, былъ значительный пропускъ подробностей и самыхъ точныхъ описаній, которыя только однѣ могутъ оживить въ воображеніи характеръ данной эпохи.

Ученые, посвятившіе себѣ разработкѣ изысканій эпохи среднихъ временъ и времени возрожденія, тѣ, которые должны были отыскивать краски для своихъ произведеній, тѣ, наконецъ, которые, подобно Вальтеръ-Скотту и Жакобу Библиофилу, должны быть антикваріями, прежде чѣмъ сдѣлаются романистами, тѣ только могутъ понять, какихъ трудовъ и долгихъ изысканій стоило имъ вѣрное изображеніе какой-нибудь одежды, какого-нибудь разрушеннаго зданія, какого-нибудь забытаго судна. А потому думаемъ, что любопытно будетъ прочесть свѣдѣнія, отысканныя

въ старинныхъ лѣтописяхъ сѣверной Франціи, о первомъ линѣйномъ кораблѣ этой страны.

Простой диѣпскій мастеръ, по имени Моренъ, построилъ первый линѣйный корабль Франціи. Эта громадная работа была предпринята по подряду, и подрядчикъ, по словамъ хроники, исполнилъ свое дѣло къ полному удовольствію короля. Верфь устроена была на лѣвомъ берегу рѣки Вилёны, подь Бернардской скалой, въ 1637 году. Корабль былъ 76-ти пушечный.

Размѣры, данные строителемъ этой водяной крѣпости, подходятъ такъ близко къ размѣрамъ 74-хъ пушечнаго корабля нынѣшней постройки, что надо удивляться точности математическихъ выводовъ и исчисленій, по которымъ приведена въ исполненіе такая значительная работа. Корабль назывался «La sougonne» (Держава). Всѣ пушки его были мѣдныя. Вотъ его размѣры:

Киль	120 фут.
Длина	135 —
Ширина	46 —
Глубина	50 —
Вышина средней мачты до флагштока	117 —
Полотна подь парусами	36,000 —
Канатный якорь имѣлъ окружности	24 дюйм.
Длина каната	600 фут.
Вѣсу	14,000 фунт.
Главный якорь вѣсу	5,000 —

Составъ экипажа:

Капитанъ Лоне Розиль получалъ ежемѣсячно	300 франк.
Лейтенантъ Коке	100 —
Мичманъ Прево (изъ Орлеана)	50 —

Эти три офицера получили назначеніе отъ самого короля; капитану же предоставлено было пополнять нужный штатъ офицеровъ, составлять команду по своему усмотрѣнію, и доставлять имъ продовольствіе, за что онъ получалъ отъ правительства извѣстную сумму. Вотъ остальной составъ экипажа:

- 1 священникъ.
- 1 дьяконъ.
- 3 артиллериста.
- 2 сержанта.
- 6 капраловъ.
- 6 анспесадовъ (солдаты съ значительнымъ жалованьемъ; названіе ихъ происходитъ отъ слова *anspect*, аншпугъ).

- 1 шкиперъ.
 4 подшкипера.
 16 боцмановъ.
 1 тимерманъ.
 14 парусныхъ мастеровъ.
 2 купора.
 8 конопатныхъ мастеровъ.
 3 кухмистера.
 88 канонеровъ.
 11 пушкарей.
 3 оружейныхъ мастера.
 500 матросовъ, имѣющихъ свидетельства о давнишней службѣ.

630.

Корабль стоилъ, по тогдашнему курсу.	500,000	лифровъ.
Порохъ стоилъ фунтъ	14	су.
Свинецъ	2	—
Канатъ	4	— 6 денье (денегъ)
Полотно англійское аршинъ	14	су.
Сухари, фунтъ	5	— лиардовъ (полуш.)
Сало	2	су 6 денье.
Горохъ	1	су.
Масло	4	су.

Такъ-какъ монета только условное значеніе стоимости, то легко можно отыскать аналогію, существующую между цѣнами той эпохи, и нынѣшними, и вывести по даннымъ здѣсь цифрамъ сравненіе издержекъ того времени съ нынѣшними.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о флагахъ вообще и о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ особенности.

Флагъ для моряка то же, что для солдата знамя. То и другое слово имѣютъ для нихъ одинаковый смыслъ, одинаковое значеніе—честь. Осѣненные ими, матросъ и солдатъ клянутся скорѣе умереть, чѣмъ отдать одно или спустить другой передъ непріателемъ.

Положеніе моряка требуетъ имѣть не одинъ, а нѣсколько флаговъ, но значеніе, о которомъ мы сейчасъ говорили, принадлежитъ только одному изъ нихъ. Надѣмся, что нѣсколько замѣтокъ, изложенныхъ нами, будутъ имѣть интересъ для тѣхъ изъ читателей, которые незнакомы съ моремъ и морскими постановленіями.

Флагъ дѣлается изъ особенной легкой шерстяной, нѣсколько прозрачной матеріи, называемой флагдукъ. Его прикрѣпляютъ къ древцу,

называемому флагштокъ, поднимаютъ на суднѣ и распускаютъ по вѣтру. Флаги бываютъ разныхъ цвѣтовъ и съ изображеніями разныхъ знаковъ, нумеровъ, гербовъ, націй, провинцій, городовъ, имени капитана, хозяина судна, и наконецъ, названія самого судна.

Хотя исторія не сохранила ничего положительнаго объ отличительныхъ знакахъ финикійскихъ судовъ, однако несомнѣнно то, что они имѣли эти знаки. Жители Эгины первые изъ Грековъ прославились въ морскихъ битвахъ. Они отличались въ войнахъ противъ Персовъ, и вѣроятно, какой бы ни были постройки ихъ суда, на нихъ должны были существовать отличительные знаки. Морскія битвы Грековъ съ Персами предполагаютъ возможность судамъ быть отдѣленными другъ отъ друга бурей или непріателемъ; естественно, что они тогда должны были отыскивать своихъ, встрѣчаться между-собою, преслѣдовать вмѣстѣ врага, вступать съ нимъ въ бой. Для всѣхъ этихъ дѣйствій необходимы сигналы, по которымъ можно было бы различать свои суда отъ вражескихъ. Историки и поэты не объяснили намъ положительно этихъ отличительныхъ знаковъ древнихъ судовъ, хотя Гомеръ, Геродотъ, Страбонъ, Діодоръ, Фукидидъ очень часто упоминаютъ о нихъ. Посмотримъ на флаги новѣйшихъ временъ.

Флаги бываютъ общіе и частные. Первые неизмѣнны. Но если, по какому-нибудь случаю, дѣлается въ нихъ перемѣна, о ней сообщается между морскими націями, посредствомъ дипломатическихъ нотъ. Перемѣны въ такихъ случаяхъ касаются всѣхъ морскихъ націй и должны быть извѣстны каждой изъ нихъ.

Есть флаги, исключительно принадлежащіе военнымъ судамъ; подобныхъ флаговъ не могутъ поднимать суда коммерческія. Они поднимаются на флагштокъ, устроенномъ на ютѣ судна, на кормовой его части. Эта маленькая мачта, въ наклонномъ положеніи, позволяетъ различать флагъ даже при совершенномъ безвѣтріи.

Необходимость переговариваться на большомъ разстояніи создала сигналы. Мы будемъ говорить здѣсь лишь о дневныхъ сигналахъ въ морѣ. Сигналы эти—тотъ же языкъ; они имѣютъ свою грамматику, свои правила, свой словарь.

Сигнальные флаги бываютъ произвольные, хотя всегда дѣлаются изъ обыкновенной флажной матеріи. Обыкновенно избираютъ для нихъ цвѣта, рѣзко между-собою отдѣляющіеся, для того, чтобы легче было ихъ различать даже невооруженному глазу. Бѣлый, красный, желтый, зеленый и голубой — вотъ цвѣта, принятые для сигнальныхъ флаговъ. Голубой и зеленый никогда не помѣщаются вмѣстѣ, такъ же какъ бѣлый съ желтымъ, для того, чтобы нельзя было принять одинъ цвѣтъ

за другой, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда флаги уже неновы и отъ долгаго употребленія утратили первоначальную яркость цвѣтовъ.

Сигнальные флаги бываютъ одного цвѣта или разныхъ цвѣтовъ, расположенныхъ горизонтальными или вертикальными полосами, квадратами или въ шахматъ. Часто на срединѣ флага помѣщается кругъ другаго рѣзкаго цвѣта. Часто нѣсколько сигнальных флаговъ поднимаются вдругъ, или же отдѣльно на концахъ мачтъ или рей, но всегда на самыхъ видныхъ мѣстахъ.

Есть сигнальные флаги общіе всеѣмъ націямъ. Напримѣръ, красный флагъ на мачтѣ или на кормѣ лодки, означаетъ, что судно нагружено порохомъ. Желтый флагъ означаетъ, что на суднѣ существуетъ эпидемія. Желтый флагъ называется карантиннымъ флагомъ.

Два судна враждующихъ между-собою націй, желающія вести переговоры, или судно, желающее вести переговоры съ непріятельскимъ портомъ, поднимаютъ парламентарскій флагъ. Въ такомъ-случаѣ принято всеѣми націями, кромѣ французской, поднимать бѣлый парламентарскій флагъ на фокъ-мачтѣ.

Чтобы показать, что судно отнято у непріятеля, поднимаютъ на флагштокъ два флага на одномъ флагъ-фалѣ, то-есть на одной веревкѣ, но такъ, что флагъ побѣдителя развѣвается выше, а флагъ побѣжденнаго подъ нимъ.

Если судно претерпѣваетъ крушеніе и требуетъ помощи, если оно требуетъ лоцмана, то оно подбираетъ флагъ, то-есть національный флагъ на кормѣ *свертывается* и прикрѣпляется такимъ-образомъ, что не можетъ развѣваться по вѣтру.

Въ знакъ печали и траура, флагъ поднимается только до половины мачты. Во-время сраженія флагъ спускается въ знакъ того, что признаютъ себя побѣжденнымъ или сдаются непріятелю на капитуляцію.

Перейдемъ теперь къ частнымъ флагамъ.

Долго отыскивали способъ сочетанія цвѣтовъ, посредствомъ котораго при маломъ числѣ извлекалось бы возможно большее число знаковъ. Все вниманіе было устремлено на то, чтобы облегчить способъ переговоровъ посредствомъ сигналовъ, и избѣжать неясности и сбивчивости. Павильонъ, капитанъ корабля «Triomphant» (Побѣдоносный), убитый на немъ же въ 1782 году, на 52-мъ году отъ рожденія, оставилъ замѣчательную методу, по простотѣ и малосложности, при огромномъ числѣ знаковъ, которые еще могутъ быть распространены и умножены. Употребляя три флага для одного сигнала, а именно: первый для единицъ, второй для десятковъ и третій для сотенъ, достаточно только тринадцати флаговъ, чтобы выразить 999 знаковъ. Если каждому изъ

этихъ знаковъ дать цѣлую рѣчь, идею, какое-нибудь значеніе, получится обширное поле для обмѣна рѣчей.

Самые употребительные сигнальные флаги во французскомъ флотѣ слѣдующіе :

1. Голубой.
2. Красный.
3. Жолтый.
4. Половина красного и половина бѣлаго.
5. Половина голубаго и половина бѣлаго.
6. Красный съ бѣлымъ въ шахматъ.
7. Голубой съ бѣлымъ въ шахматъ.
8. Красный кругъ въ бѣломъ полѣ.
9. Голубой кругъ въ бѣломъ полѣ.
10. Бѣлый кругъ въ красномъ полѣ.
11. Бѣлый кругъ въ голубомъ полѣ.
12. Красный кругъ въ голубомъ полѣ.
13. Голубой кругъ въ красномъ полѣ.

Чисто бѣлый цвѣтъ иначе не употребляется, какъ для парламентарскихъ флаговъ.

Девять этихъ флаговъ означаютъ девять первыхъ цифръ; *два* послѣдніе изображаютъ нули и *два* изображаютъ повторительныя цифры.

Сигнальныя рѣчи раздѣляются обыкновенно на девять таблицъ. *Первая* заключаетъ въ себѣ всѣ числа, начинающіяся единицею: 1, 10, 11, 12, 13, и проч., до 199. *Вторая* заключаетъ всѣ цифры, начинающіяся съ цифры 2, какъ-то: 2, 20, 21, 22, 23, 200, 210, и такъ далѣе, до 299. *Третья*—всѣ числа, начинающіяся съ цифры 3, и т.д.

Приспособивъ эти же таблицы къ разнымъ предметамъ, какъ-то: якорнымъ сигналамъ, паруснымъ, боевымъ, и прочее, получается безчисленное множество разныхъ знаковъ, увеличивающихъ сигнальный словарь. Всякій предметъ или отдѣлъ имѣетъ свой отличительный флагъ или мѣсто на суднѣ, гдѣ флагъ поднимается.

Но такъ-какъ приказанія, отдаваемые посредствомъ сигнальных флаговъ, могутъ быть понятны и непріятелямъ, еслибы они имъ сдѣлались извѣстны, то для избѣжанія подобнаго неудобства перемѣняютъ нумера сигнальных флаговъ. Первая забота каждаго главнокомандующаго флотомъ, во-время военныхъ дѣйствій, состоитъ въ томъ, чтобы составить свои таблицы сигналовъ, которыя и раздаются всѣмъ капитанамъ судовъ.

Если возникнетъ малѣйшее сомнѣніе насчетъ секрета сигнальных таблицъ, стоить только перемѣнить снова нумера и тѣмъ совершенно

собьешь съ толку. Такъ—напримѣръ, перенеся на 9-й нумеръ нумеръ 1-й, всѣ таблицы измѣнятся и флаги перемѣняютъ свое значеніе.

Предположимъ напримѣръ, что голубой флагъ означаетъ № 1-й, шахматный флагъ бѣлый съ краснымъ № 7-й, и красный кругъ въ бѣломъ полѣ № 9-й, что составитъ 179 нумеръ, означающій, положимъ, приказаніе идти въ три колонны, ближе къ вѣтру. Перемѣстите цифру 9, и чтобы означенный флагъ означалъ № 1-й, голубой означаетъ тогда № 2-й, а шахматный красный флагъ означитъ № 8-й, что составитъ 281, подъ этими цифрами будетъ приказаніе выстроиться въ боевую линію и идти въ атаку, что совершенно различно отъ приказанія подъ № 179-мъ.

Суда очень часто бываютъ похожи другъ на друга, а потому легко поднять чужой флагъ и не быть признаннымъ. Въ военное время всякая хитрость позволена. Для того придуманы особенные сигналы. Они то же для моряка, что пароль для солдата, раздаются капитанами судовъ, сохраняются ими въ тайнѣ, и открываются только, когда въ нихъ встрѣтится надобность. Всякій капитанъ обязанъ даже бросать ихъ въ море, если предвидить, что они могутъ достаться въ руки непріятеля. Для подобныхъ сигнальныхъ знаковъ часто употребляютъ вмѣсто флаговъ пушечные выстрѣлы, ракеты и фальшфейеры. Часто употребляютъ все это вмѣстѣ, потому-что для нихъ нѣтъ и не можетъ быть положительныхъ правилъ.

Два брата англичанина, по фамиліи Люскомбъ, изобрѣли общіе сигнальные флаги, посредствомъ которыхъ суда, принадлежащія разнымъ націямъ, могутъ переговариваться между-собою, не зная сигнальныхъ знаковъ другъ-друга.

Арматоры и шкипера коммерческихъ судовъ пользуются во Франціи правомъ составлять флаги по своему произволу. Флаги ихъ поднимаются на фокъ-мачтѣ. Цвѣта перемѣшиваются и сочетаются по прихоти каждаго. Вы часто увидите имя владѣльца или имя судна, написанное на флагѣ, или на брейдъ-вымпелѣ, большими черными буквами по бѣлому полю, или бѣлыми буквами по голубому полю. Это очень просто и прямо достигаетъ цѣли, но имѣетъ то неудобство, что рассмотреть его на дальнемъ разстояніи невозможно даже вооруженнымъ глазомъ. Часто вѣтеръ и даже самое положеніе судна представляютъ взору наблюдателя надпись навыворотъ, и потому расположеніе флаговъ по цвѣтамъ остается доселѣ лучшимъ и удобнѣйшимъ способомъ для отличія судовъ, одного отъ другаго.

Въ торжественные дни суда убираются флагами. Мачты, реи покрываются ими во множествѣ, и разнообразіе ихъ представляетъ самое

приятное зрѣлище. Есть нѣкоторое искусство въ расположеніи цвѣтовъ, и для этого, ббльшею частію, употребляютъ сигнальные флаги. Если поднимаютъ національный флагъ, то всегда на кормѣ; за нимъ слѣдуютъ національные флаги союзныхъ государствъ въ слѣдующемъ порядкѣ. № 1-му принадлежитъ мѣсто на нижнемъ реѣ, по правую сторону судна, № 2 му, на нижнемъ реѣ, по лѣвую сторону. № 3-му на фокъ-реѣ или среднемъ реѣ, съ правой стороны. № 4-му тамъ же, съ лѣвой. № 5-му, на третьемъ реѣ, съ правой стороны. № 6-му тамъ же, съ лѣвой стороны. Еслибы нашлось болѣе флаговъ союзныхъ державъ, то ихъ поднимаютъ на четвертомъ реѣ, въ томъ же порядкѣ. Никакой національный флагъ не поднимается на концѣ мачтъ. Это мѣсто предоставлено сигнальнымъ флагамъ; также запрещается подымать его на бушпритѣ.

Въ торжественные дни, во-французскихъ портахъ, французскіе суда распределяютъ флаги иностранныхъ державъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Первое мѣсто принадлежитъ флагу государства, судномъ котораго командуетъ находящійся въ портѣ старшій по чину капитанъ; если же случится, что находятся въ портѣ два капитана одинаковыхъ чиновъ, но разныхъ государствъ, то предпочтеніе отдается первому прибывшему въ портъ. Въ такомъ же порядкѣ распределяются мѣста и всеѣмъ находящимся въ портѣ иностраннымъ флагамъ.

Въ чужихъ портахъ, на французскихъ судахъ первое мѣсто отдается флагу того государства, въ чьемъ портѣ находится французское судно; за нимъ уже слѣдуютъ флаги государствъ, которыхъ суда находятся въ портѣ, по чину капитановъ и въ томъ самомъ порядкѣ, какъ мы описали; потомъ слѣдуютъ флаги тѣхъ государствъ, консулы которыхъ находятся въ портѣ, и за ними наконецъ флаги прочихъ державъ.

Законъ требуетъ, чтобы каждое входящее въ портъ или вступающее въ бой судно поднимало свой національный флагъ. Въ военное время, всякое военное судно, поднимающее національный флагъ, обязано отдать ему честь пушечнымъ выстрѣломъ.

Два военныхъ судна, встрѣтившіяся въ морѣ, не желая быть признанными, или по какой-либо другой причинѣ, могутъ поднять флагъ, имъ не принадлежащій, но въ такомъ случаѣ онъ поднимается безъ выстрѣла. Поступить иначе считается противно законамъ чести и общественнаго довѣрія. Это правило, установленное 17-го марта 1696 года Людовикомъ XIV, для французскихъ судовъ, и именно для корсаровъ, принято было всеѣми націями.

Естественно и очевидно, что всякое судно должно имѣть только одинъ національный флагъ, а кто поднималъ вдругъ два, тотъ почитался

за пирата. Пираты не только поднимали два флага, но и утверждали их двумя выстрѣлами. Часто они поднимали черный флагъ, на которомъ изображалась Адамова голова, кости или шпаги, положенныя накрестъ.

Рѣдко пираты принуждаемы были скрываться, и часто должно было противъ нихъ принимать всѣ мѣры защиты. Вотъ что говорится во французскихъ морскихъ постановленіяхъ 1830 года:

«Если на кораблѣ будетъ находиться король лично, то корабль поднимаетъ національный флагъ на средней мачтѣ, на кормѣ и бушпритѣ. Присутствіе генералъ-адмирала означается четырехугольнымъ, трехцвѣтнымъ флагомъ съ гербомъ Франціи и двумя якорями, положенными накрестъ. Присутствіе адмирала означается трехцвѣтнымъ четырехугольнымъ флагомъ на средней мачтѣ. Начальникъ эскадры поднимаетъ трехцвѣтный брейдъ-вымпелъ на средней мачтѣ. Во время военныхъ дѣйствій ихъ брейдъ-вымпелъ будетъ цвѣта той эскадры, къ которой они приписаны. Если два дивизионные начальника будутъ находиться въ одной эскадрѣ, то старшій поднимаетъ свой брейдъ-вымпелъ на средней мачтѣ, а меньшій на фокъ-мачтѣ. Командующіе однимъ только судномъ поднимаютъ вымпелъ».

Флаги французскихъ коммерческихъ судовъ бываютъ трехъ родовъ: національный флагъ, вымпела и сигналы.

236-ю—статьею регламента 1765 года дозволялось шкиперамъ французскихъ коммерческихъ судовъ поднимать въ виду порта, въ который они входили, свой отличительный флагъ. Видъ и цвѣтъ этихъ флаговъ предоставлялся полному произволу шкиперовъ и негоціантовъ; правительство не входило въ эти распоряженія. Такъ было до 1817 года. Но тутъ политика стала примѣшиваться ко всему. Смерть Людовика XVI, двойное заключеніе Наполеона и двѣ послѣдовательныя реставраціи во многомъ измѣнили Францію. Появлялись кокарды и знамена всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Тогда-то нѣкоторые изъ мореходовъ, пользуясь правомъ, даннымъ имъ упомянутымъ регламентомъ 1765 года, разцвѣтили трехцвѣтными флагами, состоящими изъ красной, голубой и бѣлой полосъ.

Тогда въ вѣдомствѣ морскаго управленія составлено было уложеніе о флагахъ для купеческихъ судовъ, и представлено Людовику XVIII морскимъ министромъ графомъ Молё. Уложеніе было подписано королемъ 3 декабря 1817 года, и тотчасъ же разослано по всѣмъ портамъ и приморскимъ городамъ, съ повелѣніемъ наблюдать его въ точности и безотлагательно. Статьею I-ю этого уложенія хотя и предоставлялось шкиперамъ присоединять къ національному флагу отличительный флагъ

судна, но слова: «цвѣтомъ и видомъ по произволу каждаго» были выброшены, а въ статьѣ 6-й сказано было безъ дальняго объясненія: «Повелѣвается всемъ арматорамъ и шкиперамъ давать знать въ морское министерство о видѣ и цвѣтѣ, избранныхъ ими для флага на своихъ судахъ, и воспрещается употреблять его до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ онъ внесенъ въ списки коммерческихъ судовъ вмѣстѣ, со списками людей, составляющихъ команду судна».

Зло, котораго опасалось правительство, было пресѣчено VI статьею уложенія. Однако, не желая выказать всехъ своихъ опасеній, правительство не установило наказанія для ослушниковъ противъ новаго уложенія.

До-сихъ-поръ, коммерческія суда слѣдуютъ уложенію 1817 года; что же касается до національнаго флага, то купческія суда Франціи пользуются позволеніемъ носить его только съ 1765 года. За сто лѣтъ до этой эпохи, имъ предоставлено было носить флаги, исключительно для нихъ назначенные, въ-слѣдствіе причинъ, сопряженныхъ съ достоинствомъ самаго національнаго флага.

Когда установленъ былъ для французскаго флага бѣлый цвѣтъ, тогда одни королевскіе корабли имѣли привилегію украшать имъ свою корму, и тогда же установленъ для частныхъ судовъ голубой флагъ съ бѣлымъ крестомъ, котораго не обязаны были защищать ни сухопутныя войска королевства, ни королевскія суда. Подобное различіе влекло за собою большія невыгоды для негоціантовъ.

Бѣлый флагъ, отличающій королевскія суда, былъ всюду предметомъ особенныхъ почестей и уваженія, которое умѣлъ ему доставить Людовикъ XIV; никто не осмѣливался оскорбить его, какимъ-бы то ни было образомъ. Подъ прикрытіемъ бѣлаго флага, все коммерческія сношенія и обороты могли совершаться съ полнымъ довѣріемъ, потому-что остерегались быть несостоятельными въ тѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ, въ которыхъ предполагалось участіе французскаго правительства. Все издержки въ-слѣдствіе поврежденія, нанесенныя судамъ отъ случайной неосторожности или умысла, легче и удобнѣе могли быть взысканы и пополнены. Вотъ почему арматоры и шкипера коммерческихъ судовъ, въ дальнихъ плаваніяхъ, позволяли себѣ поднимать королевскій флагъ.

Многія суда, несмотря на поднятый бѣлый флагъ, были однако оскорбляемы; другіе подъ эгидой этого знамени совершали сдѣлки, покрывавшія флагъ безчестіемъ; многимъ изъ этихъ судовъ не отдавали должныхъ почестей, къ которымъ королевскія суда могли принудить, по-крайней-мѣрѣ, силою оружія и тѣмъ держать въ почтительныхъ отношеніяхъ къ королевскому флагу флаги враговъ и союзныхъ народовъ. Объ

этомъ дошли слухи и до короля: По представленію Ломени, Людовикъ XIV подписалъ повелѣніе, 9-го октября 1661 года, слѣдующаго содержания:

«Его величество, узнавъ, что многіе капитаны, шкипера, негоціанты, судохозяева и арматоры коммерческихъ судовъ, въ дальнихъ странствіяхъ по морямъ, вмѣсто того, чтобы носить установленный для нихъ національный флагъ, осмѣливаются поднимать на судахъ своихъ бѣлый королевскій штандартъ, пользуясь имъ для выгодъ своего плаванія и торговли, часто въ ущербъ его достоинства, не зная, какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда они не имѣютъ средствъ отстаивать права королевскаго флага, чтобы принудить къ должнымъ почестямъ тѣхъ, которые не захотѣли бы ихъ отдать флагу, — запрещаетъ въ-слѣдствіе этого всемъ шкиперамъ, капитанамъ и проч. поднимать бѣлый флагъ, предоставленный только однимъ королевскимъ судамъ. Его величество повелѣваетъ, чтобы впредь они поднимали только прежде установленный національный флагъ, съ бѣлымъ крестомъ по голубому полю и съ королевскимъ гербомъ на срединѣ».

Правительство выслало нѣсколько военныхъ судовъ въ крейсерство, а именно къ африканскимъ берегамъ два корабля подъ командою Болѣ и Палласа, чтобы наблюдать за исполненіемъ устава.

Въ 1670 году 12 іюля Кольбертъ объявилъ новый морской уставъ, въ которомъ подтверждается запрещеніе 1661 года употреблять королевскій флагъ на коммерческихъ судахъ. Въ 1689, гениальный министръ издалъ извѣстное уложеніе, во многомъ заимствованное изъ морскихъ уложеній Голландіи и Англіи. Замѣчательное уложеніе Кольберта повинѣ служить основаніемъ французскому морскому кодексу и тоже сохранило статью, которая предписываетъ коммерческимъ судамъ носить голубой флагъ съ крестомъ; но къ статьѣ прибавлено слѣдующее: «Предписывается коммерческимъ судамъ носить флагъ съ бѣлымъ крестомъ на голубомъ полѣ, или, по своему произволу, всякій другой флагъ, для отличія судовъ между-собою, лишь бы онъ не былъ совершенно бѣлаго цвѣта».

Тогда-то появились тысячи разнообразныхъ флаговъ, на которыхъ голубой и бѣлый цвѣтъ были перемѣшаны въ разныхъ видахъ, по прихоти и фантази арматоровъ, но всегда такъ, что бѣлый цвѣтъ видимо первенствовалъ. Было ли то въ-слѣдствіе тщеславія или выгоды, неизвѣстно, желало ли правительство наградить нѣкоторыхъ арматоровъ за оказанныя ему услуги, или имѣло намѣреніе заставить ихъ носить общій флагъ, — только въ 1765 году, какъ мы уже говорили, коммерческія суда получили позволеніе носить бѣлый флагъ, тѣмъ болѣе, что о

голубомъ флагѣ съ бѣлымъ крестомъ исчезло даже самое воспоминаніе. Такимъ-образомъ, бѣлый флагъ сталъ развѣваться на всѣхъ рейдахъ, въ портахъ и въ моряхъ до 1790 года; пока не былъ созданъ новый флагъ, которому назначено мѣсто на бушпритѣ. Это нововведеніе имѣетъ свою исторію; она любопытна.

Въ Брестѣ, въ 1790 году, 16 сентября, въ эскадрѣ подъ начальствомъ Дальберъ-де-Ріома возникли безпорядки. Дальберъ поспѣшилъ донести о нихъ морскому министру де-ла-Люзерну, тотъ сообщилъ донесеніе начальника эскадры въ національное собраніе, а національное собраніе при копіи съ донесенія разослало увѣдомленія по всѣмъ морскимъ комитетамъ. Кюръ, главный докладчикъ и секретарь морскихъ комитетовъ, предложилъ декретъ, которымъ повелѣвалось рассмотреть дѣло, отыскать главныхъ зачинщиковъ безпорядковъ и предать суду, а равно и виновныхъ въ оскорбленіи, сдѣланномъ контръ-адмиралу Бернару де-Мариньи. Декретъ былъ принятъ и подписанъ, но остался безъ исполненія, потому-что безпорядки возрастали въ Брестѣ съ каждымъ днемъ и событія смѣнялись новыми событіями. Безпокойный духъ, занесенный изъ Санъ-Доминга на кораблѣ «Леопардъ», нашелъ пищу во французскомъ портѣ и поддерживался сходками; виновные стремились дать безпорядкамъ тѣ же размѣры, въ какихъ дѣйствовали ихъ сообщники въ столицѣ Франціи, и вотъ по какому поводу: морское уложеніе о наказаніяхъ было измѣнено въ національномъ собраніи. Многія статьи не поправились морякамъ или вѣрнѣе тѣмъ изъ нихъ, которые приняли на себя названіе «Защитниковъ брестскаго уложенія».

Комитеты морскаго управленія дѣятельно трудились для прекращенія безпорядковъ. Вотъ что было положено: «Комитетъ находить необходимымъ поспѣшить сдѣлать извѣстными правила о повышеніи морскихъ чиновъ, и замѣнить бѣлый флагъ трехцвѣтнымъ. Но между-прочимъ, комитетъ полагаетъ, что подобныя измѣненія могутъ быть приведены въ дѣйствіе только по совершенномъ прекращеніи безпорядковъ».

Національное собраніе, основываясь на заключеніи рапорта, приняло этотъ проектъ. По этому поводу возникли жаркія пренія. Правая сторона національнаго собранія защищала преимущества бѣлаго флага. Мирабо и лѣвая сторона защищали новые цвѣта.

Ваандрейль, желая отклонить исполненіе проекта, который, повидимому, долженъ быть принятъ большинствомъ голосовъ, сказалъ: «Прошу обратить вниманіе, что предлагаемые цвѣта для новаго флага неудобны уже тѣмъ, что приняты голландцами для своихъ судовъ».

Галлиссоньеръ прибавилъ:

«Необходимо удержать бѣлый цвѣтъ для нашего флага уже потому,

что голландцы и англичане имѣютъ трехцвѣтные флаги. Къ-тому же мѣра эта ведетъ къ большимъ издержкамъ...»

Вирье заключилъ пренія слѣдующею рѣчью:

«Предлагаютъ замѣнить новымъ тотъ флагъ, которому Франція обязана съ-давнихъ-поръ славою и значеніемъ. Всѣ истинные патріоты ужаснутся этой перемѣны. Не ему-ли обязаны Сѣверо-Американскіе Штаты своимъ политическимъ существованіемъ? Подобная перемѣна осуждаетъ на забвеніе и наши подвиги. Я раздѣляю побужденіе, подавшее мысль нашимъ морскимъ комитетамъ предложить собранію утвердить видимый знакъ нашихъ преобразованій, а потому предлагаю, чтобы къ цвѣту перьевъ на шлемъ Генриха IV присоединены были новые цвѣта, то-есть, говоря безъ аллегорій, чтобы къ прежнему бѣлому флагу прибавлена была полоса изъ національныхъ цвѣтовъ».

Мирабо опровергалъ это предложеніе, какъ и прочія. Послѣ долгихъ и горячихъ преній, національное собраніе отослало въ морской комитетъ вопросъ о составленіи морскаго знамени, и декретомъ 24 октября 1790 года положено было слѣдующее:

«Статья первая. Флагъ, поднимаемый на бушпритѣ, состоитъ изъ трехъ равныхъ полосъ, расположенныхъ вертикально, въ слѣдующемъ порядкѣ: Первая полоса около древка красная, вторая или средняя бѣлая, третья голубая».

Вертикальное расположеніе полосъ установлено было для отличія отъ голландскаго флага.

«Статья вторая. Флагъ, поднимаемый на кормѣ, слѣдующій: Верхняя его половина совершенно схожа съ вышеописаннымъ флагомъ бушприта, только въ четвертую часть его величины и окружена узкою полосой, половина длины которой будетъ красною и половина голубою. Нижняя часть флага будетъ вся бѣлаго цвѣта. Флагъ этотъ установленъ какъ для военныхъ, такъ и для коммерческихъ судовъ».

Морской комитетъ послалъ по этому случаю де-Флёрё, новому морскому министру, нарисованный снимокъ установленныхъ флаговъ. Де-Флёрё былъ только-что назначенъ въ должность морскаго министра, на мѣсто ла-Люзерна, оставившаго службу. Этотъ снимокъ хранится въ историческомъ отдѣленіи министерства. На немъ существуетъ слѣдующая надпись. «Установлено декретомъ національнаго собранія, 11 ноября 1790. За подписью Номпера, президента морскаго комитета».

Долго спустя послѣ смерти Людовика XVI, 27 плювіоза XI года, Жавъ-Бон—Сент-Андре, во-имя комитета общественнаго спокойствія, предложилъ декретъ, которымъ совершенно уничтожался бѣлый цвѣтъ и

перемѣнялся порядокъ цвѣтовъ. Декретъ былъ принятъ, и вотъ его содержаніе:

«Статья первая. Установленный для судовъ флагъ на кормѣ декретомъ національнаго собранія симъ уничтожается».

«Статья вторая. Национальный флагъ будетъ имѣть отнынѣ три національныхъ цвѣта, расположенныхъ вертикально, тремя равными половинами, такъ, чтобы голубой цвѣтъ былъ первый къ древку, бѣлый въ срединѣ и красный на развѣвляющейся сторонѣ».

Въ 1814 году снова установленъ былъ бѣлый флагъ, совершенно забытый во-время революціи и имперіи.

1815 года, марта 20; трехцвѣтное знамя было снова принято, съ тѣмъ, чтобы сто дней спустя, уступить снова бѣлому, и бѣлый флагъ снова взвился на корабляхъ. Бѣлому флагу принадлежать славные дни въ пятнадцатилѣтнее его владычество: Наваринскій день и взятіе Алжира. Въ 1830 году, въ іюль, снова возстановленъ трехцвѣтный флагъ, существующій и понынѣ.

Скажемъ теперь о происхожденіи этихъ трехъ цвѣтовъ.

Людовикъ XIII замѣнилъ солдатскій шарфъ, связывавшій движенія воиновъ, бѣлою кокардою.

Временный избирательный парижскій комитетъ прокламировалъ 13-го іюля 1789 года о необходимости приступить безотлагательно къ составленію парижской полиціи. Къ этому были приняты всѣ мѣры: положено дать кокарду милиціонерамъ; цвѣта городского герба признаны самыми приличными, а потому въ статьѣ X-й прокламаціи сказано:

«Такъ-какъ необходимо, чтобы каждый членъ устанавливаемой милиціи носилъ отличительный знакъ, то члены временнаго избирательнаго парижскаго комитета постановили носить каждому милиціонеру кокарду изъ двухъ городскихъ цвѣтовъ—голубаго и краснаго. Тотъ, кто будетъ носить кокарду, установленную для милиціи, не бывъ въ нее записанъ, подвергается суду временнаго комитета».

Голубое поле и по немъ золотыя лиліи, въ парижскомъ гербѣ, и красное поле и на немъ корабль, въ гербѣ древней столицы Ильдефранса, объясняютъ намъ достаточно установленные два цвѣта, голубой и красный. Мы видѣли, что голубой цвѣтъ уступилъ первенство красному въ флагъ, изобрѣтенномъ Номперомъ, что красный цвѣтъ уступилъ первенство голубому во флагъ Жакъ-Бон—Сент-Андре и конвента; но когда и по какому случаю бѣлый цвѣтъ вошелъ въ трехцвѣтную кокарду—этого розыскать до-сихъ-поръ не могли. На этотъ счетъ было много толковъ, но они ни на чемъ не основаны.

Думали, что три цвѣта—олицетвореніе трехъ классовъ: красный—

дворянства, голубой—гражданъ, и бѣлый — духовенства. Но доказательствъ этому предположенію нигдѣ нѣтъ.

И почему красный цвѣтъ былъ цвѣтомъ дворянства? Почему голубой цвѣтъ—цвѣтъ огромной массы народа—не дворянъ? Не потому-ли, что онъ, по словамъ знатоковъ герольдіи, напоминаетъ происхождение первыхъ франковъ, потомковъ Сикамбровъ, жившихъ во фрижскихъ болотахъ? Геральдики, составляя гербъ Франціи, приняли для поля цвѣтъ воды, которая становится голубою по отраженію въ ней голубаго неба, и испещрили поле герба маленькими желтыми лиліями, которыя растутъ на фрижскихъ болотахъ.

Еще до 1789-го года королевскія галеры украшались трехцвѣтнымъ флагомъ, съ тою только разницею, что онъ былъ раздѣленъ на три полосы, горизонтально расположенныя: верхняя была красная, средняя бѣлая и нижняя голубая. На бѣлой полосѣ изображался гербъ Франціи по голубому полю.

Гербъ королевской фамиліи съ давнихъ временъ имѣлъ тѣ же три цвѣта, голубой, бѣлый и красный. Въ V томѣ сочиненія подъ-названіемъ: «*Monuments de la monarchie*», мы находимъ слѣдующее: «Гвардейскіе швейцарцы Генриха III носили бѣлую одежду; между разрѣзами на швахъ проглядывала красная и голубая шелковая матерія. Чулки носили они разныхъ цвѣтовъ, голубаго и бѣлаго, шапки красныя. Гайдуки и скороходы его величества носили голубое платье, украшенное красными лентами, и бѣлые чулки».

Бренетонъ де-Моранжъ, въ книгѣ своей: «*Traité des marques nationales*», подробно описываетъ все, что принадлежало къ дворцовому этикету. Вотъ что онъ говоритъ между прочимъ: «Филиппъ французскій герцогъ Орлеанскій, единственный братъ Людовика XIV, принялъ для своей ливреи красный цвѣтъ съ голубымъ подбоемъ; украшенія изъ двухъ галуновъ, положенныхъ рядомъ, голубаго и бѣлаго цвѣтовъ, и вышитыя по краямъ краснымъ цвѣтомъ въ шахматъ. Эти цвѣта были приняты всеми его потомками мужескаго пола».

Только королевская прислуга имѣла право носить голубое платье съ бѣлыми и красными галунами. Ливрея, принятая герцогомъ Орлеанскимъ, уже прежде него была принята Гастономъ, младшимъ братомъ Людовика XIII, по наслѣдству отъ герцоговъ Тосканскихъ изъ дому Медичи, потомковъ его по материнской сторонѣ.

Что касается до Людовика XIV, то до его брака, галуны на его ливреѣ были тоже трехцвѣтные. Картины Вандермелена и королевскія обои служатъ доказательствомъ этому. Послѣ же брака короля, галуны были двухцвѣтные на голубомъ полѣ.

Итакъ, несомнѣнно то, что національные французскіе цвѣта были издревле цвѣтами королей. Жанъ-Бон—Сент-Андре, Мирабо и всѣ тѣ, которые стремились уничтожить бѣлый цвѣтъ, создавали новыя знамена, новыя флаги и кокарды изъ древнихъ королевскихъ цвѣтовъ, и вооружались противъ бѣлага, забывая, что Генрихъ IV принялъ его для перьевъ своего шлема, потому-что такого цвѣта перья носились гугенотами въ противорѣчіе красной кокардѣ и красному шарфу католиковъ.

Въ религіозныхъ войнахъ, враждующія стороны принимали попеременно то французскіе, то англійскіе цвѣта. Эти цвѣта установились послѣ крестовыхъ походовъ. Англичане носили бѣлый крестъ, французы—красный. Въ царствованіе Филиппа Валуа, обѣ націи обмѣнялись цвѣтами. Объ этомъ говоритъ почтенный Августинъ Галланъ, въ своемъ: «Traité des enseignes et etendarts de France», напечатанномъ въ Парижѣ, въ 1836 году.

Первое французское знамя было голубого цвѣта. Его замѣнила орифламма огненнаго цвѣта. Во-время Карла VII было введено бѣлое знамя. Въ послѣдствіи всѣ три цвѣта соединены вмѣстѣ и приняты французскими королями. Галланъ и Бренетонъ де-Моранжъ согласны въ этомъ.

Александръ Дюма, въ своей «Gaule et France», слѣдуетъ тому же мнѣнію, которое, кажется, въ тысячу разъ правдоподобнѣе и основательнѣе всѣхъ поэтическихъ и баснословныхъ вымысловъ, которые хотять увѣрить насъ, что бѣлый цвѣтъ перешелъ къ французамъ отъ галловъ, красный отъ франковъ и голубой отъ королевскаго герба.

Положимъ, что лазурный цвѣтъ—цвѣтъ французскихъ королей; но почему же красный принадлежность франковъ? На чемъ это основано? Что касается до бѣлага цвѣта, то за неимѣніемъ лучшаго, намъ, пожалуй, придется согласиться съ опредѣленіемъ Августина Галлана: «Бѣлый цвѣтъ, говорилъ онъ, давно принятъ французами, потому-что чистота его отвѣчаетъ ихъ нравамъ».

Корабль не украшается флагомъ тогда, какъ придетъ въ ветхость, и за негодностью осуждается для водяныхъ тюремъ, извѣстныхъ подъ-названіемъ блокшифовъ, а у англичанъ подъ именемъ понтоновъ.

Англичанамъ принадлежитъ мысль, обратить военный корабль, негодный уже къ плаванію, въ обширную тюрьму для плѣнныхъ. Огромные остроги, окруженные тремя рядами стѣнъ, выстроенные на сушѣ, казались не довольно надежнымъ заключеніемъ и представляли еще нѣкоторыя средства къ побѣгу плѣнниковъ, несмотря на многочисленный гарнизонъ и неуслышанный надзоръ.

На кораблѣ же, совершенно разоруженномъ, но съ рѣшетками во

всѣхъ портахъ (окнахъ), окруженномъ днемъ и ночью неусыпную стражею, средства охранять плѣнниковъ были вѣрнѣе и удобнѣе.

Тамъ, безъ большихъ издержекъ, можно было помѣстить до 800 человекъ плѣнныхъ, дотога тѣсно помѣщенныхъ, что найти средства къ побѣгу становилось рѣшительно невозможно. Плѣнные находились постоянно на глазахъ стражи, и всякое движеніе, клонящееся къ побѣгу или ослушанію, тотчасъ же останавливалось и было жестоко наказуемо. Достаточно было взглянуть на эти пловучія могилы, чтобы представились воображенію, во всей ужасающей наготѣ ихъ, всѣ страданія и лишенія, вся пытка тягостнаго заключенія.

Разоруженный корабль, безъ мачтъ и парусовъ, безъ артиллеріи, но зато съ желѣзными, крѣпкими рѣшетками во всѣхъ отверстіяхъ; за рѣшетками блѣдныя, худыя, изнуренныя лица, вдыхающія испаренія стоячей воды—вотъ зрѣлище, которое представлялъ каждый чатамскій, портемутскій или плимутскій понтонъ!

Сверхъ шканцевъ и палубы этихъ пловучихъ тюремъ, устроены были крыши. Тамъ узники могли дышать дневнымъ воздухомъ и подкрѣпить легкія, ослабѣвшія отъ ночной духоты и тѣснаго помѣщенія во внутренности корабля.

Безирестанныя переклички дѣлались начальникомъ понтона въ предупрежденіе замысловъ къ побѣгу плѣнниковъ, всегда готовыхъ жертвовать жизнью малѣйшей надеждѣ на побѣгъ. Рѣшетки въ окнахъ осматривались по нѣскольку разъ въ день. Ихъ потрясали во всѣ стороны, какъ кольца на ногахъ каторжниковъ, вѣчно занятыхъ тѣмъ, какъ бы сбѣжать или перепилить оковы, какимъ бы то ни было образомъ, и убѣжать.

Но несмотря на самый внимательный и предусмотрительный надзоръ англійской стражи, ловкость французскихъ плѣнниковъ превосходила бдительность и приемотръ ея, что и доказывается тѣмъ, что несмотря на всѣ мѣры англичанъ, чтобы сдѣлать побѣгъ невозможнымъ, французамъ перазъ удавалось бѣжать.

Люд и пользующіеся свободой, не испытавшіе никогда долгой и тяжелой неволи, не могутъ понять, къ какимъ нечеловѣческимъ усиліямъ были готовы французскіе узники, чтобы освободиться, хотя на мигъ, изъ заточенія.

Нато, чтобы продолбить отверстіе въ суднѣ, надо употребить огромную сумму хитрости, терпѣнія и ловкости. А подобная работа удавалась почти каждому изъ плѣнниковъ на понтонахъ, хотя часто тѣмъ и оканчивалась.

По бокамъ понтона обыкновенно устроиваются, на восемнадцать дюй-

мовъ выше воды, деревянные настилки. По нимъ день и ночь ходили часовые, которымъ слышно было все, что дѣлалось за стѣнами корабля. Ни одинъ вздохъ, ни одно движеніе, ни одинъ звукъ не могли ускользнуть отъ нихъ. Когда ночь окружала понтонъ тишиною, увеличенную безмолвіемъ спящихъ плѣнниковъ, когда она распространяла мракъ по берегу, охраняемому безчисленною стражею, и по дремлющей водѣ, едва колыхающейся отъ ночнаго вѣтра, тогда нельзя было крикнуть, произнести слова, пропѣть сквозь зубы какую-нибудь пѣсню, чтобы не быть услышаннымъ всѣми часовыми, всею окружающею понтонъ стражею.

А между-тѣмъ, подъ этими самыми деревянными досками, на которыхъ стояли внимательные часовые, мало-по-малу долбилось отверзтіе; черезъ него бѣглецы погружались въ воду и выплывали на берегъ съ кожанною котомкою за плечами, заключавшею все ихъ достояніе.

Взгляните на линійный корабль, приглядитесь къ толщинѣ его стѣнъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ слоевъ досокъ и брусевъ, и вы поймете, чего стоитъ вырубить и просверлить всю толщину корабельной стѣны, не пилою и топоромъ, но простымъ ножомъ, часто даже перочиннымъ, единственнымъ оружіемъ, оставаемымъ въ рукахъ плѣнниковъ. После неимовѣрныхъ усилій, терпѣнія и непечислимыхъ предосторожностей просверлить отверзтіе, оставалось еще пробить мѣдную обшивку корабля. Новое препятствіе, надъ которымъ надо было еще сильнѣе трудиться. Пробить мѣдь безъ стуку невозможно; оставалось уничтожить металлическій листъ посредствомъ тихаго скобленія. Сдѣлавъ отверзтіе близко отъ воды, можно потопить понтонъ; пробивъ его высоко, оно придется къ видному мѣсту и неминуемо возбудитъ вниманіе часовыхъ. Надо было избѣгать двухъ крайностей. Сколько же надо вычисленій и удачи только для того, чтобы удалось нырнуть въ воду и поплыть подъ градомъ пуль неусыпной англійской стражи!

Отверзтіе, пробитое такимъ-образомъ многими участниками въ работѣ, доставляло имъ возможность воспользоваться побѣгомъ.

Но если часовой замѣчалъ отверзтіе, суматоха дѣлалась общею. Извѣстіе передавалось отъ стражи къ стражѣ. Гребныя суда, въ готовности всегда стоящія по берегу, спускались мгновенно на воду и начинали свои объѣзды кругомъ понтона. Огни зажигались, плѣнныхъ будили и дѣлали имъ нѣсколько перекличекъ, и если во-время всей этой сумятицы открывали въ волнахъ нырнушаго бѣглеца, въ него стрѣляли со всѣхъ судовъ, и часто, вмѣсто бѣжавшаго, привозили на понтонъ мертвое тѣло его.

Средства къ побѣгу черезъ подпиленные въ окнахъ рѣшетки сначала удавались нѣкоторымъ плѣннымъ, но обратили вниманіе надсмотрщиковъ,

и за рѣшетками стали наблюдать такъ, что должно было искать другихъ, болѣе надежныхъ способовъ. Тогда—то придумали пробивать отверстіе въ стѣнахъ корабля...

Ничто не сдружаетъ такъ людей между—собою, какъ общія горести и страданія. Англичане употребляли всевозможныя средства, чтобы подкупить нѣкоторыхъ плѣнныхъ быть измѣнниками и предателями своихъ собратій, и выдавать все ихъ покушенія къ побѣгу. Но ни золото, ни обѣщанія не могли вынудить подобнаго предательства, особенно когда дѣло шло о готовящемся уже отверстіи. Въ этомъ случаѣ каждый сохранялъ тайну собратій и соотечественниковъ, какъ свою собственную. Притомъ же страхъ возмездія за подобную измѣну удерживалъ слабодушныхъ. Жестокое наказаніе неминуемо слѣдовало за такимъ поступкомъ.

Въ исторіяхъ понтоновъ существуетъ нѣсколько примѣровъ ловкихъ, искусныхъ, освобожденій. Приведемъ въ примѣръ одинъ побѣгъ, въ которомъ удача равняется отвагѣ и искусству.

Куттеръ, нагруженный порохомъ, въ ожиданіи разсвѣта, бросаетъ якорь подлѣ одного изъ плимутскихъ понтоновъ, съ тѣмъ, чтобы свезти порохъ на корабль «Эгмонтъ», стоящій въ портѣ и готовый уже къ отплытію.

Въ—теченіе ночи пробивается на понтонѣ уже давно заготовленное отверстіе. Ларивіеръ, которому слѣдовало первому имъ воспользоваться, вынулъ въ воду и за нимъ пять или шесть другихъ плѣнныхъ.

Все они достигаютъ куттера благополучно, влѣзаютъ на него и находятъ спящую команду въ двухъ каютахъ. Смѣльчаки запираютъ за собою двери той и другой каюты, связываютъ спящихъ англичанъ, душатъ проснувшихся, одѣваются въ ихъ платья и выходятъ къ разсвѣту на палубу судна. Ларивіеръ принимаетъ командованіе и исполняетъ его на англійскомъ языкѣ, поднимаетъ якорь, распускаетъ паруса и отплываетъ отъ понтона. Часовые и понтонная стража не замѣчаютъ подлога и совершенно новыхъ лицъ команды, чему помогаетъ еще не совершенно разсвѣтшее утро. Находясь на среднѣмъ рейдѣ, куттеръ проходитъ подлѣ корабля «Эгмонтъ», на которомъ готовятся принять плывущихъ, но съ помощью довольно сильнаго вѣтра, совершенно попутнаго, плыветъ дальше, не останавливаясь. Команда корабля, уже готовая къ нагрузкѣ пороха, ожидаемаго съ куттера, смотритъ въ изумленіи на летящій на всехъ парусахъ куттеръ. Наконецъ «Эгмонтъ» понимаетъ, въ чемъ дѣло, и подаетъ сигналы на берегъ, но ихъ долго не понимаютъ.

Много прошло времени, пока сдѣланы были распоряженія послать нѣсколько легкихъ судовъ въ погоню за бѣглецами. Погоня продолжалась до самой ночи. Ночью куттеръ скрылся отъ преслѣдованій, и на

другое утро своего плаванія, Ларивіеръ торжественно влетѣлъ во французскую гавань, со своими связанными англичанами и съ грузомъ пороха, назначеннаго для непріятеля. Такимъ-образомъ, счастливо освобожденные плѣнники, не только завоевали у врага свою свободу, но и добычу, обогатившую ихъ.

Англичане имѣли обыкновеніе вознаграждать тѣхъ плѣнныхъ, которымъ удавалось оказать услугу ихъ соотечественникамъ—англичанамъ. Одинъ изъ плѣнныхъ французовъ на чатамскомъ понтонѣ, желая воспользоваться великодушіемъ своихъ враговъ, успѣлъ какъ-то подкупить одного англійскаго часоваго, чтобы тотъ упалъ въ воду и тѣмъ доставилъ французскому плѣнному средство спасти своего врага. Устроенная такимъ-образомъ комитрагическая сцена была разыграна обоими актерами. Часовой падаетъ въ воду, будто нечаянно. Плѣнный устремляется вслѣдъ за нимъ, плаваетъ какъ моржъ, съ отважностью схватываетъ часоваго и выноситъ его на берегъ.

Спустя восемь дней послѣ такого человѣколюбиваго подвига, спаситель плѣнникъ былъ уже во Франціи; расхваленный во всѣхъ англійскихъ журналахъ, онъ отъ души хохоталъ, рассказывая своимъ соотечественникамъ о своей чисто французской продѣлкѣ. *Les français sont des farceurs!*..

Плѣнные спали на понтонахъ въ всякихъ койкахъ, которыя на день снимались съ крючьевъ по звонку. Четыре унціи сыраго, непеченнаго хлѣба, нѣсколько дурной говядины или протухшей трески, нѣсколько унцій сухихъ овощей или картофеля, составляли дневную пищу плѣнныхъ.

Каждый изъ нихъ увеличивалъ скудную порцію своими трудами. Одни плели соломенные корзинки или обувь изъ кромокъ сукна, другіе вырѣзывали кораблики изъ дерева и кости, клеили ящички и картонки, дѣлали пуговицы и даже плели кружева. Всѣ эти издѣлія продавались англійскими солдатами на берегу за безцѣнокъ для плѣнныхъ, за хорошія деньги для выгодъ продавцевъ, которые, не трудясь, наживались отъ работъ своихъ плѣнниковъ.

Соединенные въ одно общество неволею и управляемые силою, обитатели понтоновъ, какъ и всякое другое общество, имѣли свои страсти и слабости: гордость и зависть, встрѣчающіяся и въ свѣтѣ. На понтонахъ были свои богачи, бѣдняки, велись разныя сдѣлки и договоры.

Богачи, нажившіеся торговлею плетеной обуви изъ кромокъ и соломенными корзинками, откупали одно—два мѣста у неимущихъ, и тѣмъ избѣгали общей тѣсноты, и располагались въ своихъ салонахъ отдѣльныхъ рогожею. Гордость проникла и сюда, хотя и прикрытая рогожею,

на пяти-шести футахъ понтонной палубы! Неимущіе, за условленную плату, нанимались къ богачамъ и исполняли всѣ ихъ приказанія, какъ слуги.

Между плѣнными были ученые, которые обучали молодыхъ людей писать и читать, рисованью и арифметикѣ. Были на понтонахъ поэты и авторы, пѣсенники, драматурги и даже актеры. На иныхъ разыгрывались комедіи и водевили, созданные мѣстнымъ вдохновеніемъ. Утонченность цивилизаціи пріютилась даже въ притонѣ нужды и горестей заточенія!

Нужды и горести озлобляли нравъ и разгорячали воображеніе. Ссоры были часты. Они рѣшались дуэлью. Дуэли были ужасны. Свидѣтелями ихъ было цѣлое народонаселеніе понтона. Злоба и жажда мести хитры на выдумки! У сражающихся не было оружія, его замѣняли циркули и бритвы. Одна изъ ножекъ циркуля, прикрѣпленная къ палкѣ, замѣняла шпагу. Бритва, воткнутая въ оконечность той же палки, замѣняла саблю. Такою выдумкою давалось обиженному средство выбрать оружіе.

Болѣе ничего и не требовалось. Несмотря на то, что плѣнные французы, вступая на англійскіе понтоны, лишались всѣхъ радостей, всѣхъ утѣшеній жизни, однако они не могли забыть вкоренившагося въ сердцахъ ихъ предразсудка, что запятнанная честь смывается только кровью.

Но довольно! Не станемъ возобновлять тягостныхъ воспоминаній, сопряженныхъ съ однимъ именемъ «англійскихъ понтоновъ».

А. Б—А.

СОВРЕМЕННОЕ.*

ЛИТЕРАТУРА — Какъ въ Остѣ-Индіи издають газету. — **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.** — Канаты подводнаго телеграфа. — Согрѣваніе безъ топлива. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Народные театры въ Вѣнѣ. — **МЕЛКІЯ ИЗВѢСТІЯ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.** — Магнитизмъ и любовь. — Охота за гагарами. — Два жильца въ одной комнатѣ (*разсказъ*). — Ловля туица въ древнія и новѣйшія времена — Тюльпаноманія. — Желѣзная мостовая. — Незодовъ. — Происхожденіе слова *рококо*. — Странный поединокъ. — Выгодное предложеніе. — Электрическія палки. — Новое шампанское. — Заказы обѣда по телеграфу. — Странная судьба одной женщины. — Тайна (*разсказъ*).

I. ЛИТЕРАТУРА.

Какъ въ Остѣ-Индіи издають газету. — Вотъ что пишетъ одинъ изъ замѣчательныхъ англійскихъ журналистовъ, поселившійся въ Остѣ-Индіи. «Однажды я получилъ слѣдующее письмо изъ Кембриджа: «Любезный Джонъ! Старый полковникъ думаетъ, что въ здѣшней провинціи (Михрутъ, въ 160 нѣмецкихъ миляхъ отъ Бомбея и Калькутты) можно завести газету и что спекуляція эта будетъ очень выгодна. Мнѣ поручено предложить тебѣ 1200 рупій въ мѣсяць (9,700 руб. сер.

* Заимствовано изъ журналовъ: Revue des deux mondes, Revue de Paris, Revue britannique, Bibliothèque de Genève, Magazin für die Litteratur des Auslandes, Eheaterungen, Novellen-Zeitung, Magazin pittoresque, le Voleur, Moden-Zeitung, Litte rary-Gazette, Illustration, Gazette des Théatres и др.

въ годъ съ готовою квартирою, если ты согласишься быть редакторомъ и издателемъ ея. Скажи: да,—и капиталъ, нужный для изданія, будетъ тотчасъ же собранъ.»

Бенгальскій климатъ не благопріятствовалъ моему здоровью, и я надѣялся возстановить его въ Михрутѣ, близъ Гималайскихъ-горъ. Я принялъ сдѣланное мнѣ предложеніе, съ тѣмъ, что по мѣрѣ увеличенія числа подписчиковъ увеличено будетъ и мое жалованье. Я написалъ объ этомъ, и получилъ слѣдующій законическій отвѣтъ: «Все будетъ: напиши сейчасъ, сколько нужно денегъ для закупки станковъ, машинъ и бумаги.»

Я разсчелъ, что на 2,500 фунтовъ стерлинговъ можно не только закупить все, но дать и рабочимъ въ счетъ будущаго жалованья (а безъ этого ихъ не вызовешь изъ Калькутты), оставивъ даже сотни двѣ въ резервъ. Съ слѣдующею почтою получилъ я требуемую сумму. Она была собрана по подпискѣ, въ два дни, съ тридцати офицеровъ и нѣсколькихъ высшихъ чиновниковъ компаніи.

Первое затрудненіе было при покупкѣ станковъ. Одинъ хорошій купилъ я изъ типографін анабаптистовъ, но за второй долженъ былъ заплатить вдвое противу настоящей его цѣны, и эта уступка сдѣлана была еще по дружбѣ и въ одолженіе, а формы тотчасъ же были сдѣланы туземцами. Оставалось набрать рабочихъ для типографіи.

Остъ-индскіе наборщики обыкновенно португальскаго происхожденія. Они лицомъ очень смуглы, но ругаютъ туземцевъ *черными бестіями*. Они только тогда хорошо работаютъ, когда въ-половину пьяны (а иначе пальцы ихъ зябнутъ отъ холода въ здѣшнемъ жаркомъ климатѣ). У нихъ маленькіе пальцы, которыми они набираютъ съ удивительною скоростію. Когда же они кончатъ дневную свою работу, употребляя на это часа три,—они самыя лѣнныя и распутныя созданія на землѣ. Они всегда по уши въ долгахъ, и кредиторы вѣчно за ними гоняются, хотя они имѣютъ привычку никогда не платить прежде судебного приговора.

Я нанялъ десять наборщиковъ, и далъ имъ ровно вдвое противу оклада, получаемаго въ Калькуттѣ. «Подумайте, какъ далеко мы будемъ жить отъ нашихъ семействъ, говорили они, и сколько денегъ надобно имъ посылать.»

Наборщики потребовали пять помощниковъ, которые обязаны были связывать формы и вкладывать ихъ въ станки. Сами наборщики почли бы униженіемъ исполнять эту обязанность. Притомъ же имѣть подлѣ себя людей, надъ которыми можно умничать, которыхъ можно бранить, а подъ часъ и потаскать,—это такъ пріятно для самолюбія. Эти помощники были туземцы, незнавшіе ни слова по-англійски, ни даже названія буквъ, и однакоже они были искусны въ своемъ дѣлѣ.

Нужны были два помощника печатнику, который тоже получалъ двойное жалованье. Самого же печатника было всего труднѣе достать. Много ихъ являлось, но свѣдѣнія ихъ были вовсе неудовлетворительны. Наконецъ, я взялъ одного молодаго машиниста, котораго познанія тоже были слабы, но мнѣ не изъ чего было выбирать.

Станки и прочія принадлежности отправилъ я на транспортъ, буксируемомъ парходомъ, а самъ со всѣми людьми занялъ мѣста на послѣднемъ. Видъ команды моей былъ самый живописный. Время года было холодное, и на всѣхъ наборщикахъ были толстые красные колпаки... Вдругъ, въ самую минуту отправления, явился судебный сыщикъ и взялъ подъ стражу двухъ наборщиковъ за долги. Но и у меня взяли они девять фунтовъ стерлинговъ въ задатокъ. Въ послѣдствіи я узналъ, что они сами хлопотали о своемъ арестованіи.

Подъ надзоромъ печатника, люди вели себя сначала хорошо, но потомъ стали ссориться и не слушаться надзирателя. Нѣкоторые изъ нихъ взяли съ собою запасъ араку, и напивались до безчувственности. Одинъ изъ нихъ до того однажды ночью подгулялъ, что по утру разсудилъ броситься въ рѣку. Парходъ тотчасъ же остановился и спустилъ лодку, но гораздо быстрее ея бросился на наборщика огромный крокодилъ, и исчезъ съ нимъ въ волнахъ. Дамы испустили вопль ужаса на парходѣ, но на разгульную братію, кажется, это происшествіе не подѣйствовало. Они продолжали пьянствовать.

Весь путь до Аллахабада составлялъ цѣпь несчастій. (Парходы только до этого мѣста доходятъ). Одинъ изъ наборщиковъ ранилъ себя въ правую руку, и я не надѣялся на его выздоровленіе. Двое изъ помощниковъ наборщиковъ сдѣлались опасно больны глазами, а въ здѣшнемъ климатѣ отъ этого часто умираютъ. Одинъ изъ помощниковъ печатника захворалъ сильною простудою, а къ фактору пристала лихорадка, которая едва было не свела его въ гробъ. Тутъ только понялъ я, какой ужасной ответственности я подвергаюсь, принявъ на себя обязанность редактора газеты.

Наконецъ, удалось мнѣ свезти на берегъ въ Аллахабадъ остальныхъ полуживыхъ людей. Теперь намъ предстояло окончить дорогу сухимъ путемъ. Оставалось всего 427 англійскихъ миль.

Въ минуту моего прибытія очень трудно было достать воловъ и лошадей. Все было взято войскомъ. Я прибылъ тотчасъ же послѣ битвы при Муэдки. Только золотомъ можно было преодолѣть эти затрудненія, и резервъ мой употребленъ былъ на это. Я все досталъ, все уложилъ, велѣлъ быть людямъ готовымъ, — и собрался въ путь.

Вдругъ печатникъ вбѣжалъ ко мнѣ съ испугомъ:

— Что дѣлать, сэръ? люди хотятъ разбѣжаться...

— Отчего? спросилъ я.

— Всѣ боятся сейковъ (непріятелей) и хотятъ, для безопасности, воротиться въ Калькутту.

— Какимъ же средствомъ удержать ихъ?

— Надобно дать еще задатку и напоить пьяными, чтобъ возбудить ихъ мужество.

Я послѣдовалъ этому совѣту, но мнѣ досадно было видѣть, что самъ совѣтодатель заранѣе прибѣгнулъ къ тому же средству.

Впрочемъ, при отъѣздѣ могъ я удостовѣриться, что всѣ въ точности были пьяны, даже и туземцы. Одни сидѣли, другіе даже лежали, на

станкахъ и ящикахъ, и по крикамъ ихъ, пѣснямъ, возгласамъ иной бы подумалъ, что они везутъ адскія машины для истребленія сейковъ.

Въ февралѣ прибыли мы наконецъ въ Михрутъ. Нѣсколько разъ дорогою опрокидывались мои повозки, но машины не попортились, а только одинъ ящикъ съ *корпусомъ* разбился и многія буквы были растеряны. Не достало большого *H*, и я очень жалѣлъ объ этомъ, зная что эта буква будетъ мнѣ часто нужна, потому—что главнокомандующаго звали *Harding* (Гардингъ).

— Ничего, спокойно отвѣчалъ печатникъ. Покуда мы отоъемъ новыя *H*, мы дня два будемъ называть генерала *Ардингомъ*, а потомъ извинимся.

Марта 4-го долженъ былъ выйти первый номеръ газеты, а 1-го явился ко мнѣ печатникъ и спросилъ, гдѣ же камень для укладки формы. Я объ этомъ, признаюсь, и не подумалъ. Тотчасъ же бросился искать по городу... Нигдѣ не было, а покуда привезутъ изъ Дели — нужна была цѣлая недѣля.

Я бросился къ каменьщику, изготовляющему надгробные памятники. У него былъ одинъ въ запасѣ, и я его взялъ за пятнадцать фунтовъ стерлинговъ.

Наконецъ наступило 3-е число. Статьи были готовы и уже набраны: мѣстные извѣстiя, корреспонденция, литература, поэзія... Вдругъ зловѣщій мой факторъ опять спросилъ меня:

— Какъ намъ быть съ печатаніемъ? Клею нѣтъ во всемъ городѣ. Намъ надо дѣлать матрицы, а калькутцы говорятъ, что не умѣютъ обходиться съ ними.

Я начиналъ терять терпѣніе и бодрость. Сердиться было бесполезно, и я принужденъ былъ дѣлать матрицы изъ козихъ шкуръ, набитыхъ хлопчатую бумагою.

Наконецъ столбцы были положены въ форму, которую свинтили и положили на камень. Печатникъ снялъ ее и съ помощникомъ понесъ къ станку... вдругъ споткнулся, и весь наборъ разсыпался. Восемь столбцовъ лежали на полу перемѣшанными... Я рѣшительно пришелъ въ отчаяніе. Была уже полночь!

Что значать всѣ затрудненія и несчастія въ свѣтѣ въ сравненіи съ моими. Я былъ утомленъ, измученъ, глаза мои налились кровью и слезами, и однакоже, видя всю газету на полу, я не могъ удержаться отъ смѣха.

— Дѣло плохо! сказалъ мнѣ факторъ, почесываясь: но дайте намъ, сэръ, бутылки двѣ водки, и мы всю ночь проработаемъ. Ступайте спать. Вы намъ только мѣшаете. Васъ всѣ боятся. А безъ васъ, мы въ 8 часовъ утра принесемъ къ вамъ готовую газету.

Я вздохнулъ, махнулъ рукою, далъ требуемую водку,—а самъ ушелъ къ себѣ, бросился на диванъ и крѣпко уснулъ.

Факторъ сдержалъ слово. Онъ по утру разбудилъ меня съ готовымъ экземпляромъ. Въ немъ было правда много опечатокъ, но все—таки листокъ былъ приличный.

Второй номеръ спустилъ я уже легче; третій еще лучше. Теперь

газета въ ходу, и финансовая часть ея процвѣтаетъ. Оказалось, что у меня лучшей факторъ и исправнѣйшая типографія во всей Остѣ-Индіи.»

II. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Канаты подводнаго телеграфа.— Канатъ подводнаго электрическаго телеграфа изъ Англіи въ Бельгію, приготовленный въ Сундерландѣ, составлялъ, когда былъ свернутъ, кругъ въ 51 футъ въ діаметрѣ и 4 фута 6 дюймовъ въ вышину; длиною онъ 70 миль (105 верстъ) и вѣситъ 500 тоннъ (1250 пудовъ). Онъ стѣитъ 33,000 фунтовъ стерлинговъ. Для приготовленія его употреблено сто дней, а для складки семьдесятъ часовъ.

Другой канатъ, приготовляемый теперь на той же фабрикѣ для подводнаго электрическаго телеграфа изъ Англіи въ Ирландію, длиною въ 25 миль (376 верстъ), вѣситъ 180 тоннъ, изготовленъ въ 24 дня и стѣитъ 13,000 фунтовъ стерлинговъ. Всего канатовъ для подводныхъ телеграфовъ изготовлено въ прошедшую зиму на той же фабрикѣ на 450 миль (675 верстъ).

Согрѣваніе безъ топлива.— Нѣкто Мейеръ въ Парижѣ вскорѣ будетъ производить публичные опыты съ изобрѣтеннымъ имъ аппаратомъ, который посредствомъ тайнаго механизма будетъ нагрѣвать комнаты безъ топлива. Объ этомъ объявлено въ Presse, и всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ этого опыта.

III. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Народные театры въ Вѣнѣ.— Въ недавно вышедшихъ литературно-историческихъ очеркахъ Боурнфельда описано состояніе вѣнскихъ народныхъ театровъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ слѣдующимъ образомъ:

«Театральныя представленія, кукольныя комедіи и другія зрѣлища, какъ равно основанная потомъ итальянская опера, — начинались въ Вѣнѣ въ четыре часа пополудни, а въ шесть (и не позже семи) должны были оканчиваться, потому-что осенью и зимою было уже темно послѣ этого времени, а освѣщеніе по улицамъ еще не существовало.

Въ началѣ XVIII вѣка построено уже было нѣсколькихъ деревянныхъ театровъ, но мало-по-малу они исчезли вмѣстѣ съ кукольными комедіями. Въ 1707 былъ построенъ новый театръ у Кертнерскихъ-во-

рогъ, гдѣ знаменитый *Гансвурстъ* (шутъ) Иосифъ Страницкій получилъ дозволеніе открыть свои представленія съ *труппою нѣмецкихъ комедіантовъ*. Это былъ періодъ гансвурстовъ, поддерживавшійся довольно долго. Плодовитая муза Страницкаго почерпала сюжеты своихъ фарсовъ изъ старинныхъ итальянскихъ пьесъ. Вставлялось только нѣсколь-ко серьезныхъ сценъ и *арій*. Впрочемъ, въ пьесѣ часто говорилось: «здесь можетъ *Гансвурстъ* производить свои шутки по произволу».

Въ 1725 году привелъ однажды Страницкій на сцену будущаго своего преемника Готфрида Преггаузера, бывшаго до того времени статис-томъ. Самъ Страницкій становился старъ и слабъ. Преемникъ его упалъ на колѣни, и самымъ жалобнымъ голосомъ сказалъ: «ради снисхожденія, господи, смѣйтесь надо мною».

Весь театръ разразился гомерическимъ смѣхомъ. Страницкій подаль новому Гансвурсту свой шутовской варядь,—и новый любимецъ вѣн-ской публики вступилъ во владѣніе труппою.

Въ эту эпоху родъ пьесъ съ гансвурстами достигъ высшей сте-пени совершенства. Тогда требовалось, чтобъ во всякой пьесѣ была *арія*, чтобъ часто въ пьесахъ были палочные удары, пощечины, полеты и низ-верженіе въ воду. Вотъ, напри-мѣръ, еженедѣльный счетъ одного актера.

За шесть <i>арій</i> по 4 гульдену	6 гульденовъ
— одинъ воздушный полетъ	1 " "
— скачокъ въ воду	1 " "
— обливаніе водою	1 " "
— двѣ пощечины	1—8 крейц.
— одинъ пивонокъ	34 "

Итого . . . . . 10—42

Но мало-по-малу вкусъ вѣнскихъ жителей сталъ очищаться,—и въ 1747 году явились первые правильныя пьесы Вейднера.

Въ 1768 запрещено говорить на сценѣ на обумъ. Последнимъ Ганс-вурстомъ былъ нѣкто Курцъ. Бывши любимцемъ вѣнской публики, онъ вздумалъ поѣздить по Германіи, для собиранія денегъ;—но когда воротился въ 1770 году, вкусъ уже измѣнился въ столицѣ, шутки его не нравились, онъ принужденъ былъ закрыть театръ,—и съ нимъ окон-чилась лѣтопись *гансвурстовъ*.

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬ-НЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Магнетизмъ и любовь.—Есть въ Парижѣ общество довольно много-численное, хотя объ немъ многіе не имѣютъ даже понятія,—это обще-ство магнетизеровъ.

Если у одного изъ адептовъ пропади часы или что-нибудь другое, если онъ хочетъ, узнать любятъ ли его, или чѣмъ кончится его про-цессъ, онъ отправляется къ магнетизеру, платитъ за сеансъ отъ трехъ франковъ до луйдора, и сомнѣнія его исчезаютъ.

Разумѣется, что если магнитизмъ имѣеть пламенныхъ послѣдователей, то у него еще больше враговъ, и часто эти два противоположныя качества встрѣчаются въ одномъ семействѣ.

Г. N былъ страстный приверженецъ магнитическаго общества, и напрасно старался передать своей хорошенькой женѣ свои правила и ученье; та смѣялась надъ чудесами ясновидѣнія и называла ихъ шарлатанствомъ.

Недавно этотъ поклонникъ Месмера вошелъ нечаянно въ будуаръ жены и засталъ, что она читала какое-то письмо, которае спрятала при его приходѣ. Г. N не ревнивъ и даже не подозрителенъ, но онъ любилъ свою жену и думалъ, что она не можетъ имѣть отъ него тайнъ.

— Что это за письмо, милая Клара, спросилъ онъ?

— Что за любопытство, отвѣчала молодая женщина.

— Позвольте узнать, что у васъ за тайны, сударыня?

— Не ваше дѣло, сударь.

— Кажется, я говорю серьезно, а вы принимаете все въ шутку; покажите же письмо, говорю я вамъ, или...

— Зачѣмъ тебѣ это письмо, мой другъ? Я не даю тебѣ его оттого, чтобъ испытать тебя. Ты часто говоришь, что магнитизеры обладаютъ чудною силою и могутъ располагать дѣйствіями и волею обыкновеннаго челоуѣка. Ты хочешь знать, что тутъ написано, такъ ступай къ своему ясновидящему, и онъ прочтетъ тебѣ черезъ нѣсколько улицъ бумажку, которую я держу въ рукѣ.

— А если ты въ это время разорвешь письмо?

— Вашъ магнитизеръ прочтаетъ даже на мелкихъ кускахъ.

— Ты опять смѣешься, Клара! Я приказываю тебѣ отдать мнѣ письмо или я возьму его силою.

— Прекрасно, сударь. И вамъ не стыдно обращаться такъ съ женою. Кажется, я ничѣмъ не подала вамъ повода. Я хотѣла только испытать, правду ли вы мнѣ говорили о магнитизмѣ, потому-что ваши рассказы начинали производить надо мною дѣйствіе, но теперь вижу, что все вы обманщики и употребляете физическую силу, а не магнитизмъ, чтобъ исполнить вашу волю.

— Неужели, Клара, ты начинала вѣрить въ магнитизмъ? сказалъ обрадованный мужъ, забывая свою ревность.

— Разумѣется, и ты можешь рѣшительно убѣдить меня. Я одна знаю, что написано въ этомъ письмѣ. Поѣдемъ къ твоему магнитизеру, и если онъ узнаетъ содержаніе его, я признаю себя побѣжденною, и буду самою страстною послѣдовательницею Месмера.

— Я согласенъ. Дай же мнѣ письмо, чтобъ и я еще разъ увѣрился въ могущество великой науки.

— Нѣтъ, мой другъ, я могу подумать, что ты за одно съ магнитизеромъ, и хочу увѣриться сама и навсегда.

Черезъ полчаса молодые супруги вошли въ квартиру магнитизера. Молодой челоуѣкъ болѣзненной наружности былъ погруженъ въ магнитическій сонъ, и г. N подалъ ему свернутое письмо.

— Это... почеркъ мужчины. . проговорилъ тихо и съ разстановкой ясновидящій.

Г-жа N захохотала.

— Почеркъ мужской, но писала женщина продолжалъ онъ.

— Вотъ странно, сказала молодая женщина почти про себя. Какъ можетъ знать этотъ человѣкъ во снѣ, что письмо это отъ моей подруги Луизы.

— Оно подписано... бормоталъ магнетизеръ... начинается буквою А, нѣтъ... Л потомъ у... потомъ... и... потомъ з...

— Читайте скорѣе, сказала докторъ-магнетизеръ: я вамъ приказываю.

— Я не могу... мнѣ больно...

— Я этого хочу!

Бѣдный больной судорожно сжимался на стулѣ и проговорилъ съ усиленіемъ:

— Луиза.

— Вотъ чудо, вскричала г-жа N съ неподдѣльнымъ удивленіемъ! Неужели онъ можетъ прочесть и все письмо.

— Безъ сомнѣнія, сударыня. Читайте, что тутъ написано.

И молодой ясновидящій началъ читать съ новыми судорожными гримасами: Благодарю тебя, милый другъ за кружева и ленты, которыя ты прислала.

— Довольно, закричалъ обрадованный супругъ. Ну, что, Клара, то ли тутъ написано? увѣрилась ли ты?

— Совершенно, мой другъ, отвѣчала супруга взявъ свое письмо, я никакъ не могла думать... Такое чудо! Теперь я вѣрю магнетизму.

Въ самомъ-то-дѣлѣ письмо было подписано другимъ именемъ.

—

Охота за гагарами — Скалы и берега Норвегіи, дикіе утесы и страшныя пропасти острововъ Шотландскихъ, Оркадскихъ, Фероэскихъ и Гебридскихъ служатъ убѣжищемъ многочисленнымъ породамъ птицъ, называемыхъ болотными, какъ-то гагарѣ, цаплѣ, чайкѣ и айдеру. Эти лапчатые птицы очень полезны для бѣдныхъ жителей, удаленныхъ отъ центра цивилизаціи, и служатъ имъ для пищи и для одежды. Мясо нѣкоторыхъ изъ этихъ птицъ ѣдятъ свѣжее, другихъ солятъ и сохраняютъ. Яица ихъ считаются превосходнымъ кушаньемъ, и даже слишкомъ роскошнымъ для людей, не привыкшихъ къ подобнымъ лакомствамъ. Изъ кожи гагары приготавливаются нижнія платья, которыя въ этомъ суровомъ климатѣ защищаютъ отъ сильнаго холода, и эти же самыя птицы даютъ каждый годъ огромное количество пуху. Драгоценный пухъ этотъ до того легокъ и эластиченъ, что довольно двухъ горстей его, чтобъ сдѣлать одѣяло легкое и до того теплое, что оно можетъ замѣнить лучшее шерстяное. Подобное произведеніе чрезвычайно важно, особенно въ сѣверныхъ странахъ. Вотъ почему главное занятіе жителей состоитъ въ добываніи этого дорогаго вещества, для котораго смѣлые охотники рѣшаются на такія опасности, что одна

мысль о нихъ заставитъ отступитья самаго отважнаго ловца, не привыкшаго къ подобной охотѣ. Постараемся описать, какимъ способомъ охотятся смѣльчаки за гагарами.

Берега Норвегіи окружены низкими и плоскими островами, на которые, въ обыкновенное время, гагары кладутъ свои яйца въ большомъ количествѣ. Охотникъ приближается на лодкѣ къ островамъ, и спокойно осматриваетъ всѣ гнѣзда. Они всегда свиты изъ морскихъ травъ, лежатъ на землѣ, и вся внутренность ихъ выложена пухомъ, который самка выщипываетъ у себя на животѣ. Въ каждомъ гнѣздѣ бываетъ обыкновенно четыре яйца блѣдно-зеленаго цвѣта, немного продолговатѣе простыхъ гусиныхъ яицъ. Охотникъ удаляетъ самку отъ гнѣзда со всѣми предосторожностями, беретъ ея яйца и собираетъ пухъ, оставя блѣдной матери только одно яйцо, для утѣшенія. Терпѣливое животное переноситъ это несчастіе, не стараясь мстить, и поправляетъ его тѣмъ, что снесетъ еще нѣсколько яицъ и покроетъ ихъ снова своимъ пухомъ. Если же у ней неостанется его, то самецъ, въ свою очередь, выщипываетъ себѣ весь животъ, чтобъ согрѣть будущихъ дѣтей. Эта операція продолжается нѣсколько разъ съ однимъ и тѣмъ же гнѣздомъ. Увѣряютъ, что эти птицы, смиренныя и терпѣливыя съ охотниками, къ которымъ уже привыкли, не позволяютъ чужимъ распоряжаться у нихъ въ гнѣздѣ, и всѣми силами противятся истребленію и похищенію своихъ яицъ, испуская страшные крики. Эту странность можно объяснить тѣмъ, что туземцы обходятся съ гагарами очень ласково, и заботятся о ихъ благосостояніи. Въ Исландіи они сдѣлались почти ручными птицами, и выютъ свои гнѣзда возлѣ самыхъ строеній. Другимъ доказательствомъ миролюбиваго характера этихъ лапчатыхъ служить то, что иногда двѣ самки живутъ въ одномъ гнѣздѣ, и никогда не ссорятся между собою.

Эта охота не всегда безопасна, потому-что не всегда и не вездѣ можно легко собирать яйца и пухъ. Часто гагара выбираетъ для своего гнѣзда неприступныя, дикія скалы, гдѣ думаетъ, что человѣческая рука не достанетъ ее. Но развѣ есть препятствія, которыя нельзя преодолѣть терпѣніемъ и смѣлостію? Отважный охотникъ привыкъ ко всевозможнымъ опасностямъ, мускулы его гибки, и онъ легко взбирается на отвѣсныя скалы, безъ ужаса смотритъ на страшныя пропасти, и пробираясь по уступамъ, гдѣ едва помѣщается человѣческая нога, опустошаетъ гнѣздо и спокойно возвращается со своей добычей по той же дорогѣ, какъ-будто шель по обыкновенной лѣстницѣ.

Островокъ Носсъ состоитъ изъ огромнаго утеса, вѣроятно оторванаго отъ острова того же имени какимъ-нибудь переворотомъ въ природѣ; онъ считается самымъ опаснымъ для охотниковъ. Бока его гладки и остры, и онъ отдаленъ отъ твердой земли почти на сорокъ-восемь метровъ. Въ этомъ узкомъ пространствѣ море всегда сильно бушуетъ и не позволяетъ подойти къ берегу—и несмотря на всѣ препятствія, чловѣкъ все-таки и здѣсь остается побѣдителемъ. Долго скала эта почиталась неприступною, но вдругъ одинъ смѣльчакъ пристагъ со своей лодкой къ подножію утеса и вскарабкался на самый верхъ. Съ другаго берега

товарища бросили ему канатъ, который онъ крѣпко привязалъ къ кольямъ, вбитымъ имъ въ землю; тоже самое сдѣлали они и съ другой стороны. Къ этому канату прикрѣпили корзину, которую посредствомъ другой веревки можно было двигать взадъ и впередъ. Эта исторія кончилась, къ несчастію, трагически. Смѣлый охотникъ, гордясь своимъ успѣхомъ, не хотѣлъ воспользоваться воздушною дорогою, которую устроили для него товарищи, и вздумалъ сойти со скалы такъ же, какъ вошелъ на нее, но это было гораздо труднѣе; несчастный остушился, и упалъ къ подножію скалы, истерзанный и разбившійся о камни.

Однако и эти опасныя средства не могутъ быть всегда употребляемы съ успѣхомъ. Часто охотникъ напрасно взбирается на высокія скалы и принужденъ спускаться въ глубокія расщелины между камнями, гдѣ гагары скрываютъ свои гнѣзда. Хладнокровная смѣлость, оказываемая охотниками въ самыхъ опасныхъ случаяхъ, возбуждаетъ удивленіе всѣхъ, кому случалось быть свидѣтелями этого. Приведемъ рассказъ сира Макензи о методѣ жителей Ферозскихъ острововъ охотиться за гагарами.

«Если скала совершенно гладка, и нѣтъ никакой возможности взойти на нее, то охотники спускаются на нее по веревкѣ съ другога, болѣе возвышеннаго мѣста. Чтобъ веревка не могла быть разрѣзана остриемъ камней, ее придерживаютъ кускомъ дерева у самой пропасти. Посредствомъ условныхъ знаковъ, охотникъ даетъ знать своимъ товарищамъ, которые держатъ веревку, когда надобно его приподнять или опустить. Добравшись до мѣста, гдѣ есть гнѣзда, охотникъ отвязываетъ отъ себя веревку и начинаетъ работу. Иногда онъ стоитъ на выдавшемся камнѣ, и дѣйствуя сѣтью, съ необыкновенною ловкостью ловить птицъ на лету, когда онѣ приближаются къ нему. Этотъ способъ ловить гагаръ употребляется охотниками даже тогда, когда они висятъ на воздухѣ, придерживаемые сверху канатомъ. Если между имъ и птицею находится уступъ, мѣшающій добраться до гнѣзда, то онъ начинаетъ раскачивать веревку и наконецъ обгибаетъ ею препятствіе. Но чтобъ исполнить это, надобно имѣть необыкновенную ловкость и смѣлость. Когда онъ не можетъ съ помощію своей палки достать до какого-нибудь неприступнаго мѣста, то бросаетъ другую веревку товарищамъ, которые ждуть его внизу въ лодкѣ, и тѣ, вмѣстѣ съ верхними, забрасываютъ его на самыя страшныя вершины. Кромѣ неминуемой смерти, если веревка оборвется, охотникъ еще рискуетъ быть раздавленнымъ осколками скалъ, которые ломаются въ это время и скатываются сверху.

Этотъ самый способъ употребляется и на другихъ островахъ. Веревки для этой охоты бываютъ двухъ сортовъ. Однѣ дѣлаются изъ кожи, другія вьются изъ коровьей шерсти. Первые считаются лучшими, потому-что прочнѣе и не такъ скоро могутъ быть перерѣзаны выдавшимися камнями. Вотъ какъ онѣ приготовляются: берутъ баранью кожу и коровью, и разрѣзываютъ ихъ на полосы; только коровью рѣжутъ широкими полосами, а баранью поуже. Каждая полоса бараньей кожи плетется вмѣстѣ съ коровьею, и потомъ двѣ двойныя полосы крутятся вмѣстѣ и составляютъ веревку въ три льюма въ окружности.

Длина этихъ веревокъ бываетъ отъ девяноста до двухъ сотъ футовъ, и онѣ продаются по тринадцати пенсовъ (1 фр. 30 с.) за гуазъ. Эти веревки въ такомъ почетѣ, что на островѣ Сенъ-Кильда одна такая веревка составляетъ приданое невѣсты. Этотъ островъ самый западный изъ всѣхъ Гебридскихъ, и хотя состоитъ изъ небольшого клочка земли, но на немъ собираются всѣ охотники, молодые и старые.

Лазанье по скаламъ и по берегамъ пропастей до того вошло въ привычку у жителей этихъ острововъ, что они преспокойно пускаются на всевозможныя опасности. Одинъ изъ современныхъ путешественниковъ рассказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ маленькія дѣти влезали на вершину утеса въ тринадцать тысячъ футовъ вышины, составляющаго оконечность Коначара, самой высокой горы острова, у подножія которой находится самая опасная пропасть всей Великобританіи. Эти дѣти тоже прехладнокровно добываютъ яйца посредствомъ длинной гибкой палки въ родѣ удочки, на концѣ которой находится сѣточка изъ волосъ, прикрѣпленная гусиными перьями. Этотъ же самый путешественникъ былъ свидѣтелемъ почти сверхъестественныхъ подвиговъ одного охотника за птицами, котораго держалъ на воздухѣ на веревкѣ только одинъ его товарищъ, и которой преспокойно все время разговаривалъ о чемъ-то, и успѣлъ поймать четырехъ гагаръ. Этотъ храбрецъ, съ двумя птицами въ каждой рукѣ, держался крѣпко за веревку, и ногами отталкиваясь отъ скалы, кружился надъ пропастью и дѣлалъ разныя гимнастическія штуки, одиѣ другихъ страшнѣе и ужаснѣе. Если подумать, что малѣйшая неосторожность товарища, держащаго веревку сверху, или усталость и истощеніе силъ могутъ быть причиною мучительной смерти двухъ людей — то нельзя не удивляться ихъ твердости и смѣлости. Разумѣется, бываютъ и несчастные случаи, хотя и очень рѣдко. Слѣдующій примѣръ покажетъ, какъ бываютъ они ужасны.

Охотники за гагарами часто пускаются одни въ свое опасное путешествіе. Въ такомъ случаѣ они вбиваютъ въ землю колы и привязавъ къ нему веревку, спускаются по ней куда имъ надобно. Въ одной изъ подобныхъ экспедицій случилось слѣдующее несчастіе. Охотникъ отправился, по обыкновенію, рано утромъ на охоту. Онъ прикрѣпилъ веревку на вершинѣ утеса и началъ по ней спускаться. Подъ нимъ, немного всторону, былъ уступъ, на которомъ онъ надѣялся собрать много добычи, и потому онъ началъ раскачиваться и наконецъ ступилъ счастливо на желаемую платформу. Тутъ онъ нашелъ, какъ и ожидалъ, множество гнѣздъ, и отъ радости забылъ прикрѣпить веревку вокругъ своего тѣла. Онъ выпустилъ ее изъ рукъ, и она, покачиваясь со стороны въ сторону, повисла неподвижно въ нѣсколькихъ метрахъ отъ уступа, на которомъ находился охотникъ. Увидя свою опрометчивость, онъ ужаснулся и лишился способности разсуждать, потому-что понялъ, какъ отчаянно его положеніе. Повемногу однако онъ началъ приходить въ себя, и призывая на помощь все хладнокровіе, принялся отыскивать средства къ спасенію. Какое ужасное положеніе! Надъ нимъ была огромная масса камней, до того гладкихъ, точно ихъ недавно полировали; подъ нимъ, въ глубинѣ разбивались съ шумомъ волны объ острые

камни и заглушили бы всякій отчаянный крикъ, еслибы кто-нибудь и зашелъ даже въ эту пустыню. Стало-быть, отъ людей нельзя было ожидать помощи, и ему оставалось одно послѣднее, отчаянное средство — смѣлый скачекъ въ сторону, чтобъ схватить свою веревку. Разумѣется, что если онъ не успѣетъ ухватиться за нее, то его ожидаетъ неминуемая смерть, но если онъ и останется на своемъ уступѣ, та же смерть, только продолжительная, ждетъ его. Охотникъ не долго думалъ; онъ прошепталъ короткую молитву, и собравъ всѣ силы бросился, въ пустое пространство... Онъ самъ рассказывалъ этотъ случай, потому-что успѣлъ ухватиться за веревку, и невредимо взобрался опять на вершину утеса.

Эта метода собирать гагачій пухъ употребляется только тогда, когда эти птицы вьютъ гнѣзда на высотахъ почти неприступныхъ, и потому опасности этой охоты неисчислимы; но если гнѣзда находятся внизу, то и тогда не совсѣмъ удобно брать ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ экспедиція отправляется въ лодкѣ, и причаливъ къ берегу, останавливается въ мѣстѣ, выбранномъ заранее для охоты. Тогда самый отважный изъ толпы привязываетъ къ кушаку своему веревку, и съ помощію длинной палки съ желѣзнымъ заостреннымъ концемъ влезаетъ на скалу, или его поднимаютъ товарищи на такую высоту, которая удобна для ихъ предпріятія. Оттуда онъ бросаетъ веревку другимъ охотникамъ и притягиваетъ ихъ къ себѣ. Эта операція продолжается столько разъ, сколько это нужно, чтобъ добраться до мѣстъ, гдѣ водятся гагары. Тогда охотники расходятся въ разныя стороны между скалами; только все по двое, и у каждаго изъ нихъ есть веревка и палка. Для большей безопасности, они привязываются веревками одинъ къ другому, и когда гнѣзда находятся ниже платформы то одинъ спускаетъ другаго и потомъ поднимается. На это трудное занятіе охотники употребляютъ нѣсколько дней, бросая добычу въ лодку, причаленную подъ скалами, и проводя ночи въ расщелинахъ скалъ, питаясь самымъ умѣреннымъ образомъ.

Иногда употребляютъ еще другое средство охотиться за гагарами. Въ мѣстахъ, гдѣ водятся эти птицы, ставятъ на ночь западни и дѣлаютъ петли, въ которыхъ на другое утро находятъ много птѣнниковъ. При этомъ случилось однажды слѣдующее происшествіе: одинъ охотникъ изъ Сенъ-Кильда разставилъ западни на уступѣ утеса, находящагося въ ста-пятидесяти футахъ надъ поверхностію моря, и окончивъ работу, хотѣлъ подойти къ своей веревкѣ; но къ несчастію, попалъ самъ ногою въ петлю, споткнулся, и повисъ надъ бездною на одной ногѣ. Напрасно онъ употреблялъ всѣ усилія и вертѣлся во всѣ стороны, чтобъ удержаться за что-нибудь — камни были со всѣхъ сторонъ гладки, и онъ скоро выбился изъ силъ. Тогда онъ началъ кричать и звать на помощь; но вблизи не было никого, кто бы могъ его услышать. Скоро настала ночь, и несчастный долженъ былъ терпѣливо ждать утра. Можно вообразить, какую ужасную ночь онъ провелъ между небомъ и моремъ. Окоченѣлый отъ холода и чувствуя ужасную боль во всемъ тѣлѣ, онъ каждую минуту ждалъ, что тонкая веревка оборвется, и онъ полетитъ внизъ, ударяясь объ острые камни. Эта пытка продолжалась

нѣсколько длинныхъ, безконечныхъ часовъ. Наконецъ настало утро, и страдалецъ осмотрѣлся кругомъ, отчаяваясь уже въ спасеніи. Какъ же радостно забилось его сердце, когда онъ увидѣлъ вблизи одного изъ своихъ товарищей. Онъ собралъ угасающія силы и закричалъ такъ громко, какъ только былъ въ состояніи. На его зовъ прибѣжали охотники и поспѣшили помочь ему, потому-что нѣсколько минутъ замедленія, — и несчастный погибъ бы непременно.

Всѣ мы, воспитанные посреди довольства и роскоши, разумѣется сравнительно, съ трудомъ можемъ понять, какъ могутъ жить эти бѣдные островитяне, принужденные жертвовать почти каждый день жизнью и переносить лишения, для того, чтобъ добывать самое необходимое для жизни. И несмотря на всѣ опасности и труды, люди эти счастливы и, вѣроятно, не согласятся промѣнять свою жизнь, полную ощущеній и тревогъ, на покойную жизнь городскихъ жителей.

Два жильца въ одной комнатѣ. (Разсказъ). — Бабета, сказала молодая женщина, подписавшая въ концѣ письма имя Люси д'Омбрель: отнеси это на почту, только завтра, потому-что сегодня уже поздно и притомъ мы съ тобою измучились и тебѣ надобно отдохнуть.

— Я совсѣмъ не устала, сударыня, отвѣчала толстая, здоровая горничная. Вы знаете, что я привыкла много ходить, только мнѣ разлюмило голову отъ всего этого шума. Нечего сказать, хорошъ вашъ Парижъ.

— Ты къ нему скоро привыкнешь.

— Неужто вы здѣсь долго останетесь?

— Можетъ-быть.

— Боже мой! Какое несчастіе! И что подумаютъ въ Монлюсонѣ о вашемъ скоромъ, неожиданномъ отъѣздѣ. Вѣдь вы просто убѣжали отсюда.

— Это письмо объяснить мое поведеніе и оправдываетъ меня въ глазахъ всѣхъ. Вотъ видишь ли, милая Бабета; мнѣ надоѣли преслѣдованія и просьбы моихъ родныхъ, чтобъ я вышла во второй разъ замужъ.

— Неужто вы любили шестидесятилѣтняго старика?

— Я любила его, какъ отца и уважала, какъ самаго добраго друга.

— И вы увѣрились, что не можете чувствовать такой же любви и уваженія къ г. Арману д'Омбрелю, молодому родственнику покойника, и потому убѣжали въ Парижъ, не дождавшись даже пріѣзда вашего жениха?

— Котораго сватаютъ мнѣ насильно. Я не хочу и видѣть его. Я увѣрена, что не могу его любить, и потому написала рѣшительный отказъ.

— Отчего-жъ было не посмотрѣть на жениха. Можетъ-быть, онъ и понравился бы вамъ.

— Нѣтъ, Бабета. Могу ли я забыть мою тихую, спокойную жизнь съ первымъ мужемъ. Какъ я была счастлива!

И молодая вдовушка тяжело вздохнула.

— Да, Бабета, продолжала она, я никогда не забуду, какъ счастливо и беззаботно жила съ моимъ мужемъ.

— Хорошій былъ старичекъ! Вы только и дѣлали, что вышивали ему туфли, то къ его именинамъ, то къ рождѣнію, то къ Новому-году, то къ Святой. Четыре пары туфель въ годъ! Чего ему еще!

— И я увѣрена, что судьба меня накажетъ, если я измѣню моему доброму, вѣрному мужу, и выйду за другаго. Нѣтъ, я останусь вдовою, несмотря на всѣ хлопоты моихъ родныхъ и знакомыхъ... Но я забыла, милая Бабета, что тебѣ пора отдохнуть. Ступай, я раздѣнусь безъ тебя; помоги мнѣ только убрать волосы на ночь.

И молодая женщина придвинулась къ туалету и разсѣянно смотрѣлась въ зеркало, покуда горничная расплетала ей густую косу.

— Это странно, Бабета, сказала Люси. Смерть моего мужа поразила меня ужасно, но горе не оставило слѣдовъ на моемъ лицѣ. А кажется я такъ много плакала о г. д'Омбрелѣ.

— Да, сударыня, я не вижу на вашемъ лицѣ ни одной морщинки, глаза ваши попрежнему свѣтлы... Но это оттого, что вы еще очень молоды.

— Мнѣ только двадцать-два года, проговорила хорошенькая вдовушка, со вздохомъ. Какія несносныя дѣта! Какъ бы я хотѣла, чтобъ мнѣ было шестдесятъ. Тогда никто бы не надѣдалъ мнѣ комплиментами, никто не предлагалъ бы мнѣ жениховъ, и я бы спокойно могла грустить и оплакивать моего мужа... Но что ты дѣлаешь, Бабета, зачѣмъ принесла папилютки? Я не хочу завиваться.

— Да, къ вамъ лучше идутъ бандо; вамъ это не разъ замѣчали въ Монлюсонѣ.

— Я люблю эту прическу потому, что чесалась такъ въ дѣвушкахъ, а всегда пріятно вспомнить это счастливое время. Ступай теперь, Бабета, и ложись. Ты мнѣ не нужна.

Въ эту минуту послышался далекій, глухой раскатъ грома, и блѣдный свѣтъ лампы на секунду утонулъ въ яркой молніи, освѣтившей комнату. Молодая женщина вздрогнула и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Бабета! Какая сильная гроза!

Горничная, вѣроятно, знала, что барыня ея очень боялась грозы, потому-что сказала, улыбаясь:

— Я останусь съ вами, сударыня! не бойтесь ничего.

Но Люси было совѣстно, изъ ребяческаго страха лишить покоя добрую свою спутницу, которая отъ усталости едва стояла на ногахъ и старалась не показывать, что ее клонитъ ко сну. Она опять послала ее спать, наказавъ только, чтобъ она осмотрѣла, крѣпко ли заперты двери и окна.

— Къ счастью, прибавила она, замки, кажется, хорошо запираются... а то въ Парижѣ, говорятъ, такъ много воровъ. Мы же однѣ въ гостиницѣ. Богъ знаетъ, что можетъ случиться.

— Не безпокойтесь, сударыня, отвѣчала Бабета. Пускай придетъ хоть полдюжины мошенниковъ, я всѣхъ ихъ провожу отсюда метлою.

Развѣ вы забыли, что въ Монлюсонѣ меня считаютъ силачемъ. Я одной рукой могу поднять барана.

— Надѣюсь, что мы не будемъ нуждаться въ твоей храбрости. Ступай же. Я тоже чувствую, что меня клонитъ ко сну.

— Покойной ночи, сударыня. Позовите меня, если съ вами что случится. Я услышу васъ.

И Бабета вошла въ маленькій кабинетъ, отдѣленный тонкою перегородкою отъ спальни своей госпожи, и скоро уснула, несмотря на приближающуюся грозу.

Черезъ десять минутъ гроза разразилась надъ Парижемъ, но здоровая поселанка крѣпко спала въ своей каморкѣ, тогда какъ слабонервная вдовушка дрожала отъ страха, спрятавшись въ альковъ, и не знала, что ей дѣлать, чтобъ пересилить свой волненіе. Наконецъ, она рѣшилась взять книгу и читать. Такъ какъ альковъ былъ очень просторенъ и закрывался плотными шелковыми занавѣсками, то она подвинула къ постели кресло, перенесла лампу, и взявъ первую повѣшшуюся книгу, начала читать съ какимъ-то лихорадочнымъ вниманіемъ.

Прошло полчаса, гроза не умолкала. Люси чувствовала уже начало нервного припадка, голова ея кружилась, въ ушахъ шумѣло, и она, жалѣя будить Бабету, вышла изъ алькова, чтобъ выпить стаканъ воды, который приготовленъ былъ для нея на маленькомъ столикѣ.

Молодая женщина немного удивилась, когда увидѣла, что вода была приготовлена съ сахаромъ и каплями флеръ—д'оранжа, потому-что Бабета никогда сама не бралась готовить питье своей барыни, но не думая объ этомъ долго, она еще обрадовалась, что ей самой не надобно терять времени, и помѣшавъ золоченой ложечкой, выпила воду.

Почувствовавъ тотчасъ же облегченіе, Люси пошла поскорѣе къ алькову, но вдругъ холодный вѣтеръ пахнулъ въ занавѣску и чуть не погасилъ огонь. Она сама задрожала уже отъ холода, и осмотрѣла комнату.

Одно окно было растворено!

Тутъ уже молодая вдовушка испугалась не на шутку; она очень хорошо помнила, что Бабета, уходя, заперла всѣ двери и окна. Однако это приключеніе очень легко можно было приписать грозѣ; притомъ же комната была во второмъ этажѣ, стало-быть не было никакой возможности подумать, что кто-нибудь съ улицы вздумалъ забраться на верхъ.

И Люси, успокоившись немного, заперла окошко и возвратилась въ альковъ, начиная раскaysаться въ своемъ бѣгствѣ изъ тихаго провинціального городка. Однако, кажется, въ эту ночь не суждено ей было успокоиться ни на часъ, потому-что черезъ нѣсколько минутъ рука, державшая книгу задрожала сильно; молодая женщина поблѣднѣла и должна была употребить всю силу воли, чтобъ не лишиться чувствъ. Что-жъ было причиною этого внезапнаго испуга?

На страницу, которую читала вдовушка, вдругъ упала капля горячаго воска, и она, поднявши голову, увидѣла передъ собою бронзовый подсвѣчникъ съ восковою свѣчею, вмѣсто лампы, которую сама держала въ рукахъ и поставила у своей постели. Эту перемѣну нельзя уже было приписать грозѣ, и блѣдная Люси до того переиспугалась, что рѣ-

щилась искать защиты и помощи у Бабеты. Она отбросила занавѣски алькова и побѣжала къ комнатѣ горничной, но вдругъ громко закричала и остановилась, встрѣтя новое диво...

Надобно возвратиться за нѣсколько часовъ назадъ и познакомиться еще съ однимъ дѣйствующимъ лицомъ, котораго мы найдемъ въ партерѣ Большой-оперы. Это молодой человекъ красивой наружности, съ голубыми глазами и каштановыми волосами... Манеры его не совсѣмъ парижскія, но въ немъ также нѣтъ ничего рѣзкаго, провинціального. Напротивъ, эта оригинальность очень шла къ нему. Притомъ же онъ былъ достаточно образованъ, имѣлъ доброе сердце, веселый характеръ и самую твердую рѣшимость оставаться молодымъ человекомъ какъ можно дольше, до самаго нельзя.

Онъ со вниманіемъ слѣдилъ за дѣйствіемъ, выслушивалъ до конца каждый нумеръ, разсматривалъ декорации, восхищался танцами и костюмами такъ наивно и отъ души, что ничто не могло развлечь его внѣ сцены, съ которой онъ не спускалъ глазъ. Разумѣется, что парижанинъ, или даже провинціалъ, прожившій нѣсколько въ столицѣ, не выказывалъ бы такимъ неприличнымъ образомъ своего восторга; но нашъ молодой человекъ не заботился о томъ, чтобъ *казаться*, ему было весело, и онъ не думалъ скрывать впечатлѣнія, произведеннаго на него великолѣпнымъ спектаклемъ Большой-оперы.

Наконецъ занавѣсъ опустился, публика разошлась, музыканты спрятали свои инструменты, и люстра, опускаясь, чуть было не раздавила провинціала; тогда только онъ рѣшился выдти изъ театра, вмѣстѣ съ жевщинами, открывающими ложи.

Увы! Восторгъ молодаго человека долженъ былъ скоро охладѣть, потому-что погода была самая ужасная! Дождь заливалъ театральнѣйшій подъѣздъ, и молнія прорѣзывала черныя тучи.

Нашъ герой еще недавно былъ въ Парижѣ, и потому думалъ, что, онъ можетъ за одинъ франкъ презирать вѣтры и громы, и спокойно доѣдетъ домой въ закрытомъ экипажѣ. Онъ закричалъ первому извозчику, чтобъ тотъ подавалъ, но автомедонъ проѣхалъ мимо, не обращая вниманія на пѣшехода. «Вѣрно онъ за грозою не разслышалъ моего голоса!» сказалъ самъ себѣ въ утѣшеніе провинціалъ и кликнулъ другаго извозчика. Но этотъ грубо засмѣялся на призывъ молодаго человека, и продолжалъ ѣхать своею дорогою. Наконецъ, третій кучеръ, вѣроятно, добрѣе своихъ товарищей, согласился остановить свой экипажъ, но потребовалъ на водку четыре франка, что вмѣстѣ съ однимъ установленнымъ франкомъ составляло круглое число. Такъ какъ нашъ герой промокъ уже до нитки, то и поспѣшилъ согласиться на требованіе извозчика, боясь, чтобъ и тотъ не уѣхалъ.

Черезъ полчаса счастливаго плаванія, они остановились передъ гостинницею Америка, гдѣ жилъ провинціалъ. Онъ вошелъ въ нижнюю комнату, гдѣ обыкновенно слуги, и иногда самъ хозяинъ заведенія, дожидались прихода своихъ жильцовъ до полуночи, и гдѣ всѣ проживающіе обязаны были оставлять ключи отъ своихъ комнатъ, если ушли куда-нибудь.

Нашего героя встрѣтила хозяйка гостинницы, и такъ какъ онъ только поутру остановился у ней и имѣлъ дѣло съ ея мужемъ, послѣ чего ушелъ на весь день, то и долженъ былъ объявить свое имя.

— А, это вы, сказала хозяйка. Вы записаны въ реестръ два раза, потому-что сначала мой мужъ записалъ васъ, а потомъ я. Мы ужъ подумали, что не понадобится ли вамъ еще комната, но кажется вамъ довольно и одного номера... Вы знаете, что вашъ номеръ седьмой?

— Очень хорошо знаю, отвѣчала молодой человѣкъ, не очень довольный болтовнею хозяйки.

— Вотъ вамъ второй ключъ отъ № 7 продолжала она, подавая ему маленькій ключъ. Покойной ночи, сударь; вы найдете тамъ все, что вамъ нужно.

— Благодарю васъ, проворчалъ нашъ герой, не понимая, зачѣмъ ему дали другой ключъ; но довольный, что онъ уже дома и избавился отъ грозы, онъ побѣжалъ по лѣстницѣ въ свой номеръ. Засвѣтивъ одну изъ свѣчей, стоящихъ на каминѣ, онъ вынулъ изъ шкафа свой чемоданъ, и переодѣлся очень проворно.

— Вотъ теперь хорошо, проговорилъ онъ, закутываясь въ халатъ и поглядывая по сторонамъ. Славная у меня комната! Хорошая гостинница Америка! А? да мнѣ приготовили стаканъ воды, сахаръ и члѣръ д'оранжевыхъ капли. Отчего не выпить на ночь.

И онъ положилъ въ воду три куска сахару, прибавилъ душистыхъ капель, и размѣшалъ все золоченою ложечкой.

— Однако здѣсь что-то сильно пахнетъ ароматами, началъ опять молодой человѣкъ, имѣвшій, вѣроятно, привычку разговаривать самъ съ собою. Отворю на минуту окно. Не мѣшало бы развести огонь въ каминѣ, чтобъ высушить мое пальто. Пойду, поищу дровъ. Можетъ-быть на счастье и попадется какой-нибудь сломанный стулъ.

И онъ зажегъ ночникъ и отправился въ кухню. Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся, держа обломокъ рамки и спинку стула, которыя бросилъ въ каминъ.

— Ну ужъ наготался я пыли, отыскивая топливо, проговорилъ онъ: даже въ горлѣ что-то остановилось. Хорошо, что у меня есть чѣмъ запить. Вѣдь я только что приготовилъ себѣ воду съ сахаромъ, а не выпилъ ее.

Онъ взялъ стаканъ и съ удивленіемъ остановился съ открытымъ ртомъ и выпученными глазами.

Стаканъ былъ пустъ.

— Это что за мистификація, проговорилъ нашъ герой. Куда дѣвалась вода, и еще съ сахаромъ? Неужели я лунатикъ? Что это опять за перемѣна! Я зажегъ свѣчку, а теперь у меня горитъ лампа! Ужъ не живеть ли здѣсь Боско или другой фокусникъ. У меня пропали три куска сахару, вода исчезла... лампа явилась неизвестно откуда... Того и жди, что если я засну на кровати, то проснусь въ графинѣ. Хорошъ номеръ 7. Удивительная гостинница!..

Нашъ герой, можетъ-быть, и долго бы продолжалъ свой монологъ,

но вдругъ его прервалъ крикъ ужаса. Онъ оглянулся и самъ вскрикнулъ отъ удивленія.

Передъ нимъ стояла женщина, блѣдная, дрожащая, готовая упасть въ обморокъ.

Молодой человѣкъ былъ такъ пораженъ этимъ видѣніемъ, что не зналъ, что ему дѣлать, что сказать; но въ это время явилось еще третье лицо, и тоже остановилось въ ужасѣ, какъ окаменѣлая статуя.

Бабета проснулась, услыша крикъ своей госпожи, и увѣренная, что съ ней что-нибудь случилось необыкновенное, выбѣжала изъ своей комнаты, и увидѣла передъ собою незнакомаго мужчину. Вѣроятно, она забыла, что хвасталась справиться съ шестью разбойниками, потому-что и одинъ до того напугалъ ее, что она упала на колѣни и проговорила жалобно:

— Господинъ воръ, пожалуста не убивайте насъ!

Въ это время г-жа д'Омбрель успѣла немного оправиться и сказала тихо:

— Что вамъ угодно... сударь?

— Извините, сударыня, проговорилъ молодой человѣкъ, увѣряю васъ, что я не способенъ обидѣть женщину. Успокойтесь, объяснитесь...

— Возьмите этотъ кошелекъ, сказала Бабета, принимая его все еще за товарища Мандрена. У насъ больше ничего нѣтъ.

— Зачѣмъ мнѣ вашъ кошелекъ!

— Тамъ четыре лудора.

— Ну такъ что жъ?

— Возьмите же это, господинъ воръ и скажитесь надъ моей госпожей!

— Однако, что это значитъ! За кого вы меня принимаете?

— Васъ!

— Ну да, меня?

— Вы, разумѣется, честный человѣкъ, но имѣете привычку ночью прокрадываться въ чужія квартиры, чтобъ...

— Для чего же?

— Да, чтобъ занимать деньги...

— Это прекрасно!.. Ха, ха, ха!

Во-время этого разговора Люси разсмотрѣла незнакомца, и увѣрилась, что онъ нисколько не похожъ на вора. Но все-таки присутствіе его ночью въ ея комнатѣ не доказывало честныхъ намѣреній, и потому она сказала довольно твердо и строго:

— Для чего же вы пришли сюда и въ такую пору, объяснитесь?

— Съ большимъ удовольствіемъ. Я самъ хочу наконецъ повѣсть что-нибудь изъ того, что со мной происходитъ. Увѣряю васъ, что у меня нѣтъ никакихъ злыхъ умысловъ и что мои намѣренія самыя честныя...

— Однако зачѣмъ вы въ первомъ часу ночи у меня въ комнатѣ?

— У васъ?

— Да, у меня... Отвѣчайте сейчасъ, или я позову людей.

— Вы удивляете меня чрезвычайно, увѣряя, что я у васъ. Я съ своей стороны готовъ побожиться, что вы у меня.

Люси д'Омбрель начала понимать, что какое-нибудь стеченіе об-

стоятельствъ произвело недоразумѣніе. Она теперь не боялась уже убійства или грабежа, но все-таки страхъ ея не проходилъ, хотя былъ другого рода. Можетъ-быть, она даже сожалѣла, что передъ ней не страшный бандитъ, а прекрасный, вѣжливый и насмѣшливый молодой человекъ. Она продолжала уже не такъ твердо:

— Я могу доказать вамъ, что наняла этотъ номеръ сегодня утромъ, даже вчера утромъ....

— Въ такомъ случаѣ вы правы и я прошу у васъ прощенія. Ваши права законнѣ моихъ, и я ухожу, не дожидаясь даже, чтобъ выгнали меня.

— Какъ же вы смѣли увѣрять, что мы у васъ въ квартирѣ? закричала наконецъ Бабета, видя, что мнимый разбойникъ совсѣмъ не намѣренъ убивать ихъ или грабить.

— Я говорю сущую правду, моя милая. Я нанялъ этотъ номеръ во второмъ часу, вчера же, стало-быть я, какъ второй жилецъ, обязанъ уступить квартиру первому. Прощайте же. Я въ отчаяніи, что имѣлъ глупость испугать васъ и оставилъ вамъ непріятное впечатлѣніе.

Люси наконецъ вздохнула свободнѣе; ее тронула вѣжливость и любезность незнакомца.

— Стало-быть, вы будете жертвою недоразумѣнія, сказала она. Я сама уговаривалась съ хозяйкой этого заведенія.

— Вы панимали номеръ у хозяйки?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ я настоящій жилецъ этой комнаты и предлагаю вамъ гостепріимство, потому-что нанялъ номеръ у хозяйки, и вы, вѣроятно, согласитесь, что мужъ глава семейства и одинъ имѣетъ права распоряжаться.

— Такъ все-таки выходитъ, что я была... и теперь еще... у васъ. Чтò же мнѣ дѣлать?

Молодая женщина была прекрасна въ своемъ смущеніи. Слезы досады дрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ; она покраснѣла отъ волненія и стыдливости, потому-что чувствовала, что незнакомецъ съ восторгомъ любитъ ея красотою и наслаждается ея смущеніемъ. Наконецъ, ему стало жалко бѣдную женщину, и онъ сказалъ съ жаромъ:

— Простите меня, я невѣжда... я дикарь.

— Чтò мнѣ вамъ прощать? Чтò вы сдѣлали?

— Я виноватъ передъ вами. Я это чувствую. Простите меня... что я еще не ушелъ.

Било два часа.

— Какъ поздно! проговорила молодая женщина.

Въ этихъ словахъ было столько выраженія, что тотъ, къ кому они относились, тотчасъ же исчезъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся опять, одѣтый уже прилично и съ чемоданомъ въ рукѣ.

— Я думаю, что нѣтъ никакой надобности будить хозяевъ, сказалъ онъ, кланяясь г-жѣ д'Омбрень, потому-что могутъ произойти непріятности для васъ. Я постараюсь также, чтобъ привратникъ молчалъ о моемъ побѣгѣ ночью изъ гостинницы. Вы же можете быть спокойны,

потому-что никто не узнаетъ о нашей встрѣчѣ и мы, вѣроятно, не увидимся болѣе.

Бабета, какъ умная женщина, тотчасъ поняла, что надобно отвѣчать что-нибудь любезное на вѣжливость незнакомца, и такъ какъ барыня ея все еще не могла сказать ни слова отъ волненія, горничная не долго думала и сказала:

— Зачѣмъ же вы, сударь, берете съ собою чемоданчикъ. Оставьте его здѣсь, и завтра прищлите за нимъ, а то вамъ будетъ тяжело нести его самому.

Это предложеніе было очень пріятно молодому человѣку, и онъ отвѣчалъ, смотря на г-жу д'Омбрель.

— Если вы позволите, я буду вамъ очень баагодаренъ.

— Сдѣлайте одолженіе, оставьте, проговорила чуть слышно вдова, и опустила глаза, сердясь сама на себя за свое смущеніе.

Потомъ они раскланялись, и посторонній наблюдатель замѣтилъ бы, что поклонъ ихъ былъ не церемонный, какъ между чужими, но и не совсѣмъ дружескій. Они какъ-будто боялись другъ-друга.

— Какой вѣжливый молодой человѣкъ, сказала Люси, когда осталась одна съ Бабетой.

— Какой красивый мужчина, замѣтила горничная, и какіе у него блестящіе глаза... особенно когда онъ смотрѣлъ на васъ, просто брилліанты...

Молодая вдова опять вскрикнула, и Бабета испугалась, думая, что явился третій жилецъ въ ихъ комнату. Но Люси вскрикнула отъ удивленія, потому-что прочитала имя и адресъ на чемоданѣ незнакомца. Потомъ она отослала горничную спать, потомъ вернула ее, и сказала, что завтра не нужно будетъ отсылать письмо, написанное ею.

— Вы не хотите послать письмо въ Монлюсонъ? спросила Бабета. Да вѣдь тамъ написано, что вы отказываетесь выдти замужъ за вашего двоюроднаго брата Армана д'Омбрель и хотите остаться вдовою.

— Мнѣ надобно прибавить въ письмѣ еще объ одномъ дѣлѣ... я завтра напишу. Ступай Бабета, оставь меня.

— Случай бываетъ часто умнѣе людей, сказала молодая женщина, засыпая... Завтра... увидимъ.

На другой день не очень рано, но и не поздно, когда жительницы № 7 уже оправались отъ ночнаго страха, явился къ нимъ коммиссіонеръ за чемоданомъ. Кромѣ этого, онъ имѣлъ еще другую коммиссію, узнать, смѣетъ ли господинъ этого чемодана явиться съ визитомъ, и еще разъ извиниться передъ госпожею д'Омбрель.

— Скажите тому, кто васъ послалъ, отвѣчала Люси, что я съ удовольствіемъ увижусь съ нимъ и что онъ сдѣлаетъ мнѣ большое одолженіе, если придетъ сейчасъ же, потому-что я хочу посоветоваться съ нимъ объ одномъ дѣлѣ.

Никогда еще ея желаніе не исполнялось такъ скоро. Ея слова произвели такое же дѣйствіе, какъ волшебная палочка феи, потому-что не успѣла она выговорить ихъ, какъ молодой жилецъ стоялъ уже передъ нею, такой же почтительный, вѣжливый и красивый какъ

вчера. Можно было подумать, что онъ самъ привелъ комиссіонера и дожидаяся его за дверью. Разумѣется, что это было одно любопытство и больше ничего.

Послѣ первыхъ обычныхъ комплиментовъ, молодые люди разговаривались почти дружески, и могли замѣтить, что оба не глупы и хорошо воспитаны.

— Вы недавно въ Парижѣ, сказала ему Люси, и говорите, что вчера только приѣхали изъ Невера. Знаете ли вы этотъ городъ?

— Я родился въ немъ и выросъ, но вернусь туда какъ можно позже.

— Это не лестный комплиментъ для вашихъ соотечественниковъ.

— Они очень честные и благородные люди, увѣряю васъ.

— Не можете ли вы дать мнѣ свѣдѣній объ одномъ изъ жителей Невера? Это мнѣ необходимо.

— Говорите, я готовъ вамъ служить.

— Дѣло идетъ о женитьбѣ.

— Это очень интересно! И вы хлопочете объ этой свадьбѣ?

— Ужъ не смѣетесь ли вы надъ нею?

— Нисколько.

Однакожъ, кажется, мы не о томъ говорили. Я спрашивала васъ объ одномъ изъ жителей Невера... о молодомъ человѣкѣ, котораго предлагаютъ въ мужья моей лучшей подругѣ...

— Какъ зовутъ этого счастливецъ?

— Арманъ д'Омбрель.

Молодой человѣкъ не могъ скрыть своего удивленія и небольшого страха, и только повторилъ:

— Арманъ д'Омбрель.

— Вы, можетъ-быть, не знаете его? спросила очень наивно молодая вдовушка.

— О нѣтъ, я его знаю... и даже очень хорошо. Помилуйте, какъ мнѣ не знать Армана д'Омбрель.

— И вы такъ великодушны, что не хотите описать мнѣ всѣ качества и недостатки вашего молодого соотечественника.

— Я могу сказать вамъ только одно, что Арманъ будетъ очень дурнымъ мужемъ.

— Дурнымъ мужемъ... Возможно ли!

— Для вашей подруги, поспѣшилъ прибавить герой.

— Можетъ-быть, моя подруга будетъ такъ счастлива, что г. д'Омбрель полюбитъ ее?

— Я очень хорошо знаю, что Армана хотятъ женить на двоюродной его сестрѣ, но одна мысль о женитьбѣ почти по приказанію приводитъ его въ ужасъ, потому-что онъ совсѣмъ не знаетъ своей невѣсты; она его тоже, и послѣ свадьбы могутъ произойти разныя неприятыя сюрпризы. Нѣтъ, Арманъ не соглашается жениться на ней, закрывши глаза, и только потому, что родные находятъ этотъ бракъ личнымъ и выгоднымъ.

Молодой человѣкъ говорилъ съ жаромъ и увлеченіемъ, какъ-будто

дѣло шло о немъ самомъ, а не объ его другѣ, и Люси, замѣтившая его необыкновенное оживленіе, сказала съ чувствомъ:

— И вы думаете также, какъ вашъ другъ?

— Развѣ вы находите, что Арманъ не правъ?

— Нѣтъ, но я боюсь за него...

— Бойтесь?

— Я боюсь, что вашъ другъ съ его благородными мнѣніями останется вѣкъ холостымъ.

— Признаюсь, что и Арманъ началъ уже терять надежду; но теперь... если онъ и не женится, то причиною этого будетъ не разборчивость моего друга, но его несчастіе или неумѣнье нравиться, потому что, кажется, онъ уже...

— Берегитесь, вы болтаете о чужихъ тайнахъ. Какая нескромность.

— Вамъ я могу говорить о чувствахъ моего друга, и вы поймете меня, если я вамъ скажу, что онъ...

— Я не хочу ничего знать о его чувствахъ, но его правила правятся мнѣ, и признаюсь, что я съ нимъ согласна.

— Возможно ли? Какое счастье?

— Поэтому-то я и хочу услужить этому необыкновенному молодому человѣку. Онъ не знаетъ Люси д'Омбрель, которую ему сватаютъ и, можетъ-быть, откажется отъ своего счастья. Я опишу вамъ въ подробности мою подругу.

— Не безпокойтесь. Это совсѣмъ лишнее.

— Я говорю не для васъ, но для вашего друга.

— Я увѣренъ, что онъ думаетъ тоже, что я.

— Тѣмъ хуже для него. Я все-таки продолжаю: Люси не дурна собою, съ чѣмъ согласны всѣ; она не глупа, и никто не скажетъ, что она недобра. Наконецъ, она считается самою богатою невѣстою въ Монлюсонѣ.

— Что жъ дальше?

— Какъ, вамъ еще мало этого?

— Напротивъ, очень много.

— Но я могла невѣрно описать ее. Она, можетъ-быть, еще лучше.

— Согласенъ, но я замѣтилъ, что часто тотъ, кто описываетъ, самъ гораздо лучше того лица, которое описываетъ.

Послѣ подобнаго замѣчанія надобно было перемѣнить систему нападенія, и Люси продолжала очень спокойно

— Знаетъ ли г. д'Омбрель, что его богатый дядюшка обѣщался лишить его наслѣдства, если онъ откажется отъ предполагаемаго брака?

— Да, этотъ дядюшка—тиранъ прислалъ даже пятьдесятъ старыхъ луидоровъ на покупку свадебной корзинки. Племянникъ пришелъ отъ этого въ ужасное отчаяніе.

— Что же онъ сдѣлалъ?

— Онъ рѣшился употребить эти старые луидоры съ пользою и

хорошенько повеселиться на нихъ въ Парижѣ, котораго онъ хорошенько не знаетъ. Онъ надѣется утѣшиться этимъ въ потерѣ наслѣдства.

Молодая женщина громко захохотала, что было довольно удивительно, потому-что она давно уже разучилась смѣяться отъ души, а именно со времени своего замужства съ старымъ д'Омбрелемъ, о которомъ, прибавимъ въ скобкахъ, она не думала со вчерашняго вечера или, вѣрнѣе сказать, со вчерашней ночи.

— И вашъ другъ, спросила Люси, вѣроятно, нашелъ въ Парижѣ утѣшеніе?

— Онъ нашелъ бы счастье, еслибы...

— Опять нескромность... Я вамъ уже сказала, что нелюбопытна, и если хлопочу, чтобъ вашъ другъ женился на моей подружкѣ, такъ оттого, что эта свадьба рѣшитъ и мою судьбу.

— Какъ же это?

— Мы съ Люси дали обѣщаніе выдти замужъ въ одинъ день и въ одинъ часъ. Вотъ почему я прошу васъ, чтобъ вы уговорили вашего друга жениться. Въ этомъ будетъ и моя выгода.

Молодой человѣкъ сдѣлалъ недовольную мину и продолжалъ съ видимою досадою:

— Ваша подруга и безъ Армана, вѣроятно, скоро найдетъ жениха, особенно если у ея родныхъ есть привычка навязывать ее незнакомымъ женихамъ.

— Навязывать!

— Разумѣется. Какъ же вы назовете женщину, которая заставляетъ дядю лишиться племянника наслѣдства и которая посылаетъ пятьдесятъ лудировъ на свою свадебную корзинку!

— Я не позволю вамъ обижать бѣдную мою подругу, вскричала Люси, вовсе не сердясь. Къ счастью, я могу разуверить васъ и отместить за ваши оскорбительныя подозрѣнія.

Она вынула свое вчерашнее письмо и подала его молодому человѣку. Тотъ со вниманіемъ прочелъ его до конца, и тогда только понялъ, что его одурачили.

— Ахъ, это вы! сказали онъ въ замѣшательствѣ, и вамъ не стыдно было смѣяться надо мною. Но какъ вы узнали...

— Что я принимаю г. Армана д'Омбрель? Я прочитала вчера ваше имя на чемоданѣ.

— Вы безжалостны.

— Нѣтъ, я вамъ очень благородна зато, что вы вчера приготовили мнѣ стаканъ сахарной воды.

— И перемѣнилъ вашу лампу на свѣчку.

— И открыли окошко во-время грозы.

И оба они опять захохотали отъ души, не думая скрывать своего веселаго расположенія духа и удовольствія, что находятся вмѣстѣ. Но вдругъ Бабета вбѣжала съ испуганнымъ видомъ и сказала отчаяннымъ голосомъ:

— Знаете ли вы сударыня, что про васъ говорятъ?

— Кто говоритъ и что?

— Говорятъ всѣ, что этотъ господинъ вашъ мужъ.

И горничная косо посмотрѣла на Армана.

— Это г. д'Омбрель, двоюродный братъ моего покойнаго мужа.

— Такъ вотъ отчего и случилась вся суматоха. Вы въ одинъ день и почти въ одинъ часъ наняли одинъ номеръ, и такъ-какъ фамилія у васъ одинаковая, то хозяинъ и хозяйка вообразили, что вы мужъ и жена, и дали вамъ два ключа отъ одной комнаты. Теперь у нихъ не выбьешь изъ головы, что вы вдова, и хотите всю жизнь остаться вдовою.

— Замолчи, Бабета. Пускай тамъ говорятъ, что хотятъ, а ты собери всѣ наши вещи. Сегодня вечеромъ мы ѣдемъ.

Горничная вышла.

— Прелестная Люси, сказала Арманъ, подходя къ молодой женщинѣ, я вижу въ ошибкѣ этихъ добрыхъ хозяевъ пророчество моего счастья. Позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ:

— Какой же, любезный братецъ?

— Совѣтъ исполнить то, чего желаютъ ваши и мои родные, которыхъ вы такъ мило называете въ письмѣ тиранами. При томъ же Бабета сказала: *всѣ говорятъ*, что мы мужъ и жена; можно-ли намъ идти противъ всеобщаго мнѣнія?

— Вы забыли, что говорили о бѣдной Люси...

— Я смотрѣлъ только на васъ и не понималъ того, что говорилъ. Притомъ, вы уже простили меня. Отвѣчайте-же...

— До свиданія... Арманъ.

Кажется, нѣтъ никакой надобности рассказывать, какаа послѣ этого была развязка въ Монлюсонѣ.

Ловля тунца въ древнія и новѣйшія времена. Словомъ *Θυγγος* Греки называли рыбу тунецъ (*Thon*) когда ей было уже болѣе года. Упомянутая о ней, Аристотель называетъ ее тѣмъ же именемъ. Несмотря на это, происхожденіе тунца сомнительно, и остается выбирать между корнемъ греческаго слова и еврейской этимологіей. Приверженцы греческаго корнесловія производятъ *Θυγγος* отъ *Θυγγω* *бросаться съ яростью*, что даетъ довольно точную идею о бѣдномъ тунцѣ, окруженномъ оводами или слѣпными морскими, о чемъ мы еще будемъ имѣть случай говорить.

Еврейская этимологія менѣе опредѣлительна, если ее станемъ искать въ словѣ *tannim*, которое мы переводимъ словомъ *Китъ*, какъ и равнозначущее ему слово *setus*, хотя оно собственно выражаетъ всякую рыбу большаго размѣра, какой бы она ни была породы. Самка тунца называлась *thunnis*. Съ приближеніемъ весны, времени метанія икры, если вѣрить старинному повѣрью, самка покидаетъ мѣста своего зимовья въ Средиземномъ-морѣ и уплываетъ въ воды Чернаго-моря. Позднѣйшія наблюденія, болѣе внимательныя, даютъ поводъ думать, что теперь правильное ежегодное переселеніе изъ одного моря въ другое

не существуетъ, и что нынѣ эта рыба мечетъ икру во всѣхъ мѣстахъ, которыя ей кажутся надежными для успѣшнаго возростанія ея потомства. Метаніе икры обыкновенно происходитъ въ началѣ іюня. Въ непродолжительномъ времени выходитъ на свѣтъ новое поколѣніе. Молодые тунцы къ концу мѣсяца становятся величиною съ пискаря и бывають отъ полуторы до двухъ унцій вѣсомъ. Къ концу втораго мѣсяца, они уже становятся втрое больше и на столько же тяжелѣе. Въ первыхъ числахъ ноября, четырехмѣсячныя рыбки становятся уже въ двадцать разъ болѣе своего первоначальнаго объема, и вѣсятъ болѣе двухъ ливровъ, превосходя значительно своею удивительною силою развитія, не только всѣхъ обитателей озеръ, рѣкъ и прудовъ, но и тѣ породы, которыя стремятся въ море, чтобы достигнуть тамъ окончательнаго своего развитія.

Карпъ и щука развиваются быстрѣе всѣхъ прочихъ рѣчныхъ рыбъ, однако щука рѣдко достигаетъ фута длины въ первые годы существованія, а карпъ вѣситъ три фунта только къ концу шестаго года.

Большая часть тунцовъ не достигаетъ зрѣлаго возраста и становится жертвою алчности своей родной матери, которая ихъ преслѣдуетъ и пожираетъ; несмотря на это, избѣгнувшіе этой участи слѣдуютъ за нею въ Средиземное-море и знакомятся съ нимъ подъ ея надзоромъ.

Аристотель въ своей Естественной Исторіи говоритъ, что молодой тунецъ не умираетъ въ-самомъ-дѣлѣ, а только метафорически, съ тѣмъ, чтобы спустя нѣсколько времени явиться новою рыбою, съ новымъ названіемъ, съ необъятными размѣрами, въ видѣ *Osteopus* или, по словамъ Атеней, въ видѣ *Cetus*, т. е. кита. Древніе, часто ошибавшіеся въ предметахъ, касающихся физики и естественной исторіи, думали, что тунцы рождались въ *Palus Meotides*, нынѣшнемъ Азовскомъ-морѣ и проходя въ Черное Киммерійскимъ Босфоромъ или Кафскимъ-проливомъ, расходились по Средиземному-морю, пробѣгая его по всѣмъ направленіямъ.

Изысканія ихтіологовъ, подкрѣпленные долгимъ опытомъ моряковъ и рыбаковъ, сдѣлали новыя открытія въ жизни, нравахъ и плаваніяхъ тунцовъ.

Теперь признано общимъ мнѣніемъ, что первоначально тунцы выходятъ изъ Океана, откуда, едва явившись на свѣтъ, спѣшатъ обратиться; что входя въ Средиземное-море въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, черезъ Гибралтарскій-проливъ, они плывутъ по всѣмъ островамъ и берегамъ, по всѣмъ заливамъ, и постоянно стремятся къ цѣли своихъ долгихъ плаваній: къ Черному и Азовскому морямъ, которыхъ достигаютъ въ началѣ осени и откуда выходятъ, плывя правымъ берегомъ Дарданельскаго-пролива, тогда какъ входятъ въ Дарданеллы постоянно по лѣвой сторонѣ пролива.

Не подвержено никакому сомнѣнію, что тунцы предпочитаютъ водиться у береговъ Средиземнаго-моря. Придерживаясь мнѣнія древнихъ, иные, не входя въ дальнѣйшія изысканія и вѣря древнимъ на-слово, относили это предпочтеніе къ изобилію желудей морскихъ ду-

бовъ, будто бы растущихъ на двѣ морскомъ, и которые будто-бы служатъ обыкновенною пищею тунцовъ, отчего эта порода рыбъ и получила названіе *морскихъ свиней*. Скорѣе можно допустить, что предпочтеніе, оказываемое Средиземному-мору, и именно нѣкоторымъ мѣстамъ на берегахъ его, въ особенности же берегамъ Сардиніи, объясняется тѣмъ, что эти берега удобнѣе для вывода дѣтенышей и избилуютъ прилично для нихъ пищею. Настоящая же и несомнѣнная причина этого предпочтенія надолго еще останется тайною для наблюдателей.

Полагаютъ, что тунцы мечутъ икру свою при самомъ входѣ въ Средиземное-море, хотя они выходятъ оттуда шесть мѣсяцевъ спустя.

Замѣчено, что противу обыкновенія всѣхъ прочихъ рыбъ тунцы никогда не мечутъ икры при устьи рѣкъ, а избираютъ для этого лишь берега ихъ.

Тунцы путешествуютъ стадами, плаваютъ съ изумительною быстрою, и преслѣдуютъ суда, по мнѣнію Коммерсона, съ тѣмъ, чтобы подѣловаться тѣнью, лежащею отъ нихъ, столько же какъ и остатками кухни, которые они схватываютъ съ алчностью. Когда они путешествуютъ, то выстраиваются въ баталіоны или въ большіе параллелограммы, ряды которыхъ состоятъ всегда изъ равнаго числа рыбъ. Всѣ повороты и остановки происходятъ безъ замѣшательства и безпорядка, какъ стройныя эволюціи выученнаго строя войска.

Паутархъ говоритъ, и Альдрованди за нимъ повторяетъ, что число рядовъ до того неизмѣнно, что если сосчитать одинъ изъ нихъ, то самымъ простымъ ариѳметическимъ способомъ можно безошибочно опредѣлить цифру всей плывущей массы.

Во-время затишья тунцы отдыхаютъ, рѣзвятся, или гоняются за добычей; отправляются же въ путь только въ сильную погоду, плывя всегда по направленію вѣтра.

При входѣ въ Средиземное-море, перейдя уже Гибралтаръ, тунцы раздѣляются на два отряда; одинъ идетъ направо, по берегамъ Африки, другой налево, по берегамъ Европы; и тотъ и другой плывутъ по одному направленію къ востоку. Часть лѣваго отряда, пройдя берега Испаніи, Франціи, перерѣзываетъ заливъ Пиомбино и идетъ уже прямо къ своей цѣли. Правый отрядъ, который обыкновенно бываетъ крупнѣе, огибая берега около Прованса, переходитъ большой проливъ между Тосканой и Корсикой, и обойдя западную часть этого острова, достигаетъ черезъ проливъ Бонифачіо сѣверной части Сардиніи, между-тѣмъ, какъ другой отрядъ, болѣе многочисленный, оставившій ранѣе берега Европы и вступившій ранѣе въ открытое море, гдѣ разстался съ отрядомъ, плывущимъ по берегамъ Африки, вступаетъ то же въ открытое море и плыветъ по тому же направленію къ западнымъ и южнымъ берегамъ.

За неизмѣнимъ другихъ свѣдѣній, которыя оставили бы намъ писатели, по рыболовнымъ удамъ древнихъ можно судить, что ихъ рыболовные снаряды не уступали нынѣшнимъ. Они употребляли острогу для ловли крупной рыбы, дремлющей на поверхности воды или отды-

хающей на глубинѣ; разныя снадобья для отравы рыбъ, между-прочимъ и цикламень, употребляемый нынѣ, какъ и во времена Оппіана. Наконецъ Колумелль говоритъ, что римляне съ первыхъ временъ христіанской эры переносили съ успѣхомъ икру всякаго рода рыбы изъ прѣсной воды, въ озера и рѣки, и тѣмъ наполняли ихъ рыбою.

Аристотель говоритъ, что рыбу били острогою въ ту минуту, когда она выплывала на поверхность воды и радостно рѣзвилась, ударяя хвостомъ, не подозрѣвая близости врага.

Оппіанъ описываетъ другой способъ, который былъ употребляемъ Эракійцами въ зимнюю пору. Они поражали рыбу, безпечно покоящуюся на самой глубинѣ водъ, на илистомъ днѣ Понта Евксинскаго. Орудіемъ для этого употреблялся *кусокъ дерева, короткий, но толстый и крѣпкій*; оконечность его была обита свинцомъ для тяжести, а на деревѣ придѣланы были во множествѣ желѣзныя острія и зубья.

Это убійственное орудіе прикрѣплялась на длинномъ канатѣ позади судна, откуда и бросалось въ самую глубь пропасти, на бѣдныхъ водяныхъ обитателей. *Эти ужасныя острія*, говоритъ поэтъ, *ранятъ одного въ бокъ, другаго въ голову, третьяго въ хвостъ, тому раздробляютъ спину, а этого разрываютъ на части*. Описавши бѣдствія рыбы, съ краснорѣчіемъ, достойнымъ Гомера, муза, которой мы обязаны описаніемъ этой картины, переходитъ въ паѳосъ. Она громитъ проклятіемъ за подобныя жестокости и убійства невинныхъ, которыя по ея словамъ должны *выушить чувства состраданія сердцамъ самымъ жестокосердымъ*. Потомъ, съ легкостью, свойственною ей полу, муза постепенно переходитъ къ новой картинѣ, и представляетъ намъ груны рыбаковъ, расположенныхъ по берегамъ, побѣдныя клики ихъ при видѣ умирающихъ жертвъ.

Тунецъ принадлежитъ къ самымъ пугливымъ рыбамъ. Объемъ его головного мозга, составляетъ 3744 долю всего его туловища и объясняетъ достаточно его недалковидность. (Акула имѣетъ сравнительно только двѣ трети, а щука половину этой разницы). Магійшій шумъ, произведенный въ водѣ, повергаетъ все стадо тунцовъ въ неописанный страхъ и смятеніе, и бросаетъ ихъ въ сѣти самаго неопытнаго рыбакова.

Въ темную ночь, лодка, снабженная снастями, отчаливала отъ берега и плыла безъ шума, на веслахъ, обвязанныхъ соломою, къ мѣсту отдохновенія тунцовъ. Невдалекѣ отъ этого мѣста рыбаки опускали въ молчаніи сѣти въ воду; потомъ, обогнувъ стадо, начинали вдругъ кричать, бить веслами и шестами по водѣ. Тунцы, испуганные фосфорическимъ свѣтомъ взволнованной воды и крикомъ, бросались отъ лодки и попадали въ сѣти, гдѣ рады были найти убѣжище и откуда мѣшала имъ выйти страхъ отъ шума и колыханія веревокъ, прицѣпленныхъ по сторонамъ сѣтей.

За нѣсколько время до прибытія ожидаемаго стада рыбы, рыбаки собирались на главныхъ пунктахъ ежегоднаго прохожденія рыбы; эти мѣста, по словамъ Страбона были: *Parulonium* или *Шюмбино*, *Porto-Egsole* въ *Этруріи* и мысъ *Аммонъ* въ *Африкѣ*. Рыбаки избирали изъ

среды своей *Φυρούχοπος* или сторожа тунцовъ, самаго опытнаго между всѣми рыбаками. Ему выстраивали для наблюденія башню, или помѣщали его на возвышенности скалы, для подавiя знака при приближенiи рыбы.

Едва сторожъ могъ только завидѣть ожидаемое стадо рыбъ, какъ долженъ былъ поднять флагъ и дать условный знакъ внимательнымъ рыбакамъ, по какому направленiю они должны готовиться къ ловлѣ. При видѣ флага, рыбаковы успѣшно пускались въ море со всѣмъ проворствомъ военной дисциплины. Каждая лодка имѣла своего начальника, и всѣ равно торопились успѣть разставить свои сѣти навстрѣчу давно жданнѣмъ посягателямъ. Мгновенно воздвигалась пеньковая преграда кругомъ плывущаго стада, которое безъ всякой осторожности отдавалось въ плѣнъ.

Способъ подобной ловли перешелъ къ намъ отъ древнихъ почти въ неизмѣненномъ видѣ. Оппианъ упоминаетъ объ обширныхъ и сложныхъ сѣтяхъ, съ разными подраздѣленiями, представляющими какъ бы улицы города, съ разными переходами и внутренними воротами.

Рыба входитъ въ эту засаду съ довѣрчивостiю осаждающаго войска, предъ которымъ отворили бы ворота сдаващагося города.

Прежде думали, что успѣшную ловлю тунцовъ можно отнести къ неправильности ихъ зрительныхъ органовъ. Писатели не соглашались только въ свойствѣ такой неправильности зрѣнiя. Одни относили ее къ густотѣ прозрачной глазной влаги, другiе же, и между ними Аристотель и Пливиі, полагали, что неправильность эта, какая-бы тому ни была причина, существовала только въ правомъ глазу. Одно выраженiе Эсхила, вошедшее въ пословицу, помѣщаетъ неправильность эту въ лѣвомъ глазѣ. Аристотель основываетъ свое мнѣнiе на томъ, что тунцы плывутъ всегда правымъ берегомъ, чтобы войти въ Понтъ Евксинскiй, для выбрасыванiя икры, откуда они возвращаются лѣвымъ берегомъ, переходя изъ моря въ море уже съ новымъ своимъ поколѣнiемъ.

Древнiе занимались ловлею тунцовъ предпочтительно во-время полнолунiя. Привлекаемые свѣтомъ луны, тунцы цѣлыми стадами попадали въ разставленные для нихъ сѣти.

Нападенiе на тунцовъ морскихъ оводовъ и мучительная боль отъ укушенiя ихъ особенно способствуютъ успѣшной ловлѣ и заставляютъ стадо живьемъ отдаваться въ руки рыбаковъ. Гмелинъ называетъ этихъ ракообразныхъ паразитовъ *pennatula filosa*; Окенъ причисляетъ ихъ къ семейству *legnaea*.

Какъ ни мучительно для несчастныхъ тунцовъ укушенiе этихъ маленькихъ животныхъ, но ими не ограничивается число враговъ, преслѣдующихъ ихъ и жаждущихъ ихъ крови.

Коммерсонъ говоритъ, что онъ находилъ въ кишкахъ тунцовъ аскаридовъ, глистовъ и другихъ насѣкомыхъ. И такъ бѣдная рыба, жертва внѣшнихъ враговъ, боль отъ укушенiя которыхъ приводитъ ее въ совершенное помѣшательство, осуждена еще на съѣденiе заживо червями.

При нападенiи морскихъ оводовъ, рыбакову не нужны ни знанiе, ни опытность въ искусствѣ, ни изобрѣтательность рыбаковныхъ промы-

словъ. Полагаютъ, что оводы выходятъ изъ своихъ вязкихъ убѣжищъ, гдѣ кишатъ въ бозчисленномъ множествѣ, и что часто они пожираютъ весь кормъ, опускаемый на удахъ для приманки рыбъ. Они нечувствительно заползаютъ въ жабры своихъ жертвъ и причиняютъ имъ мучительную боль, которая прекращается только со смертію рыбы, потому-что, кромѣ воспаленія этихъ чувствительныхъ частей отъ укушенія, полагаютъ что морскіе овода испускаютъ ядовитое вещество, которое, дѣйствуя на мозгъ рыбы, производитъ ея помѣшательство. Въ мученіяхъ боли, она прыгаетъ и предается неистовому бѣшенству, какъ-будто подстрекаемая какимъ-нибудь невидимымъ бичеваніемъ, мечется изъ стороны въ сторону. Думая облегчить нестерпимыя терзанія, одиѣ начинаютъ плыть съ усиленною быстротою; другія, видѣ себя, бьются по волѣ и подскакиваютъ иногда такъ высоко, что попадаютъ на самыя большія суда; случается даже, что, вырвавшись изъ воды, онѣ бросаются трепещущія на берегъ, предпочитая покой смерти невыносимымъ страданіямъ, отъ которыхъ нѣтъ другаго избавленія.

Причина, по которой морскіе овода нападаютъ предпочтительно предъ другими рыбами на тунцовъ, объясняется тѣмъ, что у послѣднихъ кожа около жабръ очень нѣжна и тонка.

Главныя мѣста, гдѣ древніе народы ловили эту рыбу, были на берегахъ Византіи и Испаніи, потому-что Средиземное-море, суживаясь на этихъ двухъ оконечностяхъ, заставляло отряды рыбъ соединяться у береговъ. Восходъ Плеядъ (11 мая) былъ сигналомъ къ началу ловли, которая продолжалась до заката Арктуса (6 августа). Время ловли въ новѣйшія времена гораздо продолжительнѣе. Оно начинается въ первыхъ числахъ апрѣля и кончается не ранѣе послѣднихъ чиселъ сентября, почитаемого рыбаками за самый успѣшнѣйшій мѣсяцъ для ловли.

Куда скрываются тунцы въ остальное время года, этого никто не знаетъ.

Апрель, говоря о макрели или scombreѣ, замѣчаетъ очень основательно, что онѣ удаляются отъ насъ, можетъ-быть, на гораздо меньшее пространство, какъ обыкновенно полагаютъ; что онѣ выходятъ изъ недосыгаемой для насъ глубины, для метанія икры у береговъ, и свершивъ этотъ процессъ, оставляютъ поверхность воды, и снова уплываютъ въ свои темныя, недосыгаемыя обиталища.

Въ наше время, ловля тунцовъ происходитъ, болѣею частію, посредствомъ сѣтей. Часто за одинъ разъ вылавливается болѣе пятнадцати тысячъ миріаграммовъ тунцовъ, а въ одну памятную для рыбаковъ весну поймано въ одинъ день шестнадцать тысячъ рыбъ, изъ которыхъ каждая вѣсила отъ десяти до пятнадцати килограммовъ.

Въ Марсели существуетъ одиннадцать тоней. Пять изъ нихъ принадлежатъ правительству, шесть остальныхъ частнымъ лицамъ. *Мадрагою* называется большое пространство воды, окруженной сѣтями, въ которыя искусно направляютъ рыбу и изъ которыхъ, если она взойшла въ нихъ, ей уже нѣтъ болѣе возврата. Сѣти мадрагъ имѣютъ видъ параллелограмма или удлинненнаго конуса, въ полтора брассовъ или шести фу-

товыхъ саженой въ длину и сорока въ ширину. Этотъ параллелограммъ раздѣленъ на три отдѣленія. Ихъ отворяють и закрываютъ по произволу, посредствомъ особенной подводной сѣти. Къ верхней части мадраги прикрѣплена еще сѣть, спускающаяся до дна и которую называютъ хвостомъ. Она преграждаетъ снизу путь рыбѣ, и поворачиваясь тоже по произволу, загоняетъ ее въ отдѣленія. Какъ только сторожевая лодка замѣтитъ, что рыба взшла въ первое отдѣленіе, то опускають подводную сѣть первой комнаты и тѣмъ запирають возвратъ рыбѣ; потомъ поднимають сѣть втораго отдѣленія, и когда, слѣдуя такимъ порядкомъ, рыба проберется въ третье отдѣленіе сѣтей, въ которомъ петли гораздо мельче, его поднимають на поверхность воды простымъ способомъ и начинаютъ бить рыбу острогою, или просто забирають ее руками. Испанцы и Португальцы основали тоже ловли тунца съ большимъ успѣхомъ на своихъ берегахъ, и топи въ Кониѣ, въ Андалузїи, принадлежавшія герцогамъ Медина-Чели, долго процвѣтали. Онѣ совершенно уничтожились въ половинѣ прошлаго столѣтія. Послѣ лиссабонскаго землетрясенія прохождение рыбы не возобновлялось на андалузскихъ берегахъ.

Тони Сардинїи наслѣдовали тонямъ Испанїи и Португалїи и, казалося, воспользовались богатствами этихъ странъ, отягатыми бѣдственнымъ земнымъ переворотомъ.

Это обстоятельство впрочемъ только обогатило сардинскїя ловли, которыя существовали задолго до землетрясенія, и основаніе которыхъ, уже въ большихъ размѣрахъ, относится къ шестнадцатому столѣтію. Тунцы входили въ загоны Сардинїи въ продолженіе шести недѣль въ году, начиная почти всегда неизмѣнно съ извѣстнаго дня, въ который являлось вдругъ до пятидесяти тысячъ рыбъ. Нынѣ это число уменьшилось третью, но зато тунцы, посѣщающіе берега Сардинїи, извѣстны своимъ объемомъ и величиною, и превосходятъ въ этомъ отношенїи даже своихъ лїонскихъ собратїй. Прежде чѣмъ исчислять достоинства тунца въ гастрономическомъ отношенїи, скажемъ нѣсколько словъ о качествѣ его мяса, которое совершенно измѣняется смотря по величинѣ. Молодой жареный тунецъ очень нѣженъ и не имѣетъ для вкуса ничего затхлаго или прогорьклаго, что свойственно тунцу, уже немолодому. Тунецъ въ двадцать и до тридцати фунтовъ вѣсомъ, или отъ трехъ до четырехъ футовъ длины, всегда нѣженъ и приятенъ на вкусъ; но по мѣрѣ того, какъ онъ вырастаетъ, чѣмъ болѣе онъ вынгрываетъ въ своемъ объемѣ и длинѣ, тѣмъ съ каждымъ днемъ болѣе утрачиваетъ свои гастрономическія качества.

Тунцы достигаютъ изумительныхъ размѣровъ. Тѣ, которые доходятъ только до ста фунтовъ вѣса, называются въ Сициліи Scampiro, что выражаетъ въ простонародномъ нарѣчїи хлѣдность рыбы. Mezzotunno, или полутунецъ вѣситъ отъ ста до трехсотъ фунтовъ.

Четти увѣряетъ, что они достигаютъ тысячи ливровъ и что бывали случаи, когда попадали въ сѣти тунцы, вѣсившіе до восемнадцати центнеровъ.

Аристотель упоминаетъ объ тунцѣ въ двѣнадцать центнеровъ вѣсу,

у котораго ширина хвоста въ узкомъ мѣстѣ была въ два локтя. Наконецъ Пеннанъ, писавшій сто лѣтъ тому назадъ, говоритъ объ одномъ тунцѣ, пойманномъ у береговъ Инверари, наполненномъ подъ кожей сельдями и вѣсившемъ шестьсотъ сорокъ фунтовъ, который опровергнулъ своимъ явленіемъ мнѣніе Чорчила, увѣрявшаго, что въ Шотландіи всѣ породы такъ измельчились, что, по его словамъ, тамъ, между прочимъ:

Тошій наукъ сосеть чахлаю муху.

Одинъ изъ огромнѣйшихъ тунцовъ, о которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія, былъ присланъ Альдрованди какимъ-то важнымъ испанскимъ грандомъ. Этотъ китъ-тунецъ имѣлъ тридцать два фута длины и шестнадцать въ окружности въ самой толстой его части. Такъ какъ это свѣдѣніе основано на правдивости испанца, то непреложность его несомнѣнна.

Альдрованди приложилъ къ труду своему, подъ названіемъ: *de Piscibus*, рисунокъ упоминаемаго тунца, снятый въ 1565 близъ Гибралтара. Рисунокъ этотъ замѣчательнъ тѣмъ, что «цѣлый флотъ кораблей изображенъ былъ на бокахъ рыбы, начиная отъ хвоста до жабръ».

Между рыбами, отличающимися твердостью своего мяса, Галиенъ помѣщаетъ: китовъ, дельфиновъ, тюленей и большихъ тунцовъ. Последніе, по словамъ его, столько же неудобоваримы, какъ и прочіе, хотя еще менѣе вкусны.

Грекъ Архистратъ, объѣхавшій свѣтъ съ единственною цѣлью удовлетворить прихотямъ своего желудка, передалъ потомству важное открытіе, что нельзя пренебрегать тунцами Константинополя, Каристіума и Сициліи, хотя они и уступаютъ вкусомъ тунцу Гипповіума въ Италіи. Что же касается до тунца самосскаго, то онъ достоинъ являться только на трапезѣ Юпитера и самаго Архистрата.

Греки предпочитали нижнюю часть тунца прочимъ частямъ. Атенеи рекомендуетъ приготоовлять *Еу мутота*, то-есть, душеное мясо тунца съ лукомъ и другими острыми приправами, въ сравненіи съ которыми нашъ гусь съ капустой и лукомъ можетъ почестъся легкою, удобоваримою пищею.

Остальныя части тунца солили, мариновали и продавали подъ разными названіями; по Атенею подъ названіемъ *хитрида* и *Фовуага*, а по Галиену подъ именемъ *мѣла повтиха*. Брюшная часть почиталась лучшею, ее приготоовляли въ свѣжемъ видѣ или маринованною. Она продается и нынѣ подъ названіемъ тарантеллы. Потомъ слѣдовала *homatorichum* или плечная часть, наконецъ сухія части: *melandrias*, *cybias* и *ureas*. Последнія двѣ вырѣзываемы бывали обыкновенно кубическими кусками изъ спины и хвоста.

Приготоовленіе мяса тунцовъ было совершаемо на мѣстѣ, сейчасъ послѣ ловли, и состояло въ соленіи, маринованіи и валеніи. Средства, употребляемыя для соленіи, почти однѣ и тѣже, какъ при соленіи трески. Соленый тунецъ употребляется въ Италіи, Испаніи, Левантѣ и въ Сардиніи. Большая часть маринованнаго тунца посылается во Фран-

цію и Геную. Тунецъ раздѣляется на тридцать частей, для соленія, маринованія и вяленія. Для каждаго изъ этихъ трехъ способовъ сохраненія его мяса назначены особенныя части, имѣющія свои названія и свои отдѣльныя качества. Ничто не теряется въ этомъ истинно полезномъ животномъ, которое въ этомъ отношеніи точно можно назвать морской свиньею. Не говоря о природномъ жирѣ, которымъ облиты мягкія части тунца, добываютъ еще, посредствомъ выварки, жиръ изъ хрящей, костей и плавательныхъ перьевъ. Этотъ жиръ годенъ для краски, для выдѣлки кожъ, и употребляется на фабрикахъ толстыхъ суконъ.

Древніе приписывали жиру и желчи тунца, сверхъ всего этого, еще много лекарственныхъ качествъ.

Тюльпаноманія. — Въ Англіи, кажется, опять возвращается страсть къ тюльпанамъ. Нѣкто Грумъ славится теперь въ Клапгамѣ искусствомъ своимъ въ разведеніи ихъ. Садъ его представляетъ цѣлое море тюльпановъ, самыхъ великолѣпныхъ и разноцвѣтныхъ. Лучшіе изъ нихъ прикрыты канвою, защищающею ихъ отъ вѣтра. Тутъ есть экземпляры рѣдкой красоты. Лучшій тюльпанъ прозванъ *Маркизъ Бристоль* и продается за сто гиней (600 руб. сер.). Другой, *Герцогъ Девонширъ* менѣе красивъ, но привлекаетъ также всеобщее вниманіе.

Железная мостовая. — Въ Бостонѣ (Сосдиненныхъ Штатахъ) дѣлаютъ теперь по Говардстритской-улицѣ желѣзную мостовую. Она состоитъ изъ круглыхъ ящичковъ (boxes) въ 12 дюймовъ въ діаметрѣ и 5 вышиною, раздѣленныхъ на шесть отдѣловъ такъ, чтобы лошадиная подкова не умѣщалась на нихъ. Интервалы между ними будутъ наполнены щебнемъ, или составомъ изъ асфальта и крупнаго песку. Поверхность ящичка изрыта (groaved), чтобы лошадь не могла скользить, а по краямъ сдѣланы возвышенія (keys), соответствующія окраинамъ ближайшихъ плитокъ. Толщина наружнаго края 1 дюймъ. Внутренность ящичка наполняется веществомъ, представляющимъ прочное сопротивленіе. Изобрѣтатель этой мостовой г. Терри. Полагаютъ, что она войдетъ въ употребленіе и будетъ прочнѣе всякой каменной мостовой.

Мезодонъ. — Въ собраніи Лондонскаго Королевскаго Общества профессоръ Оуенъ, (извѣстный палеонтологъ) читалъ описаніе одной исчезнувшей породы животныхъ въ Южной-Америкѣ — *мезодона*. Это родъ травоядныхъ млекопитающихъ. Названіе имъ дано по особенному устройству ихъ зубовъ. До-сихъ-поръ найдены кости разныхъ ве-

личинъ этой породы. Судя по однимъ костямъ, величина ихъ была съ барана, по другимъ—съ ламу, по третьимъ съ зебра, а по величайшимъ съ носорога.

Происхожденіе слова рококо.— Нѣмецкій писатель Бернгардъ разсказываетъ, что въ 1792 году, во время пребыванія французскихъ эмигрантовъ въ Кобленцѣ, одинъ изъ французскихъ принцевъ спросилъ однажды за обѣдомъ о мѣстѣ жительства одного эмигранта, торговавшего платнемъ. Нѣмецкій камердинеръ старался объяснить, что этотъ эмигрантъ живетъ на той же улицѣ, въ томъ домѣ, гдѣ на вѣвѣскѣ изображенъ шюттукъ. Нѣмецкое названіе *Роко* (Rock) было весьма невразумительно для французовъ. Они поочередно повторяли *роко, роко, ко...* Наконецъ всѣ захохотали, и положили называть этотъ магазинъ *рококо*.

Странный поединокъ.— На-дняхъ былъ въ Парижѣ весьма странный поединокъ. Два фіакра-соперника условились окончить свои споры и вражду дуэлью на *бичахъ*. У нихъ были секунданты и множество свидѣтелей. Вой продолжался болѣе четверти часа, и уже у одного была синяя полоса черезъ все лицо, а у другаго былъ оторванъ кончикъ уха... Вдругъ полиція, увидѣвъ многолюдное сходбище, взяла въ свое распоряженіе ратоборцевъ, а прочихъ разогнала.

Выгодное предложеніе.— Г. Барнумъ, величайшій спекуляторъ въ Соединенныхъ Штатахъ, считалъ, что во всѣхъ Штатахъ выпивается въ годъ на 250 милліоновъ долларовъ крѣпкихъ напитковъ. Изъ нихъ въ Нью-Йоркѣ истрачивается на это 25 милліоновъ. Онъ предложилъ городовому правленію Нью-Йорка заплатить ему эти 25 милліоновъ, запретивъ на одинъ годъ продажу крѣпкихъ напитковъ. За это онъ обязывается заплатить всѣ налоги и повинности за жителей, воспитывать всѣхъ дѣтей въ хорошихъ училищахъ, учредить въ каждомъ семействѣ бібліотеку изъ ста лучшихъ книгъ по выбору, доставить каждой семьѣ по три бочки муки, каждой женщинѣ и дѣвушкѣ по шелковому платью, каждому мужчинѣ полное платье и свободный входъ во всѣ музеи.

Городовое правленіе не отвѣчало еще ничего на это предложеніе.

Электрическія палки.— Въ англійскихъ газетахъ разсказываютъ, что-такъ называемыя электрическія палки сильно раскупаются теперь

Онѣ довольно тяжеловѣсны и въ наконечникѣ имѣють электрическій аппаратъ. Если наконечникомъ ударить въ твердое тѣло, то получается электрическая струя, освѣщающая все вокругъ на десять минутъ.

Новое шампанское. — На балу парижской законодательной палаты подавали въ первый разъ новое шампанское, прозванное императорскимъ, въ честь Луи Наполеона. Виноторговый домъ Мулина въ Реймсѣ и Франкфуртѣ взялся теперь поставлять это вино. Отличіемъ ему служить орелъ на пробкѣ. Вкусомъ оно не уступаетъ Клико.

Заказы объѣда по телеграфу. — На желѣзной дорогѣ изъ Нью-Йорка въ Буффало дается каждому пассажиру карта кушаньевъ и винъ содержателя слѣдующей станціи. Выбравъ себѣ что угодно, отдаетъ онъ кондуктору записку и деньги. Тотъ по электрическому телеграфу передаетъ на станцію полученные имъ заказы, и вручаетъ каждому пассажиру нумеръ, подъ которымъ переданы его требованія. По пріѣздѣ на станцію, каждый легко отыскиваетъ свой нумеръ на приготовленномъ столѣ, гдѣ уже все готово, что онъ приказывалъ. Послѣ чего никакой бѣготни слугъ и расчетовъ не нужно. Не сказавъ ни слова, всякій съѣдаетъ и выпиваетъ что заранѣе заказалъ, и уѣзжаетъ далѣе.

Странная судьба одной женщины. — Клодина Франциска Миньо была дочерью одной овощной торговки въ Греноблѣ. Едва минуло ей шестнадцать лѣтъ, какъ одинъ секретарь влюбился въ нее и предложилъ ей свою руку. Но одинъ изъ его доброжелателей, имѣвшій большое вліяніе на всѣ его предпріятія, настоятельно отсовѣтовалъ ему этотъ неровный бракъ, и наконецъ убѣдилъ подождать годъ.

Однажды этотъ другъ загнанъ былъ проливнымъ дождемъ въ какой-то домикъ. Это было жилище матери Клодины. Пьеръ-де-Портъ увидѣлъ Клодину, и забывъ свои совѣты, данныя секретарю, самъ влюбился въ нее и предложилъ свою руку. Получивъ согласіе матери и дочери, онъ тотчасъ же отпраздновалъ свадьбу, и никогда не раскаялся въ этомъ торопливомъ поступкѣ. Онъ чрезвычайно разбогатѣлъ, потому-что жена вела всѣ дѣла его и съ молодыхъ лѣтъ приучила себя къ умѣренности и порядку.

Онъ скончался, оставивъ все свое имѣніе женѣ. Наслѣдники, разумѣется, завели съ нею тяжбу, и она принуждена была отправиться въ Парижъ. Здѣсь у мужа былъ старинный знакомый и покровитель,

маршалъ Лопиталь. Она обратилась къ нему съ просьбою о ходатайствѣ по наслѣдству, и тотъ такъ усердно взялся за это дѣло, что Клодина выиграла его. Но послѣдствіемъ этого было то, что маршалъ влюбился въ молодую вдову своего друга и женился на ней.

И въ этомъ званіи Клодина сохранила свою любовь къ порядку, хотя съ честію поддерживала блескъ и пышность мужа, который вполнѣ былъ счастливъ и доволенъ ея любовію, нѣжностію и заботливостію. Но увы! ему было уже 75 лѣтъ, и онъ вскорѣ скончался, оставя ей все свое имѣніе.

Продавъ помѣстье Роней, она поселилась въ парижскомъ своемъ отелѣ, и продолжала жить открыто и пышно, но безъ малѣйшаго нареканія своему имени. Къ ней сѣзжалось все высшее общество, и между-прочимъ король польскій Іоаннъ Казимиръ, сложившій съ себя корону и поселившійся во Франціи, гдѣ Лудовикъ XIV назначилъ на содержаніе его аббатство Сень-Жерменъ де-Пре, Сень-Торень въ Еврѣ и Сень-Мартенсъ въ Неверѣ. Король, ежедневно посѣщая прелестную вдову, покорился ея красотѣ, уму и добродѣтели. Бракъ ихъ празднованъ былъ въ придворной церкви.

Только шесть недѣль продолжалось счастье новобрачныхъ. Король скончался, Клодина же, чтя память его, удалилась въ кармелитскій монастырь, гдѣ прожила до девяностолѣтней старости. Она умерла 30 ноября 1711 года.

тайна. (Разсказъ). Въ восьмидесятихъ годахъ прошедшаго столѣтія, поселился въ Гаврѣ купецъ, по имени Жанъ Баптистъ Веронъ и основалъ торговое заведеніе на южной набережной, близъ таможи. Онъ объявилъ себя переселенцемъ изъ южной Франціи. Онъ былъ вдовъ, и съ нимъ былъ малолѣтній единственный сынъ его. Онъ привезъ изъ Парижа много рекомендательныхъ писемъ и имѣлъ обширные кредиты на многіе значительные торговые дома.

Съ этими значительными средствами сталъ онъ вести торговлю дѣлательно и честно. Всѣ охотно вступали съ нимъ въ сношенія, и вскорѣ кругъ дѣйствій его чрезвычайно распространился, такъ, что чрезъ пятнадцать лѣтъ потомъ, сдѣлался онъ однимъ изъ богатѣйшихъ купцовъ Франціи. Самая торговля Гавра и благосостояніе города многимъ были ему обязаны.

И однакоже сограждане не любили его. Въ характерѣ его было много нецрїятныхъ сторонъ. Онъ былъ гордъ, неумолимъ, непреклоненъ, подозрителенъ, и этими качествами легко возбуждалъ неудовольствія многихъ. Друзей у него совсѣмъ не было. Политики онъ чуждался и не принадлежалъ ни къ какой партіи. Сперва старались вовлечь его въ разныя политическія общества, но онъ рѣшительно отъ

воѣхъ отпавывался. А какъ онъ былъ вдовъ и богатъ, то многія ма-меньки прочили его въ женихи своимъ дочерямъ; но и тутъ не успѣли завлечь его ни въ одиѣ сѣти. Онъ всякій разъ отвѣчалъ, что имѣя сына, хочетъ для него одного трудиться.

Такимъ-образомъ прошли мимо г. Верона республика, директорія, имперія, и настала реставрація. Только тутъ оказалось нѣкоторое измѣненіе въ образѣ жизни гаврскаго негоціанта. Онъ построилъ себѣ близъ Гавра, на морскомъ берегу, прекрасный загородный домъ, прозвалъ его Монбизу и началъ разсылать своимъ знакомымъ визитныя карточки, на которыхъ сказано было: Ж. Б. Веронъ, владѣтель Монбизу, Энгувилъ и проч.

Вскорѣ узнали, что онъ подружился съ однимъ изъ эмигрантскихъ аристократическихъ домовъ, де-Мерадь. А какъ извѣстно было, что шевалье де-Мерадь и дочь его, тридцатилѣтняя дѣва Генриетта, были чрезвычайно горды и безпрестанно говорили о своихъ предкахъ, то изъ этого и заключили, что Веронъ представилъ Мераду доказательства въ своемъ дворянскомъ происхожденіи, хотя обстоятельства и принудили его занять торговлею. Другіе же утверждали, что всѣ доказательства состояли въ деньгахъ; что Веронъ хочетъ женить своего сына на дочери Мерада и даетъ новобрачнымъ 300,000 фр.

Евгеній Веронъ былъ прекрасный молодой человекъ, котораго весь городъ любилъ и уважалъ за душевныя его качества. Онъ ничего не вналъ о послѣднихъ городскихъ слухахъ, но однажды, когда ровно въ пять часовъ кончилась письменная работа въ конторѣ отца, тотъ со всегдашнимъ своимъ хладнокровіемъ обратился къ Евгенію и сказалъ ему:

— У меня есть важная для тебя новость, Евгеній. Я успѣлъ устранить всѣ препятствія аристократической гордости шевалье де-Мерада и бракъ твой съ дочерью его рѣшенъ наконецъ.

— Какъ! вскричалъ Евгеній съ изумленіемъ. Я долженъ жениться?

— Разумѣется, отвѣчалъ отецъ очень спокойно. Свадебный контрактъ уже составленъ—и въ понедѣльникъ будетъ торжественно подписанъ.

— Но, батюшка, дѣвица Мерадь пятью годами старѣе меня...

— Что за бѣда! Зато союзъ этотъ самый выгодный и почетный. Я нарочно не хотѣлъ говорить тебѣ о немъ, покуда еще были препятствія; но наконецъ я успѣлъ устранить ихъ. Я для васъ устраиваю Монбизу; это будетъ прекрасное мѣстопребываніе для новобрачныхъ.

— Но помилуйте, сказалъ Евгеній: дѣвица Мерадь мнѣ вовсе не нравится.

— И это не бѣда! Полно дурачиться, Евгеній. Я ужъ тебѣ сказалъ, что это дѣло кончено, и ты долженъ исполнить волю мою... Въ противномъ случаѣ... можешь на будущее время жить собственными средствами и не надѣяться на помощь мою при жизни, ни на наслѣдство послѣ смерти.

Послѣ этихъ словъ старикъ Веронъ взялъ шляпу и ушелъ.

Евгеній не смѣлъ ни остановить его, ни сказать ему слова въ отвѣтъ. Оставшись одинъ, онъ погрузился въ самыя печальныя мысли.

— Нѣтъ! вскричалъ онъ, уничтоженный приказаніемъ отца, которому неизбѣжно долженъ былъ повиноваться. Я не покину Аделину, батюшка пойметъ мои страданія. Нѣтъ!.. Но прежде всего надобно посоветоваться съ Эдуардомъ.

Въ минуту взбѣжалъ онъ нѣсколько ступенекъ вверхъ по лѣстницѣ, и очутился у брата Аделины, Эдуарда Леблана, перваго бухгалтера Вероновой конторы.

Въ короткихъ словахъ, но съ большимъ жаромъ разсказалъ Евгеній всю сцену съ отцемъ, и Эдуардъ душевно пожалѣлъ о разрушеніи всѣхъ надеждъ сестры, но сознавался, что онъ всегда предвидѣлъ сопротивленіе со стороны старика Верона. Надобно было однакоже сообщить печальное это извѣстіе Аделинѣ, и оба они отпра^{вились} на квартиру матери Эдуарда, жившей съ Аделиною въ Энгувилѣ.

Здѣсь Евгеній, увидя Аделину, забылъ, въ разговорахъ съ нею, зачѣмъ пришелъ, а если и вспомнилъ слова отца, то не рѣшался отравлять счастливыя минуты свиданія ужасною вѣстью. Зато Эдуардъ тотчасъ же увелъ мать въ другую комнату и все ей разсказалъ.

Это была умная женщина. Ей давно не нравились частыя посѣщенія Евгенія и любовь его къ ея дочери; но зная честныя правила молодого человѣка, она втайнѣ не отвергала возможности соединенія между ними—и допускала посѣщенія Евгенія. Только теперь почувствовала она все свое неблагоразуміе, и тотчасъ же, оставя Эдуарда, воротилась въ ту комнату, гдѣ сидѣли возлюбленные.

— Евгеній, — сказала она молодому человѣку: мнѣ нужно съ вамъ переговорить.

Онъ понялъ въ чемъ дѣло, и молча послѣдовалъ за нею въ другую комнату.

— Г. Веронъ! продолжала она. Я все знаю. Воля вашего родителя для меня священна. Съ этой же минуты должны вы прекратить всякое сношеніе съ Аделиною...

— Вы меня приводите въ отчаяніе, — отвѣчалъ онъ. Эдуардъ ска-
залъ вамъ о предположеніяхъ батюшки... но это несбыточный бракъ...
Клянусь вамъ, что я никогда не перестану любить Аделины.

— Не расточайте безполезныхъ клятвъ, г. Веронъ. Мы здѣсь играемъ не комедію. Я знаю свѣтъ давно, — и честь моей дочери должна быть чиста въ общественномъ мнѣніи. Вы должны будете повиноваться родителю, иначе и вы будете осуждены этимъ же мнѣніемъ. Аделина современемъ утѣшится... Отложимъ же всторону эти романы, и поговоримъ о существенности, которая гораздо опаснѣе и ужаснѣе. Эдуардъ открылъ мнѣ сейчасъ другую тайну. Вашъ батюшка даетъ вамъ довольно значительное содержаніе. Надѣясь на это, вы взяли на-дняхъ

изъ кассы у Эдуарда двѣ тысячи франковъ. Вы рассчитывали ихъ отдать до перваго числа, то-есть до повѣрки кассы. Еслибъ вы повиновались батюшкѣ, то безъ сомнѣнія онъ вамъ выдалъ бы вдесятеро больше на мелочные покупки жениха; но теперь онъ нарочно не дастъ вамъ ни одного франка, покуда вы не покоритесь. Слѣдовательно, вы къ первому числу не въ состояніи будете возвратить денегъ въ кассу. По этому Эдуардъ мой не только будетъ лишенъ мѣста, но и обезчещенъ приговоромъ суда.

— Ради Бога успокойтесь,—съ живостію сказалъ Евгений: это такая незначительная сумма, что я завтра же внесу ее.

— А откуда вы ее возьмете?..

— Признаюсь, еще не знаю,—но конечно всѣ мои знакомые...

— Всѣ они вѣрятъ кредиту и богатству вашего отца... Но я не хочу еще болѣе огорчать васъ. Прошу васъ только озаботиться прежде всего спасеніемъ Эдуарда... Вы знаете, что я съ дочерью буду завтра весь день у г-жи Карсонъ. Если вы достанете денегъ и пополните кассу, то прошу васъ зайти къ намъ туда и обрадовать меня... Теперь же позвольте съ вами проститься...

Евгений откланялся и хотѣлъ воротиться къ Аделинѣ.

— Нѣтъ, Г. Веронъ,—сказала мать. Прошу васъ съ нею уже не вѣдѣться. Это необходимо для ея спокойствія и чести.

На другое утро отецъ и сынъ сошлись за завтракомъ, но оба хранили молчаніе. отецъ былъ угрюмъ, сынъ не смѣлъ начать разговора. Послѣ завтрака отецъ спросилъ у Евгенія:

— Надумался ли ты со вчерашняго дня? Рѣшился ли повиноваться моей волѣ?

Евгений съ жаромъ выразилъ отцу всѣ свои чувства любви, преданности и покорности, но умолялъ спасти его отъ предлагаемаго брака, потому-что далъ уже слово и клятву принадлежать другой.

— Да! слышалъ! прервалъ его отецъ. Ты ухаживаешь, за сестрою бухгалтера моего Эдуарда. Но я думалъ, что это шутка. Неужели ты могъ думать, что я позволю тебѣ жениться на дочери какого-то убитаго подпоручика наполеоновской арміи?

— Поручика гвардіи, возразилъ Евгений.

— На дѣвушкѣ, прибавилъ отецъ, которая шьетъ и вышиваетъ за деньги.

— Развѣ трудолюбіе порокъ?

— Да я-то не хочу, чтобъ ты женился на нищей... Впрочемъ, чтобъ доказать тебѣ мое снисхожденіе, я не буду торопить тебя. Подумай, обсуди,—я подожду.

Сказавъ это, отецъ хотѣлъ идти, но Евгений остановилъ его.

— У меня къ вамъ есть просьба. Хоть я, какъ вы знаете, веду самую акуратную жизнь, но... я сдѣлалъ нѣкоторые долги... всего двѣ тысячи франковъ, которые мнѣ сегодня же должно заплатить...

— Двѣ тысячи!—медленно повторилъ отецъ, насмѣшливо глядя на Евгенія.—Хорошо! Пришли мнѣ счеты и тѣхъ людей, которымъ ты долженъ,—я заплачу.

— Но это не такой долгъ... я проигралъ... на честное слово...

— Въ такомъ случаѣ я тебѣ не могу помочь. Ты знаешь, я больше всего ненавижу игру и игроковъ. Прощай.

Съ этимъ словомъ онъ ушелъ, оставя Евгенія въ ужаснѣйшемъ положеніи. Онъ поутру посылалъ уже записки къ нѣкоторымъ своимъ знакомымъ, прося ихъ о ссудѣ двухъ тысячъ франковъ, но всѣ прислали отвѣты съ разными извиненіями. Съ отчаянія рѣшился онъ обратиться къ отцу—и тотъ отказалъ.

Отправясь въ контору, для всеневныхъ занятій, Евгеній сообщилъ Эдуарду о своихъ неудачныхъ попыткахъ, но старался однако же успокоить его, увѣряя, что достанетъ денегъ. Приходъ старика Верона прервалъ ихъ разговоръ. Веронъ по обыкновенію занялся бумагами и ничего не говорилъ ни съ нимъ, ни съ Эдуардомъ; но передъ выходомъ подозвалъ къ себѣ послѣдняго,—и съ принужденною ласковостію сказалъ ему:

— Г. Лебланъ! обстоятельства принуждаютъ меня отказать вамъ отъ службы въ моей конторѣ...

— Чѣмъ я заслужилъ эту немилость? — спросилъ съ изумленіемъ Эдуардъ.

— А какъ, по обычаю, я долженъ былъ предупредить васъ объ этомъ за мѣсяцъ впередъ, то вы и имѣете право на полученіе мѣсячнаго жалованья впередъ. Вы можете взять ихъ въ кассѣ, которую мнѣ сдадите завтра поутру.

— Но я смѣю повторить свой вопросъ: чѣмъ заслужилъ я?..

— Позвольте мнѣ не отдавать вамъ въ этомъ отчета. Но съ завтрашняго дня вы уже у меня не въ службѣ. Я даю вамъ мѣсячное жалованье и хорошій аттестатъ, надѣясь, что состояніе кассы въ исправности...

— Значить я погибъ! вскричалъ Эдуардъ.

Тутъ рассказалъ онъ Верону, что убѣжденный просьбами его сына, выдалъ ему изъ кассы двѣ тысячи франковъ, въ полной увѣренности, что до конца мѣсяца Евгеній внесетъ эту сумму.

— Да! вскричалъ Евгеній, бросающъ къ ногамъ отца. Это правда, и я одинъ во всемъ виноватъ.

Молча выслушалъ все это Веронъ, и хладнокровно отвѣчалъ Эдуарду.

— И такъ вы сознаетесь, г. Лебланъ, что обокрали меня на двѣ тысячи франковъ. Вы понимаете, что я не могу принять въ законное оправданіе просьбы моего сына... тѣмъ больше, что по знакомству его съ вашею сестрицею можетъ быть эти деньги ей же пошли на подарокъ. И такъ вотъ мое послѣднее рѣшеніе. Теперь пять часовъ. Чтoby

пополнить кассу, я вамъ даю сроку до семи часовъ. Послѣ этого требую предписаніе полиціи для взятія васъ подъ стражу, и завтра поутру, велю васъ отвести въ тюрьму...

— Батюшка! ради Бога! Чтò вы дѣлаете? въ совершенномъ отчаяніи вскричалъ Евгеній.

— Ты же, Евгеній, заставляешь меня быть строгимъ, отвѣчалъ отецъ. Ты же губишь своего друга. Я ему далъ до семи часовъ срокъ. Этотъ же срокъ даю я и тебѣ. Въ семь часовъ буду я въ соборной церкви, у вечерни, по случаю сегодняшняго праздника. Двадцать минутъ пробуду я въ церкви. Если ты согласишься повиноваться мнѣ, то приходи въ церковь и объяви мнѣ свое согласіе; тогда все останется между нами по старому. Если же не придешь, то Эдуардъ будетъ въ тюрьмѣ, а ты можешь искать самъ, чѣмъ жить на будущее время.

Послѣ этого старикъ ушелъ, а молодые люди рѣшились идти къ г-жѣ Карсонъ, у которой была мать Эдуарда и Аделина.

Г-жа Карсонъ была живая, красивая, тридцатилѣтняя вдова, содержавшая пирожную и конфектную лавку, которая всегда была наполнена посѣтителями, привлеченными веселою и откровенною любезностію хозяйки. Г-жа Карсонъ давно уже собиралась выйти замужъ за Эдуарда, который чувствовалъ къ ней большую склонность, но ей хотѣлось сперва нажить себѣ достаточный капиталъ, чтобъ прекратить торговлю.

Часто заѣзжалъ къ г-жѣ Карсонъ и старикъ Веронъ, полюбивъ ее живой и веселый разговоръ, а также вкусные пирожки ея. Началомъ ихъ знакомства было происшествіе, случившееся съ Верономъ. Торопясь однажды пѣшкомъ на биржу, въ гололедицу, онъ упалъ и такъ сильно ударился головою, что пришелъ въ безпамятство. Это случилось передъ лавкою г-жи Карсонъ. Та тотчасъ же велѣла внести его къ себѣ и послала за докторомъ; Верону пустили кровь, онъ пришелъ въ чувство и отвезенъ былъ домой. Врачъ объявилъ ему, что онъ спасеніемъ своимъ обязанъ заботливости г-жи Карсонъ, и съ-тѣхъ-поръ Веронъ часто заходилъ къ ней.

Къ ней-то явились Евгеній и Эдуардъ, найдя уже тамъ Аделину и мать ея. Всѣ четверо рассказали ей свое дѣло и несчастіе угрожающее Эдуарду. Къ общему изумленію, г-жа Карсонъ не только не была тронута и опечалена ихъ рассказомъ, но даже сдѣлалась веселѣе прежняго.

— Да онъ просто чудовище! вскричала она, говоря о старикѣ Веронѣ... Пойдите, я пойду къ нему и урѣзону его.

При этомъ она схватила шляпку, шаль, перчатки и хотѣла идти.

— Куда вы, любезная Эмилиа? спросила г-жа Лебланъ. Неужели вы въ-самомъ-дѣлѣ воображаете, что можете убѣдить этого гордаго и непреклоннаго человѣка?

— Почему знать? смѣясь отвѣчала г-жа Карсонъ. Я еще молода, недурна собою, умѣю болтать...

— Но на него не подѣйствуетъ ничто на свѣтѣ, прибавилъ Эдуардъ. Впрочемъ, говоря о своей красотѣ и любезности, вы не должны забывать, что вы моя невѣста.

— О! помню, очень хорошо помню, отвѣчала г-жа Карсонъ, а чтобъ не возбудить вашей ревности, я сейчасъ же отправлюсь на встрѣчу г-ну Верону скажу ему слова два... Прощайте! друзья мои и не унывайте. Я иду; надѣйтесь на Бога.

Она ушла; нѣсколько минутъ были все въ недоумѣніи.

— Что она хочетъ дѣлать? сказалъ Эдуардъ. Ужъ не намѣрена ли она заплатить за меня?

— Я не допущу до этого! вскричалъ Евгений.

— Вы не имѣете никакого права, сказала г-жа Лебланъ, препятствовать Эмили спасти моего сына и своего жениха. Я ей буду очень благодарна за такой великодушный поступокъ... Но, кажется, она не взяла съ собою денегъ... У нея что-нибудь другое въ головѣ...

— А вотъ это я сейчасъ узнаю, сказалъ Эдуардъ. Я пойду вслѣдъ за нею, и если не услышу ея разговора съ г. Верономъ, то увижу по лицамъ ихъ успѣхъ или неудачу ея намѣреній.

Черезъ нѣсколько минутъ догналъ онъ ее у входа въ церковь, и видѣлъ, какъ она встрѣтивъ старика въ толпѣ народа, тихо ударила его по плечу. Тотъ быстро обернулся и гордо посмотрѣлъ, кто такъ фамильярно потревожилъ его; видъ пирожницы вовсе не смягчилъ угрюмаго выраженія лица его. Г-жа Карсонъ наклонилась къ нему и шепнула ему нѣсколько словъ, но Веронъ отрицательно кивнулъ головою и отворотился отъ нея. Послѣ этого г-жа Карсонъ вторично еще ближе наклонилась къ нему и еще что-то шепнула. Но на этотъ разъ слова пирожницы какъ электрическимъ ударомъ потрясли старика. Онъ невольно вскочилъ и съ какимъ-то оцѣпенѣніемъ смотрѣлъ на нее.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія съ обѣихъ сторонъ, г-жа Карсонъ повелительно кивнула Верону, чтобъ онъ слѣдовалъ за нею, и тотъ въ ту же минуту повиновался. Хотя онъ и подалъ ей руку, но по нетвердымъ его шагамъ видно было, что не онъ ее, а она его ведетъ. Эдуардъ видѣлъ, какъ они вышли вмѣстѣ, сѣли въ карету Верона и уѣхали.

Эдуардъ побѣжалъ назадъ къ своей матери и рассказалъ тамъ все, что видѣлъ. Всеобщее недоумѣніе еще болѣе усилилось, но напрасно старались придумать разгадку этой сцены. Пробыло восемь, девять, десять часовъ; наконецъ, ко всеобщему изумленію подѣхала карета Верона, — и онъ вышелъ оттуда съ г-жею Карсонъ, а за ними одинъ извѣстный нотаріусъ съ нѣсколькими бумагами, которыя при входѣ въ комнату положилъ безъ церемоніи на столъ.

Черты лица Верона были самая разстроенныя. Походка его похожа была на походку лунатика, дѣйствующаго подъ вліяніемъ какой-то неподавленной силы. Даже г-жа Карсонъ была блѣдна и взволнована, но

впрочемъ сохранила всегдашнюю свою любезность, веселость и говорливость. Она первая нарушила всеобщее молчаніе.

— Вообразите себѣ, друзья мои, сказала она, обратясь къ прочимъ: какъ добръ и великодушень г. Веронъ. Онъ было подалъ объявленіе на какую-то ошибку въ его кассѣ, но потомъ вспомнилъ, что самъ взялъ изъ нея двѣ тысячи франковъ, не давши Эдуарду росписки, — и теперь пріѣхалъ извиниться передъ его семействомъ въ своей забывчивости и нанесенномъ безпокойствѣ.

— Да! — прибавилъ Веронъ: всѣ счеты совершенно вѣрны, — и я не понимаю, какъ могъ забыть... Извините меня, г. Лебланъ. Вы мнѣ окажете большое одолженіе, если останетесь моимъ бухгалтеромъ, съ прибавкою тысячи франковъ въ годъ жалованья.

Всѣ бросились благодарить его.

— Пойдите, — сказала г-жа Карсонъ: онъ вамъ готовитъ другой, пріятнѣйшій сюрпризъ. Прочтите, г. Бурдонъ, бумаги, которыя вы такъ скоро и прекрасно составили.

Нотаріусъ улыбнулся — и прочелъ свадебный контрактъ Евгенія Верона съ Аделиною Лебланъ, — съ тѣмъ, что въ день брака Евгеній получитъ въ свое собственное владѣніе Монбизу, съ 300,000 франковъ наличными деньгами, — и что съ этого дня торговый домъ Верона будетъ уже называться *Верона и сына*.

Когда чтеніе было кончено, г-жа Карсонъ подала старику Верону перо для подписанія контракта.

— Ваша подпись всего важнѣе, — сказала ова кокетливо, но съ нѣкоторымъ повелительнымъ видомъ: — такъ вамъ и начинать.

Со вздохомъ подписалъ тотъ контрактъ и приложилъ печать. Послѣ него г-жа Карсонъ подводила поочередно всѣхъ и заставляла подписываться подъ диктовку нотаріуса.

Когда вся формальная процедура кончилась, г-жа Карсонъ обратилась къ Верону и нотаріусу.

— Однако уже поздно, господа. Вы вѣрно торопитесь домой, отдохнуть. Мы васъ не станемъ задерживать. Для выраженій нашей благодарности г ну Верону будете еще много времени.

При этомъ подала она ему руку, которую тотъ съ учтивостію поцѣловалъ и ушелъ вмѣстѣ съ нотаріусомъ.

— Что все это значитъ? вскричалъ Евгеній, когда отецъ его ушелъ; мнѣ кажется, что все это во снѣ.

Всѣ пристали къ г-жѣ Карсонъ и просили ее растолковать тайну.

— Тутъ нѣтъ никакой тайны! сказала она, весело смѣясь. Вѣдь никто изъ васъ не пытался просить старика убѣдительно и краснорѣчиво, Я попробовала — и мнѣ удалось. Можетъ-быть, судьба наградила меня такою любезностію и краснорѣчіемъ, которымъ нельзя противиться.

Разумѣется никто этому не вѣрилъ. Евгеній сталъ разбирать оставленные нотаріусомъ бумаги и нашелъ еще вексель въ пятьдесятъ тысячъ на имя г-жи Карсонъ отъ г. Верона.

— А это что? — вскричалъ онъ.

— Это приданое Эдуарду, — отвѣчала Эмилія. Я призналась доброму

старика, что давно уже невѣста Эдуарда, но что наши финансы такъ плохи, что мы должны еще года два откладывать свадьбу, и г. Веронъ тотчасъ же объявилъ, что хочетъ видѣть обѣ свадьбы въ одинъ день.

Дѣйствительно, къ удивленію всего города, обѣ свадьбы празднованы были десять дней спустя. Г. Веронъ присутствовалъ при нихъ, но на другой же день переѣхалъ въ уединенный домъ за городомъ, передавъ все управленіе дѣлами своему сыну.

Каждый день почти навѣщали его обѣ четы—и старались любовью услужливостію, нѣжностію и попеченіями доказать ему свою благодарность. Старикъ принималъ эти выраженія съ признательностію, но по всему было видно, что какая-то тайна тяготитъ его. Онъ впалъ, въ глубокую задумчивость, которая черезъ годъ и свела его въ могилу. Смерть его сопровождалась угрызениями совѣсти и мученіями, которыя навели ужасъ на окружающихъ.

Въ завѣщаніи своемъ оставилъ онъ все своему сыну, назначивъ только г-жѣ Карсонъ еще пятьдесятъ тысячъ франковъ съ просьбою: *сохранить на всю жизнь обязанности, которыя она на себя приняла въ извѣстный ей роковой день.*

Скорая смерть Верона, это завѣщаніе, прежній его подарокъ г-жѣ Карсонъ,—все это возбудило въ народѣ разные слухи. Стали даже говорить, что онъ былъ отравленъ,—и генераль-прокуроръ принужденъ былъ произвести судебное слѣдствіе.

Оно открыло всю тайну.

Оказалось по документамъ, что старикъ Веронъ былъ сынъ значительной фамилии, поселившейся въ Вестъ-Индіи. Тамъ провелъ онъ свою молодость самымъ буйнымъ образомъ, и однажды въ ссорѣ умертвилъ одного изъ своихъ друзей. Онъ былъ взятъ, судимъ уголовнымъ судомъ и приговоренъ къ галерамъ, на которыхъ и пробылъ нѣсколько лѣтъ.

Однажды онъ успѣлъ бѣжать, и спасся на одномъ купеческомъ кораблѣ, гдѣ нанялся въ матросы. Приѣхавъ во Францію, онъ успѣлъ поступить въ торговый домъ и отличился честностію и усердіемъ. Началась революція. Онъ спасъ своего хозяина отъ демагоговъ, женился на его дочери,—и когда тестъ его умеръ, онъ переселился въ Гавръ, гдѣ завелъ собственный свой торговый домъ.

Остальное извѣстно.—Возвратимся къ разсказу и вспомнимъ сцену, когда Веронъ упалъ и безъ чувствъ внесенъ былъ въ жилище г-жи Карсонъ. Та была одна—и спѣшила подать ему всевозможную помощь. При этомъ вдругъ увидѣла она на плечѣ роковое клеймо галерныхъ невольниковъ, Т. F. (*travaux forcés*). Она поспѣшно закрыла это и никому не говорила.

Только въ ту минуту, какъ пришла хлопотать за Эдуарда и Евгенія, она, послѣ первой неудачной попытки, сказала Верону повелительно:

— Галерный невольникъ! иди за мною.

Веронъ съ ужасомъ повиновался. Онъ чувствовалъ, что отъ скромно-

сти этой женщины зависитъ вся его жизнь и честь. Но та торжественно клялась сохранить тайну по гробъ. Только судебное слѣдствіе вынудило ея признаніе, что не освободило, однакоже, Эмилию Карсонъ отъ заслуженнаго наказанія за необъявленіе правительству о преступникѣ, въ то самое время, когда она узнала объ этомъ.

Евгеній Вернонъ, принявъ фамилію своихъ предковъ, переселился съ Эдуардомъ въ Парижъ, гдѣ оба и основали одинъ торговый домъ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

І. ЖУРНАЛИСТИКА.

Лето и журналы.—Раздѣленіе литературы, необозначенное въ риторикахъ. — Вариантъ стиховъ Тредіаковскаго.—Последнее сказаніе рецензента русскихъ журналовъ.—*Библіотека для чтенія* за іюнь и іюль.—Лѣтнія и зимнія статьи.—Переводная критика.—Изыщный языкъ Литературной Лѣтописи.—Опечатки и этимологическіе выводы.—Романъ г. Масальскаго, печатающійся въ третій разъ.—Повѣсть *Кллінія*. — Великосвѣтскость, риторика и грамматика.—Новыя мысли госпожи Надежды В*, взятая изъ стараго источника.—*Габріель Эмилія Ожье* въ переводѣ г-на Крешева.—Слабые стихи и неточность перевода.—Сравненія съ подлинникомъ.—Какъ обращается г. Крешевъ со стихами Ожье. Желанія Библіотеки для чтенія.—*Современникъ* въ лѣтніе мѣсяцы.—Четвертая часть *Рыбакоевъ*.—Неправильность языка.—Стихи и проза г-на Полонскаго.—Латинская комедія, переведенная не по-русски.—Ученыя и критическія статьи.—Буква *ошпа*.—Смѣсь и Новый Поэтъ.—Старыя желанія.—Іюньская, іюльская и августовская книжки *Отечественныхъ Записокъ*.—*Марья Ивановна*, романъ г. Михайлова.—Различаютъ ли Отечественныя Записки дурные стихи отъ хорошихъ?—Рецензія поэмы г-жи Хвоцинской.—Серьёзныя статьи.—Журналъ учено-литературный и литературно ученый.—Старые писатели и новые журналы.

Іюнь! Іюль! мѣсяцы лѣтніе, мѣсяцы жаркіе, со свѣтлыми ночами, со свѣжимъ воздухомъ, съ загородными поѣздками, съ дачными вечерами, съ садовой музыкой, для иныхъ съ любовью и поэзіей, для другихъ съ преферансомъ на чистомъ воздухѣ, для нѣкоторыхъ съ флюсами и ревматизмами, съ пріятной лѣтнью для всѣхъ—а для журналистовъ въ особенности; мѣсяцы, богатые свѣжею зеленью и не совѣмъ свѣжими статейками въ журналахъ, обильные комарами и даровыми сотрудниками; мѣсяцы, въ которые въ головѣ развиваются новыя мысли, въ серд-

цѣ живыя, часто непрошенныя ощущенія, въ запасныхъ картонахъ редакцій статьи, отмѣченныя краснорѣчивою надписью: *для лѣта*. Журнальную литературу предлагалъ кто-то раздѣлить на *зимнюю и лѣтнюю*. Основанія этого дѣленія дѣйствительно весьма уважительны, гораздо уважительнѣе многихъ риторическихъ дѣлений. Въ шести книгахъ ежемѣсячныхъ журналовъ, лежащихъ передъ нами, мы находимъ много статей, которымъ самое учтивое названіе будетъ—*лѣтнія статьи*.

Принимаясь за обычный разборъ этихъ журналовъ, намъ невольно пришелъ на память вариантъ извѣстнаго четверостишія Тредіаковского:

О лѣто, лѣто, ты горяче
И мухами обильно паче,
Только тѣмъ ты не похвалю,
Что не журнально.

Не то, чтобы журналы наши не выходили лѣтомъ или черезъ-чуръ запаздывали,—нѣтъ: они выходятъ непремѣнно, запаздываютъ очень немного, но и на нихъ, какъ на всю природу, дѣйствуетъ какъ-то обаятельно это короткое лѣто, которымъ именно потому и хочется воспользоваться полнѣе, что оно такъ коротко. Мы сами не составляемъ исключенія въ этомъ правилѣ; даже нашъ Вѣстникъ, съ прошлаго года не пропускавшій ни одного мѣсяца, чтобъ не побесѣдовать съ читателями о русской журналистикѣ, въ іюлѣ удалялся въ луга, дачи, деревни, твердя: *o rus! quand te aspiciam*, и это лѣтнее бездѣйствіе такъ понравилось ему, что осиливъ свою лѣнь для этой книжки, онъ чувствуетъ, что не въ состояніи продолжать своихъ бесѣдъ. Поэтому, сходя на неопредѣленное время съ поприща журнальной критики, онъ передаетъ свою обязанность другому лицу, которое, конечно, не будетъ отвѣчать за наши мнѣнія, точно также, какъ и мы сами не будемъ отвѣчать за мнѣнія нашихъ преемниковъ.

И такъ —

Еще одно послѣднее сказанье,
И лѣтопись окончена моя!

Начнемъ съ самаго лѣтняго изъ нашихъ журналовъ, съ *Библиотеки для чтенія*. Кромѣ начала романа Корреръ Беля, *Вильеттъ*, пословицы Октава Фелье, неизвѣстно почему переименованнаго въ *Огюсты* и нѣсколькихъ мелкихъ статей въ Смѣси, всѣ остальные статьи іюньскаго и іюльскаго пумеровъ этого журнала—весьма лѣтнія. Въ-самомъ-дѣлѣ, для кого новы и любопытны двѣ статьи о Леопольдѣ Робертѣ, не знаменитомъ французскомъ живописцѣ, переведенныя изъ старыхъ

годовъ журнала *Revue des deux mondes*, статья объ атмосферической машинѣ Эриксона, нѣсколько разъ уже описанной во всѣхъ нашихъ журналахъ; музыкальный каталогъ старыхъ, никому не интересныхъ нотъ коллекціи Сантини, комедія какого-то Дугласа Джеральда: *Время творитъ чудеса*, написанная до того тяжелымъ языкомъ, что читать ее почти невозможно и переведенная слабо. Критика Ученыхъ Записокъ Академіи Наукъ очень суха, а разборъ романовъ Теккерера является очень поздно и должно быть переведенъ съ французскаго, судя по множеству галлицизмовъ и нерусскихъ фразъ и оборотовъ въ родѣ: «Человѣкъ, который смотритъ подъ поверхность предметовъ»; «у руки, одѣтой въ броню, для нанесенія ударовъ, была нѣжная ладонь для ласки». Не говоря уже о чисто-французской изысканности фразы, гдѣ это прочелъ авторъ статьи, что руки одѣваются въ броню? Чтò значитъ также слѣдующая фраза: «въ этихъ очеркахъ испорченнаго человѣчества многое беспокоитъ воображеніе, не вознаграждая ни того, ни другаго соразмѣрною пользою.» Чего это: *того и другаго*? Чтò за выраженіе также: «авторъ *выжигаетъ* на памяти читателя образъ этой женщины.» О мелкихъ промахахъ и странностяхъ въ родѣ приторныхъ *условностей*, пожалованія Бульвера въ геніи и проч., мы уже не говоримъ.

Литературная Лѣтопись написана не церемоннымъ языкомъ. На первой же страницѣ юньской лѣтописи находится слѣдующая фраза, которая должна быть очень пріятна для тѣхъ, кто пишетъ стихи. «Онъ не стихотворецъ и *соврать* не могъ». Далѣе говорится, что стихи для людей тринь-трава и что голова — инструментъ самый дрянной для сужденій и не для нихъ выдумана. Но всего изящнѣе слѣдующая фраза: «неужели всегда изъ *глазъ* и *носа* русской пѣсни должна сочиться сопливая влага?.. Подумаешь, что русскій Маріо и русская Гризи обязаны по положенію быть первые плаксы въ мірѣ и утопать въ безпредѣльномъ насморкѣ.» Можно бы также быть немного внимательнѣе къ корректурѣ этой Лѣтописи; ошибки, особенно въ стихахъ, не только искажаютъ смыслъ, но и вовсе отнимаютъ его. Такъ въ стихахъ г-на Афанасьева, вмѣсто слова *порохъ*, два раза напечатано *проходъ*, а слѣдующихъ двухъ стиховъ г. Ваненко мы даже вовсе не могли понять:

Ты отри, дѣвица, слезы:
Ты—для славы рождены.

Объ ошибкахъ въ прозѣ не говоримъ. На сорокъ-шестой страницѣ, въ первыхъ восьми строкахъ, нѣтъ ровно никакого смысла, отъ опечатокъ и перестановки строкъ. Хоть бы въ слѣдующихъ книгахъ редакція исправляла опечатки.

О странности литературныхъ, историческихъ и филологическихъ мнѣній Лѣтописи не говоримъ. Для любопытства читателей, приведемъ только, что въ Словѣ о полку Игоря критикъ производитъ слово *кметь* отъ нѣмецкаго *gemeth*, а въ выраженіи: *комони* ржутъ за Сулою, — слово *комонь* производитъ отъ латинскаго *communis*. Критикъ употребляетъ также слово *элоквенція*, вѣроятно, изъ уваженія къ памяти Василья Кириловича Тредяковскаго.

Изъ литературныхъ произведеній, въ двухъ лѣтнихъ книгахъ «Библиотеки для Чтенія» помѣщенъ конецъ романа *Сосѣдъ* и начало романа г. Масальскаго: *Лейтенантъ и поручикъ*. О первомъ мы не скажемъ ничего, на основаніи известной поговорки: *de mortuis aut bene aut nihil*; о второмъ можемъ сказать только, что онъ немножко опоздалъ явиться въ свѣтъ. Лѣтъ сорокъ и даже тридцать тому назадъ, онъ былъ бы очень хорошъ. Начать писать во-время большая заслуга, — кончить также. Кромѣ того, въ этихъ книгахъ помѣщена еще повѣсть *Княгиня* и пьеса *Габріель*.

Повѣсть *Княгиня* напечатана въ *Смѣси*, значитъ сама редакция не находитъ ее достойною занять мѣсто въ отдѣлѣ Словесности. Мы совершенно согласны въ этомъ случаѣ съ редакціею, но находимъ сверхъ-того, что и въ *Смѣсь* можно было бы не помѣщать этого разсказа, полного претензіями на великосвѣтскость, избитыми сентенціями, устарѣлыми характерами, неинтересными положеніями героевъ и героинь. Исторія начинается *за упокой*, смертью одного князя, послѣ котораго остается княгиня и двѣ княжны—героини повѣсти, хотя, неизвѣстно почему, повѣсть названа титуломъ ихъ матери. Изъ двухъ княженъ одна горда и задумчива, другая, по правиламъ старинныхъ риторикъ (см. главу о контрастахъ) жива и весела. Первая выходитъ замужъ по любви, вторая — для того, чтобы выйти замужъ. Этимъ оканчивается вся повѣсть, сочиненія госпожи Надежды В***, являвшейся уже однажды въ «Современникѣ» съ подобною же плохою повѣстью. Не понимаемъ, что хотѣлъ высказать авторъ этого разсказа, развѣ нѣсколько новыхъ блестящихъ мыслей въ родѣ слѣдующихъ:

«Любовь такое высокое чувство! Что можетъ быть общаго между любовью и деньгами!»

«Смерть разлучаетъ насъ съ милыми сердцу, разрываетъ священные узы.»

«Проходитъ годъ, другой—и прежнія впечатленія смѣняются новыми, время беретъ свое.»

«Никогда не цѣнимъ мы такъ дорого всего окружающаго насъ, какъ когда покидаемъ его.»

Послѣдняя мысль только, высказанная не совсѣмъ по-русски, показала намъ не очень новою. Тому давно, когда мы очень любили леденцы, попадался намъ на нихъ конфектный билетикъ, выразившій почти ту же мысль и такимъ же изящнымъ языкомъ:

Всѣхъ цѣну мы вещей тогда лишь познаваемъ,
Когда мы ихъ теряемъ.

Не споримъ, что госпожа Надежда В. могла не знать этого билетика. Въ исторіи литературы бывають случаи, что извѣстные писатели сходятся въ идеяхъ и часто даже въ выраженіяхъ.

Мы должны также остановиться на комедіи *Габріель* Эмиля Ожье, переведенной г. *Крешевымъ*. Ожье въ наше время лучшей писатель комедій въ стихахъ, *Габріель* — послѣ *Авантюристки*, — лучшая его комедія. Перевести звучный, гибкій стихъ Ожье — дѣло не легкое; онъ заслуживаетъ труда усерднаго, постоянного; его нельзя переводить съ плеча. Г. Крешевъ печаталъ стихи въ разныхъ журналахъ, и этотъ переводъ едва-ли не первый его большой трудъ, хотя г. Крешевъ не могъ сдѣлать этого труда ни серьезнымъ, ни заслуживающимъ благодарности. Переводчикъ, нанизавъ строка за строкою и закончивъ ихъ римами, болѣе или менѣе богатыми, вѣроятно счелъ, что этого довольно для перевода комедіи Ожье. Искренно жалѣемъ, что онъ ошибался въ этомъ случаѣ и что трудъ его пропалъ даромъ. Переводъ не даетъ никакаго понятія о пьесѣ Ожье, и переводчикъ, не вникая часто въ смыслъ французскаго стиха — еще чаще передаетъ его искаженнымъ русскимъ стихомъ. Съ самыхъ первыхъ стиховъ начинаются странности, неправильности, невѣрности, неясности, изысканности. Вотъ примѣры:

... Подъ ростъ укладывать семью моихъ тетрадокъ.

... Книга эта,

Въ которую мой умъ усердно такъ *попикъ*.

... Да, у меня всегда клонился къ лѣни умъ.

... Въ ломбардѣ у меня теперь до двадцати
Трехъ тысячъ, да еще десятокъ у Лашома.

(Какой это ломбардъ нашелъ переводчикъ въ Парижѣ и что за дѣло русскимъ читателямъ до какого-то *Лашома*, передѣланнаго впрочемъ для рифмы *дома* изъ французскаго *Lassusse*.)

... Изрядный капиталецъ!

Во мнѣній людскомъ съ нимъ выростешъ на палецъ.

... Когда стихаетъ день и облаковъ изгибы

Вспыхая, гаснуть, мы вдвоемъ на лугъ пошли бы;

Я на рукѣ его повисла-бъ нѣжно, онъ

*Замедляя бы шагъ вслѣдъ за моею льнью;
Мы предавались бы восторгамъ, упоенью,
Нашъ восхищенный взоръ блуждалъ бы въ синевѣ
Небесъ.*

Не говоря уже о неправильностяхъ языка, какъ все это блѣдно, слабо, старо въ сравненіи съ этими превосходными стихами подлинника:

*Nous partirions le soir, à cette heure sereine,
Où l'ombre et le silence ont apaisé la plaine,
Nous irions! Quel bonheur. Moi pendue à son bras,
Lui sur mon pas plus lent ralentissant son pas
Et tous deux, regardant tomber la nuit immense,
Nous nous enivrerions d'amour et de silence.*

Съ приходомъ дяди Жюльена съ женою, которую переводчикъ называетъ вездѣ, для удобства и рифмы — *Адриеннъ*, точно она мужчина, стихи дѣлаются еще неглаже. Такъ почтенный дядюшка говорить съ первыхъ словъ о садѣ племянника:

*Дельфины стерегутъ лещей на днѣ пруда,
Чай золотая въ немъ лежитъ еще руда.*

Не ясно ли, что всѣ эти несообразности подобраны только для рифмы? Жюльень также, отвѣчая, жертвуетъ для рифмы смысломъ:

*.... Легкая болѣзнь и ни по гранамъ
Пройдетъ, когда лечитъ порядочнымъ приданымъ.
.... Плотица, иногда спасающая взморье...*

Что это за извѣстіе? Тетушка, которой далеко за тридцать, говорить:

*И даже возрастъ мой не испѣляетъ зла, — и дажѣ:
За что не любишь ты Жюльена? Чѣмъ навлекъ
Онъ равнодушіе, и отчего поблекъ
Такъ скоро метеоръ твоей любви?..*

Вѣрно метеоръ цвѣтокъ, если можетъ поблекнуть. Габріель отвѣчаетъ теткѣ такими же плохими стихами:

*Вся жизнь его теперь шахматная доска,
Гдѣ я играю роль ничтожнаго квадрата,
Не больше, знаешь, такъ — для дополненья штата.*

Не говоря уже объ этомъ послѣднемъ весьма тривіальномъ стихѣ, переводчикъ вовсе не такъ передалъ даже смыслъ одного французскаго стиха, въ подлинникѣ замѣняющаго три русскихъ стиха:

Sa vie est un damier dont j'occupe une case.

Вообще вся эта превосходная сцена вовсе даже не переведена г. Крешевымъ, который замѣнилъ все это избитыми фразами, тяжелыми стихами, натянутыми рифмами. Отъ этого произошло, что характеръ Габріели вовсе не объясненъ въ переводѣ. Вѣроятно разговоръ этотъ показался длиннымъ Крешеву, а между-тѣмъ въ подлинникѣ стихи удивительные, начиная съ монолога:

. . . . Tout me manque á la fois, tout, jusqu'á l'habitude,
Ce triste bonheur fait de paresse et d'oubli,
Oú j'ai cru quelque tems mon coeur enseveli.
Je sens dans ma poitrine une fureur de vivre,
Une rebeillon qui m'effraie et m'enivre
Je voudrais... je ne sais, hélas, ce que je veux;
Mais rien de ce que j'ai ne satisfait mes voeux.

Весь этотъ разговоръ до послѣднихъ стиховъ Габріели:

Une vitre ternie a pu ternir le jour
Mais je crois á soleil et je crois á l'amour, —

вовсе не переведенъ.

Съ приходомъ героя пьесы, Стефана, разговоръ дѣлается еще неестественнѣе. Габріель спрашиваетъ:

Мосье Дарьо? Чтò доставляетъ намъ
Пріятность видѣть васъ?

Онъ отвѣчаетъ подъяческой прозой:

Чтобъ дать скорѣйшій ходъ письму,
Которое пришло поутру съ эстафетомъ (т. е. съ эстафетой)
За неимѣніемъ курьера за отвѣтомъ
Рѣшился я пріѣхать самъ...

По уходѣ его, Габріель говоритъ, что она держитъ себя строго, для того, чтобы Стефанъ не домогался сочувствія. Опять выпущено больше половины сцены. Жюльенъ, возвратившись со Стефаномъ, приглашаетъ его остаться обѣдать, говоря, разумѣется, для рифмы:

Обѣдайте у насъ: соль есть, да хлѣба корки,

а Стефанъ кладетъ шляпу, говоря: кладу оружіе, какъ-будто шляпа оружіе? Первое дѣйствіе оканчивается стихомъ Тампоне,

Продамъ я этихъ дамъ жестокимъ эпиграмамъ.

Ничего похожаго нѣтъ въ подлинникѣ. Стихъ этотъ вовсе не идетъ къ дѣлу и сочиненъ переводчикомъ только для рифмы.

Выписываемъ изъ слѣдующихъ актовъ еще нѣсколько стиховъ, поразившихъ насъ своимъ неизяществомъ. Всѣхъ промаховъ противъ языка привести невозможно :

. . . И вы посмѣли бы дать клятву, скрытый другъ.
 . . . Твой розанъ, Габріель, съ кошачьими когтями.
 . . . Я требую цвѣтокъ. У васъ въ рукахъ ему
 Припишутъ смыслъ, какого бъ не хотѣли
 Ни сами вы — ни я.

Далѣе, говоря объ этомъ цвѣткѣ, Стефанъ называетъ его :

. . . . . Сынъ зари, сотканный
 Изъ блеску пурпура и вешняго тепла!

и боится, чтобы имя Габріели — молва

Не тронула своимъ дыханьемъ знойнымъ.

Тампоне говорить :

Представьте: Адриеннъ не смыслить ни пикета,
 Ни экарте...

. . . Для мужа кладъ, когда забавы ищешь въ картѣ.
 . . . Ужъ лучше карты взять въ такую *солмопеку*.

Остальные лица выражаются также дико :

. . . Цвѣтущія весны остались ей въ наслѣдство.
 . . . Но молодыхъ людей къ чему жъ на скуку влечь.
 . . . Каковъ же вы игрокъ въ знакомыя-то игры,
 Да ваши выходы ужаснѣе, чѣмъ тигры.

. . . Пойдемъ, ты будешь намъ *отсчитывать* очки.
 . . . И вы не знали бы, что хоть единымъ словомъ
 Безстыдныя уста *задѣтъ* посмѣли васъ.

. . . Когда отецъ ея трудится, чтобы *жатвой*
Трудовъ томительныхъ судьбу ей *облегчить*,
 Я женщина могу одно: *стоять предъ клятвой*
Незыблемо.....

. . . Но мнѣ осталось одно избрать изъ двухъ:
Смѣхъ или слезы надъ подобнымъ подозрѣньемъ.
Двухъ разъ не обмануть: не слѣпъ я и не глухъ.

. . . . . Едва изъ колыбели
 Мой вышелъ разумъ и стоялъ безъ всякой цѣли.

. . . Прекрасно, сколько я *шутникъ* вашъ понялъ васъ
 . . . Снисходительность моя плохая *штора*.

. . . Такъ вы прикажете съ нимъ быть *фамиліарной*.
 . . . Тамъ не сотреть его талантовъ гордыхъ тѣнь,
 . . . Признайтесь для кого пылаетъ ваша страсть?

Адриенна выражается такъ:

Но гдѣ жъ характеръ твой? Какъ передъ вѣтромъ колосъ
Онъ, бѣдный, *зыблется*—и долго ли упасть?
Ты даже не могла любви *минутный голосъ*
Сдавить въ своей груди....

Что за языкъ, что за сраженія! Въ особенности заставляетъ улыбаться разговоръ Габріели со Стефаномъ. Онъ говоритъ:

.... Вступленье ваше грозно,
Какъ вулканическій предъ изверженемъ гулъ,
Что это, сонъ, кошмаръ ужасный?..
Не вѣрится ушамъ!..
Прощай, цвѣтокъ прощай! Неси тебя аефиръ!

Она говоритъ:

Судьба вамъ посылаетъ случай
Какого поискать. *Какъ дивный рядъ созвучій*
Слились въ немъ красота и умъ и капиталъ.
Хоть безкорыстны вы, но золото металлъ
Пріятный, на него не жалуются плечи.

Дальше есть вещи еще удивительнѣе: мозгъ, истрескавшійся какъ сума, ловить фантомъ за крылья и единый клейнодъ въ гнусную сѣть,— бархатный диванъ освѣжаетъ члены, Стефана избираютъ сосудомъ для скорби, жалкій земледѣль, разпадалъ личину, честь дрогнула какъ поблекшій листъ интригантъ — ужъ,

Который подъ пятой готовить зло проходимъ.

Я не гурманъ, голодъ—мыслямъ вредъ,

И у тебя во рту чуть курится Гаванна—

странный пассажъ, неколебимая любовь, и тысячи другихъ дивъ. Знаменитый разговоръ между Стефаномъ, Жюльеномъ и Габріелью перданъ уморительно. Стефанъ говоритъ:

Тамъ позабудемъ мы о ропотѣ людскомъ.
Туда мы скроемся и *черезъ голосъ пьны* (???)
Зловѣщая молва тамъ не коснется насъ.

Не даромъ Жюльенъ, сказавъ, «что онъ принялъ за мирру дымъ угарный», прибавляетъ:

Такъ растолкуйте же; надъ і поставьте точку.

Это совершенно справедливо по-французски, но можно ли переводить этотъ галлицизмъ?

Мы нарочно распространились объ этомъ жалкомъ переводѣ, изъ уваженія къ подлиннику и изъ уваженія къ русской поэзіи, съ которой такъ неперемонно поступаютъ въ наше время. Мы могли бы распространить наши выписки плохихъ стиховъ еще на столько же страницъ, но остановимся на этомъ, приведя въ заключеніе лучшей монологъ изъ перевода, чтобы читатель ознакомился съ нимъ вполне, а не по отдѣльнымъ стихамъ. Жюльенъ говоритъ:

.... Есть еще поэзія другая,
И нѣжный звукъ ея покуда не замолкъ,
Здоровье и покой въ сердца людей влагая:
То наслажденіе святой исполнить долгъ;
То *заполночный* трудъ, когда все сномъ обнято,
А ты надъ книгою сидишь себѣ *горбато*,
И освѣщаешь духъ, какъ влагой райскихъ струй,
Ребенку *полжизнь* на щеки поцѣлуй.
Оставимъ чахлаю любовь безъ всякой *скрыны*,
Для тѣхъ, которые упрямы или слѣпы
И вопреки всему, хотятъ во тмѣ блуждать.
Но мы въ свои дома *внесемъ*, какъ благодать
Подругу чистую, въ томъ твердомъ убѣжденьи,
Что древо доброе приноситъ добрый плодъ.
Вотъ гдѣ достоинство, вотъ жизни назначенье!
Единый вѣрный путь, какимъ изъ рода въ родъ
Онъ признанъ искони... А вы съ прямой дороги,
Лежащей *подъ рукой*, идете вкривь, гдѣ *ноги*
Исколеть камень. Другъ, одумайтесь! .

Въ этой водянистой тирадѣ есть нѣсколько не дурныхъ стиховъ, но можно ли такимъ образомъ перевести подобный подлинникъ:

Voilà certe une belle et vive poésie.
J'en sais une pourtant plus saine et mieux choisie,
Dont plus solidement un coeur d'homme est rempli.
C'est le contentement du devoir accompli,
C'est le travail aride et la nuit studieuse,
Tandis que la maison s'endort silencieuse,
Et que pour rafraichir son labeur échauffant,
On a tout près de soi le sommeil d'un enfant.
Laissons aus cerveaux creux ou bien aux égoistes
Ces désordres au fond si vides et si tristes,
Ces amours sans lien et dont l'impiété
A l'égal d'un malheur craint la fécondité.
Mais nous autres — soyons des pères: — c'est-à-dire,

Mettons dans nos maisons, comme un chaste sourire,
 Une compagne pure en tout et d'un tel prix,
 Qu'il soit bon d'en tirer les âmes de nos fils,
 Certains que d'une femme angélique et fidèle
 Il ne peut rien sortir que de noble comme elle.
 Voilà la dignité de la vie et son but!
 Tout le reste n'est rien que prélude et debut;
 Nous n'existons vraiment que par ces petits êtres,
 Qui dans tout notre coeur s'établissent en maîtres
 Qui prennent notre vie et ne s'en doutent pas,
 Et n'ont qu'à vivre heureux pour n'être point ingrats.
 Ah, mon ami, voilà la seule route à suivre
 La seule volupté, dont rien ne désenivre!
 Vous l'avez sous la main et vous la rebutez
 Pour courir les hazards et les calamités.
 Réfléchissez encore!..

Прощаясь съ «Библиотекой для Чтенія», пожелаемъ ей имѣть побольше уваженія къ русской поэзiи, обращать больше вниманія на русскую словесность и сдѣлать позанимательнѣе науки и критику. Смѣсь ея весьма интересна, хотя въ ней нѣтъ, къ сожалѣнiю, прежнихъ прекрасныхъ статей объ ученыхъ явленiяхъ и есть Иногородный Подписчикъ...

Перехода къ «Современнику», мы прежде всего остановимся на четвертой части *Рыбаковъ* Г. Григоровича. Къ сожалѣнiю, въ седьмой книгѣ, вмѣсто окончанiя ихъ, явилась повѣсть г. Полонскаго *Тифлискiя сакли*, интересная по мѣстному колориту; слабая по содержанiю, не оконченная, не объясненная. Въ пятой части *Рыбаковъ* авторъ описываетъ неутѣшительную картину семейной жизни Гришки и смерть Глѣба Савинова. Все это превосходныя, вѣрныя картины, полныя мысли и чувства. Къ сожалѣнiю, и въ этой части не обходится безъ неправильностей языка. Вотъ нѣсколько фразъ, которыя легко было исправить даже въ корректурѣ: «Дуня успѣла уже *опостынуть* ему». «Въ головѣ рыбака была *вострая, назойливая* мысль». «Какъ мало *соотвѣтствовало* парню настоящее его житъе». — «Надобно Гришкѣ *кипятиться* попусту». «Захаръ *знаменательно* подмигнуть глазомъ». «Мало ли положилъ онъ песку въ мое сердце». — «Легкая, пустая душа его вспыхивала такъ же быстро, какъ заженная солома, но за то скоро и потухала». Чтò за сравненiя! Подобныхъ мѣсть конечно немного въ повѣсти, но развѣ трудно было сдѣлать, чтобы ихъ и вовсе не было?

Комедiя Плавта *Стихъ*, весьма плохая въ подлинникѣ, переведена также очень плохо. Поминутно встрѣчаются выраженiя въ родѣ слѣдующихъ: жизнь *опостыляла* мнѣ; я еще *пуще* печалюсь; я знаю, какъ надобно быть женщиной, если она такова, какъ ей быть должно: чтобы

когда она идетъ по городу, такъ себя держала, чтобы никто не имѣлъ права дурно сказать объ ней (каковъ языкъ)! Что они тамъ прокла-
жаются; рыбакъ принесъ рыбу; ея *сослужитель* и проч. и проч. Не думаемъ, чтобы кто-нибудь понялъ что-нибудь изъ этой комедіи и этого перевода.

Переводныя статьи этихъ книгъ: романъ Бульвера и *Литературныя признанія* д'Израели—очень слабы; за то мы давно не читали въ этомъ журналѣ такихъ прекрасныхъ стиховъ, какъ *Весна* г. Полонскаго. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести это стихотвореніе:

Воротилась весна, воротилась!
Подъ окномъ я встрѣчаю весну.
Просыпаются силы земныя,
А усталаго клонить ко сну.

И напрасно черемухи запахъ
Мнѣ приносить ночной вѣтерокъ,
Я свжу и тружусь; сердце плачетъ,
А нужда задаетъ мнѣ урокъ.

Ты любовь — празднои жизни подруга —
Не сумѣла ужиться съ трудомъ.
Со слезами со мной ты простилась
И другимъ улыбнулась тайкомъ.

И лукаво подмазавши петли
У дверей, что нескромно скрипятъ,
Для другихъ засвѣтила лампаду
И окно занавѣсила въ садъ.

Изъ ученыхъ статей очень хороши въ этихъ нумерахъ: *Путешествіе по Польсю и Бѣлорусскому краю* (двѣ статьи) и въ Критикѣ: *Труды по части русскаго языка въ 1852 году*. Въ этой послѣдней статьѣ мы замѣтили только одну странную обмолвку. Говоря о буквѣ *о*, авторъ утверждаетъ что *омита* «пишется только въ иностранныхъ словахъ, гдѣ въ греческомъ *ο*, въ латинскомъ, французскомъ, англійскомъ *th*». Въ греческомъ и латинскомъ такъ, но не въ англійскомъ и французскомъ. Иначе *Théaulon Thibaudau* надо переводить Теолаонъ, Тибодо, а *Thackeray, Macbeth, Othello*, писать Токкерей, Макбетъ, Оелло.

Въ *Смѣси* хороши двѣ статьи г. Мельническаго: *Перевѣды по Россіи въ 1852 году*. Мелкія новости составляются очень хорошо. Замѣтки Новаго Поэта... но мы столько уже говорили о Новомъ Поэтѣ, что считаемъ излишнимъ повторять прежде сказанное. Желанія наши ему

извѣстны: побольше скромности, уваженія къ литературѣ и читателямъ, поменьше толковъ о самомъ себѣ и литературныхъ совѣтовъ. «Современнику» же пожелаемъ побольше любви къ искусству, дѣльной критики и поменьше плохихъ стиховъ. Словесность въ немъ почти всегда хороша.

Въ послѣднихъ книжкахъ *Отечественныхъ Записокъ* первое мѣсто принадлежитъ новому роману г. Михайлова: *Марья Ивановна*. Это очень замѣчательное произведеніе, хорошо задуманное, выполненное весьма удовлетворительно. Предметъ романа составляетъ неудачный бракъ. Безхарактерный человѣкъ женится на пустой дѣвушкѣ, изъ которой, при другихъ обстоятельствахъ и при другомъ мужѣ, можетъ-быть что нибудь и вышло бы, но изъ которой выходитъ дурная жена, оттого, что никто не заботится о томъ, чтобы сдѣлать ее хорошею. Подробности романа очень занимательны, характеры очерчены прекрасно; въ особенности хороша одна бойкая дама Анна Марковна. Петербургскій бытъ лицъ мелкаго общества обрисованъ очень вѣрно, слогъ автора гладокъ и безукоризненъ.

Превосходное стихотвореніе князя Вяземскаго: *Масляница на чужой сторонѣ*, перепечатанное почти во всѣхъ изданіяхъ, вѣроятно извѣстно уже всѣмъ русскимъ читателямъ. Выписываемъ изъ него послѣднюю строфу—перлъ всего стихотворенія:

Нѣмецъ къ мудрецамъ причислень,
 Нѣмецъ дока для всего,
 Нѣмецъ такъ глубокомыслень,
 Что провалишься въ него;
 Но по нашему покрою,
 Если нѣмца взять въ распахъ,
 А особенно зимою,
 Нѣмецъ, воля ваша, плохъ.

Не знаемъ, зачѣмъ послѣ такого превосходнаго стихотворенія помѣщенъ переводъ давно всѣмъ извѣстной *Жалобы дѣвушки* изъ Шиллера. Послѣ Жуковскаго не слѣдовало бы переводить этого стихотворенія, въ особенности такъ плохо, какъ сдѣлалъ это г. В. Л—нъ. Это странное помѣщеніе дурныхъ стиховъ подлѣ хорошихъ было уже замѣчено нами въ «Отечественныхъ Запискахъ» по поводу прекрасныхъ стиховъ Н. Д. Хвощинской, велѣдъ за которыми было помѣщено также очень слабое произведеніе неизвѣстнаго стихотворца. Неужели «Отечественныя Записки» не видятъ разницы между хорошими и дурными стихами, или помѣщаютъ тѣ и другіе для контраста? Даже въ оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній, и именно при разборѣ повѣсти въ стихахъ г-жи Хвощинской: *Деревенскій случай*, рецензентъ высказалъ очень странныя мнѣнія о неопредѣленности характера героя повѣсти, и о томъ,

что онъ въ началѣ разсказа не такъ поступаетъ и думаетъ, какъ въ концѣ. Спросимъ рецензента: неужели характеры другихъ, лучшихъ поэмъ русской литературы выдержаны болѣе, чѣмъ у г-жи Хвоцинской? Какъ объяснить онъ, напримѣръ, Овѣгина, пренебрегающаго чистою, наивною, любовью Татьяны и влюбляющагося въ княгиню? Много ли поэтического чувства въ характерѣ такого человѣка, который никогда не мѣняетъ своихъ чувствъ?.. Но рѣшеніе этого вопроса повело бы насъ слишкомъ далеко, а мы торопимся проститься съ нашими читателями.

Впрочемъ, что-же еще можемъ сказать мы объ «Отечественныхъ Запискахъ»? Что ученые статьи въ нихъ занимательны, какъ всегда. Мы можемъ только назвать ихъ: это вторая статья г. Галахова о *Жуковскомъ*, критическая статья г. Бунге: *Джонъ Ло, Разказы Провъжаго*, Небольсина, *Дмитрій Полиоркетъ*, П. Бабета, *Библиографическія замѣтки В. Гаевского, Владиміръ Лукинъ* г. Пыпина, *Дорожныя записки по Закавказскому краю*, г. Егорова и всѣ статьи по отдѣлу *Иностранной литературы*, которыхъ нынче однакоже помѣщается гораздо менѣе, чѣмъ прежде.

Мелкія новости наукъ, искусствъ и литературы и Петербургскія Замѣтки также очень интересны, кромѣ нѣкоторыхъ черезъ-чуръ специальныхъ извѣстій съ алгебраическими и химическими формулами, теоремами дифференціального и интегрального счисленія и другими *ученостями*, не всѣмъ доступными. Если мы пожелаемъ также что-нибудь *Отечественнымъ Запискамъ*, такъ только именно поменьше этой тяжелой учености. Конечно, и на оберткѣ «Отечественныхъ Записокъ» выставлено, что это *учено-литературный* журналъ. Сознаемся, что намъ было бы гораздо пріятнѣе, еслибы онъ былъ *литературно-ученымъ*, и мнѣніе наше, вѣроятно, раздѣлять всѣ читатели.

II. НОВЫЯ КНИГИ.

Кіевъ и его достопамятности. Соч. *Н. Семеновскаго*. Кіевъ. 1852. Въ Губернской типографіи. Въ 12-ю долю листа. 257 стр.

Книга эта, отпечатанная въ Кіевѣ передъ наступленіемъ текущаго года, только въ началѣ его появилась въ нѣкоторыхъ книжныхъ лавкахъ петербургскихъ, принимающихъ на себя трудъ выписывать изданія иногородныя; но, не скроемъ, цѣлое лѣто пролежала у насъ на шпесъ

• Въ главной конторѣ «Нантеона» и у книгопродавца Крашенинникова: 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к. сер.

менномъ столѣ; не разъ мы приступали къ чтенію ея, и не разъ, утомленные, принуждены были прерывать его, брали другую книгу, менѣе испытывающую терпѣніе читателя и рецензента. Наконецъ намъ удалось одолѣть произведеніе г. Сементовскаго, и все-таки мы не узнали вполнѣ ни древняго, ни настоящаго Кіева, пращура городовъ русскихъ, колыбели христіанства и государственнаго значенія отечества, — достопамятнаго мѣста, гдѣ нѣкогда св. Апостоль Андрей Первозванный водрузилъ крестъ спасенія и сказалъ ученикамъ своимъ: «Видите ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ воздвигнути имать!» Прошло около тысячелѣтія, и пророчество апостольское исполнилось. равноапостольный князь русскій низвергъ языческаго Перуна съ береговъ Днѣпра, и въ водахъ его крестилъ народъ свой; на горахъ придиѣпровскихъ возсіяла благодать Божія, возникъ великій, украшенный многими церквами городъ, лѣтописи котораго представляютъ незабвенныя страницы славы и бѣдствій народныхъ, въ стѣнахъ котораго заключено столько драгоценнаго для воспоминанія и созерцанія историческаго...

Какую любопытную, исполненную живѣйшей занимательности и высокой поучительности книгу могъ-бы составить о Кіевѣ писатель съ дарованіемъ, при пособіи множества матеріаловъ и личнаго изученія на мѣстѣ. Г. Сементовскій имѣлъ подъ рукою эти матеріалы, и не воспользовался ими достаточно, былъ на мѣстѣ, и многого не досмотрѣлъ, — по-крайней-мѣрѣ многое описалъ весьма неудовлетворительно. Отъ этого его описаніе Кіева съ достопамятностями вышло такъ-же мало удачно, какъ и прежнія сочиненія того же автора: въ той же мѣрѣ, если еще не болѣе, лишено послѣдовательности или системы, необдуманно въ составѣ внутреннемъ и не можетъ похвалиться привлекательностью внѣшняго исполненія, — языкъ неправильный, слогъ витіеватый и высокопарный, производящій самое непріятное впечатлѣніе на читателя, который желалъ бы въ разсказѣ художественной простоты и неподдѣльнаго одушевленія, отнюдь не замѣняемаго пышными возгласами и приторною умиленностью, не изъ глубины сердца, а изъ кудрявыхъ, темныхъ фразъ получающею свое искусственное начало...

Для какой цѣли составлена эта книга? — Чтобъ быть путеводителемъ при обзорѣнн кіевскихъ достопримѣчательностей? Но вы запутаетесь въ лабиринтѣ ея сложнаго и неяснаго изложенія, безпрестанно прерываемаго великолѣпнымъ изображеніемъ личныхъ впечатлѣній автора или его историческими воспоминаніями, заимствованными изъ разныхъ сочиненій. Чтобъ узнать Кіевъ, прежній и нынѣшній? Но давно уже существуютъ его описанія, къ которымъ авторъ не прибавляетъ

ничего новаго, имъ самимъ открытаго или изслѣдованнаго, вовсе почти не касаясь Кіева нынѣшняго, благоустроеннаго и красиваго. Чтобъ доставить читателю удовольствіе пересказываньемъ стараго, вѣмъ извѣстнаго? Но такое удовольствіе доставляется только пересказываньемъ искуснымъ, т. е. съ новой точки зрѣнія, и при условіи поэтическаго, оригинальнаго разсказа, замѣчательнаго истинными красотами краснорѣчія, живой, бойкою кистью, а книга г. Сементовскаго, какъ упомянуто выше, написана вообще дурно, крайне нуждается въ корректурѣ и всякаго рода поправкахъ... Такимъ-образомъ, почти совершенно бесполезная, неудобная для изученія предмета, для справокъ, она еще менѣе пригодна для развлеченія читателя. Въ тяжелой, неумолимой обязанности библиографической, едва ли найдутся терпѣливые охотники близко съ нею ознакомиться. Нѣсколько выписокъ, на выдержку, дадутъ о ней приблизительное понятіе.

«*Возлюбленный* сынъ св. Владиміра, *возлюбленный* за тихій нравъ и преданность Богу истинному, отправленъ былъ отцомъ съ войскомъ противъ печенѣговъ. *На* возвратномъ пути Борисъ, для краткаго отдыха, остановился лагеремъ на живописномъ берегу Альты. Нежданно извѣщаютъ Бориса, что *отецъ его десять дней прошло уже, какъ* отошелъ въ вѣчность. Горестная вѣсть эта для Бориса, (запятая?) подала поводъ къ безнорядкамъ въ войскѣ его. Предавшись отчаянію и слезамъ, онъ былъ оставленъ тѣлохранителями своими, на вѣрность которыхъ вполнѣ полагался. Два брата *только Урины* (,) Георгій и Моисей (,) не покинули его, но *раздѣляли* съ нимъ слезы (раздѣляютъ горесть, а не слезы) по великомъ князѣ; набожный Борисъ, сильно скорбя, прибѣгнулъ къ молитвѣ, и, съ вечера стоя на колѣняхъ, предъ образомъ Спасителя, молился е(Е)му. Къ утру, изнеможенный душевнымъ страданіемъ, лишившись силъ тѣлесныхъ, онъ *повалился* на постель. Въ это время подкупленные Святополкомъ убійцы, (запятая?) тайно подошли къ шатру Бориса...» (Стран. 6.)

Далѣе подробно разсказывается о погибели несчастнаго Бориса отъ руки этихъ убійцъ, — событія, извѣстномъ каждому ученику гимназіи, такъ краснорѣчиво и трогательно разсказанномъ въ Исторіи Государства Россійскаго, Карамзина (не говоря уже о другихъ историческихъ писателяхъ), и такъ неловко, безъ особенной надобности, повторяемомъ въ разсматриваемомъ сочиненіи. Въ немъ подобныхъ повтореній бездна. Авторъ не упускаетъ ни малѣйшаго случая или повода, въ видѣ размышленій о судьбахъ Кіева и прилежащихъ къ нему мѣстностей, по-завистствовать кое-что изъ той или другой книги и разсказать это *своими словами*, большею-частью весьма неудачно, — безпрестанно, почти на каждой страницѣ, именуя Кіевъ то *златоверхимъ*, то *въ-*

ковичнымъ, и непрерывно распространяясь передъ читателемъ о своей личной набожности—свойство, достойное впрочемъ высокаго уваженія: но истинное, смиренное благочестіе изливается не въ кудрявыхъ фразахъ и громкихъ возгласахъ, чему представляютъ доказательство и образецъ творенія А. Н. Муравьева и книга графа Н. В. Адлерберга: «Изъ Рима въ Иерусалимъ», о которой недавно говорено было нами въ «Пантеонѣ».

.. «Быть-можетъ кievское поселеніе *Казаръ* была малая колонія *Казаръ*, обитавшихъ у *пороговъ днѣпровскихъ*, впоследствии *принявшихъ* проименованіе *запорожскихъ казаковъ*...» (Стр. 57.)

Изволите ли видѣть, какая странность: *пороги* приняли названіе *казаковъ*? Авторъ очевидно хотѣлъ сказать не то. Съ такою точностью выраженія и постройкою фразъ написана вся книга. Вотъ еще, рядомъ, на слѣдующей (58-й) страницѣ, нѣсколько строкъ, безъ знаковъ прерыванія: «Безъ сомнѣнія каждый шагъ отъ жилища моего къ *Копыреву концу событія* давно минувшихъ вѣковъ ознаменовали чѣмъ-либо достопримѣчательнымъ».

Вмѣсто того, чтобъ предлагать читателямъ ясныя и положительныя указанія, авторъ гораздо охотнѣе—да оно и легче—становится на риторическія ходули, то и дѣло прибѣгая къ напыщенностямъ мнимо-высокаго слога, въ родѣ слѣдующей:

«Одинъ только Днѣпръ, *величественный Днѣпръ*, этотъ *спдой старикъ*, катящій среди *зеленыхъ* береговъ свои *серебристыя* волны, по которымъ неслись къ Византіи ладьи вѣщаго Олега, Игоря и Святослава, и который слушалъ пѣсни Баяна, Днѣпръ, поглотившій въ безднѣ своей цстукановъ кievскихъ и омывшій языческое нечестіе Руси, Днѣпръ—нашъ русскій Иорданъ (сравненіе счастливое, но, помнит-ся, оно принадлежитъ другому писателю), *течетъ и нынѣ, какъ текъ и прежде* (кто-жъ въ этомъ сомнѣвается?), у горъ кievскихъ и не считаетъ столѣтій, не оглядывается на давноминувшее, катя безвозвратныя волны свои въ море, какъ катятся предъ Кіевомъ *горы* (не годы ли) и столѣтія въ вѣчность. *Для одного Днѣпра нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго* (помилуйте! отчего-же такъ? Вы сами сейчасъ перечислили его достопамятное прошедшее). *Онъ все одинъ* свидѣтель тысячелѣтней судьбы Кіева; но плескъ волнъ его, которымъ, можетъ-быть, онъ передаетъ повѣсть временъ протекшихъ, понятенъ однимъ Баянамъ» (стран. 83).

Вотъ, въ заключеніе, еще два интересныя мѣста:

«Въ китайской бесѣдкѣ, въ числѣ знакомыхъ, печально встрѣтилъ я двухъ моихъ лицейскихъ товарищей (,) князя Б. и знакомаго намъ

по повѣстямъ и стихамъ Чужбинскаго (во избѣжаніе двоясмыслія, слѣдовало сказать по-русски: «и Чужбинскаго, знакомаго намъ по стихамъ и повѣстямъ его»). Они меня узнали. Полился разговоръ, начались воспоминанія давно умчавшейся юности (.) и я вмѣстѣ съ ними увлекся, да какъ было и не *увлечься* (т. е. *увлечься*). Картина юности въ воображеніи и картина чарующей природы предъ очами. Какихъ увлеченій нужно болѣе для сердца человѣческаго? Мы припомнили всѣхъ нашихъ знаменитыхъ совоспитанниковъ нѣжинской гимназіи (лицей нынѣ); почтили памятью отошедшихъ (то-есть отшедшихъ) *въ путь всяя земли*, по слову Пророка Давида, В. О. Домбровскаго—бывшаго профессора кіевскаго университета, Е. П. Гребенку, Н. В. Гоголя, еще тогда мы не предвидѣли его ранней кончины. Вспомнили о *первомъ нынѣ нѣшемъ литераторѣ* Н. В. Кукольникѣ, Рѣдкинѣ, Базиліи, Романовичѣ и о *многихъ* (?) другихъ воспитанникахъ гимназій, имена коихъ записали лѣтописи отечественной литературы. Много, весьма много передали мы другъ-другу разсказовъ изъ частной жизни этихъ *знаменитыхъ* нашихъ *литераторовъ*, *которые* могли бы служить прекраснымъ пополненіемъ ихъ біографіи» (стр. 181). *Литераторы*, *которые* могли бы служить прекраснымъ пополненіемъ собственныхъ біографій?! Что это такое? Можно ли такъ неправильно писать для печати, въ то же время раздавая безусловно эпитеты *знаменитыхъ* гг. Рѣдкину, Базиліи, Романовичу и *многимъ* другимъ, по выраженію автора, который такъ благосклонно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшительно, подноситъ титулъ «перваго нынѣ литератора нашего» г. Кукольнику, по извѣстной скромности своей, безъ-сомнѣнія, чуждающемуся такихъ льстивыхъ привѣтствій. Г. Сементовскій, вѣроятно, не подумалъ, какъ трудно и щекотливо въ литературѣ, въ спорномъ дѣлѣ искусства, опредѣлять мѣста первыхъ, вторыхъ и послѣднихъ. Ни Державинъ и Карамзинъ, ни Пушкинъ и Жуковскій никогда не предъявляли правъ своихъ на первенство, и разборчивые современники не высказывали объ этихъ истинно-знаменитыхъ писателяхъ сравнительнаго мнѣнія, принадлежащаго потомству. Еще недавно, не далѣе какъ въ іюльской книжкѣ «Пантеона», привели мы выписку изъ разсужденія «Новаго-Поэта» по вопросу о дѣйствительномъ значеніи разнородныхъ произведеній автора «Торквата Тасса», возбуждавшихъ и возбуждающихъ различныя, нерѣдко совершенно противоположныя приговоры критики,—и г. Сементовскому, литератору молодому, весьма малозвѣстному, по поводу случайной встрѣчи съ совоспитанниками своими, казалось бы, не слѣдовало произвольно раздавать кому бы то ни было вѣнки и эпитеты.

Другое мѣсто такого содержанія:

«Я посѣтилъ это заведеніе (искусственныхъ минеральныхъ водъ въ Кіевѣ), и мысленно сравнивалъ его съ такимъ же заведеніемъ, существующимъ въ Новой-деревнѣ, близъ С.-Петербурга, гдѣ *несравненный* Излеръ даетъ свои *празднества*, которыя присутствующаго на нихъ поневолѣ заставляютъ забыть скуку и все, что тяготитъ сердце» (стр. 187). «Отъ высокаго до смѣшнаго одинъ шагъ!» — сказано не нами. Постоянно говоря о предметахъ серьезныхъ и важныхъ, г. Семеновскій вдругъ, и такъ неумѣстно-патетически, переходитъ къ *несравненному* Излеру.

Почти вся разбираемая книга посвящена глубокой старинѣ и древностямъ кievскимъ. Частенько, съ какою-то особенною любовью, толкуя о трехъ братьяхъ, Кіѣ, Щекѣ и Хоревѣ, и сестрѣ ихъ, Лыбеди, о которыхъ, разумѣется, нельзя сказать ничего достовѣрнаго, авторъ очень мало занимается новымъ, настоящимъ Кіевомъ, и мы, чтобъ пополнить этотъ существенный недостатокъ въ сочиненіи г. Семеновскаго, позволяемъ себѣ украсить нашу статью сжатымъ, но весьма удовлетворительнымъ очеркомъ, помѣщеннымъ въ фельетонѣ одной петербургской газеты:

«Лѣтъ двадцать пять тому, нынѣшня лучшая часть города была подъ липовымъ лѣсомъ, воспоминаніе о которомъ осталось лишь въ одномъ названіи *Липокъ*. Каменные дома, за исключеніемъ Подола, были на перечесть. Крещатику и новое строеніе рисовались совершенными пустырями, а дорога изъ Лавры на Старый-Кіевъ не совсѣмъ, какъ говорятъ, была безопасна въ ночное время. Нынѣ Кіевъ совсѣмъ не тотъ! Постоялые дома и корчмы вытѣснены отелями подъ фирмами европейскихъ столицъ, городъ раскинулся на всемъ пространствѣ отъ Днѣпра до Лыбеди, перерѣзанъ бульварами и проспектами, украшенъ множествомъ площадей, фонтанами и памятниками старины, добытыми изъ-подъ земли, застраивается домами, спорящими, по своей громадности, съ столичными. Словомъ—городъ принялъ фizioномію, приличную городу.

«Въ настоящее время характеристика народонаселенія Кіева обуславливается топографіею города. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ Кіевѣ каждая его часть составляетъ отдѣльный городъ, съ особыми: составомъ населенія, правами, образомъ жизни и занятіями. Липки—аристократическая часть города, есть въ миниатюрѣ дворцовая набережная Петербурга, Арбатъ и Тверская Москвы; здѣсь проживаютъ: генераль-губернаторъ высшіе чины военной и гражданской администраціи и богатые помѣщики. Печерская часть болѣе всего сходства имѣетъ съ Выборгскою и Петербургскою Сторонами, но тоже въ маломъ масштабѣ. Нынѣ вся

эта часть вошла въ черту крѣпостныхъ верковъ; жители ея болѣе и болѣе выселяются въ другія части города, а остающееся населеніе состоитъ изъ служащихъ въ управленіяхъ: артилерійскомъ, инженерномъ и госпитальномъ, и изъ чиповниковъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Здѣсь всё почти строенія деревянныя; имъ опредѣлено время сломки, и воспрещены всякія починки. Все это вмѣстѣ придаетъ Печерской части единообразный видъ стараго, полуразрушеннаго города. — Крещатикъ—одна широкая улица, слабо напоминающая собою Невскій-проспектъ и Кузнецкій-мостъ, наполненъ магазинами, заселенъ ремесленниками и быстро застраивается трехъ этажными домами. Какъ единственная длинная и ровная въ городѣ улица, Крещатикъ, особенно въ зимнее время, посѣщается гуляющими пѣшкомъ и въ экипажахъ; лѣтомъ эта улица несносна по своей пыли. Часть Кіева, гдѣ прекрасно рисуются университетъ Св. Владиміра и Кадетскій-корпусъ, хотя и недавно введена въ черту города, но застроена красивыми, въ одинъ и въ два этажа, домами профессоровъ и ученыхъ — это Quartier Latin Кіева.—Собственно Старый Кіевъ есть древній городъ Св. Владиміра и Ярослава, съ его развалинами, историческими урочищами, древними зданіями и земляными окопами, изъ коихъ второй по древности, Ярославъ валъ, нынѣ срывается. За исключеніемъ каменныхъ церквей, возведенныхъ на древнихъ фундаментахъ, дома этой части не велики, деревянные и наиболѣе принадлежать бѣлому духовенству. Старый Кіевъ ожидаетъ своего преобразованія. И современемъ, когда проектъ устройства присутственныхъ мѣстъ на площади между Михайловскимъ-монастыремъ и Софійскимъ кафедральнымъ соборомъ будетъ исполненъ, старый Кіевъ сдѣлается административною частію города, и тогда, конечно, приметъ болѣе опредѣленную фizioномію. Прочія двѣ части Кіева, Подоль и новое строеніе, имѣютъ также свое тишическое различіе: первая населена купечествомъ, богата, хорошо застроена и ведетъ оптовую торговлю, во второй живутъ бѣдные мѣщане, ремесленники и мелочные торговцы, въ небольшихъ деревянныхъ домикахъ.» (*Русской Инвалидъ*, 1853 г. № 51.)

руссков стихосложеніе, *П. Перевадльскаго*, изданіе третье, значительно доподненное и исправленное. Спб. 1853 г. Въ типографіи Эдуарда Веймара. Въ 12-ю д. л. IV и 75-стран. *

Третье, въ непродолжительное время, изданіе этой красиво и весьма

* Въ главной конторѣ «Пантеона» и у книгопродавца П. А. Ратькова: 40 к., съ пересылк., 65 к. сер.

исправно-напечатанной книжки доказываетъ, что она достигаетъ своей цѣли—служить хорошимъ пособіемъ для преподавателей, полезнымъ руководствомъ для учащихся и небезполезнымъ совѣтникомъ для переставшихъ уже учиться стихотворцевъ, которые не всегда успѣшно справляются съ хитростями и тонкостями версификаціи. Многочисленные и нерѣдко несовсѣмъ-удобонятныя теоретическія правила ся—г. Перевлѣскій постоянно уясняетъ и подтверждаетъ примѣрами, счастливо и съ твердымъ, полнымъ знаніемъ дѣла, выбранными изъ лучшихъ поэтовъ нашихъ: Державина, Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова. Приведены образцы и изъ другихъ менѣе знаменитыхъ или извѣстныхъ. Такъ, напримѣръ, на стран. 63 — 65, цѣликомъ помѣщены стансы Корсова: «Сельская жизнь», начинающіяся куплетомъ:

Блаженъ, кто мирно обитаетъ
Въ завѣтномъ прадѣдовъ селѣ,
И отъ проѣзжихъ только знаетъ
О бѣлокаменной Москвѣ...

—

ПЛАНЫ С.-ПЕТЕРБУРГА, составленные *Н. Цыловымъ*. Спб., 1853. Въ типографіи штаба отдѣльн. корпуса внутрен. стражи. Въ 4-ю д. листа *.

Художественная тетрадь эта, изданная въ воспоминаніе начального основанія Петербурга, 16 мая 1703 года, и совершившагося минушею весною полуторастолѣтія существованія столицы, открывается превосходно исполненными, въ литографіи гл. упр. пут. сообщ. и публичн. здан., портретами безсмертнаго основателя Петербурга и благополучно царствующаго Государя Императора; затѣмъ слѣдуютъ изящныя, въ томъ-же заведеніи литографированныя, изображенія: памятниковъ Петру Великому и Александру Благословенному; собора св. Исаакія Далматскаго; домика Петра I на Петербургской-сторонѣ, въ первоначальномъ его видѣ, и Благовѣщенскаго чрезъ рѣку Неву моста, съ подписью:

Великій Петръ, плѣнясь Невую,
Сказалъ: «Я градъ мой здѣсь устрою!»
Но волнъ широкихъ сжать не могъ.
Его Потомокъ, Царь могучій,
Пробилъ гранитомъ вазъ могучій —
И мостъ чугунный дивно легъ!

* Въ главной конторѣ Пантеона: 10 р., съ пересылк. 11 руб. сер.

и наконецъ помѣщены, въ послѣдовательномъ порядкѣ, планы С.-Петербурга въ 1700 (прежней пустынной мѣстности), 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годахъ, съ приложеніемъ въ концѣ плановъ нынѣшнихъ 13-ти Частей столицы. Къ каждому плану присоединено подробное изъясненіе, такъ-что легко видишь постепенное возростаніе и настоящее блистательное ея благоустройство.

Опытный маляръ, или полное наставленіе въ малярномъ дѣлѣ, показывающее свойство малярныхъ матеріаловъ, способы окраски и обклейки поверхностей, со включеніемъ смѣтъ по этому *производству*, доставляющее возможность *производить* всѣ малярныя работы безъ пособія маляра и архитектора; съ приложеніемъ литограф(ф)ированнаго рисунка, составленное, для сельскихъ хозяевъ и домовладѣльцевъ, *Н. Матвѣевскимъ*. Спб., 1853. Въ типогр. Мин. Госуд. Имущ. Въ 8-ю д. л. 76 стран. *

Подробное заглавіе этой брошюры избавляетъ насъ отъ труда распространяться о ея содержаніи и ожидаемой отъ нея авторомъ пользѣ — не малярамъ, которыхъ пособіе, по мнѣнію его, уже излишне, а сельскимъ хозяевамъ и домовладѣльцамъ. Специальное руководство это составлено систематически и сопровождается ученымъ предисловіемъ, съ объясненіемъ, что «потребность въ малярномъ дѣлѣ чувствовали древнѣйшіе народы», фригійцы, вавилоняне, что оно процвѣтало и ранѣе — у египтянъ и во времена Моисея. Вѣроятно, полезная брошюра г. Матвѣевского не приобрѣла еще достаточной извѣстности, потому-что, въ-теченіе нынѣшняго лѣта, маляры, попрежнему, не оставались безъ работы въ Петербургѣ; зато сельскіе хозяева, безъ-сомнѣнія, не примнутъ воспользоваться предлагаемымъ наставленіемъ. Обертка чистенько-изданной брошюры украшена приличными предмету виньетками.

Таблицы для вычисленія процентовъ, отъ одного дня до ста лѣтъ по 4%, 5% и 1%, составленныя *А. Ерз-Енциемъ*. Изданіе второе, вновь передѣланное и дополненное. Спб., 1853. Въ типографіи Э. Веймара. Въ 16-ю д. л. LXI и 359 стран.**

Это новое изданіе драгоценныхъ таблицъ отличается отъ перваго

* Въ главной конторѣ «Пантеона»: 1., съ пересылкою 1 руб. 25 коп. сер.

** Тамъ же: 75 к., съ пересылкою 1 р. сер.

болѣе удобною формою и четкимъ крупнымъ шрифтомъ; сверхъ-того къ нему присоединено подробное наставленіе съ примѣромъ ихъ употребленія. Для капиталистовъ и людей исключительно-практическихъ, книжка г. Ерѣ-Енца, конечно, важнѣе всевозможныхъ исторій, романовъ и поэмъ...

Для нихъ первѣйшій идеалъ,
 Души прямое наслажденье,
 Когда процентовъ наращенье
 Составитъ новый капиталъ.
 А вамъ, мечтатели—поэты,
 Нажива—слава, сущій вздоръ,
 Или, на днѣ суровой Леты,
 Потомства строгій приговоръ!..

III. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Фельетонъ въ повѣсти и романъ въ фельетонѣ. — Лабринтъ отдаленныхъ дачъ. — Соловей-чирероне. — Отцвѣтшій холостякъ и цвѣтущій семьянинъ. — Короткое возобновленіе стараго знакомства или тѣсная дружба по поводу любви. — Три граціи и будущій новый Лафонтенъ. — Ходячая афиша или всевѣдущій рассказчикъ. — Голландецъ изъ Америки и сочинитель оперы изъ манежа. — Тулонская дѣвочка и новая таинственная сила природы, неразгаданнѣе извѣстнаго круженія столовъ. — Фогельсбергъ, Абботсфордъ и Босфордъ. — Веселье не безъ добраго дѣла. — Виолончель и красавецъ. — Патетическое начало романа на минеральныхъ водахъ въ бутылкахъ. — Незнакомые влюбленные или свѣа магнетизма глазъ. — *Четыре времени года*. — Неудачная поѣздка и обманутое ожиданіе. — *Кабъ* и новая комета. — Последніе дни провинціала въ Петербургѣ. — Праздникъ въ новомъ родѣ, не старій ладъ. — Подражанія и совѣстничество. — Опять *онъ* или безмольная встрѣча двухъ героевъ романа, не-соперниковъ. — Отъѣздъ и разлука. — Еще разъ *онъ*, и всѣ въ разныя стороны. — Развязка поневолю и неизвѣстное будущее.

Въ нѣкоторыхъ окрестностяхъ Петербурга, менѣе общеизвѣстныхъ, застроенныхъ полусельскими, полугородскими домиками, не такъ-то легко отыскать дачу или пріютъ, гдѣ поселился вашъ добрый знакомый, котораго вы желаете посѣтить по дѣлу ли, по приглашенію, а можетъ-быть, и просто для разнообразія вашихъ лѣтнихъ развлеченій. — Здѣсь, говорятъ вамъ:—обогните уголъ; сперва поверните направо, потомъ налево, дальше идите все прямо, и «упретесь» въ сѣренькій домикъ. — Кажется, вы въ точности послѣдовали этому указанію, не перемѣшали сторону, то-есть, вмѣсто правой, не повернули влево, и на оборотъ, — дѣйствительно уперлись въ сѣренькій домикъ; но оказывается, тутъ живетъ Кондратій Васильевичъ, а вамъ надобно Ивана Петровича, и всѣ соседнія дачки сѣренькія, какъ родныя сестры въ степенномъ возрастѣ. Какой-то обязательный прохожій, въ коричневомъ пальто и соло-

менной фуражкѣ, снабжаетъ васъ новымъ изустнымъ маршрутомъ, произнесеннымъ очень бѣгло, скороговоркой; вы не довольно его поняли, и попали, разумѣется, опять не туда. Передъ вами большая дача, окруженная мѣньшими: это флигели, отдѣленія ея, принадлежащія одному и тому же хозяину, населенныя разными жильцами.—Иванъ Петровичъ? повторяетъ повстрѣчавшійся вамъ босой мальчишка, и немного подумавъ, рѣшительно прибавляетъ:—тутъ, вонъ позади *той*, сѣренькая, — сопровождая слова свои мимикой и движеніемъ грязныхъ рукъ. Пробираетесь за *ту*; на крылечкѣ «сѣренькой» сидитъ престрогая пожилая дама, оглядывающая васъ съ тупымъ недоумѣніемъ, между-тѣмъ какъ изъ окошка, уставленнаго дешевыми цвѣтами, выставляется бѣлокурая головка, видимо исполненная любопытства и выражающая пріятное ожиданіе: «не къ намъ ли это, наконецъ, толкнулся кто-то?» Убѣдясь, что снова ошибся, досадующій странникъ, не позволяющій себѣ распрашивать суровую старушку, медленно возвращается на дорожку, которая привела его къ этимъ совершенно чуждымъ ему особамъ. Вотъ онъ въ какой-то неправильной аллеѣ, пересѣкаемой другими подобными дорожками, путями, теряющимся у сѣренькихъ, желтенькихъ, лиловыхъ домиковъ съ красными или зелеными крышами, разбросанныхъ въ закоулкахъ, переулкахъ, затканыхъ садами, садиками, палисадниками, огражденныхъ заборами, болѣе или менѣе высокими, плотными или полупрозрачными, изъ частокола, ветхими и подновленными. Дворниковъ не видать, новые случайные прохожіе или отвѣчаютъ: «не знаемъ», или надѣляются свѣдѣніями сбивчивыми, сомнительными. На бѣду, нѣтъ близко и мелочной лавочки, гдѣ можно было бы найти вѣрное изданіе мѣстной географіи; кругомъ тишина и какъ-будто безлюдье; чирикаютъ только птички, но съ ними не разговорись, и собственнаго гнѣзда онѣ вамъ не укажутъ. Пробродивъ напрасно цѣлый часъ, утомленный горожанинъ начинаетъ терять надежду и терпѣніе, раскаивается, что отпустилъ пролетки, привезшія его въ эту глушь... не безъ удовольствія однако вдыхаетъ онъ въ себя свѣжій воздухъ зелени и не слишкомъ поразительный ароматъ цвѣтовъ...

Не такъ давно, именно въ началѣ іюня мѣсяца, нѣчто подобное случилось съ однимъ почтеннымъ толстякомъ лѣтъ за сорокъ. По его костюму, хотя и совершенно-приличному, но замѣтно-отставшему отъ новѣйшей моды, по его картузу, какого не носятъ на Елагиномъ или Каменномъ, въ Павловскѣ или Петергофѣ, и всего болѣе по его походкѣ и пріемамъ, каждый бы невольно заключилъ что это пріѣзжій, провинціалъ, никогда или, по-крайней-мѣрѣ, давненько не бывавшій въ Петербургѣ. Круглое, румяное лицо его сіяло простодушіемъ, добротою,

откровенностью, и развѣ бы лишь въ его маленькихъ свѣтло-голубыхъ глазахъ человѣкъ проникательный открылъ признаки недюжиннаго ума, смѣтливой опытности и даже образованія, безъ столичнаго лоска и современной утонченности; самая трость, на которую онъ тяжеленько упирался, очевидно приобрѣтенная не отъ Юнкера, Дарзанса, или въ другомъ извѣстномъ петербургскомъ магазинѣ, казалось, прѣѣхала съ нимъ издалека, да и сапоги его, — нельзя было не подумать, — шилъ, конечно, не Людвигъ или Пель...

— Нѣтъ, не отыскать мнѣ, видно, Дементья Андреевича? сказалъ толстякъ про себя, со вздохомъ, не столько отъ печали въ неудачѣ, сколько отъ усталости и тучности. — Шутка ли? больше получаса брожу по этимъ несноснымъ, перепутаннымъ дачамъ. Никто не знаетъ, и все врутъ! А дали адресъ, кажется, вѣрный, толковый...

Съ послѣдними словами онъ прѣѣлъ на простую, неокрашенную скамейку, приставленную къ низенькому забору, на который упали вѣтви плакучей березы, отеръ платкомъ капли, струившіяся съ его влажнаго лица, и доставъ изъ кармана записную книжку, углубился въ одинъ изъ листковъ ея, гдѣ, вѣроятно, записано было мѣстожителство отыскиваемого знакома. День, какъ говорится, склонялся къ вечеру; стѣнные часы смежной дачи громко пробили девять, и въ слѣдъ затѣмъ переливчато защелкалъ прелестный пѣвунъ, иногда прихотливо залетающій къ намъ изъ лѣсовъ. — Поздненько я собрался, продолжалъ самъ съ собою разсуждать толстякъ: — проспалъ долго послѣ обѣда... да чуть ли не задаромъ и прокатился... Хотя соловья услышать довелось... Не зналъ я, что они здѣсь водятся... И какъ славно поетъ, злодѣй... точно изъ нашей далекой стороны залетѣлъ!

Говоря это, заѣзжій приподнялся со скамейки и сталъ на нее, съ неподлежащимъ сомнѣнію намѣреніемъ высмотрѣть пѣвца, помѣстившагося, казалось, на той же плакучей березѣ или на одномъ изъ ближайшихъ деревьевъ густаго сада, къ которому она принадлежала: но птички, мгновенно умолкнувъ и, можетъ-быть, спорхнувшей, не нашель, а очутился, такъ-сказать, лицомъ къ лицу съ какимъ-то господиномъ, проходившимъ въ ту минуту по тропинкѣ, прилежавшей къ забору, — высокимъ, худощавымъ, блѣднымъ, въ темномъ домашнемъ сюртукѣ, съ легкою просѣдою на вискахъ, съ непокрытой головою и сигарою во рту...

— Извините, сказалъ нѣсколько смущенный любитель соловьевъ: не изволите ли знать, гдѣ здѣсь проживаетъ Дементій Андреевичъ***?

— Вамъ Дементья Андреевича надобно? съ странною улыбкою отвѣчалъ незнакомный дачникъ, тихимъ, симпатическимъ голосомъ, вперяя въ толстяка грустно-задумчивый, но ласковый и пріятельскій взглядъ.

— Онъ здѣсь проживаетъ... на этой самой дачѣ... Пожалуйте сюда, въ калитку... я буду имѣть удовольствіе проводить васъ къ нему...

— Ахъ, какъ вы добры, милостивый государь!.. всепокорнѣйше благодарю... премного обязываете... а я было уже и отчаивался найти; всё почти здѣшнія «строенія» обходилъ, — бормоталъ толстякъ, осторожно опускаясь со скамейки на землю и пролѣзая въ калитку, бывшую въ двухъ шагахъ...

— Да, у насъ тутъ порядочный лабиринтъ; зато выбраться отсюда легко, безъ Ариадниной нити: облака пыли указываютъ дорогу въ городъ... пролѣзжающихъ довольно...

— Мѣсто впрочемъ хорошее, — говорилъ заѣзжій, идя съ рядомъ съ обязательнымъ господиномъ: — далеконько только отъ города...

— Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше — воздухъ чище и шуму меньше...

— Уединеніе сельское любите; точно-съ, «деревня лѣтомъ рай», какъ сказала Пушкинъ... А вы, милостивый государь, съ Дементьемъ Андреевичемъ знакомы?

— Какъ же-съ... очень хорошо... пріятели большіе...

— Весьма пріятно... каково-то онъ поживаетъ?

— По-маленьку; день да ночь, сутки прочь — къ старости да къ могилѣ ближе...

— Э, помилуйте! умереть-то всегда успѣемъ, а пожить подольше, право, не дурно; у васъ же, въ Петербургѣ, должно-быть такъ весело...

— О, да!.. для тѣхъ, кто еще не отвеселился...

Толстякъ взглянулъ на своего спутника: его оцвѣтшее, желтоватое, болѣзненное лицо какъ-бы служило октавою сказаннаго имъ. Вѣроятно, въ молодости покутилъ не въ мѣру? подумалъ первый.

— Вотъ, мы и пришли, продолжалъ провожатый: — Милости просимъ... прошу покорно садиться...

— Такъ, значить, вы съ Дементьемъ Андреевичемъ вмѣстѣ жительствуете?

— Нѣтъ-съ, одинъ: я самъ и есть тотъ, кого вы отыскиваете. Къ вашимъ услугамъ...

Вмѣсто отвѣта, толстякъ бросился въ объятія неожиданно и неузнанно отысканнаго знаконца, восклицая: ну, не болваць ли я? куда глаза, память и догадка у меня дѣвались? Впрочемъ такъ измѣнился, что и признать было трудно...

— А вѣдь немного лѣтъ прошло... какихъ-нибудь десять или двѣнадцать... Не годы такъ сильно измѣнили... съ прошлой осени я мѣсяцевъ пять вылежалъ въ постели...

— Вотъ что! Простуда, вѣроятно?

— Простуда... отвѣчалъ Дементій Андреевичъ сквозь зубы и какъ будто-бы глотая тяжелый звукъ, тщетно силившійся подавить мысль, не выраженную словомъ.

Толстякъ внимательно взглянулъ на тощаго, и подумалъ: «простуда, конечно, способствовала развитію болѣзни, дала ей толчокъ, опрокинувшій наружу слѣдствіе недуга душевнаго... какой-нибудь утраты, огорченія» — но и онъ также скрылъ свою мысль, не любя растревлять воспоминаніемъ ни чужихъ, ни своихъ ранъ, которыя у него собственно давно заплыли жиромъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился неизбежный чай; старинные знакомцы заѣли у круглаго столика, и между ними мало-по-малу завязалась бесѣда, менѣе отрывистая, болѣе опредѣлительная и откровенная. Не предстоитъ надобности передавать ее въ подлинникъ и подробности. Толстякъ говорилъ о принадлежащихъ ему поляхъ, пажитяхъ, выхвалялъ красоту дочерей своихъ и мѣстоположеніе своей усадьбы... прибавилъ, что лѣтъ семь тому имѣлъ несчастіе лишиться доброй жены, причемъ по ясному челу его пробѣжало темное облачко умиренной временемъ горести, да легкій воздухъ вырвался изъ груди... и въ заключеніе пояснилъ, что пріѣхалъ въ Петербургъ для окончанія нѣкотораго процесса и опредѣленія въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній шестнадцатилѣтняго сына, хорошо приготовленнаго домашнимъ воспитаніемъ. — «И дочерей притащилъ съ собою... не на кого было оставить въ деревнѣ, да и онѣ желали посмотрѣть Петербургъ»... — Тощій, въ общемъ, лаконическомъ очеркѣ, исполненномъ ироніи и сарказма на самого себя, рассказалъ пріятелю еще неизвѣстныя ему обстоятельства своей жизни, коснувшись отчасти и всего ея поприща. То была не новая повѣсть природы пылкой и возвышенной, не направленной съ-молоду благоразуміемъ и опытными руководителями, которые умѣли бы заблаговременно указать подводные камни жизненнаго пути и научить трудному, правда, искусству, удачно бороться съ ея искушеніями и опасностями...

— Много сдѣлалъ глупостей, ошибокъ! — сказалъ онъ, — между прочимъ, съ досадою машинально отталкивая отъ себя неповинную чашку.

— Кто-жъ не дѣлалъ и не дѣлаетъ ихъ — и не чаще ли другихъ именно люди умные и страстные, увлекаемые благородными стремленіями, излишнею довѣрчивостію и — позволишь ли домолвить — тщеславіемъ или самонадѣянностію. Еслибъ каждый изъ насъ, доживъ до сорока, могъ воротить лѣтъ двадцать, съ сохраненіемъ приобрѣтенной

опытности, вторично, разумѣется, мы не попали бы въ просакъ, прошли успѣшнѣе между Сциллою и Харибдою: но какъ это невозможно ни физически, ни морально, то должно покориться естественному порядку теченія жизни и, по-крайней-мѣрѣ, остатка ея не портить ни бесполезными сѣтованіями на свое прошедшее, ни новыми ошибками въ настоящемъ, которыя будутъ уже непростительны и совершенно невозвратимы или неисправимы. По-миѣ, такъ главнѣйшая твоя ошибка состоитъ въ томъ, что ты до-сихъ-порѣ одиночествуешь. Человѣкъ, обыкновенно, возится съ своимъ эгоизмомъ, самолюбіемъ и себялюбіемъ, съ своею милою ему особою, пока не очутится, лицомъ къ лицу, душой къ душѣ, съ другими не менѣе близкими, кровными привязанностями. Счастіе или несчастіе семьянина не сосредоточивается уже въ немъ одномъ: ему некогда и стыдно хандрить, горевать безъ толку. Радость и печаль дѣлится онъ со «своими»: первая чувствуется живѣе, вторая находитъ отраду и утѣшеніе... Женись-ка, любезный, и, посмотри, съ тебя иная жизнь какъ рукой сниметъ все твои застарѣлыя, отъ долгаго ухаживанья за ними, душевныя болѣсти, да и здоровьемъ поправишься...

Дементій Андреевичъ, въ свою очередь, испытательно взглянулъ на гостя, съ внутреннимъ вопросомъ, ужъ не пріѣхалъ тотъ сватать ему старшую изъ дочерей своихъ; однакожь, чтобъ замаскировать этотъ любознательный взглядъ, хитро промолвилъ:

— Жениться? Я, пожалуй-бы, и не прочь, да вѣдь это не такъ легко, какъ, напримѣръ, галстухъ кушить. Надобно и самому немножко полюбить, и понравиться избранной... а я ужъ не молодъ и не больно, какъ видишь, красивъ становлюсь...

— Вздоръ, дружище! Тебѣ какихъ-нибудь тридцать семь или восемь — средній, обстоятельный возрастъ — мальчики и вертопрахи въ мужья не годятся. А что касается красоты, смѣю увѣрить тебя, безъ всякой лести и преувеличенія, ты еще молодецъ хоть куда, не смотря на свою худобу и блѣдность, или, лучше сказать, съ своею худобою и блѣдностью, которыя, при выразительныхъ и привлекательныхъ чертахъ лица, непременно тронутъ первое нѣжное сердце...

«Онъ рѣшительно прочитъ меня въ зятя!»! не могъ не подумать дачникъ, и молча, съ улыбкою, указалъ на свою просьбу.

— Ничего, пустяки! возразилъ толстякъ. На это, знаешь, есть помада. Нынче добрая половина мужчинъ красится, носитъ парики или накладки... зубы и волосы прежде всего измѣняютъ человѣку, особенно въ приморскихъ городахъ, гдѣ зато, какъ у васъ въ Петербургѣ, что ни шагъ, то дантистъ и парикмахеръ. Просьба не бѣда: у иныхъ

въ двадцать-пять лѣтъ показывается, отъ глубокомыслія или свѣтской жизни... Ты, сколько мнѣ извѣстно, своевременно заплатилъ дань тому и другому...

— «Дѣла давно миновавшихъ лѣтъ, преданье старины глубокой», тихо, безъ декламаціи проговорилъ Дементій Андреевичъ...

— «И ласки дѣвы черноокой, и шалостей прошедшихъ слѣдъ!» въ рифму подхватилъ толстякъ, подливая рому въ стаканъ. — А?... вѣдь мы когда-то пописывали съ тобою стишки и прозу... Помнишь, ты еще никакъ не могъ справиться съ цезурою?..

— Съ цезурою сладить бы можно—да не стало терпѣнія—«присовокупляй», и таланта, состряпать что-нибудь порядочное, не дюжинное...

— Да, ты, кажется, ничего не напечаталъ....

— Благодареніе доброму генію-охранителю, воздержался... этой глупостью и ошибкою не умножилъ другихъ...

— Почему же глупость — не всякая ошибка въ фальшь ставится. Я всегда былъ и противъ твоей ложной скромности, и противъ этого избитаго нареканія, будто у насъ дурно и мало пишутъ... Не говоря объ отдѣльныхъ книгахъ, шесть или семь объемистыхъ періодическихъ томовъ ежемѣсячно, въ которыхъ почти вся современная русская и европейская литература! Я, мой милый, выпиываю все эти журналы и важнѣйшія газеты наши... Сколько сочиняютъ, переводятъ; сколько труда, работы! Если воехищаешься и доволенъ не всеѣмъ съ-подрядъ, то нельзя не сознаться, что не мало встрѣчаешь добросовѣтнаго, дѣльнаго и занимательнаго...

— Да, издали, въ провинціи, умъ и дарованіе выше, дороже цѣнятся... У насъ здѣсь все это подъ глазами — присмотрѣлись, насытились, пресытились. Согласенъ, однакожь, что многое было-бы гораздо лучше, совершеннѣе, еслибъ не слишкомъ торопились на срокъ, долше бы обдумывали и отдѣлывали...

Такъ, полушутя, полусерьѣзно, перескакивая съ предмета на предметъ, иногда не всеѣмъ послѣдовательно и логически, переходя отъ частнаго къ общему, отъ жизни къ литературѣ, тѣсно связаннымъ между собою, отъ личныхъ воспоминаній прежняго къ настоящему взаимному положенію своему въ свѣтѣ и обществѣ, старинные пріатели прокалякали почти до полуночи. Тогда только толстякъ хватился, что ему пора во-своеи и выразилъ сожалѣніе, что не нанялъ извозчика въ оба конца. Но дачникъ успѣшилъ успокоить его на этотъ счетъ: «стоить только выдти на дорогу», сказалъ онъ — «и ты спасенъ — какой-нибудь

запоздалый экипажъ непременно встрѣтишь... если не хочешь переночевать у меня?»

— Никакъ не могу... дѣти будутъ ждать, тревожиться...

— Правда, не смѣю удерживать... во всякомъ случаѣ я провожу тебя до возницы... чтобъ ты опять не заблудился...

— Это предложеніе принимаю съ удовольствіемъ и благодарностью. Итакъ въ путь... скоро двѣнадцать...

— Я готовъ... беру только картузь...

Свѣтлость и прелесть петербургскихъ ночей въ іюнѣ достаточно уже изображены мѣстными стихотворцами и фельетонистами. Легкая, освѣжительная прохлада, поэтическая тишина и ненарушимое безмолвіе, среди благоухающей зелени и цвѣтовъ, возбудили въ отправившихся вмѣстѣ друзей нашихъ самыя молодыя мечты и созерцанія, которыми они мѣнялись въ короткихъ словахъ и отрывистыхъ фразахъ. Задумчивый и нѣсколько разочарованный, Дементій Андреевичъ, не менѣе воспримчиваго толстяка, незамѣтно поддался обаянію этой ночной красоты, и воображеніе его нечувствительно перешло къ слѣдующей коварной мысли объ иной красотѣ: «А что... если она, въ-самомъ-дѣлѣ, такъ хороша, какъ отецъ описалъ, имѣетъ порядочное приданое и пойдетъ за меня безъ nevoли?»

Въ-слѣдствіе этой искусительной мысли, спустя двѣ или три минуты, съ величайшею наивностью, обратилъ онъ къ товарищу такое лукавое слово:

— Мы съ тобою (нѣтъ, подумалъ онъ: будущему, статья можетъ, тестю, ты говорить не подобаешь)... мы съ вами, почтенный Иванъ Петровичъ, переписывались такъ рѣдко, изъ-года-въ-годъ, что я о семействѣ вашемъ почти ничего не знаю. Вѣдь вы ужъ давненько отцомъ... вскорѣ, кажется, послѣ первой нашей разлуки, въ Москвѣ?.. Дочерямъ вашимъ теперь...

— О, онъ еще не такія старухи, чтобъ я сталъ скрывать ихъ лѣта, — отвѣчалъ помѣщикъ, не обращая вниманія на измѣненіе числа въ адресованныхъ къ нему мѣстоименіяхъ. Однакожъ, всѣ три уже невѣсты. Одной девятнадцать, другая только годомъ моложе, а меньшей въ посту пошелъ семнадцатый. Да вотъ, батюшка, пріѣзжай-ка завтра къ намъ обѣдать, такъ познакомишься съ ними лично. Красавицы, говорю тебѣ, писаныя. Трудно рѣшить—какой отдать предпочтеніе! И сынишка тоже хватикъ—ловокъ, умень... теперь ужъ басни пишетъ. Я тебѣ не сказки разсказываю, не отцовской похвалой морочу. Увидишь, повѣришь!

Девятнадцать лѣтъ? слушая его разсѣянно, толковалъ про себя дач-

никъ. Да это отлично! Жемчужнѣйшій возрастъ женщины — не ребенокъ и не перезрѣлый плодъ, — какъ тамъ не расписывай Бальзакъ своихъ матронъ — почти совершенная мнѣ нара... я только ровно вдвое ея старѣе...

— Невѣсты, батюшка, невѣсты! продолжалъ толстякъ: но я не тороплюсь сбывать ихъ съ рукъ... За ними кое-что будетъ... Пусть повысмотрятъ жениховъ себѣ по сердцу... Мое же дѣло высмотрѣть тогда, чтобъ сердце ихъ не обманывалось, избрало людей достойныхъ, которые тоже обладали бы хоть маленькимъ достоинствомъ...

Дементій Андреевичъ немного поморщился въ сторону: его дѣлишки были не въ цвѣтущемъ положеніи, что, вмѣстѣ съ прочимъ, и составляло, вѣроятно, причину его хандры, недуговъ и меланхоліи.

Но разговоръ, распросы и обоюдныя вывѣдыванія, намѣренныя или изъ простаго любопытства, надлежало прекратить. Друзья вышли на дорогу и, какъ нельзя болѣе кстати — никто не повѣритъ, а вѣдь сплошь и рядомъ случается — шагомъ, то-есть порожнякомъ, проѣзжавшая мимо извозничья коляска предложила пѣшеходамъ нашимъ свои драгоценныя по соображенію съ временемъ и мѣстомъ услуги. Переговоры были разомъ кончены, безъ замедленія и проволочки, къ полному удовольствію обѣихъ сторонъ. Толстякъ протянулъ руку тощему, повторилъ свое приглашеніе, вскарабкался кое-какъ въ высокій экипажъ, развалился въ немъ настоящимъ баринномъ — и былъ таковъ...

Дементій Андреевичъ медленно и задумчиво побрѣлъ къ своей дачѣ, гдѣ плѣнительную тишину ночи прерывалъ еще болѣе плѣнительною пѣсню тотъ самый содовой, что помогъ толстяку нечаянно отыскать стариннаго знакома...

Иванъ Петровичъ, не желая преувеличивать, все-таки смотрѣлъ на дѣтей своихъ нѣсколько-пристрастными родительскими взорами. «Сынвшка» его точно писалъ аполони, только очень плохіе, не справляясь ни съ стопами, ни съ пезурою, какъ Дементій Андреевичъ въ молодости, а впрочемъ неоспоримо былъ мальчикъ бойкій, стройненькій и смазливенькій; что касается сестеръ его, то онѣ отнюдь не представляли собою совершеннаго, безукоризненнаго подобія трехъ грацій, и все, что можно было сказать о нихъ безъ гиперболы, это: «какія миленькія, хорошенькія!» По наружности, уму, образованію, первенство принадлежало старшей. Она была средняго роста, не полна и не худощава, а какъ слѣдуетъ — округлена въ надлежащей мѣрѣ... Глаза темноголубые, влажные, вѣжные; носикъ немного вздернутый; ротъ маленькій; подбородокъ продолговатый; — особыхъ примѣтъ никакихъ, если не считать крошечной, чуть замѣтной бородавки на лѣвой щекѣ... лицо же вообще

не блѣдное и не румяное, и скорѣе смугловатое, нежели слишкомъ блѣлое; ручки и ножки, какъ должно уже судить по этому уменьшительному — маленькія и весьма пріятной формы; цвѣтъ волосъ крайне-темнорусый, почти впадающій въ совершенно-чёрный... голосъ мелодическій... золотая арфа, какъ выразался одинъ сосѣдъ ихъ по деревнѣ...

Воспитана она была, вмѣстѣ съ сестрами, какою-то ученою миссѣ, которая, ради учености, никогда не могла сдѣлаться мистриссѣ, и, по этой почтенной причинѣ, скончалась въ пятидесятилѣтнемъ дѣвствѣ. Восхищаясь «Манфредомъ» и извѣстной мистеріей Байрона, въ которой понимала только вѣрность и преданность Адды, не хотѣвшей покинуть своего злополучнаго мужа; всю жизнь изучая Мурра въ его поэмѣ Лалларукъ; вѣчно перечитывая роскошные стихи его счастливой подражательницы, Летиціи Ландонъ, или романы Леди Морганъ, — эта велемудрая гувернантка умѣла внушить старшей питомицѣ любовь къ англійской литературѣ, и будущая героиня наша ничего такъ не желала видѣть за границею, какъ горы Шотландіи и замокъ баронета Вальтеръ-Скотта...

Толстякъ почти весь день занятъ былъ дѣлами, привлечшими его въ Петербургъ, и три псевдо-граціи волею-неволею проводили дни уединенныя... читали, вышивали, мечтали... главнѣйше о замужествѣ. Единственнымъ ихъ разсѣяніемъ была прогулка въ Лѣтнемъ-саду, въ сопровожденіи баснописца-брата и одного молодого человѣка, который былъ не кто-иной, какъ сынъ того деревенскаго сосѣда, что голосъ старшей сравнивалъ съ золотой арфой...

Этотъ молодой человѣкъ принадлежалъ къ числу фатовъ средней руки; одѣвался по послѣдней модѣ и даже нерѣдко изобрѣталъ собственную; хвасталъ, между-прочимъ, тѣмъ, что у него три дюжины жилетовъ и столько же галстуковъ; говорили, будто бы онъ носитъ корсетъ, немного бѣлится и румянится; обстоятельство это достовѣрно не разрѣшалось — но не подлежало сомнѣнію, какъ очевидность, что онъ ежедневно завивался тщательно и перемѣнялъ перчатки, по-крайней-мѣрѣ цвѣтъ ихъ. Временемъ онъ былъ богатъ, и потому исправно и безсмѣнно гранилъ тротуары, состоялъ членомъ трехъ клубовъ и постояннымъ посѣтителемъ всѣхъ театровъ, не пропускаая ни одного гулянья или общественнаго сборища. Нѣкоторые, не шутя, сравнивали его съ Адонисомъ; иные сладенькую наружность его находили приторною. Вро-чемъ онъ былъ далеко не глупъ, довольно образованъ и въ существѣ добрый малый; бѣгло объяснялся на двухъ языкахъ, російскомъ и французскомъ, зналъ наперечетъ всѣ городскія новости и вездѣ рассказы-

валъ о нихъ не безъ притязанія на остроуміе. Въ семействѣ толстяка, гдѣ онъ былъ свой съ-дѣтства, его звали просто Павлушей.

Надежда на благопріятный оборотъ въ судьбѣ придаетъ человѣку спокойствія, аппетита и сна. Давно уже Дементій Андреевичъ не спалъ такимъ крѣпкимъ сномъ, какъ въ ночь послѣ неожиданнаго свиданія съ стариннымъ знакомцемъ. Совсе не рассчитывая на случайный каламбуръ, но лишь слѣдуя истинѣ, должно сказать, что ему сладостно грезилась какая-то грезовская головка, по всей вѣроятности воображеніемъ присвоенная старшей дочери помѣщика, и дачникъ нашъ всталъ на-утро свѣжій, сильный, почти совершенно здоровый. Въ лицѣ его гораздо меньше замѣтно было блѣдности и желтизны, глаза какъ-будто бы выдвинулись изъ впадинъ; на щекахъ показались признаки крови; два стакана добраго кофе и рачительный туалетъ пріободрили его еще больше, и онъ точно сталъ молодцомъ хоть-куда, когда наконецъ совершенно было превращеніе съ его головою, послѣдовавшее уже не на дачѣ, а въ извѣстной, у Полицейскаго-моста, парикмахерской, на одномъ изъ оконъ которой нѣсколько лѣтъ красовалась, подъ стекляннымъ колпакомъ, замѣчательная и превосходно исполненная карриатура: одна обезьяна, парикахеръ, убирала другую, джентльмена, франтовски одѣтаго и важно читавшаго газету... Проходя мимо, вы, конечно, не разъ любовались костюмировкой и ловкою позою этихъ художественно-представленныхъ чучелъ, и невольныя сближенія мелькали въ умѣ вашемъ, между-тѣмъ какъ превосходное исполненіе фигуръ, со всеми аксесуарами парикмахерскаго искусства, невольно исторгало у васъ и дань похвалы художнику-юмористу, и самый веселый, незлобный смѣхъ...

Но вотъ отдаленная, уединенная улица, гдѣ пріютился съ своимъ семействомъ толстякъ. Онъ вторично не узналъ-было пріятеля, который вчера былъ очень худъ, а сегодня вдругъ сталъ что-то очень хорошъ, и пожимая ему руку, двусмысленно улыбался, чѣмъ возбудилъ еще большую краску на ланитахъ смутившагося гостя, такъ что послѣдній предсталъ дочерамъ помѣщика настоящею розою...

— Полина, Надина, Александрина, говорилъ Иванъ Петровичъ, поочередно представляя дачнику дочерей.

Дементій Андреевичъ кланялся каждой порознь и всѣмъ вообще, и покраснѣлъ уже какъ тюльпанъ.

Онъ всегда былъ очень застѣнчивъ съ новыми лицами, пока не ознакамливался съ ними покороче; да и при близкомъ знакомствѣ не отличался особенною бойкостью и предприимчивостью.

— Сейчасъ явится и сынишко... новую басню сочиняеть. Начало очень удачно...

Пчела ужалила барашка въ лобъ,
И сѣла рядомъ на цвѣтокъ:
Барашекъ къ ней въ одинъ прыжокъ
И пчелку лапой — хлопъ !

— Мораль басни будетъ состоять въ томъ, что не должно обижать кроткихъ, подобно барашку, существъ, потому-что и они, порою, могутъ разгорячиться и, съ досады, больно прихлопнуть обидчика.

Дементій Андреевичъ не могъ не улыбнуться курьёзному объясненію этихъ стиховъ, сколько неправильныхъ, столько же и небогатыхъ рифмами...

Но намъ нельзя останавливаться на подробностяхъ и сценахъ, какъ въ настоящей повѣсти: фельетонный разсказъ свой мы должны вести съ быстротою паровоза, который останавливается только на станціяхъ или по какому-нибудь особенному случаю...

Пелагея Ивановна и Дементій Андреевичъ, при первой встрѣчѣ, не произвели неодолимаго другъ на друга впечатлѣнія: но, очевидно, не показались другъ-другу противными. За обѣдомъ франтъ-Павлуша, пожаловавшій позднеенько, когда уже шли къ столу, успѣлъ завязать общій, довольно оживленный разговоръ, доставившій дачнику случай обнаружить даръ слова и познанія свои, а юному баснописцу щегольнуть нѣсколькими экспромтами, въ которыхъ мужскіе и женскіе стихи находились въ страшной борьбѣ. Послѣ обѣда Пелагея Ивановна успѣлась къ фортепяно и премило запѣла старинную русскую пѣсню:

Я вечеръ въ лугахъ гуляла
Грусть хотѣла разогнать..., —

неизвѣстную въ большихъ городахъ, гдѣ предпочитаютъ модные, самоновѣйшіе романы, но не забытую еще въ далекихъ деревняхъ и усадьбахъ. Простота и прелесть ея мелодіи, навѣвающей на душу нѣгу, сладость и томленіе, тронули чувствительнаго Дементья Андреевича, и были первыми звуками, запавшими въ сердце его изъ устъ старшей дочери толстяка.

— Навѣщай насъ почаще! сказалъ тотъ на-прощанье, и черезъ недѣлю дачникъ снова обѣдалъ у временнаго городского жителя, снова слушалъ пѣніе Полины, которая на этотъ разъ угостила его хорошенькою итальянской аріей, долгимъ симпатическимъ взглядомъ и одною изъ тѣхъ очаровательныхъ, неизбѣжныхъ, какъ рокъ, улыбокъ, передъ которыми таютъ самыя закрубѣлыя мужскія натуры. Слѣдствіемъ было, что, спустя лишь два дня, въ одинъ прекрасный вечеръ, задумчивый лерой нашъ, совершенно неожиданно, подъ какимъ-то предлогомъ, опять

явился у толстяка, или, точнѣе, у Полины. Вскорѣ найденъ былъ предлогъ совѣтъ оставить дачу, въ коей яко-бы сильно сквозило и стало холодно, при измѣненіи погоды, а городская квартира Дементья Андреевича оказалась по сосѣдству. Читатель самъ продолжаетъ: вскорѣ Дементій Андреевичъ сдѣлался почти ежедневнымъ гостемъ въ семействѣ толстяка, своимъ у нихъ человѣкомъ, другомъ дома, пожалуй... Такъ точно, и въ половинѣ іюля дѣла уже были въ такомъ положеніи, что преждебывшій дачникъ, улучивъ однажды удобную минуту, трепещущимъ голосомъ осмѣлился сказать Полинѣ: «Пелагея Ивановна... могъ-ли-бы я надѣяться на счастье...»

— Надѣйтесь... прервала она... безъ надежды жить нельзя. Надежда сама по себѣ уже составляетъ счастье, льститъ всѣмъ... Это я говорю не на твой счетъ, Надя, — прибавила она громко, обращаясь къ сестрѣ, вошедшей на ту пору въ комнату, и зардѣвшись какъ вишня, сердито начала колотить по клавишамъ..

Незамедленно послѣдовать объясненіе и съ почтеннымъ родителемъ, который какъ-будто-бы нѣсколько удивился, услышавъ извѣстное предложеніе, и поставилъ Дементья Андреевича въ недоумѣніе касательно того, ловко ли притворяется толстякъ, или выраженный имъ на дачѣ совѣтъ о женитбѣ былъ только случайнымъ въ ходу разговора словомъ, не скрывавшимъ въ себѣ никакихъ личныхъ замысловъ...

Дементью Андреевичу не дали прямого, положительнаго обѣщанія. Однакожъ, ласковый, дружескій, хотя отчасти и уклончивый отвѣтъ, выраженный словами: «душевно благодарю тебя за честь, которую мнѣ дѣлаешь — но повремени, обдумай основательно, и позволь намъ подумать... а зимою милости просимъ въ наши стороны... тамъ, надосугъ, рѣшимъ обстоятельно», — этотъ двусмысленный, неопредѣленный отвѣтъ, скорѣе изъявлявшій согласіе, нежели отказъ, принять былъ въ первомъ смыслѣ искателемъ руки интересной Полины, и онъ продолжалъ частенько бывать въ домѣ, почти на правахъ жениха... разборчиво не возобновляя, впрочемъ, щекотливаго разговора ни съ дипломатомъ-отцомъ, ни съ кокетливой дочерью, которая была съ нимъ очень обходительна, очень къ нему внимательна и, казалось, расположена. Долгіе взгляды и очаровательныя улыбки не разъ повторялись...

Дементій Андреевичъ не былъ влюбленъ, во всей тѣснотѣ или обширности этого вѣчнаго глагола, потому-ли, что въ его лѣта не влюбляются уже со всею горячностью и тревогою первой молодости, потому-ли, что пережитое имъ прошедшее погасило въ немъ необузданный пылъ юношескихъ сердечныхъ движеній. Тѣмъ не менѣе, онъ, въ короткое время, успѣлъ почувствовать къ Полинѣ нѣжную и глубокую привязан-

ность, ту полутихую, не слишкомъ мятежную склонность, которая бываетъ сильнѣе и прочнѣе бѣшеныхъ или отчаянныхъ порывовъ восторженной страсти. Не советѣмъ равнымъ союзомъ этимъ герой нашъ, нѣсколько эгоистически, мечталъ скрасить остатокъ своей посылкой жизни. Къ тому-жъ, съ желаемымъ обладаніемъ молоденькой и весьма привлекательной жѣночкой, онъ становился бы-что тайтъ корысть человѣческую!—обладателемъ, какъ оказалось, ста-двадцати не заложенныхъ душъ въ хлѣбной губерніи. Смѣйтесь, о вы столичные моты! Это, конечно, не такъ много для удовлетворенія всѣхъ желаній въ широкихъ размѣрахъ частнаго быта, но и не такъ мало для того, чтобы спокойно и безбѣдно закончить неудачное поприще, не обрекая себя, въ упадкѣ силъ и здоровья, безконечной тамъ и сямъ работѣ не по выбору и вкусу, безъ любимой пищи уму, душѣ и сердцу. Далеко не геркулесъ, нашъ худощавый Дементій Андреевичъ продолжалъ выпрядать нить свою у ногъ деревенской Омфалы, ловя ее сладостные взгляды и улыбки...

А между тѣмъ неслися дни за днями,
Смѣняясь на «Водахъ» различными *почами*,

о которыхъ неправдо, вмѣстѣ съ другими розказнями, доводилъ до свѣдѣнія дочерей толстяка ихъ давнишній знакомецъ и другъ дѣтства, красной Павлуша. Къ этому въ семействѣ Ивана Петровича такъ привыкли, что лишь являлся Павлуша, отъ него немелленно требовали «новостей», какъ публика обыкновенно требуетъ ихъ отъ фельетониста или журналиста отъ сотрудника своего по части такъ называемаго живаго отдѣла. Гдѣ хочешь, возьми да подай! Нѣтъ ихъ, такъ выдумай, изобрѣти позамысловатѣй, напрягая воображеніе, слухъ, зрѣніе, всѣ пять чувствъ, которыя, по мнѣнію почтеннаго доктора Кобануса, постепенно засыпаютъ въ человѣкѣ,—и при этомъ чтобъ не засыпали читатели, то-есть, чтобъ разказано было все ладно да складно, ловко и занимательно, при условіи разнообразія новостей дѣльныхъ и недѣльныхъ, за недѣлю или за мѣсяць.

Не легко понять, какъ Павлуша или подобные ему разказчики добровольно принимаютъ на себя эту трудную обязанность, не вознаграждаемую ни одобреніемъ публики, ни золотомъ изъ конторъ журнальныхъ. И то сказать, менѣе затруднительно разказывать не для печати, безъ повѣрки и критики, и все вамъ сходить, если у васъ, о милый непечатный разказчикъ, привлекательная наружность, пріятный голосъ, свѣтская манера, изящные приемы, немножко невинной насмѣшливости и еще меньше, но все-таки хоть капелька, искусства или умѣнья разказывать...

Въ воскресенье, 2-го августа, подъ-вечерь, прелестныя Полина, Надежда и Александрина порядочно скучали. Отець цѣлый день былъ что-то не въ духѣ, и теперь, запершись въ кабинетъ, писалъ окончательныя бумаги по своему процессу, долженствовавшему вскорѣ взять рѣшительный оборотъ. Дементій Андреевичъ, пріятель отца, другъ дома и полуженихъ, къ обѣду не являлся, потому—что обѣдалъ у нихъ наканунѣ. Молодой баснописецъ отпросился у родителя за городъ, отыскивать, вѣроятно, матеріаловъ для новаго аюлога. Сестрицы сидѣли однѣ и—о граціи, какъ это можно!—симпатически зѣвали поочередно, не трудясь даже закрывать хорошенькіе ротки, которые, такимъ-образомъ, безъ малѣйшаго кокетства, приличнаго лишь въ присутствіи постороннихъ, обнаруживали зубки-перлы. Сестрицы, въ продолженіе около двухъ съ половиною мѣсяцевъ пребыванія своего въ Петербургѣ, успѣли уже осмотрѣть въ немъ все главнѣйше-замѣчательнѣйшее, хотя, съ другой стороны, сѣверную Пальмиру нашу невозможно изучить совершенно и въ два съ половиною года, перебывали во всѣхъ извѣстнѣйшихъ магазинахъ и лавкахъ, два раза посѣтили Александринскій-театръ, видѣли на Каменно-островскомъ эффектную драматическую пословицу Октава Фелье, гдѣ супруги такъ глухо ссорятся цѣлыя десять лѣтъ и такъ умно и мило примиряются въ десять минутъ, видѣли разныя разности столичныя, и только загородье наше, съ своими вычурами, было для нихъ еще terra incognita. Иванъ Петровичъ, за дѣлами и хлопотами, все не могъ собраться свозить дочерей въ Петергофъ, Павловскъ и Новую-деревню, каждый разъ приговаривая: «куда съ такою *ордою*? Вѣдь самъ—пять! На всякаго по рублю серебромъ за входъ, да два экипажа, двѣ кареты брать надобно! Чай рублей пятнадцать, со всѣми операми, изведешь? Вѣдь это, по-старинному, на ассигнаціи, пятьдесятъ два съ полтиною! А между тѣмъ управляющій пишетъ изъ деревни, что урожай не больно казистъ, и сколько уже здѣсь израсходовано!» и тому подобное...

И такъ сестрицы сидѣли однѣ, въ краснорѣчивомъ молчаніи, среди полусвѣта, разливаемаго по комнатѣ большою лампою, подъ матовымъ, какъ водится, колпакомъ...

— Хоть бы ты, Pélagie, поиграла что-нибудь на фортецяно, заплѣла? начала наконецъ младшая.

— Нѣтъ не расположена, апатически отвѣчала старшая, которую не совсѣмъ правильно изъ Пелагеи переименовали домашніе въ Полину.

— Сегодня, кажется, никто и не зайдетъ къ намъ? заунывно промолвила средняя. Уже восемь часовъ...

Но едва произнесла она эти слова, какъ изъ прихожей послышались

довольно впрочемъ тихіе звуки слабо-дребезжащаго, будто робкою рукою тронутаго колокольчика.

Сестрицы ветрепенулись и оправились.

— По звонку узнаю, сказала съ какою-то скрытною досадою Надина, ожидавшая, вѣроятно, не того гостя, котораго «по звонку узнала». — Такъ *деликатно* звонить только Дементій Андреевичъ...

Въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ минуту, вошелъ смиренный герой нашъ, одѣтый съ большимъ вкусомъ и очень къ лицу, замѣтно пополнившему съ-тѣхъ-поръ, какъ мы увидѣли его впервые, на дачѣ, блѣднаго, желтаго, истомленнаго болѣзнью, одиночествомъ и тупымъ безстрастіемъ.

Щечки Полины мгновенно покрылись живымъ румянцемъ.

Двѣ другія сестры значительно переглянулись, и вслѣдъ за тѣмъ опять звонокъ, на этотъ разъ быстрый и громкій.

Очередь вспыхнуть стала за Надиной.

— Узнаешь-ли по звонку? полушопотомъ, проницески спросила ее младшая, не имѣвшая еще поклонника и покаместъ никому не оказывавшая предпочтенія.

Вошелъ львенокъ Павлуша, и съ нимъ невидимо вошли веселость, смѣхъ, общій разговоръ. Не положивъ еще шляпы, подбитой бѣлоснѣжной шелковой матеріей, не стянувъ съ рукъ свѣжихъ палевыхъ перчатокъ, онъ уже разсказалъ какой-то презабавный анекдотъ, разумѣется, вымышленный, какъ большая часть анекдотовъ, повѣстей и фельетоновъ.

Два звонка и шумная бесѣда въ гостиной вызвали изъ смежнаго кабинета и озабоченнаго родителя, окончившаго, можетъ-быть, свою скучную работу.

Разомъ привѣтствуя обоихъ гостей, протягивая каждому по рукѣ, добрый толстякъ молвилъ, обращаясь собственно къ Павлушѣ:

— Новостей, новостей привнесъ намъ съ три короба?

— Есть запасецъ: коробовъ имъ не наполнишь, а на часокъ stannoть...

Послѣдовало сообщеніе какихъ-то не обще-интересныхъ сплетней, частныхъ, для печати непригодныхъ...

— Далѣе?

— Вчера, 1 го августа, фонари по всему городу зажгли...

— Чудо, нечего сказать! Вѣдь это событіе у васъ ежегодно повторяется.

— Правда. Однако-жь, у насъ въ Коломяхъ объ этомъ за недѣлю разсуждаютъ и толкуютъ. Даровая иллюминація! Весь городъ празднично прогуливается по Невскому-проспекту и главнымъ улицамъ. И въ газетахъ пишутъ. Высчитали число фонарей. Съ коноплянымъ масломъ

3,729, ламповымъ 561, газовыхъ, 941, спиртовыхъ 2,550, въ числѣ ихъ 630 новыхъ, на Васильевскомъ-острову, и того 7,781 фонарь, если не ошибаюсь...

— Гдѣ ошибаться, коли цифры наизусть вызубрилъ!

— Для вашего удовольствія, почтенный Иванъ Петровичъ: я знаю, вы цифры любите...

— Ого! эпитаграмма! Ну, продолжай свою эпопею?

— Позвольте духъ перевести, и покажѣть *презентовать* васъ вотъ этими бездѣльцами, отвѣчалъ Павлуша, вынимая изъ кармана что-то мелкое. То были коробочки съ зажигательнымъ трупомъ и новою резиною, вычищающею чернила.

— О вѣкъ изобрѣтеній! воскликнулъ толстякъ: великихъ и малыхъ, полезныхъ и пріятныхъ! Стало-быть, теперь уже анахронизмъ старинная наша пословица: что написано перомъ, не вырубишь топоромъ...

— Она всегда сохранитъ свой нравственный смыслъ, котораго эта резина не вытретъ, вмѣшался Дементій Андреевичъ, соблюдавшій до того глубокое безмолвіе, въ нѣмомъ созерцаніи красоты предполагаемой своей невѣсты, которая въ этотъ вечеръ дѣйствительно была какъ-то особенно хороша. Но ненадобно отвлекать Павла Павловича отъ его рассказовъ—не то онъ можетъ потерять нить ихъ...

— О, будьте спокойны на этотъ счетъ, милостивый государь; я не собьюсь съ дороги, и скорѣе вамъ, моимъ благосклоннымъ слушателямъ, понадобится нить Ариадны, чтобы выдти изъ лабиринта многосложной городской хроники...

— Безъ древностей, Павлуша—требуемъ самаго новаго, вчерашняго... да скажи-ка, кетати, скоро ли начнутся представленія въ театрѣ-циркѣ? Мнѣ, старому кавалеристу, хотѣлось бы посмотреть эти конскія ристалища...

— Не раньше осени—слѣдственно, вы едва ли увидите, потому-что собираетесь въ деревню въ половинѣ нынѣшняго мѣсяца.. впрочемъ, какъ постоянный посѣтитель, я могу рассказать вамъ полную исторію здѣшняго цирка, со временъ Гверры и Кюзана, который нынче пишетъ оперы.

— Наѣздникъ пишетъ оперы? повторилъ Иванъ Петровичъ.

— Такъ точно, Поль Кюзанъ написалъ комическую оперу: «Лѣсной Демонъ»...

— Написалъ ее не Кюзанъ, а Клервиль... прервалъ Дементій Андреевичъ...

— Извините .. Клервилю принадлежать только слова, либретто, а музыку оперы все-таки сочинилъ нашъ бывший наѣздникъ...

— Что же лучше, музыка или слова?

— Не будемъ спорить о словахъ; доложу вамъ только, что музыку «Демона» доволенъ былъ самъ знаменитый Оберъ и восхищались музыкальные критики, въ томъ числѣ извѣстный Леонъ Гате...

— Да, всѣ они восхищались послѣ отличнаго завтрака, который предварительно задалъ имъ догадливый сочинитель оперы... не говоря уже о томъ, что Оберъ страстный охотникъ до лошадей, а Гате и лично скакунъ не хуже Кюзана...

— Такъ вы полагаете, что критиковъ и фельетонистовъ можно за добрить; что на приговоръ ихъ произведеніямъ литературы, искусства, остаются не безъ нѣкотораго вліянія пріязненныя или непріязненныя отношенія, причины косвенныя...

— Тише, господа! кажется, у васъ полемика начинается... Кюзана мимо. Переходимъ къ другому очередному предмету, какъ говорить въ парламентахъ... Только, пожалуйста, не о вертящихся столахъ, о которыхъ еще не перестаютъ разсуждать въ газетахъ, ни о тулонской дѣвочкѣ, которая, не дотрогиваясь до стѣны, силою магнетизма рукъ своихъ, утверждаетъ на ней полуторафранковую монету и заставляетъ ее тамъ прыгать; ни о длижансахъ и другихъ экипажахъ, которые, посредствомъ той же силы въ пассажирахъ своихъ, какъ паровозы, совершаютъ путь безъ лошадей; ни о новой силѣ *одъ*, открытой извѣстнымъ ученымъ Рейхенбахомъ, которою знаменуется симпатія къ синему и антипатія къ желтому цвѣту, которая однимъ и тѣмъ же лучамъ солнечнымъ, въ различномъ ихъ преломленіи и при дѣйствіи ихъ на различные индивидуумы или субъекты, сообщаетъ то теплоту, то прохладу, одну и ту же воду дѣлаетъ для однихъ вкусною, для другихъ противною, и еще не вѣсть что, короче, ни о чемъ подобномъ, неудобопонятномъ и не доказанномъ положительно въ нашъ положительный вѣкъ... Расскажи намъ лучше немудреное, что-нибудь попроче, обыкновенное, житейское, не чуждаясь прозаической «толпы», какъ бы то ни было составляющей, однакожъ, общественное мнѣніе, толпы, для которой трудятся наука, искусства, литература, промышленность, всѣ роды человѣческой дѣятельности,—да, той самой простодушной, но гениальной въ большинствѣ своемъ толпы, которой такъ тонко льстятъ поэты и такъ замѣтно угождаютъ журналисты, ибо въ ней-то и заключаются надежнѣйшіе подписчики...

«Иванъ Петровичъ начинаетъ приходить въ паюсъ», подумалъ Де-

ментій Андреевичъ. «Узнаю прежняго молодого человѣка-энтузіаста: онъ былъ болѣе воспримчивъ, когда былъ менѣе толстъ...»

— Повинуюсь: для васъ, почтенный Иванъ Петровичъ, я готовъ на все! отвѣчалъ Павлуша, бросая нѣжный взоръ на вторую изъ грацій, выразавшей: «это для васъ, Надина!»—Повинуюсь—буду говорить о толпѣ, и тѣмъ охотиѣе, что самъ имѣю счастье принадлежать къ ней... съ условіемъ только, чтобъ меня не перебывали и не критиковали безпощадно...

Толпа, продолжалъ онъ, принимая наивный видъ, въ остатокъ лѣта, покончивъ утромъ кое-какія, у каждаго имѣющіяся дѣлишки, вечеромъ спѣшить за предѣлы Петербурга, поближе къ нему или подальше отъ него. Сумерки теперь наступаютъ ранѣе, и потому каждый торопится добраться къ цѣли засвѣтло, взглянуть при дневномъ свѣтѣ на зелень, на цвѣты, уже начинающіе увядать, на густо опушенные листьями деревья, между вѣтвями которыхъ пробѣгаютъ уже первыя дуновенія осени... Что до меня касается, вы знаете, я безпрестанно странствую, днемъ и вечеромъ, до глубокой ночи: я непосѣда по природѣ и туристъ въ душѣ, ни чуть не менѣе самаго подвижнаго Джонъ-Буля. Путешествія же нынче такъ легки, удобны—пароходы дымятся у всѣхъ пристаней, а паровозы по всѣмъ путямъ быстрѣ мысли мчатся вихремъ, но безъ пыли, которую только пассажиры пускаютъ въ глаза своимъ визави, поднимая другъ передъ другомъ носъ...

— Остроты, околочности! нетерпѣливо замѣтила Полина. Нельзя ли сказать просто, гдѣ вы рыскали, были?

— Не близко-съ, Пелагея Ивановна! Напрасно изволите гнѣваться... На Фогельсбергѣ, въ Тиролѣ, въ Виндзорѣ и Абботсфордѣ.

Иванъ Петровичъ и Дементій Андреевичъ значительно переглянулись, какъ будто говоря: «помѣшался, кажется?» Надежда и Александра Ивановны наставили хорошенькія ушки свои, а Пелагея Ивановна, не удержавшись, воскликнула: «въ Абботсфордѣ, у Вальтеръ-Скотта? Когда же и какъ могли успѣть въ такое короткое время...

— На дняхъ-съ и на машинѣ, въ часъ, по Царскосельской желѣзной дорогѣ. Клопферъ показывалъ въ Павловскѣ туманныя картины, изображавшія замки, развалины, дворцы, монастыри заграничныя... А передъ тѣмъ ѣздилъ я въ Кронштадтъ, гдѣ мнѣ разказывали, что въ началѣ нынѣшняго лѣта, въ тамошнюю гавань неожиданно явился, изъ Новаго-Свѣта, съ береговъ Сѣверной-Америки, богатый голландецъ Фанъ-дербъ-Бильдъ, на собственномъ фрегатѣ-пароходѣ. Этотъ новый Монте-Кристо, съ семействомъ своимъ и друзьями, второй годъ уже постоянно разгуливаетъ по морямъ-океанамъ, останавливая плавучій домъ свой

во-всѣхъ извѣстныхъ портахъ, осматривая замѣчательные города и мѣстности. Такъ вздумалось ему, между-прочимъ, поглазѣть и на нашъ Петербургъ съ окрестностями: Восхищенный видѣннымъ, изумляясь все-му, что въ-теченіе полутора вѣка, изъ суровой, пустынной природы приморской, сдѣлалъ искусство и неутомимый трудъ, Фанъ-дерь-Бильдъ, если вѣрить разсказамъ, посѣтилъ, въ заключеніе, и главные наши загородныя гулянья. Говорятъ—я не выдаю за неопровержимый фактъ—говорятъ, что однажды этотъ наблюдательный путешественникъ оставался въ заведеніи искусственныхъ минеральныхъ водъ до той поздней или ранней поры, пока на встрѣчу выходившимъ оттуда здоровымъ не показались утромъ больные, пріѣхавшіе пить эти цѣлительныя воды...

— Въ будущемъ году, здоровые, которые такъ поздно засиживаются, много веселятся и пьютъ шампанскаго, вѣроятно, попадутъ въ разрядъ больныхъ, прибавилъ Деметій Андреевичъ...

— Можетъ-быть, вы это испытали на себѣ, кольнулъ Павлуша, не простившій худошавому его прежнихъ замѣчаній.

— Я многое испыталъ; но это не должно прерывать вашего разсказа. Продолжайте въ томъ же родѣ!

— Въ эти самыя минуты, когда я имѣю честь бесѣдовать съ вами, на оныхъ же неумолчныхъ «Водахъ» происходитъ повтореніе бенефиса г. Фохта, преждебывшаго кондитера, который прославился карриатурами изъ сахара, а теперь пріобрѣтаетъ себѣ извѣстность въ качествѣ декоратора, устройствомъ иллюминацій на такъ называемыхъ праздникахъ, задаваемыхъ г. Излеромъ.

— Фохтъ всегда былъ «декораторомъ», сказалъ Деметій Андреевичъ.— Помню, надъ его кондитерской красовалась огромная вывѣска съ изображеніемъ, во весь ростъ, турка, читавшаго Съверную Пчелу...

— Я не такъ давно въ Петербургѣ и потому говорю только о настоящемъ. Мнѣ довелось быть въ первое представленіе этого бенефиса, названнаго: *Ночь на берегахъ Босфора*. О ней, какъ о чемъ-то дивномъ, возвѣщала исполинская, длиною въ 16, а шириною въ 14 вершковъ, афиша, въ которой сказано было, что это будетъ праздникъ великолѣпный; устроенный въ совершенно-новомъ родѣ; что «Иванъ Пивавовичъ Излерь и г. Фохтъ не жалѣли и не щадили ни издержекъ ни трудовъ, и употребили все средства, все свое знаніе и искусство, чтобы придать празднику этому — еще доселѣ небывалое изящество и сдѣлать его великолѣпнѣе всѣхъ праздниковъ, доселѣ виданныхъ на минеральныхъ водахъ»...

Какъ было не поддаться искушенію такого громкаго и рѣшительнаго объявленія, на которое типографія И. Глазунова и комп. израсходовала

большую часть своихъ крупныхъ и заглавныхъ шрифтовъ, истощила весь запасъ своихъ наборныхъ соображеній касательно красивѣйшаго расположенія текста? И точно, все, кто не зналъ, какъ убить вечеръ и пустить въ коммерческій оборотъ лишнюю кофѣйку — пустились на «Воды», сухимъ путемъ и водами. Невскіе пароходики г. Оедорова, который тогда былъ озабоченъ газетною статьею по поводу противопоставлявшагося имъ соперничества и замѣчаніемъ о неточности времени ихъ прихода и отхода, — нескіе пароходики, изнемогая подъ бременемъ живаго груза, не могли на палубахъ своихъ помѣстить всѣхъ желающихъ, ни вдругъ сосчитать добытаго кассою несмѣтнаго количества двугривенныхъ. Поэтому пролеткамъ, дрожкамъ, коляскамъ, каретамъ и всѣмъ наемнымъ экипажамъ — былъ тоже великолѣпный праздникъ, настоящій бенефисъ, чего нельзя сказать о бѣдныхъ животныхъ, тащившихъ увѣсистые дилижансы, гдѣ отъ обилія пассажировъ, едва не сидѣвшихъ другъ у друга на колѣняхъ, образовался тропическій климатъ, не охлаждаемый и опаснымъ сквознымъ вѣтромъ, дувшимъ во все растворенныя окна, подъ все шляпы и шляпки...

Не охотникъ наблюдать архитектурныя или декорационныя приготовления и процессъ постепеннаго зажиганія разноцвѣтныхъ шкालиковъ и китайскихъ фонарей, я пооденько являюсь на все эти увеселенія. Когда, около десяти часовъ вечера, вошелъ я въ «босфорскія» залы, онѣ пестрѣли уже плотными толпами, тѣснившими одна другую, чтобъ поскорѣе выбраться въ садъ или завоевать мѣсто на скамьяхъ, ближайшихъ къ сценѣ разныхъ и безконечныхъ, въ первой залѣ, представленій. Скамьи эти не расположены амфитеатромъ, и головы переднихъ рядовъ заслоняютъ «зрѣлище» остальнымъ, гдѣ въ такомъ случаѣ уже не сидятъ, а стоятъ на скамейкахъ, «безъ различія пола и возраста». Жаръ и духота нестерпимые, вентиляторовъ нѣтъ, да и не знаю, много-ли бы помогли они. Можете вообразить, какъ полезенъ для здоровья непосредственный переходъ изъ душныхъ залъ въ прохладную атмосферу сада!

Не желая нажать кашель или горловую боль, я поспѣшилъ въ садъ, и попалъ, казалось, не на берега Босфора, а въ Японію, куда на самомъ дѣлѣ трудно попасть, по нелюбви туземцевъ къ европейцамъ. Пройдя нѣсколько шаговъ и вспомнивъ программу праздника, я обернулся взглянуть на фасадъ террасы, долженствовавшей быть «обращеннымъ въ великолѣпную *турецкую* палатку, украшенную знаменами, бунчуками и полумѣсяцами». Взглянувъ наверхъ, я увидѣлъ настоящій мѣсяцъ, двурогую луну, которая медленно, величественно и торжественно плыла въ темныхъ облакахъ. Передъ этою вѣчно-прекрасною

и плѣнительною картиною природы померкла въ глазахъ моихъ мнимо-«восточная» иллюминація; не рассмотрѣвъ подробностей убранства «турецкой палатки», я снова повернулся къ площадкѣ и, въ задумчивости, наткнулся на какой-то зеленый, прозрачный столбъ, освѣщенный изнутри...

Благодаря моей блистательной догадливости, я немедленно понялъ, что это-то и есть показанный въ афишѣ «огромный цвѣтуцій кактусъ». Цвѣты его, величиною побольше арбуза, недурно впрочемъ сдѣланные, издавали благоуханіе стеарина и ламповаго масла. Но искусственнымъ, въ гиперболическомъ видѣ, растеніемъ нельзя было долго любоваться—передъ мною раскидывалось дѣйствительно роскошное убранство первой площадки, оглашаемой глухимъ говоромъ дилетантовъ и стройными звуками оркестра Югана Гунгля... Здѣсь-то и была Японія!

По обѣимъ сторонамъ ея, то-есть площадки, а не Японіи, красовались «зеленыя пальмы»; по срединѣ же висѣла «новая колоссальная люстра», окруженная мѣньшими, какія и отдѣльно колыхались на оконечностяхъ или углахъ площадки, надъ которою переливчато-радужною сѣтью протягивалась цѣпь зыблящихся вазъ, гирляндъ, транспарановъ;—лучше всего въ этой изящной иллюминаціи были люстры, и колоссальная, и мѣньшихъ размѣровъ. Отлично, со вкусомъ и очень рачительно раскрашенное полотно ихъ, пестрымъ смѣшеніемъ, тонкостью и яркостью нѣжныхъ цвѣтовъ походило издали на японскій фарфоръ. Нѣсколько минутъ глаза съ удовольствіемъ останавливались на этой воздушной декорациі, и потомъ, утомленные, искали другой...

Стоило только пройти сквозь живописную, темными цвѣтами отдѣланную арку, и передъ вами разстлалась узоры второй площадки. Среди ея, противъ эстрады, гдѣ «упражнялся на шарѣ» г. Густавъ, ломались кабилы, показывались гимнастическія и атлетическія штуки, происходили «игры Ила и Лаомедона» и гимнастика на стульяхъ братьевъ Сабекъ, Коріоланъ (какое историческое имя!)—лежа на спинѣ, ногами подбрасывалъ бревно, какъ перышко, и наконецъ, такъ величаемый въ афишахъ *Геркулесъ XIX столѣтія*—г. Гобергъ, изумлялъ неправдоподобною силою,—среди второй площадки, хочу сказать я, извѣстный мраморный фонтанъ, не шумѣвшій, впрочемъ, ропотно и не осыпавшій васъ водяными брызгами, огороженъ былъ низенькимъ полотнянымъ заборикомъ, разумѣется, размалеваннымъ, и по сей причинѣ носилъ наименованіе «турецкаго фонтана». Такъ-какъ я не былъ ни въ Турціи, ни въ Японіи, ни въ Китаѣ, то и не могу судить, на сколько онъ оправдывалъ свое названіе...

По сторонамъ эстрады торчали, въ полумракѣ, узкія подобія минаретовъ, вышиною однакоже до одиннадцати сажень, а насупротивъ стоялъ плоскій мавзолей, съ девизомъ, заимствованнымъ, яко-бы, изъ арабскихъ поэмъ. Одинъ случившійся тутъ проказникъ, назвавшій себя ориенталистомъ, такъ перевелъ начертанныя на мавзолеѣ арабскія каркульки: «Какими пустяками забавляетесь вы, господа! На какой вздоръ тратите деньги и время!»—Извините, возразилъ другой веселый господинъ: вашъ переводъ невѣренъ;—арабская надпись эта значить:

Мѣшайте дѣло съ пустяками
И забавляйтесь иногда!
Разрѣшено и мудрецами
Отдохновенье отъ труда.
На общій вкусъ забавы рѣдки,
На всѣхъ никто не угождалъ...
Одинъ здѣсь требуетъ котлетки,
Другой шампанскаго бокаль;
Одинъ объ оперѣ вздыхаетъ,
Другой цыганскихъ прѣмадоннъ
Не ниже Гризи поставляетъ.
У всякаго свой вкусъ и тонъ!
Толпѣ мазурки, польки, милы,
Ученый безъ ума отъ книгъ...
Взгляните, старикашка хилый
Помолодѣлъ здѣсь хоть на мигъ...
А какъ довольны молодые,
Особенно прекрасный полъ —
Вотъ эти шляпки голубыя,
И этотъ сѣренькій камзолъ!

— Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ слышавшихъ оба перевода предпочли прозаическій, простой и короткій, —прибавилъ рассказчикъ, скромно потупляя глаза и такимъ-образомъ какъ-бы выдавая себя за неутѣшеннаго виновника малоудачной стихотворной импровизаціи.

Публика, по обыкновенію, раздѣлялась на нѣсколько партій. Одни слушали оркестръ въ саду, другіе глазѣли на иллюминацію, третьи пробирались къ звѣринцу Зама, откуда раздавалось негодующее рыканіе заточеннаго льва, или къ вновь устроенной панорамѣ Берлина, вырѣзанной изъ липоваго дерева, приплачивая по четвертаку за каждое изъ этихъ удовольствій; четвертые пили чай подъ натуральными липами; пятые дѣлали тоже самое въ ближайшей къ саду залѣ; шестые наполняли другую залу, главнѣйше любуясь тамъ ненаглядными живыми картинами, представлявшими нимфъ океана, Гомера, распѣвающаго Иліаду, битву Геркулеса съ амазонками, индійскаго Бахуса, приговоръ Брута...

— Это стоило бы, кажется, посмотреть? вопросительно, но недовѣрчиво произнесъ толстякъ...

— Только мы, кажется, ничего не увидимъ, съ маленькимъ сѣтованіемъ замѣтила Полина.

— Хоть разъ-бы, папенька, свозили вы насъ къ этому Излеру? подала голосъ Наина.

— Или въ Павловскъ,—въ свою очередь, выразила мнѣніе Александра.

— Почему же нѣтъ; свезу разокъ, пожалуй... Однакожъ, живыхъ картинъ тамъ немного...

— Помилуйте, неисчислимый репертуаръ! возразилъ повѣствователь.— Да я вамъ на-память пропасть назову... Марсъ—Амуръ—Аполлонъ—Терпсихора и три граціи; Телемакъ и прибытіе Амфитриды на островъ Цитеры; греческіе войны передъ Троею; смерть Пріама и Ахиллеса, Олимпъ въ полномъ составѣ; торжество Галатей, Сусанна; раздраженный Геркулесъ; золотое дерево; молодая спартака; похищеніе сабинокъ; Діана и Актеонъ, Юпитеръ и Венера въ разныхъ видахъ; жертва Ифигеніи; всякіе жрецы и жрицы... вся міѳологія въ трико, подъ газомъ и въ цвѣтахъ...

— Все это, впрочемъ, легко вообразить, заключилъ Иванъ Петровичъ, побрякивая въ карманъ денежками, которыя жалѣлъ на «пустяки», согласно приговору девиза изъ арабской поэмы...

— Ну, а самый Босфоръ и берега его? спросилъ Дементій Андреевичъ.

— Это также предоставляется вамъ *вообразить*, какъ думали, вѣроятно, и остроумные устроители «небывалаго, совершенно въ новомъ родѣ праздника». Они ограничились декорацией «турецкой крѣпости», ея фейерверочною осадю, бомбардированіемъ и взрывомъ. Билъ барабанъ; музыка гремѣла военный маршъ... Очень было страшно—огонь трещалъ, какъ на пожарѣ, лопались бураки, пугались дамы и лошади безчисленныхъ экипажей за оградою;—неосторожная искра прожгла мнѣ палецъ; потомъ все потухло, потемнѣло... слышался голосокъ цыганки Груши: «И нѣтъ въ мірѣ очей»... ей подтянула Маша: «ѣхали ребята»... «ой, бѣда!» восклицали Лиза и Васильевъ, въ тактъ съ публикою, которая долго не могла развѣхаться, отыскивая или ожидая своихъ возницъ... Кончивъ рассказъ, прощу стаканъ воды...

— И возьмете карточку? предложилъ хозяинъ, раскладывая ломберный столъ.

Иванъ Петровичъ, Дементій Андреевичъ и Павлуша усѣлись за преферансъ, и въ заключеніе семейнаго вечера, толстякъ принужденъ

былъ слаться на требованіе дочерей и возвратившагося сынка-баснописца—свозить ихъ въ Новую-деревню...

Исполненіе этого обѣщанія послѣдовало не далѣе, какъ черезъ день, именно во вторникъ, 4 августа, въ третье повтореніе описанной бо-сфорской ночи. Полина, Надина и Александрина узрѣли наконецъ собственными глазами всѣ эти чудеса санктпетербургскаго загорожья, и узрѣли съ достаточнымъ удобствомъ, потому-что въ этотъ вечеръ посѣ-телей на Водахъ было не слишкомъ много и слѣдственно не было ни тѣсно-ты, ни жары нестерпимой... *Силомѣръ* (динамометръ) и *указатель вѣса*, довольно изящно и симметрически устроенные подъ кровомъ прозрачныхъ павильончиковъ, по обѣимъ сторонамъ арки, на границѣ, раздѣ-ляющей увеселительныя площадки, привлекали любопытствовавшихъ узнать крѣпость своихъ рукъ и вѣсимость тѣла. Многіе тщедушные съ удивленіемъ и радостью убѣдились, что они существа не совѣмъ безсильныя, потому-что посредствомъ извѣстнаго механизма поднимали нѣсколько пудовъ какой-то тяжести, скрытой подъ поломъ, и люди не безъ вѣса, потому-что сами составляли тяжесть въ нѣсколько пудовъ. Стрѣлки красивыхъ циферблатовъ указывали степень силы и вѣса каж-даго. Самолюбіе нѣкоторыхъ измѣрявшихся и вѣшавшихся было вполне удовлетворено крупною цифрою—и наслажденіе это стоило не болѣе гривенника. Не много съ одного и порядочный сборъ съ сотенъ въ одинъ вечеръ. О промышленность, облакаемая въ форму науки! О пре-словутыя «Воды», на которыхъ все найдешь, всего допросишься, кромѣ стакана воды!

Послушавъ увертюру изъ «Гугенотовъ», «келлофонъ, филомелу, мандолину и гармонику» тирольцевъ, изъ груди которыхъ, по странному замѣчанію толстяка-провинціала, излетаетъ иногда отрывистый, болѣз-ненный звукъ, въ такомъ родѣ, какъ будто-бы они внезапно проглотили кипятку; посмотрѣвъ на разныя разности, въ саду представляемыя, дѣй-ствующія лица повѣсти нашей переключавали въ концертную залу. Благо-даря малочисленности посѣтителей, Павлуша, распорядившійся на Водахъ какъ дома, успѣлъ завоевать первую скамейку. Посрединѣ помѣстились три сестрицы, съ боковъ Иванъ Петровичъ, опиравшійся на свою палку, и Дементій Андреевичъ, неимѣвшій въ жизни никакой опоры, кромѣ надежды на взаимность своей Полины. Суевѣвшемуся Павлушѣ и юному баснописцу не сидѣлось на мѣстѣ. Они сновали туда и сюда, желая ви-дѣть, слышать все вдругъ и посѣть всюду...

— Шестдесятъ тысячъ квадратныхъ футовъ! Сколько было труда и терпѣнія! говорилъ толстякъ, не спуская глазъ съ неизбѣжной пано-рамы Миссиссипи, медленно двигавшейся передъ зрителями подъ звуки

монотонной музыки. Города, озера, водопады, скалы при закатѣ солнца, крутые берега, пароходы, плывущіе и горящіе, хлопчато-бумажныя плантаціи, кипарисныя болота, сахарородныя мѣста, негры съ опущенными и змѣи съ поднятыми головами, рогатый олень и звѣри безъ роговъ, но болѣе опасныя, хижины индійцевъ и свинцовыя рудники, острова и горы, лѣса и пажити, вода и небо, и наконецъ Новый-Орлеанъ, вблизи котораго Миссиссипи, совершивъ теченіе слишкомъ въ тысячу-пять сотъ миль, впадаетъ въ заливъ Мехиканскій.

— Хорошая кисть, весьма старательное исполненіе: но долго смотрѣть соскучишься! сказалъ Дементій Андреевичъ, и тихо прибавилъ: это не то, что ваши глаза, Целагея Ивановна...

— Перестаньте, вѣдь вы не мальчикъ, чтобъ говорить такіе комплименты.

Дементій Андреевичъ вздохнулъ про себя, впервые пожалѣвши, что онъ давно уже не мальчикъ, не юноша, котораго нѣжности выслушивали бы охотнѣе...

Ни цѣніе «вновь ангажированныхъ» синьора Мирати и какой-то синьорины, ни «японскія игры и хрустальныя пирамиды», составленныя изъ графитовъ съ разноцвѣтными жидкостями, въ нѣсколько ярусовъ, слишкомъ не заняли пропитанную англійскою поэзіей героиню нашу, хотя на горлышкѣ верхняго графина удивительно балансировалъ какой-то отчаянный художникъ, выдѣлывая въ тоже время руками, языкомъ и носомъ отважнѣйшія штуки, ежеминутно внушавшія опасеніе за цѣлость его головы, которую, вѣроятно, считалъ онъ послѣднимъ, обременительнымъ условіемъ своего существованія...

Но вотъ послышалось соло, не недостойное иной сцены, фантазія на любимую каватину изъ оперы «Niobe», и звуки Германовой виолончели, этого инструмента, такъ схожаго съ голосомъ человѣческимъ, какъ-будто-бы привлекли на мгновеніе симпатическое вниманіе Полины...

Еще мгновеніе...

О Полина! о бѣдная дѣвушка! зачѣмъ ты отвлекла взоры свои отъ этой нероскошной, но безопасной сцены? зачѣмъ слухъ твой не внимаетъ долѣе мужественно-нѣжнымъ аккордамъ этой большой скрипки, почти заслоняющей скромнаго артиста, которому какъ-будто грустно и больно, что онъ добросовѣстно разыгрываетъ свои мелодіи не на подмосткахъ настоящаго театра?...

У барьера, отдѣляющаго тѣсное помѣщеніе оркестра отъ рубежа этой зальной сцены, въ граціозной, изящной позѣ, стоялъ молодой, стройный, прекрасный собою кавалеристъ. Въ одной рукѣ держалъ онъ свою блестящую маску, другою поправлялъ свои густыя, шелковистыя, темно-

русые волосы. Его нѣсколько блѣдное, продолговатое лицо оживлялъ алый, благородный румянецъ, прозрачный, какъ розовая кисея, сбѣгающій какъ робкая утренняя тѣнь. Двѣ широкія, пушистыя дуги бровей ложились черною тѣнью надъ большими, пламенными голубыми глазами. Пронзительный взглядъ ихъ случайно упалъ на Полину; ея взглядъ случайно встрѣтился съ этими свѣтлыми и жгучими взорами.

Они долго, нѣсколько минутъ, смотрѣли другъ на друга, словно повинувась какой-то неодолимою магической силѣ, какому-то неотступному обаянію, и потомъ кавалеристъ исчезъ, увлеченный какимъ-то статскимъ франтомъ...

До слуха Полины слабо долетѣли медленные, сладостные звуки голоса скрывшагося красавца; виолончель медленно пѣла: но старшая дочь толстяка ничего уже не видѣла, не слышала. Щеки ея то горѣли, то покрывались бѣлыми пятнами; руки и ноги ея странно дрожали, грудь колебалась, уста вдругъ заеклись. Сосѣдъ ея, нашъ злополучный Дементій Андреевичъ, все это видѣлъ, слышалъ ея трепеть, чувствовалъ за нее и вмѣстѣ съ нею...

Онъ угадалъ, понялъ происходившее въ ея взволнованномъ, стѣпенномъ сердцѣ, его собственное замерло, и онъ такъ поблѣднѣлъ, что встревожилъ добраго Ивана Петровича, который, замѣтивъ его блѣдность и не замѣтивъ ничего другаго, обратился къ нему съ вопросомъ пріятельскаго участія: «не дурно-ли тебѣ, Дементій Андреевичъ?»

— Да, немного... здѣсь жарковато...

Они поднялись съ мѣстъ и вышли въ садъ, на свѣжій воздухъ, поколику онъ можетъ быть свѣжъ и чистъ въ безъисходныхъ клубахъ табачнаго дыма отъ множества сигаръ и папиросъ. Скоро онъ смѣшался съ пороховымъ, при блескахъ и раскатахъ фейерверка, на который Полина смотрѣла разсѣяннo и тревожно, безпрестанно оборачиваясь, какъ будто-бы искала кого-то глазами...

Возвратились домой. Всегда кроткая и послушная, Полина стала вдругъ капризна и своенравна; сказала чуть не грубость покорному, безотвѣтному Дементію Андреевичу, сердилась на брата, ворчала на сестеръ, невнимательно отвѣчала на какой-то вопросъ отца, и въ заключеніе такъ раскритиковала Излера, какъ никогда не рѣшался ни одинъ раздосадованный фельетонистъ, охотно принося этому протею дань заслуженныхъ похвалъ. Но, что всего страннѣе и слишкомъ противорѣчиво,—тутъ же изъявила желаніе ѣхать къ нему на другой день или вечеръ, предназначавшійся въ пользу инвалидовъ.

— Шалишь... сверхъ-рубля шалишь, Поля! сказалъ толстякъ, улы-

баясь и любясь раскрасившимся щечками дочери. Стану я ежедневно возить васъ туда?!

— Завтра, Пелагея Ивановна, тамъ будетъ тоже самое, дерзнулъ замѣтить огорченный женихъ.

— Повторится точь-въ-точь все сегодняшнее, поянилъ Павлуша.

— Повторится сегодняшнее! повторила Полина задумчиво и какъ будто-бы говоря сама съ собою...

Спустя около недѣли, Павлуша явился, во-первыхъ, съ новыми разсказами, между-прочимъ, о бенефисѣ Шиндлера въ паркѣ близъ Лѣнаго института, иллюминированномъ шкаликами и бенгальскимъ огнемъ, и оглашенномъ пѣснями *шестнадцати* нѣмецкихъ пѣвцовъ, которые, если вѣрить разсказчику, лихо отхватывали «Камаринскую» Глинки, по программѣ значившуюся, впрочемъ, въ музыкальномъ собственно отдѣленіи концерта; а во-вторыхъ, съ афишею непомѣрнаго объема, простиравшагося до полутора аршина въ длину и трехъ-четвертей ширины. Огромный листъ печати извѣщалъ о новомъ, 13 августа, на «Водахъ» бенефисѣ, г-жи Беккеръ, устроительницы живыхъ картинъ, пѣвца Крена, виолончелиста Германа и скрипача Мертке. Новый, разумѣется, «великолѣпный» праздникъ расписывался краснорѣчивѣе и—словно мы торопимся жить—общалъ Годъ въ три часа или четыре времени года. По словамъ афиши, это была затѣя опять «въ совершенно-новомъ и небываломъ родѣ», въ которой учредители «старались по возможности выдти изъ обыкновенной системы аранжировокъ, и придать празднику этому новый видъ, характеризующій его названіе». Чѣмъ-то привлекательнымъ и даже поэтическимъ вѣяло изъ широковыщательной программы, составленной довольно грамотно. Наружный фасадъ террасы долженствовалъ представить развалины готическаго замка, съ двумя на вершинѣ его аистами, символически изображающими наступленіе весны. Раздѣленные на четыре участка, двѣ главныя площадки сада претендовали, въ живой картинѣ, воскресить давно отлетѣвшую *весну*, поддержать отлетающее *лѣто*, придвинуть суровыя декорации и безъ того быстро-приближающейся *осени*; наконецъ, ни съ того, ни съ сего, пахнуть на васъ ледянымъ дыханіемъ бореевъ и мятелей *зимы*...

Уступая усиленнымъ просьбамъ сына и дочерей, въ особенности настоятельному требованію старшей, Иванъ Петровичъ волею-неволею согласился снова потѣшить свое семейство, показать ему диковинный «праздникъ», мечтавшій обогнать природу въ ея постепенномъ теченіи. Издержки на этотъ разъ уменьшались въ-половину, потому-что Дементій Андреевичъ, желая чѣмъ-нибудь угодить Полину, предложилъ съ своей стороны экипажъ...

Но Полинѣ ничто не могло угодить, ничто не могло развлечь ее внутренно, со времени перваго, столь роковаго посѣщенія «Воды». Она, что называется, металась изъ угла въ уголь, «милый образъ, мимолетное видѣнiе» не выходили, не вылетали изъ нея горячей памяти и смятеннаго сердца, не давали ей покоя ни днемъ, ни ночью, усыпляли ее бодрствованiе, нарушали ее сонъ. Глаза ее помутились и блуждали какъ у помѣшанной. На изсохшихъ, отъ душевной тревоги, розовыхъ губкахъ образовались трещины, которыя привели бы въ недоумѣнiе любого архитектора; кругленькія щечки ее замѣтно впали... Наконецъ, въ одномъ углу нашла она четверть листка почтовой бумаги, схватила стальное перо, которое ее прорѣзывало, какъ онъ ее сердце, и закипѣло страстное посланiе, адресованное, разумѣется, къ интимной деревенской подругѣ. Запечатанное, оно секретно вручено было вечеромъ Павлушѣ, съ тѣмъ, чтобы тотъ, для вѣрности, самъ отдалъ его, слѣдующимъ утромъ, на почту. Молодой человѣкъ, воротясь къ себѣ и отходя ко сну, вынулъ изъ кармана эту конфиденціальную корреспонденцію, положилъ ее на столикъ подлѣ кровати, улегся и закурилъ толстую вояжерку Морне. Свѣча горѣла, Павлушѣ спать еще не хотѣлось, читать было нечего; онъ протянулъ руку къ письмецу Полины, повертѣлъ его нѣсколько времени въ рукахъ, подумалъ немного, спокойно сломалъ печать, и прочиталъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Такъ—то, добрая моя Паша, рѣшается судьба наша, по крайней—мѣрѣ судьба нашего бѣднаго сердца, которое такъ сильно умѣетъ полюбить и такъ мало смѣетъ выбирать. Меня выбралъ этотъ милый, благородный прiятель батюшки, Дементій Андреевичъ, человѣкъ достойный всякаго уваженiя и любви, хотя онъ немного краситъ волосы, очень притомъ рѣдкіе. Я приготовлялась, прiучала себя полюбить его, какъ мужа, какъ старшаго брата, какъ отца. Папа желаетъ этого брака... однако—жъ, далеко не неволить меня. Мы почти помолвлены, и еще нѣсколько дней тому, я готова была сказать батюшкѣ: «выхожу за него, за Дементія Андреевича», и одна минута, одна случайная, нелѣпая встрѣча испровергаетъ мое благоразумное рѣшенiе, лишаетъ счастья достойнѣйшаго человѣка, который, кажется, безъ ума отъ меня и, конечно, весь остатокъ своей жизни преданно посвятилъ бы моему счастью...

«О, какъ молодъ, прекрасенъ *другой*, незнаемый! Очаровательный взглядъ его перевернулъ мою душу, морочитъ меня неотступно, сколько я не дѣлала надъ собою усилій, чтобы освободиться отъ этого губительнаго влiянiя. Статься-можетъ, мы никогда уже болѣе не встрѣтимся. Яницѣла его только разъ, и потомъ всенъ.. онъ говорилъ

миѣ такія сладкія рѣчи; рука моя горѣла въ его дрожащей рукѣ... запекшіяся уста мои жгло пламя...

«Черты его какъ-будто бы напоминають нѣсколько Виктора... помнишь-ли, Паша... того хорошенькаго, тринадцатилѣтняго мальчика, который нѣкогда росъ и игрывалъ съ нами... Мы давно забыли его и совершенно потеряли изъ виду, съ-тѣхъ-поръ какъ ихъ семейство навсегда оставило сторону нашу. О тихая, прелестная сторона, зачѣмъ я оставляла тебя навремя. Я не привезу уже съ собою прежняго спокойствія въ наши поля и горы, въ разделяющей усадьбы наши густой лѣсъ, который скоро пожелтѣетъ, какъ я начинаю желтѣть теперь... О, Паша, Паша, сколько нужна миѣ въ эти дни твоя дружба, твой совѣтъ, твое слово!.. Какъ быть? На что рѣшиться?..»

«Такъ вотъ оно что!» сказалъ самъ себѣ Павлуша. «Вотъ отчего, Пелагея Ивановна, васъ такъ коробить и тянетъ на Воды... отчего вы, сударыня, такъ угорѣли и одурѣли!—Ну, я отъ всей души поздравляю тебя, достопочтеннѣйшій Дементій Андреевичъ! Выходитъ, что въ вѣрномъ выигрышѣ останется только твой портной, нашившій тебѣ такихъ модныхъ визитокъ, пиджаковъ, пальто и столько жилетовъ разноцвѣтнаго пике... весь этотъ самоновѣйшій гардеробъ ни къ чему не послужилъ—износился, подобно самому тебѣ, передъ однимъ могущественнымъ взглядомъ молодости и красоты мужской?»

Произнеся этотъ тонкій монологъ, Павлуша спокойно вложилъ обратно въ конвертъ таинственное письмо, задулъ свѣчу, повернулся на бокъ и заснулъ богатырски. Искусно вновь запечатанное, оно утромъ отнесено было на почту, не самимъ Павлушей, а его человѣкомъ, что, по основательному миѣнію перваго, отнюдь не измѣняло ни существа дѣла, ни вѣрности доставки...

Наступилъ нетерпѣливо ожидаемый всѣмъ гостинимъ дворомъ и всѣми комми четвергъ, вечеръ 13-го августа, и провинціальное семейство наше, въ сопровожденіи тѣхъ же кавалеровъ, прикатило на Воды въ двухъ каретахъ. Полина какъ будто-бы сожалѣла, что поспѣшила откровеннымъ къ подругѣ посланіемъ, такъ неосторожно довѣреннымъ посредничеству вѣтряника.—«Письмо мое отправлено?» тихо спросила она Павлушу, когда онъ высаживалъ ее изъ кареты. — Вѣроятно, получено уже на мѣстѣ.—«Неприкосновенное?»—«Помилуйте, за кого вы меня считаете!»

Вошли въ садъ. Первымъ провозвѣстникомъ *весны* былъ старый знакомецъ кактусъ. Полотняные кустарники, коленкоровые цвѣты, искусственные розы, таковыя же гирлянды, транспараны, къ которымъ

не слѣдовало приближаться, чтобы не поразила васъ грубость кисти, украшали весенній участокъ, въ которомъ, по словамъ программы, «преобладалъ розовый цвѣтъ»; въ воздухѣ качались «живописныя люстры», и медленно, словно окорока вѣтромъ, колыхались чудовищной величины бабочки, тяжелыя, какъ свинецъ, неповоротливыя, какъ медвѣдь. Гдѣ имъ было порхать по цвѣтамъ, когда онѣ были вдесятеро больше огромныхъ цвѣтовъ кактуса. Около помѣщенія оркестра кусты стѣснялись, образуя цвѣтнйкъ, едва-ли только «роскошный», по выраженію печатнаго объявленія... Картонныя деревья «въ полномъ цвѣтѣ» и съ «плодами», неудобными для вкушенія, составляли переходъ отъ весны къ лѣту, которое изображала «золотистая нива съ растущей на ней рожью»; мѣстами видѣлась что-то похожее или непохожее на «кошны сжатыхъ колосьевъ, приготовленныхъ для уборки; по окраинамъ площадки разбросаны фрукты», которыхъ никто не поднималъ, съ трудомъ различая ихъ декоратіонные синонимы... вездѣ, говорило печатное описаніе, «преобладалъ здѣсь голубой цвѣтъ, какъ принадлежащій васьилькамъ»...

Семейство Ивана Петровича, столь знакомое съ картинами сельской природы, не нашло на этихъ двухъ участкахъ ни малѣйшаго напоминанія весны и лѣта, и перешло въ остальные два, взглянувъ предварительно на одинокаго аиста, котораго поджаривали изнутри, за тѣмъ, чтобы онъ свѣтился надъ грустными развалинами... другаго аиста не видѣли...

Не слишкомъ удовлетворяла зрителей и аллегорія осени, съ копыями, увитыми нарисованнымъ виноградомъ, и транспараномъ—приготовленія морса, доказывавшимъ, что декораторъ Фохтъ не равнодушенъ еще къ прежнему ремеслу своему — кондитера. Не совѣтъмъ сходно съ программой изображалась наконецъ и зима, долженствовавшая, по точному стилю афиши, представлять «характеръ мертвенности, въ который облекается природа въ это время года». Нѣсколько общипанныхъ метель отнюдь не замѣняли «иссохшихъ и замерзшихъ деревьевъ», и никто не замѣтилъ, чтобы послѣднія, по общанію, покрыты были «инеемъ и снѣгомъ»; тщетно также взоры зрителей искали, равномерно общипанныхъ, снѣжныхъ полей и льдинъ, «свисшихъ съ крыши эстрады» на второй площадкѣ. Зато всѣ четыре участка дѣйствительно представляли общую картину мертвенности и какого-то унынія, происходившаго отъ этого неудачнаго смѣшенія полусвѣтовъ и цвѣтовъ...

Мертво и уныло было въ неопытномъ сердцѣ Полины, не нахо-

дившей того, для котораго она такъ желала попасть въ этотъ затѣливый бенефисъ,—кто вдругъ, нѣхотя, сгубилъ ее собственную весну. Не развлекли ее ни на мгновеніе игривыя пьески, мастерски исполняемыя оркестромъ Югана Гунгля, ни его прекрасный вальсъ: «Souvenir de Tripoli»... Машинально только повторила она мысленно стихъ изъ неподражаемаго посланія Пушкина «къ вельможѣ»: «Ты помнишь Трианонъ и шумныя забавы?»

«Понимаю твою печаль и разсѣянность!» думалъ Павлуша, проникшій въ сердце Полины не совсѣмъ позволительнымъ способомъ. «Иванъ Петровичъ»,—продолжалъ онъ вслухъ: «надобно заглянуть и въ концертную залу?» Пошли туда. Но ни новыя живыя картины г-жи Беккеръ, ни элегическое соло Жана Мейера на скрипкѣ, ни флейта Совле, разыгрывавшая дивертиссементъ на мотивы изъ «Двухъ Фоскари», Байрона и Верди; ни русская пѣсня Кольцова: «Что ты спишь, мужичекъ?» съ которою вздумалъ совладать какой-то не русскій пѣвецъ—ничто не коснулось взоровъ и слуха влюбленной дѣвушки. Павлуша замѣтилъ однакожь, что она вздрогнула, когда виолончель Германа начала русскую арію, и глаза ее быстро обратились къ одной сторонѣ барьера: но тамъ, какъ *тогда*, въ граціозной позѣ, не красовался плѣнительный кавалеристъ. Павлуша улыбнулся. Дементій Андреевичъ поблѣднѣлъ. Онъ тоже наблюдалъ за своею теряемою невѣстою...

«Здѣсь душно!» сказала Полина, щеки которой дѣйствительно пылали. Всѣ снова въ саду, гдѣ если не душно, то и неслишкомъ просторно. Не легко пробраться сквозь «живописныя триумфальныя ворота», т. е. по-просту арку, раздѣляющую двѣ главныя площадки. Толстякъ снисходительно любуется прозрачною размалевкою этихъ «воротъ», аллегорически убранныхъ трофеями, съ одной стороны—осени, съ другой—зимы. Павлуша остритъ надъ поставленною на аркѣ неблагообразною фигурокъ—въ-половину вакха, въ-половину арлекина... Дементій Андреевичъ ни на что смотреть. Полина ничего не видитъ, потому-что не хочетъ видѣть, не видя того, чье присутствіе сдѣлало бы для нея нѣсколько сносите все это странное и нескладное зрѣлище...

Публика также не совсѣмъ имъ довольна; въ утомленныхъ глазахъ ея слишкомъ долго тянется этотъ скоросиѣльный *годъ въ три часа*. Полина въ три часа переживаетъ годъ сердечной муки. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ заключительныхъ потѣшныхъ огней, чтобы скорѣе разлѣхаться. Но и фейерверкъ раздѣленъ на четыре части. Взвилась ракета, и загорѣлся букетъ цвѣтовъ. Это *весна*, какъ гласитъ надпись изъ огненныхъ буквъ. Черезъ полчаса, «золотистая нива» крас-

ныхъ и голубыхъ искръ и пламенный водопадъ, низвергающійся съ воображаемой скалы—представляютъ *лѣто*. Передъ третьею частью слышится отдаленные звуки охотничьихъ роговъ, раздаются выстрѣлы, и ярко освѣщенный транспарантъ силится изобразить темный лѣсъ съ кабаней въ чашѣ его охотой. Собаки немилосердо терзаютъ страшнаго звѣря. Это — *осень*. Ущелье горы, мнимо-падающій снѣгъ и лавина, поглощающая людей—предназначены возсоздать картину *зимы*, въ надписи которой недостаетъ отсырѣвшей первой буквы, что подаетъ поводъ къ каламбуру въ толѣ: «зѣло не хорошо вышло».

Въ антрактѣ осенняго и зимняго фейерверковъ, на эстрадѣ второй площадки, г. Беккеръ аранжируетъ «разныя сцены изъ карнавала», представляемыя труппою масокъ, арлекиновъ, пьеро, коломбинъ. Всѣ эти болѣе или менѣе пріятныя фигуры выплясываютъ *pas de matelot*, мазурку *solo*, польское *pas de trois* и китайскій танецъ: но не успеваютъ снискать благоволенія публики, которая, при закрытіи завѣсы, единогласно шикаетъ и съ неудовольствіемъ расходится...

Афиша обѣщала еще «магическое изображеніе въ водѣ дворца волшебницы Морганы»: но исполненія не послѣдовало. Эта курьозная *фата-моргана*, возвѣщавшаяся многократно, каждый разъ отбѣнялась, то по случаю ненастной погоды, то по причинамъ, ближайше извѣстнымъ виновникамъ увеселеній на Водахъ. «Когда же будетъ *сія* фата-моргана?» спрашивалъ одинъ фатъ у другаго, вправявшаго въ глаза квадратное стеклышко. *Morgen*, отвѣчалъ тотъ, отнимая отъ глаза это стеклышко, мѣшавшее ему хорошенько разсмотрѣть трехъ молоденькихъ, свѣженькихъ особъ, медленно пробиравшихся къ выходу въ сопровожденіи нѣсколькихъ кавалеровъ. То были наши областныя граціи. Взоры Полины все еще блуждали въ толѣ, и каждая блестящая каска, сверкавшая впереди, заставляла трепетать экзальтированную дѣвушку.

Напрасно, на обратномъ пути, Павлуша истощался въ доказательствѣхъ, что неудавшійся въ Новой-деревнѣ бенефисъ — все-таки совершенство въ сравненіи съ штуками Дордана, Монплезира и Любека, гдѣ даютъ пекинскія ночи, съ балансированіемъ корабля *на лбу*, японскія ярмарки, *всякому свое счастье*, или сюрпризы въ три копѣйки серебромъ, и *рыцарскіе* праздники, состоящіе изъ прищипленныхъ къ березкамъ картоновъ, на которыхъ цамалеваны мечи, щиты, шлемы, латы и т. п. Напрасно! Недовольная собою и цѣлымъ свѣтомъ Полина не хотѣла вѣрить несходящимъ степенямъ загородныхъ забавъ, а почтенный родитель ея выразилъ мнѣніе, что все это болѣе или менѣе балаганно, и умѣстнѣе было бы на масляницѣ, подъ качелями,

для простаго народа. «Высшее общество, избранная публика», прибавилъ Дементій Андреевичъ, «хотя изрѣдка и взглядываетъ на эти забавы, но вообще предпочитаетъ свой кругъ»...

— Вы разумѣете, вѣроятно, каменно-островское музыкальное гулянье? прервалъ Павлуша. — Да, тамъ вѣтъ истиннымъ изяществомъ и дыханіемъ живой красоты, которая любитъ только роскошныя, поэтическія декорации оперы или балета... одними экипажами тамъ не налюбуеться... напимѣрь, этотъ новомодный англійскій *кабъ*, на двухъ колесахъ, безъ козелъ, правимый жокеемъ съ запятокъ, черезъ кузовъ... Однакожь, и то сказать, однообразіе вездѣ и всемъ прискучиваетъ... Вотъ муринскіе дачники, которые даже въ газетахъ хвалились прелестью уединенія и сельской тишины, подлѣ-конецъ лѣта начали позѣвывать и, какъ слышно, устриваютъ мѣстный балъ. Павловскій-воксалъ, который доселѣ довольствовался исключительно оркестромъ Юсіфа Гунгля, теперь вступаетъ въ счастливое соперничество съ заведеніемъ искусственныхъ минеральныхъ водъ—и, посмотрите, многіе изъ лучшей публики явятся на бенефисъ Вальца, обѣщающій что-то не совсѣмъ обыкновенное — морской праздникъ...

— Не посмотримъ, потому-что на-двухъ выѣзжаемъ изъ Петербурга, — сказалъ толстякъ: процессъ мой конченъ, сынишко определень...

Полина вздрогнула; у Дементія Андреевича защемило подлѣ сердца. Павлуша возразилъ:

— Потому-то именно, Иванъ Петровичъ, что скоро и надолго, если не навсегда, разстаетесь съ Петербургомъ, и надобно побывать въ Павловскѣ. Сообщение по желѣзной дорогѣ удобное и недорогое, а билеты на бенефисъ я буду имѣть честь представить вамъ...

— Очень, очень благодаренъ тебѣ, любезнѣйшій; да не хотѣлось бы замедлять отъѣздомъ...

— Ничуть не замедлите: это послѣ завтра, 15 го числа, и смѣю увѣрить, не разочаруетъ васъ, какъ «Четыре времени года», которая сейчасъ мы видѣли, и которая обѣщаетъ еще ганзейскій «Любекъ», обыкновенно повторющій въ каррикатурахъ все, что ни затѣютъ на Водахъ...

— Изволь, вези насъ куда угодно; будемъ восхищаться каррикурами, въ оригиналѣ и копіяхъ. Какъ вижу, ты, Павлуша, истый герой столичнаго загорожья и непремѣнный членъ всѣхъ общественныхъ гуляній и сборищъ; — это, кажется, единственная твоя спеціальность и профессія?

— Извините, я нахожу время для всего... занимаюсь науками и,

въ числѣ ихъ, даже астрономіей. Кстати, расскажу вамъ... 10-го числа, около девяти часовъ вечера, созерцая звѣздное небо, усѣянное мириадами свѣтилъ, я замѣтилъ между ними, или, говоря точнѣе, подъ созвѣдіемъ «Большой Медвѣдицы», небольшую комету. Она имѣла шаровидную форму и состояла изъ парообразнаго свѣтящагося ядра, или кометной головы, съ небольшимъ хвостомъ, который тянулся отъ нея къ сѣверо-западу... Не будучи, впрочемъ, экспертомъ въ дѣлѣ астрономіи, я не могъ простымъ наблюденіемъ своимъ опредѣлить ни разряда, къ которому она принадлежитъ (плотная она или прозрачная), ни поперечника ядра, ни вещественнаго ея содержанія, ни длины хвоста, ни наконецъ отдаленности ея отъ солнца... я любовался этою кометою не какъ ученый, а только какъ обыкновенный любитель всѣхъ замѣчательныхъ явленій природы, на землѣ и на небѣ... Она замѣтна четвертый вечеръ сряду... Взгляните—ка сюда, Иванъ Петровичъ, Дементій Андреевичъ, Пелагея Ивановна! Она и теперь видна, хотя и склоняется въ направленіи къ юго-востоку, не измѣняя однакожъ своего первоначальнаго вида...

Всѣ устремили глаза по указанію пальца Павлуши: но, по неудобству астрономическихъ наблюденій изъ окна движущейся кареты, ничего не усмотрѣли.

— Ну, немного же ты намъ показалъ и невразумительно объяснилъ! сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Да я и самъ не могъ нигдѣ найти удовлетворительнаго объясненія, сколько ни рылся. О Галлеевой 1835 года кометѣ писали предварительно въ газетахъ и журналахъ, опредѣляя мѣсяць, число и мѣсто ея появленія. О нынѣшней же они не промолвили ни полсловечка, и даже въ календарѣ, гдѣ обыкновенно помѣщаются обстоятельныя свѣдѣнія относительно всѣхъ воздушныхъ явленій въ—продолженіе текущаго года, о ней не упомянуто. Припоминая подробныя описанія огромныхъ кометъ, которыя наблюдали Шретеръ, Гершель, Белеслей, Понсъ, можно предполагать, что видимая мною... я вижу ее и въ настоящую минуту... принадлежитъ, вѣроятно, къ тому многочисленному отдѣлу кометъ, время появленія которыхъ, настоящее или ближайшее и будущее, по слишкомъ эксцентрической ихъ орбитѣ, трудно бываетъ опредѣлять...

Пелагея Ивановна не поняла ни слова изъ этого «хитраго», уклончиваго объясненія... быть-можетъ, потому, что вовсе не слушала астрономическую импровизацію Павлуши, наблюдая въ это время какую-то яркую звѣздочку, одиноко свѣтившуюся въ темномъ облачкѣ, и носясь

мыслью или мечтою за живымъ призракомъ, возмутившимъ ея дѣвственное спокойствіе...

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. — Должно быть, — началъ Иванъ Петровичъ — должно быть, братъ Павлуша, занася земныхъ новостей у тебя повстощился, судя потому, что ты вдругъ, ни съ того, ни съ сего, залетѣлъ въ недосыгаемую высь...

— Ну, такъ и есть! Я зналъ, что вы это скажете. Но вы ошибаетесь — вотъ вамъ еще водяная новость — новые легкіе пароходики возятъ желающихъ на Кушелевку и въ Полюстрово... Приѣхалъ изъ-за границы — чуть было не забылъ — воздухоплаватель Пуатвенъ; одни говорятъ затѣмъ, чтобъ подняться изъ сада минеральныхъ водъ къ облакамъ и достоверно изслѣдовать новую комету; другіе утверждаютъ, для того лишь, чтобъ зависаться въ Петербургѣ въ числѣ отъѣзжающихъ за границу... Приближается осень и уже толкуютъ о новыхъ сюжетахъ для нашей итальянской оперы.

— Я ихъ не услышу... въ моемъ далекомъ «Ивановскомъ»... Но зато я слышалъ въ Петербургѣ чуднаго соловья. Это было на дачѣ у тебя, Дементій Андреевичъ... Представь себѣ, Полина: пѣлъ не хуже соловьевъ въ нашей роцѣ?

Полина молчала. Въ ея ушахъ раздавались мелодическіе звуки виолончели Германа и нѣжнаго голоса, глубоко запавшего въ ея сердце...

Въ другой каретѣ, гдѣ помѣщались младшія сестры съ братцемъ-баснописцемъ, шелъ родственннй разговоръ о старшей, ея грусти и задумчивости съ нѣкотораго времени. — «Кажется, она неохотно идетъ за Дементія Андреевича?» говорила Наина. — «Ей никогда никто не нравился — ей все-равно, за кого не идти!» замѣтила Александрина. — «Прощайте, сестры!» молвилъ молодой поэтъ. — «Черезъ нѣсколько дней разстанемся надолго. Приѣду въ Ивановское съ усамн и съ печатнымъ экземпляромъ своихъ басенъ... Но изъ васъ, можетъ быть, ни одной ужъ не будетъ съ папашей: всѣ разлетитесь въ разныя стороны!»

Черезъ день, въ субботу, часовъ около восьми вечера, Павловскій-воксалъ и примыкающій къ нему садикъ, кипѣли и пестрѣли множествомъ посѣтителей. Разноцвѣтныя мантильи, шляпки, шелкъ и бархатъ, военныя шинели и фуражки, темныя и свѣтлыя пальто смѣшивались въ толпѣ и группахъ. Ихъ легкій, тихій говоръ едва слышался изъ-подъ стройныхъ, отчетливыхъ звуковъ классическаго оркестра Юсіфа Гунгля, предоставившаго живой, олушевленной романтизмъ племяннику своему Югану, любимцу Новой-деревни и половины петербургской публики...

Трудно было достать стулъ или овладѣть свободнымъ полуаршиномъ на скамьѣ. Поэтому большая часть публики, въ ожиданіи вакантныхъ мѣстъ, прохаживалась вокругъ павильона, устроеннаго для военной музыки и въ тотъ вечеръ обтянутаго полотномъ или одиннадцатю картинами, изображавшими достопамятѣйшія событія изъ исторіи русскаго флота и мужественнѣйшіе подвиги доблестныхъ моряковъ нашихъ...

Тѣ, которые медленно прогуливались, и тѣ, которые спокойно сидѣли, взаимно изучали другъ-друга, въ-слѣдствіе стариннаго присловья: «себя показать, другимъ посмотреть». Всѣ возрасты, начиная отъ гнѣбаго дѣтскаго и оканчивая согбеннымъ старостью; въ многочисленныхъ представителяхъ, мирно и согласно соединялись на этомъ тѣсномъ пространствѣ. Безъ иллюминаціи оно уже блестяло золотыми и серебряными эполетами, аксельбантами, привлекательною пестротою и свѣжестью дамскаго наряда, молодостью и красотой. Взглядъ наблюдателя съ одинаковымъ любопытствомъ останавливался и на почтенныхъ ветеранахъ жизни, и на радостныхъ юношахъ, только-что вступавшихъ на дѣйствительное поприще ея, впервые появившихся въ обществѣ, потому-что это былъ день выпуска изъ кадетскихъ корпусовъ, такъ кстати совпадавшій съ праздникомъ, посвященнымъ патріотическому воспоминанію о дняхъ славы русскаго оружія и геройскихъ жертвахъ, принесенныхъ отечеству благороднѣйшими его сынами...

Огни освѣтили садъ, зажглись внутри павильона, окруженнаго историческими транспаранами... вотъ побѣда при Чесмѣ и битва Наваринская; Сакенъ, взрывающій себя на воздухъ съ непріателемъ, и бригъ Казарскаго, вступающій въ неравную, но увѣнчанную торжествомъ борьбу съ двумя огромными турецкими кораблями; мичманъ Сухотинъ, умирающій на доскутьяхъ изорванныхъ и изгрызенныхъ имъ зубами сигнальныхъ книгъ, чтобъ онѣ не достались шведамъ, напавшимъ на него въ превосходныхъ силахъ, — и капитанъ-лейтенантъ Невельской, ни за что не сдающійся англичанамъ, которые не отнимаютъ у него ни шаги, ни свободы, изумленные его отчаянною храбростью... Вотъ самъ нашъ Великій-Петръ, на Ладожскомъ-озерѣ, среди страшной бури, грома и молній, правящій рулемъ, и у Лахты, незадолго до ранней кончины своей, спасающій гибнущихъ солдатъ, — незабвенный преобразователь Россіи, по словамъ поэта, —

.... Тотъ шкиперъ славный,
Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля....

Къ сожалѣнію, всё эти очень-недурно, для транспараннаго освѣщенія, сдѣланныя и довольно-объемистыя впрочемъ картины — казались слишкомъ малыми въ общемъ размѣрѣ великолѣпной и весьма эффектной иллюминаціи, узорчато обнимавшей все полукружіе воксала съ флигелями и весь смежный садъ, блиставшій разноцвѣтными стеклянными вазами и фонарями, украшенный флагами, трофеями и морскими арматурами, именами заслуженныхъ мужей русскаго флота, убранный подобіемъ пальмовыхъ деревъ, мачтъ, канделабрами изъ якорей, съ пылающими ядрами и бомбами, колоннами въ видѣ пушекъ и, наконецъ огненными гирляндами, съ которыхъ опускались три большія люстры изящной формы и раскраски. Корзинки настоящихъ цвѣтовъ, обвивавшихъ средину мачтъ, искусное сочетаніе, переходы, переливы цвѣтовъ и тѣней, и привлекательный изумрудный отблескъ зеленыхъ шкаликовъ, живописнымъ рисункомъ развѣшенныхъ по вершинѣ фасада воксального, дополняли красоту рачительно соображенной и со вкусомъ обдуманной иллюминаціи, которая заключалась аркою надъ мостикомъ, перекинутымъ черезъ прудъ, и, на оконечности этого мостика,—большимъ транспаранномъ съ именами знаменитѣйшихъ вождей русскаго флота...

Молодежь, налюбовавшись вдоволь этою обширною и, мѣстами, поэтической картиною, перенесла наблюденія свои на картинки живыя,—хорошенькія личики, прелестно-освѣщенные матовою радугою всевозможнаго цвѣта огней, заслоненныхъ стекломъ и ширмами прозрачнаго раскрашеннаго полотна. Каждый могъ выбрать личико по своему вкусу, по своимъ понятіямъ о женской красотѣ и привлекательности. Ни одинъ любознательный и ачущій сердечныхъ впечатлѣній взоръ — останавливался на группѣ, которая скромно занимала малозамѣтный уголокъ, усѣянной сидящими, нижней галлерей воксала. То были наши деревенскія граціи, вполсѣдніе наслаждавшіяся зрѣлищемъ загородныхъ праздниковъ петербургскихъ. Надина и Александрина казались довольными и веселыми; онѣ отъ чистаго сердца смѣялись какому-то шаловливому разсказу словоохотливаго Павлуши. Но черты старшей сестры ихъ выражали глубокое уныніе и тяжелую тоску. Ей вторилъ печальный и задумчивый Дементій Андреевичъ. Толстякъ безмолвно курилъ сигару, равнодушно смотря на толпу, но не безъ участія слѣдя глазами за сыномъ-баснописцемъ, который вблизи расхаживалъ подъ-руку съ какимъ-то юнымъ знакомцемъ. Быть-можетъ, скорая разлука съ роднымъ дѣтищемъ и невольное воспоминаніе о той, которая дала ему жизнь и давно уже покоится на сельскомъ кладбищѣ, подъ стѣною плакучей березы, были причиною долго-непрерываемаго молчанія добраго Ивана Петровича.

Вдругъ все засуетилось въ толпѣ и въ толпахъ—все поднялись съ мѣтъ, устремились къ пруду — взвилась искрометная ракета, грянула словно боевой выстрѣлъ—и пошла огненная потѣха—озарилась пламенными клубами устроенная на другой сторонѣ пруда декорация «турецкой крѣпости Анапы, осаждаемой русскимъ флотомъ»... разрушеніе, взрывъ, пожаръ!.. твердыня пала, и въ заключеніе роскошнаго фейерверка — изъ вазъ въ саду полетѣли разноцвѣтныя римскія свѣчи, и бенгальскія огонь покрывъ чуднымъ отблескомъ зелень кустарниковъ, скрывавшуюся въ полумракѣ, вмѣстѣ съ военными пѣсенниками, которые въ тоже время огласили садъ ратною пѣснью побѣды... русское сердце стукнуло, и многіе изъ посѣтителей, не разъ бывавшіе въ дѣйствительномъ бою, живо припомнили себѣ опасныя и торжественныя минуты...

Надина, Александрина и братъ ихъ восхищены. Одна лишь старшая сестра не повеселѣла, и все томится своею тайною думою. Но что это съ вами, бѣдная Целагея Ивановна? Вы горите огнемъ, вы смертельно блѣднѣете, трепещете? Трепещеть и блѣднѣеть исхудавшій подрежнему нареченный женихъ вашъ, Дементій Андреевичъ... Оба они увидѣли въ толпѣ бѣлую кавалерійскую фуражку, — признали стройнаго красавца, что, недѣли двѣ тому, въ одно время съ ними, слушалъ на Водахъ игру Германа на віолончели...

— Гдѣ Павлуша? куда онъ запропастился? Звонятъ... поѣздъ уходитъ! восклицалъ Иванъ Петровичъ, замѣтивъ смятеніе и блѣдность дочери, которая, разумѣется, приписаны были внезапной дурнотѣ.

Но Павлуша не замедлилъ явиться и донести, что онъ былъ въ балаганѣ, когда-то построенномъ для цыганскаго хора, не утвердившагося въ Павловскѣ, и смотрѣлъ тамъ туманныя картины.—Да нѣтъ, прибавилъ онъ, — Клопферъ угощаетъ старымъ: изъ маленькаго ящика своего, скрытаго за большимъ полотномъ, наводитъ на него прежнія туманности, которыя показывалъ уже въ вечеръ *Привѣтствія музъ*...

Не переставая болтать, Павлуша, какъ умѣлъ, старался, на обратномъ, медленномъ пути въ Петербургъ, занять компанію свою разговоромъ содержанія недавно игранной на каменно-островскомъ театрѣ другою пословицы Октава Фѣлье: *le village*, исполненной ума и чувства въ изображеніи прелести домашняго очага, роднаго крова и семейныхъ привязанностей...

— Да, да! говорилъ Иванъ Петровичъ: — домашній очагъ, родной кровъ, свои поля и лѣсъ — лучше всего...

Черезъ два или три дня семейство провинціала возвращалось уже во свояси, послѣ неизбежныхъ слезъ прощанья съ молодымъ баснописцемъ,

который, забывъ искусственную поэзію, рыдалъ какъ настоящій ребенокъ, бросаясь на шею, то къ отцу, то къ сестрамъ...

Павлуша, безъ-сомнѣнія, присутствовалъ при отъѣздѣ изъ Петербурга грацій и родителя ихъ, по московской желѣзной дорогѣ, и за неимѣніемъ другихъ новостей, объявилъ, что описанный праздникъ въ Павловскѣ повторяется въ пользу «Общества посѣщенія бѣдныхъ»; а Дементій Андреевичъ, разставаясь, статьяся—можетъ на вѣкъ, съ возлюбленной, но не пламенной къ нему Полиной, изъявилъ желаніе проводить Ивана Петровича до станціи ***, гдѣ ожидала провинціаловъ нашихъ помѣстительная дорожная карета, долженствовавшая доставить ихъ въ родимые предѣлы. На обезнадеженномъ женихѣ и невѣрной его невѣстѣ, что называется, не было лица, и Дементій Андреевичъ, для рѣшенія своего жребія, ожидалъ только, что скажетъ она ему при последнемъ прости: *да* или *нѣтъ*? Наканунѣ онъ сообщилъ уже мысли свои на этотъ счетъ отцу ея, который, съ обыкновенною своею протодушною откровенностью, отвѣчалъ: «Эхъ, Дементій Андреевичъ,—поздненько, любезный мой, собрался ты жениться, когда, не въ укоръ тебѣ будь сказано, отъ худобы, начало тебя сгибать въ колесо!»

Быстро, безъ коней, на волшебныхъ крыльяхъ пара, мчатся спокойные, комфортабельные вагоны. Толстякъ сладко дремлетъ подъ однообразное ихъ укачиванье; младшія его дочери тихо разговариваютъ между-собою; отъ времени до времени вмѣшивается въ бесѣду ихъ и Полина. Съ бѣльшимъ и бѣльшимъ удаленіемъ отъ Петербурга, она, при вѣяніи свѣжаго воздуха, какъ-будто становится менѣе безпокойною и грустною: убѣжденіе въ невозможности, или, по-крайней-мѣрѣ, трудности, возратить потерянное, добыть желаемое — уменьшаетъ горечь потери, миритъ съ нею усталое сердце и прекращаетъ бесплодныя его жалобы. Теплый лучъ надежды невидимо прокрадывается въ омраченную душу Дементія Андреевича...

Вечерѣтъ. Вагоны освѣщены. Совѣзмъ смерклось на окрестныхъ поляхъ. Вотъ и *** — я станція...

Иванъ Петровичъ, Пелагея, Надежда и Александра Ивановны выходятъ изъ своего вагона, сопровождаемые Дементьемъ Андреевичемъ, который долженъ услышать теперь изъ устъ первой Шекспировское: «быть или не быть»... ему супругомъ ея...

Изъ другихъ вагоновъ также выходятъ многіе на платформу, освѣжиться, промяться, платформа нестрѣтъ пассажирами въ различныхъ костюмахъ. Шорохъ и глухой говоръ...

Въ нашей группѣ происходитъ продолжительное прощанье. «Ну»,

говорить толстякъ: «прощай, мой дорогой Дементій Андреевичъ! Спасибо тебѣ за дальнія проводы, за любовь и дружбу къ намъ!.. До свиданія, до пріятнаго свиданія, старый пріятель! Справедлива пословица: «старый другъ лучше новыхъ двухъ!» — А весною пріѣзжай къ намъ въ Ивановское... мы для твоего пріѣзда устроимъ тоже иллюминацію и фейерверкъ — ты у насъ лѣто прогостишь... и здоровьемъ поправишься...»

Смущенный Дементій Андреевичъ сквозь зубы благодарить за обязательное, но нѣсколько неопредѣленное и отчасти двусмысленное предложеніе, и потомъ поочередно подходитъ къ ручкѣ дочерей Ивана Петровича, по особенному разсчету начиная съ младшей. Наина и Александрина надѣляютъ его наилюбезнѣйшими привѣтствіями, и даже дружески жмутъ худую и костлявую его руку... но рука Полины холодна, какъ ледъ, и уста ея нѣмы, какъ у покойницы...

Въ толпѣ продолжается невнятный говоръ, и вблизи кто-то произносить имя «Виктора». Полина быстро подымаетъ голову, и въ двухъ, трехъ шагахъ, видитъ бѣлую фуражку, узнаетъ знакомаго-незнакомца — кавалериста.

«Папенька!» восклицаетъ взволнованная дѣвушка, подбѣгая къ отцу. — «Папенька, это Викторъ ***, нашъ Викторъ... Помните ли?... Подзовите его...»

— Очень можетъ-быть, что ты не ошибаешься, — флегматически отвѣчаетъ отецъ: — но съ какой стати я буду подзывать его, если онъ не узнаетъ насъ?.. Сколько лѣтъ прошло... тогда онъ былъ мальчикъ... теперь взрослый мужчина, и какой бравый, красивый мужчина!

Красивый — въ этомъ Полина ни малѣйше не сомнѣвалась, и, статья-можетъ, ей удалось-бы убѣдить отца возобновить давнее знакомство — но въ это самое мгновеніе поданъ былъ условный знакъ, и все бросились къ вагонамъ, занять свои мѣста...

Что происходило въ эти минуты съ нашимъ тощимъ героемъ, легче понять, нежели рассказать! Поѣздъ удалился и замолкло вдали его рокотное движеніе; замолкъ и стукъ колесъ тяжелой кареты, скрывшей въ тѣсномъ своемъ пространствѣ толстяка съ дочерьми, — а бѣдный Дементій Андреевичъ все еще стоялъ, какъ вкопанный, на опустѣлой платформѣ!

Темно и мрачно было кругомъ. Ничто не нарушало вечерней тишины. Влѣво едва видѣлась глубокая ложбина, въ которую упирался крутой, обрывистый косогоръ, и тамъ, на днѣ его, чуть свѣтились мелкіе, тусклые огоньки въ избушкахъ; еще лѣвѣе, за ложбиной и ка-

кимъ—то строеніемъ, мѣрно плескалась бойкая рѣчка и чернѣлъ густой лѣсокъ; луна выплывала изъ перловыхъ облаковъ, и звѣзда за звѣздой, то яркая, то блѣдная, показывалась на темносинемъ небѣ...

Здѣсь оставимъ мы нашего героя; здѣсь простимся съ нимъ, по всей вѣроятности, навсегда: въ полночь, поѣздъ изъ Москвы возьметъ его съ собою, и утромъ Дементій Андреевичъ непременно будетъ снова на берегахъ Невы...

Что касается мечтательной Полины, дальнѣйшій романъ ея жизни тайна для насъ, какъ и для читателя. Быть—можетъ, пылкій порывъ ея сердца пройдетъ, какъ тревожный сонъ, какъ видѣніе и бредъ горячки — она образумится, одумается надосугъ, и слѣдующимъ лѣтомъ осчастливить рукою своею преданнаго Дементья Андреевича, который, конечно, будетъ столько благоразумень, что не поселится съ нею въ Петербургъ, чтобы новыми романтическими встрѣчами не возмутить ни своего счастья, ни ея покоя...

Если простая повѣсть наша не показалась вамъ слишкомъ занимательною, а тѣмъ менѣе замысловатою, никто, безъ сомнѣнія, не отниметъ у нея достоинства «животрепещущей современности»: никогда «исторія» не слѣдовала такъ быстро за «событіями» .. почти вчерашними... сколько бы они ни были малозначительны и эфемерны!..

Когда, въ будущей книжкѣ «Пантеона», мы вновь возвратимся къ бесѣдѣ съ вами, о снисходительный читатель, на дворѣ станетъ осень во всей формѣ: доскажемъ эпилогъ отлетающаго лѣта и, пользуясь антрактомъ между двумя сезонами, порою осенняго ненастья, — взглянемъ на другія, менѣе шумныя, но болѣе существенно-дѣятельныя стороны общественной жизни нашей, потому—что мы любимъ и повеселиться, и дѣло дѣлать. Пресытятся пустотою и мелочью безсмѣнныхъ развлеченій, однообразныхъ въ самомъ вѣншемъ разнообразіи своемъ, умъ проситъ иной пищи, сердце и душа впечатлѣній не столь легкихъ и переходчивыхъ...

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Не пускаясь въ дальнія разсужденія о всѣхъ прелестяхъ, представляемыхъ костюмами настоящей поры года, которые, своей пестротой и разнообразіемъ составляютъ изъ дамъ букеты среди живыхъ цвѣтовъ, и дѣлаютъ ихъ легкими и красивыми, какъ бабочки, которыя порхаютъ надъ этими цвѣтами, мы на этотъ разъ прямо представимъ нашимъ читательницамъ пять избраннѣйшихъ образчиковъ господствующей моды. Вотъ они:

Первый костюмъ. Шляпка крошечная, миниатюрная, чуть-чуть не наколка, креповая, съ нашитой на ней рѣшеточкой изъ соломки. Въмѣсто тульи, легкая накидочка изъ тафты. Шляпка эта закрываетъ одинъ затылокъ, такъ, что изъ-подъ нея видна вся прическа. Платье шелковое. Юбка состоитъ изъ четырехъ широкихъ волановъ; корсажъ—изъ накидной легкой кофточки съ испанскими прорѣзами на рукавахъ. Воланы, кофточка и рукава ея въ прорѣзахъ обшиты шотландской пестрой лентой. Такою же лентой, съ маленькимъ бантомъ и длинными концами, перехвачено платье въ поясѣ. Зонтикъ бѣлый, маленькій, складной. Просто, изящно и богато.

Второй костюмъ. Платье изъ полосатаго паплина, до-верху, безъ всякихъ отдѣлокъ и украшеній. Мантилья чорнаго гласе à la mousquetaire. Она состоитъ изъ спинки шалью, рукавовъ и корсажа съ фалдами. Кругомъ она вся обшита зубчатыми фестонами изъ той-же матеріи въ три ряда, и фестоны эти перехвачены широкими нашивками изъ чернаго бархата, а нижняя часть мантильи оторочена кругомъ широкой бахромой, полу-шелковой, полу-синельной. Такая мантилья одна составляетъ уже прелестный нарядъ. Шляпка тюлевая, съ вышитыми, отогнутыми назадъ полями. Подъ полями гирлянда изъ розъ, вокругъ всей головы. На боку маленькое перо марабу.

Третій костюмъ. Сельскій. Шляпка итальянская соломенная, съ распушенными полями. Тулья перевязана широкой гроденаплевою лентой, которой концы ниспадають съ полей съ боку. Снизу поля подбиты тафтою, съ буфами по краямъ. Около ушей по маленькому букету цвѣтовъ. Подвязушки изъ широкой гроденаплевой ленты. Платье бѣлое кисейное, съ короткими рукавчиками. Корсажъ весь складочкамъ; рукавчики обшиты кружевомъ. По корсажу, отъ плечъ къ поясу, на груди и на спинкѣ, перекрещиваются двѣ полосатыя ленты, которыя на плечахъ оканчиваются бантиками, съ довольно длинными концами. Сверхъ

юбки спущена тюника изъ той-же матеріи, какъ и ленты, съ разрѣзами по сторонамъ, такъ, что передняя часть тюники образуетъ какъ-бы передничекъ, соединяющійся съ самою тюникою бантиками изъ такихъ же лентъ. Къ довершенію этого поэтического костюма легкій платокъ кренонъ, бѣлый, съ бахромою.

Четвертый костюмъ. Домашній. Юбка изъ полосатаго пу-де-соа-гласе, безъ волановъ, съ бантами напередѣ, отъ пояса до подола. Кофточка съ таліей, изъ той же матеріи, простеганная мелко на легкой ватѣ. Кофточка имѣетъ отложной воротничекъ, отвороты на груди и рукава съ разрѣзами. Все это обшито шелковой бахромою, а въ поясѣ и около шеи кофточка схвачена бантами изъ лентъ.

Пятый костюмъ. Платье пу-де-соа, съ четырьмя широкими воланами, обшитыми аграманомъ съ кисточками. Кофточка съ открытымъ корсажемъ и отворотами. Полудлинные рукава, съ разрѣзами отъ локтя. Кофточка вся кругомъ обшита тѣмъ-же аграманомъ, какъ и платье. Манишка à la mousquetaire, до-верху, вышитая гладью, равно и нижняя юбка, батистовыя. Шляпка бастовая, обшитая на поляхъ узкой блондою, убрана бѣлыми цвѣтами съ зеленою. Ботинки подъ цвѣтъ платья.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФИС-ГАРМОНИКИ.

- CZERNY.** Zwölf Preludien in gebundenen Styl. (1 p. 72 к.)
- LICHL.** Deux sonates de Beethoven op. 26, 27, pour Physharmonica et Piano. (Chaque 1 p. 72 к.) Elegie d'Ernst, pour Physharmonica et Piano. (85 к.) Wiener salon-musik. Periodisches Werk für Physharmonica und Piano. Op. 51. № 13. zwei Potpourris nach der oper: der Prophète (2 p. 85 к.) № 14. 15. Vier Potpourris aus der oper: Huguenotten, zwei heft zu (2 p. 50 к.) № 16. Beethoven's. Adagio, Andante, Menuet aus 1-er Symphonie und Andante aus Quartette. Op. 59. (2 p 85 к.) № 17. Zwei lieder, Messe und fantasia von W. A. Mozart (2 p. 50 к.) № 18. Fantaisie über Théma von Beethoven, Haydn, Mozart und Schubert. (2 p. 50 к.) Les Etudes pratiques pour Physharmonica seul. (1 p. 15 к.) 24 Préludes dans tous les tons, pour Physharmonica (1 p. 15 к.) Reminiscences de l'opéra: Martha. (85 к.) La Romanesca. Fameux air de Danse. (85 к.) Soirées musicales de Rossini, transcrites pour Physharmonica et Piano. (8 p. 50 к.)
- MULLER.** Träume. Mignon-Fantaisien, für Physharmonica allein. Heft. 1. 2. 3. (каждая 1 p. 15 к.)

ТАНЦЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ДВѢ РУКИ.

- SUNG'Z.** Minuet-Passé. Quadrille. (60 к.) Abschied von Petersburg. Walzer. (85 к.) Frühlingsboten. Sophien-Walzer. (85 к.) Elisen-Tänze Walzer. (85 к.) Camelia-Mazurka. (50 к.) Le Retour. Valse brillante. (85 к.)
- LABITZKY.** Helenen-Walzer. Op. 202. (85 к.) Frühlingsleider-Walzer. Op. 204. (85 к.) Waldblumen. Drei Polka. Op. 205. (85 к.) Huldigung den Frauen. Walzer. Op. 206. (85 к.) Gabrielle-Quadrille. Op. 207. (60 к.) Zur Rosenzeit. Walzer. Op. 208. (85 к.)
- TRAUSS (SOHN).** Annen-Polka. (30 к.) Nocturne-Quadrille. (60 к.) Zehner-Polka. Op. 121. (30 к.) Indra-Quadrille. Op. 122. (60 к.) Satanella-Quadrille. Op. 123. (60 к.) Phönix-Schwingen. Walzer. Op. 125. (85 к.) Rettungs-Iubel-Marsch. Op. 126. (30 к.) Freuden-Gruss-Polka. Op. 127. (30 к.) Salon-Sprüche. Walzer. (85 к.)

РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛЯ ПѢНІЯ СЪ ФОРТЕПЬЯНО, Вновь
ИЗДАННЫЕ.

- ВАРЛАМОВЪ.** На небо взглянулъ. (60 к.) Садъ роскошенъ и цвѣтистъ. (1 р.) Ты прости, ненаглядная. (70 к.) Такъ и рвется душа. (60 к.)
- ГЛИНКА М.** О милая дѣва. (85 к.) Я здѣсь, Пинизилья. (50 к.) Когда въ часъ веселый. (75 к.) Сомнѣніе. Уймется волненія страсти. (85 к.) Слышу ли голосъ твой. (60 к.) Если встрѣчусь съ тобой. (40 к.) Ходить вѣтеръ у воротъ. (50 к.) Не искушай меня безъ нужды. (50). Голосъ съ того свѣта. (70 к.) Не называй ее небесной. (1 р.) Только узналъ я тебя. (60 к.) Сто красавицъ черноокихъ. (60 к.) О дѣва чудная моя (85 к.) Давно ли роскошно. (85 к.) Спи, мой ангелъ, почивай, (85 к.) Стой мой вѣрный бурый конь. (1 р. 30 к.) Между небомъ и землей. (85 к.) Всѣ номера отдѣльно изъ оперъ: Жизнь за Царя и Русланъ и Людмила.
- ГУРИЛЕВЪ.** Майскія ночи. (70 к.) Долго ли же будешь, сердце, ты томиться. (50 к.)
- ДАРГОМЫЖСКІЙ.** Лихорадушка. (40 к.) Я все еще его люблю. (50 к.)
- КОПЕЕВЪ.** Не говори ни да, ни нѣтъ. (40 к.)
- РОМАНУСЪ.** Звѣзда прости пора мнѣ спать. (50 к.)
- ТИТОВЪ.** Намъ, братъ, пѣснями не кормить коней. (30 к.) Прости на долгую разлуку. (50 к.)
- ТИТОВЪ И.** Гусли мои гусли. (50 к.) Ахъ! не листъ осенній (40 к.) Я не скажу вамъ, кто она. (30 к.) Вѣтка. (30 к.)
- ШИЛОВСКОЙ.** Зачѣмъ? Романсъ. (60 к.)

Всѣ эти новости и рѣшительно всѣ русскіе романсы и пѣсни можно получать

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

въ Большой-Морской, въ домъ Лауферта.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и къмъ бы они ни были изданы, или объявлены въ какомъ-либо каталогѣ на слѣдующихъ условіяхъ: Выписывающіе ногъ не менѣ, какъ на три руб. сереб., получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе же не менѣ, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер. пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пецы точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, аккуратностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и прейсъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и Вьетаномъ. Прейсъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 8.

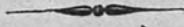

МОТЯ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПЕРЕДѢЛАННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

К. А. ТЕРНОВСКИМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

НИКОЛАЙ КУЗЬМИЧЪ ОКУНЬКОВЪ, помѣщикъ. *Вискильскій*

МОТЯ, его дочь. *Володина*

НИМФОДОРА КУЗЬМИШНА, его сестра, пожилая дѣвушка. *Григорьевна*

САКЕРДОНЪ ИЛЬИЧЪ ФАРФОРОВСКІЙ, праздношатающійся. *Кирковскій*

АФРИКАШКА, лакей. *Сидорова*

(Дѣйствіе происходитъ въ Подольскѣ, у Окунькова).

Гостиная: дверь въ глубинѣ, ведущая въ слѣдующую комнату, изъ которой выходъ въ садъ.
Двери по сторонамъ. Назѣво китайскій бильярдъ. Столы, стулья.

I.

АФРИКАШКА, ПОТОМЪ ОКУНЬКОВЪ.

АФРИКАШКА (*въ брюкахъ и жилеткѣ, безъ стюртука, чиститъ фракъ Фарфоровскаго*). Вотъ это сукнецо!.. Это можно то-есть чести приписать!. Чай, цѣлковыхъ по пяти аршинъ!.. Жениховское сукнецо, во всемъ форматѣ жениховское. И сколько у насъ этакихъ фраковъ перебивало, бѣда!.. И синихъ-то, и черныхъ-то, и это всякаго то-есть разбора. (*плюетъ на щетку и чиститъ съ ожесточеніемъ*). Да! Насчетъ чего другаго прочаго, а жениховъ у насъ не занимать стать, понаглядѣлись мы таки на нихъ. Пріѣдутъ это такими, то-есть, фуфырами, ломаются, сударь мой, ломаются, и такъ-то, и этакъ-то, и на разные это термины, а глядь баринъ Николай Кузьмичъ, денька этакъ черезъ два, своей то-есть манерой, съ маху это дѣло въ резонгъ произведутъ, да всѣхъ во свояси и отправятъ, настоящее дѣло!.. (*показывая направо*) Еще спать... Вотъ этотъ ныче изъ Москвы пріѣхалъ, да только на долго ли... (*звываетъ*). Эхма!.. Выспаться незадалось сегодня... а ужъ вѣдь сонъ, это, то-есть, нашему брату, это... (*звываетъ*). Это самое настоящее дѣло!.. (*звываетъ*).
Чтобъ-те розарвало!..

Нашъ братъ во снѣ лишь отдыхаетъ,
Какъ господинъ себѣ живетъ ....
Во снѣ насъ баринъ не ругаетъ
Вотъ на яву, когда вернешься,
Домой, подвыпивши, бѣда!..
Во снѣ-жъ, какъ сильно не нашьешься,
Проснешься трезвый завсегда!

(*Относитъ фракъ на столъ, что подлѣ двери направо. Въ это время Окуньковъ входитъ сълѣва, въ халатъ и туфляхъ*).

АФРИКАШКА (*всторону*). Э! Баринъ—то ужъ встамши!

ОКУНЬКОВЪ. Ну, что?.. проснулся?..

АФРИКАШКА. Кто—съ?..

ОКУНЬКОВЪ. Ну, этотъ... какъ его?..

АФРИКАШКА. Женихъ—то?.. Кажись, еще почиваетъ.

ОКУНЬКОВЪ. Штт!.. Не смѣй его называть женихомъ.

АФРИКАШКА. Слушаю—съ.

ОКУНЬКОВЪ. Ну, какъ онъ тебѣ показался, съ одной стороны, а?

Уродъ? Рожа? а?

АФРИКАШКА. Я ихъ хорошенько еще не видалъ—съ.

ОКУНЬКОВЪ. Не видалъ... дуракъ!..

АФРИКАШКА. Слушаю—съ!

ОКУНЬКОВЪ. Что, онъ храпнть?.. храпнть?.. тѣмъ лучше?..

АФРИКАШКА. Не слыхалъ—съ; не могу, то-есть, доложить.

ОКУНЬКОВЪ. И рожа?.. Рожа?.. прекрасная?

АФРИКАШКА. Не могу доложить.

ОКУНЬКОВЪ. Пошѣлъ вонъ!..

АФРИКАШКА (*уходя*). Слушаю—съ.

II.

ОКУНЬКОВЪ одинъ, вздыхаетъ и начинаетъ ходить взадъ и впередъ по сценѣ; вдругъ останавливается, какъ-будто хочетъ говорить, бьетъ себя по лбу, опять начинаетъ ходить въ волненіи, и наконецъ останавливается у суфлерской будки.

Уфъ!.. тяжело!.. (*таинственно*) Я самый несчастный человѣкъ во всемъ Подольскомъ уѣздѣ... Ей-Богу! Я даже самый несчастнѣйшій человѣкъ во всей Московской губерніи, съ одной стороны!.. (*публичь*) Я вамъ сейчасъ представлю, въ чемъ дѣло!.. Извольте видѣть, я отецъ съ одной стороны; у меня есть дочь, Мотя... Ее, извольте видѣть, зовутъ Матреной, а я ее зову Мотей, такъ, для пущей нѣжности. И они увѣряютъ, что ей пора замужъ, — Мотѣ—то, въ двадцать—то два годика пора замужъ!.. Этакой вздоръ!.. Я самъ женился тридцати—семи лѣтъ, и то, кажется, съ одной стороны еще поторопился. И представьте, въ мой домъ врываются разные шарамыжники, они зовутся обыкновенно женихами, но они шарамыжники, чистѣйшіе шарамыжники. Я ихъ не спрашиваю, ничего отъ нихъ не требую, а они не даютъ покоя, съ одной стороны, ни мнѣ, ни моей дочери, — это ужасно, это неблагородно!.. Се—тре—мове!.. Тутъ хлопочешь, стараешься вырастить дочку себѣ на утѣшеніе, ухаживаешь за ней, денегъ не жалѣешь, учишь ее съ одной стороны, по—французски, по—нѣмецки... и вдругъ ни съ того, ни съ сего прїѣдетъ къ тебѣ ка-

кой-нибудь этакой сорванецъ, котораго ты, съ одной стороны, и въ глаза-то никогда не видалъ, подхватить ее къ себѣ и... *(свиститъ)*. Фю!.. Поминай какъ звали!.. Вы вчера были отцемъ, а сегодня вы ничего!.. *(съ негодованіемъ)*. Да вѣдь это денной разбой, душегубство!.. Я ее выростилъ, воспиталъ *(топнуть ногой)*. Да вы представьте мое-то положеніе!.. За то я первому жениху,—правда, что я погорячился, дѣйствительно я погорячился, я ему, съ одной стороны, такъ знаете колѣнкой!.. Комм-са! Да вѣдь просто мочи нѣтъ!..

Отъ поздней ночи до утра.
Скорбить родительское чувство,
О томъ, что ужъ пришла пора,
Матренѣ поступить въ замужство.
Разстаться съ ней, клянуса я,
Не въ силахъ буду согласиться...

Горе-то главное въ томъ, что Мотя-то моя хочетъ непременно замужъ... эту ей фантазію вбили въ голову... повѣрите, плачетъ, сердится; а ужъ я-ли ее не развлекаю: то шляпку ей изъ Москвы выпишу, то какую-нибудь этакую «скачку съ пренятствіями», такъ нѣтъ-съ, вынь да подай жениха. Ну, да вѣдь я тоже себѣ на умъ... Я, признаться вамъ по секрету, только вы пожалуйста никому... я тонкая штука, съ одной стороны, я претонкая штука... *(публикѣ вполголоса и оглядываясь кругомъ)* Я вотъ что выдумалъ... только вы пожалуйста никому... Чуть появится этакой ферлакуръ, я ему сейчасъ въ какомъ-нибудь въ этомъ родѣ каверзу подведу, ей-Богу!.. Подумаю и подведу!.. Онъ, понимаете, и туды, и сюды, а я ему еще, а я ему еще .. Ну, и того... *(щелкаетъ пальцами)*. Жеву-салю!.. Я ужъ такъ съ подюжины спровадилъ! Больше! *(смотря направо)*. Вотъ еще вчера пріѣхало новое животное, какой-то Фарфоровскій, его сестра рекомендовала, Нимфодора Кузьминична, можетъ знакомы?.. Нимфодора Кузьминична, такая толстѣйшая бельфамъ?.. Нѣтъ? Незнакомы?.. Я васъ съ ней сегодня, если хотите, познакомлю. Она у меня, съ одной стороны, богатая, богатая, богатая... и не замужемъ... и я, выходитъ, наследникъ, — дѣло тонкое... надо будетъ его тонко спровадить... Я его очень тонко спроважу! Что жъ онъ однако не встаетъ, а? половина восьмага!.. Вѣдь этакой болванъ, спитъ, почивать изволить .. Ба! Это чей фракъ?.. Его должно быть .. дай-ко обыщу, нѣтъ ли чего въ карманахъ .. для свѣдѣнія... *(хочетъ взять фракъ, но изъ-за двери высовывается рука въ рубашкѣ и уноситъ фракъ)*. Вотъ тебѣ два дня! Воришка!.. Постой, я уже тебѣ фѣ какую верну каверзу! фѣ какую!..

III.

ОКУНЬКОВЪ и МОТЯ.

МОТЯ (*входя слева*). Здравствуйте, папочка!

ОКУНЬКОВЪ. Здравствуй, здравствуй, мое сокровище!.. (*публикль*).
Рекомендую вамъ мое сокровище. (*Мотль*). Присядь, Мотя, такъ!..
(*публикль*). Чтѣ-сь, а?.. Комъ-се-трежолл!..

МОТЯ. Правду ли мнѣ сказала тѣтя?

ОКУНЬКОВЪ. Чтѣ тебѣ сказала тета, Мотя?

МОТЯ. Чтѣ вчера изъ Москвы новыи женихъ пріѣхалъ?..

ОКУНЬКОВЪ. Правда... (*вдыхая*). Пріѣхалъ.

МОТЯ. Папочка! о чемъ ты вдыхаешь?

ОКУНЬКОВЪ. Мотя, послушай, мы теперь одни; откройся мнѣ съ
одной стороны: неужели тебѣ ужъ въ-самомъ-дѣлѣ хочется замужъ?

МОТЯ. Хочется, папочка, ужасно хочется.

ОКУНЬКОВЪ. Изволите видѣть, хочется, этакое горе!

МОТЯ. Папочка, вѣдъ мнѣ ужъ двадцать-два года.

ОКУНЬКОВЪ. Ну, двадцать-два... да чтѣ же въ этомъ?.. Вотъ тет-
кѣ твоей сорокъ-шестой, а она все еще мадмуазель.

МОТЯ. Вотъ очень интересно быть старой дѣвкой! Чтѣ, ты видѣлъ
жениха?.. Молодой?..

ОКУНЬКОВЪ (*угрюмо*). Не знаю, не смотрѣлъ въ зубы.

МОТЯ. Какъ въ зубы?.. Развѣ онъ лошадь?.. Вотъ ты ужъ начи-
наешь и къ нему придирааться.

ОКУНЬКОВЪ. Я?.. Помилуй!.. Я очень радъ, что онъ пріѣхалъ; я
чувствую, съ одной стороны, къ нему этакое какое-то сочувствіе. Пра-
во! (*всторону*) Разбойникъ. (*ей*) Ты сама пойми, изъ чего хлопочу
я, чего мнѣ хочется?.. Ну, чего?.. Чтѣбъ ты была счастлива, дурочка.

МОТЯ (*перебивая*). И замужемъ?..

ОКУНЬКОВЪ. Ну, да, ну, да!.. (*всторону*) Это ей набили въ го-
лову... это только фантазія.

МОТЯ (*ласкаясь*). Какой ты милка сегодня.

ОКУНЬКОВЪ. Сама ты милка! Господи Боже-мой!.. Чтѣ это за ру-
ченки?.. Ну, покажи имъ свои ручки!.. а?.. (*всторону*): Съ одной
стороны только складываться начинаетъ, а ужъ замужъ хотеть.

Рождаетъ тысячу сомнѣній,
Вамъ доложу, во мнѣ вопросъ:
Какъ у новѣйшихъ поколѣній
Понятъе быстро развилось?..
Все это отъ чего случилось,

Пускай мнѣ кто-нибудь рѣшить:
Что чуть иная въ свѣтъ явилась
И тотчасъ замужъ наровить,
И прямо въ маменьки глядить.

Удивительно, съ одной стороны.

МОТЯ. А вотъ тетья говоритъ, что ты терпѣть не можешь моихъ женюховъ.

ОКУНЬКОВЪ. Я? Какой вздоръ! О контреръ! Въдь я тебѣ ужъ штукъ десять въ нынѣшнемъ году представилъ... почти по жениху въ мѣсяць; кажется достаточно съ одной стороны, се-та-се?

МОТЯ. Да ты всемъ отказываешь.

ОКУНЬКОВЪ. Если этотъ тебѣ не понравится, у меня ужъ другой готовъ... докторъ Кивдербальзамъ, отличный человекъ... *(всторону)* Ужаснѣйшая рожа... этакая, пряничная форма!.. глупъ, какъ пробка... и носъ набалдашникомъ!

МОТЯ. И хорошъ собой?..

ОКУНЬКОВЪ. Красавецъ!.. Но французски такъ и рѣжетъ, такъ вотъ и рѣжетъ: трррррррра, не чета *(показывая на право)* этому.

МОТЯ. Да въдь ты этого-то еще не видалъ?..

ОКУНЬКОВЪ. Нѣтъ, мелькомъ видѣлъ... не хорошъ: такой худой, худой, худой... длинный, длинный... длинный, негодится, совсѣмъ негодится.

МОТЯ. Ужъ ты сейчасъ и негодится!.. Ты просто не хочешь, чтобъ я шла замужъ?

ОКУНЬКОВЪ. Да нѣтъ же, нѣтъ!.. Поцѣлуй меня!.. Ну о чемъ ты плачешь?.. Ну?.. Чего тебѣ хочется, съ одной стороны?.. *(Прижимаетъ ея голову къ своей груди)*. Ну?..

МОТЯ. Замужъ! Замужъ!..

ОКУНЬКОВЪ *(всторону)*. Это ей натолковали!.. *(ей)* Не плачь, душка! Я тебѣ выпишу еще шляпку!..

МОТЯ *(съ чувствомъ)*. Что шляпка?.. у меня много шляпокъ!.. Не надо мнѣ шляпку!..

ОКУНЬКОВЪ *(разстроганный)*. Ну ненадо, ненадо!.. *(всторону)*. А я ей все-таки шляпку-то выпишу!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА *(за сценой)*. Смотрите у меня!..

ОКУНЬКОВЪ *(дочери)*. Штъ!.. тетья идетъ!.. *(утираетъ ей платкомъ глаза)*. Перестань!..

IV.

ТѢЖЕ, и НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА *(входя слева, изъ средней двери)*.

Полнось вынуть къ обѣду серебряный, да салфеточки новыя. Ахъ какъ я рада, что онъ пріѣхалъ!.. Не знаете ли вы братецъ, любите онъ свиныя котлеты?..

ОКУНЬКОВЪ. Кто?

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Сакердонъ Пльичъ?..

ОКУНЬКОВЪ. Я почему знаю.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*живо*). Ну, вы!.. Вамъ все-равно, вы ни о чемъ не позаботитесь.

ОКУНЬКОВЪ. Что-жь мнѣ будить его для котлетъ что-ли? Да онъ пожалуй на меня такъ разхрапится, что на-поди!..

МОТЯ. А развѣ онъ храпить?

ОКУНЬКОВЪ. Храпить, душечка, ужасно храпить!.. Африкашка къ нему входилъ и сказывалъ: (*всторону*) На первый разъ не худо!.. (*громко*) Представьте съ одной стороны, подъ теплымъ одѣяломъ, лѣтомъ-то, въ июлѣ мѣсяцѣ... (*всторону*): На первый разъ очень нехудо.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Стыдно вамъ на зятя-то наговаривать.

ОКУНЬКОВЪ. На какого это зятя?.. Во-первыхъ, онъ мнѣ еще не зять, да и будетъ ли еще зятемъ!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*торжественно*). Николай Кузьмичъ.

ОКУНЬКОВЪ. Что-съ?..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Послушайте!..

ОКУНЬКОВЪ. Слушаю.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Вы вѣдь знаете, что у меня хорошее состояніе.

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Вонъ оно куда пошло... (*громко*) Знаю.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Я еще могла бы выдти замужъ, еслибъ захотѣла...

ОКУНЬКОВЪ. Вонъ она!.. вонъ она!.. Разкудахталась!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*продолжая*). Еслибъ не рѣшилась остаться въ дѣвушкахъ, чтобъ упрочить счастье вашей же дочери...

ОКУНЬКОВЪ. Знаю, сестрица, и жеву ремерси боку, съ одной стороны.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*перебивая*). Но съ однимъ условіемъ, помните?

ОКУНЬКОВЪ. Да, да... помню... какъ-же!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Я хочу сама выдать замужъ Матрешу, сама, слышите?

ОКУНЬКОВЪ. Ну, да вѣдь это и мое лучшее желаніе; но надо-же жениха приискать.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Я жениха нашла: Савердонъ Пльичъ, прекраснѣйшій молодой человекъ, имѣеть сто душъ, и я надѣюсь... я надѣюсь, слышите!

ОКУНЬКОВЪ. Слышу, слышу.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Что онъ не будетъ принять, какъ прочіе.

МОТЯ (*перебивая*). Которыхъ ты, Богъ знаетъ, почему выгонялъ изъ дому.

ОКУНЬКОВЪ. И стоить говорить объ этой швали!.. Ну, ужъ народецъ!.. Свистуны, жидоморы... Душу съ начинкой продать готовы!.. Да вотъ хоть послѣдній Тураонъ Мардарычъ Перепелка, отчего сбрендилъ?.. Этакой гусь лапчатый! мало говоритъ, приданого. А? Мало?

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. (*перебивая его*). Не правда!

ОКУНЬКОВЪ. Какъ? какъ, не правда?

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Да такъ. Я стояла у дверей и все слышала.

ОКУНЬКОВЪ (*съ удивленіемъ*). А! (*всторону*) Впередъ всѣ двери на запоръ!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Онъ бралъ Матрешу безъ приданого.

МОТЯ. Неужели?..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Да, а Николай Кузьмичъ сказали, что онъ тебѣ не нравится.

МОТЯ. Да это просто изъ рукъ вонъ!.. Когда я тебѣ говорила, когда? Ну? Ну?

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Попался, попался!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Ну-съ? Ну-съ? Когда она вамъ говорила?

МОТЯ. Когда я тебѣ говорила? Ну?

ОКУНЬКОВЪ. Чтѣ-жъ правда... я точно отказалъ Перепелкѣ... я... я долженъ былъ ему отказать.

МОТЯ. Почему? Почему?

ОКУНЬКОВЪ. Потому... потому... да потому...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Да почему-же?

ОКУНЬКОВЪ. Потому, что разныя вещи про него узналъ...

МОТЯ. Какія?.. Какія вещи?..

ОКУНЬКОВЪ. Такія!..

ОБЪ. Да какія-же?

ОКУНЬКОВЪ. Такія, что... что... что при дамахъ сказать нельзя!.. Выйдите отсюда объ и я пожалуй, съ одной стороны, вамъ все расскажу.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Николай Кузьмичъ! Я теперь буду держать ухо востро, вы меня не надуете!..

ОКУНЬКОВЪ (*съ упрекомъ*). Ма серъ!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Вы меня не надуете, Николай Кузьмичъ... я буду слѣдить за вами.

МОТЯ. И я тоже.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Да вотъ и Сакердонъ Ильичъ! (*Фарфоровскій входитъ*).

МОТЯ. Ахъ, какой милка!..

ОКУНЬКОВЪ. Тшт! Мотя! удержиись! (*Ритуриель*).

V.

ТЪЖЕ, и **ФАРФОРОВСКІЙ**, изъ сада, въ невѣроятно узкихъ, невыразимыхъ, огромные воротнички и бантъ на галстухъ, фракъ).

ФАРФОРОВСКІЙ. Нимфодора Кузьминишна!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Братецъ, позвольте представить вамъ...

ФАРФОРОВСКІЙ. За особенную честь себѣ поставляю.

ОКУНЬКОВЪ (*сухо*). Гмъ!.. Очень радъ!.. (*всторону*) Съ одной стороны какая противная рожа...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*подводя Мотю*). Вотъ моя племянница!..

ФАРФОРОВСКІЙ (*кланяясь*). Чрезвычайно приятно!.. (*Окуньковъ поспѣшно подбѣгаетъ и становится между нимъ и Мотей*).

Вамъ высказать позвольте мнѣ,
Весь мой восторгъ и восхищенье,
Вашъ садъ—игрушка, заглядѣнье,
Я очарованъ имъ вполне!
И хоть я лезть и ненавижу,
Но откровенно вамъ сказать,
Никакъ не ждалъ я увидать, (*кланяясь Мотѣ*),
Того, что, видя васъ, я вижу!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*всторону*). Прелестно! Обворожительно!..

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*) Погоди, я тебѣ задамъ куплетцы. (*громко*)
Очень мило, очень мило, очень... Я эти стишки читалъ въ двадцать восьмомъ году; кажется въ Дамскомъ Журналѣ... (*Сестра взглядываетъ на него строго, онъ конфузится и сквозь зубы бормочетъ*)
Я это въ двадцать восьмомъ году читалъ...

ФАРФОРОВСКІЙ (*всторону*). Скажите на милость!.. Я ихъ дорогой сочинилъ,—съ чего взялъ, старый хрычъ?

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Я надѣюсь, Сакердонъ Ильичъ, что вы пробудете у насъ хоть недѣлку?

ФАРФОРОВСКІЙ (*съ жаромъ*). Помилуйте!.. готовъ цѣлый годъ... всю жизнь... и даже болѣе...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*смѣясь*). Безподобно!.. какъ это остро!..

ОКУНЬКОВЪ. Чрезвычайно!.. Я это читалъ въ двадцать девятомъ году въ Дамскомъ Журналѣ.

ФАРФОРОВСКІЙ. Неужели?.. (*всторону*) Странно! я это тоже до-рогою сочинилъ!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*подходя къ брату, тихо*). Какъ вы его находите?

ОКУНЬКОВЪ. Не хорошъ... носъ какъ-то не на мѣстѣ, и все такое, съ одной стороны.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Подите вы!.. (*Фарфоровскому*) Какъ вы провели ночь?.. Не холодно-ли вамъ было?

ФАРФОРОВСКІЙ. Я вовсе не спалъ: знаете, дорога, и потомъ раз-ныя мечты, ожиданья...

МОТЯ. Право?..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*смотря на брата*). А намъ сказали...

ФАРФОРОВСКІЙ. Что?..

ОКУНЬКОВЪ. Такъ, ничего!.. Африкашка навралъ!.. (*путаясь*) Ла.. лакей... (*всторону*) Попался!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*брату*). Довольно! (*Фарфоровскому*) Такъ вы давно встали?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Я ужъ съ полчаса гулялъ по саду!..

ОКУНЬКОВЪ. Это... это все, съ одной стороны... ла...лакей...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*ему, съ презрительной улыбкой*). До-вольно!.. (*Фарфоровскому*) Сакердонъ Ильичъ! Любите вы свиныя котлеты?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Пожалуйста, не церемоньтесь со мной.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Любите?.. Я увѣрена, что любите. Я прикажу вамъ приготовить къ обѣду. (*Окунькову*) А вы распорядитесь виномъ.

ОКУНЬКОВЪ. Сейчас!.. (*всторону*). Бываютъ же этикія противныя рожи!..

Я отправлюсь хлопотать,

И сюда вернуся.

Негодяя довать,

Честію клянуся.

МОТЯ и НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА

Я отправлюсь хлопотать

И потомъ вернуся... (*всторону*).

Лучше ^{мужа мнѣ}
зятя намъ сыскать

Трудно, поручуся.

VI.

ФАРФОРОВСКИЙ, одинъ.

Дѣло мое, по-видимому, ладится: тетушка за меня горой, да и невѣста-то такъ умильно поглядываетъ... только старый хрычъ, родитель, не очень, кажется, благоволитъ. Чуть скажу что-нибудь остренькое, — кричить, что читалъ въ Дамскомъ Журналѣ, и вретъ, не читалъ: я своихъ стиховъ не печатаю съ тѣхъ-поръ, какъ меня самого вездѣ жесточайшимъ образомъ распечатали. А барышня ничего... такая свѣженькая, розовенькая... на щечкахъ ямочки, .. живеть!.. *засовывая самодовольно руки въ жилетные карманы*). Я съ своей стороны, произвелъ на нее, кажется, довольно сильное впечатленіе... оно и не мудрено... Я всегда произвожу довольно сильное впечатленіе!..

Мнѣ-ль съ Матреной Николавной,
Отвыкать стать отъ побѣдъ, —
Милый, ловкій и исправный,
Мнѣ въ любви отказу нѣтъ.
Женъ, дѣвицъ и вдовъ за мною
Волочилось просто тѣма,
И ихъ всѣхъ сводилъ собою
Я рѣшительно съ ума!..
Не прибавя слова лишку,
Откровенно вамъ сказать,
Для меня свести интрижку,
Это просто наплевать!
Всѣмъ мужчинамъ, я, не скрою,
Все-равно, что острый ножъ!
Я, какъ видите, собою,
Удивительно хорошъ!..
И извѣстенъ я за хвата,
Въ томъ поклясться я готовъ:
Отъ Покровки до Арбата
И до Прѣсенскихъ-прудовъ.

(*Вынимая изъ кармана портъ-монне*). Это что?.. А!.. портъ-монне... Я его намѣренъ подарить моей невѣстѣ... Десять рублей серебромъ далъ у Горбока—какъ дорого дерутъ французы проклятые. . Это портретъ Эльслера, очень, очень приличный подарокъ... (*прячетъ портъ-монне*). Однако, мнѣ надо быть осторожнымъ... Женихъ долженъ скрывать свои малѣйшіе недостатки—правда, что у меня ихъ только два—да все-таки. . Во-первыхъ, не знаю, какъ-бы это половчей выразить... Я... я... чрезвычайно равнодушенъ въ отношеніи къ женскому полу...

Да!.. стоить хорошенькой женщиѣ взглянуть на меня.. этакъ какъ
нибудь, и кончено!.. Я перестаю быть человѣкомъ, я воспламеняюсь,
я превращаюсь въ ракету!.. Фа-а!.. Фррръ!.. честное слово!.. Фа
а!.. Фррръ!.. Во-вторыхъ, я .. оно дѣйствительно къ жениху какъ-то
нейдетъ... (*шепотомъ*): Я нюхаю табакъ!.. (*вынимаетъ табакерку*).
И вотъ улыка. (*открывая ее*): Виоле съ Березинскимъ. Наслажденье!..
Покуда никого нѣтъ нюхну!.. (*опускаетъ пальцы въ табакерку*).

VII.

ФАРФОРОВСКІЙ и ОКУНЬКОВЪ.

ФАРФОРОВСКІЙ (*увидя Окунькова*). А!.. (*быстро прячетъ та-
бакерку и выпускаетъ изъ пальцевъ табакъ на полъ*).

ОКУНЬКОВЪ (*указывая на табакъ*). Это что?

ФАРФОРОВСКІЙ. Гдѣ?.. Я ничего не вижу.. (*Окуньковъ накло-
няется и онъ тоже*). Вы потеряли что-нибудь?..

ОКУНЬКОВЪ (*поднимаясь*). Это табакъ?

ФАРФОРОВСКІЙ. Да! Табакъ!.. (*равнодушно*) Кто-нибудь про-
сыпалъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Да, да!.. Непремѣнно кто-нибудь просыпалъ!.. (*всто-
рону*): Хитерь, хитерь!.. а все попадется, съ одной стороны!..
Я свое возьму.

ФАРФОРОВСКІЙ (*всторону*). Мнѣ, я полагаю, предстоитъ экзамень!
Сакердонъ!.. осторожите!..

ОКУНЬКОВЪ. Я очень, очень радъ, любезнѣйшій Сакердонъ Ильичъ,
что вы къ намъ пріѣхали...

ФАРФОРОВСКІЙ. Я очень, очень радъ, любезнѣйшій Николай Кузь-
мичъ, что я къ вамъ пріѣхалъ. (*всторону*) Кажется привязаться не
къ чему.

ОКУНЬКОВЪ. Сестра мнѣ объяснила цѣль вашего посѣщенія... я
одобряю ее... (*протягивая ему руку*). Я согласенъ съ одной сторо-
ны, будьте моимъ зятемъ.

ФАРФОРОВСКІЙ (*всторону*).. Онъ какъ-то странно выговорилъ все
это!.. (*ему*) Сестрица ваша вамъ объяснила цѣль моего посѣщенія,
вы одобряете ее. (*протягивая ему руку*). Вы согласны, съ одной
стороны, я буду вашимъ зятемъ.

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Да это просто поцугай!.. (*вслухъ*) А
знаете, сперва-то я вѣдь не совсѣмъ былъ къ вамъ расположенъ... не
совсѣмъ...

ФАРФОРОВСКІЙ. Право?..

ОКУНЬКОВЪ. Мы про васъ кое-что слышали... (*толкаетъ его въ бокъ*). Вы покутили-таки съ одной стороны, на своемъ вѣку!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Ммъ!.. (*всторону*) Онъ, кажется, думаетъ, что я разболтаюсь...

ОКУНЬКОВЪ (*ему*). Да вотъ хоть послѣдняя-то ваша интрижка... Ну, съ этой жолы-персонъ... какъ бишь ее съ одной стороны...

ФАРФОРОВСКІЙ. Дѣло не въ имени.

ОКУНЬКОВЪ. Конечно!.. Вы для нея накуралесили порядкомъ... Хе, хе, хе!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Мм!..

ОКУНЬКОВЪ. И долговъ чай надѣлали? а? понадѣлали? Сколько? Бокó?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Мм!..

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Чтó онъ все мычать! (*ему*): Я надѣюсь; однако, что теперь между вами все кончено!.. (*беретъ его подъ руку*). Разскажите-ко мнѣ, какъ это у васъ устроилось?.. Ну-те-ка?.. Раконте!..

ФАРФОРОВСКІЙ (*съ чувствомъ*). Вступая въ ваше семейство, считаю для себя долгомъ вамъ разсказать все, все!..

ОКУНЬКОВЪ (*добродушно*). Разсказывайте, другъ мой... я человекъ добрый, хорошій... разсказывайте, мнѣ все, все, все...

ФАРФОРОВСКІЙ. Я вамъ разскажу все, все, все! Въ жизнь мою я любилъ двухъ существъ... (*оглядывая на двери, какъ бы опасаясь, чтобъ его не подслушали*).

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Теперь не вывернешься!

ФАРФОРОВСКІЙ. Я любилъ папеньку и маменьку.

ОКУНЬКОВЪ. Какъ?.. Только!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Ни больше, ни меньше!..

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Вывернулся!.. Да это прехитрое животное... Кремьень-кремьень!.. (*ему, вынимая табакерку*): Нѣтъ, я не по вашему проказилъ... Хе, хе, хе! Да! И какія у меня, я вамъ доложу, интрижки бывали! Чудо!.. Особливо съ одной швейкой!..

ФАРФОРОВСКІЙ (*живо*). Вѣрно съ Кузнецкаго-моста?..

ОКУНЬКОВЪ. Отъ мадамъ Лебуръ, съ одной стороны (*подноситъ ему разсѣянно табакерку*). Не угодно ли?

ФАРФОРОВСКІЙ (*забывшись и протягивая руку*). Очень вамъ благ..... (*опомнясь*): Извините — я терпѣть не могу табаку...

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Весьма хитрое животное!.. Но я свое возьму!.. я свое возьму! (*ему*): Сакердонъ Ильичъ!.. Вы мнѣ нравитесь!.. вы мнѣ очень нравитесь! На лицѣ вашемъ написано чтó-то

такое... такое... вы мнѣ чрезвычайно правитесь, съ одной стороны .. Да! Вы именно такой мужъ, какого бы я хотѣлъ найти для моей дочери... потому-что съ ея характеромъ...

ФАРФОРОВСКІЙ. Съ какимъ характеромъ?..

ОКУНЬКОВЪ. Характеръ-то у нея неподобный!.. Но иногда... ну, вѣдь и нельзя безъ этого... иногда любить покапризничать...

ФАРФОРОВСКІЙ (съ безпокойствомъ). А!..

ОКУНЬКОВЪ. Ну, и упряма!.. Не знаю, въ кого она уродилась, съ одной стороны!..

ФАРФОРОВСКІЙ (всторону) Бранить дочь... странно!.. Хитрить старикашка.

ОКУНЬКОВЪ. Повѣрите ли, иной разъ чего не захочетъ, такъ хоть зарѣжь, такъ-таки просто хоть зарѣжь... ни тпру, ни ну!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Неужели?.. Какъ я радъ!.. Именно такую жену я и хотѣлъ найти.

ОКУНЬКОВЪ (изумленный). Право?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Честное слово!..

ОКУНЬКОВЪ. Тѣмъ лучше!.. тѣмъ лучше!.. (пожимая другъ другу руки. Всторону) Этотъ шарамыжникъ долженъ быть дипломатъ переодѣтый.

ФАРФОРОВСКІЙ (всторону). Чтò взялъ?..

ОКУНЬКОВЪ (дружелюбно). Однако, мнѣ еще надо одѣться сходить. До свиданія, мой милый Сакердонъ Ильичъ!

ФАРФОРОВСКІЙ (также). До свиданія, мой милый Николай Кузьмичъ.

ОКУНЬКОВЪ (всторону, идя въ глубину). Погоди, сейчасъ попадешься!.. (быстро ощупывая свои карманы). Ахъ, куда это я дѣлъ?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Чтò?..

ОКУНЬКОВЪ. Табакерку!.. (всторону, пока Фарфоровскій роется въ карманахъ) Тутъ сынтъ попадется, съ одной стороны (Фарфоровскій вынимаетъ изъ кармана платокъ и сморкается. Всторону). Рѣшительный дипломатъ!.. Напишу къ Киндербальзаму, тотъ будетъ поладнѣе... и глупъ, какъ пробка, и носъ набалдашникомъ... (уходя) Я свое возьму, непременно возьму!.. (дѣлаетъ Фарфоровскому ручкой и потомъ плюетъ и уходитъ, говоря всторону) Тьфу!.. Бываютъ же этакія противныя рожи!..

VIII.

ФАРФОРОВСКІЙ, потомъ **МОТЯ.**

ФАРФОРОВСКІЙ (одинъ). Будущій тестюшка остался съ носомъ!..

А каково было испытаніе!.. Я сдѣлалъ одну только ошибку... когда онъ подсунулъ табакерку, я чуть-чуть не высказался... (*оглядывается вокругъ*) Никого!.. Нюхну!.. Отведу душу!.. (*открываетъ табакерку*).

МОТЯ (*входя*). Сейчасъ, тѣтя!

ФАРФОРОВСКІЙ (*просыпая табакъ, всторону*). Опять?.. А!.. невѣста!..

МОТЯ. Ахъ, вы здѣсь одни!.. А гдѣ же папенька?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Онъ сейчасъ вышелъ.

МОТЯ. Что онъ еще съ вами не поссорился?

ФАРФОРОВСКІЙ (*въ удивленіи*). Какъ?..

МОТЯ. Вѣрно отложилъ до завтра.

ФАРФОРОВСКІЙ. Позвольте... за что же намъ ссориться?.. Конечно, я имѣю недостатки... я...

МОТЯ. Тсъ!.. кто проситъ васъ говорить о вашихъ недостаткахъ?..

ФАРФОРОВСКІЙ (*удивясь*). Какъ?..

МОТЯ. Женихъ долженъ скрывать ихъ...

ФАРФОРОВСКІЙ. Оно такъ, но вамъ ..

МОТЯ. Ни мнѣ и никому... вѣдь я вамъ не рассказываю про свои...

ФАРФОРОВСКІЙ (*улыбаясь*). Ну, это было бы лишнее, потому-что вашъ батюшка въ подробности мнѣ ихъ исчислилъ.

МОТЯ. Неужели? И вы повѣрили?

ФАРФОРОВСКІЙ. Я только тому вѣрю, что вижу, а я вижу одни совершенства... (*всторону*) Если онъ читалъ это въ Дамскомъ Журналѣ, такъ я даю себѣ голову отрѣзать...

МОТЯ. Ахъ, помилуйте!.. Какіе вы насмѣшники!..

ФАРФОРОВСКІЙ (*всторону*). Какъ она на меня посмотрѣла!.. брр! какъ она посмотрѣла! Я превращаюсь въ ракету!.. (*ей, съ чувствомъ*) Матрена Николаевна... Ахъ! Матрена Николаевна... Ахъ! Позвольте... (*цѣлуя ея руку*) позвольте!..

IX.

ТѢЖЕ И ОКУНЬКОВЪ.

ОКУНЬКОВЪ (*входя въ сюртукъ и фуражку*). Мотя!.. (*подбѣгая съ бѣшенствомъ*) Вонъ! вонъ!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Какъ вонъ?

МОТЯ. Папочка!..

ОКУНЬКОВЪ (*обнимая ее*). Бѣдная!.. Бѣдненькая!.. Бѣдняжечка!.. (*беретъ ея руку и утираетъ рукавомъ слѣды поцѣлуя*).

ФАРФОРОВСКІЙ (*всторону*). Что это онъ дѣлаетъ?..

ОКУНЬКОВЪ (*ей*). Успокойся, не плачь!..

МОТЯ. Я вовсе не плачу, папочка...

ОКУНЬКОВЪ. А ты... ты!.. Я съ тобой раздѣляюсь, съ одной стороны!.. Какъ ты смѣлъ!.. Какъ ты смѣлъ!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Но мнѣ кажется, я могъ, какъ женихъ...

ОКУНЬКОВЪ. Что? Женихъ?.. Ты женихъ?.. Ахъ, ты поджарый!..

Ахъ, ты... Да ты бѣлены объѣлся что ли?

ФАРФОРОВСКІЙ (*обидясь*). Николай Кузьмичъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Я тебя ненавижу, слышишь! И она тоже тебя ненавидитъ... слышишь?..

МОТЯ. Папочка!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Николай Кузьмичъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Слышишь? Она тебя ненавидитъ, съ одной стороны... Тебѣ здѣсь дѣлать нечего... пошелъ вонъ, дуракъ!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Дуракъ!.. Николай Кузьмичъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Убирайся, куда цѣль! Але-ву-куше...

ФАРФОРОВСКІЙ (*теряя терпѣнье*). Николай Куз... Ахъ!

ОКУНЬКОВЪ.

ФАРФОРОВСКІЙ.

Я потерялъ терпѣніе,
Съ тобою дуракомъ,
Сейчасъ безъ объясненія
Наѣво маршъ кругомъ.

Я вышелъ изъ терпѣнія,
Съ безумнымъ старикомъ,
И тотчасъ безъ сомнѣнія
Оставлю этотъ домъ.

ОКУНЬКОВЪ (*одинъ*).

Какое-то предчувствіе,
Имѣлъ я, такъ-сказать,
Что ты въ мое отсутствіе
Къ ней будешь подѣвзгать.
Безъ разсужденія дальняго
Съ тобою порѣшу:
Я повозу квартальнаго,
И просьбу напишу!

ОКУНЬКОВЪ.

ФАРФОРОВСКІЙ (*уходя къ себѣ*).

Я потерялъ терпѣніе, и проч.

Я вышелъ изъ терпѣнія, и проч.

X.

ОКУНЬКОВЪ, МОТЯ, НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*входя*). Что за шумъ?.. что такое?..

МОТЯ (плача). Это все папочка... онъ Сакердона Ильича изъ дому выгналъ !..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Какъ !.. Сакердона Ильича ?..

ОКУНЬКОВЪ. Вашъ Сакердонъ Ильичъ наглець ! человекъ безъ всякой нравственности, съ одной стороны !.. Не плачь, у меня есть другой... докторъ Киндербальзамъ... носъ набалдашиникомъ... (опомнись) То-есть, нѣтъ, нѣтъ !..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Да что онъ сдѣлалъ ?..

ОКУНЬКОВЪ. Что онъ сдѣлалъ ?.. Да нѣтъ !.. этого нельзя себѣ представить... я ее выростилъ, воспиталъ, а онъ осмѣлился...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Ну-съ ?..

ОКУНЬКОВЪ. Осмѣлился поцеловать ручку у Моти... А? Каково ?..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Что-жь, до-сихъ-поръ, я не вижу ничего непристойнаго.

ОКУНЬКОВЪ. Какъ съ одной стороны ?.. (всторону) Этакія безстыдницы, эти старыя дѣвы !.. (вслушь) Я объявилъ ему, чтобъ онъ отправился, и онъ отправится...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. А! коли такъ, коли на то пошло, когда меня не хотять въ грошъ ставить... Ну, такъ я сама съ нимъ отправлюсь... Мы уѣдемъ вмѣстѣ... (хочетъ уйти).

ОКУНЬКОВЪ. Сестрица !..

МОТЯ. Тетя !..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (наступая на брата). Слушать ничего не хочу !.. Что же касается до моего состоянія; такъ знайте, коли на то пошло, что я способна, вамъ на зло, рѣшиться сама замужъ выдти !..

ОКУНЬКОВЪ (удивленный). Ай !..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (продолжая). И имѣть своихъ собственныхъ дѣтей !..

ОКУНЬКОВЪ (быстро). Нѣтъ, нѣтъ !.. Ты не рѣшишься ?.. Ты съ одной стороны... ты неспособна...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Способна !.. Я на все способна !.. Оставьте меня !.. (запыхавшись, падаетъ въ кресла).

МОТЯ. Тетя !.. Милая !.. Голубчикъ !..

ОКУНЬКОВЪ (на колыняхъ). Нимфочка !.. Нимфуся !.. Ма-серь !..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (уступая). Ну, что ?.. что ?..

МОТЯ. Оставайтесь !.. Оставайтесь ?.. Да, тетя ?.. Да ?..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (ей). Для тебя (ему). Только на двухъ условіяхъ : первое Сакердонъ Ильичъ останется здѣсь.

ОКУНЬКОВЪ (всторону). Ахъ, волкъ его зашь !..

МОТЯ. Конечно !..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Второе: вы извинитесь передь нимъ, и попросите прошенія!..

ОКУНЬКОВЪ (*вставая*). Я? я? Никогда!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*вставая*). Прекрасно, Николай Кузьмичъ, прекрасно!.. Я ѣду!.. Человѣкъ!..

ОКУНЬКОВЪ (*останавливая ее*). Ну, ну!.. Ужъ ты сейчасъ и пошла, и пошла, и дымъ коромысломъ.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Такъ вы извинитесь?..

ОКУНЬКОВЪ. Ну, ну, финисе.

МОТЯ. Вотъ онъ!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*брату*). Извинитесь... нето... понимаете?..

XI.

ТЪ-ЖЕ, и **ФАРФОРОВСКІЙ** выходятъ изъ своей комнаты съ чемоданомъ, въ пальто.

ФАРФОРОВСКІЙ. Примите, государь мой, увѣреніе въ моей самой ограниченной преданности!..

ОКУНЬКОВЪ (*сухо*). Имѣю честь кланяться.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Что же, Николай Кузьмичъ?.. Только-то?.. (*зоветъ*). Человѣкъ!..

МОТЯ. Папочка!..

ОКУНЬКОВЪ (*имъ*). Сейчасъ. (*ему*). Сакердонъ Ильичъ! мнѣ нужно съ вами поговорить, съ одной стороны.

ФАРФОРОВСКІЙ (*сухо*). Чтò вамъ угодно?

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Дрянъ! (*ему*). Неужели вы хотите отъ насъ уѣхать?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Точно такъ...

ОКУНЬКОВЪ. Вы бы, право, лучше остались...

ФАРФОРОВСКІЙ. Мнѣ никакъ нельзя!...

ОКУНЬКОВЪ. Если вамъ нельзя, то я не смѣю настаивать. (*Фарфоровскій кланяется и идетъ къ двери*).

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. А! Только-то!.. (*Идетъ къ Фарфоровскому*). Человѣкъ!..

ОКУНЬКОВЪ (*ей*). Постой!.. (*ему*) Сакердонъ Ильичъ! Мнѣ нужно еще съ вами поговорить, съ одной стороны:

ФАРФОРОВСКІЙ (*сухо*). Чтò вамъ угодно?

ОКУНЬКОВЪ (*трепля его по плечу*). Хе, хе, хе!.. У! у! Этакой сердитый!.. Развѣ вы не хотите отобѣдать съ нами?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Не хочу... вы меня дуракомъ назвали...

ОКУНЬКОВЪ. Неужели вы обидѣлись?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Обидѣлся.

ОКУНЬКОВЪ. Ну, это другое дѣло! Если вы обидѣлись, съ одной стороны!.. (*сестрь*). Онъ обидѣлся съ одной стороны!.. (*ему*). Въ такомъ—случаѣ, я прошу меня извинить... Винавать, впередъ не буду!.. Же-ву-демандъ-де-ла-пардонъ. Позвольте вашъ чемоданъ... (*береть чемоданъ и пальто, и относитъ ихъ въ глубину сцены*).

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Давно-бы такъ!..

МОТЯ. Прекрасно!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Сакердонъ Ильичъ, въ знакъ мира, — поцалуйте мою племянницу,

ФАРФОРОВСКІЙ. О, съ большимъ удовольствіемъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Что?.. Нѣтъ!.. Мотя!.. (*тотъ цалуетъ ее*). О!.. (*хватаетъ стулъ и бросаетъ*).

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Что вы, братецъ?..

ОКУНЬКОВЪ (*поднимая стулъ и садясь на него у самой авансцены*). Я?.. я... ничего... стулъ упалъ... (*всторону*). Я бы желалъ быть обшеной собакой! Я бы кусалъ, съ одной стороны, это животное, до смерти-бы кусалъ!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. А теперь надо сейчасъ же назначить день свадьбы.

ФАРФОРОВСКІЙ. Это было-бы превосходно!..

ОКУНЬКОВЪ (*подбѣгая*). Позвольте, позвольте!.. (*всторону*). Часъ отъ часу не легче!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Ну что-жь?.. Назначьте день ихъ свадьбы.

ОКУНЬКОВЪ. По... по... позвольте...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Черезъ три мѣсяца хотите?

ОКУНЬКОВЪ. Ни за что!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Такъ черезъ два?..

ОКУНЬКОВЪ. Еще меньше!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Еще меньше?.. Стало черезъ мѣсяць?

ОКУНЬКОВЪ. Нѣтъ!.. нѣтъ!! (*всторону*). Вотъ пристали окаянные!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Ну, такъ назначьте сами.

ОКУНЬКОВЪ. Извольте... извольте, — черезъ полтора года...

ФАРФОРОВСКІЙ. Полтора года!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Это почему?..

ОКУНЬКОВЪ (*рѣшительно*). У меня, съ одной стороны, нѣтъ чернаго фрака...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*торжественно*). Николай Кузьмичъ! послушайте...

ОКУНЬКОВЪ. Слушаю.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Вы вѣдь знаете, что у меня хорошее состояніе.

ОКУНЬКОВЪ. Знаю, знаю!.. Ну такъ и быть, черезъ годъ (*всторону*). А въ это время...

ВСЪ. Черезъ годъ!.. Какъ это можно!.. Помилуйте!..

ОКУНЬКОВЪ. Ни-ни!.. Меньше не могу!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Черезъ годъ!.. Это шутка!.. Я этого не допущу... Пойдемъ, племянница... (*идутъ къ двери; брату*) А вы подумайте хорошенько!.. Вы подумайте!.. (*уходитъ нальво*).

ХII.

ФАРФОРОВСКІЙ и ОКУНЬКОВЪ.

ФАРФОРОВСКІЙ (*похлопывая его по животу*). Послушайте, тещюшка, нельзя-ли сбавить, а? Сбавьте,.. ну, для меня!..

ОКУНЬКОВЪ (*сурово*). Нельзя!

ФАРФОРОВСКІЙ. Мало ли чего нельзя, да можно.

ОКУНЬКОВЪ (*подбѣгая неистово къ билліарду, схватываетъ кій и бѣжитъ къ Фарфоровскому*). Вотъ я тебя!.. (*останавливается, опомнясь, тотъ смотритъ на него съ удивленіемъ*). Не хотите-ли на билліардъ сыграть? А?..

ФАРФОРОВСКІЙ (*съ досадою*). Чтó? на билліардъ!.. (*подумавши*) А впрочемъ давайте... только на интересъ?..

ОКУНЬКОВЪ. Какъ на интересъ?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Такъ!.. Сыграемъ на полгода.

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). О! еслибъ мнѣ у него выиграть!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Согласны?..

ОКУНЬКОВЪ. Нѣтъ не согласенъ!.. (*всторону*) Вѣроятно, мастеръ! Пожалуй облапошить!.. (*вслушь*) Придумаемъ лучше другую игру съ болѣе равными шансами, съ одной стороны.

ФАРФОРОВСКІЙ. Какую же?..

ОКУНЬКОВЪ (*подумавши*). Четъ или нечетъ...

ФАРФОРОВСКІЙ. Извольте... на полгода!..

ОКУНЬКОВЪ. Да, да!.. Я начинаю!.. (*опускаетъ руку въ карманъ, потомъ вынимаетъ, всторону*) Дай Богъ хоть полтора годика выиграть!.. (*протягивая сжатую руку*) Четъ или нечетъ?..

ФАРФОРОВСКІЙ (*всторону*). Была не была!.. (*ему*). Четъ!..

(Окуньковъ открываетъ руку) Четь, я выигралъ! (беретъ изъ нея двѣ монеты).

ОКУНЬКОВЪ (беретъ у него монеты назадъ). Два пяталь-ныхъ... вы проиграли!

ФАРФОРОВСКІЙ. Два пятальныхъ — четь!..

ОКУНЬКОВЪ. Рубль пять копѣекъ — нечетъ.

ФАРФОРОВСКІЙ. Да нѣтъ же, четь!..

ОКУНЬКОВЪ. Нечетъ!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Нѣтъ, четь!..

ОКУНЬКОВЪ. Ну, такъ не въ счетъ!..

ФАРФОРОВСКІЙ (опуская обѣ руки въ карманы). Не въ счетъ!.. Не въ счетъ!.. Погоди же!.. (ему). Теперь моя очередь. (показывая правую руку). Четь, или нечетъ?..

ОКУНЬКОВЪ (послѣ некоторой нерешительности). Нечетъ!

ФАРФОРОВСКІЙ (опуская правую руку въ карманъ и открывая лѣвую). Нѣтъ, четь!

ОКУНЬКОВЪ. Вы, съ одной стороны, той рукой гадали...

ФАРФОРОВСКІЙ. Нѣтъ, этой.

ОКУНЬКОВЪ. Нѣтъ, той.

ФАРФОРОВСКІЙ. Нѣтъ, этой!..

ОКУНЬКОВЪ. Нѣтъ, той!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Ну, такъ и это не въ счетъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Этакъ мы никогда не кончимъ!.. Придумаемъ другую игру съ еще болѣе равными шансами, съ одной стороны!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Какую?..

ОКУНЬКОВЪ. Подержимъ на фигуры. Кто прежде пройдетъ по улицѣ, женщина или мужчина?.. дама или валетъ?..

ФАРФОРОВСКІЙ. Извольте, я беру женщину!.. На полгода и три мѣсяца мазу.

ОКУНЬКОВЪ. Ходить!.. Я беру мужчину! Разъ! Два! Три! Началось!.. (подбѣгаетъ къ окну, на улицу и открываетъ его).

ФАРФОРОВСКІЙ (вставляя въ глазъ лорнетку). Вотъ идетъ кто-то... (глядя). Позвольте... баба! дама!.. Ура!.. Я выигралъ!..

ОКУНЬКОВЪ (кричитъ). Нѣтъ! это не въ счетъ!.. Это не въ счетъ!.. (падая на стулъ). Зарѣзалъ!.. Убилъ!.. (схватываетъ себя за голову и стаскиваетъ парикъ).

XIII.

ТЪ-ЖЕ, НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА И МОТЯ.

ФАРФОРОВСКІЙ (идетъ къ нимъ навстрѣчу). Поздравьте меня, свадьба будетъ черезъ три мѣсяца.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (съ радостью). Черезъ три мѣсяца!.. Мы едва успѣемъ сдѣлать приданое... это чудесно!..

ОКУНЬКОВЪ (вставая, всторону). Ке-феръ? Ке-феръ?.. Самбель! Помоги!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Надо какъ можно скорѣе отираваться въ ряды. Поѣдемъ, племянница: принеси мнѣ шляпку!..

МОТЯ. Сейчасъ, тетя!

ФАРФОРОВСКІЙ. А мнѣ съ вами позволите?

МОТЯ. Очень рада.

ОКУНЬКОВЪ (всторону). Ахъ какая мысль! Мерси, Самбель! Спасибо! (*Нимфодоръ тихо*). Сестра! Мнѣ надо поговорить съ вами наединѣ. (*прикладывая палецъ къ губамъ*). Тесь!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Боже мой!.. Какая у васъ странная фізіономія. (*онъ опять прикладываетъ палецъ къ губамъ*). Сакердонъ Ильичъ! Прикажите, пожалуйста, заложить коляску.

ФАРФОРОВСКІЙ. Слушаю-съ!.. (*уходитъ въ среднюю дверь. Мотя нальво*).

XIV.

ОКУНЬКОВЪ И НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Что съ вами, братецъ, говорите?

ОКУНЬКОВЪ (таинственно). Тесь! Никто не можетъ насъ подслушать... (*обходитъ всѣ двери*). Тесь!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Что за тайна?

ОКУНЬКОВЪ (всторону). Отмѣнная каверза!.. Какъ-то она ей понравится!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Ну-съ?..

ОКУНЬКОВЪ. Тесь! (*беретъ ее за руку и подводитъ на авансцену*). Сестра! Эта свадьба невозможна!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Это почему?..

ОКУНЬКОВЪ. Не спрашивай!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Нѣтъ, я хочу знать!..

ОКУНЬКОВЪ. Тесь!.. Лучше не спрашивай! (*Она показываетъ не терпѣніе*). Человѣкъ имѣетъ свои слабости, съ одной стороны!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (не понимая). Конечно; но что-жъ изъ этого?

ОКУНЬКОВЪ (всторону). Подается!.. (*ей*). Она была такъ молода... такъ прекрасна, съ одной стороны!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (удивленная). Она?.. Кто она!..

ОКУНЬКОВЪ (*поэтически*). Я тоже!.. Я былъ такъ молодъ, и такъ прекрасенъ, съ одной стороны; — мы встрѣтились въ Москвѣ, въ маскерадѣ... я не зналъ, кто она... она не знала, кто я... мы не знали, кто мы...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Довольно...

ОКУНЬКОВЪ. Музыка! свѣчи!.. любовь!.. молодость!.. на подъездѣ площадки, и... и... какъ сказать тебѣ...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Довольно...

ОКУНЬКОВЪ. Конечно!.. Ты дѣвушка... ты не должна знать... И вотъ какимъ-образомъ онъ, этотъ молодой человѣкъ... съ одной стороны, мой сынъ!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Сакердонъ Ильичъ?..

ОКУНЬКОВЪ. Именно!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Возможно-ли?.. Ахъ, Боже мой!..

ОКУНЬКОВЪ (*всторону*). Повѣрила!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Но какъ могъ ты открыть это?

ОКУНЬКОВЪ. Вотъ сейчасъ; мы играли въ четъ или нечетъ... потомъ на фигуры... по улицѣ прошла баба!.. Я тебя спрашиваю, можно ли ее выдать за брата!.. Согласишься-ли ты на это?

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. О! Никогда!..

ОКУНЬКОВЪ (*забываясь*). Въ шею его!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Но вѣдь онъ сынъ твой!..

ОКУНЬКОВЪ. Правда!.. (*со вздохомъ*). Ахъ! Сестрица! видѣть его и не смѣть, съ одной стороны, прижать его къ сердцу!.. А мнѣ бы такъ хотѣлось...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*сентиментально*). И мнѣ тоже!.. Какъ бы то ни было, онъ мой племянникъ!

ОКУНЬКОВЪ (*въ ея тонѣ*). О, да!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Я буду любить его всей душой!

ОКУНЬКОВЪ. О, да!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Я откажу ему половину моего состоянія.

ОКУНЬКОВЪ (*въ томъ же тонѣ*). О!.. (*опомнясь и перемѣняя тонъ*). Нѣтъ! нѣтъ! это ужъ лишнее.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Почему- же?

ОКУНЬКОВЪ. Потому-что (*всторону*). Нѣтъ, это, братъ, будетъ! (*ей*). Наши благодѣянія могутъ породить въ немъ подозрѣнія... а онъ не долженъ никогда знать, съ одной стороны, тайны своего рожденія!

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Это правда!.. Сколько для него, столько и для его матери.

ОКУНЬКОВЪ. Несчастливая!.. Клянись мнѣ, что не откроешь никому!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Никогда!.. Клянусь!..
ОКУНЬКОВЪ. Благодарю тебя!.. (*в сторону, весело*). Теперь я по-
коенъ!..

XV.

ТЪ-ЖЕ. ФАРФОРОВСКІЙ. со шляпой въ рукѣ и **МОТЯ.**

МОТЯ (*вхдя*). Вотъ ваша шляпка, тетя.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. (*в сторону*). Бѣдныя дѣти!.. (*вслухъ*).
Ненадо, я не поѣду... (*садится*).

МОТЯ. Какъ?.. Отчего-же?..

ОКУНЬКОВЪ. У нея, съ одной стороны, судорога въ лѣвой ногѣ...
передъ дождемъ, должно-быть.

ФАРФОРОВСКІЙ. Надо-бы потереть нашатырнымъ спиртомъ.

ОКУНЬКОВЪ (*в сторону*). Вотъ я-те задамъ нашатырнаго спирту!..
(*ему*). Сакердонъ Ильичъ! Другъ мой!.. твою руку! (*какъ бы спо-
хватясь*). Вашу руку!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. (*в сторону*). Боже мой!.. Онъ не вы-
держитъ!..

ФАРФОРОВСКІЙ (*подавая руку*). Извольте!..

ОКУНЬКОВЪ (*съ жаромъ жметъ ее*). О! благодарю!.. благодарю!..

ФАРФОРОВСКІЙ (*в сторону*). Что это съ нимъ дѣлается?

ОКУНЬКОВЪ (*опуская руку*). Съ меня довольно и этого!.. Сестра
имѣетъ вамъ сказать нѣсколько словъ...

ФАРФОРОВСКІЙ. Мнѣ?..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Да-съ... (*в сторону*). Какое между
ними сходство!.. Одни и тѣ же носы!.. Какъ я прежде не замѣтила!..
(*вслухъ, въ волненіи*). Сакердонъ Ильичъ!.. Другъ мой!.. Я желаю
вашего счастья... но потому-что... еслибъ вы знали...

ОКУНЬКОВЪ (*кашляя*). Гмъ!.. гмъ!..

ФАРФОРОВСКІЙ. (*в сторону*). Старикъ кашляетъ... опять что-нибудь
придумалъ...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Словомъ... эта сватьяба... которая дол-
жна была осчастливить всѣхъ насъ... эта сватьяба рѣшительно невоз-
можна...

ФАРФОРОВСКИЙ. (*в сторону*). Так!.. угадай!..

МОТЯ. Невозможна?.. Какъ, тетя!.. и вы?..

ОКУНЬКОВЪ (*Моть*). Оставь насъ!.. поди къ себѣ!..

МОТЯ. Нѣтъ! это ужъ слишкомъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Дочь моя!.. я приказываю тебѣ!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА (*присѣдая Фарфоровскому*). Будьте здоровы!..

ОКУНЬКОВЪ (*взявъ дочь подъ-руку*). Мое почтеніе!..

ФАРФОРОВСКИЙ (*беретъ ихъ за руки*). Нѣтъ, извините!.. Это такъ не кончится!..

ОКУНЬКОВЪ. Что вамъ угодно?..

ФАРФОРОВСКИЙ. Мнѣ угодно знать, почему вы мнѣ отказываете?..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Спросите у брата!..

ОКУНОВЪ. Спросите у сестрицы!..

ФАРФОРОВСКИЙ. Нимфодора Кузьминишна!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Не спрашивайте меня!..

ФАРФОРОВСКИЙ. Николай Кузьмичъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Меня тоже не спрашивайте!..

ФАРФОРОВСКИЙ (*в сторону*). Да они какіе-то полоумные! (*ей*). Вамъ, вѣрно, про меня наговорили?

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Нисколько!..

ФАРФОРОВСКИЙ (*Окунькову*). Можетъ, я имѣю несчастье — вамъ не нравится!..

ОКУНЬКОВЪ. Мнѣ!.. Напротивъ, съ одной стороны!..

ФАРФОРОВСКИЙ. Такъ что-же наконецъ?

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Не спрашивайте меня!..

ОКУНЬКОВЪ. Меня тоже не спрашивайте!..

ФАРФОРОВСКИЙ (*выходя изъ-себя*). Это однако изъ рукъ вонъ!.. Я не позволю себя дурачить!..

ОКУНЬКОВЪ. Государь мой!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Сакердонъ Ильичъ!..

ФАРФОРОВСКИЙ (*все больше горячится*). Нѣтъ!.. тысячу разъ нѣтъ!.. Вы должны объяснить мнѣ вашъ поступокъ!.. Я этого добьюсь... Объясняйте!..

ОКУНЬКОВЪ. Никогда!..

ФАРФОРОВСКИЙ. Добьюсь... добьюсь, непременно!.. Хотя бы мнѣ пришлось для этого... (*беретъ его за воротъ*) вѣсь просто!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. (*въ отчаяніи*). Несчастный!.. Это отецъ твой!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Кто?.. Онъ?..

ОКУНЬКОВЪ. (*всторону*). Выдала, злодѣйка!.. Се-мове!.. (*хочетъ уйти*).

ФАРФОРОВСКІЙ. Куда же вы!.. Позвольте!.. Позвольте!.. Такъ вы мой папенька?..

ОКУНЬКОВЪ (*съ замѣшательствомъ*). Да... да... да... бѣльшую частію... съ одной стороны!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Любовь... молодость... плошки на подъѣздѣ...

ФАРФОРОВСКІЙ. На какомъ подъѣздѣ?..

ОКУНЬКОВЪ. (*всторону*). На томъ... на этомъ... въ маскарадѣ... (*всторону*). Се-тре-мове!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. И вотъ почему сватъба невозможна!..

ФАРФОРОВСКІЙ. Погодите!.. (*вынимаетъ изъ кармана портмоне, съ чувствомъ цалуетъ его, и подаетъ Окунькову*). Узнаете ли вы этотъ портретъ?

ОКУНЬКОВЪ (*разчувствовавшись*). О, да! о, да!.. Я узнаю ее!... Это ты!.. Это она!.. Твоя маменька, съ одной стороны!.. Я чувствую, что слезы...

ФАРФОРОВСКІЙ (*хлопнувъ его по животу*). Ахъ, вы проказникъ этакой!.. Да это портретъ извѣстной Фанни-Эльслеръ!..

ОКУНЬКОВЪ. Чего-съ? не можетъ-быть!.. (*всторону*) Се-боку-тре-мове!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Неужели?..

ФАРФОРОВСКІЙ (*смысь*). Спросите, кого угодно!.. Вчера купилъ на Кузнецкомъ.

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Братецъ!.. (*съ сердцемъ щиплетъ его*). Вы меня обманули?.. Хорошо!.. хорошо!..

ОКУНЬКОВЪ (*всторону, почесывая руку*). Ну! теперь окончательно попался!..

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. Племянница!.. вотъ твой мужъ... сватъба будетъ черезъ мѣсяць!..

МОТЯ. (*радостно*). Возможно-ли?

ОКУНЬКОВЪ. Позвольте... по... поз...

НИМФОДОРА КУЗЬМИНИШНА. (*смотря на брата*). Николай Кузьмичъ!..

ОКУНЬКОВЪ. Ну, да!.. Ну, да! Ну, черезъ мѣсяць... (*всторону*). Вотъ хитрецъ-то, этакъ одурачилъ!.. А впрочемъ я еще, съ одной стороны, не теряю надежды... Я въ мѣсяць свое возьму... ей-Богу,

возьму!.. У меня къ тому-же есть на примѣтъ докторъ Киндербаль-
замъ, глушь, какъ пробка и носъ набалдашникомъ...

Хоть къ нимъ онъ ловко подобрался
И поднялъ въ домѣ кутерьму,
И я хоть въ дуракахъ остался, —
А все-таки свое возьму.
Я не горюю и не плачу,
И даже увѣряю васъ:
Его и самъ я одурачу...
Но только въ слѣдующій разъ.

Иль 10440.

ОГЛАВЛЕНИЕ X ТОМА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

- ЗНАХАРЬ.** Историческій романъ въ трехъ частяхъ. (Часть 3). *В. И. Савинова.* (Кн. 7).
- ШАФЕРЪ.** Повѣсть Шарля Бернара. (Кн. 7).
- АРАБСКІЯ КАССИДЫ.** *В. Р. Зотова.* (Кн. 7).
- МАЙСКАЯ ПѢСНЬ.** *Графини Евдокии Растопчиной.* (Кн. 7).
- ДРУЖБА.** Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. *А. И. Бибикова.* (Кн. 8).
- МЕДАЛЬОНЪ.** Повѣсть *Евгенія Славинскаго.* (Кн. 8).
- ПАНФИЛЪ ИВАНОВИЧЪ.** Разсказъ *В. В. Толбина.* (Кн. 8).

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИСКУССТВА.

- ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ ДВАДЦАТЫХЪ И ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.** *Л. В. Брандта.* (Кн. 8).
- НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЖИВОПИСИ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ И РИМЛЯНЪ.** *А. Афанасьева.* (Кн. 8).

МЕМУАРЫ.

- НОВОБРАНЕЦЪ 1812 ГОДА.** Записки *И. И. Лажечникова.* (Кн. 7).

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Открытие сезона — *Марія Симонъ.* — Нѣсколько словъ о содержаніи и направленіи современныхъ французскихъ драмъ. — Длинноты пьесъ и отсутствіе замѣчательныхъ. — Пьесы изъ процессовъ и уголовныхъ дѣлъ. — Драммы изъ современнаго быта и трагедіи. — Мнѣніе Эдгара Кинэ о трагедіяхъ и герояхъ ихъ. — Фелисьенъ Мальвиль и его комедія. — Бенедиктъ г. Верне. — *Сочиненія Горация.* — *Далскій угодникъ.* — *Другъ Франсуа.* — Волшебный фарсъ, за неимѣніемъ фокусовъ. — Бенедиктъ г-жи Бурде. — Явное несчастіе лучше скрытаго счастья. — Водевиль изъ оперы и оперная пѣвица въ водевилѣ. — Г. Люге. — *Закопанный другъ.* — Тинъ Жокриса. (Кн. 7).

МОСКОВСКИЙ ТЕАТРЪ.

(Съ открытія театра послѣ Великаго-поста, до закрытія его предъ Успенскимъ-постомъ). (Кн. 8).

СМѢСЬ.

ЯМЩИКИ. В. В. Толбина. (Кн. 7).

ПЕТЕРБУРГО-МОСКОВСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА. Письмо къ пріятелю. (Кн. 7).

БѢЛОРУССІЯ. Въ характеристическихъ описаніяхъ и фантастическихъ повѣрхяхъ. П. Шпилевскаго. (Кн. 7).

МОЙ КАПИТАНЪ. Эпизодъ изъ войны 1825 года въ Южной-Америкѣ. (Кн. 7).

ПРОГУЛКА ПО РОССИИ. Поѣздка въ Залѣскаій и Ярославскій край, лѣтомъ 1852 года. Н. И. Розанова. (Кн. 7).

ДЕРЕВНЯ. Провинціальные сцены. Октава Фелье. (Кн. 8).

ЗААТЛАНТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ. (Кн. 8).

ЖИЗНЬ НА МОРѢ. А. Б-а. (Кн. 8).

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. Понсаръ и его пьесы.—ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.—Нынѣшнее состояніе газоосвѣщенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ (*подробности устройства и дѣйствій газоваго заведенія въ Филадельфій*), статья В. Карелина.—ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.—Добрый совѣтъ (*разсказъ Сторно де-Солонини*).—Школа художествъ въ Манчестерѣ.—МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ.—Башня Барнума.—Барнабиты во Франціи.—Выставка въ Нью-Йоркѣ.—Надписи въ Синайской долинѣ и египетскіе іероглифы.—Японскіе обычаи: Вѣра, сватовство, женитьба.—Американскіе денди.—Счастье приходитъ иногда во снѣ, но глушому сыну не въ помощь богатство.—Растеніе *Aegilops*.—Соляные и огненные колодцы въ Кіакингѣ (въ Китаѣ).—Замѣчательная долина въ Сѣверной-Америкѣ.—Новыя желѣзныя дороги въ Сѣверной-Америкѣ.—Ночное приключеніе (*разсказъ немльскаго негодянта*).—Подводный городъ (*изъ записокъ путешественника*).—Банковая облигація (*разсказъ*). (Кн. 7).

ЛИТЕРАТУРА. Какъ въ Остѣ-Индіи издають газету.—ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.—Канаты подводнаго телеграфа.—Согрѣваніе безъ топлива.—ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.—Народные театры въ Вѣнѣ.—МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, АНЕК-

ЛОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ.—Магнетизмъ и любовь.—Охота за гагарами.— Два жильца въ одной комнатѣ (*разсказъ*).—Ловля тунца въ древнія и новѣйшія времена.—Тюльпаноманія.—Желѣзная мостовая.—Незодонъ.— Происхожденіе слова *рококо*.—Странный поединокъ.—Выгодное предложеніе.—Электрическія палки.—Новое шампанское.—Заказы обѣда по телеграфу.—Странная судьба одной женщины.—Тайна (*разсказъ*).
(Кн. 8).

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА: Журналы и книги лѣтомъ.—Іюльскія нумера «Отечественныхъ Записокъ», «Библіотеки для Чтенія» и «Современника».—Сѣтованіе «Новаго Поэта» о томъ, что у насъ нѣтъ будто-бы критики.—Послѣдніе пять выпусковъ «Москвитянина».—Движущіеся столы въ литературѣ; «Отшельникъ», истинное происшествіе, и новая брошюра о холерѣ.

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ: Древніе и современники.—Фельетонъ и его антогонисты.—Дневникъ одного петербургскаго джентльмена.—Анахоретъ.—Екатерингофъ и дачи близъ Нарвской заставы.—Напрасныя метаморфозы.—«Марьина-роща», превращенная въ «Монплеизръ», и бывшая «Александрія», переименованная въ «Дорданъ».—Рыцарскіе праздники въ Любекѣ и танцевальныя вечера въ Полуостровѣ.—Первое іюля на Елагиномъ-островѣ.—Невозмутимая тишина въ Мурино и непрерывное движеніе въ Новой-деревнѣ.—Тамошніе потѣшные огни и бенефисы, живыя картины и восковыя фигуры.—Аполлонъ и музы въ Павловскомъ вокзалѣ. (Кн. 7).

I. ЖУРНАЛИСТИКА: Лѣто и журналы.—Раздѣленіе литературы, необозначенное въ риторикахъ.—Вариантъ стиховъ Тредьяковскаго.—Послѣднее сказаніе рецензента русскихъ журналовъ.—«Библіотека для Чтенія» за іюнь и іюль.—Лѣтнія и зимнія статьи.—Переводная критика.—Изящный языкъ Литературной Лѣтописи.—Опечатки и этимологическіе выводы.—Романъ г. Масальскаго.—Повѣсть — *Княгиня*.—Великосвѣтскость, риторика и грамматика.—Новыя мысли госпожи В*, взятыя изъ стараго источника.—*Габріель*, Эмилиа Ожье, въ переводѣ г-на Крешева.—Слабые стихи и неточность перевода.—Сравненія съ подлинникомъ.—Желанія «Библіотеки для Чтенія».—«Современникъ» въ лѣтніе мѣсяцы.—Четвертая часть *Рыбаковъ*.—Неправильность языка.—Стихи и проза г-на Полонскаго.—Латинская комедія, переведенная не по-русски.—Ученыя и критическія статьи.—Буква *Theta*.—Смѣсь и Новый Поэтъ.—Старыя желанія.—Іюньская, іюльская и августовская книжки «Отечественныхъ Запи-

сокъ». — *Марья Михайловна*, романъ г. Михайлова. — Различаютъ ли «Отечественныя Записки» дурные стихи отъ хорошихъ? — Рецензія поэмы г-жи Хвощинской. — Серьезныя статьи. — Журналъ учено-литературный и литературно-ученый. II. **НОВЫЯ КНИГИ**: «Кіевъ и его достопамятности». Сочиненіе *Н. Сементовскаго*. — «Русско-стихосложеніе», *П. Перевальскаго*. — «Планы Санктпетербурга», составленные *Н. Цыловымъ*. — «Опытный маляръ» или полное наставленіе въ малярномъ дѣлѣ, показывающее свойство малярныхъ матеріаловъ, способы обраски и обклейки поверхностей, со включеніемъ смѣтъ по этому производству, доставляющее возможность производить всѣ малярныя работы безъ пособія маляра и архитектора; съ приложеніемъ литографированнаго рисунка, для сельскихъ хозяевъ и домовладѣльцевъ, *Н. Матвѣевскимъ*. — «Таблицы для вычисленія процентовъ», отъ одного дня до ста лѣтъ по 4⁰/₀, 5⁰/₀ и 6⁰/₀, составленные *А. Ерѣ-Енцельмъ*. III. **ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ**: Фельетонъ въ повѣсти и романъ въ фельетонѣ. — Лабиринтъ отдаленныхъ дачъ. — Соловей-чичероне. — Отцвѣтшій холостякъ и цвѣтущій семьянинъ. — Короткое возобновленіе стараго знакомства, или тѣсная дружба по поводу любви. — Три граціи и будущій новый Лафонтенъ. — Ходячая монета или всевѣдущій рассказчикъ. — Голландецъ изъ Америки и сочинитель оперы изъ манежа. — Тулонская дѣвочка. — Фогельсбергъ, Абботсфордъ и Босфоръ. — Веселье не безъ добраго дѣла. — Виолончель и красавецъ. — Патетическое начало романа на минеральныхъ водахъ. — Незнакомые влюбленные, или сила магнетизма глазъ. *Четыре времени года*. — Неудачная поѣздка и обманутое ожиданіе. — *Кабъ* и новая комета. — Последние дни провинціала въ Петербургѣ. — Праздникъ въ новомъ родѣ, на старомъ ладѣ. — Подражанія и совмѣстничество. — Опять *онъ*, или безмолвная встрѣча двухъ героевъ не-соперниковъ. — Отъѣздъ и разлука. — Еще разъ *онъ*, и всѣ въ разныя стороны. — Развязка поневолѣ и неизвѣстное будущее (Кн. 8).

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

УРОКЪ МУЖЬЯМЪ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. *Н. Крестовскаго*. (Кн. 7).

УПРЯМСТВО И НАСТОЙЧИВОСТЬ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. *Г. А. Стойковича*. (Кн. 7).

МОТЯ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. *К. А. Тарновскаго*. (Кн. 8).

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, въ 20-хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фото-литографическихъ портретовъ русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; новейшей музыки русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.*

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

12 р. 50 к. с.; съ пересылкою или доставкою на домъ: 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО

Въ С. Петербургъ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. В. Баунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. За подписку же, принятую въ *другихъ мѣстахъ*, она *ответственности на себя не принимаетъ*.

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ, вначалѣ или среди года, непременно получаютъ **ВСѢ** КНИЖКИ, начиная съ первой, со **ВСѢМИ** слѣдующими къ нимъ приложениями.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ФЕДОРУ АЛЕКСѢВичу КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домъ Лыткина.»

— 7064 *lib 10440* 18252.